

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 3 (19)
2022

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ
КРАСНОЙ АРМИИ

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

АВИАЦИЯ РОССИИ

ВОЕННО-МОРСКОЙ
ФЛОТ РОССИИ

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

РОССИЯ И КИТАЙ

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА
В ТЫЛУ ВРАГА

ГОВОРЯТ СТАЛИНСКИЕ НАРКОМЫ

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ
РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
РОССИИ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ
И ВООРУЖЕННОЕ
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ
ПОДПОЛЬЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

ВОЕННОЕ ДЕЛО В ИНОСТРАННЫХ
АРМИЯХ

СПЕЦСЛУЖБЫ

ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 3 (19)
2022

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВВС СССР;

БОДРЯГИН Александр Николаевич – полковник, президент Союза ветеранов военной разведки;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БУРАВЧЕНКО Валерий Павлович – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

БУРНОСОВ Игорь Лаврентьевич – полковник, член Совета ветеранов военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Премии Правительства РФ;

ИЗМАЙЛОВ Владимир Макарович – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов военной разведки;

КЛИМУК Петр Ильич – дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, летчик-космонавт СССР;

КОРНЕЕВЕЦ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А. М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – заместитель начальника департамента международных организаций МИД РФ;

ЛЕМЗЕНКО Кир Георгиевич – вице-адмирал, ветеран военной разведки;

ЛЁВИН Алексей Гаврилович – Герой Социалистического Труда, президент Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России», кандидат технических наук;

МУХАМЕДЬЯРОВ Геннадий Борисович – генерал-майор авиации, командующий ордена Ленина Московским округом ВВС и ПВО (1997–2001 гг.), Заслуженный военный летчик РФ, летчик-снайпер;

МОЧНОВ Николай Борисович – полковник, ветеран боевых действий, президент Фонда «Резерв», Заслуженный испытатель космической техники, ветеран военной разведки;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук;

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

РЕШЕТНИКОВ Василий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик СССР, участник Великой Отечественной войны;

РОДИОНОВ Юрий Николаевич – генерал-полковник, заместитель министра обороны СССР по кадрам, генеральный инспектор Министерства обороны РФ, кандидат экономических наук, Почетный гражданин города Таганрога;

РОМАНЕНКО Юрий Викторович – дважды Герой Советского Союза, полковник, летчик-космонавт СССР;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, академик РАН;

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, воин-интернационалист, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ХИЛЬКО Борис Витальевич – полковник, кандидат исторических наук, ветеран военной разведки;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУЙКОВ Николай Владимирович – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв».

История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается незабываемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.

Учредители:

Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов
Военно-воздушных сил

Главный редактор:

Владимир Стрюков

Верстка дизайн-макета:

Ирина Васина

E-mail: info@vosslavy.pf

www.vosslavy.pf

Содержание

★ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

А. М. Василевский
Восточно-Прусская операция
1945 года..... 4

★ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Ликвидация хранилищ тяжелой
воды..... 24

★ АВИАЦИЯ РОССИИ

Гордость незабвенной
страны..... 30

★ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ РОССИИ

Андрей Шишкин
Линкор Императрица Мария 42

★ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

Ю. Н. Тихонов
«Марш бросок» разведчика
Лосева..... 50

★ РОССИЯ И КИТАЙ

И. И. Ландер
Спецслужбы гоминдановского
Китая..... 56

★ ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА

А. Н. Асмолов
За линию фронта..... 78

★ ГОВОРЯТ СТАЛИНСКИЕ НАРКОМЫ

Г. А. Куманев
Встречи с Андреем
Васильевичем
Хрулевым..... 100

★ ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Ф. И. Ладыгин
Заметки русского..... 127

★ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

В. С. Широнин
Кто и как готовил разгром
СССР..... 149

★ ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ И ВООРУЖЕННОЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Н. П. Лыков
Разгром националистического
подполья на Украине..... 166

★ ИСТОРИОГРАФИЯ

О коллективизации. Переписки
Сталина и Шолохова 186

Рейд 1-го гвардейского кавалерийского
корпуса..... 208

★ ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

М. В. Александров
Сталин и советско-польская
война 1920 года..... 234

★ НАШИ ЮБИЛЯРЫ

80 лет Климуку Петру
Ильичу..... 243

★ ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Жак Деларю
Антигитлеровский
заговор..... 247

★ ВОЕННОЕ ДЕЛО В ИНОСТРАННЫХ АРМИЯХ

М. И. Иванин
Военное искусство
у среднеазиатских народов
при Тамерлане..... 258

★ ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Кончина Виктора Петровича
Шпака..... 277

★ СПЕЦСЛУЖБЫ

В. Г. Орлов
Двойной агент..... 278

Вальтер Шелленберг
Японская ярмарка шпионов
в Европе..... 293

★ ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

К. К. Рокоссовский
Конец вражеской
группировки..... 299

А.М. ВАСИЛЕВСКИЙ, советский государственный и военный деятель, выдающийся советский полководец, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, начальник Генерального Штаба (1942-1948), главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке (1945), министр Вооруженных Сил (военный министр) СССР (1949-1953).

ВОСТОЧНО-ПРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1945

Восточная Пруссия давно была превращена Германией в главный стратегический плацдарм для нападения на Россию и Польшу. С этого плацдарма было совершено нападение на Россию в 1914 году. Отсюда кайзеровские войска пытались нанести удар по Петрограду в 1918 году. Отсюда же двинулись фашистские полчища в 1941-м.

На протяжении 1941—1945 годов Восточная Пруссия имела важное экономическое, политическое

и стратегическое значение для немецкого верховного командования. Здесь в глубоких подземных убежищах под Растенбургом вплоть до 1944 года располагалась ставка Гитлера, прозванная самими фашистами *Wolfsschanze* («Волчья яма»). Овладение Восточной Пруссией — цитаделью германского милитаризма — составило важную страницу завершающего этапа войны в Европе. Фашистское командование придавало большое значение удержанию Пруссии. Она должна была

прочной прикрыть подступы к центральным районам Германии. На ее территории и в прилегающих к ней районах северной части Польши был возведен ряд укреплений, сильных в инженерном отношении фронтальных и отсечных позиций, а также крупных узлов обороны, насыщенных долговременными сооружениями. Старые крепости в значительной мере модернизировали; все сооружения были прочно связаны между собой в фортификационном и огневом отношении. Общая глубина ин-

женерного оборудования достигла здесь 150—200 км. Особенности рельефа Восточной Пруссии — озера, реки, болота и каналы, развитая сеть железных и шоссейных дорог, крепкие каменные постройки — в значительной степени способствовали обороне. К 1945 году восточно-пруссские укрепленные районы и полосы обороны со включенными в них крепостями, сочетавшимися с естественными препятствиями, не уступали по своей мощи западногерманской «линии Зигфрида», а на отдельных участках превосходили ее. Особенно сильно была развита в инженерном отношении оборона на основном для нас направлении — Гумбиннен, Инстербург, Кенигсберг.

Фашистское командование, опираясь на столь мощные укрепления, рассчитывало, во что бы то ни стало остановить продвижение наших войск. Здесь была сосредоточена крупная группировка войск воссозданной после разгрома в Белоруссии группы армий «Центр» (с 26 января 1945 года группа армий

«Север») (3-я танковая, 4-я и 2-я армии). К середине января 1945 года в группу армий входили 43 дивизии (35 пехотных, 4 танковые, 4 моторизованные) и 1 бригада общей численностью в 580 тыс. солдат и офицеров и 200 тыс. фольксштурмовцев. Они имели 8200 орудий и минометов, 700 танков и штурмовых орудий, 775 самолетов 6-го воздушного флота. Возглавляли группу армий «Север» генерал-полковник Рендулич, а затем генерал-полковник Вейхс.

Началась Восточно-Прусская операция 13 января 1945 года войсками 3-го Белорусского фронта (командующий генерал армии И. Д. Черняховский, член военного совета генерал-лейтенант В. Е. Макаров, начальник штаба генерал-полковник А. П. Покровский) и 14 января — 2-го Белорусского фронта (командующий Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, член военного совета генерал-лейтенант Н. Е. Субботин, начальник штаба генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов). Войска 3-го Белорусского фронта

занимали к тому времени исходное положение по линии Сударги — Нилькаллен — Голдап — Августов; 2-го Белорусского — по рекам Бобр (Бебжа) и Нарев до Сероцка на Буге включительно, с плацдармами на западном берегу Нарева у Рожан и Сероцка. В состав обоих фронтов входили 14 общевойсковых, 1 танковая, 2 воздушные армии, 8 танковых, механизированных и 1 кавалерийский корпус. Общая численность участвовавших в операции войск к тому времени составляла более 1 млн. 600 тыс. человек, имевших на вооружении 25 426 орудий и минометов, более 3800 танков и самоходных артиллерийских установок и свыше 3000 самолетов. Таким образом, на восточно-пруссском направлении и в Северной Польше наши войска превосходили противника в живой силе в 2,1 раза, в артиллерии — в 3,1, в танках — в 5,5, в самолетах — в 4 раза.

Как же планировалась эта операция? В первых числах ноября 1944 года Г. К. Жукова и меня вызвали

▲ Покровский А.П., Черняховский И.Д., Макаров В.Е.

в Москву. 5 ноября войска 3-го Белорусского фронта, в связи с неудачными попытками ворваться в пределы Восточной Пруссии, получили приказ перейти к жесткой обороне в южной Литве. За мной Ставка директивой от 8 ноября оставила руководство операциями 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов, действовавших в северной Литве и в Латвии. В ноябре 1944 года в Генштабе и в Ставке шла разработка плана на зимне-весеннюю кампанию 1945 года.

Восточно-Прусскую группировку гитлеровцев нужно было разгромить, во что бы то ни стало, ибо это освобождало армии 2-го Белорусского фронта для действий на основном направлении и снимало угрозу флангового удара из Восточной Пруссии по прорвавшимся на этом направлении советским войскам.

Согласно замыслу общая цель операции заключалась в том, чтобы отсечь армии группы «Центр», оборонявшиеся в Восточной Пруссии, от остальных фашистских сил, при-

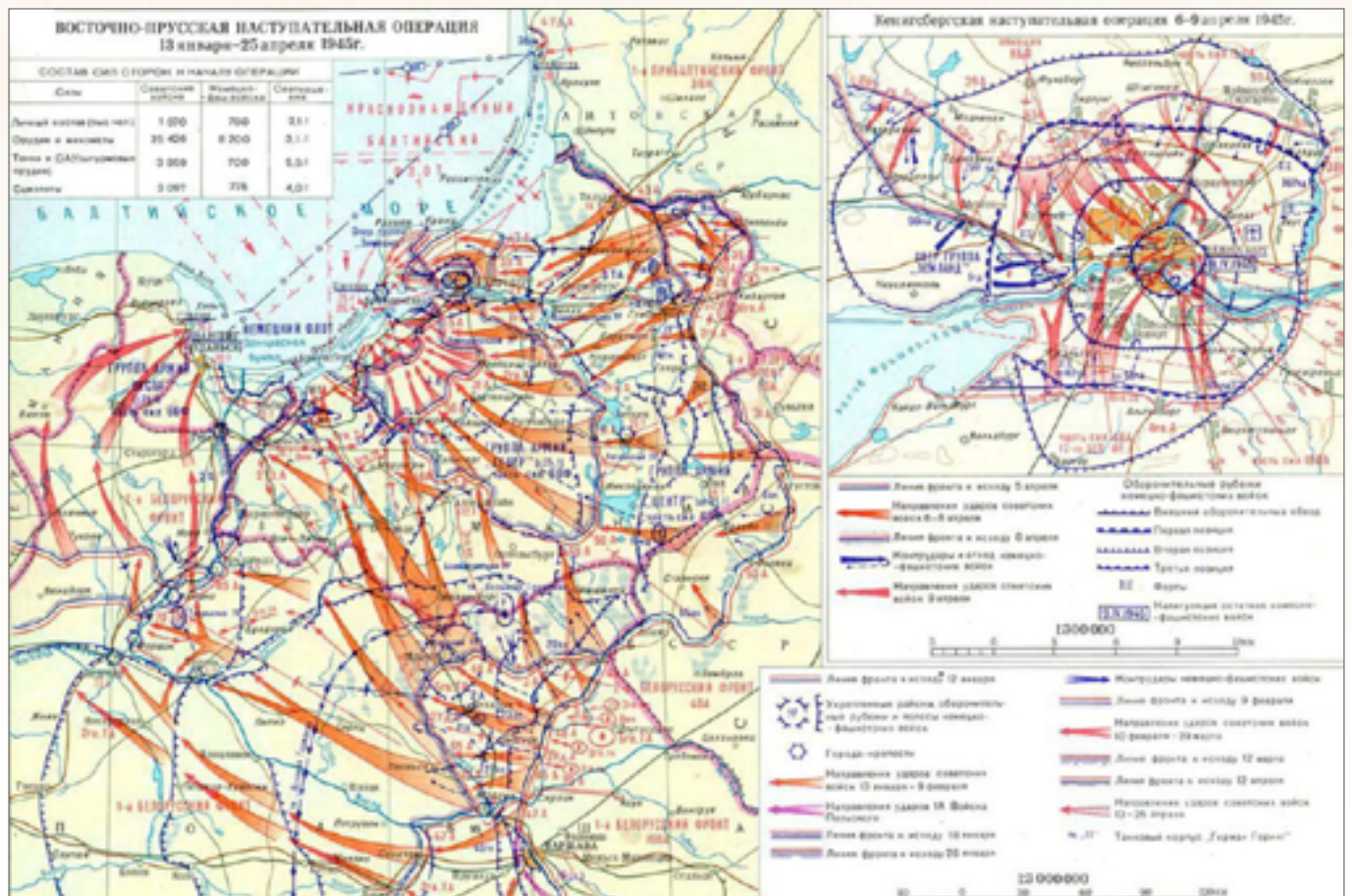
жать их к морю, расчленив и уничтожить по частям, полностью очистив от врага территорию Восточной Пруссии и Северной Польши. Успех такой операции в стратегическом отношении был исключительно важен и имел значение не только для общего наступления советских войск зимою 1945 года, но и для исхода Великой Отечественной войны в целом.

Сначала войска 3-го и 2-го Белорусских фронтов должны были согласованными концентрическими ударами отсечь восточно-прусскую группировку врага от его основных сил и прижать к морю.

Затем войска 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов должны были окружить вражеские войска и уничтожить их по частям. При этом из 3-го Белорусского в 1-й Прибалтийский фронт, а из 2-го Белорусского в 3-й Белорусский передавалась часть войск. Ставка посылала на эти фронты дополнительные войсковые усиления из своего ре-

зерва. Предполагалось, что в ходе операции 2-й Белорусский фронт в тесном взаимодействии с 1-м Белорусским будет перенацелен для действий на основном направлении — через Восточную Померанию на Штеттин. В соответствии с произведенными Генеральным штабом расчетами, операция должна была начаться в середине января 1945 года.

12 ноября 1944 года Г.К. Жуков назначили командующим 1-м Белорусским фронтом, К.К. Рокоссовского — 2-м Белорусским. Руководство операциями всех Белорусских фронтов, а следовательно, руководство подготовкой и проведением Восточно-Прусской операции перешло непосредственно к Верховному Главнокомандующему. Поэтому командующие войсками фронтов для согласования принятого Ставкой плана операций вызывались непосредственно к Верховному. Мне не пришлось быть участником этих встреч, так как я находился в При-

▲ В центре адмирал Трибуц В.Ф.

балтике. О ходе подготовки операции и руководстве фронтами со стороны Ставки рассказывают следующие директивы командующим. Директивой командующему 3-м Белорусским фронтом от 3 декабря приказывалось: провести наступательную операцию с целью разгрома тильзитско-инстербургской группировки противника и через 10—12 дней овладеть рубежом Немониен, Жаргиллен, Норкиттен, Даркемен, Голдап. Затем, прочно обеспечивая главную группировку фронта с юга, развивать наступление на Кенигсберг по обоим берегам реки Прегель, имея главные силы на ее южном берегу.

Главный удар силами четырех общевойсковых армий и двух танковых корпусов фронт, согласно директиве, должен был нанести из района севернее Шталлупенен, Гумбиннен в общем направлении на Маллвишкен, Ауловенен, Велау.

Во втором эшелоне фронт должен иметь одну армию (2-ю гвардейскую) с танковым корпусом и использовать ее после прорыва для наращивания удара на главном направлении.

Действия главной группировки войск Ставка предписывала обеспечить с севера со стороны Немана — обороной одного стрелкового корпуса 39-й армии и наступлением ее главных сил в направлении Тильзит; с юга — обороной 28-й армии южнее Вальтеркемен и наступлением части ее сил из-за левого фланга участка прорыва в общем направлении на Даркемен. 31-я армия должна была прочно оборонять занимаемый ею фронт к югу от Голдап. Танковый корпус приказывалось использовать для развития успеха после прорыва на главном направлении.

Командующий 2-м Белорусским фронтом директивой Ставки от 28 ноября обязывался подготовить и провести операцию по разгрому пшаснышко-млавской группировки противника и не позднее 10—11 дня наступления овладеть рубежами Мышинец — Вилленберг — М. Бержунь — Плоцк, в дальнейшем наступать в направлении на Ново-Място, Мариенбург. Главный удар наносили 3 общевойсковые, 1 танковая армии и 3 корпуса от Ружан через Млаву

в направлении на Лидзбарк; во втором эшелоне фронта находилась одна армия, которая вводилась после прорыва с ружанского плацдарма. Она должна была свернуть оборону противника перед правым крылом фронта и обезопасить главную группировку от удара врага с севера. Второй удар 2 общевойсковые армии и 1 танковый корпус наносили южнее с сероцкого плацдарма, в направлении на Плоньск и Бельск. Кроме того, содействуя 1-му Белорусскому фронту в разгроме варшавской группировки противника, часть сил левого крыла 2-го Белорусского фронта должна была наступать в обход Модлина с запада, чтобы не допустить отхода варшавской группировки на Вислу, и форсировать Вислу западнее Модлина.

Краснознаменному Балтийскому флоту (командующий адмирал В.Ф. Трибуц, член военного совета вице-адмирал Н.К. Смирнов, начальник штаба контр-адмирал А.Н. Петров) Ставка приказывала всемерно содействовать войскам фронтов, наступавшим вдоль морского побережья.

▲ Антонов А.И., Горбатов А.В.

Командующий 3-м Белорусским фронтом Черняховский решил нанести главный удар на Инстербург, Велау (ударная группировка: 39-я армия генерал-лейтенанта И.И. Людникова, 5-я — генерал-полковника Н.И. Крылова, 28-я — генерал-лейтенанта А.А. Лучинского, 11-я гвардейская — генерал-полковника К.Н. Галицкого, 1-й и 2-й гвардейские танковые корпуса). 2-я гвардейская армия генерал-лейтенанта П.Г. Чанчибадзе наносила вспомогательный удар на Даркмен. 31-я армия генерал-полковника В.В. Глаголева (с 17 января ею командовал генерал-лейтенант П.Г. Шафранов) должна была обороной на широком фронте обеспечить левое крыло и быть готовой перейти в наступление в направлении от Сувалок на Летцен. Действовавшая севернее всех, на левом крыле 1-го Прибалтийского фронта, 43-я армия генерал-полковника А.П. Белобородова ударом на Тильзит помогала наступлению 3-го Белорусского фронта. С воздуха наземные войска поддерживала 1-я воздушная армия

генерал-полковника Т.Т. Хрюкина и 3-я воздушная армия генерал-полковника Н.Ф. Папивина.

Во 2-м Белорусском фронте главный удар наносили 3-я армия генерал-полковника А.В. Горбатова, 48-я — генерал-полковника Н.И. Гусева, 2-я ударная — генерал-полковника И.И. Федюнинского и 5-я гвардейская танковая армия — генерал-полковника танковых войск В.Т. Вольского. С севера их удар обеспечивался наступлением на Ортельсбург 49-й армии генерал-лейтенанта И.Т. Гришина и обороной на широком фронте самой правофланговой, 50-й армии генерал-лейтенанта И.В. Болдина (затем ею командовал генерал-лейтенант Ф.П. Озеров). Второй удар наносили на левом крыле фронта в направлении на Грауденц (Грудзендз); и Торн. (Торунь) 65-я армия генерал-полковника П.И. Батова и 70-я — генерал-полковника В.С. Попова. Они должны были прикрыть наступление наших войск на варшавско-берлинском направлении. 4-я воздушная армия генерал-полковника авиации

К.А. Вершинина поддерживала сухопутные войска с воздуха.

Начали наступление фронты успешно (3-й Белорусский — 13 января, 2-й Белорусский — 14 января). Этому во многом содействовала сильнейшая артподготовка. Замечу попутно, что Восточно-Прусская операция по расходу боеприпасов вообще не имела себе равных среди всех операций в истории войн. Два фронта получили 13,3 млн. снарядов и мин, 620 млн. патронов, 2,2 млн. ручных гранат. Только за 13—14 января войска 3-го Белорусского фронта израсходовали более 1000 вагонов основных номенклатур боеприпасов, а войска 2-го Белорусского лишь за 14 января — свыше 950 вагонов. Всего же оба фронта израсходовали более 15 тыс. вагонов боеприпасов. Для перегрузки их из вагонов и подачи в войска потребовалось (в перерасчете на 2,5-тонные автомашины) около 100 тыс. автомобилей.

К 18 января немецкие войска, несмотря на отчаянное сопротивление, потерпели тяжелое поражение в местах главных ударов наших ар-

мий и начали отступать от рубежа к рубежу, постоянно вводя в бой свежие силы. 21 января 1945 года К. К. Рокоссовский получил директиву Ставки о продолжении наступления на Дейч-Эйлау и Мариенбург с тем, чтобы не позднее 2—4 февраля овладеть Эльбингом, Торном и отрезать противнику все пути отхода из Восточной Пруссии к Одеру. В дальнейшем следовало действовать основными силами в полосе между Данцигом и Штеттином.

До конца января, ведя упорнейшие бои, 2-й и 3-й Белорусские фронты все же не сумели выполнить все задачи, поставленные Верховным Главнокомандованием. Но они нанесли врагу серьезный урон, потеснили его и овладели значительной частью Восточной Пруссии. Войска 2-го Белорусского фронта, выйдя к заливу Фришес-Хафф, отделенному косой от Данцигской бухты, и войска 3-го Белорусского, выйдя к морю севернее и южнее Кенигсберга, отрезали восточно-прусскую группировку от остальных немецко-фашистских сил и расчленили уцелевшие от разгрома войска группы армий «Север» на три части. 4 дивизии противника были прижаты к морю на Земландском полуострове; 5 дивизий с крепостными частями заблокированы в Кенигсберге; до 20 дивизий окружены юго-западнее Кенигсберга. Одновременно 1-й Прибалтийский фронт, обеспечивавший с севера действия 3-го Белорусского фронта, овладел 28 января крупным морским портом Мемель (Клайпеда). Таким образом, немецко-фашистское командование почти полностью лишилось возможности наносить удары из Восточной Пруссии по советским войскам, наступавшим на берлинском направлении. Противник несет тяжелые потери. На первом этапе Восточно-Прусской операции в плен было взято до 52 тыс. солдат и офицеров, захвачено много вооружения и боевой техники. Красная Армия освободила из восточно-пруссских концентрационных лагерей до 68 тыс. граждан стран Европы. Таковы итоги первого этапа Восточно-Прусской операции.

Мне приходилось читать в некоторых книгах упреки в адрес Ставки и Генерального штаба по поводу недостаточных темпов реализации замыслов оперативного плана. Было бы неверно утверждать, что Ставка и Генеральный штаб не допускали ошибок. Были они и при проведении Восточно-Прусской операции. Допустим, нам не удалось предотвратить отход главных сил 2-й немецкой армии за Вислу, в Восточную Померанию. Этот упрек в адрес

тогдашних работников Ставки и Генштаба справедлив. Но не следует приписывать Ставке и Генштабу то, что они не принимали мер к ускорению темпов проведения операции. Это противоречит истине. Необоснованным является обвинение Ставки и Генерального штаба также в том, что они, планируя Восточно-Прусскую операцию, с самого начала всецело возлагали задачу ликвидации восточнопрусской группировки немцев лишь на 3-й Белорусский

▲ Вольский В.Т.

▲ А.М. Василевский и И.Х. Баграмян

фронт, а основные усилия 2-го Белорусского направляли не против этой группировки и на взаимодействие не с 3-м, а с 1-м Белорусским фронтом, решавшим задачи на варшавско-берлинском направлении. Несправедливо также упрекать Ставку и в том, что только в ходе операции, когда выяснилось, что 3-й Белорусский фронт не сможет справиться с возложенной на него задачей, она была вынуждена в начале 20-х чисел января повернуть основные силы 2-го Белорусского фронта на север или даже на северо-восток. Это решение, как утверждают некоторые, явилось для 2-го Белорусского фронта не только крайне неожиданным, но и поставило его в исключительно трудное положение. Архивные документы — директивы Ставки, которые легли в основу проведения данной операции, убедительно доказывают несостоятельность таких обвинений.

В связи с тем, что Ставка в начале февраля приняла решение о переходе Прибалтийских фронтов к временной обороне, а И.В. Сталин и А.И. Антонов отбыли на Ялтинскую конференцию глав великих держав, мне было приказано возвратиться к выполнению обязанностей начальника Генерального штаба и заместителя наркома обороны. Руководство операциями Прибалтийских фронтов было возложено на командующего Ленинградским фронтом Л.А. Говорова.

По решению Ставки 6 февраля 2-й Прибалтийский фронт вобрал в себя войска 1-го Прибалтийского, управление которого в свою очередь приняло 43-ю, 39-ю и 11-ю гвардейскую армии из 3-го Белорусского фронта, получившего 50-ю, 3-ю, 48-ю, 5-ю гвардейскую танковую армии и 8-й гвардейский танковый корпус 2-го Белорусского фронта.

Суть этих перестановок, которыми мне пришлось заниматься, заключалась в том, чтобы армии 2-го Белорусского фронта могли уделить основное внимание Северной Германии. Теперь армии 2-го Белорусского фронта, выйдя на Вислу к югу от Мариенбурга, как и намечалось первоначальным планом, перенацеливались Ставкой для действий непосредственно в Померании.

8 февраля с согласия Сталина (полученного из Ялты по телефону) я дал К.К. Рокоссовскому следующую директиву:

«1. Центром и левым крылом фронта (2-я ударная армия, 65-я, 49-я, 70-я армии, 1-й гвардейский танковый корпус, 8-й механизированный корпус, 3-й гвардейский кавалерийский корпус и не менее четырех арtdивизий прорыва) 10 февраля перейти в наступление к западу от реки Висла и не позже

20. II овладеть рубежом устье р. Вислы — Диршау — Берент — Руммельсбург — Нойштеттин.

2. В дальнейшем, с подходом 19-й армии, развивать наступление в общем направлении на Штеттин, овладеть районом Данциг, Гдыня и очистить от противника побережье вплоть до Померанской бухты».

10 февраля начался второй этап боевых действий советских войск в Восточной Пруссии — ликвидация изолированных группировок немецко-фашистских войск. Выполнение этих задач Верховное Главнокомандование возложило на 3-й Белорусский и 1-й Прибалтийский фронты. Наряду с вышеупомянутыми перемещениями, кроме того, из Прибалтики к Инстербургу перебрасывалось управление 3-й воздушной армии. Туда же, поближе к району боевых действий, переезжало и управление 1-го Прибалтийского фронта. По директиве Ставки от 9 февраля, войска 3-го Белорусского фронта должны были закончить ликвидацию хейльсбергской группировки противника, оборонявшейся к югу от Кенигсберга, к 20—25 февраля. Балтийский флот, активными действиями обязан был сорвать снабжение Курляндских и восточно-пруссских войск врага, цеплявшегося за каждый метр земли.

Нам стало известно, что немецкие войска, действовавшие в Восточной Пруссии, получили задачу упорно оборонять занимаемые ими районы, чтобы как можно дольше сковывать здесь советские войска и не допустить их переброски на берлинское направление. Особое внимание при этом фашистское командование уделяло обороне хейльсбергского укрепленного района, крепости Кенигсберг и военно-морской базы Пиллау (Балтийск).

Ликвидация хейльсбергской группировки началась 10 февраля и проходила в исключительно тяжелых условиях. Хейльсбергский укрепленный район имел свыше 900 железобетонных и множество деревянных оборонительных сооружений, а также противотанковые и противопехотные заграждения. С упорством обреченных цепляясь за каждый рубеж, за каждое укрепление, гитлеровцы стремились задержать наше продвижение вперед. Войска 3-го Белорусского фронта были утомлены ожесточенными боями, несли большие потери. Это снижало их ударную силу. 15 февраля в докладе на мое имя об этом сообщал К. К. Рокоссовский. Восполнить потери к началу второго этапа операции не удалось, так как основное

внимание советское командование уделяло, естественно, берлинскому направлению. Обстановку осложняла резко ухудшившаяся погода. Действия наших войск приняли весьма напряженный и довольно затяжной характер. Преодолевая одну оборонительную позицию за другой, они медленно продвигались вперед, стремясь расколоть хейльсбергскую группировку на части, но желаемого успеха не имели.

В ночь на 18 февраля Верховный Главнокомандующий после моего сообщения о положении дел в Восточной Пруссии порекомендовал мне выехать туда для помощи войскам и командованию, подчеркнув, что быстрее ликвидация врага в Восточной Пруссии позволила бы нам за счет войск 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, во-первых, усилить основное, берлинское, направление и, во-вторых, освободить необходимую часть войск для подготовки их к переброске на Дальний Восток. Он посоветовал мне заранее наметить для этой цели две-три лучшие армии и предупредил, что через 2—3 месяца после капитуляции Германии я могу быть послан для руководства боевыми действиями на Дальнем Востоке. (Забегая вперед, скажу, что дейст-

▲ Дот

вительно две из трех общевойсковых армий, направленных в мае — июне 1945 года с запада на восток (5-я и 39-я), были взяты из состава войск, действовавших в Восточной Пруссии.)

Приняв рекомендацию отправиться на работу в Восточную Пруссию, я попросил освободить меня от должности начальника Генерального штаба, мотивируя это тем, что сейчас большую часть времени я стал находиться непосредственно на фронте, выполняя задания Ставки, а в Москве бываю лишь по вызовам. Я предложил утвердить в этой должности фактически исполнявшего ее А.И. Антонова, оставив за мной лишь должность заместителя наркома обороны. Помню, Сталин с удивлением спросил:

— А разве вас не обидит такое решение?

Услышав мой ответ, он обратился к находившемуся здесь же Антонову и поинтересовался, как он относится к моему предложению. Алексей Иннокентьевич сказал, что не разделя-

ет его. Сталин пообещал подумать, а пока подписал директиву Ставки, согласно которой я, как ее представитель, обязан был взять на себя с 22 февраля руководство боевыми действиями 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов. В заключение Сталин спросил, когда я смогу отправиться на фронт. Я назвал следующий день. Верховный разрешил мне дня два побыть с семьей, сходить в театр, а 19-го вечером накануне отъезда просил вновь зайти к нему.

Разговор происходил ночью. А днем 18 февраля пришло известие, что в районе города Мельзак смертельно ранен И.Д. Черняховский. В правительственном извещении говорилось: «18 февраля скончался от тяжелого ранения, полученного на поле боя в Восточной Пруссии, командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии Черняховский Иван Данилович — верный сын большевистской партии и один из лучших руководителей Красной Армии. В лице товарища Черняховского государство потеряло одного

из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Великой Отечественной войны...»

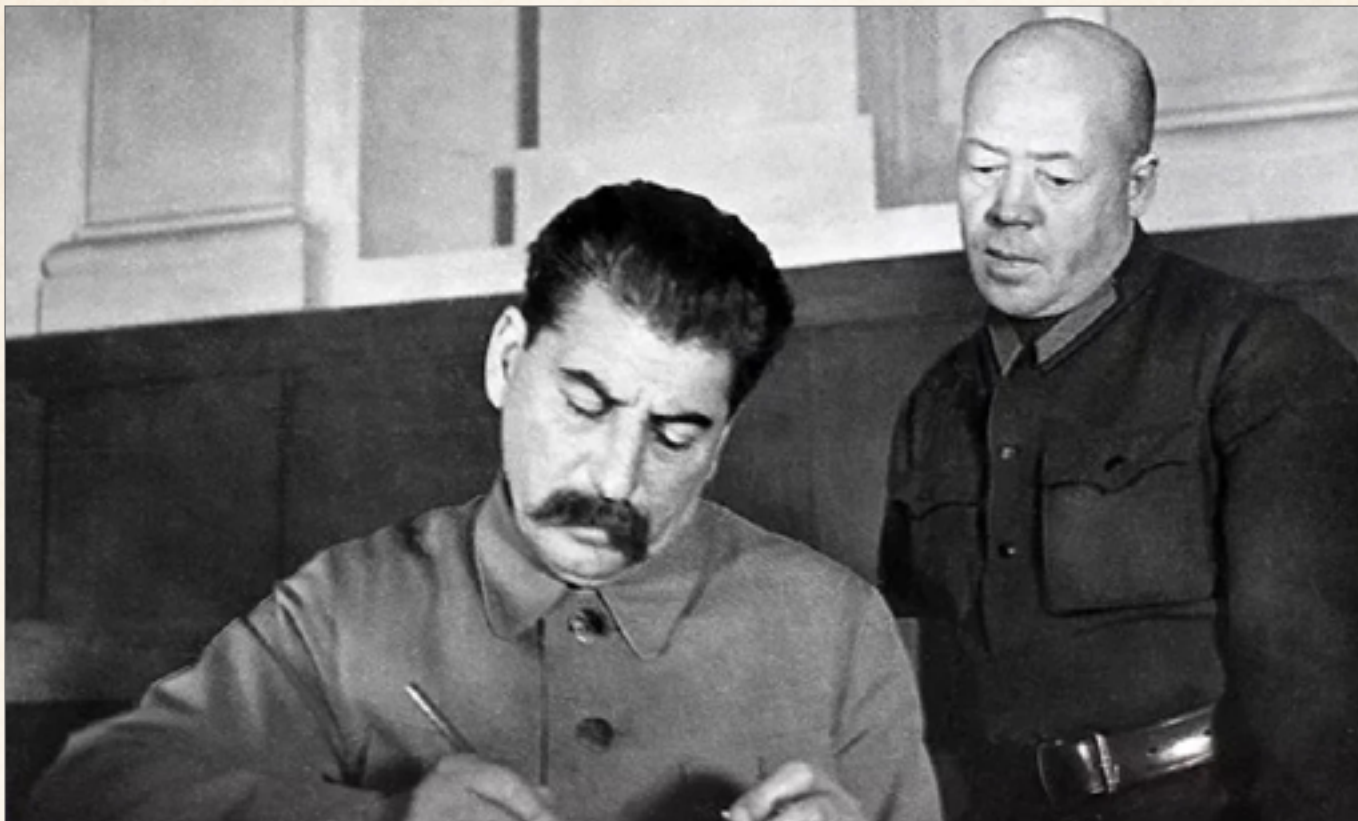
Я узнал о смерти Ивана Даниловича, находясь в Большом театре. Во время спектакля ко мне тихо подошел мой адъютант П.Г. Копылов и сказал, что меня просит к телефону Верховный Главнокомандующий. Он-то и сообщил мне эту горестную весть и сказал, что Ставка намерена поставить меня во главе 3-го Белорусского фронта.

Утрату Ивана Даниловича я переживал очень тяжело. Я близко и хорошо знал его, ценил в нем отличного полководца, беспредельной честности коммуниста, исключительной души человека. Наше первое знакомство состоялось в январе 1943 года, при подготовке и проведении Воронежско-Касторненской операции. И.Д. Черняховский командовал тогда 60-й армией. Начав довольно робко свою первую наступательную армейскую операцию, причем в крайне неблагоприятных погодных условиях, он, быстро ов-

▲ Василевский А.М., Черняховский И.Д. (в центре) допрашивают плененных Хиттера и Гольвитцера Витебск 1944 г.

▲ Сталин И.В. и Поскребышев А.Н.

ладев собой и взяв в руки армию, блестяще выполнил поставленную задачу, освободив в первый же день Воронеж. Еще более блистательным результатом оперативного руководства со стороны молодого командарма явились боевые действия его армии при взятии Курска: город был взят в течение суток.

Особенно сблизила нас с Иваном Даниловичем общая работа в Белоруссии. Она протекала в атмосфере взаимного доверия, уважения и желания помочь друг другу. Черняховский возглавлял один из ведущих фронтов — 3-й Белорусский. То была первая фронтовая операция, которую проводил самый молодой в Красной Армии, исключительно талантливый и энергичный командующий фронтом.

Хорошее знание войск, многообразной и сложной боевой техники, умелое использование опыта других, глубокие теоретические знания позволяли Черняховскому отлично управлять войсками, входившими в состав его фронта, решать слож-

нейшие задачи, которые ставило перед ним Верховное Главнокомандование. В бою Черняховский находился на наиболее ответственных участках, внимательно следя за действиями своих войск и противником. Он чутко прислушивался к мнению подчиненных. Смело использовал все новое и полезное в обучении войск и организации боя. Солдаты, офицеры и генералы любили своего командующего, прежде всего, за человечность и заботу о них, за отвагу и бесстрашие, за твердость и настойчивость при проведении в жизнь решений, за прямоту и простоту в обращении, за гуманность и выдержку, за требовательность к себе и к подчиненным. Да, он был строг и требователен. Но никогда не позволял себе унижать достоинство человека...

Вечером 19 февраля перед отъездом на фронт я был у Верховного Главнокомандующего. Он дал мне ряд советов и указаний, касающихся предстоявшей работы. Прощаясь, пожелал мне и войскам победы и успехов. В приемной А.Н. Поскре-

бышев вручил мне два пакета. В одном из них лежал приказ Ставки от 18 февраля. В нем говорилось:

«1. Ввиду смерти командующего войсками 3-го Белорусского фронта генерала армии Черняховского И.Д., последовавшей от тяжелого ранения, назначить командующим войсками 3-го Белорусского фронта Маршала Советского Союза Василевского А.М. Маршалу Василевскому вступить в командование войсками фронта не позже 21 февраля с.г. 2. До прибытия на фронт Маршала Василевского исполнение обязанностей командующего войсками фронта возложить на начальника штаба фронта генерал-полковника Покровского. 3. Приказ Ставки Верховного Главнокомандования от 17.II о возложении на Маршала Советского Союза Василевского руководства действиями 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов отменить».

Во втором пакете я обнаружил документ, который был для меня неожиданным,— постановление

▲ Голованов А.Е.

ГКО о том, что во изменение постановления ГКО от 10 июля 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования Вооруженных Сил утверждается в следующем составе: Верховный Главнокомандующий и нарком обороны Маршал Советского Союза Сталин И. В., заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Жуков Г. К., заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Василевский А. М., заместитель наркома обороны генерал армии Булганин Н. А., начальник Генерального штаба генерал армии Антонов А. И., главком Военно-Морского Флота адмирал флота Кузнецов Н. Г. Недоумевая, я спросил Поскребышева, чем вызвано это постановление? Ведь на протяжении почти всей войны я, будучи начальником Генерального штаба и заместителем наркома обороны, членом Ставки официально не состоял. Не были членами Ставки ни один из командующих фронтами, за исключением Г. К. Жукова. Поскребышев, улыбнувшись, ответил, что он знает об этом ровно столько же, сколько и я.

▲ Щербаков А.С.

20 февраля я прибыл в Восточную Пруссию в штаб 3-го Белорусского фронта и 21 февраля вступил в командование. Моя непосредственная работа в войсках этого фронта на протяжении почти всей Белорусской операции летом 1944 года позволила мне быстро освоиться на новом поприще, так как я отлично знал не только руководящий состав фронтового управления, но также армейское и корпусное командование большинства армий, входивших во фронт.

С членом военного совета генералом В. Е. Макаровым у меня сразу же установился хороший деловой контакт. Мы понимали друг друга и свои действия согласовывали без осложнений. Насколько позволяло время, я старался быть в курсе всей партийно-политической работы в войсках. Должен сказать, что я и до этого не имел ни трений и ни тем более конфликтов с членами военных советов, на каком бы фронте я ни находился. Напротив, у меня были с ними хорошие отношения. В связи с этим хочу отметить особенно теплые отношения между мною

и начальником Главного политического управления Красной Армии А. С. Щербаковым. Он всегда согласовывал со мной принципиальные вопросы, требующие мнения Генерального штаба. Почти каждое утро Александр Сергеевич звонил мне в Генеральный штаб, а если я находился на фронте,— туда, и спрашивал, какова обстановка, что нового в развитии военных действий. Как-то Александр Сергеевич сказал мне:

— Вы берете трубку, и я уже по вашему голосу догадываюсь, каковы дела на фронтах.

И. В. Сталин очень доверял А. С. Щербакову. Материалы, согласованные с Александром Сергеевичем или завизированные им, он подписывал без задержки. Бывало, позвонит А. С. Щербаков и скажет:

— Александр Михайлович, товарищ Сталин занят по горло делами и вряд ли я попаду к нему. Поэтому я пришлю вам папку со срочными делами, будьте добры — доложите.

Когда я начинал докладывать главпуровские документы, Сталин иногда спрашивал меня:

— Вы, товарищ Василевский, переговорили с Щербаковым и знакомы с этими документами?

— Я не открывал папку,— как правило, отвечал я.

Но Сталин уже подписывал со словами:

— Ему можно верить.

Так случалось в основном лишь с материалами начальника Главного политического управления Красной Армии, в отличие от документов, которые мне приходилось докладывать Сталину по просьбе начальников тех или иных управлений Наркомата обороны...

Обстановка под Кенигсбергом была тогда достаточно сложной. Пока 3-й Белорусский вел затяжные бои по уничтожению хейльсбергской группировки противника, 1-й При-

балтийский действовал на Земландском полуострове и под самим Кенигсбергом. Чтобы не распылять наших сил, Верховное Главнокомандование 17 февраля приказало командующему 1-м Прибалтийским фронтом И.Х. Баграмяну организовать прочную оборону вокруг Кенигсберга, сосредоточив основные усилия на ликвидации с 20 по 27 февраля земландской группировки противника. Но фашисты упредили наступление наших войск. Пополнив оперативную группу «Земланд» войсками, переброшенными по морю из Курляндии, 19 февраля гитлеровцы с целью деблокирования кенигсбергской группировки нанесли два внезапных встречных удара: из Кенигсберга и с Земландского полуострова. После трехдневных ожесточенных боев

им удалось оттеснить войска фронта и создать коридор, соединивший кенигсбергскую группировку с земландской.

Учитывая это, а также и то, что операции по ликвидации здесь вражеских группировок требовали единого руководства, Ставка Верховного Главнокомандования приняла 21 февраля решение передать войска, действовавшие в Восточной Пруссии, 3-му Белорусскому фронту, возложив на него в дальнейшем ответственность за ликвидацию всех находившихся там соединений противника. В соответствии с этим решением 1-й Прибалтийский фронт с 24 часов 24 февраля 1945 года упразднился, а его войска, переименованные в Земландскую группу, включались в состав 3-го Бело-

▲ Центр Кенигсберга

русского фронта. Генерал армии И. Х. Баграмян был назначен командующим Земландской группой войск и одновременно заместителем командующего 3-м Белорусским фронтом. Начальник штаба 1-го Прибалтийского фронта генерал-полковник В. В. Курасов стал начальником штаба Земландской группы, член военного совета фронта генерал-лейтенант М. В. Рудаков — соответственно членом военного совета этой группы войск. Таким образом, в состав объединенного 3-го Белорусского фронта теперь вошли 2-я гвардейская, 43-я, 39-я, 5-я, 50-я, 11-я гвардейская, 31-я, 28-я, 3-я и 48-я общевойсковые армии, 1-я и 3-я воздушные армии.

До конца февраля шли напряженные бои. Гитлеровские войска и с ними отряды СД (служба безопасности при рейхсфюрере СС), СА (штурмовики), СС ФТ (военные группы охранников), молодежные спортгруппы «Сила через радость», ФС (добровольные стражники), подразделения НСНКК (фашистские моторизованные группы), ЗИПО (полиция безопасности) и ГФП (тайная полевая полиция) ожесточенно сопротивлялись.

Советские войска несли серьезные потери. Резко сократился боевой состав частей, снизилась ударная сила фронта. Пополнение почти не поступало, так как Советское Верховное Главнокомандование по-прежнему все усилия направляло на берлинское направление. Большие затруднения испытывали мы и с материальным обеспечением войск, особенно со снабжением горючим. Тылы значительно отстали и были не в состоянии своевременно обеспечивать войска. Между тем, в составе группы армий «Север», оборонявшей Восточную Пруссию, все еще насчитывалось около 30 дивизий, из них 11 оборонялись на Земландском полуострове и в Кенигсберге, а 19 — южнее и юго-западнее Кенигсберга.

Эти обстоятельства вынудили нас временно прекратить активные бои на Земландском полуострове с тем, чтобы начать последовательную лик-

видацию других группировок врага: сначала разгромить наиболее крупную, хейльсбергскую группировку; затем, перестроив войска, нанести последовательные, хорошо подготовленные удары по кенигсбергской и, наконец, по земландской группировке. Операция затягивалась. Но другого выхода у командования фронта не было. Чтобы расчленил и затем уничтожить хейльсбергскую группировку, решено было нанести два одновременных рассекающих удара в общем направлении на Хейлигенбейль с востока и юго-востока. Наши воздушные армии должны были помочь наземным войскам решить эту нелегкую задачу. Двадцать дней, с 22 февраля по 12 марта, войска готовились к наступлению. Принимались все меры к тому, чтобы пополнить боевой состав частей и соединений, накопить боеприпасы; велась тщательная разведка.

Во второй половине марта, действуя в условиях весенней распутицы и сплошных туманов, наши войска сумели реализовать свой замысел, расчленив и разгромив гитлеровцев, занимавших хейльсбергский укрепленный район. В ходе двухнедельных ожесточенных боев было уничтожено более 93 тыс. и взято в плен 46 тыс. немецких солдат и офицеров, захвачено 600 танков и штурмовых орудий, 3560 полевых орудий, 1440 минометов, 128 самолетов.

На очередь дня стала задача разгрома кенигсбергской группировки врага.

Никогда не забыть сражения на южном берегу залива Фришес-Хафф. Весеннее половодье вывело реки из берегов и превратило всю местность в болото. По колено в грязи советские воины сквозь огонь и дым пробивались в середину фашистской группировки. Пытаясь оторваться от наших войск, противник в панике бросился к баржам, лодкам, пароходам и потом взорвал дамбу. Под хлынувшими на равнину волнами остались тысячи гитлеровских солдат. А те, что уцелели, попали под огонь советских войск. Наши летчики обстреливали уходящие в море суда и баржи с фашистами...

В гарнизон Кенигсберга входили тогда 4 пехотные дивизии, ряд отдельных полков, крепостные части, охранные подразделения, отряды фольксштурмовцев — около 130 тыс. солдат, почти 4 тыс. орудий и минометов, более 100 танков и штурмовых орудий. На аэродромах Земландского полуострова базировались 170 самолетов. По распоряжению команданта крепости был построен аэродром прямо в городе.

Помимо внешнего оборонительного обвода, преодоленного нашими войсками еще во время январских боев, гитлеровцы создали еще три оборонительные позиции с долговременными сооружениями и противотанковыми препятствиями. Первая, оборудованная в 6—8 км от центра города, состояла из нескольких линий сплошных заграждений и минных полей. На ней находилось полтора десятка старых, но еще очень прочных фортов, в каждом из которых размещался солидный гарнизон. По городским окраинам проходила вторая позиция, включавшая в себя каменные здания, баррикады и железобетонные огневые точки. Третью позицию, опоясывавшую центральную часть города, составляли главным образом бастионы, рavelины, башни и крепкие постройки. В самом центре Кенигсберга находилась старинная цитадель, вмещавшая несколько тысяч человек. Этот внутренний гарнизон был укомплектован на иболее оголтелыми фашистами.

План разгрома кенигсбергской группировки состоял в том, чтобы мощными ударами с севера и юга по сходящимся направлениям рассеять силы гарнизона и штурмом овладеть городом. Для сковывания земландской группировки врага из района Кенигсберга планировался вспомогательный удар в западном направлении, в сторону Пиллау (Балтийск). Для проведения штурмовой операции привлекались войска, входившие в Земландскую группу: 43-я, 50-я, 11-я гвардейская и 39-я армии. Основная роль при штурме города отводилась огню артиллерии всех калибров, включая орудия особой мощности, а также действиям ави-

ации, которые должны были сопровождать войска и полностью деморализовать обороняющегося противника.

Ставка предоставила фронту дополнительные, наиболее мощные средства подавления из Резерва Верховного Главнокомандования. К началу штурма фронт имел 5000 орудий и минометов, 47% из них составляли орудия тяжелые, затем большой и особой мощности — калибром от 203 до 305 мм. Для обстрела наиболее важных целей, а также для того, чтобы не дать противнику эвакуировать войска и технику по Кенигсбергскому морскому каналу, предназначались 5 морских железнодорожных батарей (11—130-мм и 4 — 180-мм орудия, последние — с дальностью стрельбы до 34 км). Наступавшим на город наземным войскам помогали выделенные в подчинение командирам стрелковых дивизий орудия крупных калибров (152- и 203-мм) и 160-мм

минометы. Для разрушения особо прочных зданий, построек и инженерных сооружений создавались корпусные и дивизионные группы, которым была придана особой мощности реактивная артиллерия. Штурмовые войсковые группы также до предела насыщались артиллерией: у них имелось до 70% дивизионной артиллерии, а в ряде случаев и тяжелые орудия.

К операции привлекались 2 воздушные армии 3-го Белорусского фронта, часть сил авиации Ленинградского, 2-го Белорусского фронтов и Краснознаменного Балтийского флота и тяжелые бомбардировщики 18-й воздушной армии Авиации дальнего действия под руководством Главного маршала авиации А. Е. Голованова. В штурме Кенигсберга участвовало 2500 самолетов. Ни днем, ни ночью не прекращали они своих действий. И тогда трудно было представить, что на свете бывает тишина. Общее руководство ави-

ацией осуществлял командующий Военно-Воздушными Силами Красной Армии Главный маршал авиации А. А. Новиков.

Подготовка к штурму Кенигсберга велась одновременно с ликвидацией хейльсбергской группировки врага. Руководили подготовкой войск к штурму командование и штаб Земландской группы войск во главе с командующим группой генералом армии И. Х. Баграмяном. В середине марта командование 3-го Белорусского фронта совместно с командованием Земландской группы войск тщательно проанализировали и приняли за основу разработанный командованием группы план штурма Кенигсберга. 16 марта 1945 года Верховному Главнокомандующему было направлено донесение, в котором подробно излагалась обстановка в Восточной Пруссии. Мы еще раз подчеркнули, что с потерей этого укрепленного района дальнейшее упорное сопротивление противника

▲ Форт 8, Кенигсберг

▲ Людников И.И.

на Земландском полуострове теряет смысл или, по крайней мере, свое значение.

В донесении детально перечислялись все пункты плана предстоящего штурма, задачи 2-й гвардейской, 43-й, 39-й, 5-й, 50-й, 11-й гвардейской армий, назывались все основные средства усиления, направляемые к участию в штурме. Затем излагался план самой операции.

«...Всю операцию... провести в три следующих этапа: первый этап — подготовительный. В ходе этого этапа провести мероприятия: а) всесторонне и наиболее полно вскрыть группировку и систему обороны противника, точно определив места огневых точек, фортификационных сооружений и заграждений противника; б) частичными активными действиями подготовить и улучшить исходное положение для войск в предстоящей операции; в) подготовить аэродромы для авиации; г) скрытно вывести и сосредоточить войска 50-й, 5-й и 2-й гвардейской

армий; д) доукомплектовать стрелковые дивизии, назначенные для наступления, и довести их численность до 3000 — 3600 человек; е) накопить боеприпасы и довести их до установленных норм; ж) тщательно и всесторонне подготовить весь офицерский состав и войска к выполнению задач в предстоящей операции; з) провести ряд мероприятий по дезориентированию противника; и) в течение последних четырех дней перед началом операции провести авиационное и артиллерийское наступление с целью предварительного разрушения важнейших фортификационных сооружений Кенигсбергского укрепленного района. К этому наступлению привлечь авиационный корпус Ту-2, всю авиацию 3-й и 1-й воздушных армий и артиллерию большой мощности; к) иметь войска в полной готовности для перехода в немедленное наступление на тот случай, если противник в период нашей подготовки начнет эвакуацию своих войск из Кенигсбергского района.

Второй этап — прорыв оборонительной полосы противника, его внешнего обвода и выход войск на рубеж: северной группы — Поерштитен — Моссеннен — ст. Повайен — Клайн Хайдекруг — Наутцвинкель — Иудиттен — Лавскен — Трагхаймер — Ротенштайн — Кведнау; южной группы (11-я гвардейская армия) — Шернфлис — Шпайхерсдорф — Понарт — Хавштром. Продолжительность этапа — одни сутки.

Третий этап — развитие прорыва, штурм города Кенигсберг, овладение городом и выход войск на рубеж: Мюле-Тиренберг — платф. Компеннен — Коббельбуде — Гросс Хайдекруг и далее северный берег залива Фришес-Хафф. Продолжительность этапа — четыре дня.

5. Считаю возможным операцию начать через 8—10 дней после ликвидации восточно-прусской группировки противника, если он до начала этого срока не начнет эвакуацию своих войск из района Кенигсберга.

В последнем случае наступление начнется немедленно всеми наличными силами.

6. Вся группировка войск в предстоящей операции на Земландском полуострове создается за счет дополнительного выделения сил и средств 3-го Белорусского фронта...»

Далее перечислялся состав этих сил и давалась заявка на вооружение, боевую технику, боеприпасы и горюче-смазочные материалы. Подписали донесения я, Макаров и Покровский.

На следующий день Ставка сообщила, что наши соображения утверждены. Разгром восточнопрусской группировки противника юго-западнее Кенигсберга предлагалось закончить не позднее 22 марта; операцию по разгрому кенигсбергской группировки противника начать не позднее 28 марта. В ночь на 18 марта во время телефонного разговора с Верховным Главнокомандующим я доложил ему, что эти сроки нереальны. Лик-

видация хейльсбергской группировки будет закончена 25—28 марта. На перегруппировку войск требуется около 3—4 дней. Поэтому я просил разрешения начать артиллерийское и авиационное наступление в первых числах апреля. Верховный согласился, порекомендовал мне привлечь к участию в операции авиацию 2-го Белорусского фронта, Балтийского флота и 18-й воздушной армии (Авиация дальнего действия) и обещал прислать мне на помощь Главных маршалов авиации А. А. Новикова и А. Е. Голованова.

25 марта войска 3-го Белорусского фронта овладели городом Хайлингенбайль — последним опорным пунктом обороны фашистов на побережье залива Фришес-Хафф, а к 29 марта закончили ликвидацию хейльсбергской группировки. После этого все наше внимание было переключено на кенигсбергскую группировку. В конце марта, в интересах единоначалия при управлении войсками фронта, Ставка приняла реше-

ние упразднить Земландскую группу войск. Управление группы (бывшее управление 1-го Прибалтийского фронта) с незадействованными частями связи, частями охраны и тылами не позже 15 апреля должно было быть выведено в резерв Ставки в район Инстербурга. Генерал армии Баграмян оставался заместителем командующего 3-м Белорусским фронтом.

Перед началом штурма наша артиллерия и авиация в течение четырех дней разрушали долговременные оборонительные сооружения крепости. Нам были известны все детали обороны. На абсолютно точном макете города командиры всех степеней отработали шаг за шагом план штурма. Исключительно большую работу провел штаб фронта во главе с генерал-полковником А. П. Покровским. Войска тренировались в отбитых у врага дотах, рвах и траншеях, изучая тактику уличных боев.

6 апреля установилась ясная погода. После мощной артиллерийской

▲ Удар авиации

подготовки начался штурм. Пехота и танки под прикрытием сокрушительного огневого вала атаковали противника. Во второй половине дня во всю силу начала действовать и наша авиация. С юга летели самолеты 1-й, с востока — 3-й, с севера — 15-й воздушных армий, с запада — авиации Краснознаменного Балтийского флота и со всех сторон — Авиация дальнего действия. Я побывал за эти дни в войсках 43-й, 39-й и 11-й гвардейской армий. Всюду советские воины смело и без малейших колебаний шли на штурм вражеской твердыни. Опергруппу «Земланд» сковала 2-я гвардейская. 5-ю армию мы перебросили из южных пригородов к северо-западной части города, где находились 39-я армия, отрезавшая Кенигсберг от Земландского полуострова ударом с севера на юг, и 43-я, прорывавшаяся с северо-запада к центру города. С севера действовали два корпуса 50-й армии, а третий перекрыл подступы к городу с востока. С юга наносила удар 11-я гвардейская армия.

Враг упорно сопротивлялся, перебрасывая к Кенигсбергу с Земландского полуострова резервные пехотные и противотанковые части. Однако уже в течение первого дня боев наши войска, продвинувшись на 3—4 км, заняли и блокировали несколько фортов, очистили от врага до полутора десятков прилегающих к городу населенных пунктов и перерезали железную дорогу Кенигсберг — Пиллау. К вечеру единой оборонительной системы Кенигсберга фактически уже не существовало. Немцы лихорадочно возводили новые укрепления, баррикадировали улицы, взрывали мосты. Гарнизону крепости было приказано держаться любой ценой. В ночь на 7 апреля фашистское командование попыталось наладить нарушенное управление и привести в порядок свои потрепанные части. С утра 7 апреля развернулись жаркие бои в пригородах и в самом Кенигсберге. Отчаявшийся враг предпринимал яростные контратаки, бросая в бой наскоро сколоченные отряды фольксштурма. Гитлеровцы проводили спешную пе-

регруппировку сил и вводили в бой последние резервы, перебрасывая их с участка на участок. Но все попытки остановить штурмующих терпели неудачи. Второй день борьбы за город был решающим. Мы продвинулись еще на 3—4 км, овладели тремя мощными фортами и заняли 130 кварталов.

Активно действовали наша авиация и артиллерия. Только за один день 7 апреля наша авиация произвела более 4700 самолетовылетов и сбросила на укрепления противника свыше 1600 т бомб. Сражение не утихало ни на час. Под прикрытием темноты наши части атаковали заранее разведанные объекты. Дорогу открывали саперы. Одновременно осуществляла бомбардировку наша авиация, совершившая в ночь на 8 апреля до 1800 самолетовылетов. С грохотом рушились железобетонные укрепления, вспыхивали пожары. Обреченный враг бешено сопротивлялся, переходил в контратаки. Но в пламени, дыму и пыли советские солдаты шли напролом. Преодолев упорное сопротивление врага на внутреннем оборонительном обводе крепости, 43-я армия очистила северо-западную часть города. Одновременно 11-я гвардейская, наступая с юга, форсировала реку Прегель. Теперь вести артиллерийско-минометный огонь было опасно: можно было ударить по своим. Пришлось артиллерии замолчать, и воины-герои весь последний день штурма стреляли практически лишь из личного оружия, бросаясь в рукопашные схватки. И вот кольцо окружения сомкнулось в западной части города. Остатки гарнизона были отрезаны от опергруппы «Земланд». К концу третьего дня штурма было занято 300 кварталов старой крепости.

8 апреля, стремясь избежать бесцельных жертв, я, как командующий фронтом, обратился к немецким генералам, офицерам и солдатам кенигсбергской группы войск с предложением сложить оружие. Однако фашисты решили сопротивляться. С утра 9 апреля бои разгорелись с новой силой. 5000 наших орудий

и минометов, 1500 самолетов обрушили сокрушительный удар по крепости. Гитлеровцы начали сдаваться в плен целыми подразделениями. К исходу четвертых суток непрерывных боев Кенигсберг пал.

На допросе в штабе фронта командант Кенигсберга генерал Лаш говорил:

«Солдаты и офицеры крепости в первые два дня держались стойко, но русские превосходили нас силами и брали верх. Они сумели скрытно сосредоточить такое количество артиллерии и самолетов, массированное применение которых разрушило укрепление крепости и деморализовало солдат и офицеров. Мы полностью потеряли управление войсками. Выходя из укрепления на улицу, чтобы связаться со штабами частей, мы не знали, куда идти, совершенно теряя ориентировку, настолько разрушенный и пылающий город изменил свой вид. Никак нельзя было предполагать, что такая крепость, как Кенигсберг, столь быстро падет. Русское командование хорошо разработало и прекрасно осуществило эту операцию. Под Кенигсбергом мы потеряли всю 100-тысячную армию. Потеря Кенигсберга — это утрата крупнейшей крепости и немецкого оплота на Востоке».

Гитлер не мог примириться с потерей города, объявленного им лучшей немецкой крепостью за всю историю Германии и «абсолютно неприступным бастионом немецкого духа», и в бессильной ярости приговорил Лаши заочно к смертной казни.

В городе и пригородах советскими войсками было захвачено около 92 тыс. пленных (в том числе 1800 офицеров и генералов), свыше 3,5 тыс. орудий и минометов, около 130 самолетов и 90 танков, множество автомашин, тягачей и тракторов, большое количество различных складов со всевозможным имуществом.

Пока подсчитывались трофеи, в Москву полетело радостное донесение. И в ночь на 10 апреля 1945 года столица салютовала доблести, отваге и мастерству героев

▲ Плененный комендант Кенигсберга Ляш

штурма Кенигсберга 24-мя артиллерийскими залпами из 324-х орудий.

В боях за Кенигсберг советские воины вновь проявили изумительную стойкость, бесстрашие, массовый героизм. За беспримерные подвиги около 200 человек были удостоены звания Героя Советского Союза. Назову некоторых из них: рядовые А. Н. Бордунов, А. А. Людвиченко, В. П. Миронов, П. Е. Павлов, сержанты Ф. С. Игнаткин, И. В. Кутурга, Н. М. Королев, И. Н. Федосов, старшины А. Т. Сучков, А. Е. Черемухин, И. П. Чиликин, лейтенанты И. П. Сидоров, парторг роты Г. Ф. Молочинский, командир батареи А. П. Шубин, командир взвода С. А. Мельников, комсорг батальона А. М. Яналов, командир пулеметной роты Н. А. Катин, командиры стрелковых дивизий генерал-майоры И. Д. Бурмаков и М. А. Пронин, командующий артиллерией 11-й гвардейской армии генерал-лейтенант П. С. Семенов, командиры корпусов генерал-лейтенант М. Н. Завадовский, генерал-майор С. С. Гурьев и многие другие. Командующий 43-й армией генерал-

лейтенант А. П. Белобородов и летчик гвардии старший лейтенант П. Я. Головачев были награждены второй медалью «Золотая Звезда», Тысячи воинов получили ордена, десятки тысяч — медали. Правительственных наград были удостоены многие полки и дивизии, а 97 частям и соединениям присвоено почетное звание Кенигсбергских. Учрежденная в июне 1945 года медаль «За взятие Кенигсберга» была вручена всем участникам борьбы за столицу Восточной Пруссии.

После взятия Кенигсберга в Восточной Пруссии оставалась только земландская группировка врага, имевшая в своем составе 8 пехотных и одну танковую дивизии. 11 апреля я вновь обратился к вражеским войскам с предложением прекратить безнадежное сопротивление. Вот текст этого обращения:

«К немецким генералам, офицерам и солдатам, оставшимся на Земланде! От командующего советскими войсками 3-го Белорусского фронта Маршала Советского Союза Василевского.

Вам хорошо известно, что вся немецкая армия потерпела полный разгром. Русские — под Берлином и в Вене. Союзные войска — в 300 км восточнее Рейна. Союзники — уже в Бремене, Ганновере, Брауншвейге, подошли к Лейпцигу и Мюнхену. Половина Германии — в руках русских и союзных войск. Одна из сильнейших крепостей Германии, Кенигсберг, пала в три дня. Комендант крепости генерал пехоты Ляш принял предложенные мною условия капитуляции и сдался с большей частью гарнизона. Всего сдались в плен 92 000 немецких солдат, 1819 офицеров и 4 генерала.

Немецкие офицеры и солдаты, оставшиеся на Земланде! Сейчас, после Кенигсберга, последнего оплота немецких войск в Восточной Пруссии, ваше положение совершенно безнадежно. Помощи вам никто не пришлет. 450 км отделяют вас от линии фронта, проходящей у Штеттина. Морские пути на запад перерезаны русскими подводными лодками. Вы — в глубоком тылу русских войск. Положение ваше безвыходное. Против вас — многократно

превосходящие силы Красной Армии. Сила — на нашей стороне, и ваше сопротивление не имеет никакого смысла. Оно приведет только к вашей гибели и к многочисленным жертвам среди скопившегося в районе Пиллау гражданского населения.

Чтобы избежать ненужного кровопролития, я требую от вас: в течение 24 часов сложить оружие, прекратить сопротивление и сдаться в плен. Всем генералам, офицерам и солдатам, которые прекратят сопротивление, гарантируются жизнь, достаточное питание и возвращение на родину после войны. Всем раненым и больным будет немедленно оказана медицинская помощь. Я обещаю всем сдавшимся достойное солдатское обращение. Мирным жителям будет разрешено вернуться в свои города и села, к мирному труду.

Эти условия одинаково действительны для соединений, полков, подразделений, групп и одиночек. Если мое требование сдаться не будет выполнено в срок 24 часа, вы рискуете быть уничтоженными. Немецкие офицеры и солдаты! Если ваше командование не примет мой ультиматум, действуйте самостоятельно. Спасайте свою жизнь, сдавайтесь в плен.

Командующий советскими войсками 3-го Белорусского фронта

Маршал Советского Союза Василевский.

24 часа по московскому времени.
11 апреля 1945 года».

Ответа на это обращение не последовало. И утром 13 апреля наши войска возобновили наступление. Сосредоточив вдвое превосходящие силы, фронт наносил главный удар в центре, в общем направлении на Фишгаузен, с целью расчленения немецкой группировки и последующего уничтожения ее по частям. С севера на юг, плечом к плечу, стояли 2-я и 11-я гвардейские, 5-я, 39-я и 43-я армии. В первый же день наступления оборона противника была прорвана. Не выдержав удара, гитлеровцы 14 апреля начали отход. 17 апреля войска 3-го Белорусского фронта после очередного ожесточенного боя овладели Фишгаузеном. Задача по очищению от про-

тивника Земландского полуострова была в основном решена. Личный представитель Гитлера гаулейтер Кох на ледоколе, всю зиму простоявшем наготове, удрал с Земланда в Данию, приказав солдатам биться до последнего. 25 апреля войска 3-го Белорусского фронта при активном участии Балтийского флота овладели крепостью и портом Пиллау (Балтийск) — последним опорным пунктом врага на Земландском полуострове.

Восточно-Прусская операция, проведенная в исключительно сложных условиях, явилась одним из показателей огромной боевой мощи Советских Вооруженных Сил и зрелости

военного искусства. Она обогатила Красную Армию новым опытом борьбы с сильным врагом, опиравшимся на отлично подготовленную и глубоко развитую в инженерном и огневом отношении оборону в крайне выгодной для него местности. Советским войскам приходилось решать задачу ликвидации неприятеля на большой площади, прижимая его одновременно к Балтийскому морю и к заливам в районе Кенигсберга. Такая обстановка вынуждала нас прибегать в основном к фронтальным ударам и, как правило, лишала возможности вести действия только на окружение. Это порождало многие трудности,

▲ Кенигсберг взят!

с которыми приходилось считаться при организации и осуществлении операции. Ведущую роль в ней сыграли мощная артиллерия и сильная бомбардировочная авиация. Опыт их применения во взаимодействии с наступающими войсками интересен и поучителен.

Полезен также опыт, который извлекли наземные войска и Балтийский флот из совместных действий на протяжении всей операции. Блокируя побережье Восточной Пруссии, флот наносил удары по важнейшим морским коммуникациям. Особенно активную помощь оказал он наземным войскам в борьбе за Кенигсберг и военно-морскую базу Пиллау (Балтийск). Следует особо отметить напряженный труд работников войскового, армейского и фронтового тыла. Большая удаленность района боевых действий от основных экономических центров СССР, разрушенные врагом железные дороги, недостаток в вагонах и средствах тяги, неизбежность перегрузки всех эшелонов, направлявшихся в войска, потребовали от работников тыла и железнодорожников предельной мобилизации сил, подлинной самоотверженности. С началом Восточно-Прусской операции перед железнодорожными войсками были поставлены три задачи: восстановить железнодорожный путь и все объекты на направлении Гумбиннен — Инстербург — Кенигсберг; перевести участок Шталлупенен — Гумбиннен на нашу колею с организацией здесь перегрузочного района; срочно восстановить трофейный железнодорожный транспорт и организовать правильную и мобильную его эксплуатацию. Темпы выполнения этих работ играли для фронта исключительную роль.

При подготовке штурма Кенигсберга поток воинских эшелонов значительно возрос, западноевропейского подвижного состава было явно недостаточно. Железнодорожники в срочном порядке переводили на широкую колею весь путь до Кенигсберга. Настоящий трудовой героизм проявили они в ходе боев за Кенигсберг. Уже на третий день после овладения городом наши войска

приняли эшелоны, пришедшие сюда по союзной колее. Выполняя задания партии и правительства, железнодорожные войска трудились под прямым огнем врага, а иногда принимали участие и в отражении его контратак. Вот несколько цифр. Во время боевых действий в Восточной Пруссии на направлении 3-го Белорусского фронта было уложено, восстановлено и перешито 552 км главных и станционных путей, восстановлено и введено в действие 64 моста, 5 железнодорожных узлов и 6 пунктов водоснабжения. За этими цифрами — напряженнейший, полный риска труд...

Итак, Восточно-Прусская цитадель германского империализма пала! Решением Потсдамской конференции глав союзных держав по антигитлеровской коалиции Кенигсберг и прилегающие к нему районы переданы Советскому Союзу. 25 февраля 1947 года Контрольный совет в Германии, учрежденный державами-победительницами как орган Верховной власти в этой стране, единогласно от имени США, Англии, Франции и СССР принял закон о ликвидации Прусского государства. Так было покончено с форпостом германской агрессии. А город Кенигсберг — бывшая столица прусских королей — носит теперь имя славного ветерана ленинской гвардии Михаила Ивановича Калинина.

На восточнопрусской границе встретил 22 июня 1941 года войну командир 28-й танковой дивизии полковник И. Д. Черняховский. Здесь после трех с половиной лет борьбы за освобождение Родины от фашистского агрессора он отдал свою жизнь. Ныне имя дважды Героя Советского Союза Черняховского носит бывший Инстербург, над которым 22 января 1945 года взвилось красное знамя черняховцев.

Блестяще сражался при штурме Кенигсберга 16-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора С. С. Гурьева, ставшего под стенами древней рыцарской крепости Героем Советского Союза. Следующий шаг гвардейцы его корпуса сделали к морской цитадели Пиллау, и на подступах к ней оборвалась жизнь Сте-

пана Савельевича. В память о нем прежний Нойхаузен переименован в Гурьевск.

Именем заместителя командира краснознаменного корпуса С. К. Нестерова, погибшего в Восточной Пруссии, назван бывший Шталлупенен.

В январе 1945 года под Гумбинненом немецкая пехота, артиллерия и танки попытались отбросить наступавшие советские войска назад, к Литве. Здесь героически сражалась группа бойцов во главе с капитаном С. И. Гусевым. В жестоком рукопашном бою на подступах к Гумбиннену Сергей Иванович погиб. А через три дня его батальон первым ворвался в Гумбиннен, ставший ныне городом Гусев.

Из Калининграда вдоль Вислинского залива тянется железная дорога. В одном месте она подступает к берегу совсем близко. Когда-то немецкие военные колонисты, изгнав отсюда славян-вармиев, переделали Вармию в Эрменланд и основали возле восточных дюн залива селение Людвигсорт. В марте 1945 года, за двое суток до взятия его нашей танковой ротой, от прямого попадания вражеского снаряда здесь погиб ее командир Иван Мартынович Ладушкин. Его имя и носит теперь это селение, на краю которого находится могила славного воина Ладушкина.

Именем капитана П. И. Романова назван Побеттен. Здесь сражался до последней капли крови Петр Ильич Романов, командир батальона 182-й стрелковой дивизии.

А бывший город Хейлигенбейль носит имя Н. В. Мамонова; Возглавляемый им 331-й стрелковый полк, наряду с другими нашими частями, взломал у этого города мощный узел вражеского сопротивления. Николай Васильевич погиб смертью героя, спасая жизнь своего подчиненного. Прах гвардии полковника Мамонова перевезен в город его имени.

Ушли в прошлое годы войны. А подвиги героев живут. Живут в памяти людей, в названиях улиц, городов, пароходов. ■

ЛИКВИДАЦИЯ ХРАНИЛИЩ ТЯЖЕЛОЙ ВОДЫ

▲ Хаукелид, Реннеберг, Поулссон, Келstrup на встрече с королем Хоконом VII, 1948 г.

В ноябре 1938 года немецкие физики Отто Ган и Фриц Штрассман впервые в мире осуществили искусственное расщепление ядра атома урана. Германские ученые в апреле 1939 года направили высшим нацистским иерархам послание о создании нового вида высокоэффективного взрывчатого вещества — «...страна, которая первой сумеет практически овладеть достижениями ядерной физики, приобретет абсолютное превосходство над другими».

26 сентября 1939 года начались практические работы по созданию ядерного оружия, получившими наименование «Урановый проект». В Германии 22 научные организации были напрямую связаны с атомным проектом. Считалось возможным, создать ядерное оружие за 9-12 месяцев. Через Бельгию (из Бельгийского Конго) было срочно закуплено большое количество урановой руды. Из Норвегии поставлялась тяжелая вода. Первый немецкий реактор (Урановая машина) был построен

к февралю 1942 года — на четыре месяца раньше, чем аналогичная разработка в США. «Урановая машина» по не вполне выясненным причинам взорвалась 23 июня 1942 года. В Германии группа ученых разработала схему ядерного взрывного устройства. Разрабатывали даже не ядерную, а водородную бомбу.

Вопрос о возможности Германией первой создать атомную бомбу остается открытым до сих пор. В германские атомные исследования было затрачено в двести раз меньше средств

и в них было занято в полторы тысячи раз меньше людей, чем в американском «Менхэттенском проекте».

Для уничтожения запасов тяжелой воды (окси дейтерия) на заводе Веморк в Норвегии британскими спецслужбами в 1942 году была разработана операция «Незнакомец».

В 1934 году в Веморке, на заводе компании *Norsk Hydro* была построена первая промышленная установка, способная производить тяжёлую воду в качестве побочного продукта производства удобрений. Она имела мощность 12 тонн в год. Все мировые запасы тяжелой воды в то время находились в Рьюкане, в центральной Норвегии, где в 1934 году фирма «Норск-Гидро» впервые в мире начала производить эту продукцию в промышленном масштабе по технологии, разработанной двумя химиками — профессором Л. Тронстадом и инженером И. Бруном.

В 1941 году британская разведка получила предупреждение о возвра-

стающих поставках тяжёлой воды в Германию. В 1942 году британская разведка установила прямой контакт с городом Рьюкан на юге Норвегии, где удалось завербовать Эйнара Скиннарланна.

Эйнар Скиннарланн (Einar Skinnarland; родился 27 апреля 1918 г., Винье, Норвегия — умер 5 декабря 2002 г., Торонто, Канада) — норвежский участник Сопровитвления в годы Второй мировой войны.

Он быстро прошёл курс обучения и получил инструктаж майора Лейфа Тронстада, норвежского физика. Утром 29 марта 1942 года Скиннарланн был сброшен на парашюте на территорию Норвегии в район Хардангервидда. Ему удалось вступить в контакт с некоторыми инженерами завода по производству тяжёлой воды. Поступавшая в Лондон разведывательная информация давала полную картину деятельности немцев, так что в июле 1942 года военный кабинет по-

требовал от комитета начальников штабов проведения срочной наземной операции в Веморке с целью уничтожения завода тяжёлой воды. Майор Тронстад выступил против воздушного налёта на завод, потому что случайное попадание бомбы в ёмкости с жидким аммиаком явилось бы большой угрозой для населения. К тому же даже при удачной бомбежке нельзя было рассчитывать, что бомба пробьёт семиэтажные бетонные перекрытия и попадет туда, где находится сердце производства — оборудование, концентрирующее воду в подвальных помещениях. Поэтому было решено атаковать завод диверсионной группой. Первоначальный план операции «Незнакомец» был разработан наскоро и имел очень много недоработок.

18 октября 1942 года в 23:30 передовая группа «Тетерев» в составе четырёх агентов-норвежцев (А. Келструп, К. Хаугленд, К. Хельберг, Дж. Паулсон) была сбро-

▲ ГЭС Веморк, Норвегия

▲ Галифакс

шена на территорию Норвегии. Вскоре после высадки к отряду присоединился Скиннарланд. Вся группа должна была в районе Мёсватенской плотины подготовить площадку для приземления планеров с английским отрядом. Дорога к цели была очень трудна. Двое суток они собирали сброшенное для них оружие, оборудование, продукты. Сильные метели помешали наладить радиосвязь со штабом.

Группа с тяжелым грузом и оружием двинулась к основной базе в Сандватане и шесть дней пробиралась через пустынное Хардангервидское плато, пока не оказалась в непосредственном соседстве с Рейнармом. 6 ноября после долгих скитаний, совершенно измученные, они достигли наконец Сандватана. Лишь 9 ноября удалось наладить радиосвязь со штабом. Группа сообщила, что в районе Веморка расквартирован немецкий гарнизон, а все объекты: завод по производству тяжелой воды, электростанция и трубы, по которым к станции поступает вода, — хорошо охраняются.

Шесть дней спустя радист принял из Лондона радиogramму: «Ожидайте прибытия планеров 19 ноября».

К середине ноября подготовка к операции и подготовка второй группы завершилась. Десант было решено забросить на планерах. Ему предстояло высадиться у озера Мёсватен, питающего водой гидростанцию в Веморке, сгруппироваться на шоссе, проходящем по плато к Рьюкану, и в полной военной форме атаковать завод в Веморке. Чтобы изолировать немецкую охрану завода, планировалось перед диверсией нарушить телефонную связь Веморка с Рьюканом. Взорвав завод, группа должна была уйти в Швецию. Однако операция была плохо разработана. Норвежский отдел штаба специальных операций, узнав детали планируемой операции, раскритиковал ее. К сожалению, к их критике английское командование не прислушалось...

Планерам, загруженным людьми и взрывчаткой, предстояло приземлиться на Хардангервидском пла-

то, усеянном огромными валунами, взрезанном трещинами, окруженном горами, особенно опасными, так как воздух над плато редко бывает спокойным, а небо — ясным.

В ночь на 19 ноября 1942 года два бомбардировщика «Галифакс», ведя за собой на буксире планеры «Хорсас», вылетели с военного аэродрома шотландской авиабазы Вик, расположенной недалеко от Эдинбурга. Прогноз погоды был благоприятным. Английская авиация в этот раз впервые за время войны использовала планеры для военных целей, поэтому экипажи бомбардировщиков не имели опыта буксировки планеров. К тому же бомбардировщики «Галифакс» для этой цели не подходили. Первый из них врезался в горный склон. Никто не успел покинуть машину. К утру на место катастрофы прибыл немецкий отряд. В живых осталось 14 десантников. Второй бомбардировщик пересек норвежское побережье на высоте 3 000 м. Экипаж тщетно искал место посадки. В 65 км западнее Рьюкана бомбардировщик попал в сильную

облачность. Началось обледенение. Лопнул буксирный трос.

С борта самолета коротко сообщили о падении планера в море: «Нахожусь над морем. Планер упал в воду».

Спустя два часа бомбардировщик один вернулся на свою базу. Но планер не упал в море. Он разбился на северном берегу фиорда Лизе, в 160 км от Рьюкана.

Через несколько дней германское радио сообщило: «В ночь с 19 на 20 ноября 1942 г. над северной Норвегией пролетели два английских бомбардировщика с планерами. Как бомбардировщики, так и планеры, согласно полученным данным, были принуждены приземлиться. Отряды английских саботажников были уничтожены в бою все до последнего человека».

Первый отряд терпеливо продолжал посылать информацию, действуя среди снегов и льдов. Тем временем радиопередатчики выхо-

дили из строя. Ситуация усложнялась и тем, что все члены группы, за исключением Паулсона, заболели. Продукты кончались, ели олений мох. Погода окончательно испортилась, а группе предстояло ждать следующий десант.

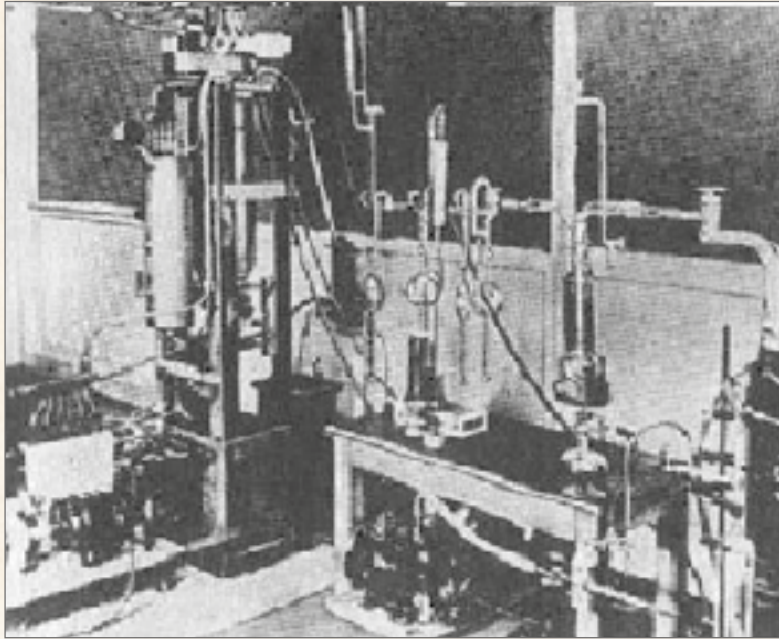
После первой неудачной попытки взрыва завода по производству тяжелой воды было решено поручить эту операцию Норвежской отдельной роте №1 — подразделению специального назначения, входившее в состав норвежских вооруженных сил. Рота была сформирована в Шотландии в начале 1941 года и предназначалась для проведения диверсионно-разведывательных операций на территории Норвегии. Чаще всего роту именовали ротой Лонге по имени первого командира, погибшего в 1942 году в бою с гитлеровцами, — капитана М. Лонге, человека мужественного, пользовавшегося большим авторитетом в норвежской армии.

Личный состав роты Лонге проходил специальную подготовку в военно-учебном лагере. Изучали подрывное дело и радиотехнику, парашютное дело и работу на рации. Бойцы роты Лонге принимали участие в рейдах против немецких войск, базировавшихся на побережье Норвегии, Лофотенских островах и Шпицбергене. Командиром группы, которая должна была осуществить диверсию на заводе тяжелой воды (кодовое название «Стрелки»), был назначен лейтенант И. Ренеберг, его заместителем — лейтенант К. Хаукелид, получивший прозвище «генерал». Он был известен как прекрасный подрывник, находчивый и бесстрашный, точный и аккуратный в работе. В группу вошли также четыре хороших лыжника: лейтенант К. Йгланд, сержанты Ф. Кайзер, Х. Сторхауг и Б. Стромсхейм. Группа «Стрелки» под руководством Ренеберга должна была приземлиться на Хардангервидском плато и как

▲ Хардангервидда

▲ Первая ультрацентрифуга, построенная Хартеком и Гротом для обогащения урана-235

▲ Эйнар Скиннарланд, участник Сопротивления

можно быстрее связаться с четверкой «Тетерева», а также с Э. Скиннарландом для проведения операции. Для этого десантники должны были спуститься по северному горному склону в долину, к Веморку и Рьюкану, перейти замерзшее русло реки и следовать вдоль железнодорожной ветки, которая вела к заводу. По имевшимся сведениям, дорога была почти заброшена, фабричные ворота в этом месте не охранялись.

Холодной январской ночью 1943 года группа «Стрелки» на четырехмоторном бомбардировщике перелетела через Северное море, однако их заметили и обстреляли немцы. Один мотор вышел из строя, на другом бушевало пламя. Все же на рассвете они дотянули до аэродрома на севере Шотландии. Группу разместили в изолированном бараке недалеко от аэродрома.

17 февраля после месячного пребывания в Шотландии их отправили на залитый дождем аэродром. Они были в белых маскировочных халатах с лыжами, выкрашенными в белый цвет, с тяжелым вооружением и парашютами за плечами. Пришлось уточнить некоторые детали операции. За прошедший месяц, пока шестерка ожидала повторного вылета,

были получены новые данные, из которых следовало, что нацисты ждут нового нападения на завод и готовятся отразить это нападение. В связи с этим приняли решение изменить место высадки. Чтобы не вызывать подозрения у нацистов, решили не пролетать вблизи Рьюканской долины или плотины на Мёсватене.

Высадка и встреча с группой «Тетерев» прошли успешно. Теперь, когда обе группы соединились, можно было начинать основную операцию. Базой, откуда планировалась атака на завод, избрали Фьосбудол, где было несколько полуразвалившихся легких шалашей и охотничьих домиков. Отряд отправился в путь в пятницу, 26 февраля. Для поддержания связи в лагере остался Хаугленд. Эта зима на Хардангервидском плато была очень суровой. В пути отряд опять застала снежная буря. Объединившиеся группы снова разделились: были созданы ударная группа и группа прикрытия. Ударную группу возглавил Ренеберг, который руководил операцией в целом. В нее вошли Кайзер, Стромсхейм и Игланд. Ударная группа должна была проникнуть в помещение с оборудованием для концентрации тяжелой воды.

Во главе группы прикрытия встал Хаукелид. В нее вошли Паулсон, Келструп, Хельберг и Сторхауг. Подобравшись до завода «Норск-Гидро» на 500 метров, в последний раз проверили оружие, повторили план. Главная опасность состояла в том, что территория завода была заминирована. По тропинке, протоптанной, по-видимому, рабочими к аппаратной, они подошли к заводу. Быстро открыли ворота — путь для ударной группы был свободен. Ренеберг попытался проникнуть внутрь здания, но обе двери оказались закрытыми. Тогда Ренеберг и Кайзер решили воспользоваться другим путем — узким туннелем для электрического кабеля.

Попав в цех концентрации тяжелой воды, они, забыв об опасности, приступили к работе. Ренеберг извлек взрывчатку из брезентовой сумки, заряды и детонаторы... Снаружи ударили в окно. Это были Стромсхейм и Игланд. Шум генераторов заглушил звон разбитого стекла. Ренеберг помог Стромсхейму влезть через узкое окно. Уже вдвоем они стали закладывать заряды под электролизные баки. Когда все было готово, они быстро покинули цех.

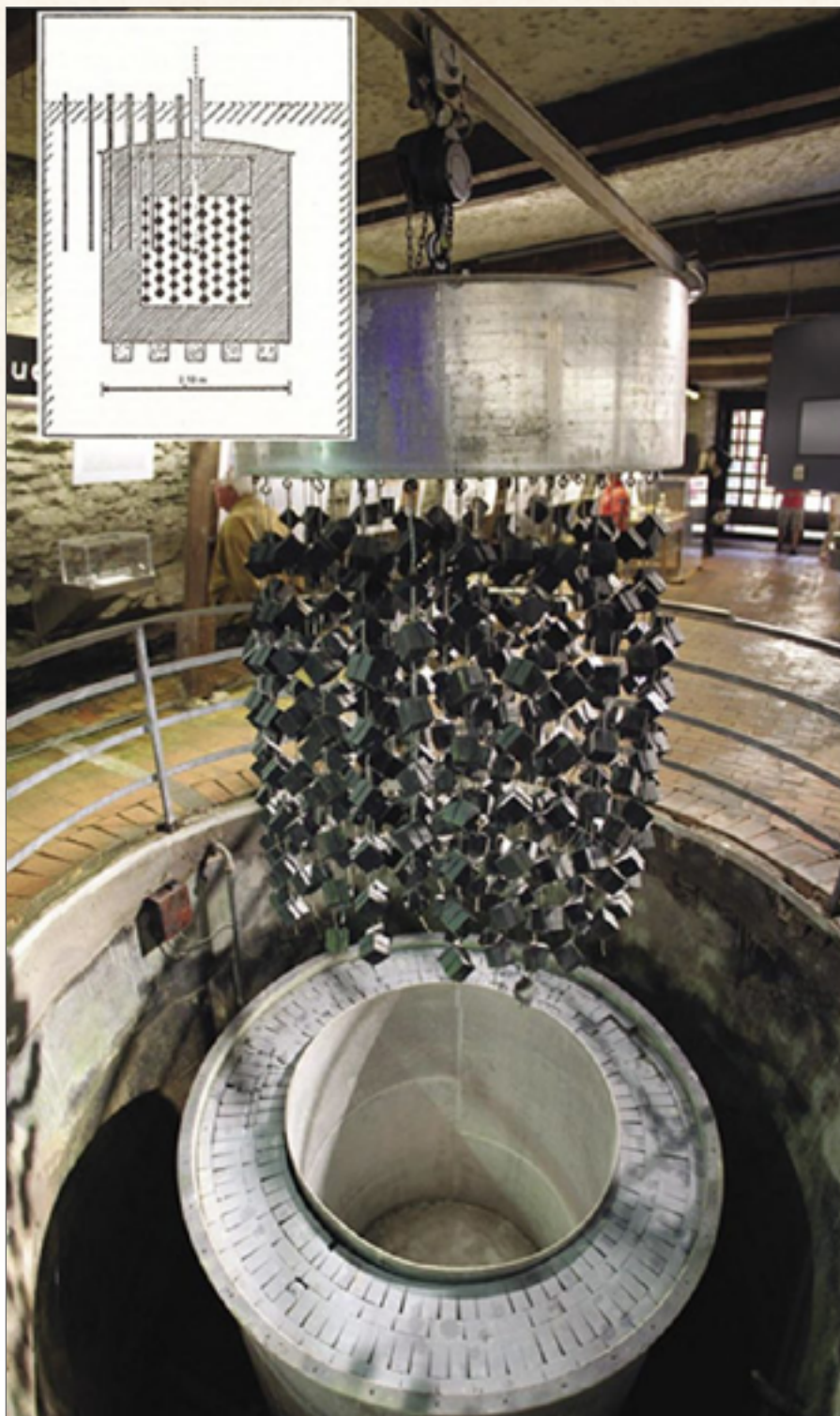

Группа прикрытия была наготове. Не успели пробежать и двух десятков шагов от здания завода, как ночную тьму разорвали лучи света, вырвавшиеся из окон завода. Раздался взрыв. Зазвенели разбитые стекла. И снова мощный рокот турбин электростанции и толстые бетонные стены здания поглотили все другие звуки. Убедившись, что все члены ударной группы покинули территорию «Норск-Гидро», группа прикрытия также начала отходить. Хаукелид и Паулсон через ворота перебежали к железнодорожному полотну. Здесь они присоединились к Хельбергу и Келструпу. Пройдя еще немного, встретили всю группу Ренеберга, которая поджидала их. Подрывники устремились вниз, скользя и падая. С большим трудом перебрались через речку. И вдруг раздался тревожный вой сирены. В районе Рьюкана была объявлена тревога. На дороге стало оживленно, машины одна за другой устремились к заводу. Нужно было срочно уходить. Во главе отряда шли Хельберг и Паулсон, хорошо знавшие окрестности Рьюкана. Пройдя лесом несколько сот метров, вышли к Рьесской дороге. Путь в горы был свободен...

Вскоре отряд разделился. Ренеберг, опять взявший в свои руки командование, благополучно добрался с группой «Стрелки» до Швеции. В полной военной форме они проделали этот путь за две недели. Небольшой отряд шел через горы южной Норвегии, проскользнул по Майоше и затерялся в лесах, которые вывели к шведской границе. После того как группа Ренеберга ушла, Хаукелид и Келstrup простились с Паулсоном, который должен был пробиться в Осло. Паулсону удалось преодолеть этот путь без особого труда. Хаукелид и Келstrup приняли решение перебраться через Хардангервидское плато в домик недалеко от озера Лангеше. На второй день добрались до Скарбы, где действовали два радиста из их группы. Выяснилось, что записку, оставленную для них, радисты не нашли и сообщение об успехе операции

не передали. После праздничного ужина в честь встречи Эйнар Скиннарланд подошел к передатчику и послал шифрованную телеграмму: «Оборудование для концентрации тяжелой воды в Веморке уничтожено полностью. «Стрелки»

выехали в Швецию. Поздравляем!» В Рьюкан были стянуты полицейские отряды численностью до 3 000 человек. Была устроена массовая облава, во время которой тщательно обыскивали каждый дом. Но диверсантов обнаружить не удалось.» ■

▲ Урановый реактор Рейха

ГОРДОСТЬ НЕЗАБВЕННОЙ СТРАНЫ

ШТУРМОВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ИСТРЕБИТЕЛЕЙ ПО АЭРОДРОМУ

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГВАРДИИ МАЙОР НАЗАРЕНКО Д. П.

НАЗАРЕНКО ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ РОДИЛСЯ 26 НОЯБРЯ 1917 Г. В СЕЛЕ ИВАНОВКА ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ. ОКОНЧИЛ 8 КЛАССОВ, РАБОТАЛ ТЕЛЕГРАФИСТОМ НА ЦАРИЦЫНСКОМ УЗЛЕ СВЯЗИ. СРЕДИ СВЕРСТНИКОВ ДМИТРИЙ ОТЛИЧАЛСЯ ЛОВКОСТЬЮ И СИЛОЙ. В 1934 Г. ОН ПОСТУПИЛ В КИЕВСКИЙ ТЕХНИКУМ ФИЗКУЛЬТУРЫ. ПОСЛЕ ПРИЗЫВА В РЯДЫ КРАСНОЙ АРМИИ БЫЛ ПРИНЯТ В КАЧИНСКУЮ ВОЕННУЮ АВИАЦИОННУЮ ШКОЛУ, КОТОРУЮ ОКОНЧИЛ В 1939 Г. В 1940 Г. НАЗАРЕНКО УЧАСТВОВАЛ В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ, ГДЕ СОВЕРШИЛ 25 БОЕВЫХ ВЫЛЕТОВ И БЫЛ НАГРАЖДЕН МЕДАЛЬЮ «ЗА ОТВАГУ». С ИЮНЯ 1941 Г. — В БОЯХ. ПОЧТИ ГОД ОН ВОЕВАЛ НА И-16 24-Й СЕРИИ, А ПОЗДНЕЕ НА ЮЖНОМ И СТАЛИНГРАДСКОМ ФРОНТАХ — 29-Й СЕРИИ. В 1942 Г. 131-Й ИСТРЕБИТЕЛЬНО-АВИАЦИОННЫЙ ПОЛК (40-Й ГВАРДЕЙСКИЙ ИСТРЕБИТЕЛЬНО-АВИАЦИОННЫЙ ПОЛК), В СОСТАВЕ КОТОРОГО ВОЕВАЛ КОМЭСК КАПИТАН НАЗАРЕНКО, БЫЛ ПЕРЕВООРУЖЕН НА ЛАГГ-3. НА ЭТОЙ МАШИНЕ ОН ПРОВЕЛ СВОЙ ЛУЧШИЙ БОЙ, СБИВ НА ПРИКРЫТИИ ПЕ-2 СРАЗУ 4 МЕ-109 — НОЯБРЮ 1942 Г., КОГДА НАЗАРЕНКО БЫЛ ПРЕДСТАВЛЕН К ЗВАНИЮ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, НА ЕГО СЧЕТУ УЖЕ БЫЛО 18 СБИТЫХ САМОЛЕТОВ: 11 — ЛИЧНО И 7 — В ГРУППЕ. ВЫДАЮЩИЙСЯ РЕЗУЛЬТАТ ДЛЯ ТОГО ВРЕМЕНИ. ЧЕЛОВЕК ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ОТВАГИ, ОН БЫЛ ТРУДНО УПРАВЛЯЕМЫМ, И ЕСЛИ АВТОРИТЕТ В. ДАВИДКОВА, КОМАНДОВАВШЕГО ПОЛКОМ В 1942-1943 ГГ., БЫЛ БЕСПРЕ-

КОСЛОВНЫМ, ТО ПОЗДНЕЕ КОМАНДИРАМ БЫЛО НЕПРОСТО С ГЕРОЕМ-КОМЭСКОМ. В 1943-1945 ГГ. ОН ВОЕВАЛ НА ЛА-5 И ЛА-7, БЫЛ ШТУРМАНОМ ПОЛКА, ЗАТЕМ ДИВИЗИИ. ПРОВЕЛ ЗА ВОЙНУ БОЛЕЕ 500 БОЕВЫХ ВЫЛЕТОВ, В 120 ВОЗДУШНЫХ БОЯХ СБИЛ 24 САМОЛЕТА ПРОТИВНИКА ЛИЧНО И 8 — В ГРУППЕ. ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (УКАЗ ОТ 13.12.42). НАГРАЖДЕН ДВУМЯ ОРДЕНАМИ ЛЕНИНА, ДВУМЯ ОРДЕНАМИ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ, ОРДЕНАМИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1-Й И 2-Й СТ., КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ, МЕДАЛЯМИ. ПОСЛЕ ВОЙНЫ В 1951 ГОДУ ОКОНЧИЛ ВОЕННО-ВОЗДУШНУЮ АКАДЕМИЮ. В 1957 Г. — ВОЕННУЮ АКАДЕМИЮ ГЕНШТАБА. 18 АПРЕЛЯ 1962 Г. НАЗАРЕНКО БЫЛО ПРИСВОЕНО ВОИНСКОЕ ЗВАНИЕ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА АВИАЦИИ. ЛЕТАЛ НА БОЕВЫХ САМОЛЕТАХ ДО 1966 Г., В 1967 Г. ДЕМОБИЛИЗОВАЛСЯ. ЖИЛ И РАБОТАЛ В ОДЕССЕ. УМЕР 10 ОКТЯБРЯ 1969 Г.

Октябрь 1941 г. Штурмовики аэродрома Таганрог. Противник на второй день после захвата Таганрога посадил на аэродром 50 Ме-109.

Немецкий летчик, сбитый под Ростовом, подтвердил эти данные. Наш истребительный полк, базировавшийся на аэродроме Ольгинская (близ Ростова), получил следующую задачу. 12 самолетов И-16 под прикрытием 6 самолетов ЛаГГ-3 произвести штурмовку аэродрома Таганрог. Времени для доразведки цели не было. Командир полка подполковник Гончаров собрал летный состав и проработал задание. Проработка задания заключалась в следующем:

1. Объявлен боевой порядок группы, т. е. указано каждому летчику место в строю.
2. Указан порядок взлета звеньев.

3. Нанесен на карты маршрут полета.

4. Получено указание: в случае воздушного боя над аэродромом противника в бой вступает группа прикрытия.

Маршрут полета: Батайск, далее по Таганрогскому заливу с курсом 27°, разворот вправо на 90° с перестроением в правый «пеленг» звеньев.

Высота полета 900 м, группа прикрытия на высоте 1400 м.

Два захода на штурмовку и уход от цели через залив. Из-за отсутствия радио на самолетах И-16 команды подавались эволюциями самолета и личным примером командира группы и командира звеньев.

По ракете запустили моторы.

Первым взлетел ведущий группы зам. командира полка майор Давидков, левым ведомым его звена был подполковник Гончаров, правым ведомым — я.

Сбор группы произвели за две минуты, так как излетали звеньями с мест стоянок, не вырубивая на старт.

К такому взлету все летчики были подготовлены, да и аэродром вполне был пригоден для взлета во всех направлениях.

Над аэродромом пристроилась и группа прикрытия 6 ЛаГГ-3. При подходе к аэродрому были встречены сильным огнем МЗА.

Две пары самолетов ЛаГГ-3 начали подавлять зенитный огонь, а мы с ходу начали штурмовку материальной части.

Лейтенант Закурдаев и лейтенант Журов атаковали взлетевшую дежурную пару Ме-109 и сбили ее. Больше самолеты не взлетали. После первой атаки наша группа смешалась.

Зенитка была беспорядочно и редко, так как штурмующие самолеты снижались до бреющего полета, расстреливая даже отдельных фрицев, бежавших в укрытие. Так, например, майор Давидков расстрелял фрица, повисшего на колючей проволоке.

Уходить с аэродрома начали «змейкой», пока подтянулись все самолеты. Девять очагов пожара видны были на расстоянии 30 км. Все наши самолеты возвратились на свой аэродром.

Посадку произвели в сумерках по кострам.

Восемь самолетов имели несколько пулевых пробоин. Технический состав работал целую ночь, и к утру все самолеты были исправны. На второй день с рассветом этим составом экипажей был произведен повторный налет на аэродром Таганрог.

▲ Удар истребителей

▲ Удар по аэродрому

По-видимому, фрицы не ожидали нас так рано. Зенитки начали стрелять только после второго захода. При отходе от цели в воздухе появилась пара Me-109, которая не вступила в бой, но преследовала нас 15 км, идя выше на 600 м и в стороне на 100 м.

Мы потеряли один самолет от зенитного огня

По агентурным данным, на аэродроме Таганрог было полностью уничтожено 23 самолета Me-109.

Победа в воздухе была обеспечена: отличной техникой пилотирования (взлет и посадка с боковым и попутным ветром в сумерках), отличной дисциплиной строя, хорошей стрелковой подготовкой и, несомненно, высоким патриотизмом наших летчиков.

МАРТ 1945 ГОДА. ШТУРМОВКА АЭРОДРОМА ОЛИВА (ДАНЦИГ)

По данным визуального наблюдения летчиков и фоторазведки, на аэродроме Олива находилось до 80 самолетов противника, преимущественно одномоторных. Нашему иап, базировавшемуся на аэродроме Грауденц, была поставлена задача: тремя группами по 12 самолетов Ла-5 и Ла-7, с бомбовой нагрузкой по 2 бомбы «АО25» на самолет, нанести бомбоштурмовой удар по аэродрому Олива.

Я был командиром 3-й группы.

Летный состав тщательно изучил маршрут к цели и обратно по карте. По фотоснимкам аэродрома изучили расположение самолетов так, что каждый летчик мог начертить их на память.

Утром, во время пробы моторов, все летчики сели в самолеты, и я с каждым проверил двухстороннюю радиосвязь.

После этого пошли на площадку, где был выложен на земле весь маршрут полета со всеми характерными ориентирами и аэродромом противника, с приближенным расположением на нем самолетов.

Проигрыш полета проводили одновременно всеми тремя группами, начиная от запуска моторов и до выключения их после посадки.

Вводные при проигрыше давали командир корпуса, командир полка и ведущие групп. Дистанция между группами была установлена 3 минуты, скорость полета 360 км/час.

Особое внимание при проработке задания было уделено радиосвязи. Включать передатчик имел право ведущий группы и его два заместителя. Летчик включал передатчик только в исключительных случаях (при появлении самолетов противника или при уходе своих на вынужденную посадку).

Такая установка была нужна для того, чтобы ведущий группы в любой момент мог быть уверен в ясности его управления группой по радио. Время удара было выбрано с таким расчетом, чтобы солнце было на нашей стороне.

Перед вылетом на штурмовку пара самолетов Ла-7 произвела доразведку цели и по условному коду передала по радио, что цель на месте.

Первая группа запуск моторов производила по ракете с КП, вторая и третья группы запускали моторы после взлета 8 самолетов впереди идущей группы.

После взлета второй группы на старт вырулил я со своей группой. Впереди стояло правое звено, сзади между самолетами стояло мое звено, и за мной — левое звено.

Взлет производился парами.

Такой порядок пристраивания на старте обеспечивал быстрый взлет и сбор всей группы 12 самолетов на втором развороте. Перед взлетом первой штурмующей группы вылетела группа 12 самолетов Ла-7 для расчистки воздуха.

За 30 км до цели я получил предупреждение ведущего первой штурмующей группы.

Перелетев линию фронта, летчики поставили бомбосбрасыватели на «предохранитель открыт».

Облачность — 6-7 баллов, высота — 2400 м.

Высота полета — 2200 м.

По маршруту боевой порядок группы был «клин» звеньев, в звеньях «правый пеленг». За 15 км до цели я перестроил группу в «правый пеленг». Дистанция и интервал между звеньями были 300-200 м.

Подходя к аэродрому, я видел пожары на аэродроме и в воздухе клубы черного и белого дыма от разрывов зенитных снарядов МЗА и крупнокалиберных.

Мою группу зенитки обстреливали слабо. Я подал команду по радио: «Иду в атаку». С разворота на 90° перевел самолет в пикирование. Пикировал вдоль стоянок самолетов. Два других звена пикировали на другие самолеты.

Бомбы сбросил с высоты 800 м, вывел самолет из угла, чтобы отстать от бомб, и опять перевел в пикирование для обстрела из пушек. Второй заход делали с высоты 800 м, вводили в пикирование с разворота на 45-90°, пикировали с углом 20-30° до высоты 100м.

Уход от цели производил «змейкой», пока подтянулись звенья. При подходе к аэродрому я запросил по радио разрешения на посадку. Мне передали, что на кругу 16 самолетов и чтобы я не распускал группы.

Когда на кругу осталось 4 самолета, я распустил группу, свое же звено распустил над «Т», что обеспечивает посадку всех 4 самолетов с одного круга.

После взятия нашими войсками Данцига на аэродром была послана комиссия, которая отметила больше 20 сожженных самолетов и на 40 самолетах осколочные пробоины.

Вывод

Я производил штурмовку аэродромов более 10 раз. После выполнения каждого задания я тщательно анализировал положительные и отрицательные стороны этого вида боевой работы истребителя.

Считаю, что в будущей войне, кроме своих прямых задач (борьба с самолетами противника в воздухе), истребители будут выполнять задачи уничтожения самолетов противника на земле.

Точность бомбометания с пикирования на истребителе очень велика. Современное вооружение истребителя позволяет с одной атаки зажечь самолет противника, стоящий на земле неподвижно. Для этого необходимо учить летный состав стрелять и бомбить с любого положения и на любых скоростях не только по подвижным целям в воздухе, но и по неподвижным на земле.

ПЕРСПЕКТИВНОЕ ФОТОГРАФИРОВАНИЕ ПЕРЕД ЯССКО-КИШИНЕВСКОЙ ОПЕРАЦИЕЙ

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ГВАРДИИ КАПИТАН НИКИТИН М. Е.

НИКИТИН МИХАИЛ ЕГОРОВИЧ РОДИЛСЯ 29.09. 1918 Г. В ДЕРЕВНЕ ОДЕРИХИНО НЫНЕ СОБИНСКОГО РАЙОНА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ, В СЕМЬЕ РАБОЧЕГО. РУССКИЙ. ЧЛЕН ВКПБ С 1943 Г. ОКОНЧИЛ ВЛАДИМИРСКИЙ ХИМИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ. РАБОТАЛ НА ХИМИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ В ГОРОДЕ ВЛАДИМИРЕ. В КРАСНОЙ АРМИИ С 1940 Г.. В 1941 Г. ОКОНЧИЛ КИРОВАБАДСКУЮ ВОЕННО-АВИАЦИОННУЮ ШКОЛУ ПИЛОТОВ. НА ФРОНТЕ С ИЮНЯ 1942 Г. КОМАНДИР ЭСКАДРИЛЬИ 131-ГО ГВАРДЕЙСКОГО ШТУРМОВОГО АВИАПОЛКА (7-Я ГИАД, 3-Й ГШАК, 5-Я ВОЗДУШНАЯ АРМИЯ, 2-Й УКРАИНСКИЙ ФРОНТ), ГВАРДИИ СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ. К МАЮ 1945 Г. СОВЕРШИЛ 171 БОЕВОЙ ВЫЛЕТ НА РАЗВЕДКУ И ШТУРМОВКУ ВРАЖЕСКИХ УКРЕПЛЕНИЙ, СКОПЛЕНИЙ ВОЙСК ПРОТИВНИКА. ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПРИСВОЕНО 15.05. 1946 Г. ПОСЛЕ ВОЙНЫ ПРОДОЛЖАЛ СЛУЖБУ В ВВС. В 1951 Г. ОКОНЧИЛ ВОЕННО-ВОЗДУШНУЮ АКАДЕМИЮ, В 1960 Г. — ВОЕННУЮ АКАДЕМИЮ ГЕНШТАБА. С 1975 Г. ПОЛКОВНИК НИКИТИН — В ЗАПАСЕ. ЖИЛ В МОСКВЕ. РАБОТАЛ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ. НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ ЛЕНИНА, 3 ОРДЕНАМИ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ, ОРДЕНАМИ СУВОРОВА 3-Й СТЕПЕНИ, АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО, ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1-Й СТЕПЕНИ, 2 ОРДЕНАМИ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ, ОРДЕНОМ «ЗА СЛУЖБУ РОДИНЕ В ВС СССР» 3-Й СТЕПЕНИ, МЕДАЛЯМИ. УМЕР 5 АВГУСТА 1995 ГОДА.

Перед началом Яско-Кишиневской операции мне пришлось впервые применить перспективное фотографирование в интересах бронетанковых войск и кавалерии.

Фотографирование выполнялось в намеченных районах прорыва обороны противника Тыргу — Фрумое, Тыргу — Пямо. Снимались полосы местности на всю глубину действий соединений указанных войск.

Фотографирование выполнялось фотоаппаратами АФА-ИМ, счетверенными установками (вперед) самолетами Ил-2 с высоты 25 м.

Устанавливались четыре аппарата: 2 в гондолах шасси, а два в фюзеляже в кабине стрелка. Наклон оптической оси вперед устанавливался в пределах 5–17°.

Выполнение полета на фотографирование производилось следующим образом:

К вылету снаряжалась группа 6–8 самолетов Ил-2, из которых 2 самолета (мой и ведомого) были с фотоустановками.

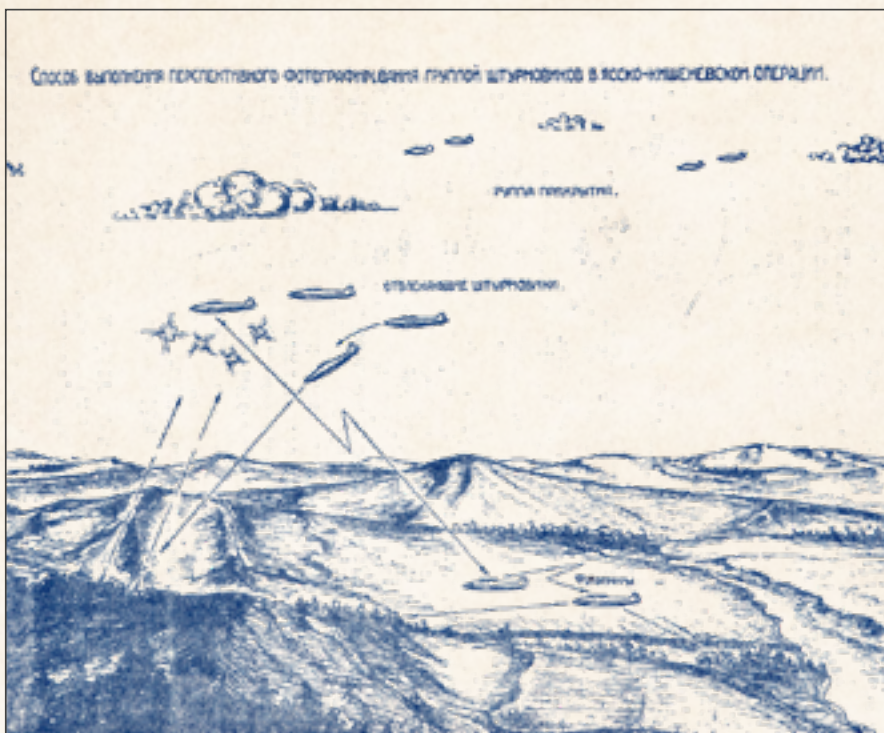
Боевой порядок группы, — правый или левый «пеленг», в зависимости от разворота на маршруте и над целью.

Перед полетом весь летный состав тщательно изучил маршрут полета и район фотографирования (рис.87).

По маршруту над своей территорией полет выполнялся всей группой на высоте 800–1000 м.

Не доходя 10–15 км до линии фронта, я со своим ведомым переходил на бреющий полет, оставляя на прежней высоте остальную группу самолетов (во главе с моим заместителем), которые следовали по задан-

▲ Перспективное фотографирование

ному для фотографирования маршруту. Задача нашей пары сводилась к тому, чтобы точно пройти по заданному маршруту и сфотографировать его.

Фотографирование производили, предупреждая друг друга по радио. Связь по радио также держалась и с ведущим верхней группы.

Ввиду сильного противодействия огневых средств противника задача этой группы сводилась к тому, чтобы отвлекать весь огонь на себя и подавлять его.

Так как на бреющем полете детальная ориентировка затруднена, а в вследствие этого возможно и отклонение от маршрута фотографирования (тем более в пересеченной местности), ведущий верхней группы вел точную детальную ориен-

тировку и, следя за мной, в случае отклонения от маршрута, предупреждал меня по радио.

Чтобы обеспечить на бреющем полете большую безопасность от огня всех видов оружия, мы с ведомым проделывали следующее: пока один из нас производил фотосъемку, другой давал короткие пулеметные очереди вперед, а стрелки обоих самолетов давали такие же очереди по сторонам. Своим огнем мы прижимали к земле всю прислугу огневых точек противника, встречаемых нами на маршруте, а затем, пользуясь пересеченной местностью, быстро скрывались за холмами, одновременно фотографируя свой маршрут. Закончив фотографирование, выходили в безопасный район (лесной массив, болотистая местность), набирали соответствующую высоту и другим маршрутом со всей группой уходили на свою территорию.

Полеты производились под прикрытием истребителей Ла-5, следовавших по обе стороны на некотором удалении и с превышением над группой фотографирующих самолетов, находящихся на высоте.

Успех этих полетов на фотографирование всецело зависит от точного выхода на исходный пункт маршрута и точного прохождения по маршруту.

Этому успеху способствовала тщательная и кропотливая подготовка с проигрышем каждого полета. Детально изучался рельеф местности района фотографирования, воспроизведенный в ящике с песком. Это, в основном, и давало мне возможность точно вести детальную ориентировку на бреющем полете и фотографировать точно по заданному маршруту, так как я знал уже каждый кустик и бугорок. Важное значение имеет также умелое использование радиосвязи между экипажами.

Успех наш зависел еще и от того, что мы летали постоянно с тем же летным составом, с одним и тем же прикрытием истребителей. Слтанность и взаимопонимание в воздухе — это основа успешного выполнения задания.

Результаты фотографирования размножались и направлялись в штабы кавалерийских и пехотных подразделений, откуда авиационные штабы получали хорошие отзывы о наших фотоснимках.

Наглядные перспективные снимки с крупным масштабом легко дешифрируются и без затруднений используются войсками.

Перспективное фотографирование сыграло большую положительную роль в успехе Яско-Кишиневской операции при прорыве сильно укрепленной системы обороны противника.

ДЕЙСТВИЯ ШТУРМОВИКОВ-«ОХОТНИКОВ» ПО МОТОКОЛОННЕ

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ГВАРДИИ МАЙОР ОДИНЦОВ М. П.

ОДИНЦОВ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ РОДИЛСЯ 18. 11. 1921 Г. В СЕЛЕ ПОЛОЗОВЕ НЫНЕ ЧАСТИНСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ, В СЕМЬЕ СЛУЖАЩЕГО. РУССКИЙ. ЧЛЕН ВКП(Б) С 1943 Г. ОКОНЧИЛ 7 КЛАССОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ШКОЛЫ № 36. В КРАСНОЙ АРМИИ С 1938 Г. ОКОНЧИЛ ПЕРМСКУЮ ВАШП В 1939 Г., ЭНГЕЛЬСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ ЛЕТЧИКОВ В 1940 Г. НА ФРОНТЕ С ИЮНЯ 1941 Г. В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ СОВЕРШИЛ НЕСКОЛЬКО БОЕВЫХ ВЫЛЕТОВ НА СУ-2. КОМАНДИР ЭКСАДРИЛЬИ 820-ГО ШАП (292-Я ШАД, 1-Й ШАК, 5-Я ВА, СТЕПНОЙ ФРОНТ) СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ. К СЕНТЯБРЮ 1943 Г. СОВЕРШИЛ 96 БОЕВЫХ ВЫЛЕТОВ, НАНЕС БОЛЬШОЙ УРОН ВРАГУ. ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПРИСВОЕНО 4. 02. 1944 Г. ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДИРА 155-ГО ГШАП (9-Я ГШАД, 1-Й ГШАК, 2-Я ВА, 1-Й УКРАИНСКИЙ ФРОНТ), ГВАРДИИ МАЙОР. К КОНЦУ ВОЙНЫ СОВЕРШИЛ 216 БОЕВЫХ ВЫЛЕТОВ, УНИЧТОЖИЛ 2 САМОЛЕТА ПРОТИВНИКА. ОКОЛО 200 БОЕВЫХ ВЫЛЕТОВ СОВЕРШИЛ ВЕДУЩИМ. НАГРАЖДЕН ВТОРОЙ МЕДАЛЬЮ «ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА» 27. 06. 1945 Г. ПОСЛЕ ВОЙНЫ КОМАНДОВАЛ АВИАПОЛКОМ, ДИВИЗИЕЙ И АВИАЦИЕЙ ВОЕННОГО ОКРУГА. В 1952 Г. ОКОНЧИЛ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ АКАДЕМИЮ, В 1959 Г. — ВОЕННУЮ АКАДЕМИЮ ГЕНШТАБА. ЛЕТАЛ НА БОЕВЫХ РЕАКТИВНЫХ МАШИНАХ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ. ЗАСЛУЖЕННЫЙ ВОЕННЫЙ ЛЕТЧИК СССР. ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК АВИАЦИИ (1976). С 1976 Г. — ГЕНЕРАЛ-ИНСПЕКТОР ВВС ГЛАВНОЙ ИНСПЕКЦИИ МО СССР.

С 1981 Г. ПОМОЩНИК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ОБЪЕДИНЕННЫМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА ПО ВВС В ВОЙСКЕ ПОЛЬСКОМ. АВТОР НЕСКОЛЬКИХ КНИГ. СРЕДИ НИХ: «ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ», М., 1983; «ПРЕОДОЛЕНИЕ», СВЕРДЛОВСК, 1987. ЖИЛ И РАБОТАЛ В МОСКВЕ. УМЕР 12 ДЕКАБРЯ 2011 ГОДА. НАГРАЖДЕН 2 ОРДЕНАМИ ЛЕНИНА, ОРДЕНОМ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, 5 ОРДЕНАМИ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ, ОРДЕНОМ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО, 2 ОРДЕНАМИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1-Й СТЕПЕНИ, ОРДЕНАМИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 2-Й СТЕПЕНИ, КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ, «ЗА СЛУЖБУ РОДИНЕ В ВС СССР» 3-Й СТЕПЕНИ, МЕДАЛЯМИ, ИНОСТРАННЫМИ ОРДЕНАМИ, БРОНЗОВЫЙ БЮСТ УСТАНОВЛЕН В СВЕРДЛОВСКЕ.

Действия штурмовиков-«охотников» нашего полка, базировавшегося на аэродроме Андринополь, происходили в ноябре 1942 г. в районе, расположенном юго-западнее г. Белый.

Противник, впустив наши танки в г. Белый, охватил его со всех сторон. В месте прорыва противник создал сильные клещи и прилагал все усилия для отсечения наших войск, прорвавшихся в глубь его обороны.

На флангах были созданы сильные группировки из пехоты и танков, которые почти отрезали наши войска. Из глубины, видимо, из Смоленска, противник спешно подбрасывал мотодивизию СС «Мертвая голова». Создавалась обстановка, явно неблагоприятная для нас.

Наши войска, вклинившиеся глубоким и узким клином в оборону противника, у основания клина были сильно потеснены и испытывали острый недостаток в боеприпасах и горючем. Попытка расширить

▲ Ил-2 штурмуют немецкую колонну

Боевая зарядка: бомб — 600 кг (2 ФАБ-100 с замедлением и набор мелких осколочных бомб), 8 РС-82, 300 снарядов ВЯ, 400 патронов ШКАС на каждый самолет.

Я получил задание в 9.00 и проработал его с ведомым. Был принят следующий план полета: ведомый идет с той стороны, где он считает более удобным, но в случае необходимости выполняет мои указания. Ввиду плохой погоды строй вытянуть в глубину (интервал 20 м, дистанция 50), так как он обеспечивает самолетам полную свободу действий. Основная ответственность за воздух была передана ведомому, а поиск цели и выбор цели я взял на себя.

Предельное время полета с полным просмотром указанного района равнялось двум часам. Поэтому весь полет должен был протекать на экономичном режиме работы мотора.

В случае невозможности парного полета было условлено, что полет выполняется каждым экипажем самостоятельно.

Атака колонны, если она будет найдена, поочередная, так как основной комплект бомб был мгновенного действия.

Ведущий атакует, ведомый обеспечивает выход из атаки. После выхода из атаки ведущего атакует ведомый, после чего все повторяется снова.

Подготовка к полету заняла 50–60 мин., после чего я своей парой вылетел на задание.

До линии фронта пришлось идти брющим полетом. Пройдя один снегопад, который шел полосой в 20–30 км, мы уже на линии фронта вышли в район лучшей погоды, которая делала возможным поиск. Облака поднялись до 150–200 м и видимость улучшилась, что дало возможность просматривать до 3–5 км. Выйдя в район погоды лучший, чем мы предполагали, нам пришлось изменить боевой порядок и идти сомкнутым строем под нижней кромкой облачности.

Просмотр района был начат с юга, с постепенным уходом на север.

Клин у его основания положительных результатов не дала. Таким образом с подходом резервов противник имел полную возможность отрезать наши войска.

Погода на этом участке фронта стояла плохая. Постоянная низкая облачность, частые снегопады и обледенение не давали возможности пользоваться авиацией.

Ввиду невозможности действовать группами, было приказано действовать парами охотников, а в случае надобности — одиночными экипажами.

В день выполнения задания облачность была 10 баллов, высота 50–200 м с местными снегопадами. Видимость в снегопаде 500 м, вне его — 1,5–2 км.

Мне было приказано: в составе пары с мл. лейтенантом Алеко просмотреть грунтовые дороги, идущие из городов Смоленск и Ярцево к г. Белый. Цель поиска: обнаружить на этих дорогах движение мотоколонн и техники противника. При обнаружении штурмовать, стараясь создать пробки на дорогах.

Пересекая дороги с запада на восток вплоть до железной дороги Тупик -Ярцево, я обратил внимание на две из них, идущие к г. Белый, которые довольно резко выделялись из общей сети дорог своей нака-танностью. Одна дорога шла от г. Ярцево, вторая — от Смоленска.

Я сделал вывод, что противник подбрасывал войска по параллельным дорогам. Теперь задача заключа-лась в том, чтобы найти эти войска. Если они не дошли до места назначения, то сейчас должны быть на марше. Передав ведомому по радио дальнейшую цель полета, я снова вышел на место их первого пересечения и ломаным маршрутом пошел на север, имея осью маршрута эти две дороги, которые постепенно должны были сблизиться. Вскоре я обнаружил в общей сложности 700 машин с пехотой и артиллерией. Увидев колонны на приличном расстоянии, я обошел их стороной и вышел к их голове, рассчитывая создать пробку впереди и этим задержать идущие сзади машины, так как глубокий снег делал невозможным объезд.

При выходе на цель мы были встречены огнем батареи МЗА, которая, видимо, постоянно охраняла этот участок дороги. Атаковав поочередно эту батарею, мы заставили ее замолчать, и в дальнейшем она не проявляла больше признаков жизни.

За основную цель была выбрана голова колонны протяжением около 200 м, на которую и был израсхо-дован в основном весь боекомплект.

Поочередными атаками с малым углом пикирования, РС, бомбами, пулеметным и пушечным огнем было уничтожено до 10–12 автомашин. Каждый экипаж сделал по 7 атак. Колонна не имела противово-здушной обороны, так как рассчитывала, что в такую погоду противодействия со стороны авиации не будет. Не встречая сопротивления с земли и воздуха, мы работали фактически, как в полигонных условиях.

Застопорив движение, мы обстреляли пехоту, которая в момент наших атак разбежалась и лежала в снегу по обеим сторонам дороги. Уйти от дороги она далеко не могла, так как снег был по пояс. Оде-тая в темные шинели, она ярко выделялась на снежном фоне. Можно было различить каждого солдата.

Оставив колонны на месте, мы без происшествий вышли на свою территорию и вернулись на свой аэродром.

После доклада о выполнении задания и дополнительного уточнения данных о колонне противника, обнаруженной в этом районе, командование дивизии направило на нее все усилия «охотников»-штур-мовиков.

В результате действия последующих экипажей колонна была остановлена и потеряла много техники и, видимо, живой силы, так как появление этой части на фронте было обнаружено лишь через сутки, хотя находилась она в момент обнаружения в 15 км от линии фронта.

НОЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПО Г. БУДАПЕШТ НА САМОЛЕТЕ ИЛ-4

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ГВАРДИИ ПОДПОЛКОВНИК СОКОЛОВ С. Н.

СОКОЛОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ РОДИЛСЯ 12 ОКТЯБРЯ 1913 Г. В ГОРОДЕ КАЗАНЬ В СЕМЬЕ РАБОЧЕГО. ОКОНЧИЛ 2 КУРСА КАЗАНСКОГО АВИАЦИОННОГО ИНСТИТУТА. РАБОТАЛ СЛЕСАРЕМ. В КРАСНОЙ АРМИИ С 1935 Г. В 1937 Г. ОКОНЧИЛ ОРЕНБУРГСКУЮ ВОЕННО-АВИАЦИОННУЮ ШКОЛУ ЛЕТЧИКОВ. УЧАСТНИК СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939-1940 ГГ. В 1941 Г. ОКОНЧИЛ 1 КУРС ВОЕННО-ВОЗДУШНОЙ АКАДЕМИИ. В БОЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ С ИЮЛЯ 1941 Г. ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДИРА 3-ГО ГВАРДЕЙСКОГО АВИАЦИОННОГО ПОЛКА ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ (2-Я ГВАРДЕЙСКАЯ АВИАЦИОННАЯ ДИВИЗИЯ, 2-Й ГВАРДЕЙСКИЙ АВИАЦИОННЫЙ КОРПУС, АДД) ГВАРДИИ ПОДПОЛКОВНИК СОКОЛОВ К ИЮЛЮ 1944 Г. СОВЕРШИЛ 197 БОЕВЫХ ВЫЛЕТОВ НА БОМБАРДИРОВКУ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ ПРОТИВНИКА. ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПРИСВОЕНО 19.08.44. ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОВЕРШИЛ 230 БОЕВЫХ ВЫЛЕТОВ НА ИЛ-4. В 1948 ГОДУ «ЧЕРЕЗ ВОЙНУ» ОКОНЧИЛ ВОЕННО-ВОЗДУШНУЮ АКАДЕМИЮ, В 1955 Г. — ВОЕННУЮ АКАДЕМИЮ ГЕНШТАБА. С 1954 Г. — СТАРШИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ЭТОЙ АКАДЕМИИ, КАНДИДАТ ВОЕННЫХ НАУК, ДОЦЕНТ. С 1974 Г. ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ АВИАЦИИ СТОЛОВ — В ОТСТАВКЕ. ЖИЛ В МОСКВЕ. НАГРАЖДЕН 2 ОРДЕНАМИ ЛЕНИНА, 3 ОРДЕНАМИ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ, ОРДЕНАМИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО, ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1 — И СТЕПЕНИ, КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ, МЕДАЛЯМИ. УМЕР 21 АВГУСТА 1983 ГОДА.

В сентябре 1944 г. авиация дальнего действия производила налеты на военные объекты последнего союзника Германии — Венгрии. Мне пришлось участвовать в налетах на Будапешт, Добрецен, Сому-Маре. Наш полк, в котором я был заместителем командира полка, базировался на аэродроме Борисполь (в 30 км сев.-вост. Киева).

Около 9 часов 13 сентября 1944 г. было получено предварительное распоряжение штаба дивизии о подготовке к налету на г. Будапешт в ночь на 14.9. Летный состав приступил к подготовке карт, изучению района и был вывезен на аэродром для осмотра и подготовки материальной части.

В 14.00 командир полка в присутствии всего летного состава поставил боевую задачу. Целью нашего полка был центр города — кварталы, где находились правительственные здания. Мой экипаж имел задачу: выполнив бомбометание, во время действий дивизии произвести визуальное контролирование результатов бомбардирования.

При действиях одиночными экипажами ночью боевой порядок сохраняется при условии строгого выдерживания времени выхода на цель, которое устанавливается приказом для каждого экипажа.

Несмотря на то, что длина маршрута до цели была свыше 900 км, необходимо было выйти на цель точно в заданное время. При подготовке к полету затруднения в выборе плана действия над целью состояли в том, что не была известна дислокация средств ПВО противника по маршруту и в районе г. Будапешт.

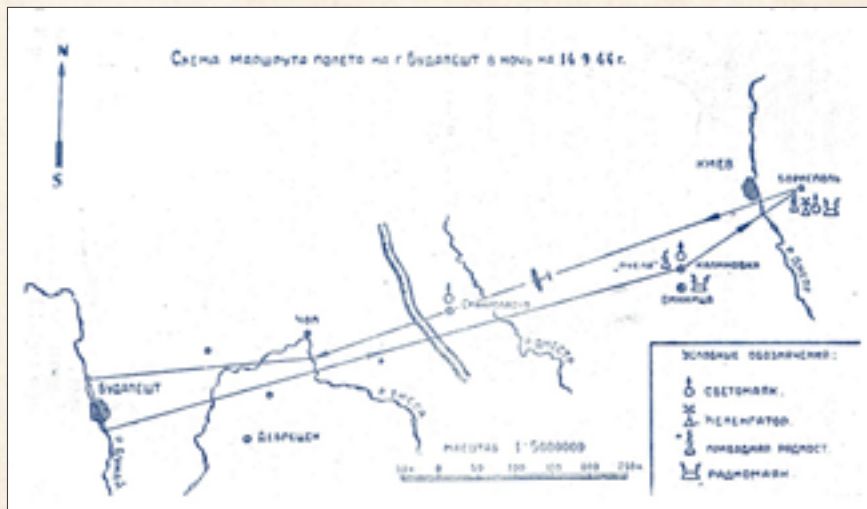

Были известны общие данные о наличии ЗА, прожекторов, о базировании на аэродромах Добрецен, Мишкольц, Нифедьхозе, Будапешт ночных истребителей.

На всю подготовку к полету в распоряжении экипажа имелось около 6 часов.

Я готовил карту 25 км в 1 см. Штурман имел карту 10 км в 1 см и карту цели 200.000.

Я на своей карте нанес: маршрут, необходимые средства ЗОС по маршруту, запасные аэродромы. Были выбраны также ориентиры, которые должны быть надежно видимы при полете ночью: р. Днепр, р. Тиса, р. Дунай. По ним произвели расчет и разметку маршрута.

Кроме того, на заготовленном твердом бланке, который можно было легко положить в карман комбинезона, я составил табличку с данными: время полета по этапам, расстояние, высота, МПУ, время переключения баков. Такая подготовка в ночных условиях давала возможность вести общую ориентировку, а при выходе на основные ориентиры установить точное местонахождение.

Вылет я произвел в 18 часов (рис. 43).

До наступления полной темноты несколько раз измерили ветер, уточнили курс следования и путевую скорость.

Так как полет над своей территорией продолжался почти 2 часа, а самолет имел перегрузочный вариант (горючего — полностью, бомб — 1 ФАБ-500, 5 ФАБ-100 ТШ и 5 ЗАБ-100 ЦК), мы почти до рубежа р. Днепр летели на высоте до 1500 м, чтобы радиолокаторы противника как можно позднее обнаружили наш полет. Пересекли Карпатские горы на высоте 3500 м.

Погода: до Карпатских гор — ясно, горы были покрыты облаками 6–8 баллов. До выхода на р. Тиса не было никаких характерных ориентиров, видимость 5–7 км. Пилотирование приходилось осуществлять почти вслепую — по приборам.

После перелета гор полет до цели я осуществлял с изменением высоты и курса, чтобы затруднить действия наземных радиолокаторов и ночных истребителей. При полете над долиной р. Тиса я снизился до высоты 2300 м, затем перешел к набору высоты и через каждые 500–600 м летел по горизонту 4–5 мин.; набрав высоту 5300 м, я через 3–4 минуты для просмотра экипажем задней полусферы производил отвороты на 15–20°.

Так как по условиям видимости нельзя было точно определить прохождение над ж.-д. узлами и крупными пунктами, мы подвергались, следуя по маршруту, внезапному обстрелу ЗА без прожекторов. Снаряды рвались точно по высоте полета и близко от самолетов. Впереди идущий самолет был сбит и горящий упал в районе Машкольц. Мы пришли к выводу, что ЗА действует по данным зенитных радиолокаторов. Поэтому я применил следующий маневр: как только экипаж замечал разрывы, подавал команду и производил резкие отвороты с курса со снижением, по выходе из зоны обстрела снова вел по маршруту.

Когда до цели оставалось 35–40 мин., уточнив свое место, я осуществлял полет по маршруту с периодическим изменением курса на 20–30° и с набором высоты. Изменяя курс через 3–4 мин., мы сохраняли средний курс к цели.

К такому маневрированию по маршруту мы перешли с конца 1943 г. после того, как повысилась активность ночных истребителей противника.

К цели подходили с превышением над заданной высотой бомбометания на 1000 м. Запас времени около 8 мин. погасили выходом на р. Дунай (севернее Будапешта) и вышли на цель точно к началу удара нашей дивизии (рис. 44).

Так как впереди нас действовали осветители, мы при подходе к цели наблюдали действия ПВО противника.

В радиусе 15–20 км светило около 80 прожекторов, ЗА давала заградительный огонь. Прожекторы действовали не как обычно, они не искали самолетов, а ставили свои лучи почти неподвижно, вертикально, создавая вместе с освещающими цель САБ общее освещенное пространство. Если самолет попадал в луч прожектора, то нетрудно было выходить из луча скольжением.

Выше нашей высоты бомбометания загорались отдельные САБ яркого желтого цвета. Все это говорило о том, что ночные истребители действовали активно.

Развернувшись на курс 170° и следуя параллельно р. Дунай, мы подходили к цели на скорости со снижением, с выходом на НБП перешли на горизонтальный полет на высоте 4500 м. САБ освещали так, что не было никаких затруднений в выборе точки прицеливания. Бомбометание производили с горизонтального полета на скорости 320 км/час, преодолев зону заградительного огня ЗА на боевом пути.

Когда бомбы были сброшены, мы с беспорядочным изменением курса на высоте 3000 м вышли из зоны ЗА и прожекторов в направлении на юго-восток. После этого произвели контролирование результатов бомбометания обходом города с юга и запада, постоянно меняя высоту и направление полета. Основная масса бомб рвалась в заданном месте в центре города.

Чтобы снизить возможность встречи с ночными истребителями, обратный маршрут мы прошли на меньшей высоте, чем при полете к цели.

На свой аэродром благополучно вернулись через 7 ч. 30 м. после взлета.

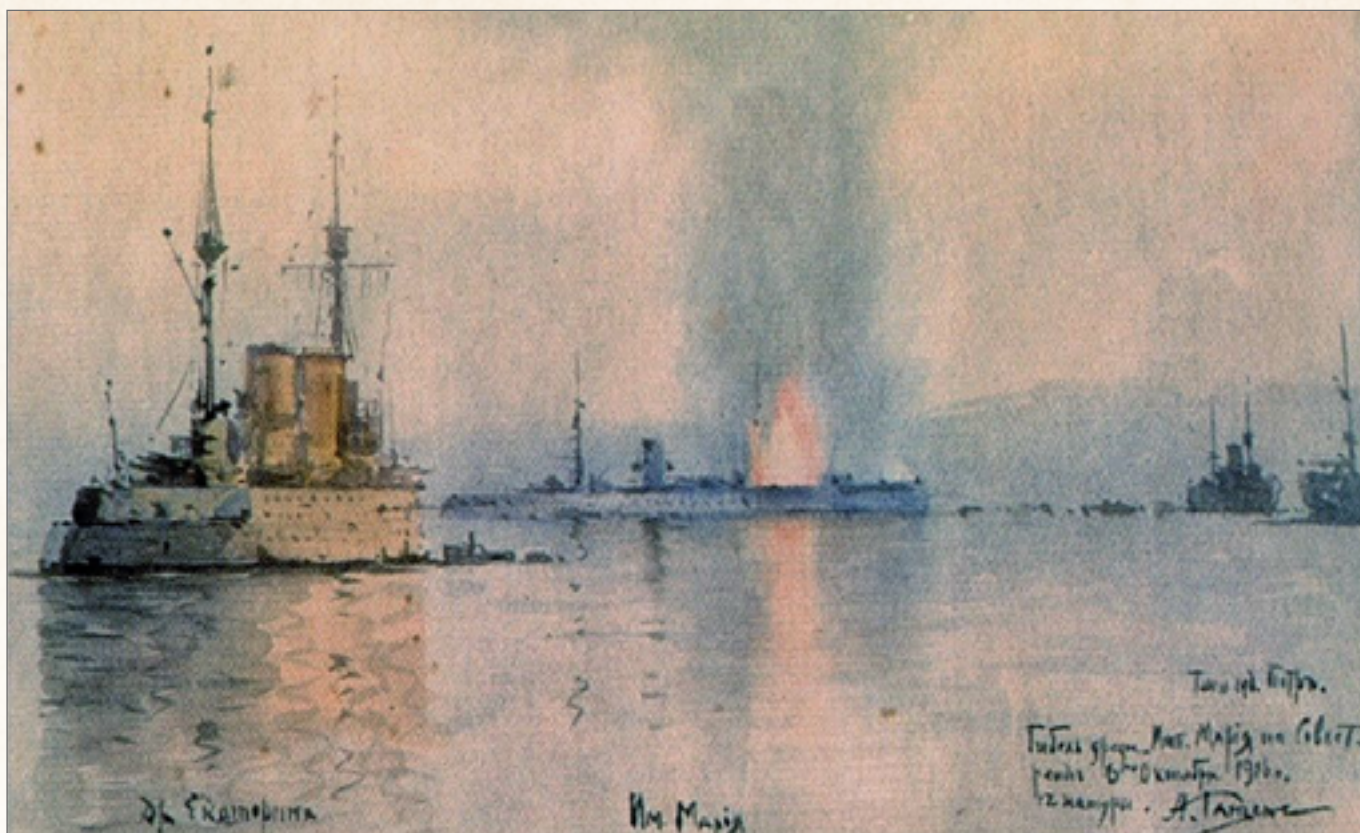
▲ Действия по Будапешту

АНДРЕЙ ШИШКИН

ЛИНКОР «ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ»

▲ Гибель линкора

До сих пор умы историков и специалистов будоражит трагическая гибель в 1916 году одного из сильнейших российских боевых кораблей — Черноморского линейного корабля «Императрица Мария».

Корабли, как и люди, имеют свою судьбу. Одни из них, прожив долгую и славную жизнь и отслужив положенный срок, ушли в историю, другие, жизнь которых была скоротечна, подобно магниевой вспышке, след

от своей недолгой, но яркой биографии оставили навсегда. Такова короткая боевая судьба линкора «Императрица Мария».

Рождение этого корабля приходится на период развития российского военного флота, когда возрождение отечественной морской мощи после трагедии Цусимы стало одной из главнейших задач.

Предшественники «Марии» — бригада линейных кораблей Балтийского флота: «Севастополь»,

«Полтава», «Гангут» и «Петропавловск» — пример высокого уровня развития отечественного судостроения и мастерства корабелов. Появление на Балтике мощной группировки современных боевых кораблей надежно защитило интересы России на этом театре военных действий.

Но оставался еще и Черноморский флот, в составе которого находились устаревшие линейные корабли (бывшие эскадренные броненосцы), которые по своим тактико-техниче-

ским данным уже не могли решить боевые задачи в соответствии с новыми условиями войны на море. Решение об усилении Черноморского флота новыми линкорами было вызвано и намерением извечного противника России на юге — Турции — приобрести за границей три современных линейных корабля типа «Дредноут», что сразу же обеспечивало ей подавляющее превосходство на Черном море.

Чтобы, сохранить паритет, Морское ведомство России настояло на безотлагательном усилении Черноморского флота за счет ввода в строй новейших линкоров.

Предполагалось спустить на воду четыре линейных корабля, тактико-технические данные которых превосходили даже балтийские линкоры типа «Севастополь». После многочисленных конкурсов и экспертиз честь постройки первого линкора на Черном море была предоставлена судостроительному акционерному обществу «Руссуд» в г. Николаеве.

11 июня 1911 года, одновременно с церемонией официальной закладки, новый корабль был зачислен в состав российского императорского флота под названием «Императрица Мария».

В соответствии с контрактом его следовало спустить на воду в июле

1913 года, и этот срок был почти выдержан—«Мария» была спущена 6 октября 1913 года. Далее пошли достроечные работы.

И вот 23 июня 1915 года, подняв флаги, «Императрица Мария» начала настоящую боевую флотскую жизнь.

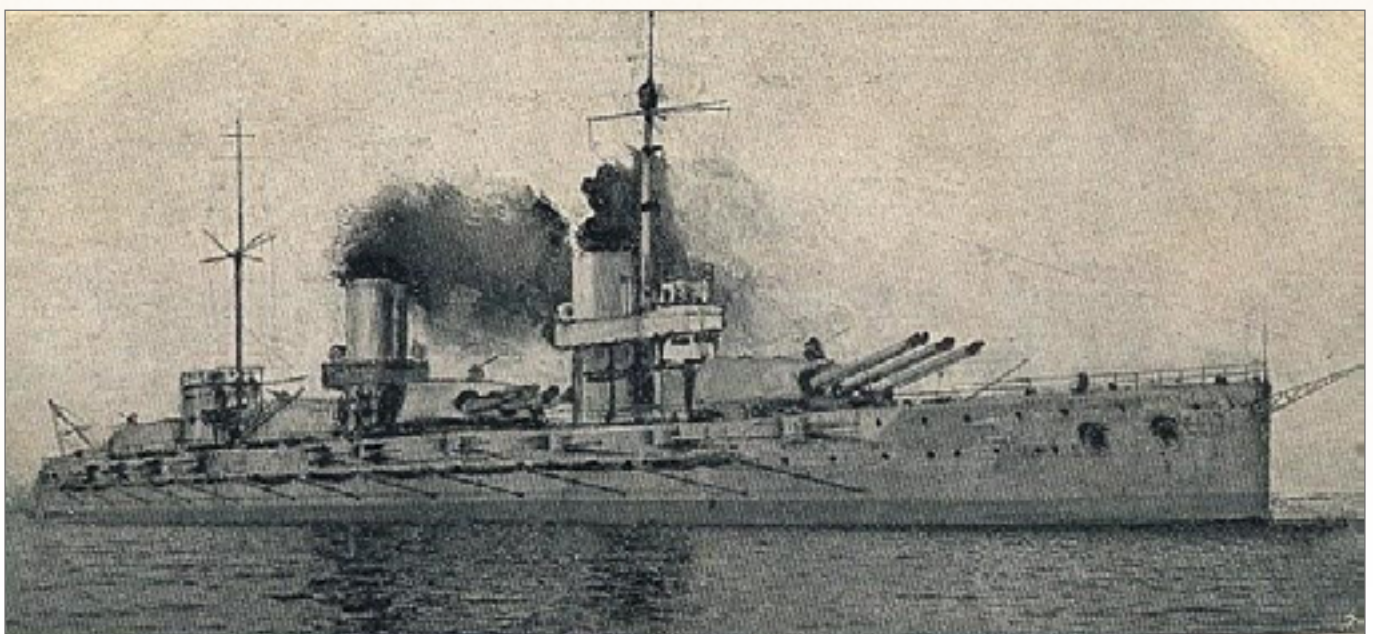
Линкор имел водоизмещение 25 465 тонн, длина корабля составляла 168 метров, скорость —21 узел. «Мария» несла на борту двенадцать 305-мм орудий главного калибра, двадцать 130-мм орудий, имелась противоминная артиллерия и торпедные аппараты, корабль был хорошо бронирован.

К этому времени боевые действия на Черном море шли полным ходом. Реальную опасность для российского флота представляли прорвавшиеся через черноморские проливы германский линейный крейсер «Гебен» и всегда сопровождающий его легкий крейсер «Бреслау», переименованные турками соответственно в «Явуз Султан Селим» и «Мидилли». Прекрасные «ходоки» с мощным вооружением, они своими набегами доставляли много неприятностей нашим морякам.

Уже через несколько месяцев после прихода в главную базу—Севастополь — «Мария» принимает активное участие в боевых операциях против германо-турецкого

флота. На линкоре держит флаг командующий Черноморским флотом адмирал Александр Колчак. Залпы орудий главного калибра быстрого линейного корабля, а также ввод в строй однотипного корабля — «Екатерина Великая» — положили конец наглým действиям германских крейсеров в черноморских водах. Особенно возросла нагрузка на линкоры во второй половине 1916 года. Только за июнь — октябрь совершено 24 боевых похода. Это была тяжелая, но весьма эффективная служба. Боевая деятельность противника была скована действиями «Императрицы Марии» и «Екатерины Великой». Но... глубокой ночью 7 октября 1916 года в 00 часов 20 минут на стоявшем в Северной бухте Севастополя линейном корабле «Императрица Мария» гремит взрыв. Затем в течение 48 минут — еще пятнадцать. Корабль начинает крениться на правый борт и, перевернувшись, тонет. Русский военный флот потерял 217 моряков и сильнейший боевой корабль.

Трагедия потрясла всю Россию. Выяснением причин гибели линкора занялась комиссия Морского министерства, которую возглавил боевой офицер, член Адмиралтейств-Совета адмирал Н.М. Яковлев. В годы русско-японской войны он командовал

▲ Линкор «Императрица Мария»

▲ Крейсер «Бреслау»

броненосцем «Петропавловск» и находился на командирском мостике броненосца, который ушел на дно после взрыва на японской mine вместе в адмиралом С. О. Макаровым и штабом 1-й Тихоокеанской эскадры. Сам командир корабля был выброшен взрывной волной с мостика и подобран шлюпкой, посланной с одного из крейсеров эскадры для спасения экипажа «Петропавловска». Членом комиссии был и известный кораблестроитель, член Академии наук России А. Н. Крылов, который стал автором заключения, одобренного всеми членами комиссии.

В ходе проведенного расследования были представлены три версии гибели линкора:

1. Самовозгорание пороха.
2. Небрежность в обращении с огнем или порохом.
3. Злой умысел.

Однако после рассмотрения всех трех версий комиссия заключила, что «прийти к точному и доказательно обоснованному выводу не представляется возможным, приходится лишь оценивать вероятность этих предположений, сопоставляя выяснившиеся при следствии обстоятельства».

Из возможных версий две первые комиссия в принципе не исключала. Что касается злого умысла, то, даже установив ряд нарушений в правилах доступа к артиллерийским погребам

и недостаток контроля за находившимися на корабле рабочими-ремонтниками, комиссия посчитала эту версию маловероятной.

Возможность злого умысла не подтверждал и адмирал А. В. Колчак, который уже спустя 15 минут после начала пожара прибыл на обреченный корабль. В своих показаниях после ареста Чрезвычайной следственной комиссией 24 января 1920 года Колчак заявил: «Насколько следствие (комиссия морского министерства. — Авт.) могло выяснить, насколько это было ясно из всей обстановки, я считал, что злого умысла

здесь не было. Подобных взрывов произошел целый ряд за границей во время войны — в Италии, Германии, Англии. Я приписывал это совершенно непредусмотренным процессам в массах новых порохов, которые заготавливались во время войны... Другой причиной могла явиться какая-нибудь неосторожность, которой, впрочем, не предполагаю. Во всяком случае, никаких данных, что это злой умысел, не было».

Иначе говоря, ни одна из выдвинутых комиссией версий не нашла достаточного фактического подтверждения.

Расследованием причин гибели «Императрицы Марии» также занимались тесно связанные в силу специфики своей деятельности и одновременно остро между собой конкурировавшие Севастопольское жандармское управление, возглавляемое полковником Редловым, и созданное по инициативе моряков в конце 1915 года при штабе командующего Черноморским флотом самостоятельное контрразведывательное отделение, начальником которого был прикомандированный к Севастопольскому жандармскому управлению ротмистр Автамонов. Вместе с возложенной на отделение задачей по борьбе с «иностранным соглядатайством» в его ведение перешла и специальная агентура, которая сохранилась до этого Севастопольским

▲ Линейный крейсер «Гебен»

▲ Колчак А.В.

жандармским управлением на средства, выделяемые командованием Черноморского флота.

Сразу же после гибели линкора жандармским управлением в Севастополе разворачивается бурная деятельность — производятся обыски на квартирах и аресты 47 подозреваемых в причастности к взрыву лиц. Через неделю после трагических событий Редлов, используя поступившие к нему от агентуры данные, в письме на имя начальника штаба командующего Черноморским флотом при-

водит возможные версии причин взрыва, не исключая при этом, что корабль был взорван шпионами. «В матросской среде, — пишет он, — определенно держится слух о том, что взрыв был произведен злоумышленниками с целью не только уничтожить корабль, но и убить командующего Черноморским флотом, который своими действиями за последнее время, а особенно тем, что разбросал мины у Босфора, окончательно прекратил разбойничьи набеги турецко-германских крейсеров на побережье

Черного моря, кроме того, он своими энергичными действиями в этом направлении вызвал недовольство в командном составе, особенно у лиц с немецкими фамилиями, которые при бывшем командующем флотом (адмирале Эбергарде. — Авт.) абсолютно ничего не делали».

Однако ни одна из выдвинутых жандармами версий не набрала впоследствии достаточного количества фактов.

Ход расследования осложнялся также и взаимными препирательствами между жандармским управлением Севастополя и контрразведывательным отделением штаба Черноморского флота, которому было поручено расследовать причины этого взрыва.

Подоплека препирательств, очевидно, заключается в том, что созданное в ходе войны контрразведывательное отделение полностью оттеснило от ведения дел по шпионажу жандармское управление. В письме директору департамента полиции Редлов, резко отрицательно отзываясь о деятельности начальника севастопольской контрразведки, высказал мнение о его полной несостоятельности в расследовании причин гибели «Императрицы Марии». Эти межведомственные «разборки» свели к нулю попытки установить истину.

Новые документы уже из архивов советской контрразведки свидетельствуют о пристальном внимании к «Императрице Марии» и другим кораблям Черноморского флота военной разведки главного противника России в первой мировой войне — Германии. Вполне возможно, что лица, о которых пойдет речь, имели отношение и к гибели корабля. В 1933 году органами ОГПУ Украины в крупном судостроительном центре страны — Николаеве — была разоблачена резидентура немецкой разведки, действовавшая под прикрытием торговой фирмы «Контроль-К», возглавляемой Виктором Эдуардовичем Верманом, 1883 года рождения, уроженцем города Херсона, проживавшим в Николаеве и работавшим начальником механосборочного цеха «Плуг и молот». Цель организации — срыв судостроительной программы набира-

▲ Днище линкора

ющего мощь военного и торгового флота Советского Союза. Конкретные задачи — совершение диверсий на Николаевском заводе имени Анри Марти, а также сбор информации о строящихся там судах, большинство из которых были военными. Этот крупнейший судостроительный завод страны образовался на базе того самого Русского судостроительного акционерного общества «Руссуд», со стапелей которого сошли «Императрица Мария» и однотипный линкор «Александр III». В ходе следствия выяснилось много интересных фактов, уходящих корнями в дореволюционный Николаев.

Сам Верман являлся разведчиком с «дореволюционным» стажем. На допросе он рассказывал: «Шпионской деятельностью я стал заниматься в 1908 году (именно с этого периода начинается осуществление новой морской программы России. — Авт.) в Николаеве, работая на заводе «Наваль» в отделе морских машин. Вовлечен в шпионскую деятельность я был группой немецких инженеров

того отдела, состоящей из инженера Моора и Гана». И далее: «Моор и Ган, а более всего первый, стали меня обрабатывать и вовлекать в разведывательную работу в пользу Германии».

Деятельность В. Вермана подробно изложена в той части архивного следственного дела, которая называется «Моя шпионская деятельность в пользу Германии при царском правительстве».

После отъезда Гана и Моора в фатерланд «руководство» работой Вермана перешло непосредственно к германскому консулу в Николаеве господину Винштайту. Верман дал о нем исчерпывающие данные: «...Я узнал, что Винштайт офицер германской армии в чине гауптмана (капитана), что находится он в России не случайно, а является резидентом германского генерального штаба и проводил большую разведывательную работу на юге России. Примерно с 1908 года Винштайт был назначен в Николаеве вице-консулом. Бежал он в Германию за несколько дней до объявления войны — в июле 1914 года».

Так уж сложились обстоятельства, что Верману было поручено взять на себя руководство всей немецкой разведсетью на юге России: в Николаеве, Одессе, Херсоне и Севастополе. Вместе со своей агентурой он вербовал людей для разведывательной работы в Николаеве, Одессе, Севастополе и Херсоне, собирал материалы о промышленных предприятиях, данные о строящихся военных судах подводного и надводного плавания, их конструкции, вооружении, тоннаже, скорости.

На допросе Верман рассказывал: «Из лиц, мною лично завербованных для шпионской работы в период 1908–1914 гг., я помню следующих: Штайвеха... Блимке... Наймаера... Линке Бруно, инженера Шеффера... электрика Сгибнева». Все они сотрудники судостроительных заводов, имевшие право прохода на строящиеся корабли.

Особый интерес вызвал электрик А. В. Сгибнев. Он отвечал за работы по оборудованию временного освещения строящихся на «Руссу-

де» военных кораблей, в том числе и «Императрицы Марии». В 1933 году в ходе следствия Сгибнев показал, что Вермана очень интересовала схема артиллерийских башен дредноутов. А ведь первый взрыв на линкоре «Императрица Мария» раздался именно под носовой артиллерийской башней. «В период 1912–1914 гг., — рассказывал Сгибнев, — я передавал Верману сведения в устной форме о строящихся линейных кораблях типа «Дрейдноут», «Мария» и «Александр III», в рамках того, что мне было известно о ходе их постройки и сроках готовности отдельных отсеков кораблей».

Таким образом, у Вермана концентрировалась в руках ценнейшая информация о возрастающей мощи русского флота на Черном море. После оккупации Юга России немцами разведывательная деятельность Вермана была вознаграждена по достоинству. Из протокола допроса: «В 1918 году по представлению капитан-лейтенанта Клосса я был германским командованием за самоотверженную работу и шпионскую деятельность в пользу Германии награжден Железным крестом 2-й степени».

Пережив интервенцию и гражданскую войну, Верман «осел» в Николаеве. Там в 1923 году на него выходит секретарь германского консульства

в Одессе господин Ган. Напомнив Верману о былых заслугах перед немецкой разведкой, дипломат предложил ему продолжить старую работу по «специальности». Верман дал согласие. Воссозданная им разведывательная сеть до своего раскрытия советскими органами госбезопасности действовала достаточно эффективно. Виктор Эдуардович был мастером своего дела.

Но вернемся к взрыву на «Марии». В этот период Верман был департирован и организовать взрыв не мог. Но в Николаеве и Севастополе была оставлена хорошо подготовленная разведсеть. Позднее он сам говорил об этом: «...Я лично осуществлял связь с 1908 года по разведывательной работе со следующими городами:... Севастополем, где разведывательной работой руководил инженер-механик завода «Наваль» Визер, находившийся в Севастополе по поручению нашего завода специально для монтажа строившегося в Севастополе броненосца «Златоуст». Знаю, что у Визера была своя шпионская сеть в Севастополе, из состава которой я помню только конструктора адмиралтейства Карпова Ивана, с которым мне приходилось лично сталкиваться». Здесь и возникает вопрос — не участвовал ли Визер в «достройке» «Императрицы Марии» или ее ремонте в нача-

ле октября 1916 года? Тогда на борту корабля ежедневно находились десятки инженеров, техников и рабочих. Проход на корабль этих людей не составлял труда. Вот что об этом говорится в письме севастопольского жандармского управления начальнику штаба командующего Черноморским флотом: «...Матросы говорят о том, что рабочие по проводке электричества, бывшие на корабле накануне взрыва, до 10 часов вечера могли что-нибудь учинить и со злым умыслом, так как рабочие при входе на корабль совершенно не осматривались и работали также без досмотра. Особенно высказывается подозрение в этом отношении на инженера той фирмы, что на Нахимовском проспекте, в д. 355, якобы, накануне взрыва уехавшего из Севастополя».

Вопросов много. Но ясно одно — постройка новейших линкоров Черноморского флота, в том числе «Императрицы Марии», «опекалась» агентами германской военной разведки самым плотным образом. Немцев очень беспокоил русский военный потенциал на Черном море, и они могли пойти на любые действия, чтобы не допустить превосходства России на данном театре военных действий.

В связи с этим интересны сведения закордонного агента петроградского

▲ Верман В.Э.

▲ Яковлев Н.М.

департамента полиции, выступавшего под псевдонимами «Александров» и «Шарль». Его настоящее имя Бенциан Долин.

В период первой мировой войны Долин, как и многие другие агенты политической полиции, был переориентирован на работу в области внешней контрразведки. В результате проведенных оперативных комбинаций «Шарль» вышел на контакт с немецкой военной разведкой и получил задание — вывести из строя «Императрицу Марию».

Бисмарк, с которым русский агент встретился в Берне, сказал ему: «У русских одно преимущество перед нами на Черном море — это «Мария». Постарайтесь убрать ее. Тогда наши силы будут равны, а при равенстве сил мы победим».

На запрос «Шарля» в петроградский Департамент полиции он получил распоряжение принять с некоторыми оговорками предложение об уничтожении русского линкора. По возвращении в Петроград агент был передан в распоряжение во-

▲ Крылов А.Н.

енных властей, однако связь с ним не была восстановлена. В результате такого бездействия были утеряны контакты с германской разведкой, на очередную встречу с которой агент должен был выйти через два месяца в Стокгольме. Еще через некоторое время «Шарль» узнал из газет о взрывах на «Императрице Марии». Отправленное им в связи с этим событием письмо в департамент полиции осталось без ответа.

Следствие по делу арестованных в Николаеве германских агентов было закончено в 1934 году. Вызывает недоумение и легкость наказания, понесенного Верманом и Сгибневым. Первый был выдворен за пределы СССР в марте 1934 года, второй — приговорен к 3 годам лагерей. Собственно, чего же недоумевать?! Они уничтожали ненавистный царизм!

В 1989 году оба они были реабилитированы. В заключении органов юстиции говорится, что Верман, Сгибнев, а также Шеффер (который понес самое тяжкое наказание —

был приговорен к расстрелу, хотя сведений о приведении приговора в исполнение не имеется) попадают под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов».

А что же стало с останками некогда мощного боевого корабля Черноморского флота?

Член комиссии по расследованию причины гибели «Императрицы Марии» А.Н. Крылов был назначен председателем организованной при Морском техническом комитете комиссии по подъему линкора. Необходимо было загерметизировать отсеки корабля и подать в них сжатый воздух, заставить всплыть судно вверх килем. Затем в доке, загерметизировав полностью корпус, на глубокой воде, поставить корабль на ровный киль.

Работы в соответствии с предложенным проектом продвигались

успешно. К концу 1916 года все кормовые отсеки были отжаты, и корма всплыла на поверхность. Полностью линкор (вернее, то, что от него осталось) всплыл 8 мая 1918 года.

Гражданская война, интервенция, послевоенная разруха заставили забыть об «Императрице Марии». Корабль находился в доке на деревянных клетках-опорах кверху днищем. В 1923 году корпус линейного корабля из-за подгнивших опор просел, дав прогиб; док из-за повреждений оказался затопленным. На время исправления дока корабль поставили на мель у входа в бухту, а в 1926 году его разобрали на металлолом. Позднее подняли и артиллерийские башни корабля, артиллерийские 305-мм орудия которого продолжили свою

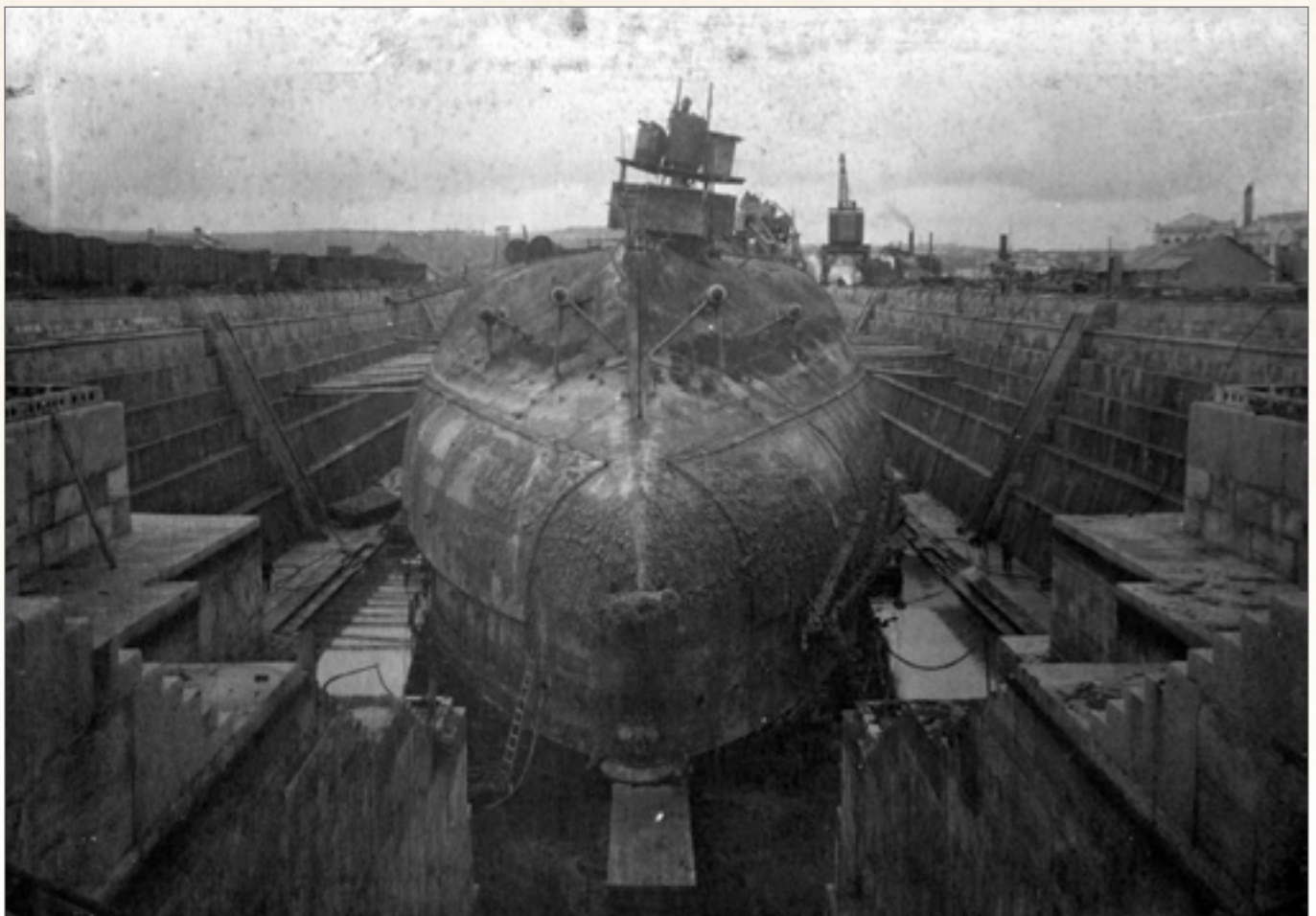
боевую службу. В 1941–1942 гг. их установили под Севастополем на 30-й батарее береговой обороны во время штурма города. Они нанесли немалый урон наступавшим гитлеровским войскам. Только 25 июня 1942 года, штурмуя 30-ю батарею, враг потерял убитыми и ранеными до тысячи человек.

Так закончилась боевая биография корабля, погибшего по «неустановленным причинам».

Свое имя и героическое прошлое «Императрица Мария» унаследовала от флагманского корабля адмирала П. С. Нахимова. Парусная «Императрица Мария» возглавляла русскую эскадру в знаменитом Синопском сражении 18 ноября 1853 года, вписавшем еще одну достойную страни-

цу в летопись славных побед Андреевского флага. Линкор «Императрица Мария» достойно нес боевую вахту в 1915—1916 гг., приумножая славу своего предшественника.

И у обоих кораблей всего лишь один год службы и общее место гибели — родная Севастопольская бухта. Почему парусная «Императрица Мария» легла на дно бухты, известно. В августе 1854 года ее затопили, чтобы преградить вход в Севастопольскую бухту англо-французской эскадре. Что заставило линейный корабль «Императрица Мария» погрузиться в воды Черного моря, до сих пор остается загадкой. ■

▲ Линкор «Императрица Мария» в доке

Ю.Н. ТИХОНОВ

«МАРШ БРОСОК» РАЗВЕДЧИКА ЛОСЕВА

Тихонов Юрий Николаевич (род. 1965 г.), российский историк, доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного университета. Окончил исторический факультет ЛГПУ, с 1991 года работает в нем: ассистент, старший преподаватель, доцент, с 2014 года профессор кафедры отечественной и общей истории. Автор монографий: «Агрессивная война третьего рейха. НКВД против абвера»; «Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена 1919-1945 гг.»; «Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию»; «Засекреченный город Липецк» и др.

«Нота Керзона» оказала огромное влияние на дальнейшую деятельность советской разведки в «афганском коридоре» и Северо-Западной Индии. Да, британский демарш заставил Коминтерн свернуть деятельность Туркбюро в Ташкенте и Бухаре. Одновременно международный провал НКВД и КИ в 1923 г. еще раз убедительно показал, что ведением разведки за рубежом должны заниматься профессионалы, а именно прежде всего военная разведка.

В Кремле, кроме того, еще раз убедились, что английские консерваторы хотят разрыва дипломатических отношений с СССР и не остановятся перед любыми враждебными акциями против него. В связи с этим задача нанесения при необходимости удара по «болевым точкам» Британской империи оставалась для советского правительства по-прежнему важной.

В 1923 г., когда кризис в англо-советских отношениях не был еще урегулирован, а в «независимой» полосе пуштунских племен одно за другим вспыхивали восстания горцев против «новой наступательной политики» Великобритании, командование

Туркестанского фронта решило отправить в Индию группу из 8 человек во главе с опытным разведчиком В. Лосевым, который еще в 1905—1906 гг., выполняя задание российского Генерального штаба, под видом русского студента «побывал» в Северной Индии¹. В период Гражданской войны он стал военспецом в Красной Армии: налаживал разведку на Туркфронте. Как уже известно читателю, одно время он даже руководил «индусскими курсами», созданными М. Роем в г. Ташкенте.

В 1923 г. В. Лосев получил новое задание: восстановить связь с дореволюционной российской агентурой на индо-афганской границе и создать предпосылки для расширения там уже советской разведсети.

Накануне и в годы Первой мировой войны разведка Туркестанского военного округа держала под контролем район к северу от условной линии Кашмир — г. Банну (Вазиристан)². Вся полоса «независимых» пуштунских племен, включая районы укрепленных англичанами горных проходов (от Хайбарского до Боланского), являлась сферой интересов военной разведки Российской импе-

▲ М. Рой

рии. Учитывая союзнические отношения с Великобританией, деятельность этой спецслужбы в Афганистане и Индии ограничивалась сбором военно-политической информации о ситуации в регионе, не нанося ущерба интересам Британской империи. При этом сам факт наличия российской разведсети в Северной Индии на официальном уровне всегда опровергался царскими дипломатами.

Главной задачей В. Лосева было восстановление агентурного «освещения» стратегически важного региона. Но для этого ему необходимо было около года провести в тылу англичан, проехать и пройти сотни километров пути. Подобное «путешествие» было связано с огромным риском, так как контрразведывательный контроль в СЗПП был крайне жестким, а после попыток Коминтерна проникнуть в Индию вдоль границы с Афганистаном британскими властями дополнительно был установлен «санитарный кордон».

Бросается в глаза тот факт, что В. Лосев должен был осуществить разведывательную операцию в районе Пешавар — Кветта — Кандагар. Одним словом, советская военная разведка расширяла сферу своей деятельности на южную часть — зону пуштунских племен, так как регион к северу от Пешавара являлся уже «освоенным» благодаря деятельности Памирского отряда.

В случае успеха миссии В. Лосева создавалась агентурная сеть, которая в будущем обеспечила бы сбор информации вдоль всей индо-афганской границы. Ради достижения такой важной цели можно было воспользоваться и «царским наследством» в виде опытных агентов в Северо-Западной Индии.

Подготовка к заброске В. Лосева в Индию велась одновременно разведорганами Туркфронта и коминтерновским «Советом пропаганды и действия народов Востока» в г. Баку. Это была обычная практи-

ка того времени. Но официально (!) в 1924 г. этого Совета не существовало, так как в 1922 г. он якобы прекратил свою деятельность.

Бакинский орган КИ смог избежать участи Туркбюро, которое тоже формально закрыли, но оно не смогло нелегально работать в Бухаре и было ликвидировано уже по-настоящему. С бакинским «Советом пропаганды и действия» все получилось с точностью до наоборот: он смог уцелеть и продолжил, строго соблюдая секретность, тайную коммунистическую деятельность в Азии.

В марте 1923 г., после длительной и тщательной подготовки к рискованной операции В. Лосев и его проводник Башли двинулись от поста «Русский» на Памире к Читралу3. Этот участок пути был преодолен быстро и скрытно. В отчете Лосева о его «турне» 1923 г. нет никакой информации об этом отрезке пути. Очевидно, что до Пешавара советские агенты использовали уже хоро-

▲ Пешавар

▲ На севере Индии

шо отлаженные каналы связи и явки.

Информация о встречах с агентурой и дальнейших действиях в докладной записке Лосева появляется лишь в момент их прибытия в административную столицу СЗПП г. Пешавар. Хорошо зная о жестком полицейском контроле за всеми приезжими, В. Лосев и его проводник «абсолютно нелегально» вошли в этот город, где был установлен контакт с одним из агентов, который, по утверждению советского разведчика, служил офицером в британских войсках и мог выполнять функции местного резидента. В Пешаваре для более эффективной работы В. Лосев и Башли разделились, и далее каждый пошел своим маршрутом.

Несколько слов о личности Башли. Разумеется, этот человек прекрасно знал «независимую» полосу Британской Индии, включая отноше-

ния между племенами. Учитывая этот факт, а также то обстоятельство, что Башли вел В. Лосева от самого Памира, можно смело предположить, что этот советский агент был местным странствующим торговцем. Такая «крыша» позволяла ему проникать в самые труднодоступные горные районы, минуя английские кордоны. Она же спасала ему жизнь в районах боевых столкновений между приграничными племенами: на Востоке купцов часто грабят, но редко убивают.

Башли был незаменим для В. Лосева в тех местах, где европейцу нельзя было остаться незамеченным. Так, сразу же после Пешавара Башли исследовал обстановку в Хайбарском проходе, чтобы выяснить возможность установления нелегальной связи между Афганистаном и Индией. Его поездка доказала, что этот кратчайший путь в Индию надежно пе-

рекрыт англичанами, поэтому лучше его не использовать для связи с Афганистаном. В другой раз проводник В. Лосева заменил его в г. Кветте, где советский разведчик не мог появиться, помня горький урок своей прошлой поездки. Таким образом, у резидента разведки Туркфронта во время выполнения его задания был незаменимый помощник.

Из Пешавара В. Лосев поехал в Равалпинди, там находился штаб британских войск, а затем выехал в Лахор, где прожил более месяца. Этот город советский резидент считал наиболее удобным центром для создания центральной резидентуры советской военной разведки в Северной Индии. В Пенджабе «шефство» над В. Лосевым, видимо, взяли сикхи либо из партии «Гадар», либо из движения «Акали». Этим объясняется его длительное проживание

в Лахоре, где он, судя по всему, имел надежное прикрытие.

В этом городе В. Лосев дождался Башли, который сообщил ему о своей удачной поездке в г. Кветту и г. Кандагар (Афганистан). Одновременно он доложил своему советскому руководителю о создании резидентур в Танке и Банну. Таким образом, задание было выполнено, и двум разведчикам можно было возвращаться домой.

Чтобы предупредить свое руководство о выполнении задания и возвращении, В. Лосев командировал Башли в г. Бомбей. Возможно, в Тегеран или Лондон ушла шифрованная телеграмма, но, скорее всего, по сложившейся практике в одной из центральных английских газет Башли поместил условленное объявление.

Возвращение в СССР оказалось для В. Лосева и его проводника гораздо более трудным, чем путь через отроги Гиндукуша и британские по-

сты в самом начале «путешествия». Причина была проста и весома: у В. Лосева закончились деньги. В г. Лахоре он не смог обменять чеки на наличные фунты, поэтому значительную часть пути домой ему с Башли пришлось, нуждаясь в самом необходимом, пройти пешком. В. Лосеву все же хватило сил и воли успешно завершить самую рискованную операцию в его карьере разведчика.

По итогам своего пребывания в Индии В. Лосев составил докладную записку, в которой предложил территорию от Памира до Белуджистана разделить на 4 разведрайона:

1. Афганский Вахан и прилегающий регион Северного Афганистана. Согласно его рекомендациям, они становились сферой работы представителя Разведупра, штаб-квартирой которого должен был стать пограничный пост «Русский» в Мургабской долине.

2. Читрал и Кашмир. Советская разведка первоначально должна была «освоить» Читрал, а затем постепенно наладить агентурную сеть в Кашмире.

3. Город Пешавар. Ему В. Лосев отводил роль главного центра по сбору военной и политической информации в СЗПП и Пенджабе.

4. Районы Кветты и Кандагара. Они объединялись в последнее, четвертое «агентство». Советские резиденты в этих городах абсолютно независимо друг от друга освещали обстановку в Вазиристане и Белуджистане. Под их наблюдением в первую очередь находились стратегические горные проходы: Кохатский, Гомальский и Боланский. В. Лосев указывал, что для этого можно использовать старые связи 1905—1907 гг.

Для сбора политической информации в Северо-Западной Индии В. Лосев предлагал использовать куп-

▲ Кандагар

▲ Пуштуны

цов, торговцев, а «военная линия» должна была добывать разведданные среди британских военнослужащих.

Видимо, советский разведчик был ограничен во времени, работая над своей докладной запиской: командование Туркфронта, скорее всего, срочно требовало отчета о результатах успешно проведенной рискованной операции. В связи с этим В. Лосев в конце меморандума пообещал дополнительно подготовить «доклад о создании обширной системы автономных военных организаций среди племен Северо-Западной Индии и прилегающих к ней районов»⁴.

Правда, возможен и другой вариант развития событий. Разведслужба любой страны всегда стремится максимально сохранить свою деятельность в тайне. Это правило распространяется, в первую очередь, на успешные операции... В связи с этим о подвиге В. Лосева российский читатель мог бы не знать еще десятки лет, но несколько лет назад

Индийская политическая разведка (ИПР) рассекретила часть своих архивных фондов, в которых оказалась докладная записка советского разведчика...

Как это могло случиться, остается лишь предполагать. Ясно одно, что британский агент имел доступ к материалам особой важности. Автор считает, что британский шпион действовал в коминтерновских структурах в г. Баку. Не случайно бумаги В. Лосева, документы о деятельности компартии Индии в «независимой» полосе и планах Коминтерна в этом районе и Афганистане оказались в одной архивной папке. Кроме этого, доклад В. Лосева о возможной деятельности советской агентуры среди приграничных пуштунских племен в рассекреченных в Лондоне материалах отсутствует.

За годы работы в центральных российских архивах автор убедился в том, что советские спецслужбы крайне неохотно предоставляли свои документы КИ (и даже НКВД).

Если же Разведупр или НКВД все же делали это, то их материалы редактировались таким образом, чтобы свести к минимуму возможность утечки информации. Подобная практика исключала передачу в Коминтерн данных об источниках и самостоятельных операциях военной разведки.

Докладная записка В. Лосева о пуштунских племенах оказалась вне сферы досягаемости агента ИПР. Он ее не получил даже в копии, хотя зараза бюрократизма в 20-х гг. была уже присуща спецслужбам молодого Советского государства и Коминтерну.

Коминтерновская версия получает еще одно подтверждение при анализе документов английской разведки, связанных с расследованием обстоятельств многомесячного «турне» В. Лосева по приграничным районам Индии.

Доклад В. Лосева произвел переполох как в британских спецслужбах, так и в других ведомствах Великобритании. Однако, несмотря на все усилия, английская разведка

так и не смогла установить подлинный маршрут В. Лосева, его контакты, а также способ, каким он вернулся на родину. Европейцу удалось стать невидимкой в восточной стране?!

Скорее всего В. Лосев специально составил свой доклад в самых общих чертах и сознательно искажил часть информации. Одним словом, он отчитался о своей поездке с максимальной осторожностью, что для Разведупра ему делать было совершенно не нужно и крайне опасно... Подобная бумага могла предназначаться лишь для Коминтерна. Если вспомнить, что формально в Индию В. Лосева направлял еще и бакинский «Совет пропаганды и действия», многое становится объяснимым, и все встает на свои места.

Разумеется, определенный ущерб деятельности советской агентуры

в зоне пуштунских племен и Пенджабе был нанесен. После известия, что опытный разведчик длительное время пробыл в Индии, восстановил связи со старой агентурой и разрабатывает для командования Красной Армии план использования повстанческого движения пуштунов «независимой» полосы против Великобритании, английская контрразведка активизировала свою деятельность. По сложившейся в Британии традиции она годами могла держать под наблюдением подозрительного человека. Все это было серьезным препятствием для развертывания советской агентурной сети в Индии. Автор не исключает возможности, что по горячим следам англичанам не удалось арестовать агентов В. Лосева и людей, которые ему помогали, но через определенное время часть

из них была все же схвачена. Во все времена и у всех народов за предательство в своих рядах платилась очень высокая цена.

Но в 1925 г. английские спецслужбы вынуждены были признать крупный провал в своей работе. Его не удалось сразу же исправить, имея на руках полученный через агента доклад В. Лосева! Руководство британской разведки с тревогой было вынуждено констатировать, что советская военная разведка приступила к созданию резидентур в Северной Индии и предпринимает попытки использовать мятежные пуштунские племена в своих интересах. ■

▲ Британский военный лагерь на высотах Шагай

И.И. ЛАНДЕР, ИСТОРИК СПЕЦСЛУЖБ

СПЕЦСЛУЖБЫ ГОМИНДАНОВСКОГО КИТАЯ

Окончание

Вопросы физической охраны Чан Кайши и некоторые аспекты контрразведывательного обеспечения относились к компетенции его собственной службы безопасности, начальником которой с 1934 по 1940 годы являлся немец, бывший руководитель штурмовых отрядов в Северной Германии капитан Вальтер Франц Мария Штеннес, фамилия которого в отечественной литературе обычно неверно транслитерируется как “Стеннес”. Он сыграл заметную роль в укреплении НСДАП и по этой причине претендовал на особое положение, но Гитлер не согласился с такими амбициями и в апреле 1931 года исключил его из партии и СА. Контролировавший до 12 тысяч штурмовиков Штеннес взбунтовался против фюрера, однако его мятеж был подавлен, после чего пока еще не слишком уверенный в своих силах Гитлер внешне простил бывшего соратника, на деле выжидая появления благоприятной возможности расправиться с ним. Этот шанс появился после прихода НСДАП к власти. Почти сразу же Штеннес был арестован и непременно распрощался бы с жизнью, если бы не заступничество президента фон Гинденбурга, помнившего о роли бывшего штурмовика в организации “черного рейхсвера”. Подчинившись его требованию, в 1933 году Гитлер дал своему врагу возможность уехать в Китай с группой советников,

▲ Чан Кайши

предварительно отобрав у него письменное обязательство воздерживаться от ведения антинацистской пропаганды. Штеннес увез с собой рекомендательное письмо от фельдмаршала Людендорфа, позволившее ему в 1934 году занять пост начальника личной охраны Чана и его советника по разведке под псевдонимом “Вальтер Скотт”.

Немецкий советник проводил много времени в Шанхае и установил там связи с разведывательными службами основных государств, за исключением Японии. Действуя в основном из антигитлеровских побуждений, он снабжал информацией французов, англичан и американцев, а в марте 1939 года вступил

в контакт и с чунцинской резидентурой НКВД. Штеннес сам сформулировал условия своего сотрудничества с СССР и не делал секрет из того, что аналогичные услуги он оказывает также трем другим западным разведывательным службам, взамен же требовал лишь разрешения на беспрепятственный проезд в Европу через территорию Советского Союза, когда сочтет это необходимым. Условия сочли приемлемыми, и вскоре немец был официально завербован под оперативным псевдонимом “Друг”. Его первым руководителем являлся сотрудник резидентуры Я. Ф. Тищенко (В. П. Рошин), с отъездом которого связь с агентом оборвалась. В. М. Зарубин восста-

новил ее, а позднее Штеннес некоторое время находился на прямой связи с резидентом А. С. Панюшкиным. "Друг" поставлял довольно интересную информацию по Японии, в частности, о ее военных планах в Монголии, а затем отбыл в Токио и стал первым источником, сообщившим в 1942 году о провале группы "Рамзая". Штеннес занимал пост советника Чан Кайши по разведке до 1949 года, а затем вернулся на родину, где связь с агентом была прекращена в 1952 году из-за его слишком активного антикоммунизма и национализма. Он умер в Германии в 1989 году в возрасте 94 лет.

Гоминьдан располагал также и военной разведкой, организационно представлявшей собой руководимый генералом Чжан Цзолином (не путать с маршалом Чжан Цзолинем), затем адмиралом Янь Сюанчэном, а позднее генералом Чжэн Цзэмином 2-й отдел Военного комитета. Среди всех спецслужб Китая она единственная действительно боро-

лась с японской агрессией и потому первой была выбрана для организации совместной советско-китайской разведывательной работы против Японии. Этому способствовали установившиеся после подписания в 1937 году межгосударственного договора нормальные отношения, позволившие создать условия для развертывания операций внешней и военной разведывательных служб СССР. "Легальные" резидентуры НКВД были образованы в Синьцзяне, Харбине, Ланьчжоу и Чунцине, дополнительная нелегальная точка внешней разведки открылась в Шанхае. Главной региональной резидентурой являлась чунцинская, которую вплоть до 1944 года возглавлял Александр Семенович Панюшкин, одновременно исполнявший в Китае обязанности чрезвычайного и полномочного посла СССР и главного резидента. Такое нечастое совмещение этих должностей он впоследствии продолжил и в Соединенных Штатах,

где находился с 1947 по 1952 годы после пребывания на должности помощника заведующего отделом международной информации ЦК ВКП(б), а позднее вновь вернулся в Китай, но уже только в качестве посла. Важнейшей задачей всех размещавшихся в Китае резидентур вплоть до 1942 — 1943 годов было и оставалось выяснение подлинных намерений Токио, в особенности планов нападения на СССР и создания второго фронта в Забайкалье и Приморье.

Деятельность советской разведки в стране носила двойственный характер. С одной стороны, она была направлена против Японии как главного потенциального противника на Дальнем Востоке, и в этом интересы Советского Союза и Гоминьдана во многом совпадали. Сотрудничество носило не только информационный и оперативный характер, оно осуществлялось и в виде боевых акций диверсионных подразделений. Советская

▲ Гинденбург Пауль

▲ Штеннес Вальтер, псевдонимы Вальтер Скотт, Друг

▲ Зарубин В.М.

сторона вооружала, снабжала и обучала формируемые из местного населения разведывательно-диверсионные группы (РДГ), которые китайская армия использовала за линией фронта. Другой аспект деятельности разведки скрывался от чунцинского правительства, но о нем нетрудно было догадаться. Ориентация Гоминьдана на СССР носила явно временный характер, антикоммунистические настроения его лидера были общеизвестны и совершенно не скрывались. Не возникало сомнений, что его перемирие с КПК являлось конъюнктурным и весьма непрочным, и в преддверии неизбежной новой конфронтации центрального правительства с КПК советская разведка была просто обязана создавать оперативные позиции на будущее. Именно поэтому китайские РДГ создавались с перспективой использования их в будущем коммунистами против войск Гоминьдана. Все это прекрасно сознавал и Чан,

▲ Дай Ли

но он отчаянно нуждался в мощном союзнике и поэтому решил санкционировать создание в апреле 1938 года межгосударственной разведывательной структуры под названием Объединенного бюро (ОБ). Генералиссимус остался верным своему правилу использовать на ответственных постах родственников и поставил во главе этого оперативного органа своего племянника Сюй Пэйчана. Бюро имело четко выраженную антияпонскую направленность и предусматривало взаимный обмен информацией и работу в области криптографии. Любые политические вопросы тщательно обходились. Бюджет ОБ составлял 20 тысяч долларов и делился между обеими сторонами поровну. Китайцы обязывались предоставлять добытую ими информацию по белоэмигрантам, троцкистам и действующим против СССР иностранным разведкам, а также тексты перехваченных ими японских шифровок, советская сторона передавала китай-

цам данные о выявленных японских агентах и сообщала им содержание документов или радиосообщений, которые удавалось дешифровать. Эту часть работы выполняла группа прибывших из Москвы криптографов, раскрывшая за период своей деятельности 10 японских шифров и дешифровавшая почти 200 телеграмм. Связь партнеров осуществлялась через нелегальную резидентуру в Шанхае. Центральный аппарат ОБ состоял из трех подразделений:

- 1-й отдел (оперативный) — организация разведывательной сети, обучение сотрудников и агентов, оперативная техника;
- 2-й отдел (информационный) — обработка добытых материалов;
- 3-й отдел (хозяйственный).

Китайцы открыли довольно широкую сеть нелегальных резидентур, разместившихся в Нинся, Ханькоу, Тяньцзине, Гонконге, Пекине, Циндао и Цзинане. К сожалению, Объ-

единенное бюро страдало теми же пороками, что и остальные разведывательные службы Гоминьдана, а именно слабой организацией и дисциплиной, халатностью в вопросах конспирации, плохой подготовкой операций, небрежностью в разработке легенд прикрытия для нелегалов и невысоким качеством подготовки агентов. Периодически регистрировались факты коррупции его работников. Однако основной причиной прекращения работы ОБ в 1939 году послужило в действительности не это, а стремительно ухудшающиеся отношения Чан Кайши с коммунистами, вскоре переросшие в боевые столкновения.

Менее известен факт направленного против Японии сотрудничества советской военной разведки с одиозным Центральным бюро расследований и статистики. В том же 1937 году СССР, первым из иностранных государств поддержавший

Чан Кайши, предложил ему второй совместный разведывательный проект взаимодействия БВС и Разведупра РККА. Этим заинтересовался Дай Ли, по указанию генералиссимуса сформировавший Китайско-советское подразделение по особому техническому сотрудничеству (Чжун Су тэчжун цзишу хэцзо со) во главе с Чжэн Цзэмином. Впрочем, слишком разные направления деятельности обеих сторон предопределили быстрое затухание интереса к нему. Разведка КПК сумела создать более эффективную антияпонскую сеть, чем ее коллеги из Гоминьдана. Строго говоря, именно она восприняла наследие "призрачной" секретной службы Сунь Ятсена и стала ее подлинной преемницей. Справедливость, однако, требует признать, что перед коммунистами стоял более узкий спектр задач, поэтому работать им было проще. Их разведка была призвана способство-

вать обеспечению существования коммунистического района в Китае и добывать информацию по японцам, тогда как секретную службу Гоминьдана обременяло значительно больше различных направлений деятельности. Зато и помощь со стороны Советского Союза также дозировалась между обеими главными политическими силами Китая не поровну, причем НКВД нередко ориентировался именно на Чана как наиболее реальную силу в стране.

Секретную службу коммунистов создал и возглавил один из первых членов партии Кан Шэн, первоначально носивший имя Чжан Цзункэ и отказавшийся от него в знак разрыва с отцом-помещиком. В 1924 году он занял пост руководителя организационного отдела Шанхайского районного комитета КПК и постепенно твердо уверился в невозможности выживания партии без органов безопасности. На-

▲ VII конгресс Коминтерна

▲ Пань Ханьнянь, резидент в Нанкине

стойчиво убеждая в этом ее высшее руководство, Кан одновременно пытался наладить в своем регионе координацию разрозненных мелких и временных секретных структур. Судя по всему, именно негласные контакты с функционерами Гоминьдана спасли его при аресте местной полицией, и в 1933 году Кан практически беспрепятственно прибыл в Москву, на пост заместителя руководителя китайской делегации в Коминтерне. На VII конгрессе Коминтерна он был избран на высокий пост члена Президиума ИККИ, прошел специальную разведывательную подготовку и постиг значение пропаганды в деятельности разведки. Одновременно Кан понял, что главную ставку "северный сосед" делает все же на Чан Кайши, после чего окончательно уверился в коварстве коммунистического со-

юзника. Его убежденность в том, что Советский Союз является естественным врагом Китая, стала подлинной пружиной деятельности Кан Шэна в течение десятков лет, на протяжении которых он возглавлял или курировал китайские партийные и государственные спецслужбы.

В 1937 году ЦК КПК отозвал его в Яньнань, где Кан возглавил разведывательную службу — Бюро по специальной работе (Теу гунцзо чу), для непосвященных скрывавшееся под нейтральным названием Отдела общественных дел (Шэхуй бу).

Расположение его штаб-квартиры близ монгольской границы позволяло легко поддерживать связь с Советским Союзом. Благодаря этому в 1939 году НКВД и РУ РККА осуществили в Яньнани совместный разведывательный проект с коммунистами, для начала организовав разведшко-

лу под прикрытием "Мюнхенского института Востока". Срок обучения в ней составлял один год, курсанты в количестве 300 человек набирались не только из китайцев, но и из представителей других народов Азии. Несколько ранее, в 1938 году начался очередной виток карьеры Кан Шэна. В августе Мао Цзэдун назначил его руководителем всех разведывательных и контрразведывательных органов КПК с их одновременной реорганизацией. Теперь секретная служба официально получила наименование Отдела общественных дел, ранее использовавшегося только в качестве прикрытия. Кан параллельно возглавил также и Отдел военной разведки (Цзюньвэй цинбао бу) и работал с баз в Яньнани в северном углу своеобразного треугольника, где ситуацию полностью контролировал СССР. В оккупированном японцами восточном углу "разведывательного треугольника" КПК оперативной работой руководил резидент в Нанкине и Шанхае Пань Ханьнянь, тесно взаимодействовавший с секретными службами марионеточного режима Ван Цзинвэя. На юге и юго-западе разведкой руководил сам Чжоу Эньлай, занимавший официальные посты представителя КПК в Чунцине и военного советника Чан Кайши в звании генерал-лейтенанта армии националистов. Во всех трех "углах" разведывательная деятельность коммунистов была объединена с пропагандистской, причем, как и ранее, операции против Японии занимали в ней последнее по важности место. Лишь чунцинская точка работала по оккупантам относительно регулярно, во все же остальных центрах, особенно в Яньнани, главным противником считался Гоминьдан. По состоянию на январь 1941 года только в трех соседних провинциях Сычуань, Юньнань и Гуйчжоу, по укрупненным оценкам, против националистического режима Чана действовали не менее 5 тысяч агентов. Основным объектом разведки КПК являлось БВС. После долгой и тщательной разработки организованная Кан Шэном и Чжоу Эньлаем группа Янь Баогана сумела осуществить серьезное агентурное

проникновение в его центральный аппарат. Коммунисты получили доступ к документам этой секретной службы и похитили множество из них, в дальнейшем через Яньнань попавших в Москву.

В начале июня 1941 года военный атташе Германии в Чунцине, полагавший Янь Баогана агентом Дай Ли, раскрыл ему информацию о предстоящем нападении на СССР. После провала сети Янь бежал, причем не в коммунистический район Китая, а сразу в Советский Союз. Несмотря на тесные контакты, сотрудничество спецслужб КПК и СССР не следует переоценивать. Оно являлось не искренним взаимодействием двух союзников, а скорее своего рода альянсом попутчиков. К тому же отношения обеих сторон отравляли не составлявшие особого секрета одновременные разведывательные контакты РУ и НКВД с Гоминьданом и некоторыми не подчинявшимися

никому военными лидерами Китая.

Взаимодействие с последними наиболее активно осуществлялось в Синьцзяне, незадолго до того являвшемся самостоятельным государством, а теперь ставшим стратегически важным автономным районом Китая с правом непосредственного сношения с иностранными правительствами. Синьцзян давно привлекал внимание колониальных держав, стремившихся ослабить Китай и отторгнуть от него этот обширный и богатый сырьевыми ресурсами, но мало освоенный регион. Положение усугублялось тем, что его население преимущественно составляли не ханьцы (не более 12%), а национальные меньшинства уйгуров (60%), дунган и выходцев из Средней Азии. Центральное же правительство насаждало своих чиновников в столице края Урумчи и проводило в отношении местного населения откровенно дискрими-

национную национальную политику, хотя в предвоенный период она еще не дошла до практиковавшихся Пекином в позднейшие годы методов принудительной ассимиляции.

Синьцзян одновременно оказался в зоне внимания Великобритании, Японии и Советского Союза, причем лишь СССР выступал за его сохранение в составе Китая. Англичане рассматривали его как возможный плацдарм для советского проникновения в Индию и Афганистан и всеми силами поддерживали там сепаратистское движение, опираясь на свой богатый средневосточный опыт. Для осуществления планов СИС попыталась использовать мусульманский фактор. Поскольку ислам исповедовали не только выходцы из Средней Азии, но и уйгуры, подобная стратегия имела реальные шансы на успех. Англичане спланировали мусульманский заговор с целью отторжения Синьцзяна от Китая,

▲ Минодзума Дзундзи после ареста СМЕРШ

▲ Кручинкин Н.К., погранвойска

однако располагавшаяся в Урумчи резидентура советской внешней разведки сумела получить информацию об этой операции и передала ее китайцам, успевшим ликвидировать восстание на стадии его подготовки. Кроме того, в 1932 году под видом "Алтайской добровольческой армии" в Синьцзян был введен переодетый в гражданскую одежду 13-й Алма-Атинский полк войск ОГПУ с полным вооружением, что оказалось лишь генеральной репетицией еще более масштабной советской интервенции. К этому времени Советский Союз уже накопил серьезный опыт по вторжению в этот регион. Еще в 1921 году Красная Армия дважды проводила там операции против ушедших через границу частей белой армии и местных отрядов. Правовой основой для этих действия являлся подписанный 17 мая 1921 года "Договор командования Туркфронта с властями Синьцзяна о вводе Красной Армии на китайскую территорию для совместной ликвидации белых армий Бакича и Новикова". Эта акция обезопасила границу и помогла сопредель-

▲ Шэн Шицай, губернатор Синьцзяня

ной стороне восстановить контроль над собственными территориями. Теперь же ситуация обострилась вновь. В апреле 1931 года Синьцзян охватило восстание уйгуров, дунган, казахов, монголов, таджиков, узбеков и татар, справиться с которым местные власти не могли. Направленные из Китая правительственные войска повели себя весьма своеобразно. Командовавший ими генерал Шэн Шицай активно действовал против восставших, но одновременно 12 апреля 1933 года сверг в Урумчи законного губернатора провинции Цзинь Шужэня и сам возглавил Синьцзян, для обеспечения спокойного правления обратившись за военной помощью к Советскому Союзу. Москва охотно откликнулась на подобную просьбу, и группировка частей РККА, погранвойск и войск ОГПУ под руководством заместителя начальника ГУПО и В ОГПУ Н. К. Кручинкина сыграла главную роль в подавлении национально-освободительного движения дунган. Эта жандармская акция, как обычно, официально мотивировалась необходимостью обеспечения безопасности границ Советского

Союза, приглашением дружественного правительства и нахождением в районе ввода войск большого количества эмигрантов, угрожавших мирному существованию СССР. Самым любопытным, хотя и тщательно скрываемым фактом в этой истории являлось финансирование Советским Союзом действовавших в Синьцзяне на стороне Шэн Шицай белогвардейских отрядов. В 1934 году основные силы РККА и погранвойск были возвращены в СССР, но 50 инструкторов-специалистов и конная группа численностью в 350 человек с артиллерией временно остались на службе урумчийского правительства. Для маскировки этого факта их назвали русским кавалерийским полком, якобы укомплектованным эмигрантами, и соответствующим образом обмундировали.

Помимо боевой деятельности, Советский Союз вел в Синьцзяне широкомасштабную оперативную работу. В ноябре 1935 года в Разведупре был сформирован специализировавшийся на действиях именно в этом регионе 9-й (монголо-синьцзянский) отдел. Он пребы-

▲ Генерал Новиков В.М., белогвардеец

вал в составе разведки по сентябрь 1939 года, после чего был выведен из нее и напрямую подчинен генштабу в качестве Отдела специальных заданий. НКВД тоже не остался в стороне, и с февраля 1937 года по 1939 год в составе ГУПВО существовал отдел по разведке в Синьцзяне и других провинциях Китая. В его задачи входило оперативное обслуживание синьцзянской, монгольской и тувинской колоний и представительств в Москве, а также руководство группой инструкторов. В Синьцзяне действовали 8 из 12 "легальных" резидентур советской внешней разведки в Китае, располагавшихся в Урумчи, Кульдже, Чугучане, Шара-Сумэ, Хами, Кашгаре, Хотане и Аксу.

В регионе вела активную подрывную деятельность Япония, как всегда, масштабно замахивавшаяся на создание марионеточного "Великого дунганского государства Северо-Запада". Она располагала большим количеством агентуры из числа дунган, уйгуров, русских эмигрантов и мусульман различных нацио-

▲ Бакич П.Д. белогвардеец

нальностей. Интересы британской и японской разведок в Синьцзяне скрестились в борьбе за влияние на командира 6-й уйгурской кавалерийской дивизии Мамута Сиджана. Он никак не мог решить, на кого ему выгоднее опереться после того, как весной 1937 года восстал и увел свою дивизию в крепость Янги-Гиссар, а затем захватил города Меркет и Файзабад. К восставшим присоединилась и 36-я дунганская кавалерийская дивизия. Мятежный генерал активно укреплялся, уничтожал ставленников центрального правительства и провозгласил войну "за ислам, против урумчийского правительства и советского влияния на юге Синьцзяна". Губернатор немедленно вспомнил о своих советских связях и вторично обратился к СССР за помощью. На этот раз РККА не участвовала в операциях, все решили несколько полков войск НКВД, усиленных артиллерией, бронемашинами и авиагруппой. Они находились в провинции с июля 1937 по январь 1938 года и успешно подавили восстание Мамута Сиджана.

на. Описанные события послужили началом долгой и трагической борьбы народов Синьцзяна и Тибета за независимость, в ходе которой жестоко подавляемые правительством при помощи СССР повстанцы вели ожесточенную партизанскую борьбу. Несмотря на помощь англичан оружием и снаряжением, в послевоенные годы они были полностью разгромлены всей мощью многомиллионных вооруженных сил Китая.

Подавление восстания 1937 — 1938 годов не просто сорвало планы Японии по отторжению Синьцзяна, но и создало ей немало чисто военных проблем. В 1937 году через эту провинцию была проложена автомобильная трасса Сары-Озек — Ланьжоу ("Z"), по которой осуществлялись поставки военных грузов для китайского правительства. Охрана и обслуживание трассы возлагались на части Красной Армии и НКВД, переодетые в китайскую военную форму и маскировавшиеся под русские эмигрантские отряды. Эта деятельность была прекращена после изменения позиции Шэнь Шицзя и его отхода от союза с СССР. Губернатор сделал ставку на англичан и американцев и полностью вышел из-под советского влияния, после чего в конце 1941 года репрессировал сторонников сохранения отношений с Советским Союзом и 5 октября 1942 года потребовал от Москвы вывести войска из Синьцзяна.

Значительно более ожесточенная схватка разведок происходила в отторгнутой от Китая Маньчжурии. Как уже указывалось, японцы располагали в Маньчжоу-Го целым разведывательным сообществом, но руководили всей работой в регионах совершенно своеобразные структуры, именовавшиеся японскими военными миссиями (ЯВМ). Они ведали значительным кругом проблем от военных до гражданско-административных, а начальник любой военной миссии одновременно являлся высшим руководителем японских органов безопасности и разведки в своей зоне ответст-

▲ Восстание в Синьцзяне

венности. Именно ЯВМ координировали деятельность всех остальных спецслужб, включая полицию и особые (политические) отделы жандармерии, по линиям организации агентурной сети, диверсионным операциям и подрывной деятельности. Одной из особенностей оперативной обстановки в Маньчжурии являлось наличие значительного числа белоэмигрантов. Спецслужбы обеих сторон активно использовали их друг против друга, обходя проблемы расового различия, препятствовавшие работе нелегалов-европейцев в среде азиатов, и наоборот. Японцы постарались централизовать под своим руководством всех российских эмигрантов, при этом не только облегчалось использование их в своих целях, но и эффективно снижалась возможность доступа иностранных спецслужб к этому перспективному вербовочному контингенту. С этой целью они настояли на расформировании относительно самостоятельного Дальневосточного отдела РОВС и взамен

него создали в Маньчжурии контролируемый Дальневосточный союз военных, а в 1934 году объединили всех эмигрантов в Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) под руководством японца, полковника маньчжурской службы Такаси Асано. В 1932 году один из руководителей Русской фашистской партии и глава Маньчжурского отделения Братства русской правды генерал-лейтенант В. Д. Косьмин по предложению начальника отделения японской военной разведки в Харбине в Японии генерала М. Комацубара сформировал на базе этой организации два отряда для несения охранной службы на участках железной дороги Мукден — Шаньхайгуань и Гирин — Лафачан. Позднее сформированные из эмигрантов новые отряды использовались против китайских и корейских партизан. Однако все это были полумеры. В 1936 году японцы привели в действие следующую часть своего плана, заключающуюся в сведении

воедино всех разрозненных подразделений из российских эмигрантов. Сменивший к этому времени Комацубару начальник отделения военной разведки в Харбине генерал-майор Андо Риндзо поручил эту работу помощнику начальника 2-го (разведывательного) отделения штаба Квантунской армии подполковнику Ямаока. "Куратором" новой части и номинальным заместителем ее командира был назначен полковник Асано, а командиром — армянин-эмигрант, майор маньчжурской службы Гурген Наголян (по некоторым сведениям, работавший на советскую внешнюю разведку). Процесс формирования растянулся более, чем на год, и лишь в начале 1938 года отряд "Асано", как его стали именовать, был приведен в состояние готовности. Часть получила статус бригады, первоначально ее численность не превышала двухсот человек, но вскоре выросла до семисот. Бригада подчинялась штабу Квантунской армии, однако организационно входила в состав

вооруженных сил Маньчжоу-Го, что в случае провала какой-либо из операций позволяло избежать компрометации Японии и дипломатических осложнений с СССР. Опасения такого рода были совершенно нелишними, поскольку задачи "Асано" являлись практически исключительно разведывательно-диверсионными. Военнослужащие бригады носили маньчжурскую униформу, но на случай войны с СССР для них на складах были заготовлены и комплекты красноармейского обмундирования. Периодически бойцы "Асано" надевали его и для скрытого проникновения на советскую территорию, где они вели разведку и организовывали провокации, преимущественно обстрелы маньчжурских пограничных постов.

Помимо бригады "Асано", являвшейся не столько оперативно-боевой, сколько просто боевой частью, японцы создали в Маньчжурии значительное количество разве-

д органов, укомплектованных российскими эмигрантами. Известна созданная в 1937 году Харбинская разведшкола, лучшие выпускники которой зачислялись в кадровый состав японской военной разведки. Она просуществовала по 1944 год и была объединена со сформированным незадолго до этого Особым разведывательно-диверсионным отрядом № 377 ("Облако-900"). Подготовка агентуры для действий в глубоком тылу Советского Союза велась в лагере перебежчиков "Коган". Ввиду своей значимости этот разведорган подчинялся не ЯВМ в Харбине, а напрямую штабу Квантунской армии. Кроме перечисленных структур, оперативную работу с территории Маньчжурии вели также особые отделы пограничных полицейских отрядов и 3-й отдел Кемпейтай. Все они забрасывали в СССР отдельных агентов и диверсионно-разведывательные группы, основными задачами которых явля-

лись захват советских пограничников с целью получения информации или вербовки и разведка погранполосы, в особенности расположенных в ней гарнизонов и укрепленных точек. На маньчжурской территории ЯВМ и подчиненные структуры активно осуществляли перевербовку и обратную заброску весьма многочисленной советской агентуры, но основной упор делался на проживавших в Приморье и Забайкалье корейцев, китайцев и маньчжуров. В августе 1939 года в ориентировке УНКВД СССР по Хабаровскому краю № 3-150127 обращалось внимание на иностранцев, представлявших собой обширную вербовочную базу для иностранных разведок, однако полностью не учтенных и агентурно не разработанных. На этом основании делался неутешительный вывод: "Неудивительно поэтому, что на сегодня мы не имеем ни одного серьезного агентурного дела по разработке японских шпионских

▲ Асано Т.

▲ Косьмин В.Д.

▲ Китайские партизаны в Маньчжурии

резидентур, диверсионно-террористических групп, переброшенных на нашу территорию японскими и другими иностранными разведорганами".

Морская разведка Японии также не осталась в стороне от работы на советском направлении. Несмотря на совершенно оправданное высокомерное пренебрежение к военно-морским силам СССР на Тихом океане, 3-й (разведывательный) отдел генерального штаба японского флота в 1935 году открыл в корейском городе Сейсин Военно-морскую миссию (ВММ) во главе с Дзюндзи Минодзума. Ее задачей являлась разведка береговых укреплений, военно-морских баз, портового, судостроительного и судоремонтного оборудования, а также авиации Тихоокеанского флота и армейских частей на приморском направлении. Изучалась советская пресса, а после прекращения судоходства между СССР и Японией в 1937 году и исчерпания этого канала ВММ оборудовала на границе Маньчжурии два поста визуальной разведки. Миссия вела также разведку радиовещания. В 1945 году сейсинская ВММ была разгромлена, а сам Минодзума несколько позднее

задержан и в 1947 году расстрелян по приговору военного трибунала.

Одним из весьма опасных для Советского Союза направлений деятельности ЯВМ являлась ее работа в среде 11 тысяч проживавших в Харбине украинцев. Японцы прекрасно знали о стремлении части украинского населения к созданию независимого национального государства и в самом конце 1920-х годов решили разыграть эту карту на Дальнем Востоке. Украинская диаспора в Маньчжурии интересовала их не сама по себе, а в связи с проживанием на территории Дальневосточного края СССР 313 тысяч украинцев, составлявших не менее трети его населения. Японская разведка планировала объединить их всех для предстоящего в случае начала войны восстания и создания якобы независимого буферного государства ("Зеленый клин"). ЯВМ уже наметила личности его руководителей, вербовала сочувствующих и пыталась организовать на территории Советского Союза нелегальные группы из украинцев. Главным аргументом в пользу этих планов служила обреченность замыслов создания независимой Украины в Европе и то, что лучше образовать новую Украи-

▲ Камацубара

ну на Дальнем Востоке под протекторатом Японии, чем не иметь ее вообще. В 1934 году националистическое движение в Харбине значительно усилилось после создания там украинской военной организации "Сич", подчинявшейся берлинской группе бывшего гетмана Скоропадского.

Эта угроза была довольно реальной, и ей всерьез занялись располагавшиеся в Харбине "легальные" и нелегальные резидентуры советской внешней и военной разведок и их подрезидентуры в Маньчжоули (НКВД) и Цицикаре (ПУ КА). В оперативных целях всю украинскую диаспору условно разделили на пять групп, подход к каждой из которых был различен. "Младороссы", как именовали антисоветски, но не националистически настроенных эмигрантов, являлись сторонниками единой России и могли поддерживать украинцев-сепаратистов лишь в тактических целях. "Центральная" группа, настроенная также антикоммунистически, допускала отделение Украины, если таковое могло помочь свержению советского строя. "Независимые" представляли собой ярко выраженных агрессивных националистов и являлись основной вербовочной базой ЯВМ. Как ни странно,

в некоторой степени интересовала японцев и "красная" группа, состоявшая из сторонников советской власти и подданных СССР. Офицеры военной миссии полагали, что у этих людей стремление жить в национальном государстве может возобладать над политическими пристрастиями, и поэтому также активно разрабатывали их. Все остальные украинцы входили в группу "прочих" и не являлись объектами внимания ни ЯВМ, ни советских спецслужб. Несмотря на всю важность противодействия японской разведке по этой линии, для советских резидентур она являлась далеко не главной. Назревало нападение Японии на советскую территорию в районе озера Хасан, и добытая харбинской точкой внешней разведки информация о нем оказалась очень полезной в отражении агрессии.

Инцидент на китайско-советской (тогда маньчжурско-советской) границе в районе озера Хасан имел

незначительные масштабы, однако повлек за собой весьма далеко идущие последствия. Предметом спора являлась гряда холмов, которую каждая из сторон полагала своей территорией. От имени правительства Маньчжоу-Го японцы утверждали, что граница проходит по западному берегу реки Хасан, Советский Союз же полагал, что она пролегает по самой гряде. Сопки имели стратегическое значение, с них просматривалась река Тюмень-Ула и ведущие к Приморью и Владивостоку железная и шоссейная дороги. Для японцев высоты были важны еще и тем, что они прикрывали от наблюдения идущие в северном и восточном направлениях их стратегические железнодорожные и шоссейные коммуникации. В июле 1938 года информация харбинской резидентуры о концентрации японских полевых войск была подтверждена данными пограничной разведки. Одновременно посол в Москве Сигемицу потребовал

отвода советских частей из региона, заявив: "У Японии имеются права и обязанности перед Маньчжоу-Го, по которым она может прибегнуть к силе и заставить советские войска эвакуировать незаконно занимаемую ими территорию Маньчжоу-Го".

В действительности речь шла не столько о стратегически важных, но все же второстепенных высотах, сколько о желании японской армии протиснуться к крепости обороны советского Дальнего Востока, что явилось отражением борьбы армии и флота, иначе говоря, сторонников "северного" и "южного" пути предстоящей агрессии Токио. Японская армия ввязалась в конфликт самостоятельно, без консультаций с флотом и МИД, и вызвала этим очень резкую реакцию моряков и дипломатов. Первое столкновение произошло 29 июля 1937 года, однако японцы встретились тогда не с полевыми частями Красной Армии, а только с пограничниками, поскольку по причине традиционной расхлябанности и неразвитости инфраструктуры ТВД заранее предупрежденные войска все же не успели выйти на исходные позиции. Но вскоре подошли основные силы Особой Дальневосточной армии, и в результате ожесточенных боев с 31 июля по 11 августа японцы потерпели сокрушительное поражение. Первая проба сил Советского Союза закончилась для них неудачно.

По мнению некоторых исследователей, нападение на территорию СССР явилось, в частности, одним из следствий разведывательной активности, а именно обработки материалов опроса перебежавшего к японцам начальника УНКВД по Дальневосточному краю Г.С. Люшкова. Резидент РУ КА в Токио Зорге передал в Москву фотокопию документа под названием "Отчет о встрече между Люшковым и специальным германским посланником и полученная в результате этого информация", из которого явствовало, что перебежчик интенсивно внушал своим новым хозяевам мысль о слабости и непрочности обороны советского Дальнего Востока. Германский посланник, пол-

▲ Люшков Г.С.

▲ Пленные японцы Халхин Гол

ковник абвера Грелинг, отнесся к ней скептически, чего нельзя было сказать о японцах, сформулировавших свою позицию на базе полученных от Люшкова сведений. Зорге также проинформировал Центр, что японская сторона, независимо от хода событий, не позволит пограничному конфликту перерасти в полномасштабную войну. Достоверность такой трактовки побудительных причин к конфликту вызывает немалые сомнения. Перебежчик не являлся военным и не располагал действительной информацией о системе обороны, поэтому вряд ли его сообщения были приняты японскими генштабистами всерьез.

Следующую, на этот раз последнюю пробу сил Советского Союза японская армия провела уже на территории Монголии. Она вошла в историю под названием инцидента у реки Халхин-Гол, иногда упоминающейся в японской транскрипции как Номон-хан или Номон-Ган. На этот раз агрессия была более масштабной и преследовала цель захватить Внешнюю Монголию (Монгольскую народную республику) для присоединения ее к Внутрен-

ней Монголии и создания обширной зоны под японским контролем. Мотивируя свои действия нарушением советско-монгольской государственной границы, 11 мая 1939 года незначительные японские подразделения атаковали территорию МНР и вступили в мелкие стычки с местными пограничниками. Начиная с 28 мая силы вторжения стали наращиваться, подтянулась 6-я японская армия. В соответствии с действовавшим договором, Советский Союз выдвинул в район конфликта свои войска, и постепенно пограничный инцидент перерос в серьезное боевое соприкосновение с участием артиллерии, авиации и танков. Оно не являлось скоротечным однократным столкновением, бои продолжались до 30 августа и закончились окружением и разгромом японцев, потерявших убитыми, ранеными и пленными свыше 50 тысяч человек. Потери советско-монгольских войск составили более 9 тысяч человек. Оба эти поражения японской армии сыграли существенную роль в выборе ей "южного" пути агрессии, однако на положении Китая это отразилось весьма незначительно, и война про-

должалась там с прежним ожесточением. Инцидент имел определенные последствия и в области криптографии. В самом начале боев советские войска захватили полевой код Квантунской армии, действовавший до конца 1939 года, что позволило в течение четырех месяцев без труда читать ее шифрпереписку.

В декабре 1939 года японское командование сформировало Комитет по изучению Номонханского инцидента, который весной следующего года смог представить результаты своей работы. Одна из рекомендаций касалась необходимости реорганизации всей системы разведки, принципиальный смысл которой заключался в отделении этапа выработки разведывательной стратегии и разведывательного планирования от этапа проведения оперативных мероприятий. Первый из них был оставлен в ведении центрального аппарата военной разведки, ответственной за второй этап являлась вновь созданная в Харбине Разведывательная группа Квантунской армии, ставшая основным разведорганом в регионе. Она подчинялась непосредственно командующему. Суще-

ствовавшая ранее разведывательная секция штаба Квантунской армии сохранялась, однако ее функции были существенно сужены за счет исключения из них оперативных задач. Центральный аппарат военной разведки отныне отвечал по Маньчжурии исключительно за информационно-аналитическую работу, включая выработку и рассылку информационных документов.

Структура разведывательной группы являлась иерархической двухуровневой. В ее составе имелись следующие подразделения:

- агентурный отдел;
- отдел документации;
- отдел связи;
- отдел пропаганды и диверсий;
- исследовательский отдел;
- школа переводчиков;
- школа агентов.

Центральный аппарат группы состоял из 10 офицеров, 150 унтер-офицеров и множества гражданских служащих, из которых значительный процент составляли русские эмигранты. Практические операции входили в сферу ответственности 11 секторов (Апака, Хайлар, Саньхо, Мукден, Хейхо, Чамуссу, Чанчунь, Тунгань, Мутаньчан, Енчи, Дайрен) и 6 подсекторов (Фучинь, Хутоу, Суйфенхо, Туннин, Аршаань, Маньчжоули), имевших несхожую структуру. Штат большинства из них состоял из начальника, его заместителя и от одного до трех оперативных офицеров. Два сектора административно подчинялись Разведывательной группе Квантунской армии, однако занимались работой за пределами зоны ее ответственности. Сектор в Апака возник после продвижения японских войск в Восточную Внутреннюю Монголию и выполнял также роль разведоргана так называемой Армии монгольского гарнизона. Сектор в Чанчуне отвечал за безопасность маньчжурских предприятий, выпускавших военное имущество. Еще одним результатом работы Комитета

по изучению Номонханского инцидента являлось повышенное внимание к радиоразведке, признанной слабейшим звеном во время конфликта. С 1940 года эта задача возлагалась на два специально созданных радиоразведывательных органа, ни один из них не подчинялся Разведывательной группе. Группа разведки связи Квантунской армии ведала криптоанализом и анализом перехвата закрытых сообщений, а разведкой открытого радиовещания занималось Исследовательское подразделение Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД).

Группа разведки связи была образована на базе прежнего радиоразведывательного Исследовательского подразделения Квантунской армии путем существенного увеличения его сил и средств. Основным объектом Группы разведки связи являлась шифрпереписка РККА на Дальнем Востоке, за исключением радиообмена советских ВВС, которым ведало радиоразведывательное подразделение авиации в Хайларе. Для осуществления этой задачи японцы предприняли ряд мер, среди которых особое место занимало их сотрудничество с криптоаналитиками Войска польского. В Маньчжурии работали три офицера польской разведки и один офицер радиоразведки, вывезенные туда по линии ВАТ Японии в Варшаве после разгрома 1939 года. После подписания в марте 1940 года Тройственного пакта разведчиков беспрепятственно отпустили в Лондон, а радиоразведчик остался на Востоке и возглавил информационно-аналитическое подразделение Группы разведки связи. Посты перехвата Группы разведки связи располагались в Хайларе, Сунью, Чамуссу, Мутаньчане, Харбине и Чанчуне.

Исследовательское подразделение ЮМЖД сосредоточивалось на перехвате и анализе открытых советских телеграмм и радиограмм и изучении общей организации связи на Дальнем Востоке СССР. В августе 1940 года эта система была значительно усовершенствована путем образования в Чанчу-

не Союза по исследованиям связи в Восточной Азии, основной задачей которого являлось прослушивание и изучение радиотелефонной и телеграфной переписки СССР. Первоначально предполагалось, что создание этого органа приведет к ликвидации расположенного в Харбине Исследовательского отдела Сектора северной группы ЮМЖД, но этого не произошло, обе структуры продолжали работать параллельно. Штат союза численностью в 320 человек (по состоянию на весну 1941 года) в основном был набран из правительственной Маньчжурской телефонной и телеграфной компании и включал 50 аналитиков, общая стоимость оборудования составляла 425 тысяч долларов США.

Этот разведорган был подчинен командующему Квантунской армией через Разведывательную секцию его штаба и имел подразделения в Харбине (Центральный пост перехвата), Хайларе, Хейхо, Чамуссу, Тунгане, Мутанчане, Ваньеньмяо и Чанчуне. Там, где они располагались в одних населенных пунктах с секторами Разведывательной группы Квантунской армии, начальники секторов одновременно возглавляли и радиоразведывательную работу. Одновременно с созданием Союза по исследованиям связи в Восточной Азии возник и Технический консультативный комитет в составе восьми японских гражданских специалистов в области связи. Его задачей являлось оказание помощи радиоразведчикам в развитии технических аспектов их деятельности по мере усовершенствования советской системы связи на Дальнем Востоке.

Важные усовершенствования были сделаны и в сфере визуальной разведки. Число отвечающих за нее групп было увеличено, они получили новое оптическое оборудование и улучшили систему передачи добытой информации.

После введения в марте 1941 года состояния мобилизационной готовности передовым частям Квантунской армии были приданы пять фронтовых разведывательных групп для первичной оценки и обработ-

▲ Хасан 1938 г.

ки добываемой информации. Это направление считалось настолько важным, что даже Разведывательное отделение Разведывательной секции штаба было переименовано в Отделение оценок. Чанчунь соединялся с Харбином подземным кабелем, предназначенным в первую очередь для передачи информации по координатам действий разведорганов. С весны 1941 года весь японский разведывательный аппарат в Маньчжурии действовал по плану военного времени и считался находящимся в наполовину боевых условиях. В его рамках разведка готовила резерв для фронтовых групп, в первую очередь групп наблюдателей, достигший 700 — 800 человек. Все подразделения визуальной разведки получили прямую радиосвязь со штабом Квантунской армии. Группы фронтовой разведки со штатом в 20 человек, собственным автомобильным транспортом и радиосвязью предназначались для проведения первичных допросов пленных и изучения захваченных документов под руководством офицера разведки в зоне

своей деятельности. Несколько более крупных подразделений находились в резерве Разведывательной группы. Союз по исследованиям связи в Восточной Азии организовал четыре мобильных группы перехвата и готовился работать в тесном содействии с криптоаналитиками Группы разведки связи, поскольку зачастую шифросообщения дублировались открытым текстом, что могло оказать неоценимую помощь в их вскрытии.

Японцы всегда и на всех ТВД уделяли самое серьезное внимание комплексному изучению системы связи и защиты информации потенциальных противников, и советский Дальний Восток не являлся исключением. В результате многолетних усилий, прежде всего в области анализа перехвата, они составили достаточно полное и соответствующее действительности впечатление о составе сил РККА в Забайкалье и Приморье, в том числе о советской авиации. Возможно, именно это послужило одной из причин того, что в Токио так и не решились направить агрессию против сильной дальневосточ-

ной группировки Красной Армии, даже после того, как существенная ее часть была отправлена на фронт для противодействия вермахту.

Важным источником разведанных являлись советские перебежчики, число которых существенно возросло после 22 июня 1941 года. Некоторые маньчжурские пограничные посты сообщали о таких случаях буквально каждые два дня, и к концу 1941 года общее количество перебежчиков, преимущественно рядовых красноармейцев, достигло 130. Почти все они поступали в распоряжение приграничных секторов Разведывательной группы, а затем отправлялись в ее центральный аппарат в Харбине. Перебежчики с готовностью предоставляли в распоряжение японских разведчиков всю доступную им информацию, с ними не возникало сложностей, характерных для процесса получения разведанных от обычных пленных. Это помогало компенсировать слабость приграничной агентурной разведки и позволило составить верное представление о составе сил РККА

на ТВД, уровне боеготовности частей и подразделений, их оснащенности техникой и вооружением, а также изучить систему охраны границы.

Существенная роль в процессе сбора информации отводилась глубинной агентуре, но операции по ее использованию редко были удачными. Тем не менее, известен ряд весьма интересных забросок, часть из которых была вскрыта НКВД. Например, в конце 1930-х годов японская разведка, используя известные ей планы СССР по ведению подрывной деятельности, начала осуществлять масштабную операцию против Советского Союза, заключавшуюся в создании в Маньчжурии и Корее легендированной подпольной коммунистической организации-приманки для советской разведки. Во главе этой структуры японцы поставили своего давнего агента корейца Ли Хай Чена, зафронтового резидента периода русско-японской войны 1904 — 1905 годов. К 1938 году он являлся уже 64-летним владельцем нескольких процветающих предприятий, однако энергии и желания вести оперативную работу не утратил и руководил сориентированной против СССР разведывательно-диверсионной школой, в которой обучались 50 курсантов из числа маньчжуров и корейцев. Замысел операции заключался в том, чтобы направить нескольких из них в СССР под видом беженцев-коммунистов и убедить руководство НКВД организовать на своей территории специальный центр, якобы для подготовки нелегалов японского направления. В действительности планировалось, что он станет законспирированной базой для работы японской разведки, а его курсанты будут набираться из числа выпускников школы Ли.

Идея была неплоха, однако советская контрразведка по агентурным каналам заблаговременно выяснила планы противника, и когда 23 июня 1939 года первый посланец Ли прибыл на территорию СССР, его уже ждали и решили не арестовывать, а начать с японцами оперативную игру. В ее рамках НКВД дал согласие на организацию курсов по разве-

дывательно-диверсионной подготовке корейских коммунистов по утвержденным для Красной Армии программам. Через границу стали регулярно прибывать кандидаты на обучение, для которых контрразведка выделила дом в окрестностях Владивостока. Их тщательно разрабатывали в отношении пригодности для дальнейшей перевербовки, но пока не трогали, поскольку основная задача состояла в том, чтобы выманить на советскую территорию самого Ли Хай Чена. В конечном итоге НКВД усыпил подозрительность старого разведчика, и 10 июля 1940 года с разрешения японцев он прибыл для инспектирования своих людей и развития операции. Арест Ли и всех курсантов почти полностью обезвредил его группу, однако необходимо было еще ликвидировать оставшуюся на сопредельной территории агентуру. Один из перевербованных корейцев доставил сообщение о якобы состоявшемся отъезде резидента в Москву для углубления операции и его указание о переправке через границу новых людей. Игра продолжалась до июля 1945 года, а тем временем арестованный Ли Хай Чен объявил голодовку и вскоре умер в Бутырской тюрьме. Итогом агентурного дела НКВД "Провокаторы" стал арест 56 агентов японской разведки.

Начиная с 1939 года разведывательные устремления спецслужб Японии в СССР значительно расширились в территориальном отношении и включали теперь всю Сибирь, Урал, Среднюю Азию и центральные города европейской части страны. Однако немало проблем для них по-прежнему имелось в Маньчжурии, где буквально кипела оперативная работа вокруг действовавших там партизанских отрядов. Фактически в этой сфере Советский Союз вел против Японии необъявленную войну, полуофициально поддерживая партизан в соответствии с совместным указанием наркомов НКВ Ворошилова и НКВД Берия от 15 апреля 1939 года. В нем военным советам 1-й и 2-й Особых краснзнаменных армий предпри-

сывалось оказывать партизанам помощь оружием, боеприпасами, медикаментами и продовольствием иностранного происхождения или в обезличенном виде, а также руководить их работой. Проверенных людей из этого контингента, в основном состоявшего из китайцев и корейцев, следовало перебрасывать обратно в разведывательных целях или для участия в специальных операциях. Начальники УНКВД Хабаровского и Приморского краев и Читинской области должны были помогать им в проверке и отборе соответствующих кадров, а начальники погранвойск местных округов должны были обеспечить переход границы СССР группами и связниками в обе стороны. УНКВД Приморского края передало военному совету 1-й ОКА 350 интернированных и проверенных китайских партизан, а УНКВД Хабаровского края передало военному совету 2-й ОКА двух интернированных руководителей китайских партизанских отрядов. Это заложило основу формирования в дальнейшем уникальной воинской части — 88-й отдельной стрелковой бригады особого назначения, предназначенной для решения разведывательно-диверсионных задач на сопредельной территории. Правила приличия все же было желательно соблюдать, и переходившие советскую границу отряды китайских и корейских партизан исправно интернировались. Однако это было лишь своего рода фильтрационным мероприятием для выявления пронизывавшей их японской агентуры, осуществлявшимся в лагере "А" (Северном) в поселке Вятское-на-Амуре под Уссурийском или в лагере "Б" (Южном) в Туркмении.

Там же проводилось и их военное обучение. Как правило, некоторое время спустя подлечившиеся, отдохнувшие и заново экипированные партизаны вновь пересекали границу в обратном направлении. Одновременно разведка вербовала в их среде нескольких агентов, которых забрасывала в Маньчжурию в качестве курьеров или с более серьезными заданиями. Без сомнения, за японцами числилось немало агрессивных в от-

ношении СССР акций, но и действия Москвы нельзя назвать соответствующими ее нейтральному статусу.

Общая оценка действий разведорганов Квантунской армии на советском направлении является не слишком высокой. Отчасти в этом повинны сами японцы, после 1939 года старавшиеся не дразнить Москву вызывающими действиями и работавшие по преимуществу оборонительными методами. Исключение составляли эмигранты, в случае провала которых их принадлежность к японским или маньчжурским оперативным органам можно было правдоподобно отрицать, прикрываясь действиями антисоветских эмигрантских центров. Исключение составляла радиоразведка, как уже указывалось, являвшаяся источником обширной и качественной информации об РККА и советском Дальнем Востоке. Кроме того, довольно высоким уровнем работы отличались и аналитики, что в итоге позволяло обеспечивать командование Квантунской армии и руководство в Токио информационными документами приемлемого качества.

Многообразие оперативной обстановки в Китае по сравнению с Маньчжурией или Синьцзяном наглядно иллюстрирует Шанхай — место пересечения интересов спецслужб множества государств, гигантский центр финансовых операций, торговли, международной преступности и прибежище всякого рода авантюристов со всех концов планеты, прозванный “шестым городом мира”, “Нью-Йорком Азии” и “Парижем Востока”.

В этом совершенно особенном китайском городе имелись иностранный сэттльмент и французская концессия, в которых иностранцы пользовались преимущественными по сравнению с местными жителями правами. Однако по мере развития японской экспансии в регионе деловая активность в нем замирала, и к 1939 году некогда процветавший Шанхай представлял собой лишь тень прежнего города. К этому времени Япония уже развернула в нем свой разведывательный аппарат,

состоявший из бюро военно-морской разведки, отделения военной разведки и разведывательного “Подразделения специальных расследований” министерства иностранных дел. Все эти насчитывавшие не менее 60 оперативных офицеров различных ведомств службы размещались под прикрытием генерального консульства.

Японские спецслужбы в Шанхае питали какое-то непонятное пристрастие к различного рода авантюристам и преступникам, среди которых подчас встречались весьма колоритные личности. Одним из них являлся именовавший себя капитаном Евгений Пик, в действительности сын полковника российского императорского генерального штаба Е. М. Кожевников. В период с 1919 по 1922 год он сумел одновременно получить в Москве высшее военное и высшее музыкальное образования (сценический псевдоним Хованский), позднее занимал должности помощника военного атташе СССР в Афганистане и Турции, а с 1925 года работал в Китае в подчинении В. К. Блюхера и М. М. Бородина. В 1927 году он был заподозрен в похищении бумаг политического советника и продаже их французскому консулу в Ханькоу, после чего бежал в Шанхай и опубликовал там серию статей о советской разведке в Китае, где впервые использовал псевдоним “Евгений Пик”. С этого времени он начал активное сотрудничество с британской и французской разведками и перепробовал, часто совмещая, занятия шпиона, журналиста, актера, певца в русских театрах Шанхая, рэкетира, театрального импресарио и шантажиста. Подозревался он также и в совершении убийств. В 1929 году эмигрант уже под именем Евгения Пика попал на 9 месяцев в тюрьму за подлог, а позднее был судим за мошенничество при закупках оружия для китайской армии. После этого он решил заняться более надежным бизнесом и открыл публичный дом. В 1937 году авантюрист начал сотрудничество с военно-морской разведкой Японии и руководил группой из приблизи-

тельно 40 агентов-европейцев, главной задачей которых являлась работа против США и Великобритании по линии контрразведки. Он близко дружил с другой примечательной личностью, именовавшей себя принцессой Сумейр и заявлявшей, что приходится дочерью индийского магараджи из Паталби. Ее предполагаемый отец сообщил, что их родство вполне возможно, поскольку у него родилось несколько десятков дочерей от разных матерей, и упоминать их всех было решительно невыносимо. Эта молодая женщина 1918 года рождения никак не соответствовала традиционному представлению о красоте, но привлекала всеобщее внимание своей экстравагантностью, необычностью нарядов, загадочностью и скандальным образом жизни. Она также работала на японцев, хотя трудно сказать, оказалась ли для них хоть немного полезной.

Германскую разведку в Шанхае представлял резидент абвера капитан 1-го ранга Луис Теодор Зифкен, работавший под прикрытием коммерческого советника генерального консульства Германии. Его основной задачей являлось руководство совместным немецко-итальянским постом радиоперехвата для обеспечения действий германских рейдеров против британского торгового судоходства. 11 ноября 1940 года вспомогательный крейсер кригсмарине “Атлантис” захватил английский рефрижератор “Аутомедон”, капитан которого погиб при попадании снаряда в надстройку. Его помощник тщетно пытался взломать дверь оборудованной под хранилище секретных документов каюты, однако не успел проникнуть туда до прибытия абордажной партии. Немцы захватили на судне крайне ценные материалы по кодам и шифрам, а также инструкции, посланные из Лондона британским военным и военно-морским атташе и резидентам СИС на Дальнем Востоке, в течение длительного времени позволившие абверу находиться в курсе деятельности противника. Успешной работе Зифкена во многом способствовали установленные им хорошие отношения с японской

▲ Зифкен Л.Т., Шанхай, Абвер

разведкой, позволявшей ему действовать весьма свободно. Однако благополучие капитана 1-го ранга закончилось с прибытием в Шанхай другого офицера абвера, специалиста по экономической разведке майора Лотара Айзентрегера. В июне 1941 года майор проехал по Транссибирской магистрали и пересек границу СССР на станции Маньчжурия за 8 часов до нападения Германии на Советский Союз. После непродолжительного пребывания в Маньчжоу-Го Айзентрегер под прикрытием коммерсанта действовал в Чунцине и торговал со структурами Гоминдана, но после признания Берлином правительства Ван Цзинвэя продолжать эти операции стало невозможно. Тогда разведчик проследовал к месту своего назначения в Шанхай, где должен был организовать парал-

лельную точку с задачей работы по линии экономической разведки. Прибытие конкурента не обрадовало Зифкена, который не мог смириться с пребыванием в одном с ним городе не подчиненного ему резидента с самостоятельными источниками. Айзентрегер, в свою очередь, крайне возмущался необходимостью работать через передатчик другой резидентуры, причем ее шифром.

Такое положение дел действительно являлось весьма нежелательным, поскольку ставило его агентурные источники под возможную угрозу расконспиривания. Зато Зифкен крайне охотно пользовался открывшимися перед ним возможностями и регулярно снабжал отправляемые в Берлин радиogramмы конкурента собственными комментариями. Кроме того, финансирование

обеих точек было единым, поэтому капитан 1-го ранга постоянно ущемлял майора в денежном вопросе. Айзентрегер начал искать поддержку и нашел ее в лице руководителя гестапо на Дальнем Востоке Йозефа Альберта Майзингера, в дальнейшем принявшего активное участие в деле Зорге. С таким противовесом уже можно было ввязываться в серьезную борьбу, и вскоре адмирал Канарис своим приказом назначил Айзентрегера руководителем всей системы германской военной разведки на Дальнем Востоке. Майор не остановился на этом и свою дальнейшую деятельность посвятил изгнанию соперника из Китая. В Шанхае действовала еще одна германская структура, хотя и не разведывательная, но имевшая прямое отношение к секретным операциям. Служба военно-морского снабжения под руководством доктора Адальберта Корфа ведала снабжением рейдеров кригсмарине, регулярно действовавших в дальневосточных водах. Одним из таких вспомогательных крейсеров был упомянутый "Атлантис".

Кроме военной разведки, в Шанхае с 1940 года работало возглавлявшееся Герхардом Канером представительство гестапо, основные обязанности которого состояли в наблюдении за еврейскими эмигрантами и контрразведывательной работе против СИС. Такая направленность была, в общем, оправдана, поскольку англичане специализировались в этом регионе именно на агентурных операциях. Они располагали в Шанхае "Объединенным разведывательным бюро", руководитель которого Гарри Стептоу являлся весьма экстравагантной личностью. Его принадлежность к секретным службам, равно как и пристрастие к странным костюмам и чудачества в поведении, были известны всему городу, и когда однажды он появился на одном из приемов в совершенно невысокослимом расшитом золотыми галунами зеленом наряде, иностранные дипломаты шутили, что теперь они знают, как выглядит официальная церемониальная униформа британ-

▲ Зорге Рихард

ской секретной службы. Шанхайское бюро весьма мало преуспело в ведении агентурной разведки. Неудачей завершилась попытка Стептоу забросить в Сибирь агентов из числа русских эмигрантов, двоих из которых арестовали и осудили в СССР. Значительно более удачно собирали сведения о японцах информационные подразделения таких крупных корпораций как "Армстронг-Виккерс" и дочернего предприятия "Ройял-Датч Шелл" под названием "Азиатик Петролеум", усилия же государственных спецслужб часто не просто терпели провал, но, случалось, и заканчивались трагически. Например, в октябре 1938 года направленный в Японию лейтенант Т. Пикок просто бесследно исчез там, и больше о нем никто ничего не слышал. Очередная трагедия произошла двумя годами позже. 27 июля 1940 года сотрудники военной жандармерии Кемпей-

тай арестовали в Йокогаме, Кобе, Симоносеки и Нагасаки 15 англичан, среди которых был обвиненный японцами в работе на британскую разведку 56-летний корреспондент агентства "Рейтер" Мелвилл Джеймс Кокс. Неизвестно, соответствовало ли это истине, но со значительной степенью вероятности на этот вопрос можно ответить утвердительно. Во всяком случае, предшественник Кокса, капитан Малькольм Кеннеди, действительно являлся офицером СИС. Были в этом уверены и японцы. Нельзя точно сказать, как именно проходили допросы корреспондента, однако на одном из них он вылетел из окна с 12-метровой высоты и разбился насмерть. По версии японцев, англичанин сам выпрыгнул наружу, по убеждению британских официальных органов — скорее всего, был убит в другом месте и просто выброшен из окна, чтобы скрыть произо-

шедшее. Во всяком случае, нахождение его тела на земле в шести метрах от стены здания трудно объяснить иначе, чем приданным ему сильным ускорением. Вдова Кокса обследовала его тело и заявила, что обнаружила на нем следы от 20 произведенных инъекций. Инцидент с Коксом никогда не был объяснен японцами приемлемым образом и послужил причиной резкого дипломатического протеста. Не менее резкий демарш был сделан Форин офис и по самому факту столь массового ареста британских подданных. Из 15 арестованных, помимо Кокса, 10 человек были осуждены на различные сроки тюремного заключения до 8 лет, и лишь четверо отпущены на свободу. Однако никаких дипломатических последствий этот демарш не повлек, чего нельзя сказать о последствиях в оперативной сфере.

Шанхай являлся весьма привлекательным городом для МИ(Р), а впоследствии для Исполнительного органа специальных операций. Развернутая там резидентура СОВЕ подчинялась существовавшей до начала 1942 года главной резидентуре в Сингапуре. В январе 1941 года под прикрытием создания религиозной организации в Малайю прибыл из Великобритании А.Е. Джонс, получивший в Лондоне указание организовать точку в Шанхае. Он должен был поставить во главе сети главного резидента ("№ 1"), отвечающего за весь север Китая, но данные ему инструкции носили неистребимый отпечаток дилетантизма, не учитывали реальную обстановку и годились разве что для времен Первой мировой войны: "№ 1 никогда не должен контактировать с агентами. У него должны быть вторые номера, желательны англичане, для русских, японских, китайских и остальных контактов. Никто из этих № 2 никогда не должен знать, что делают остальные № 2. Если возможно, эти № 2 должны иметь заместителей, которые должны быть гражданами нейтральных государств, которые, в случае оккупации Японией Северного Китая, смогут продолжать работу по нашему поручению".

В "Восточной миссии" (ОМ), как именовалась главная резидентура СОВЕ в Сингапуре, на шанхайскую точку возлагали большие надежды. 7 мая 1941 года Джонс передал руководство "Восточной миссией" ее постоянному начальнику, бывшему члену муниципального совета Шанхая Валентину Сент-Джону Киллери (в некоторых источниках ошибочно — Валентин Сент-Киллери), работавшему в Сингапуре под кодовым обозначением "О.100", и остался у него в подчинении. Он был крайне обижен этим обстоятельством и в дальнейшем неизменно возлагал вину за провал ОМ на одного своего начальника, хотя в действительности причины этого были различны. На первом месте в их списке стояла отнюдь не личность резидента, а недостаточное финансирование, отсутствие ресурсов и опыта у работников резидентуры, а также конфликты с местным британским военным командованием, дипломатами и СИС. Кроме того, на точку СОВЕ возложили явно превышающую ее возможности ответственность за ведение подрывной работы в регионе от Малайи

и Гонконга до Северного Китая. Личный состав резидентуры также не соответствовал требованиям надвигающейся войны на Тихом океане. Никто из них не имел ни специального оперативного, ни военного или дипломатического образования, которые невозможно было заменить проявленной англичанами в дальнейшем безусловной храбрости и преданности. №1 являлся 55-летний оптовый торговец спиртными напитками У. Дж. Ганде ("О.5000"), а №2 — 52-летний Дж. Брэнд, 56-летний Дж. Бристер, 55-летний Дж. Джек, 49-летний С. Риггс, 41-летний Э. Элиас и 65-летний У. Кларк. Все они были англичанами, то есть в случае весьма возможной японской оккупации немедленно попадали в поле зрения Кемпейтай. Первой задачей перечисленных работников являлась подготовка агентов из числа местных жителей, однако в реальности они сами нуждались в серьезном обучении. Точка СОВЕ в Шанхае отвечала за:

1. Составление списков находящихся на городских складах товаров и установление направлений их

отгрузки в случае, если таковая произойдет.

2. Проведение актов саботажа против судоходства, на грузовых складах, пропагандистских радиостанциях противника и иных объектах.
3. Организация в свободном Китае "станции", на которую в случае возникновения войны на Дальнем Востоке можно было бы отправлять граждан союзных государств призывного возраста.
4. Оказание помощи пропаганде союзников путем распространения слухов, расклейки листовок и прочими средствами.

Перечисленные задачи имели весьма мало шансов быть выполненными. Например, для блокирования судоходства на Хуанпу ее фарватер следовало перегородить двумя-тремя затопленными пароходами, что было абсолютно нереально. Ганде попытался начать с малого и летом 1941 года решил оказать воздействие на пронацистского журналиста концерна Херста Карла фон Виеганде, однако в последний момент из опасения выз-

▲ Трасса Сары-Озек - Ланьчжоу

вать скандал воздержался от этого. Судя по всему, решение являлось полностью оправданным. Традиционно нейтральный Шанхайский международный селтльмент представлял собой весьма удобную базу для проведения разведывательной работы, поэтому имелись все основания полагать, что громкие акции подорвут позиции СОВЕ сильнее, чем возможное воздействие противника. По этой же причине в сентябре 1941 года англичане отказались от попытки взрыва находившегося в порту итальянского сторожевого корабля "Эритрея". В результате предвоенные задачи резидентуры были сведены к пропаганде и учету складских запасов в городе. 8 августа СОВЕ допустил еще один просчет, на этот раз в финансировании точки. "Гонконгское объединенное разведывательное бюро" (КИБГК) снабдило резидентуру Ганде 5 тысячами фунтов на оперативные нужды, но их перевод был сделан на Шанхайский банк без каких-либо мер по прикрытию и сразу же стал известен японской разведке. Постепенно и в Лондоне, и в Сингапуре, и в Гонконге становилась очевидно, что "станция" в Шанхае не способна решать поставленные ей задачи. В первую очередь планировалось направить к Ганде инструктора, однако его прибытие в начале декабря было сорвано начавшейся войной.

Хотя важность Шанхая для освещения обстановки на Дальнем Востоке понимали и британские морские разведчики, нехватка средств в 1936 и 1937 годах препятствовала развертыванию их работы в заметных масштабах. По этой причине начальник шанхайского бюро морской разведки капитан 3-го ранга Райдер не смог добиться заметных результатов и вскоре был вынужден передать свой пост майору морской пехоты Р. Невиллу, ранее занимавшемуся аналогичной деятельностью на значительно более спокойной Ямайке. В Шанхае действовали и иные структуры ВМС Великобритании, одной из которых являлась Военно-морская контрольная служба (НКС) во главе с капитаном 2-го ран-

га Дж. Б. Вулли, а с 1940 года — капитаном 3-го ранга Глимором. НКС в первую очередь отвечала за разработку рекомендаций для британских судов по плаванию в дальневосточных водах, но, помимо этого, выполняла и ряд оперативных задач. Она обеспечивала противодиверсионную безопасность стоящих в Шанхае судов, для чего сформировала добровольческий корпус из 800 человек, по мере возможностей отслеживала движение кораблей и судов потенциальных противников и опрашивала капитанов и офицеров британских судов. В случае выявления какой-либо представляющей интерес для разведки информации

в дальнейшем с этим моряком работали уже штатные разведчики. Например, дальнейшего изучения для пассажирских судов месте лайнера, способного перевозить значительные количества войск. Помимо Шанхая, где эту работу выполняла Военно-морская контрольная служба, подобная практика осуществляли британские представители в Кобе, Нагасаки, Сеуле, Тяньцзине, Чифу, Вэйхайвэе, Циндао и Фучжоу. Силы и НКС, и бюро морской разведки были крайне ограничены: в первом из них работали 5 офицеров и 1 гражданский служащий, а во втором — 4 офицера, 3 гражданских служащих и 5 шифровальщиц. Естественно, что

▲ Кан Шэн

ожидать каких-либо серьезных результатов от них не приходилось.

Британская военная разведка с 1927 года содержала в Шанхае свое бюро, которое в течение длительного времени возглавлял Джон Стрендиш Сьюртис Прендергаст Верекер, впоследствии фельдмаршал и 6-й виконт Горт. Собственно, громкого названия "бюро" эта структура совершенно не заслуживала, поскольку ее штат состоял всего лишь из двух офицеров. После отъезда Верекера точку возглавил майор Гвин, в подчинении у которого работал капитан Дьюар-Дари, по прикрытию — армейский офицер-вербовщик. Первый из них владел японским языком, а второй — китайским. Разведчикам помогал майор Хант из штата генерального консульства Великобритании в Шанхае. Основной задачей бюро военной разведки являлся сбор информации о японских и китайских войсках в регионе и их перемещениях. Усложнение общей и оперативной обстановки вокруг Шанхая привело к тому, что армейские разведчики постепенно утрачивали возможности для работы. Передвижения англичан за пределами города жестко ограничивались, их почти отрезали от внешних контактов, и даже китайские периодические издания, из которых они черпали существенную часть добываемой информации, попадали к ним позднее, чем в Гонконг. К 1941 году смысл сохранения в Шанхае разведоргана армии был практически утрачен. Зато его офицеры заблаговременно позаботились о путях отхода в случае обострения ситуации и после начала войны с Японией сумели скрыться под видом крестьян, тогда как морские разведчики попали в плен в полном составе.

СИС также не обошла Шанхай своим вниманием и с 1929 года сохранила в городе свою "станцию", которую, как полагали, возглавлял не офицер паспортного контроля, а офицер шанхайской муниципальной полиции У.Г. Кларк, его заместителем являлся также полицейский — заместитель комиссара Т.П. Гивенс. Конспирация этой точки находилась на низком уровне, о подлинных функциях обоих упомянутых офицеров знали практически все в Шанхае, поэтому нетрудно понять, что особых достижений в агентурных операциях за ними не числится.

Несмотря на всю свою значимость, Шанхай был лишь городом, в котором соперничали разведки нескольких государств, основные же события разворачивались в глубине китайской территории. В 1939 году, после стабилизации фронта с Японией, Чан объявил, что "главной задачей правительства является ликвидация баз коммунистической деятельности и пропаганды". Его войска блокировали районы дислокации коммунистических 8-й и Новой 4-й армий, непосредственным поводом для чего послужила перехваченная БРС совершенно секретная директива Мао Цзэдуна. Она предписывала "установить связи с городами по южному берегу Янцзы и проводить кампанию подрыва доверия к Гомиьдану, создавать организации "спасения родины" и борьбы против реакционной линии политического и экономического угнетения масс". Чан Кайши опередил наступление коммунистов, а разведка компартии проиграла поединок, несмотря на то, что Бюро по специальной работе (Теъу гунцзо чу) ЦК КПК под руководством все того же Кан Шэна уже добилось се-

рьезных успехов. С ноября 1938 года в его центральном аппарате имелись:

- организационное отделение;
- разведывательное отделение;
- контрразведывательное отделение;
- информационно-аналитическое отделение;
- отделение общих вопросов и связи;
- школа разведки.

Обращает на себя внимание отсутствие криптографической структуры, что объясняется не каким-либо пренебрежением к этой стороне деятельности, а просто полным отсутствием специалистов соответствующей квалификации. Кроме Бюро по специальной работе, в коммунистических войсках имела собственная военная разведка, а их безопасность обеспечивал политический отдел с подотделом офицеров безопасности. Как всегда, в гражданской войне выигрывает третья сторона, которой в данном случае являлась Япония. К маю 1940 года она оккупировала 552 из 1937 уездов Китая, включая абсолютно все важные промышленные, транспортные и административно-политические центры. Промышленное производство в стране упало до 10–15% довоенного уровня, японцы захватили 16 стратегически важных железнодорожных магистралей, при этом на оставшихся имела лишь треть локомотивов, половина пассажирских и 40% товарных вагонов от потребного количества. Не обрабатывалась пятая часть пахотной земли. Китай погибал, спасение могло принести только внешнее вмешательство в конфликт. ■

А.Н. АСМОЛОВ

ЗА ЛИНИЮ ФРОНТА

▲ Партизанская база

Замкнув у Демянска кольцо окружения вокруг 16-й немецкой армии, войска Северо-Западного фронта приступили к ее уничтожению. Пользуясь тем, что в обороне противника появились большие бреши, а его главные силы оказались в «Демянском мешке», мы в начале февраля перебросили в Партизанский край несколько бригад и отрядов, в частности 1-ю партизанскую бригаду под командованием Н.П. Буйнова, насчитывавшую 400 человек, 5-ю бригаду во главе с Ю.П. Шурыгиным общей численностью 236 человек, а также другие партизанские формирования. Такая концентрация сил позволяла наращивать удары по врагу, выполнять все более широкие и сложные задачи, связанные с истреблением

фашистов, оказавшихся в окружении под Демянском, уничтожать его гарнизоны, разрушать коммуникации в других местах.

К февралю 1942 года назрели организационные перемены, которые вытекали из опыта борьбы с первой крупной карательной экспедицией врага, а также из всего опыта восьмимесячной борьбы за линией фронта. Были и другие вопросы, которые нужно было решить в Партизанском крае. Хотелось лично познакомиться с жизнью и бытом партизан, их боевыми делами, самому побывать в тылу врага. С этими целями я с согласия Ватутина и вылетел в Партизанский край.

Вечером 11 февраля 1942 года с аэродрома Выползово мы перелетели на нашу передовую зимнюю

партизанскую базу, созданную в Калининской области в городе Осташковке. Приземлились на озере Селигер, рассчитывая с наступлением темноты перелететь линию фронта. Однако погода не позволила вылететь в эту ночь. Шел снег, мела пурга.

На следующий день погода несколько улучшилась, но с вечера опять занялась вьюга. Ночь снова оказалась нелетной. Решили дальше вылет не откладывать и, если с утра будет более или менее ясно, лететь в тыл врага днем.

Утро 14 февраля выдалось как по заказу. Ровно в 10 часов три самолета У-2, загруженные автоматами, ручными пулеметами, патронами, толом, газетами и письмами для партизан, взяли курс на озеро Полисто. Шли на высоте 60–80 ме-

Асмолов Алексей Никитич (1906-1981), советский военный деятель, один из организаторов партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, генерал-майор (19.04. 1945 г.). Родился 30 марта 1906 года в селе Алексашкино Самарской губернии (ныне Саратовская область) в крестьянской семье. В Красной Армии с 1928 года. Участник вооруженного конфликта на КВЖД в 1929 году. Окончил специальный (разведывательный) факультет Военной академии им. М. В. Фрунзе (1939), Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова (1952). Заместитель начальника разведывательного отдела Прибалтийского военного округа (1940-1941), Северо-Западного фронта (1941). С началом Великой Отечественной войны выполнял задания по организации партизанских формирований, руководил их деятельностью в Ленинградской области. Член военного совета и представитель ЦШПД на Северо-Западном (июль 1941 — декабрь 1942), Юго-Западном и 3-м Украинском фронтах (декабрь 1942 — сентябрь 1944) одновременно. По просьбе руководства компартии Чехословакии был направлен в эту страну, где по решению ЦК КПЧ назначен командующим партизанским движением (сентябрь 1944 — март 1945). Один из руководителей МВД СССР по борьбе с бандеровцами на Украине (1945-1946), с января 1947 — начальник УМВД по Ровенской области, затем — начальник отдела контрразведки МВД СССР; заместитель начальника управления конвойных войск МВД СССР; заместитель начальника мобилизационного отдела

МВД СССР. С 1953 года заместитель начальника кафедры службы войск в Военном институте МВД СССР. С ноября 1954 года заместитель министра внутренних дел Грузинской ССР. С 1956 года в отставке. Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Белого Льва II и III ст., «За победу», Яна Жижки I ст., Боевым крестом Словацкого национального восстания. Похоронен на Ваганьковском кладбище. Автор книги «Фронт в тылу вермахта».

тров над лесом. Перелетели линию фронта. Полет вроде протекал благополучно. Но вот лес кончился. И тут на заснеженной равнине показалась длинная колонна фашистской пехоты, которая двигалась из Холма по дороге к Старой Руссе. Заметив внезапно вынырнувшие из-за леса самолеты, немцы вначале стали разбегаться, но вскоре смекнули, что это всего лишь «кукурузники», и открыли по ним беспорядочный, но довольно плотный огонь. Наш самолет летел последним, поэтому оказался под сильным и прицельным обстрелом. Когда вражеская колонна осталась далеко позади, летчик Захруддинов, который вел самолет, доложил, что ранен в ногу. Мы находились уже над территорией Партизанского края,

я попросил летчика продержаться, дотянуть самолет до места.

— Попробую, — сказал Захруддинов.

Около часу дня самолеты успешно сели на озеро Полисто. Нас всех, особенно летчиков, трогательно встречали партизаны. Они были крайне удивлены, что мы прилетели днем. Конечно, это было опрометчиво. В какой-то мере оправдывало лишь то, что нас ждали тяжелораненые бойцы, которых предстояло отправить на Большую землю. И все же так рисковать не стоило. Со мной были планы дальнейших действий бригад и отрядов всего Партизанского края, целый портфель орденов и медалей для награждения партизан, другие важные документы. Были

сделаны необходимые выводы. Полеты через линию фронта днем были категорически запрещены.

Самолеты разгрузили, отвели ближе к лесистым берегам озера, замаскировали. Захруддинову тут же, в ближайшей деревне, где располагался партизанский медпункт, сделали перевязку. При осмотре его самолета обнаружили несколько десятков пулевых пробоин.

Вместе с Васильевым прибывших встретил и комиссар партизанской бригады Орлов, с которым мы теперь познакомились лично. Это оказался невысокого роста крепко сбитый человек, с удивительно открытым, добрым и веселым лицом. Рукопожатие его было крепким, даже сильным. Так пожимают руку люди, уверенные

▲ Васильев Н.Г.

в себе. О том, что Орлов оказался настоящим комиссаром, именно тем партийным руководителем, который был нужен бригаде и всему Партизанскому краю, я уже был наслышан. Вместе с Васильевым они составляли единое целое, тот монолит, на который можно было опереться надежно и спокойно.

Прав был поэт-партизан, когда написал такие стихи:

*И врагу не удержаться,
Коль пойдут против него
Партизаны-ленинградцы
Из бригады В. и О.*

На командире и комиссаре лежала особая ответственность за бригаду и весь освобожденный в тылу врага край. И я был рад отметить, познакомившись с Орловым ближе, что выбор А. Н. Шинкарева оказался столь удачным.

Васильев сообщил, что на «аэродромном» медпункте, где сделали перевязку Захруддинову, нас ждут раненые партизаны. Медпункт располагался в большой комнате рыбацкой избы. Прямо на застеленном сеном полу, под одеялами лежало около десяти раненых партизан. Я поздоровался со всеми, а Васильев, указывая на лежащих, называл их:

— Это командир отряда Невский Петр Николаевич. Это товарищ Тараканова Анна Петровна — секретарь Пожеревицкого райкома партии, комиссар роты отряда «Грозный». Это Володя Доценко — отважный командир молодежной группы подрывников, большой мастер пускать под откос вражеские эшелоны...

О командире отряда Невском я знал из донесений. Незадолго до захвата гитлеровцами Поддорского района он прибыл в Поддорье как представитель Ленинградского обкома партии, чтобы помочь организовать здесь партизанский отряд. Когда отряд был создан, П. Н. Невский и возглавил его. Это был один из самых первых партизанских отрядов, который стал активно действовать в юго-восточных районах Ленинградской области. Имя Петра Николаевича значилось в списках награжденных. Мы тут же вручили ему орден Красного Знамени.

Оказалось, что награждены и некоторые другие товарищи, находившиеся в медпункте и собиравшиеся улететь в Валдай. Среди них — Тараканова и Доценко, Тараканова — орденом Красной Звезды, Доценко — Красного Знамени. Орлов заметил, что секретарь райкома партии, а теперь и комиссар одной из рот отряда «Грозный» Анна Петровна Тараканова — исключительно дельный и бесстрашный политработник, частый гость в домах колхозников, которым она несет большевистскую правду. От всей души мы поздравили с наградой эту энергичную, волевою и отважную женщину — любимицу партизан и населения района, настоящую большевичку.

Высокий орден был вручен и Доценко. Еще раз поздравив награжденных, мы пожелали им скорого выздоровления и возвращения в Партизанский край.

По пути от озерного «аэродрома» к штабу бригады нас то и дело встречали сторожевые посты.

— Стой! Кто едет? — раздавалось в самых неожиданных местах из-за кустарника или из-за придорожных сосен, вплотную прилегавших к зимней санной дороге.

— Свои! — кричал в ответ Васильев, сидевший в санях рядом со мной.

— Пропуск?

— Псков.

— Пуля, — слышался отзыв. — Проезжайте.

Чем ближе мы приближались к месту расположения штаба бригады, тем чаще нас окликали:

— Стой! Кто едет? Пропуск?

Я спросил Васильева:

— Николай Григорьевич! Зачем столько сторожевых постов? Ведь для этого требуется немало партизан, которые нужны для активных действий.

Васильев пояснил: на постах стоят главным образом местные жители из вооруженных групп самообороны, которым необходимо проходить соответствующую военную подготовку.

Группы самообороны были созданы почти во всех населенных пунктах. Они выполняли роль народной милиции и в то же время вооруженных защитников сел от мелких групп противника, всевозможных провокаторов и шпионов. Во многом за их счет при необходимости шло пополнение партизанских формирований. Они же нередко несли сторожевую службу, ходили в разведку. Особенно была усилена в этом направлении их роль после декабрьской карательной экспедиции. Дальние подходы к месту базирования бригады охраняли также вооруженные бойцы из групп самообороны.

Мы прибыли в лесной лагерь партизан, в штаб бригады, сердце Партизанского края. После короткого отдыха пошли осматривать лагерь, знакомиться с людьми и их жизнью. Все землянки были устроены в густых лесных зарослях, хорошо замаскированы хвойными ветвями от воздушной разведки противника. Каждый такой партизанский «дом» был рассчитан на 15–20 человек. Правда, полностью землянки были заняты редко. А когда отряды уходили на выполнение заданий, они вообще пустовали. Землянки были добротны оборудованы. Нары двусторонние, в один ярус. У каждого партизана — соломенный матрац, подушка, байковое одеяло. Посередине помеще-

ния — чугунная или железная печь, приспособленная и для подогрева пищи.

Переходя от землянки к землянке, Васильев пояснял:

— Это бригадная. Тут находится командование бригады. А это штабная — для командиров и политработников рот и отрядов.

Мы осмотрели склады, баню, кухню, хлебопекарню, оружейную, пошивочную и сапожную мастерские, конюшню. В одной из землянок находился радиопузел для внутренней и внешней связи. Побывали и в главном госпитале Партизанского края. Обошли землянки для нового пополнения. В партизанские силы почти ежедневно вливались добровольцы

из местного населения и вышедшие из окружения бойцы и командиры Красной Армии. Сюда же приходили на переформирование, доукомплектование многие партизанские отряды, действовавшие в полосах Волховского; Ленинградского и Калининского фронтов.

К вечеру Васильев, Орлов, Афанасьев и я собрались в бригадной землянке. Васильев подробно рассказал об обстановке в крае. В свою очередь я кратко информировал собравшихся о последних событиях на фронте. Наметили план на ближайшие дни. Первое, что предстояло сделать, это реорганизовать 2-ю бригаду. К этому времени она состояла из разбросанных в разных

▲ Листовка

▲ Агитационная работа

местах крупных! и мелких отрядов, насчитывавших в общей сложности более 2 тысяч человек. Численность бригады постоянно увеличивалась. Решили для лучшего руководства отрядами бригаду разбить на три полка. Каждый полк, по нашим расчетам, был бы способен выполнять самостоятельно любые задачи: бороться с карателями, нападать на вражеские гарнизоны. Командование полков оперативнее руководило бы повседневными боевыми действиями отрядов. В дальнейшем на базе полков мы намеревались создать бригады и вывести их в новые районы боевых действий.

Встретившись перед вылетом в Партизанский край с членом Военного совета фронта Богаткиным, я получил от него предложение создать во 2-й бригаде политотдел.

— И бригада большая, и задачи у нее особые, — сказал он. — Ведь она не только воюет, а, по существу, руководит всем Партизанским краем. Нужно вести большую политическую

работу и с партизанами, и с многотысячным населением. Это мнение и Ленинградского обкома партии. Обком признал целесообразным организовать в бригадах политотделы. Вопрос явно назрел.

Васильев и Орлов поддержали предложение.

— Мы сами об этом уже думали.

Так был создан в бригаде политотдел, а при нем редакции двух газет: для партизан и для населения. Для издания газет я привез небольшую печатную машинку «Бостон», типографский шрифт, бумагу, краски.

К утру реорганизация бригады была закончена. В бригаде стало три полка. Командиром 1-го был назначен полковник артиллерии М. Я. Юрьев, командиром 2-го — майор П. Ф. Скородумов, командиром 3-го полка — Н. А. Рачков, один из секретарей Дедовичского райкома партии, в свое время более 10 лет находившийся на политработе в Красной Армии. Начальником политотдела бригады стал бывший

секретарь Дедовичского райкома партии А. Ф. Майоров, опытный партийный работник. Начальником штаба бригады был назначен работник штаба В. А. Головай. Позднее в бригаде было создано еще два полка, общая численность бригады превысила 2500 партизан. Отдельную вооруженную силу составляли боевые дружины и группы самообороны, имевшиеся почти в каждом из 400 населенных пунктов Партизанского края.

На следующий день было проведено совещание командования бригады, на котором обсудили и ближайшую боевую задачу: было решено совершить налет на вражеский гарнизон в городе Дедовичи.

Операцию предстояло провести в ночь на 22 февраля 1942 года, в канун 24-й годовщины Красной Армии. Вечером в район Дедовичей ушли партизанские разведчики. С помощью подпольщиков им предстояло выяснить расположение вражеского Гарнизона.

В середине следующего дня на широко?! улице деревни Семёновщина, расположенной в центре Партизанского края, перед строем нескольких отрядов был зачитан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении большой группы партизан, отличившихся в боях. С большим удовольствием я вручил ордена Ленина командиру бригады Васильеву и комиссару бригады Орлову, а затем остальным награжденным — ордена Красного Знамени и Красной Звезды, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Всего было награждено свыше 100 человек.

— Отряды разъехались по местам базирования, а командно-политический состав бригады собрался на совет, где были уточнены детали подготовки к нападению на Дедовичи. К операции привлекались 1-й и 3-й полки с приданными им двумя 76-миллиметровыми пушками. Выступить со своих баз партизанам предстояло вечером следующего дня, так как район сосредоточения для операции находился в 50 километрах от них. Особые указания были даны по подготовке оружия. Подразделениям выдали керосин для смазки оружия перед боем — если будет сильный мороз.

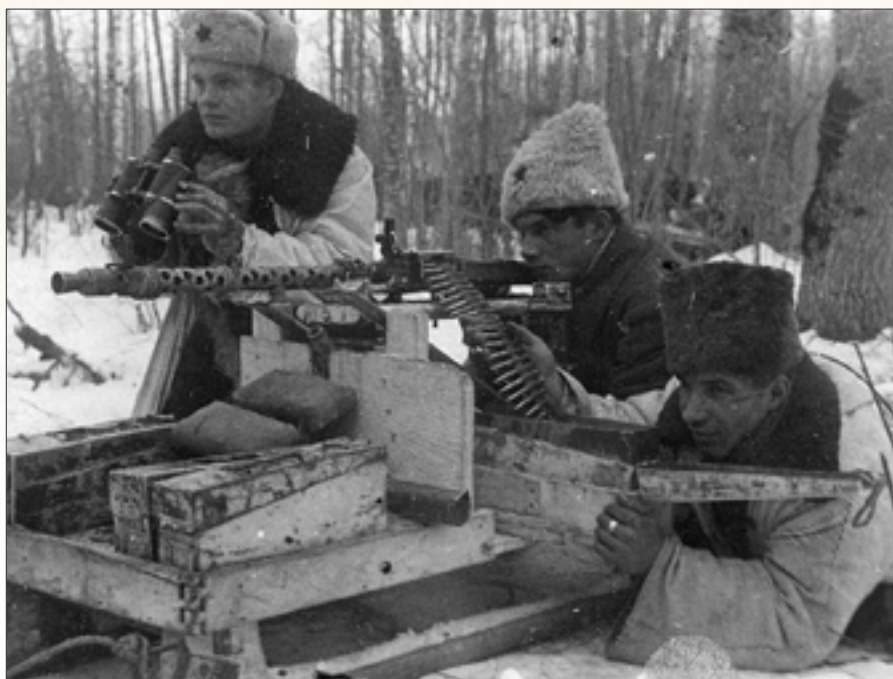
Поступили данные о вражеском гарнизоне в Дедовичах. Подпольщики сообщали, что в городе размещается штаб 218-й пехотной дивизии и 603-й отдельный батальон войск СС. Численность гарнизона вместе с карателями — около 900 солдат и офицеров. Здесь же находился штаб одного из главарей гитлеровской контрразведки, опутавшей своей паутиной территорию Северо-Запада. Это был пожилой офицер, в погонах майора, но начальник гарнизона, полковник, первым поднимал руку к козырьку при встречах с ним. В Дедовичах недалеко от железнодорожной станции находились крупные склады с вооружением, боеприпасами и продовольствием, предназначенные для снабжения окруженных войск 16-й армии. Кроме того, около Дедовичей находился крупный железобетонный мост через реку Шелонь.

Укрепляя после партизанских ударов по Холму и Ясскам крупные населенные пункты, гитлеровцы и вокруг Дедовичей соорудили многоэтажные блиндажи из бревен и рельсов, а из снега, политого водой, — ледяные валы с амбразурами. В ряде мест они закопали в землю танки. В самом городе значительная часть больших зданий — усадьба МТС, школы, здание НКВД, Дом Советов и другие — была опоясана многорядными проволочными заграждениями и подготовлена к круговой обороне. Особенно сильно враг укрепил северо-восточную часть города. Вместе с тем подпольщики установили, что южная, юго-восточная и северо-западная окраины Дедовичей сравнительно слабо прикрыты оборонительными сооружениями, а это значило, что здесь гитлеровцы не ожидали нападения партизан.

На этом и был основан план налета на Дедовичи. Составив подробные схемы расположения всех объектов, занятых врагом, изучив пути подхода к ним, систему охраны и обороны города, штаб бригады разработал окончательный вариант операции, предусматривавший в де-

тялях действия каждого партизанского полка и отряда. Согласно плану, за несколько минут до нападения специально выделенные группы должны были перерезать все телефонно-телеграфные линии, связывающие город с другими населенными пунктами, а другие в момент нападения взорвать железнодорожное полотно, соединяющее Дедовичи со станциями Дно и Чихачево, чтобы не допустить подхода бронепоездов и подкреплений к дедовичскому гарнизону. Нападение на город намечалось совершить одновременно с четырех направлений: двумя отрядами с северо-запада и северо-востока и пятью — с юго-запада и юго-востока. Каждый полк и каждый отряд точно знал свою задачу: кто выбивает гитлеровцев из Дома Советов, кто истребляет их в школах, кто громит вокзал и железнодорожные сооружения на станции, кто штурмует бывшее здание НКВД. По всем дорогам, идущим в Дедовичи, выставлялись заслоны-засады, которые не должны были пропустить подкрепление из других гарнизонов.

До 21 февраля полки и отряды бригады все ближе подходили к городу. 21 февраля, как только спусти-

▲ В засаде

▲ Встреча населения с разведчиками

лись сумерки, из окрестных деревень и лесов тронулись партизанские подводы. КП бригады расположился в небольшом хуторке Прушково около восточной окраины Дедовичей. К 3 часам 30 минутам ночи сюда отовсюду прибыли связные с донесениями о выходе полков и отрядов на исходные рубежи.

Ночь выдалась по-настоящему партизанской. Полная тишина Безлунье. Густой морозный туман, как дымовая завеса, окутывал город.

В 4.30 начальник штаба бригады Головай дал ракету. Это был сигнал «северным» отрядам начать атаку. Вскоре раздались глухие взрывы — подрывники взорвали железнодорожное полотно со стороны Дно и со стороны Чихачево. Еще через несколько минут взлетел на воздух мост через Шелонь. Вслед за «северными» отрядами в город ворвались «южные». Стучали пулеметы, стрекотали автоматы, рвались гранаты. Особенно слышны были взрывы противотанковых гранат, которые партизаны бросали в окна зданий, где размещались гитлеровцы. Раскатисто и методично били орудия. Штаб бригады перенес командный пункт ближе к месту боя.

Здесь, под Дедовичами, я еще раз убедился, что Васильев не только

прекрасный политработник, но и замечательный партизанский командир, организатор народной партизанской борьбы. Налет на Дедовичи закреплял за Васильевым добрую славу среди партизан и населения как крупного партизанского вожака, на счету которого были Холмская, Ясская и многие другие операции.

Уже брезжил рассвет, а бой в Дедовичах не прекращался. Неожиданно в предрассветном тумане показалась санная упряжка. На ней в полный рост стоял старик в лохматой шапке и овчинном полушубке, подпоясанный простой веревкой. Подъехав к нам, он впопыхах задал вопрос:

— Куды?

Я спросил:

— Что куды, дедушка?

— Куды раненых вывозить?

Поблагодарив старика за предложенную помощь, мы направили его в полк Рачкова.

— Если Рачкова не найдете, папаша, — добавил Васильев, — подбирайте раненых партизан, где увидите, и вывозите их в деревню Прутково.

Патриот-старик, у которого мы даже не спросили имени, вывез из Дедовичей несколько раненых бойцов.

Дедовичи почти полностью были очищены от противника. Только небольшие группы фашистов еще отстреливались из подвалов на северо-восточной окраине города.

— Не пора ли давать отбой, Николай Григорьевич? — обратился я к Васильеву.

Васильев подал условленный сигнал.

Вечером 22 февраля Военному совету фронта была направлена радиограмма:

«В результате налета на районный центр и железнодорожную станцию Дедовичи, совершенного 2-й партизанской бригадой в ночь с 21 на 22 февраля, уничтожено 650 немецких солдат и офицеров, большой склад с вооружением и боеприпасами, взорван мост через реку Шелонь, разрушена станция и путевое хозяйство. Движение на железной дороге прервано. Наши потери в этой операции — 58 убитых и 72 раненых».

Полки и отряды возвращались на свои базы. Васильев, я и еще несколько командиров ехали в санях по заснеженной проселочной дороге к деревне Яски. Это были те самые Яски, где в середине февраля партизаны разгромили эсэсовский батальон. Не доезжая до Ясок примерно 4–5 километров, мы услышали у деревни пулеметную стрельбу.

— Там отряд Бундзена, — заметил Васильев. — Оставлен для прикрытия Дедовичей с тыла.

Действительно, вскоре галопом к нам подскочил всадник — партизан из отряда Бундзена и доложил, что от деревни Тюриково на Яски наступают немцы. Отряд отражает атаку пулеметным и ружейным огнем.

Тут же командиру базировавшейся в 10 километрах от Тюриково 5-й бригады Ю.П. Шурыгину было передано письменное распоряжение:

«Между Тюриково и Яски появился неустановленной численности отряд противника. Примите все меры к его окружению и уничтожению». Связному растолковали, где находится штаб бригады. Через

него же был передан приказ Бундзену ни в коем случае не допускать противника в Ясски, так как через деревню пройдут несколько отрядов, участвовавших в нападении на Дедовичи.

Эту задачу Бундзен выполнил. Фашисты не только не прошли в Ясски, но и были отогнаны на несколько километров. Участвовавшие в Дедовичской операции отряды беспрепятственно прошли через село.

Теперь гитлеровцами занялась 5-я бригада. К исходу 22 февраля разведка установила, что отогнанный от Яссок карательный отряд остановился на ночлег в селе Тюрикове. Партизанские разведчики вместе с начальником разведки бригады Никитиным и бойцы из входившего в бригаду отряда «Боевой» блестяще справились с задачей.

Командир роты Павел Долинин пробрался к зданию штаба. В одном из окон горел свет. Вот туда и швырнул Долинин первую противотанковую гранату. Сигнал для общей ата-

ки был подан. Сразу загрохотало все вокруг. Из помещения штаба вырвались языки пламени, осветив улицу. Гитлеровцы в панике выскакивали в двери и окна. Большинство были в нижнем белье, в сапогах на босую ногу. Они метались по улице, стараясь укрыться от автоматного и пулеметного огня партизан.

Не обошлось без курьеза. Когда бойцы укладывали в сани тяжелораненого партизана Алексева, рядом с ним плюхнулся фашист в кальсонах и накинутом наспех тулупе хозяина дома, где он ночевал. В таком виде он и был доставлен на командный пункт бригады. Но больше всех испугался сам командир карательного отряда — «рыцарь железного креста первого класса» с майорскими погонами пан Шпицкий. Забыв о подчиненных, он пустился наутек. Перебежав через огороды, каратель выбрался из деревни и, увязая в глубоком снегу, уходил к лесу, отстреливаясь из автомата. Однако был сражен партизанской пулей.

Тюриковская операция продолжалась всего полтора часа. Она закончилась полным разгромом карателей. Более 200 фашистских вояк и жандармов нашли в селе Тюрикове свою бесславную смерть, а около 50, побросав оружие, сдались в плен. Потери партизан составили шесть человек убитыми и восемь ранеными. Богатыми оказались трофеи: 131 винтовка, десятки автоматов, 7 ручных пулеметов, 4 радиостанции, 16 тысяч патронов, 68 санных подвод с продовольствием.

Утром 24 февраля командир 5-й бригады Ю.П. Шурыгин донес о разгроме карательного отряда в Тюрикове. Вместе с донесением он прислал четыре захваченные у врага переносные радиостанции, а также сани, груженные консервами, сигаретами и шоколадом.

Мы допросили пленных. Среди них были два немецких офицера, которые вначале держали себя довольно надменно. Свою фамилию, имя, место рождения они назвали.

▲ Пленные фашисты

Но когда стали задаваться вопросы военного характера, оба карателя высокомерно заявили, что они не будут отвечать на них, так как, мол, допрашивать военнопленных запрещено Гаагской конвенцией.

Ссылка на Гаагскую конвенцию крайне возмутила нас. Мы ведь знали, как фашисты обращаются с нашими военнопленными. Между присутствовавшими на допросе партизанами произошел диалог, из которого каратели, видимо, поняли, что они зря завели об этом разговор, и, одумавшись, дали исчерпывающие ответы на все вопросы, которые нас интересовали. Потом оба офицера обратились с просьбой написать письма в Германию своим родственникам о том, что они находятся в плену у партизан под Ленинградом и что с ними как с военнопленными обращаются хорошо.

— Пишите, — сказал я, — но фашистская цензура все равно их не пропустит. А вот своим сослуживцам стоило бы написать, порекомендовать им, если они хотят остаться в живых, переходить к партизанам.

Мы позаботимся, чтобы эти письма без фашистской цензуры пришли к адресатам. Все, кто отзовется на ваш призыв, будут самолетами переправлены в советский тыл в лагерь для военнопленных, а после победы вернуться в Германию.

Пленные согласились, и каждый из них написал письма своим сослуживцам с просьбой ознакомить с их содержанием и других офицеров. Через несколько дней подпольщики подбросили эти письма в здание военной комендатуры в городе Дно.

В те дни почти ежедневно через территорию края на небольшой высоте пролетали тяжелые транспортные немецкие самолеты Ю-52, доставлявшие в окруженную демянскую группировку противника вооружение, боеприпасы и продовольствие. Всем бригадам было дано указание организовать массовые засады на трассах полетов самолетов. Для обстрела их использовались не только винтовки, автоматы, пулеметы, но и противотанковые ружья. И эта «охота» была небезуспешной. Партизаны сбили около двадцати Ю-52.

Однажды ночью, когда мы с Васильевым и Орловым обсуждали очередные вопросы, под самыми окнами бригадной землянки бухнули выстрелы. Мы выскочили наружу.

— Кто стрелял?

— Я, — взволнованно ответил часовой. — Только что тут были гитлеровцы, небольшая группа.

— Где они?

— Убежали.

Пришлось послать связного на лыжах в один из отрядов с приказом перехватить немцев. Это удалось — четверо из пятерых были убиты, один убежал.

На рассвете он заскочил в какую-то деревню и стал требовать у женщин, собравшихся у колодца, лошадь, чтобы добраться до города Дно.

Недолго думая, женщины скрутили фашиста, который оказался летчиком со сбитого самолета, и доставили в штаб бригады. После допроса немецкого офицера вместе с другими пленными отправили в советский тыл.

Корреспондент одной из наших центральных газет, побывавший

▲ К партизанам

в Партизанском крае, был поражен, увидев однажды, как партизаны конвоируют немецких военнопленных через линию фронта, рискуя собственной жизнью.

«Как могу я, бывший офицер вермахта, забыть 19 июля 1942 года — тот самый день, когда, будучи раненым, попал в плен в районе «Демянского котла»? — вспоминает главный редактор еженедельника «Зоннтаг» из ГДР Бернт фон Кюгельген. — Не скрою, я ожидал худшего: допросов, издевательств, пыток. Однако первый вопрос, с которым ко мне обратился советский офицер, был ошеломляюще неожиданным. Он спросил тогда по-немецки: «Что вы знаете о Генрихе Гейне?..».

В том же госпитале под Валдаем я однажды увидел, как принесли солдата Берзике. Тяжело раненный, он пролежал без пищи в лесу около 10 суток. Когда его подобрала советские солдаты, жизнь в нем едва теплилась. С какой самоотверженностью советские врачи боролись за него! Они спасли молодого берлинца.

Позже в лагере для военнопленных близ Горького лейтенант Рудольф Барбарин с волнением рассказывал мне, как советская женщина-врач, по национальности еврейка, дала свою кровь, чтобы спасти ему жизнь, а ведь Барбарин был немцем, как и те эсэсовцы, которые в Бабьем Яре под Киевом зверски убили ее мужа и двух сыновей.

Так в плену немецкие солдаты и офицеры постигали высочайший смысл и глубину советской морали, советского гуманизма, советского интернационализма».

Никогда не забудется, как относились советские люди к нашим листовкам и газетам. Однажды, когда самолеты сбросили газету «Ленинградская правда» и листовки над деревнями Глотова, Татинец, Паревичи, Шушелово и другими, колхозники послали своих детей на поле и в леса, чтобы разыскать эти дорогие весточки с Большой земли. В деревнях собирались целые толпы народа. Газету и листовки читали вслух.

Особенно большим уважением пользовалась газета-листочка «Вести

▲ Листовка

с Советской Родины», которая стала издаваться со второй половины августа 1941 года Главным политическим управлением РККА.

После того как мы оказались в Валдае, меня вызвал начальник политуправления фронта и показал телеграмму, в которой говорилось: «Начальнику политуправления Северо-Западного фронта Рябчеву. Передаю текст листовки «Вести с Советской Родины». Отпечатайте немедленно тиражом один миллион экземпляров на русском языке и разбросайте самолетами и наземными средствами в населенных пунктах

оккупированной советской территории...»

Это была первая листовка, называвшаяся «Вести с Советской Родины». Она начиналась словами:

«Братья и сестры советских районов, временно оккупированных фашистскими разбойниками!

Гитлеровские бандиты распространяют небылицы о положении на фронте и о жизни Советского Союза. Не верьте фашистским брехунам. Читайте правду о нашей Родине и о Красной Армии...» В листовке сообщалось о разгроме фашистских дивизий на Юго-Западном направ-

лении, перечислялись номера этих дивизий, назывались советские командиры, отличившиеся в боях.

Очень важным было сообщение о том, что в газете «Правда» за 18 августа 1941 года напечатана статья командира партизанского отряда товарища Т.П. Бумажкова, которому за отвагу и героизм, проявленные в партизанской борьбе против германского фашизма, одному из первых среди партизан присвоено звание Героя Советского Союза. В листовке приводились выдержки из статьи Т.П. Бумажкова, в которых партизанский командир делился опытом борьбы в тылу врага. Он писал о военном обучении партизан, методах их действий и т.д. Этот первый, но уже сослуживший хорошую службу партизанам опыт был бесконечно ценен в ту пору для советских патриотов, которые начинали боевые действия в тылу фашистских захватчиков.

Листовка давала широкую информацию о ходе войны на других театрах, сопротивлении оккупантам в различных странах, а также о внутренней жизни Советского государства. В частности, в ней говорилось о создании народного фонда обороны, Всесоюзном комсомольско-молодежном воскреснике и других важных событиях.

Листовка заканчивалась призывом:

«Братья и сестры советских районов, временно оккупированных гитлеровскими бандитами! Держитесь стойко! Ни грамма хлеба и мяса немцам! Организуйте партизанские отряды, бейте врага на каждом шагу!»

Показав мне листовку, Рябчий сказал, что договорился уже с авиаторами о ее распространении, но часть тиража нужно доставить через линию фронта наземным путем, чтобы «Вести с Советской Родины» сразу попали в нужные руки. А еще через несколько дней дивизионный комиссар показал мне новую телеграмму, в которой на политуправление фронта возлагался самостоятельный выпуск листовок и плакатов для населения, попавшего под пяту фашистских захватчиков.

Вскоре наши первые листовки были переправлены через линию фронта. По данным политуправления, только с 1 сентября по 10 октября 1941 года в тылу противника было распространено 8 миллионов 818 тысяч экземпляров газеты-листовки «Вести с Советской Родины», 1 миллион 588 тысяч других различных листовок, в том числе обращения «К партизанам и партизанкам», «Товарищи партизаны!», «К партизанам Ленинградской и Калининской областей», «К населению Ленин-

градской и Калининской областей», «Что несут фашисты колхозникам», «Ко всем колхозникам и колхозницам», «Товарищи колхозники и колхозницы, к вам обращается ваша Родина» и т.д. За линию фронта было переправлено также 99 тысяч 800 экземпляров газеты «Правда», 5700 экземпляров «Известий», 1400 экземпляров «Комсомольской правды».

Таким образом, всего за этот срок в тыл врага было переброшено более 10 миллионов экземпляров различных печатных материалов. В это

▲ Бумажков Т.П.

▲ Листовка

число вошло и то, что было создано руками работников политуправления. Тираж этих листовок и брошюр «Партизаны в Отечественной войне», в которых популяризировался опыт лучших партизанских отрядов, действовавших в полосе нашего и других фронтов, составил 326 тысяч экземпляров.

С начала 1942 года до момента моего прилета в Партизанский край в полосе фронта было сброшено с самолетов и распространено другим путем свыше 7 миллионов газет и листовок, а до конца апреля 1942 года—15 с лишним миллионов. Командование, партийные и комсомольские организации бригад и отрядов использовали советскую печать с максимальной эффективностью.

Листовки вдохновляли партизан, всех советских людей на священную борьбу с врагом. Командование партизанских бригад и отрядов, пар-

тийные органы и оргтройки делали все, чтобы как можно шире распространять советскую печать, чтобы она доходила до каждого советского человека, оказавшегося во вражеском тылу. Специальный отряд Орехова, состоявший из нескольких десятков бойцов, проникал в глубокий тыл противника и распространял там советскую политическую литературу, а где это было возможно, проводил и устные беседы с населением. Из патриотов, которые по возрасту или по состоянию здоровья не могли участвовать в боевых действиях, создали группы распространителей газет и листовок. Для них оборудовали специальные повозки или сани с двойным дном, на которые сверху грузили сено, солому или хворост, а в специальный тайник упаковывали газеты, листовки, брошюры. Эту литературу передавали доверенным людям или доставляли в тайники, служившие своеобразными почто-

выми ящиками. В городах газеты и листовки обычно распространяли подпольщики, которым они доставлялись в условленные места.

Со временем у нас появились специальные распространители печати в каждом районе. В деревне Ляды, например, этим занималась Катя Егорова. У нее был свой тайник, куда партизаны регулярно доставляли политическую литературу. Катя ежедневно возила молоко на станцию, а заодно передавала местным жителям газеты и листовки. На воротах, дверях домов, у колодцев, в банях, других местах можно было видеть наклеенные листовки.

В Пскове и иных крупных населенных пунктах советские газеты и листовки нередко опускались прямо в почтовые ящики граждан.

23 февраля 1942 года, в День Красной Армии, в Партизанском крае вышел первый номер газеты «Народный мститель» — орган пар-

тийной организации 2-й бригады. Он был опечатан на привезенной мною из Валдая машинке «Бостон», переданной партизанам Военным советом фронта. Газета, издание которой было согласовано с Ленинградским обкомом партии, предназначалась специально для партизан, но распространялась и среди населения. Первый ее номер, вышедший сразу после разгрома дедовичского и яского гарнизонов врага, был посвящен эпизодам героической борьбы партизан и колхозников края.

А спустя несколько дней мне показали и другую газету, которая стала выходить в Партизанском крае. Это была газета «Коммуна» — орган Дедовичского райкома партии и райсовета. Для населения сельсоветов вне Партизанского края начали выпускаться специальные номера «Коммуны», которые доставлялись в занятые противником села и деревни. Вскоре было налажено и издание «Порховской правды» — органа Порховского райкома партии и райсовета. Помимо этого в Дновском районе выходила подпольная газета «Дновец».

В отчете о работе газеты «Коммуна», составленном спустя несколько месяцев, говорилось: «Газета «Коммуна» имеет то же название, что и районная газета Дедовичского района, выходявшая до войны. Первый номер вышел 2 марта. Сейчас насчитывается 16 номеров. Тираж газеты — 600 экземпляров. Ведущим вопросом в газете является мобилизация населения на помощь фронту и партизанам, на борьбу с ненавистным врагом. Этому вопросу газета посвятила 8 передовых статей: «Раздувайте пламя партизанской войны», «Сорвем перешивку железной дороги», «Поднимем всенародное восстание в тылу врага», «Патриотки Родины», «Все силы народа — на разгром врага» и другие. Газета неустанно призывала не оставаться безучастным в борьбе с фашистским зверем. «В разведке ли, в бою, в качестве проводника, — писала газета, — и малому и старому найдется место в строю защитников нашего счастья, свободы и независимости. Все более властно, все более мощно звучит голос грядущего возмездия:

к оружию, товарищи, к мщению за кровь, грабежи и насилия».

21 мая газета вышла с лозунгом «Чем ты помог фронту?». На эту тему было опубликовано шесть писем трудящихся, присланных в редакцию. О самой разнообразной помощи рассказывалось в письмах: о сборе продуктов Ленинграду, о посылке подарков партизанам, о подписке на заем и т. д.

Два номера «Коммуны» были выпущены специально для сельсоветов, расположенных по ту сторону нашей оборонительной линии. Эти номера печатались увеличенным тиражом. В газете, вышедшей 28 июня, говорилось: «Все громче в тылу немцев раздается голос народного гнева, все больше накапливает злоба к врагу. Выльем же эту злобу во всенародное восстание против оккупантов».

Широко велась и устная политическая работа среди партизан и населения. При партийных организациях отдельных отрядов, в бригадах и полках под руководством комиссаров работали агитпропколлективы. Они разоблачали лживую

▲ Информация с Большой земли

пропаганду оккупантов, вскрывали их преступления, призывали население к срыву всех мероприятий захватчиков. В партизанских отрядах и бригадах ежедневно принимались по радио сообщения Совинформбюро и другие материалы о положении на фронте и в советском тылу, о международных событиях. В итоге всей этой работы партизаны и население Партизанского края, а также население прилегающих к нему деревень и сел хорошо ориентировались во внутренней и международной обстановке, знали действительное положение на фронтах.

Все это находило в сердцах советских людей горячий отклик. Партизанское движение росло, опираясь на все более активную помощь населения.

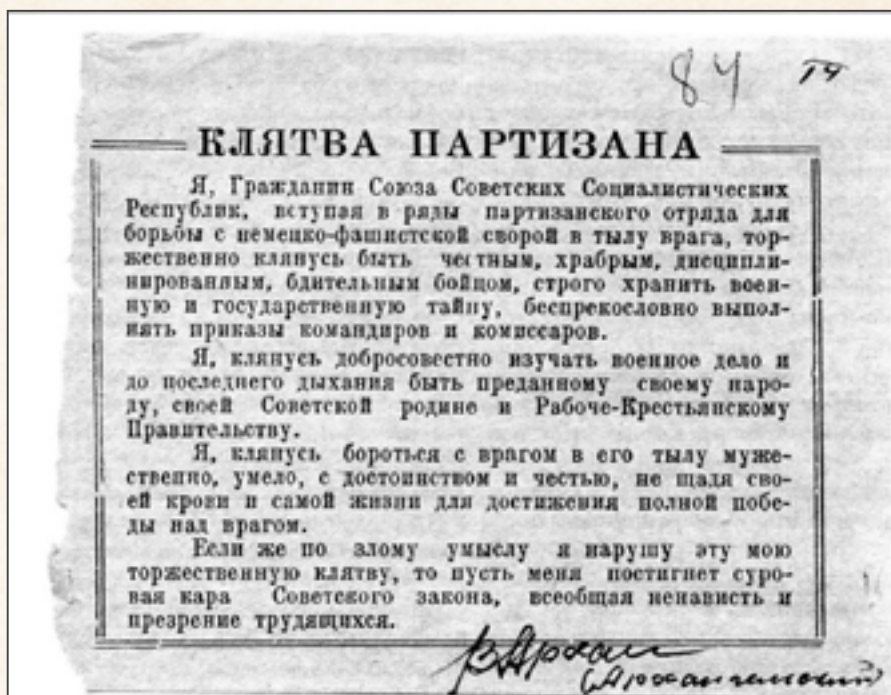
Каждый день приносил вести о подвигах многих героев, самоотверженно боровшихся с врагом. Вспоминается пятнадцатилетний партизанский разведчик Юра Иванов. Случилось так, что в одной из операций Юра, подорвавшись на mine, попал в плен. Пытали его долго и изощренно, но добиться чего-либо от юноши фашисты не смогли. Тогда молодого партизана решили повесить. И тут перед самой казнью Юра попросил немецкого офицера развязать ему руки, чтобы он мог напоследок помолиться. Обрадованный гитлеровец приказал освободить пленнику руки, но вместо молитвы Юра изо всех сил ударил фашиста со словами:

— Вот тебе партизанская молитва!

Взбешенный офицер застрелил отважного партизана.

На всю страну стал известен подвиг семидесятилетнего колхозника Михаила Семенова.

В один из дней карательный отряд противника оказался в селе Мухарево. Гитлеровцам нужно было пройти к партизанскому лагерю, однако сельчане твердили, что не знают дороги туда. Тогда фашисты выбрали одного из самых пожилых жителей деревни Михаила Семенова, не без основания полагая, что он-то наверняка знает в окрестностях все

▲ Клятва партизана

тропки, и под угрозой оружия заставили вести их к лагерю партизан. Семенов действительно хорошо знал окрестности и место, где находились партизаны, но повел врагов другой дорогой. Всю ночь бродили каратели по лесным урочищам и болотным трущобам, а утром снова оказались у деревни Мухарево. Разъяренные фашисты, многие из которых за ночь сильно обморозились, набросились на старика и учинили над ним дикую расправу. Семенов не молил о пощаде. Перед смертью он бросил в лицо палачам:

— А вы думали, русский человек вам, гадам, помогать будет? Шиш!

Большим событием в жизни Партизанского края, свидетелем которого мне довелось стать, была организация и отправка продовольственного обоза для трудящихся блокированного Ленинграда.

Все началось с того совещания, на котором обсуждались вопросы, связанные с нападением на фашистский гарнизон в городе Дедовичи.

У меня был номер «Ленинградской правды» с извещением городского отдела торговли о нормах выдачи хлеба на февраль: по 250 граммов рабочим и инже-

нерно-техническим работникам и по 125 граммов служащим, иждивенцам и детям. Конечно, те, кто собрался на совещание, знали о крайне бедственном продовольственном положении трудящихся Ленинграда, но конкретные цифры совершенно удручающе подействовали на присутствующих. В наступившей тишине кто-то сказал:

— Надо помочь Ленинграду.

По-видимому, товарищ обратился с этими словами к соседу, но их услышали все. Вечером во время ужина Орлов вспомнил об этих словах, сказанных ненароком, добавив, что продовольствие в Партизанском крае имеется. А спустя несколько дней Сергей Алексеевич сообщил, что население собирает продукты и хочет послать их ленинградцам. Причем сбор продовольствия происходит очень быстро и отмечен величайшим подъемом.

В деревне Броды один из старейших колхозников П. С. Васильев, узнав о сборе продовольствия, заявил:

— Пока не поможем ленинградцам, нам совесть не позволит садиться за стол. Мы должны обеспечить хлебом не только себя и партизан, но и найти хлеб для Ленинграда.

▲ Через Ладожское озеро

Даже в деревнях, сожженных и ограбленных гитлеровцами, люди отдавали голодающим ленинградцам все, что могли — откапывали из-под снега ящики, мешки с запасами, доставали продукты из ям и потайных складов, вели овец, телят, несли домашнюю птицу.

Сбор продовольствия для ленинградцев проходил в чрезвычайно сложной обстановке. После нападения на Дедовичи оккупанты направили несколько крупных карательных отрядов к границам Партизанского края. На территории Дежского, Малышевского, Ефимовского, Станковского и других сельсоветов не утихали упорные бои партизан с карателями. Тем не менее даже из этих районов на сборный пункт прибывали санные обозы с продовольствием. Об этом стало известно гитлеровцам. В деревни на границе Партизанского края и за его пределы прибыли дополнительные кара-

тельные силы, которые должны были не допустить отправку продовольствия в Ленинград.

Фашисты рыскали по деревням, расправляясь со всеми, кто проводил сбор продовольствия или прятал его. От рук карателей погибли председатель Сосницкого сельсовета Воробьев и председатель колхоза «Красная горка» Смирнов. В деревне Зеленый Клин за сбор продовольствия были расстреляны председатель сельсовета Виноградов, председатель колхоза Григорьев, его жена, дочь и несколько колхозников. В другом селе фашисты учинили расправу над кладовщицей Марией Михайловой, узнав, что у колхозной кладовщицы находится около 100 пудов мяса и крупы для продовольственного обоза.

Марию схватили.

— Где продовольствие? — допытывались каратели.

— Никакого продовольствия у меня нет.

Тогда ее стали бить. Но ни побои, ни угроза смерти не поколебали решимость советской патриотки.

Марию расстреляли и начали пытаться ее отца. Однако и он ничего не сказал фашистам. Был расстрелян и отец Марии. Потом тела отца и дочери гитлеровцы облили керосином и сожгли.

Пытаясь помешать отправке обоза, фашистское командование усилило бомбардировку Партизанского края. Несколько деревень сгорело. Но сорвать сбор продуктов для города Ленина не удалось. Даже из подвергшихся бомбардировке деревень, из многих сел, где рыскали каратели или близ которых шли бои, как это было на территории Дежского, Малышевского, Ефимовского, Станковского и других сельсоветов, на сборный пункт прибывали санные обозы с различными продуктами.

К 25 февраля 1942 года обоз был в основном готов к отправке. Толь-

ко колхозники Дедовичского района собрали 80 центнеров мяса, 94 центнера ржи, 25 центнеров пшеницы, 56 центнеров гороха, 132 центнера овса, 238 килограммов крупы, 51 килограмм масла. Это составило 161 подвод. Из Шушелевского сельсовета Белебелковского района поступило 180 килограммов продуктов, а из Переездовского сельсовета 420 килограммов свинины. Всего из Белебелковского района прибыло 37 подвод. Из Поддорского и Ашевского районов поступило 25 подвод. А весь обоз составил 223 саней, на которые уложили 8 тонн мяса, 9 тонн ржи, 2,5 тонны пшеницы, 5 тонн гороха, 238 килограммов различных круп, 51 килограмм масла и другие продукты. Обоз сосредоточился у лесной деревушки Нивки Дедовичского района.

В ходе сбора продовольствия родилась мысль написать письмо в ЦК ВКП(б) от имени партизан и населения Партизанского края. Текст письма

обсуждали в партизанских отрядах и бригадах, на собраниях колхозников. Участники обсуждений ставили свои подписи под письмом. Нередко возникали трогательные сцены. В деревне Круглово старушка колхозница попросила:

— Может быть, и мне разрешите подписать письмо? Хотя я и старая, мало помогаю партизанам, но у меня такие же думы, как у всех.

Другая колхозница, Дарья Иванова из деревни Тычково, оказалась неграмотной, и ей пришлось просить соседку:

— Напиши мою фамилию. Только поставь Дарья, а не какая-нибудь другая Иванова. Пускай в Москве знают, что это я.

Сбор подписей под письмом повсеместно превращался в своеобразные митинги. Колхозники и партизаны заявляли о своей готовности, не щадя жизни, бороться с врагом.

— Пусть знает страна, что и в тылу у врага мы живем по-совет-

ски и участвуем в борьбе с оккупантами, — заявил колхозник Лобанов из артели «Красный камень».

13 школьных тетрадей, в которых стояло около четырех тысяч подписей, были приложены к письму, начинавшемуся так:

«Пусть эти простые слова пройдут через линию фронта, достигнут стен Кремля, возвестят о делах и чувствах советских граждан, временно попавших под фашистское ярмо».

Письмо заканчивалось клятвой:

«Кровавые фашисты хотели сломить наш дух, нашу волю. Они забыли, что имеют дело с русским народом, который никогда не стоял и не будет стоять на коленях».

Вместе со сбором продовольствия возник вопрос о санях, лошадях, возчиках.

В селе Острый Камень об этом состоялся такой разговор на общем колхозном собрании:

— Как насчет коней, граждане? — спросил председатель колхоза Фе-

▲ Партизанская кухня

▲ Продовольственный обоз

дор Миронов. — Надо самолучших коней. Не в лес за дровами ехать. Путь предстоит долгий.

— Вот и отбирай лучших, — ответили ему.

— Ну, а кто готов сопровождать обоз? — спросил председатель.

— А женщин берут? — спросил чей-то женский голос.

— Можно.

— Тогда нас посылайте! Пусть мужики здесь воюют!

Пришлось объявить голосование. Собрание выбрало в возчики самых достойных: и мужчин и женщин. Среди них были старейший колхозник Роман Русаков, дочь председателя колхоза знатная трактористка Лидия Миронова и другие.

Когда собрание подошло к концу, кто-то с задней скамьи поднял руку.

— Ну, что там еще? — спросил Миронов.

Поднялась Нина Сафонова:

— Третьего дня мы газету партизанскую читали, там написано, что в советском тылу деньги в фонд обо-

роны собирают. Вот я и подумала: а что, если и нам собрать да вместе с обозом и отправить...

Колхозники идею одобрили. На стол к председателю стали класть деньги. Захлопали двери. Это многие поспешили домой за сбережениями. Кто-то положил на стол пачку облигаций.

— Граждане! И облигации можно! — пронеслось по рядам. Поднялся дед Тимофей.

— Три сына моих на фронте. Сам-то я староват стал, с винтовкой не совладею, а деньгами своей державе помогу.

Татьяна Игнатова положила на стол обручальное кольцо. Вскоре рядом с ним легли чьи-то золотые серьги, браслет от часов, янтарное ожерелье...

И так было повсеместно.

В один из дней вместе с Васильевым и Орловым мы отправились к работникам дедовичской оргтройки, чтобы решить некоторые вопросы, связанные с отправкой обоза

на Большую землю. Нас встретил председатель тройки А.Г. Поруценко:

— Обоз готов, но часть подвод укрыта в лесу, другая спрятана в сараях и на хуторах. Собрать все это можно за одни сутки.

— А как с санями, лошадьми, возницами?

— Все в порядке. Сани все в исправности. Лошадей по особой мерке брали, таких, каких понукать не надо, понимающих, чтоб без крика и шума управлять можно было. А на 223 упряжки возчиков нашлось больше тысячи. Так что выбрали самых лучших, надежных. Среди них — больше 30 женщин.

— А кто начальник обоза?

— Федор Потапов, коммунист, надежный товарищ.

Решили основную часть обоза собрать в деревне Нивки. Наметили маршрут, разведанный партизанами заранее — через села Мухарево, Татинец, реку Полнеть, вокруг озера Прудское, через обширные Рдейские болота. К линии фронта

обоз должен был выйти у деревень Жемчугово и Каменка. Почти 120 километров по вражеским тылам, вне территории Партизанского края. 60 партизан из отряда имени Бундзена и 80 бойцов из групп самообороны сопровождали обоз.

Партизанским разведчикам удалось связаться через линию фронта с командованием 8-й гвардейской имени Панфилова стрелковой дивизии, переброшенной сюда из-под Москвы. О подготовке обоза сообщили радиogramмой в Смольный.

Федору Потапову вручили топографическую карту с нанесенной на ней извилистой красной линией — маршрутом обоза с продовольствием для ленинградцев.

В ночь на 5 марта 1942 года командование бригады прибыло в Нивки, чтобы проводить продовольственный обоз. Решили разбить его на группы — по два-три десятка подвод в каждой. Они должны были двигаться на определенной дистанции друг от друга. Охрана — в голове и хвосте колонны, разведка впереди. Общий сбор был назначен близ ли-

нии фронта у деревни Лопари.

Напутствуя людей, Васильев сказал:

— Тяжелый поход вам предстоит, товарищи. Хочу вам пожелать успеха. Сделайте все, что зависит от вас, и больше того...

Несколько слов сказал Орлов:

— Помните, друзья, как ждут вас в голодном Ленинграде.

Мы посоветовали не ввязываться ни в какие бои с гитлеровцами, стремиться обойти их, действовать умно, расчетливо.

Обоз, охраняемый партизанами и бойцами самообороны, которыми командовал комсомолец Михаил Харченко, тронулся в путь.

Вспоминает партизан Н.П. Быстров:

— Помню эту картину: тихая ночь, длинная вереница саней. Передние сани уже у Татинца, а замыкающие еще в Нивках. В первую ночь все 200 возов чередой шли, а после обоз разделили на семь частей, на случай бомбежки.

Рассказывает одна из возниц, А.И. Егорова:

— Вторая и третья ночь перехода вконец измотали нас. Как ни лютвал в ту зиму мороз, а в низинах сквозь снег хляби проступали. Часто то впереди, то сзади раздавался условный свист — проваливались в талый наст сани, и мы осаживали коней и спешили вытаскивать тонущую подводу. Недалеко от Заполья мы и вовсе остановились. Разведчики донесли начальнику обоза Федору Потапову, что впереди фашисты. И тогда мы отвернули от Заполья, обошли село.

У Заполья была назначена встреча с 37 подводами из Белебелковского района, которые вел председатель белебелковской тройки Н.А. Сергачев. «По плану начальника штаба бригады Василия Головая мы должны были выйти к Заполю в ночь на 8 марта... — вспоминает он в одном из своих писем. — До встречи с обозом Потапова оставались считанные часы, когда на дороге мы увидели шест с насаженным венком — условный знак: в ближней деревне немцы. Пришлось сворачивать в поле. А там снег по пояс, лошади стали... Впереди саней пошли воз-

▲ Формирование обоза

▲ Партизанский аэродром

чицы — путь протаптывать. Но скоро и они выбились из сил. А тут еще ветер потянул поземку, жжет холодом. Залепило лицо снегом, слезы на щеках стынут... Но надо спешить. Мы валились на этот проклятый снег, а потом приминали его ногами, пока не обогнули село. А когда наконец выехали на дорогу, я подошел к измученным женщинам и сказал им спасибо за ратный труд. И еще поздравил. Ведь шла ночь на Восьмое марта... А перед самым рассветом мы встретили разведку, посланную Федором Потаповым.

Я вспоминаю эту ночь и снова, в который раз, восхищаюсь нашим народом. В ту лихую годину до конца раскрылась его душа.

После заминки у Заполя обоз двинулся к Рдейским болотам. Теперь здесь были все 223 подводы.

На рассвете остановились в селе Березняки. Как и на других днях, груз внесли в хаты, лошадей и сани спрятали в сараях, чтобы обоз не обнаружили немецкие летчики,

усиленно разыскивавшие «продовольственный поезд» для голодающих ленинградцев. Мы знали: врагу известно об обозе, и он сделает все, чтобы уничтожить его, как только вереница саней будет обнаружена.

Как раз в эти дни был задержан гитлеровский агент с радиостанцией, засланный в Партизанский край. По его сигналу фашистские летчики уже разбомбили несколько деревень. Когда его спросили, что он передал еще о Партизанском крае, вражески?! лазутчик ответил:

— Немцы знают, что готовится письмо в Москву и обоз для Ленинграда.

Разыскивая «партизанский караван», гитлеровские летчики оказались и над Березняками. В полдень над селом прошла группа самолетов. Летели низко, словно присматривались. Со второго захода открыли по деревне огонь из пулеметов зажигательными пулями. Загорелись четыре дома. Но никто из партизан и колхозников не появился на улице.

Не обнаружив ничего подозрительного, фашисты улетели.

В одном из загоревшихся домов оказался партизан Артемий Терентьев. Уже после войны я прочитал его короткий рассказ: «Занялась огнем крыша. В окно видим: еще три хаты горят. В избе человек 15, да в тех домах, что в огне, не меньше. Но никто не выходит. Приказ для всех одинаков — не покидать хаты, пока враг над нами. А пожар дела не меняет, нельзя выдать немцам стоянку обоза... Полведра воды — все, что в снях нашли, — на стропила выплеснули. Но солома на крыше разгорелась вовсю, обдает жаром. Дым режет глаза, кашлем раздрает грудь. Все легли на пол, натянули на головы полушубки. Лопнуло, видно, терпение у немца. Решили летчики, что нежилое это село. И ушли. А мы, как стемнело, двинулись напрямик к фронту».

На старой двухверстке написано, что Рдейские болота «непроходимые». Такими они считались издревле, такими считаются и поныне.

Но обоз прошел по ним напрямик. Многие участники перехода рассказывали о той ночи. Вспоминали, как качался болотный лед, как змеились под полозьями ржавые трещины. Рвались из постромок кони.

На подходе к переднему краю партизаны встретились с разведчиками 8-й гвардейской дивизии. Самым опасным местом перехода через линию фронта было шоссе Холм — Старая Русса, охраняемое гитлеровцами. Везы были собраны вместе, чтобы одним махом преодолеть последний отрезок пути до Большой земли. Охрана располагалась вдоль перехода. Наконец была дана команда:

— Вперед!

Вскоре фашисты заметили переправу. Поднялись в небо ракеты. Загрохотали выстрелы. Но участок перехода был выбран удачно. Сплошной линии обороны тут у врага не было. Когда заговорила немецкая артиллерия, последние сани были уже вне опасности.

Среди тех бойцов, которые видели, как обоз пересекал линию фронта, был Алексей Жердев. Вот что он написал спустя 30 с лишним лет после войны:

«Зимой сорок второго я служил в Панфиловской дивизии. Наш батальон стоял на реке Ловать, недалеко от города Холм... Часто вспоминаю я мартовскую ночь у деревни Каменка. В ту ночь нас подняла на ноги стрельба за вражеской линией. Слышались разрывы гранат, пулеметные очереди... Не сразу мы поняли, что происходит в немецком тылу. Вскоре на нейтралку прошла полковая разведка, а за ней двинулись минеры и стали вехами обозначать проходы в минных полях. И вдруг на «ничейной» земле показались... крестьянские сани, запряженные лошадьми. Они мчались к нашим окопам. А мы не верили своим глазам. Ведь не танки — обоз прорывал фронт! Волнение охватило бойцов. Многие даже поднялись на бруствер... «Давай!» — слышалось из наших окопов. Скоро груженные сани уже пронеслись мимо. Возчики — среди них были женщины и подростки — во всю

мочь гнали коней. На следующий день командование объявило, что через фронт прошел обоз с хлебом для Ленинграда».

О прибытии обоза командир дивизии генерал-майор Н. М. Чистяков позвонил начальнику штаба фронта Н. Ф. Ватулину.

— Как быть дальше? — спросил Чистяков.

— Продукты ленинградцам нужны сейчас. Везти их туда на санях — долгая история. Перегрузите продукты в вагоны и доставьте их по железной дороге.

Обоз ушел на станцию Черный Бор.

Из Ленинграда по радио в Партизанский край была передана горячая благодарность за продукты. Ленинградский обком партии попросил направить в осажденный город специальную делегацию из партизан и колхозников. Командование бригады подобрало 22 человека. Тут были партизаны, отличившиеся в боях, и колхозники, особо проявившие себя при сборе продовольствия. В состав делегации вошли вернувшийся из-за линии фронта пулеметчик Михаил Харченко, на счету которого было более 100 уничтоженных гитлеровцев, Дмитрий Ипатов, сбивший из автомата немецкий транспортный самолет, Катя Сталидзан — отважная партизанская разведчица, комиссар одного из наиболее боевых отрядов Иван Ступаков и другие. Возглавил делегацию председатель дедовичской тройки Александр Георгиевич Порущенко. Делегации было передано 135 тысяч рублей наличными и в облигациях, собранных одновременно с продовольствием в фонд Красной Армии, и письмо ленинградцам. Вот строки из этого письма:

«Ни карательные экспедиции, ни жестокие расправы с мирными жителями — ничто не сломило и не сломит нашей воли к победе. Вооруженная рука партизан поддерживает и охраняет в районах, в тылу у немецких захватчиков советские порядки. Вооруженная рука партизан пускает под откос вражеские поезда, останавливает немецкие транспорты, везущие боевые припасы и солдат

на фронт. За время Великой Отечественной войны партизаны двух районов истребили более 3 тысяч фашистских солдат и офицеров. Борясь и работая в тылу врага, мы живем единым дыханием, волей, чувствами со всем советским народом...»

21 марта делегация выехала в Ленинград той же дорогой, по которой прошел обоз. 25 марта она была в Валдае.

На митинге, состоявшемся на центральной площади Валдая, выступил секретарь райкома партии А. В. Коленов.

— Товарищи, сегодня мы встречаем героических сынов и дочерей нашей Родины, прибывших из далекого Партизанского края, — сказал он. — Эти люди прошли через линию фронта и провели большой партизанский обоз. Они везут более трех тысяч пудов продовольствия рабочим города Ленина. Вот на какие подвиги во имя Родины способны наши люди!

29 марта машина с делегатами вступила на лед Ладозского озера и пошла по знаменитой ледовой трассе — Дороге жизни. В селе Кабона посланцев Партизанского края встретили заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР А. Н. Косыгин, секретарь Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецов, начальник Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитин, председатель Леноблисполкома Н. В. Соловьев, председатель исполкома Ленсовета П. С. Попков и другие.

— Спасибо, герои, — сказал А. Н. Косыгин, обращаясь к делегатам, — от всех ленинградцев спасибо.

В город делегаты въехали через дымные улицы Охты, накануне подвергнутой беспощадному артобстрелу. Встречала делегацию масса людей. С Суворовского проспекта пришла группа женщин с заводским флагом «Красной работницы». На набережной стоял военный оркестр. Вверху поперек настила плескался привязанный к проводам плакат: «Ленинград благодарит сестер и братьев партизанской земли!» Среди встречавших тогда наших посланцев оказался будущий журналист О. Скуратов, так передавший впоследствии свои впечат-

▲ Оружейная мастерская

ления: «Кто-то крикнул: «Идут!», и мы их увидели... В чумазных полушубках, в ушанках, перехваченных наискось лентой, партизаны входили на гулкий от мороза мост. А мы рванулись навстречу и кричали «ура» застывшими, чуть слышными голосами...»

А на следующий день делегаты Партизанского края были приняты в Смольном. Глава делегации А.Г. Поруценко вручил А.А. Жданову трофейный автомат и квитанцию о сдаче денег, собранных в фонд обороны Родины. Трофейные автоматы были вручены также командованию Ленинградского фронта и другим руководителям героической обороны Ленинграда.

— Это оружие захвачено в боях, — пояснил Поруценко.

Состоялась беседа, в заключение которой А.А. Жданов сказал:

— История не забудет, как вы несли красное знамя в тылу у врага. Держите это знамя крепко. До полной победы!

От имени ленинградцев он горячо поблагодарил партизан и колхозни-

ков за дорогой подарок и посоветовал им побывать на заводах, в воинских частях, встретиться с рабочими и воинами, совместными усилиями отстаивающими город Ленина от фашистских мерзавцев.

Делегаты побывали на Кировском, Балтийском и Металлическом заводах, на заводе «Большевик» и фабрике имени Урицкого, на линкоре «Октябрьская революция» и крейсере «Киров». Несколько партизан оказались в частях 63-й армии, занимавшей оборону у Колпино. Прибыв к артиллеристам, они произвели несколько выстрелов из орудия по окопавшимся вокруг Ленинграда гитлеровцам.

Делегаты Партизанского края увидели на деле стойкость ленинградцев, их мужество, решимость во что бы то ни стало отстоять родной город.

На одном из заводов, где ремонтировались танки и авиационные моторы, обращаясь к делегатам, рабочие заявили:

— Передайте партизанам, населению оккупированных районов, что

камни есть будем, а Ленинград врагу не отдадим!

Спустя несколько дней делегацию принял Военный совет Ленинградского фронта. Проходила встреча в историческом Смольном. Тут были представители предприятий, воинских частей, Краснознаменного Балтийского флота, партийный актив города. Председатель Ленсовета П.С. Попков вручил партизанам ордена и медали. К званию Героя Советского Союза был представлен Михаил Харченко, орденом Ленина награжден Александр Поруценко, орденом Красного Знамени получили начальник обоза Федор Потапов, председатель белобелковской тройки Николай Сергачев и другие. Награжденных тепло поздравил А.А. Жданов.

— Передайте партизанам и колхозникам тех районов, от коих вы делегированы, — сказал Жданов, — что мы, ленинградцы, и вся наша великая советская Родина горды вашей работой, горды тем, что вы в невероятно трудных условиях, окруженные со всех сторон противником, в его глу-

боком тылу сумели высоко пронести знамя советских патриотов, сумели пронести и отстоять советский строй, колхозный строй и показать не только нашей стране, но всему прогрессивному и передовому человечеству, что означает советский человек, знающий, за что он борется.

Передайте жителям и воинам края, всем советским людям, оказавшимся по ту сторону фронта, что Родина их не забывает, что недалек тот день, когда враг будет разбит и все наши люди будут вызволены из фашистского плена. Передайте всем, что Ленинград — колыбель Октября — был, есть и будет советским. Фашисты в город не пройдут! Их нога никогда не ступит на ленинградские улицы.

П. С. Попков зачитал письмо трудящихся Ленинграда партизанам и населению Партизанского края в тылу врага, где было сказано следующее:

«Нет таких слов, в которых можно было бы выразить наше восхищение вами, нашу благодарность вам за подарки, которые вы прислали трудящимся Ленинграда, за великолепное мужество, за железную стойкость, которую вы проявляете в тылу врага, не прекращая ни на минуту борьбы с немецко-фашистскими оккупантами, защищая свою родную землю, защищая свой великий русский народ, его честь, свободу и независимость, защищая родной советский, колхозный строй».

После торжественной части всех пригласили на ужин. В непринужденной обстановке текла товарищеская беседа. Спели несколько песен. Один из секретарей райкомов сказал Порущенко, чтобы он попросил сыграть на баяне Жданова. Сначала Жданов отказывался, а потом взял в руки баян и развернул мехи. Когда делегаты прощались с гостеприимными хозяевами, Жданов остановил Порущенко:

— А это вам подарок от старого гармониста.

И протянул баян. В Партизанский край делегаты улетали самолетами.

Весть о посылке из вражеского тыла обоза с продовольствием в блокадный Ленинград облетела всю страну. «Правда» посвятила этому со-

бытию передовую «Советские люди никогда не будут рабами!».

«Дорогие братья! — обращалась газета к партизанам и населению Партизанского края в тылу армий «Север». — Ваши слова, проникнутые беззаветной любовью к матери-Родине, прошли через линию фронта, они достигли стен Кремля, они станут достоянием всего нашего народа, они дойдут до свободных народов всего мира, ведущих борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, они станут известны народам, которые, как и вы, томятся под фашистским игом, ведут непримиримую борьбу и твердо верят в свое недалекое освобождение... Ваши дела и чувства наполняют великой гордостью сердце каждого советского патриота. Народ, как величайшее сокровище, сохранит простые школьные тетради, в которых записаны ваши святые чувства и ваши великие дела...»

Письмо колхозников и партизан — это ответ и на подлые насилия, и на подлый обман. Не запугать, не одурачить русских, советских людей! Они были и остаются хозяевами на своей родной земле. Они держат связь через линию фронта с Красной Армией, со всей Родиной...

Письмо рассказывает нам, как живут советские люди в районах, вре-

менно захваченных гитлеровцами, и мы видим — идет, продолжается советская жизнь!.. Немцы говорят, что они «заняли» советские районы. Но в этих районах они сидят, как в осажденной крепости, и почва горит под их ногами. Нет такой силы, которая могла бы разорвать кровную связь советских людей в захваченных районах со всей Родиной. Тяжко русским людям в районах Ленинградской области под игом фашистских палачей, безмерно тяжело. Но в обстановке свирепого, бесчеловечного террора, среди сожженных деревень, над трупами замученных близких людей они думают о Родине, их мысли и чувства с родным, любимым Ленинградом. Драгоценные продукты — хлеб, крупу, жиры, — запрятанные от воров-фашистов, они тайно собирают по селам, вывозят к линии фронта, чтобы доставить в Ленинград... Навсегда останется в памяти волнующая картина этих 200 подвод, которые по глухим дорогам, с величайшей опасностью для жизни возчиков, безвестных колхозников, везут продовольствие для братьев в Ленинграде.

Дорогие товарищи! Ваши имена, запечатленные в тетрадях... пока безвестны. Но придет момент — он уже близок, — когда вся страна узнает ваши имена...» ■

▲ Эвакуация на Большую землю

Г.А. КУМАНЕВ

ВСТРЕЧИ С АНДРЕЕМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ ХРУЛЕВЫМ

▲ А.В. Хрулев

«У нас много всезнаек, всегда готовых дать совет, как воспитывать трудновоспитуемых детей, как лечить неизлечимые болезни, как строить дома и, наконец, как управлять тылом. Да, тыл – это твердый орешек, не всякому дано его раскусить. Зато каждый считает себя вправе судить и осуждать работу тех, кто над ним трудится».
А.В. Хрулев

В июне 1960 г., накануне очередной годовщины гитлеровской агрессии против СССР, я приехал за корректурой в типографию издательства «Советское радио». Там в производстве находилась моя библиографическая работа о Великой Отечественной войне.

На стене у входа в типографию вижу большое объявление о предстоящем выступлении в этот день перед коллективом генерала армии Андрея Васильевича Хрулева. Хотя до прибытия высокого гостя оставалось еще более часа, я решил обязательно побывать на встрече с ним.

Ведь это был хорошо известный в стране военный деятель, вынесший на своих плечах в 1941–1945 гг. поистине титанический груз многог-

Куманев Георгий Александрович (1931-2018), советский, российский историк, доктор исторических наук, профессор, академик РАН по Отделению историко-философских наук. Главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра военной истории России.

ранной и всеобъемлющей работы по снабжению всем необходимым Красной Армии. Во время Великой Отечественной войны, будучи заместителем наркома обороны СССР, генерал А. В. Хрулев возглавлял Главное управление Тыла Вооруженных Сил СССР, а с марта 1942 г. по февраль 1943 г. одновременно выполнял обязанности наркома путей сообщения СССР. На всех этих важных и ответственных постах он проявил себя исключительно энергичным и опытным организатором.

От редакции. 24 мая 1945 года в Кремле на торжественном приеме в честь командующих войсками Красной Армии, когда были произнесены все положенные по протоколу тосты в честь выдающихся полководцев войны, И. В. Сталин провозгласил отдельный тост. Он предложил наполнить бокалы и сказал: «Теперь нужен тост за подлинного полководца и великого труженика войны, без которого и не было бы этой великой победы. Выпьем за товарища Хрулёва».

...Выступление Хрулева перед рабочими типографии больше походило на откровенную, насыщенную многими конкретными примерами беседу о том, как создавались органы тыла Красной Армии и в каких тяжелейших условиях решались вопросы обеспечения воюющих войск различными материальными средствами: боевой техникой, вооружением, боеприпасами, продовольствием, медикаментами, вещевым имуществом.

Когда слушатели, наконец, «отпустили» генерала, я подошел и представился. Завязался разговор. Узнав о теме моей диссертации, защищенной полгода назад и посвященной трудовой деятельности советских железнодорожников в первые годы

войны, Андрей Васильевич как-то сразу оживился и просветлел.

– Дела наших железнодорожников военных лет, — сказал он, — достойны не только большого уважения, но и восхищения. Ведь они в той обстановке совершали почти невозможное. И Вам следует продолжить и углубить свое исследование.

Мы поговорили еще минут 15–20. Перед тем как попрощаться, я попросил Хрулева через какое-то время дать мне интервью по некоторым интересующим меня проблемам минувшей войны и получил его согласие.

Недели через две мы встретились снова, на этот раз в здании на Фрунзенской набережной, где размещалась Группа генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. В небольшом кабинете генерала армии находились еще два гостя, которые приняли участие в нашей беседе. Андрей Васильевич встретил меня приветливо, уже как «старого знакомого», и мы сразу же приступили к делу.

Хрулев говорил свободно, сопровождая свои ответы интересными эпизодами, диалогами, остроумными сравнениями. Лишь иногда, когда требовалось сообщить точные цифровые данные, даты некоторых событий, прибегал к помощи рукописных материалов, находившихся у него на столе.

По окончании интервью он передал мне несколько текстов, которые оказались фрагментами из его воспоминаний.

– Почитайте, перепроверьте с тем, что записали сегодня, а представится возможность — напечатайте где-нибудь в исторических журналах, — сказал Андрей Васильевич на прощанье.

Это была наша последняя встреча

(генерал армии А. В. Хрулев скончался после продолжительной болезни 9 июня 1962 г.).

Прим. редакции. Мстительный и злопамятный Никита Хрущев мог мучить «насолившего ему человека» годами. И даже после смерти. Во время войны (1942 год) как-то позвонил Хрулеву помощник Сталина Поскребышев. «Тут пришла шифровка от Хрущева (член Военного совета Сталинградского фронта). Он докладывает, что войска Сталинградского фронта восстановили мост через Волгу. А вроде бы этим занимались твои части?» Хрулев попросил Поскребышева придержать хрущевскую телеграмму и написал доклад о том, как все было на самом деле. И обе бумаги Поскребышев доложил Сталину вместе. Верховный за вранье учинил Хрущеву большой разнос. Хрущев за этот случай (после смерти Сталина) мстил Хрулеву много лет. Долго держал его в тени, не давал расти по службе.

Когда умер А. В. Хрулев, встал вопрос, где хоронить? Весь высший генералитет за то, чтобы в Кремлевской стене, Хрущев категорически против. Покойный лежит в Доме Советской Армии. Уже надо выносить тело, а вопрос не решен. Если в могиле, то надо везти на Новодевичье кладбище, если в стене — то надо кремировать. И буквально за несколько часов до похорон Хрущев сдался, разрешил хоронить на Красной площади.

Мои попытки опубликовать интервью генерала армии Хрулева и фрагменты из его воспоминаний не встретили тогда поддержки со стороны, прежде всего, «курирующих органов» и военной цензуры, по мнению которых в них оказалось слишком много «откровенных» по тем временам суждений...

Только спустя более четырех десятилетий читатель получил возможность ознакомиться с мыслями и оценками одного из видных творцов Великой Победы над фашизмом.

ИНТЕРВЬЮ

Г. А. Куманев: Уважаемый Андрей Васильевич! Вам принадлежит огромная заслуга в создании в самом начале Великой Отечественной войны единой системы материального обеспечения наших Вооруженных Сил. Как состоялось Ваше назначение на должность начальника Главного управления тыла Красной Армии?

А. В. Хрулев: В первой половине июня 1938 г. меня вызвал В. М. Молотов и сказал, что решено организовать Укрвоенстрой для выполнения строительных работ в Киевском Особом военном округе, и спросил, согласен ли я поменять должность? Укрвоенстрой должен быть подчинен непосредственно Совнаркому СССР (СНК), и я буду подчинен только ему и получать отсюда все директивы. С Киевским же военным округом буду иметь договорные отношения.

Это предложение я охотно принял, в конце того же месяца приехал в Киев и приступил к организации Военно-строительного управления при СНК СССР на базе военно-строительного отдела указанного округа.

Строительное дело я знал довольно хорошо, сумел очень быстро организовать работы и к 1 января 1939 г. вывел отстававший по строительству Киевский военный округ на первое место в Красной Армии.

Через некоторое время нарком обороны СССР Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов попросил правительство забрать у него все строительные организации и подчинить Совнаркому, который организовал при себе Главвоенстрой, Дальвоенстрой и некоторые другие строительные организации. Таким образом, создалась более стройная система строительных организаций, но подчиненная уже не наркому обороны, а непосредственно правительству.

▲ И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов

В сентябре 1939 г. мне довелось непосредственно наблюдать за походом наших войск в Западную Украину, что произвело тяжелое, просто удручающее впечатление. Колонны двигались без предварительно установленного порядка, и на дорогах создавались затруднения из-за того, что машины, тракторы и лошади постоянно перемешивались. У всех этих транспортных средств были свои скорости. Вдобавок ко всему прочему нередко возникали большие «пробки», когда в какой-нибудь грандиозной колонне, растянутой чуть ли не на 30–40 км, останавливался на дороге трактор. И вот я наблюдал: ночью стоит колонна, попытка объехать ее встречала колоссальные трудности, буквально все спало и стояло ночью, где-то произошел затор, может быть, шофер заснул, — и паралич! И вы могли найти командира дивизии, который не выходил из машины и не принимал необходимых мер. Не было никакой службы регулирования, никакой до-

рожной службы. Войска не обучались движению колоннами. И в результате получалось, что на дорогу вышли, а идти по ней не умеют. Картина была весьма поучительной.

Добравшись таким путем до Львова, встретил там В. Е. Белоскокова (он был помощником командующего Киевским особым военным округом по материальному обеспечению, а в годы войны станет одним из заместителей начальника Тыла Красной Армии). Белоскоков мне сообщил:

– Вас разыскивают, Москва Вас вызывает.

Я пошел к командующему войсками округа С. К. Тимошенко. Он хорошо принял меня и сказал:

– Поздравляю тебя.

– С чем поздравляешь? — спрашиваю.

– В Москву тебя вызывают. Узнаешь.

Я оттуда на машине добрался до Киева, там сел в самолет и улетел в Москву.

Когда прибыл в столицу, то сразу же позвонил Р.П. Хмельницкому (комдив для особых поручений при наркоме обороны). Я попросил его доложить Ворошилову, что в соответствии с его приказанием нахожусь в Москве у себя на квартире. Хмельницкий пообещал доложить обо мне и после доклада Ворошилову — позвонить.

Хмельницкий позвонил мне примерно часа в четыре дня и просил связаться с Ворошиловым. Я позвонил Ворошилову. Он спросил меня, где я нахожусь, и сказал, чтобы до 6 часов вечера я никуда не отлучался, т. к. вместе с ним должен поехать в Кремль к И.В. Сталину.

Г.А. Куманев: Ведь Вы со Сталиным встречались и раньше?

А.В. Хрулев: Да, я Сталина знал очень хорошо, знал его еще по Гражданской войне. Много раз мы встречались на различных заседаниях и приемах. Например, когда я был управляющим делами НКЮ, он принимал участие в одном из расширенных заседаний Реввоенсовета, где подводились итоги боевой подготовки за год. Помню, мы вместе праздновали десятилетний юбилей 1-й Конной армии на квартире С.М. Буденного, отмечали праздники и в Кремле.

Многие люди шли к Сталину на прием с каким-то трепетом, с большим волнением. У меня этого не было. Его я не боялся, не видел в нем какого-то зверя или неприступного человека, не желающего вести разговор на свободную тему. Со Сталиным я всегда был откровенен...

Но вернусь к ответу на первый Ваш вопрос. Ни в 6, ни в 7 часов никто не позвонил. В конце концов, я позвонил сам и мне из секретариата наркома сообщили, что встреча с тов. Сталиным сегодня не состоится. Не состоялась она и на следующий день. На третий день я попросил у Ворошилова разрешения вернуться в Киев и там подождать нового вызова.

Нарком согласился и сказал:

— Поезжайте. Если надо будет, вызовем снова.

При этом я так и не узнал, зачем требовался Сталину. Решил поинтересоваться у зам. наркома по кадрам Ефима Щаденко, но тот ответил, что «не в курсе дела», и весь мой вопрос ведет сам Ворошилов. Впоследствии выяснилось, что он сказал неправду. Щаденко знал, в чем дело. Знал о сути вопроса и начальник Главного политуправления РККА Лев Мехлис, но оба были против.

Прошло около двух недель, и меня снова Ворошилов вызывает в Москву. Приехав, я сразу же явился к нему в секретариат. Хмельницкий доложил, и я через несколько минут был принят Ворошиловым.

Он мне сказал:

— Имеется в виду возвратить Вас в Москву и поручить здесь большую работу.

Примерно в 8 часов вечера мы с Ворошиловым поехали к Сталину.

Г.А. Куманев: Вы Ворошилова знали еще с Гражданской войны?

А.В. Хрулев: Нет, еще раньше. Мы познакомились в 1912 г., когда он вел революционную работу в С.-Петербурге, но какой-либо дружбы между нами не было. В 1917 г. Ворошилов был уже комендантом охраны Петродворца, а я — комендантом революционной охраны Пороховского района. В годы Гражданской войны мы были уже как старые знакомые. Правда, знакомство было чисто деловое и, если так можно выразиться, «самое боевое».

Итак, поехали мы вместе с Ворошиловым в Кремль к Сталину, и тот сразу же мне заявил:

— Имеется у нас намерение создать Управление снабжения Красной Армии во главе с главным начальником снабжения в Вашем лице.

Я тут же поставил перед Сталиным ряд вопросов, связанных с конкретными функциями деятельности начальника снабжения РККА. По опыту прошлого я неплохо знал, что представлял из себя начальник снабжения. По существу он был единственный человек, который отвечал за продовольственное и вещевое снабжение, за обеспечение средствами связи, артиллерией, инженерным и авиационным имуще-

ством. В его ведении было и строительство. Таким образом, это был большой орган по всестороннему материальному обеспечению армии. Но поскольку технические функции выросли в громадную величину, оказалось, что начальник снабжения не может с ними справляться и тогда его обязанности разделили на много частей, создали должность начальника вооружений. Ему подчинили бронетанковую, артиллерийскую, химическую, инженерную службы и службу связи. Должность начальника снабжения была упразднена и создано военно-хозяйственное управление, а строительное управление выделено в качестве самостоятельного.

Сталин заметил:

— Мне кажется, что слово или наименование «начальник снабжения» не подходит к современным условиям.

Я стал просить Сталина — нельзя ли обойтись без меня. На его вопрос, почему я не хочу принять это предложение, ответил:

— Поскольку Мехлис поставил своей задачей, во что бы то ни стало меня уничтожить, он этим воспользуется и начнет травлю.

Сталин улыбнулся и сказал:

— Ну вот, сильнее кошки зверя нет.

— Для кого какой зверь, а для меня Мехлис — страшный зверь, — говорю ему.

Он тогда стал расспрашивать, почему у меня такое убеждение, что Мехлис обязательно расправится со мной. Я ответил буквально следующее:

— Когда в прошлом году Вы рассматривали вопрос обо мне на Политбюро, Мехлис метал громы и молнии, силясь всех убедить, будто я замешан в военно-фашистском заговоре. Вы предложили мне все рассказать о моей деятельности на этот счет. Но, так как мне нечего было рассказывать, убедились, что я человек честный, и сказали Мехлису и Ежову, чтобы они отстали от меня. После этого, когда я перед отъездом пришел к Мехлису, он мне заявил: «Скажите спасибо Ворошилову. Он Вас тяжестью своей придавил

▲ Л. З. Мехлис

и не дал мне поступить так, как следовало бы поступить, но я заявляю Вам, что постараюсь сделать все возможное, чтобы мое стремление (т. е. Мехлиса) оправдалось».

Тогда Сталин на все мои сомнения и возражения заявил:

– Ну, хорошо, а если я вместе с Вами поведу борьбу против Мехлиса, то, как Вы думаете — мы справимся?

Я откровенно ему сказал:

– Как будто бы по логике вещей должны бы справиться, но Вы имеете в виду, что Мехлис такой человек, что он может черт знает, что наделать и из любого положения способен выкрутиться.

Сталин усмехнулся:

– Он нас с вами вместе может разгромить?

– Вас-то не разгромит, а меня вот разгромит, — отвечаю.

Но решение все-таки состоялось. Я был назначен начальником снабжения Красной Армии с очень ограниченными функциями.

Г. А. Куманев: Вы сказали «с очень ограниченными функциями». Чем же все-таки занимался тогда начальник снабжения РККА? Он был главным интендантом?

А. В. Хрулев: Первоначально это была должность начальника снабжения. Я проработал на этом посту примерно полгода, не получив при назначении никаких инструкций относительно того, чем же должен заниматься начальник снабжения, каковы его права и обязанности. Не ясна была и периферийная структура органов снабжения. Подчинялся

я непосредственно наркому обороны.

Теперь о том, как возникла идея должности главного интенданта. Она родилась на той же самой давнишней основе: главный интендант в царской армии ведал продовольственным, вещевым снабжением, квартирным делом, финансами, обеспечением армии горючим. Все эти функции и остались. Я предложил объединить все это в органе главного интенданта. Обосновывал я это тем, что функции снабжения выполняли многие управления и была необходима их централизация. Согласие на утверждение должности главного интенданта было получено.

Помощник командующего войсками по материальному обеспечению, собственно, ведал тоже интендантскими вопросами, ему было подчинено вещевое и продовольственное снабжение, строительное и квартирное дело. Но так как строительное дело было выделено в управление, подчиненное правительству, то в его ведении оставались чисто интендантские функции.

Я сразу же распорядился об учреждении должностей интендантов округов. Вместо помощников командующих по материальному обеспечению. Подчиненный мне аппарат не претерпел изменений: новое наименование моей должности отражало изменение круга обязанностей.

Повторяю, особенных прав дано не было. И вообще, одни люди боялись брать права, а другие берут их с ходу.

Г. А. Куманев: Как в дальнейшем, Андрей Васильевич, шла организация органов тыла?

А. В. Хрулев: Мы начали создавать их методом проб и ошибок. Посмотрите все документы 1941–1943 гг., включая положение о начальнике тыла, вышедшее весной 1943 г. Я все забирал, забирал и набрал много власти. Одновременно набрал много обязанностей, или, вернее, эти обязанности сами на меня лезли. Положение мое было таково: иди ва-банк, участь у тебя одна: не сделаешь — повесят, и если «переделаешь» —

тоже повесят. И, действительно, несколько раз грозили это сделать.

Г. А. Куманев: Каково было отношение Генерального штаба к органам снабжения?

А. В. Хрулев: Между органами снабжения и Генеральным штабом все время шла борьба за руководство деятельностью по снабжению армии. Органы снабжения считали, что Генеральный штаб с функциями снабжения справиться не может, потому что для того, чтобы снабжать, надо доставить вовремя. В связи с этим были в свое время различного рода предложения. Например, бывший в 1931–1937 гг. начальником Генштаба маршал А. И. Егоров однажды предложил Ворошилову дело снабжения изъять из Генерального штаба, а за последним оставить только директивные функции по управлению войсками и по накоплению запасов. То есть, чтобы Генеральный штаб осуществлял контроль за органами снабжения, но чтобы себе функции снабжения не присваивал.

Егоров добросовестно эту линию проводил в жизнь вплоть до его

ареста в 1938 г. Если бы он не проводил эту линию, то Генеральный штаб утратил бы свое лицо как орган оперативного управления войсками, он превратился бы в орган снабжения и снабженческие вопросы задавили бы начальника Генерального штаба. К сожалению, ставший после К. А. Мерецкова начальником Генштаба генерал армии Г. К. Жуков тогда этого не понимал. Поэтому их система снабжения была построена таким образом: весь учет потребностей и все прочее — Генеральный штаб, пятое управление; в округах пятые отделы этим делом занимаются; в корпусах, в дивизиях — тоже такие ячейки. А кто же руководит органами снабжения? А дороги у кого? Они говорят; так как у нас есть Управление военных сообщений, то оно будет ведать автомобильным транспортом, воздушным транспортом, и соответственно будут везде расставлены комендатуры, и все это будет подчинено Управлению военных сообщений, а Управление военных сообщений, как орган для оперативных перебросок войск, под-

чинено оперативному управлению. А переброска боеприпасов? Кто этим ведает? Пятое управление. Что показала советско-финская война? Запутались окончательно.

Так как очень часто при рассмотрении вопросов сосредоточения армии не рассматривают в комплексе, с чем прибыли, то всегда господствует точка зрения оперативников, и только когда становятся остро вопросы, почему же эти дивизии не могут кормиться и воевать, тогда начинают обвинять и ругать снабженцев.

После Крымской конференции «Большой тройки» мы решили вступить в войну с Японией, а для этого надо было сосредоточить большое количество дивизий на Дальнем Востоке. И вот Генеральный штаб (тогда его начальником был генерал армии А. И. Антонов) так спланировал перевозки, что в течение двух месяцев надо перебросить на Дальний Восток около 30 дивизий. Я посмотрел и говорю: а как снабжение пойдет? Для снабжения места не остается. Тогда я беру все эти бумаги, иду к Сталину

▲ Нач. ГШ Мерецков К.А.

и заявляю: «Таким путем мы не можем осуществлять эти перевозки, нет места для снабжения».

Я говорю:

– Товарищ Сталин, Вы знаете, как провалилась русско-японская война? Не потому, что там наши солдаты были плохие, — плохое снабжение во многом решило все вопросы. Царское правительство, которое вынуждено было дать отчет народу, создало «дело Московского интендантства», а на самом деле провалилась его политика. Зачем же нам становиться на этот путь?

Сталин поначалу нахмурился. Потом подумал и назначил комиссию — Г.М. Маленкова, Л.П. Берия и А.И. Микояна. Я торговался с этой комиссией — что можем провести, чего не можем провести. И все прошло гладко.

Г.А. Куманев: Было ли специальное уставное положение об организации службы тыла?

А.В. Хрулев: Было, но оно сводилось к тому, что все материальное обеспечение армии, точно так же и дорожное обеспечение, обеспечение перевозками, обеспечение санитарное, все шло по линии пятых отделов штабов. Управления работали сами по себе. Но никакое Пятое управление не могло сосредоточить функции руководства обеспечения вещевым, продовольственным, санитарным, дорожным, автомобильным; затем еще эвакуация раненых, эвакуация трофейного имущества. Считалось, что все будут делать комендатуры. Но все эти взгляды Генерального штаба оказались слишком примитивными, слишком малыми по масштабам, непригодными. Штабы с этим справиться не могли, поэтому так быстро возник вопрос о стройной организации тыла.

Еще несколько слов из опыта похода в Западную Украину и в Западную Белоруссию. Ничего слишком значительного отсюда, даже из войны с финнами извлечь нельзя было. Поход в Западную Украину и в Западную Белоруссию — это была демонстрация, а не война. Польская армия по существу не существовала. Она оказалась не в состоянии

сопротивляться. Между нами говоря, поляки боялись немцев, и все свои войска они стащили на Вислу; немцы сразу взяли польскую армию в «штыки» и очень быстро ее ликвидировали. Единственное, что было получено в результате этих походов, это то, что наша Красная Армия не умеет ходить на марше. Если бы таким путем вышли против немцев, то немцы перебили бы много народа авиацией. Во-первых, шли дивизиями. Нельзя по одной дороге идти дивизиями. Полками — и то надо подумать.

В результате чего произошли эти недостатки? Управлять армией было некому. Все, что было сильного, все, что было способного в 1937–1938 гг., все было перебито.

Во время польской кампании и финляндской кампании вся система снабжения была построена по принципу Первой мировой войны. (Из опыта Гражданской войны нельзя ничего взять в смысле снабжения — не было никакой системы.) Хлебопечение — так, как было в царской армии. Питание солдат — так, как было в царской армии. Снабжение вещевым имуществом — так, как было в царской армии. Те же самые принципы, т.е. возимые и носимые запасы.

Кстати, надо сказать, никто не думал, что будем воевать при морозе минус 50°, что хлеб будет замерзать, а вдобавок у нас и сухарей не было. Солдатский сухарь очень объемистый, его надо прессовать, давать в виде галет, а всего этого тоже не было.

Как же возможно воевать с концентратами, с этими продуктами высокой калорийности, превращенными в концентраты? А где вода? Котелок всегда должен быть с солдатом. А где солдат возьмет кипяток? Он наберет холодную воду, наберет солому, прутья и нагреет воду.

Известно, что американцы едят все консервированное. Кто сказал, что пищу надо обязательно превращать в горячую? Вы посмотрите рацион американцев. У нас каждый человек жидкости литра три-четыре «хватает», а у них этого нет. У американцев имеется и сухой спирт,

на котором согревают консервы. Мы давали во время советско-финляндской войны сухой спирт, и делали это по примеру японцев. Японцы дают банку сухого спирта, дают котелок, причем, все это в безлесных, пустынных районах. Пройдите сейчас от Москвы до Парижа — пройдите такими местами, где бы вы не задели населенного пункта? Когда Наполеон в 1812 г. — при редкости населения в Польше, редкости населения в России — он шел не особенно оснащенным, он придерживался населенных пунктов. Теперь населенных пунктов несравненно больше и отягощать себя такими средствами, как кухни, как пекарни, полагаю, нет смысла. А то приходится тащить и кухню, и кипяильник.

Когда мы начали воевать, оказалось, что мы не можем изготавливать кухни в большом количестве — нет металла. А вдобавок ко всему прочему в советско-финляндскую войну мы убедились, что луженый котел после трех месяцев пользования им с солью — не годится, полуда сходит, и люди могут отравляться. Значит, надо котлы лудить. Значит, надо посылать лудильщиков. Котел нужно вынуть, кухню надо демонтировать. Мы мобилизовали из промкооперации около тысячи человек мастеровых, которые знали лудильное дело, сформировали бригады и послали на финский фронт для лужения котлов.

Были и другие моменты, когда мы просто не могли найти металла. Тогда встал вопрос, чтобы сделать чугунные котлы. Многие инженеры выступали, они готовы были черт знает что подозревать. Они готовы были подозревать, что это вредительство. Я сказал: надо взять чугунные котлы. Чугун не окисляется. Сколько лет будет жить кухня, столько лет будет жить и котел.

Тогда начали доказывать, что чугунные котлы очень хрупкие, котел быстро развалится и кухни не будет. Но так как другого выхода не было, то я встал решительно на этот путь — изготавливать кухни с чугунными котлами без испытаний, что и начали проводить в жизнь.

▲ Финская война

Это дошло до Мехлиса. Мехлис сейчас же накатал записку, что это вредительский акт. Когда на Совнаркоме начали обсуждать этот вопрос, пожались, пожались, все стояли на моей стороне, но не хотели принять решения (это было во второй половине 1940 г., когда Мехлис уже был наркомом государственного контроля), никто не хотел сказать «да». Все твердили одно: «Надо изучить, надо проверить!». Мехлису никто не хотел сказать: «Что ты чепуху городишь?».

Г. А. Куманев: Что Вы можете сказать относительно размещения запасов? Каковы были точки зрения на этот счет?

А. В. Хрулев: Я имел непосредственное столкновение с Мехлисом по данному вопросу. В 1941 г., когда Сталин был уже Председателем Совнаркома СССР, я докладывал на заседании правительства свои предложения по части размещения неприкосновенных запасов. Я говорил Сталину, что неприкосновенные запасы в приграничные дивизии складывать не следует. Пусть эти приграничные дивизии живут с тем, что у них есть, а запасы сосредоточивать

на окружных и центральных складах, желательно за Волгой. Что касается теплого обмундирования — валенок, полушубков, ватных телогреек, шапок, рукавиц меховых, — все это хранится только за Волгой и ничего войскам не следует давать до наступления холодов.

Генеральный штаб говорит: этого нельзя принять, потому что у нас по плану эти приграничные дивизии пополняются контингентами из различных областей и идут они необмундированными и невооруженными, и для того чтобы, прибыв в ту или иную часть, они могли быть боеспособными, необходимо хранить для них обмундирование и вооружение.

Я отвечал и на этот вопрос: предлагаю существующую систему изменить, чтобы военкоматы обмундировывали команды и давали оружие. Чтобы солдат пришел уже готовым, и, если вдруг окажется, что дивизия или войсковая часть разбита или ушла в неизвестном направлении, этот солдат мог быть передан в готовом виде в любую часть.

Доводы против: это совершенно новое дело, пока никем не проведенное.

Мехлис встает:

– Товарищ Сталин, это вредительская точка зрения. Если мы примем эту точку зрения, то мы поставим армию в тяжелое положение. Я служил в царской армии — там было по три комплекта обмундирования на каждого солдата.

Я спрашиваю: — Где?

– В Егорьевске.

– Это же не граница.

И никто не встал, чтобы сказать, что это была вредительская точка зрения.

Относительно утверждения, что в царской армии в роте лежало три комплекта обмундирования на каждого солдата. Ведь это было обмундирование, которое на войну взять нельзя было, оно предназначалось для парада, чтобы показать красивого солдата.

Но Сталин к этому делу тогда отнесся очень спокойно. Он никак не реагировал на истерику Мехлиса, но зато очень быстро спохватился в начале войны и сказал: где? что? куда? Три миллиона пар обуви идет из Америки в Мурманск или в Архангельск. Он спрашивает:

– Куда обувь намерены направить?

– В г. Молотов.

– Это хорошо. Это лучше, чем везти к Москве.

В этом отношении он вообще подходил к делу по-хозяйски — все складировать за Волгой.

Г.А. Куманев: А как в начале войны обстоит дело с рабочей силой на предприятиях, которые обеспечивали снабжение армии?

А.В. Хрулев: Промышленность, которая обеспечивала снабжение солдат, оказалась в очень тяжелом положении в связи с тем, что в ряды РККА ушли мужчины. Дело в том, что была допущена заранее ошибка в мобилизационных планах со стороны Госплана, других организаций, и прежде всего Генерального штаба. Считали, что для производства самолетов, пушек, танков надо бронировать рабочую силу, нельзя забирать специалистов токарей, механиков, слесарей высококвалифицированных, что их можно будет взять в последующем, заменяя какими-то

другими людьми, а что касается изготовления обмундирования, обуви — тут этого не надо, и не только надо бронировать людей, не надо бронировать и автотранспорт, и сырье, и топливо и т.д.

Я не считаю, что надо бронь распространить на всю промышленность. И не все сотни пошивочных предприятий, изготовляющих обувь, работают на армию. Требовалось закрепить рабочую силу только за теми предприятиями, которые непосредственно работают на армию. Надо было обеспечить их топливом, сырьем и другими необходимыми материалами для нормального производства. И вот этого не было сделано. А почему? А потому, что уже упомянутый мною Пятый отдел, взяв все эти функции на себя, не сумел довести их до дела, а человека, который бы осуществлял все эти функции, не было.

Кроме того, был еще один порок: снабжение продовольствием,

вещевым имуществом, медико-санитарное обеспечение, снабжение горючим переходило то от Мехлиса к Щаденко, то от Щаденко к Мехлису, то от Кулика к Щаденко, то от Щаденко к Кулику. Люди, которые занимались руководством этим делом, были случайные люди. Они не могли полностью освоить смысл этого дела, им не удавалось даже понять, в чем дело, «с чем это едят».

Вот почему в отношении вооружения я стою за то, что нам надо создать начальников вооружения. Вопросы снабжения надо постоянно контролировать.

В свое время, будучи начальником Центрального военно-финансового управления НКВ, я держал под контролем это дело. Я был нахрапистым работником, не боялся пойти к Ворошилову, остро поспорить с М.Н. Тухачевским, с С.С. Каменевым; вносил свои предложения.

Г.А. Куманев: Как Вы узнали о начале войны, где находились? Вызва-

▲ Слева Щаденко Е.А.

ли ли Вас сразу в Кремль к Сталину?

А. В. Хрулев: Когда началась война, я был дома, и в этот день меня никто и никуда не вызвал. До 21 июня никаких указаний я не получал, и 22 июня я тоже ничего не получил. О фашистском нападении узнал по радио. И затем в течение двух суток я никуда не приглашался и сам никуда не ходил.

Г. А. Куманев: Каким образом Вы были назначены заместителем наркома обороны?

А. В. Хрулев: Меня назначили заместителем наркома обороны (а наркомом был тогда маршал С. К. Тимошенко) 20 июля 1941 г. Предварительно со мной никто не говорил. Предполагаю, что это было подсказано Ворошиловым. Он был членом Политбюро ЦК. Видимо, он предложил. Ворошилов мне всегда очень симпатизировал. Кстати, совсем недавно он мне заявил:

– Неправильно, что Вас держат в таком положении. Вы могли бы очень многое сделать. Я не хочу перед Вами подхалимничать, мне нет в этом нужды, но Вы могли бы еще делать большие дела.

О своем назначении я узнал из газет. Заместителей наркомов никогда в газетах не объявляли, а тут было напечатано в газетах.

Тимошенко, как нарком обороны, исчез в тот же день — срочно уехал на фронт.

Г. А. Куманев: Что предприняли органы снабжения в первые дни войны?

А. В. Хрулев: Мы ничего не предпринимали недели две. Больше думали над тем, что же нам делать. Ведь наши войска отступали по всей территории и, как говорится, седлали тыл со всеми его запасами. Поэтому в снабжении фактически не нуждались и к тому же почти все время шли по хорошим дорогам. Они не только сами питались, но и бросали очень много.

Когда, например, мы начали отходить на Бологое, у нас было там сосредоточено большое количество складов. Мы не знали, что делать со снарядами, возить нам ничего не надо было, наоборот, надо было

▲ Бомбежка

вывозить или бросать, что и делается.

Г. А. Куманев: Нельзя ли Вас попросить немного подробнее охарактеризовать Ставку ВГК и Государственный Комитет Обороны, на заседаниях которых Вам приходилось бывать?

А. В. Хрулев: Государственный Комитет Обороны — это кабинет Сталина. Что служило аппаратом ГКО? Особый сектор ЦК партии, аппарат Совнаркома СССР и аппараты всех наркоматов.

А что такое Ставка? Это Сталин (и ни одного человека в его секретариате), Генеральный штаб (он вызывал к себе с картой начальника Генерального штаба или помощника начальника Генерального штаба) и весь Наркомат обороны. Это и была фактически Ставка.

Вызывает он командующего войсками какого-либо фронта и говорит:

– Мы хотим Вам дать директиву провести такую-то операцию. Что Вам для этого надо?

Тот отвечает:

– Разрешите мне посоветоваться с фронтом, узнать, что там делается.

– Идите в ВЧ.

Вся связь, которая была у Сталина, была ВЧ — один телефон, но все было подчинено ему. Как только сказал, сейчас все выключают и связывают его с тем, кого он хочет вызвать к телефону.

Никаких радиостанций, ни телеграфных станций, ничего не было. Телеграф был у Наркомата связи в Генеральном штабе. В Генштабе имелись и радиостанции. Не было такого положения, что Сталин сидит где-то и может все обозреть. Он все к себе тянул. Сам никуда не ходил. Он приезжает, допустим, в 4 часа дня к себе в кабинет в Кремль и начинает вызывать. У него есть список, кого он вызывает. Раз он приехал, то сразу все члены Государственного Комитета вызываются к нему. Заранее он их не собирал. Он приезжал — и тогда Поскребышев начинал всех обзванивать.

Вы, возможно, представляете себе все это так: вот Сталин открыл

заседание, предлагает повестку дня, начинает эту повестку дня обсуждать и т.д. Ничего подобного! Некоторые вопросы он сам ставил, некоторые вопросы у него возникали в процессе обсуждения, и он сразу же вызывал: это Хрулева касается, давайте сюда Хрулева; это Яковлева касается, давайте сюда Яковлева; это Пересыпкина касается, давайте его сюда. И всем давал задания. Кроме того, все члены Государственного Комитета Обороны имели в своем ведении определенные участки работы. Так, Молотов ведал танками, Микоян — делами продовольственного интендантского снабжения, снабжения горючим. И у него был ленд-лиз. Иногда он занимался по отдельным поручениям доставкой снарядов на фронт. Маленков занимался авиацией, Берия — боеприпасами и вооружением. Кроме того, каждый приходил со своими вопросами: я прошу принять такое-то решение по такому-то вопросу.

И в Ставке, и в ГКО никакого бюрократизма не было. Это были исключительно оперативные органы. Руководство концентрировалось в руках Сталина. Обсуждались наиболее важные оперативные вопросы, которые заранее готовились соответствующими членами Ставки или ГКО.

В течение дня принимались десятки решений. Причем не было так, чтобы Государственный Комитет заседал по средам или пятницам, заседания проходили каждый день и в любые часы, после приезда Сталина. Жизнь во всем государственном и военном аппарате была сложная, так что никто не уходил из помещения. Никто не декларировал, что должно быть так, так сложилось.

Стоило А. А. Новикову, командующему Военно-воздушными силами, отдать приказ, в котором говорилось: «В связи с тем, что тов. Сталин работает в такие-то часы, приказываю работать в те же часы, на что Верховный отреагировал: мало ли, что я так работаю...»

Сталин, например, мог прийти в четыре часа, а потом в восемь часов. Сегодня он закончил работу

в одиннадцать часов вечера, а пришел в восемь часов утра и т.д.

У меня на улице Горького была кремлевская вертушка. Звонит. Берешь трубку:

— Вы почему не спите?

Я говорю:

— Позвольте, Вы звоните, значит, Вы считаете, что я не должен спать.

Всегда все люди были на месте. Было организовано так, чтобы они могли быть быстро поставлены в известность.

На заседаниях не было никаких стенограмм, никаких протоколов, никаких технических работников. Правда, позднее Сталин дал указания управлениями СНК Я. Е. Чадаеву кое-что записывать и стал приглашать его на заседания.

Сталин подписывал документы, часто не читая — это до тех пор, пока вы себя где-то не скомпрометировали. Все было построено на громадном доверии. Однако стоило ему только (может быть, это чисто национальная черта) убедиться, что этот человек — мошенник, что он обманул, ловчит, судьба такого работника была решена.

Но в результате такого доверия было так, что много на тебя нагромождали обязанностей. Особенно

Берия любил — он сотнями тысяч записывал валенки за счет военного ведомства. Если бы сказать Сталину, то он разорвал бы такой документ, и Берия больше ни одного документа не подписал бы у него.

Я давал Сталину тысячи документов на подпись, но готовя эти документы, за каждой буквой следил. У Маленкова и Берия есть какой-то вес, а какой же у меня вес?

Следует также иметь в виду, что, если у вас имелось важное и неотложное дело, можно было прийти в кабинет Сталина и без приглашения. Я так делал неоднократно, и Сталин меня ни разу не выгонял. Да он и никого не выгонял.

Надо было сидеть и слушать. Но когда создавалась какая-то пауза; я обычно говорил:

— У меня есть один вопрос.

— Сидите. (Что означало — этот вопрос он будет рассматривать.) Однажды я прихожу к Сталину и говорю, что надо выпустить постановление ГКО, устанавливающее порядок санитарной обработки бойцов, следующих на фронт, в Москве.

— Для чего?

— Поскольку у нас в Поволжье сыпной тиф, надо гарантировать

▲ И.В. Сталин и А.И. Поскребышев

▲ Е.И. Смирнов

от заноса на фронт эпидемии.

– Чтобы вы с фронта растащили заразу?

– Нет, товарищ Сталин.

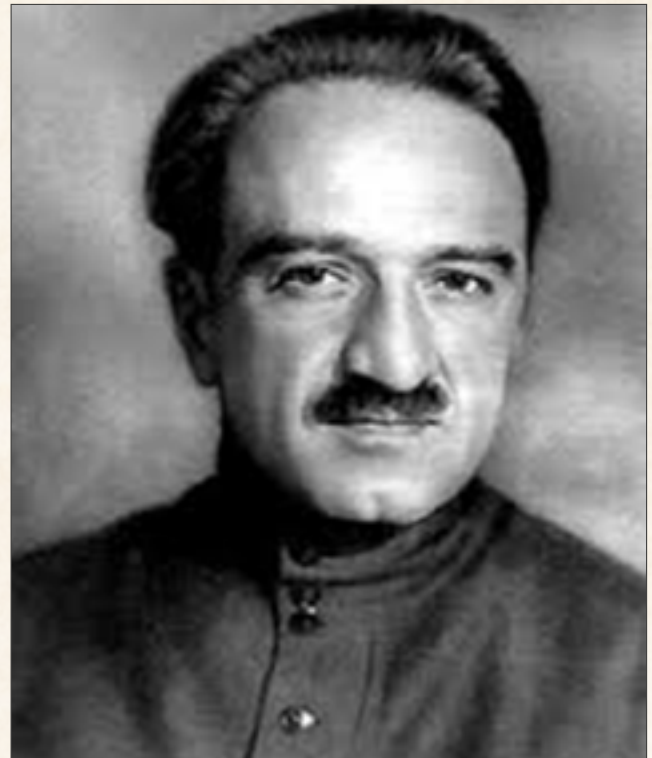
– Вы ничего не знаете. Давайте Смирнова.

Вызвали начальника Главного медицинского управления Красной Армии Е. И. Смирнова. Смирнов начинает рассказывать ему, что положение у нас действительно тревожное, и, чтобы обезопасить фронт от проникновения эпидемии, надо проделать эту операцию.

– И Вы ничего не знаете. Давайте Митерева.

Пришел нарком здравоохранения СССР Г. А. Митерев и убедил, что это надо сделать, что необходимо обезопасить армию от проникновения эпидемии на фронт.

Бывали и другие казусы. Авиация просит дать на подготовку кадров 2 200 тыс. тонн высокооктанового бензина, а мы можем выделить максимум 700 тыс. тонн. Генерал-полковник В. В. Никитин из Управления снабжения горючим НКО докладывает, что Хрулев дает очень мало бензина, мы не можем выполнить про-

▲ Микоян А.И.

грамму подготовки летчиков, которая утверждена ГКО. Сталин вызывает меня. Я ему докладываю, что у нас ресурсы бензина не позволяют дать больше 700 тыс. тонн, а кроме того, план распределения бензина мы уже утвердили, там записано 700 тыс. тонн, и теперь надо только пересматривать план.

Он ничего не говорит, вызывает Поскребышева:

– Ну-ка, Микояна сюда.

Приходит Микоян. Сталин к нему обращается и говорит.

– Летчики просят 2 200 тыс. тонн высокооктанового бензина. Тов. Хрулев дает только 700 тыс. тонн. Можно удовлетворить просьбу летчиков?

– Можно.

Я тут же Микояну говорю:

– За счет чего?

– У меня кое-что есть.

– Нет, Анастас Иванович, ничего больше нет. Я записал в этот план полностью все, что у нас запланировано получить из Америки, но процентов пятнадцать-двадцать танкеров гибнет, немцы их уничтожают. Я все это подсчитал.

Сталин вмешивается и говорит:
– Что вы спорите? Микоян этим делом ведает и знает.

Я отвечаю:

– Нет, товарищ Сталин, он этим не ведает и не в курсе дела, и я сейчас ему объясню, что он не сможет этого сделать.

Сталин спрашивает:

– Что есть реального? Я поясню.

– В этом плане есть 500 тыс. тонн резервов Ставки. Распределяйте этот резерв Ставки.

– Что же я без резерва останусь? Не годится.

Уходим. После этого разговора Микоян вызывает М. И. Кормилицына — начальника Управления снабжения горючим:

– Прибавьте 500 тыс. тонн.

Тот отвечает:

– Я ничего не могу прибавить.

Микоян заявляет:

– Позвоните Хрулеву, пусть Хрулев это сделает.

– Ничего не надо звонить Хрулеву.

Кормилицын возвращается, приходит ко мне и рассказывает. Я говорю:

– Делай, если он тебе приказал. Я не видел, чтобы Сталину кто-нибудь возражал, что этого сделать нельзя, а когда я возражал, он говорил:

– Что это за человек, ему хоть кол на голове теши, он все свое.

Г. А. Куманев: Как Вы стали наркомом путей сообщения СССР и почему новые сложные обязанности пришлось выполнять наряду с прежними?

А. В. Хрулев: В первой половине марта 1942 г., находясь по распоряжению Сталина на Калининском фронте (в это время был у командующего 4-й ударной армии генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова), я получил приказ о срочном возвращении в Москву. Так как дороги были зимние, не очень хорошие, а расстояние, которое отделяло меня от Москвы,

было равно 500 км. Я с рассветом выехал из 4-й армии, а глубокой ночью был уже в Москве.

Явившись к себе на службу, я сразу же позвонил Поскребышеву и попросил его доложить Сталину о моем прибытии. Поскребышев дал телефон, по которому находился Сталин, и предложил мне лично соединиться с ним. Когда я позвонил Сталину, он мне заявил, что вызвал меня с фронта по чрезвычайным обстоятельствам, а именно — по причине создавшейся критической ситуации на железнодорожном транспорте, и тут же сообщил, что для рассмотрения вопроса о работе железнодорожного транспорта создана комиссия из членов ГКО, в которую он бы считал необходимым включить и меня. Я просил меня в нее не включать, а что касается моего

участия в работе Комиссии, то я могу выполнять любое поручение, не будучи ее членом. Но через час я получил постановление ГКО (это было 14 марта), в котором говорилось, что «в состав руководящей пятерки по делам НКПС» дополнительно включаются Микоян и Хрулев.

Пока шел разговор о моем участии в Комиссии, Сталин ни разу не упомянул о работе Л. М. Кагановича, стараясь рассказать мне, как это ему представлялось, о состоянии железнодорожного транспорта, о состоянии перевозок. Он, видимо, уже был кем-то достаточно осведомлен о сложившемся положении, когда говорил о Ярославской, Северной, Казанской дорогах, забитых составами поездов. Движение по ним уже почти прекратилось. Что касается таких дорог, как Сталинградская, Пензенская, Куйбышевская, Рязано-Уральская, Южно-Уральская, то они были на грани паралича, не пускали поездов и не принимали их.

Критическое положение на железнодорожном транспорте сложилось в результате ежемесячного ухудшения работы железных дорог, и только, видимо, благодаря тому, что нарком путей сообщения Каганович не докладывал о назревающей катастрофе, железнодорожный транспорт действительно зашел в тупик. Но не потому, что люди не умели работать или не умели и не хотели понимать происходящих событий.

Работа железнодорожного транспорта резко ухудшилась главным образом потому, что нарком путей сообщения не признавал вообще никаких советов со стороны сотрудников НКПС. Между тем они вносили немало ценных предложений, чтобы выйти из создавшегося положения. Каганович же кроме истерики ничем не отвечал на эти предложения и советы работников транспорта.

А тут еще начали давать о себе знать малые запасы угля на железнодорожном транспорте. Поэтому вопросу правительство постоянно вводилось в заблуждение относительно средней обеспеченности железных дорог топливом. Мол, с этим делом в целом все в порядке. На са-

▲ Каганович Л.М.

▲ Железные дороги

мом деле все выглядело по-другому. Дело в том, что к началу войны запас топлива был годовой на дальневосточных дорогах и месячный запас на западных, юго-западных, северо-западных и центральных железных дорогах. Захватывая обширные районы Западно-Европейской части СССР, противник не давал нам возможности вывезти даже те незначительные запасы угля, которые там имелись. Наше отступление было очень спешным и не позволило железнодорожникам полностью эвакуировать также паровозы, вагоны и другое транспортное оборудование и имущество.

Г.А. Куманев: А как вел себя в это время Каганович?

А.В. Хрулев: В процессе работы Комиссии ГКО я наблюдал только одну перепалку между Кагановичем, Берией, Маленковым и другими членами Комиссии. Причем Каганович и в данном случае не старался воспользоваться работой Комиссии, чтобы выговорить НКПС необходимую помощь. Его аргументация была одна: «Вы ничего не понимаете в работе железнодорожного транспорта, вы никакого хорошего совета мне подать не можете...»

И вот в процессе работы Комиссии Сталин дважды обращался ко мне. В первом случае с предложением, не следует ли мне занять пост

народного комиссара путей сообщения, так как это было бы полезно для армии. И когда я старался отвести от себя это предложение, доказывая, что армия может себя обеспечить и не имея своего работника в качестве наркома путей сообщения, то Сталин в ответ заявил: «Вы не понимаете существа этого вопроса».

Второй разговор уже был наиболее решительным и конкретным. Когда Комиссия находилась в Наркомате путей сообщения и вела разговор с членом Комиссии, первым заместителем наркома Б.Н. Арутюновым по вопросу обеспечения железных дорог топливом (он ведал этими вопросами), часов в 8 вечера раздался звонок в кабинет Арутюнова. Я был вызван к телефону лично Сталиным, который заявил мне, что он сегодня внесет предложение в Политбюро ЦК о назначении меня наркомом путей сообщения. Еще раз я просил его не делать этого, поскольку мой авторитет слишком мал для большой армии железнодорожников, и мне будет крайне трудно справиться с таким большим делом. Если Каганович, будучи членом Политбюро ЦК партии, будучи членом ГКО, не справился с этим делом, то как же я смогу справиться с этим делом.

Сталин начал меня убеждать, что, мол, все это вы можете получить в результате своей хорошей рабо-

ты, кроме того, он обещал помочь и задал мне вопрос:

– Что, Вы не верите, что я могу Вам помочь?

И когда я отвечал, что я всему этому верю, но все-таки прошу не назначать меня наркомом путей сообщения, то Сталин в ответ на это сказал:

– Вы полагаете, что я соглашусь с кандидатурой Арутюнова, которую нам все время навязывает Берия? Но я никогда не соглашусь с этой кандидатурой и считаю, что Вы меня не уважаете, отказываясь от моего предложения.

Несмотря на мои дальнейшие просьбы о том, чтобы он, Сталин, отказался от мысли назначения меня наркомом путей сообщения, Сталин обидчивым тоном еще раз заявил:

– Значит, Вы меня не уважаете...

Не имея больше возможности доказывать и возражать против моего назначения на пост наркома путей сообщения, я спросил Сталина:

– Кто же будет начальником Тыла Красной Армии? — Он ответил: — Начальником Тыла останетесь Вы. Потому и целесообразно Ваше назначение наркомом путей сообщения. Являясь одновременно начальником Тыла, Вы используете все свое право наркома, чтобы в первую очередь обеспечить действующую армию.

В тот же день, 25 марта 1942 г., ровно в 12 часов ночи я получил решение о назначении меня народным комиссаром путей сообщения. И буквально тут же позвонил Л. М. Каганович, который просил срочно приехать к нему в НКПС. Я приехал в НКПС, получил ключи от стола и стул, на котором сидел нарком путей сообщения, и без каких бы то ни было формальностей вступил в новую должность. Вся процедура приема-сдачи прошла в пределах 15 минут.

Когда меня назначили наркомом путей сообщения, Сталин пригласил меня к себе на дачу, там было почти все Политбюро. Улучив момент, я подошел к Сталину и обратился к нему с вопросом:

— Я не совсем понимаю отношение ко мне в 1938 г. Мехлис и другие требовали моего ареста, а теперь меня назначили наркомом путей сообщения. Какой же контраст!

Он сказал мне примерно так: «Мехлис, как только пришел в ПУР в конце 1937 г., начал кричать о том,

что Вы — враг, что Вы — участник военно-фашистского заговора. Щаденко вначале выступал в защиту Вас. Кулик, тот последовательно заявлял: «Не верю. Я этого человек знаю много лет и не верю, чтобы он был замешан в каком-то антисоветском, контрреволюционном деле». Но Вы, — говорит Сталин, — понимаете мое положение: Мехлис кричит «враг», Щаденко потом подключился к Мехлису, а Вы помните, — говорит, — как обстояло дело при решении этого вопроса в Политбюро. Когда я задавал Ворошилову вопрос, — продолжал Сталин, — что же нам делать, Ворошилов сказал: теперь вот ведь какое время — сегодня тот или иной подозреваемый стоит на коленях и плачет, клянется, что ни в каких заговорах не участвовал, никакой антисоветской и антипартийной работы не вел, а завтра подписывает протокол и во всем сознается».

Позднее я передал весь этот разговор Ворошилову. Ворошилов возмутился:

— Это неверно. Если бы я тогда колебнулся, Вас бы не было. Я знал, что если бы перед назначением на такой большой пост, как нарком путей сообщения, не поставить все эти вопросы, тогда тот же самый Мехлис сказал бы: кого вы посадили в кресло наркома? Он — предатель, враг, он воспользовался тем, что его поставили на такой высокий пост, и поставит страну в тяжелое положение.

Какое у меня было положение? Дают большой пост, оставляют начальником Тыла Красной Армии и говорят: «Вы и то, и другое будете вести». И в то же время состояние хозяйства ужасное, а вдобавок ко всему прочему, авторитета у меня ни в партии, ни в стране никакого, никто меня не знает.

Я это тоже Сталину высказал. И он сказал:

— Ну, хорошо, Центральный Комитет сделает все необходимое, чтобы Вы пользовались соответствующим авторитетом.

Кстати, когда я отрицательно ха-

▲ Путьцы

▲ Нарком Тимошенко С.К.

рактирую Мехлиса и когда я считаю, что Мехлис вел большую работу против Ворошилова, то у меня для этого есть все основания.

После окончания советско-финляндской войны был созван Пленум Центрального Комитета партии по итогам войны и о состоянии наших Вооруженных Сил. На этом Пленуме нарком обороны Ворошилов выступил с докладом о состоянии армии и нарисовал в нем очень мрачную картину состояния Красной Армии. Он сделал вывод, что во всем этом деле его вина, Ворошилова, и поэтому просит Центральный Комитет партии освободить его от должности наркома. Ведь он уже почти 15 лет возглавляет НКО. А за это время у всякого может притупиться острота восприятия, недостатки могут казаться обычным явлением.

После выступления Ворошилова Мехлис берет слово и начинает поносить Ворошилова: нет, товарищи, Ворошилов так не должен уйти от этого дела, его надо строжайше наказать. Одним словом, хотя бы арестовать.

После этой истерики Сталин выходит из-за стола Президиума, поднимается на трибуну, отталкивает Мехлиса и говорит:

– Товарищи! Вот тут Мехлис произнес истерическую речь. Я первый раз в жизни встречаю такого наркома, чтобы с такой откровенностью и остротой раскритиковал свою деятельность. Но, с другой стороны, если Мехлис считает для него это неудовлетворительным, то если я вам начну рассказывать о Мехлисе, что Мехлис из себя представляет, то от него крого места не останется...

И сошел с трибуны.

После Ворошилова наркомом обороны назначили Тимошенко, который проработал два или три месяца. Потом образуют Наркомат государственного контроля и Мехлиса назначают наркомом государственного контроля. Мехлис отказывается от такой должности (все-таки нарком!) и просит его оставить в армии, а для того чтобы свою просьбу подкрепить, он подговаривает Тимошенко, чтобы Тимошенко написал Сталину записку, что просит

оставить Мехлиса в армии. Хотя он (Тимошенко) — не новый человек в армии, но не все порядки, особенно в центральном аппарате, ему знакомы, поэтому просит сохранить Мехлиса в армии как человека, достаточно хорошо знакомого со всеми порядками в центральном аппарате.

Я был свидетелем, когда Сталин получил записку Тимошенко и говорит:

– Вот наивный человек! Ему хотят помочь, он не понимает этого; он хочет, чтобы ему Мехлиса оставили. А Мехлис, пройдет три месяца, его столкнет. Он хотел и Ворошилова столкнуть. Мехлис сам хочет быть военным наркомом.

У Сталина возникло это подозрение, видимо, и раньше, и зародилось, может быть, исходя из каких-то определенных моментов поведения Мехлиса.

А с другой стороны, какие основания у Мехлиса были отказываться от должности наркома государственного контроля? Должность почетная и большая государственная работа. Какие основания у Мехлиса были стремиться оставаться в армии на должности начальника ПУРа? Мехлиса подозревать в скромности нельзя было. Он никогда таким не был. Этим «недостатком» он никогда не страдал.

Г. А. Куманев: Что Вы сделали в первую очередь, когда вступили в должность наркома путей сообщения?

А. В. Хрулев: Работа в НКПС представляла для меня громадный интерес. Но прежде чем ответить на этот вопрос, хотел бы еще раз вернуться к истории, связанной с моим назначением на должность наркома путей сообщения. На июньском Пленуме ЦК КПСС 1953 г., который обсуждал преступную деятельность Берия и его сообщников, один из членов ЦК (пока фамилию называть не буду) выступил и заявил, что Берия, желая уничтожить Кагановича, позволил себе такую выходку, как предложить Хрулева в качестве наркома путей сообщения. Хрулев не был подготовлен к этому большому делу, и поэтому этот товарищ не мог не рассматривать мою

▲ Тимошенко С.К.

кандидатуру, как попытку Берии нанести вред народному хозяйству или затормозить ведение войны.

Этот товарищ прав в том отношении, что я не был подготовлен к этому делу. Но я категорически отвергаю утверждение, что назначение меня было делом рук Берии, так как сам Сталин заявил, что он не желает принять кандидатуру Арутюнова, которую в это время усиленно предлагал на пост наркома Берия. Арутюнов был друг и сослуживец Берии еще по работе в Закавказском ВЧК. Когда Берия был представителем Закавказской ВЧК, то первым заместителем у него был Арутюнов. Как только Берия был переведен в Москву, Арутюнов оказался первым заместителем наркома путей сообщения, хотя сам Каганович старался избавиться от него и терпел Арутюнова только потому, что последний был ставленником Берии, с которым Каганович не хотел портить отношений. Арутюнов был очень большим интриганом, между прочим, как все соратники Берии.

Немного спустя Сталин спросил меня, почему я держу Арутюнова

в качестве первого заместителя наркома путей сообщения. Я старался объяснить это тем, что Арутюнов давнишний работник НКПС, неплохо знает железнодорожный транспорт и что он мне не препятствует в работе. Сталин заявил мне, что я ничего не знаю, а между тем Арутюнов занимается интригами и клеветами против меня, т.е. Хрулева. Он сказал, что советует убрать Арутюнова. Так как это был только разговор, я из него не сделал соответствующего вывода и никаких представлений не сделал, думая, что если Сталин сам так смотрит на одного из работников НКПС, то он и сам может принять нужные меры. Во всяком случае я могу утверждать, что я кандидатом Берии не был, и никто никакими документами обратного не докажет, так как Берия меня не знал, да и я его тоже. Наше знакомство началось с войны и закончилось с ее окончанием.

А теперь вернемся к заданному вопросу.

При вступлении в должность наркома путей сообщения передо мной встало множество важных вопросов и среди них: как расчистить

железные дороги от громадного количества груженных вагонов, каким путем поднять более 3000 брошенных поездов, какие меры необходимо принимать по сохранению находящихся в бездействии пассажирских вагонов и, главным образом, паровозов, каким путем повысить производительность труда работников железнодорожного транспорта и, наконец, какими способами обеспечить работу прифронтовых железнодорожных участков.

Причем с приходом на работу в НКПС мое положение резко отличалось от положения Кагановича. Лазарь Моисеевич давал очень много обещаний, с присущей ему активностью разносил так называемых «предельщиков», не считаясь ни с какими доводами ученых и крупнейших специалистов, если их доводы и рекомендации шли в разрез с его взглядами. Но все это было в ущерб делу.

С апреля 1942 г. мне пришлось, прежде всего, срочно заняться вопросами сохранения паровозного парка. Требовалось приведение этого парка в такое состояние, чтобы

мы могли в любую минуту бросить большую группу паровозов с дороги на дорогу, с одного фронта на другой, с одного направления на другое. С этой целью были собраны все лучшие специалисты НКПС для того, чтобы обсудить, что мы должны сделать с паровозами, чтобы выполнить ту задачу, которую мы себе поставили. В разработке вопроса по сохранению паровозного парка, приведения его в постоянную готовность приняли деятельное участие начальник паровозного управления НКПС и заместитель наркома В. А. Гарнык, главный инженер паровозного управления А. П. Михеев и опытный специалист К. И. Даниленко.

При обсуждении этого вопроса мною была высказана мысль: нельзя ли нам создать такую организацию группировки или управления паровозами на военное время, подобно какой-либо танковой, механизированной или автомобильной воинской части, чтобы, при этом в отличие от существующего порядка, когда паровозы закреплены

за определенным депо и могут работать только от одного узла до другого, т. е. на так называемом «паровозном плече», собранные в единую организацию, могли бы работать вне этого правила.

После не столь длительного обмена мнениями мы в основном пришли к общему, единому взгляду, что паровозы постоянного резерва НКПС должны быть организованы или в колонны, или в отряды, причем самая главная задача состояла в том, чтобы организовать каждый отдельный паровоз.

Так были созданы паровозные колонны особого резерва НКПС. Положительная практика работы 11 колонн по 30 паровозов в каждой, которые летом 1942 г. частично использовались для фронтовых перевозок и для разгрузки железных дорог на грузонапряженных направлениях, дала возможность коллегии Наркомата путей сообщения войти с ходатайством в ГКО об утверждении этого нового типа специального формирования поездов НКПС.

Уже в течение 1942 г. на дорогах было сформировано 37 колонн общей численностью 840 паровозов, а за весь период войны — 86 колонн, куда входило 1940 паровозов.

Образно говоря, паровозные колонны особого резерва НКПС провезли победу Красной Армии от Сталинграда до Берлина. Результат их трехлетней работы с момента создания и до окончания войны превзошел все ожидания. Колонны паровозов не только широко применялись на фронтовых дорогах, но и являлись основным, а зачастую и единственным средством обеспечения перевозок на головных участках, где их деятельность была исключительно эффективной. За самоотверженный труд и проявление героизма 22 работника паровозных колонн особого резерва НКПС удостоились звания Героя Социалистического Труда.

В заключение хочу заметить, что в 1947 г. опыт работы паровозных колонн в период Великой Отечественной войны был представлен на соискание Сталинской премии.

▲ Топливо

Но эта премия, вполне заслуженная такими работниками, как Гарнык, Михеев и Даниленко, присуждена им не была. Запрошенный комиссией по присуждению Сталинской премии генерал-лейтенант технических войск И. В. Ковалев сделал ей заявление (притом явно неправильное!), что идея организации паровозных колонн полностью принадлежит Сталину, и никто другой, кроме Ста-

лина, не может претендовать на первенство в этом деле. Это заявление не отвечало действительности, как, впрочем, и ряд других, приписанных Сталину заслуг...

Г. А. Куманев: Какая же сила нас спасла, что нам помогло одержать победу?

А. В. Хрулев: Коренным образом изменился сам народ, и смотрите, какие чудеса он совершил в этой вой-

не. Большая работа, проведенная в стране по воспитанию и образованию людей в мирные годы, начиная с рабфаков, принесла свою пользу. Народ выделил новых руководителей. В первые военные месяцы многие наши граждане как-то терялись, руководители не всегда находили способы овладеть массами. Потом все стало на свои места. И мы победили.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ И ДОКУМЕНТОВ

1. Поездки с А. И. Микояном на хлебозаготовки в годы войны

В 1943 г. мы с Анастасом Ивановичем Микояном ездили по маршруту Москва-Пенза-Куйбышев-Уфа-Ориенбург по заданию Политбюро ЦК для проверки выполнения планов заготовок, которые у нас в это время редко выполнялись. Точнее, это было конец 1942 г. — начало 1943 г., т. е. период зимы, после того, как от Сталинграда были отогнаны немцы.

Обстановка была такой. План 1942 г. хлебозаготовок не был выполнен всем Приуральем и Поволжьем. Поэтому в начале 1943 г. туда ездил Микоян и проводил там областной актив, в результате этого актива из партии был исключен секретарь за невыполнение плана хлебозаготовок и за попытку скрыть от государства свои возможности. Микоян сам делал расчеты по хлебозаготовкам вместе с этим секретарем, подводил общий баланс, а в результате получилось, что район мог бы выполнить план, но секретарь дал распоряжение создать переходные семенные фонды по ржи, но такие решения обычно принимались до войны, чтобы колхоз имел переходные семенные фонды, но вообще в Центре и Поволжье сеяли свежими семенами. Секретарь же сделал такое распоряжение, не считаясь с существующей обстановкой, а государственные поставки выполнены не были. Поэтому Микоян на областном совещании поставил вопрос об исключении этого секретаря из партии за гнилое руководство и местные интересы.

После этого мы приехали в Пензу, там Анастас Иванович тоже собрал совещание секретарей райкомов, обкомов, председателей райисполкомов, облисполкомов, на котором, выступая, он требовал усилить работу по заготовкам и, безусловно, выполнить план заготовок. В ходе обсуждения обнаружилось, что организация заготовок в области очень плохая. Микоян спрашивает: «В чем дело?» Впоследствии выяснилось, что для выполнения плана в районы из города были высланы уполномоченные, но они и не думали жить в районах, немедленно вернулись в город.

Микоян спросил, почему такая распушенность и кто вернулся в город? Запросил список вернувшихся. Секретарем обкома партии был Морщинин. Он и говорит Микояну, мол, подождите, я послал второго секретаря поискать список, но список все не несут и не несут. Микоян послал меня искать список. Я пришел ко второму секретарю, а он мне говорит, что списка-то вообще не было, но я, вернувшись к Микояну, сказал, что он ищет список, но найти не может. Тогда Микоян оставил меня дожидаться этого списка, принять соответствующее решение, а потом догнать его в Саратове. Список составили после. Узнали, кто же вернулся в город и наказали двоих.

По приезде в Саратов Анастас Иванович собрал совещание всех секретарей райкомов. Перед началом совещания он приглашал к себе по очереди секретарей и просил их доложить о состоянии заготовок. В результате и здесь некоторым секретарям попало за местническое отношение к делу. Вообще нам эта поездка дала около 100 тыс. тонн дополнительного хлеба.

А в 1944 г. Микоян ездил на Украину, но уже с моими заместителями — Фоминым и Шапиро.

Кроме того, еще в 1941 г., примерно 22 октября, прилетели в Куйбышев. Основная часть правительства эвакуировалась туда немного раньше.

Пролетая над полями, мы увидели, что хлеба не убираются, а погода стоит хорошая. Прилетев в Куйбышев, Микоян говорит, что нужно разобраться в этом деле. Я сразу же пошел в обком и начал разбираться в том, что делается для скорейшей уборки хлебов, а там ничего не делалось. Они весь транспорт и людей мобилизовали на рытье окопов, в результате чего заготовки шли плохо и уборка не обеспечивалась.

Я доложил Анастасу Ивановичу, и он попросил вызвать секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) и председателя облисполкома. Когда те прибыли, спрашивает их, что делается с заготовками, как обстоят дела? Они ему отвечают, что вынуждены были послать людей на строительство оборонительной линии. Тогда Микоян спрашивает, кто у вас отвечает за заготовки? Они говорят, что, наверное, мы. Микоян и говорит, обращаясь к секретарю обкома: «Какой же Вы секретарь, если допускаете такие вещи? Как и чем Вы будете кормить население области? Вы же секретарь обкома, Вы отвечаете за область!» Такие же слова были обращены и к председателю облисполкома. После этого разговора они начали форсировать дело с заготовками.

Кроме того, пришлось ему разбираться и с совхозами, которых было там около 40. Он вызвал к себе всех директоров и провел с ними совещание, которое было коротким. Я ему предварительно доложил состояние дела. Микоян, пришедши на совещание, поздоровался и спрашивает у первого сидящего: «Кто Вы будете?» Тот отвечает, что директор такого-то совхоза. Микоян его спрашивает: «А сколько у Вас лошадей и подвод работает на погрузке хлеба?». Тот отвечает, что ни одной. «А почему? — спрашивает Микоян. «Потому, что грязно» — говорит директор. «Вот Вы первый помогаете немцам и Вас

▲ Полевая пекарня

нужно посадить в тюрьму», — говорит Микоян. Ну, его тут же и забрали. Остальным он говорит, что и с ними будет то же самое, если они не изменят свое отношение к заготовкам.

В результате этой проверки в Куйбышеве мы сделали вывод, что люди отвлеклись от своих прямых конкретных задач обеспечения хозяйства страны, вот поэтому и получилась такая история с линией обороны.

Микоян на совещании в Куйбышеве говорил секретарям, что у кого будет хлеб, тот и выиграет войну. Поэтому надо уделять серьезнейшее внимание заготовкам. У нас создалось впечатление, что и в других областях дело обстоит не лучше, хотя урожай 1941 г. был прекрасный. Здесь же, в Куйбышеве, нам было поручено заготовить телеграмму секретарям обкомов, райкомов и др. Телеграмма должна была быть за подписью Молотова и Андреева, очевидно, это решение было заранее согласовано со Сталиным. Эта была очень жесткая директива. Впервые в этой телеграмме говорилось, что ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР требуют принятия мер к людям, срывающим заготовку, не взирая на лица, разоблачать предателей и приспособленцев с партбилетом в кармане. В телеграмме было сказано, что людей, тормозящих хлебозаготовки, следует наказывать вплоть до ссылки не в столь отдаленные места. Телеграмма устанавливала очень суровые меры, но этого требовало дело. Я показал эту телеграмму Микояну, который несколько ее поправил и пошел с ней к находившемуся в Куйбышеве Андрееву, который с содержанием ее согласился.

Потом телеграмму показали Молотову, и последний ее у себя оставил. Молотов согласовал текст со Сталиным, и этой же ночью она была подписана и разослана всем, всем.

▲ Куйбышевская железная дорога

▲ Блокадный Ленинград. Дорога жизни.

2. О навигации на Ладоге в 1942 г. во время блокады Ленинграда.

В навигацию 1942 г. по Ладожскому озеру работникам тыла и снабжения предстояло выполнить гигантскую задачу в части обеспечения города Ленина продовольствием, боеприпасами и горюче-смазочными материалами. Работникам тыла и снабжения пришлось также учитывать и наступающую зиму 1942–1943 гг., для проведения которой в более или менее нормальных условиях, населению требовалось много топлива. Если зиму 1941–1942 гг. Ленинград прожил в колоссальных трудностях, то предстоящие трудности были, безусловно, большими, так как в зиму 1941–1942 гг. в Ленинграде были кое-какие топливные ресурсы, да и, кроме того, ленинградцы разумно и замечательно поступили, когда очистили свои окраины от большинства деревянных домишек, а весь материал от разбора этих зданий использовали на топливо. К зиме же 1942–1943 гг. этих условий уже не было.

Кроме того, в навигацию 1942 г. из Ленинграда нужно было вывезти на восточный берег Ладожского озера во что бы то ни стало большое количество вагонов, паровозов, железнодорожных цистерн и заводского станочного оборудования, в котором страна начала ощущать нужду в связи с развертыванием работы предприятий на Урале и в Сибири. Для перевозки грузов Управление Тыла Красной Армии и Наркомат путей сообщения приняли необходимые меры по постройке паромных переправ.

Я позволю себе несколько более подробно остановиться на организации паромных переправ. Эта мысль возникла у наших товарищей речников в Наркомате речного флота. Но сами они не имели никакой возможности осуществить изготовление паромов.

Одной из крупнейших работ, выполненных в навигацию 1942 г., было сооружение подходного канала к Кобонской переправочной базе в устье реки Кобоны. Это сооружение Ладожского озера было соединено с Новолadoжским каналом. Кобонский канал имел в ширину по дну 20 м и в глубину 30 м. Он допускал подход озерных барж непосредственно к перевалочной базе и имел два причала, которые сразу принимали 6 барж.

Всего за период подготовки к навигации 1942 г. и во время самой навигации на западном и восточном берегах Ладожского озера было построено несколько пирсов и причалов, общий причальный фронт которых составлял 2500 тыс. погонных метров, что допускало одновременную приемку 26 судов. Было уложено 24 км новых железнодорожных путей нормальной и узкой колеи, из них 19,7 км на западном берегу и 4,3 км на восточном берегу озера. У пирсов и причалов работало 19 мотовозов, 193 вагонетки и 38 подъемных кранов. Подготовка флота к навигации шла зимой. Значительная часть судов флота была отремонтирована и подготовлена к плаванию зимой судовыми командами на ремонтных пунктах Осиновецкого порта и Новолadoжских пристаней. Работал также личный состав боевых кораблей Ладожской военной флотилии и Краснознаменного Балтийского флота.

Нарком речного флота Шашков Зосима Алексеевич проявил много сил и энергии в увеличении флота на Ладожском озере, его заместитель А. А. Лукьянов был непосредственным исполнителем и руководителем постройки деревянных барж на Сясьской судовой верфи.

К открытию навигации имелось 78 буксиров и тральщиков, 47 единиц самоходных плавучих средств, 11 озерных и 58 речных барж общей грузоподъемностью 29,5 тыс. тонн. Из 72 пароходов, работавших ранее на угле, пришлось 53 парохода приспособить к работе на дровяном отоплении.

В течение навигации перевозки значительно возросли. Ладожская флотилия получила еще 17 самоходных и 4 несамоходных судна. На Сясьской судовой верфи с 22 ноября по 4 февраля 1942 г. была построена 31 деревянная баржа для сухих грузов, грузоподъемность каждой была 385 тонн. Кроме того, на ленинградских судостроительных заводах построили 14 металлических озерных барж, каждая грузоподъемностью 600 тонн.

Так как крупные суда являлись мишенью для артиллерии и авиации противника, то было принято решение строить также самоходные малотоннажные суда. Всего за навигацию 1942 г. было сдано в эксплуатацию 118 малотоннажных самоходных судна, общей пассажирской вместимостью на 10 тыс. человек и с грузоподъемностью на 2,5 тыс. тонн.

Весь же флот по своей грузоподъемности на Ладожском озере увеличился в 1942 г. больше чем в два с половиной раза. Необходимо отметить, что большая работа была проведена также на железнодорожных и грунтово-шоссейных дорогах. В первую очередь была построена и переведена на нормальную колею железнодорожная линия Войбокало — Кобона — Коса на восточном берегу, а на западном берегу дополнительно были развернуты пути на станции Ладожское озеро, и произведен ремонт всех путей на станциях Борисова Грива, Корнево и Ковале во, благодаря чему была резко повышена скорость движения поездов.

Одной из важнейших особенностей навигационного периода 1942 г. была укладка трубопровода через Ладожское озеро для перекачки горючего...

Начальным пунктом трубопровода была площадка на песчаной косе против маяка Кореджа у подходов сюда тупика. Здесь размещалась насосная станция, резервуарный парк и сливной фронт. Конечным пунктом стала площадка в районе станции Борисова Грива на западном берегу Ладожского озера с выводом на головной склад горючего №1186, здесь же размещались резервные баки. На восточном берегу к трубопроводу подходила железнодорожная линия Кобона-Коса, а на западном — линия станции Ладожское озеро — Ленинград Финляндский. Длина уложенного трубопровода составляла 29,85 км, из них на подводную часть приходилось 21,45 км. К укладке трубопровода по дну озера приступили 21 мая 1942 г. и к 16 июня этого же года сооружение трубопровода было закончено. Это была большая военно-экономическая победа, достигнутая в условиях частых налетов вражеской авиации и артиллерийских обстрелов.

▲ На Ладогe

В течение 16–17–18 июня производились испытания прокачкой воды, а затем керосином. После этого трубопровод был передан в эксплуатацию для фронта.

Подготовка к перевалке грузов в навигации 1942 г. началась задолго. До ее открытия строители оборудовали перевалочную базу в первую очередь на песчаной косе в районе маяка Кореджа для одновременной стоянки под погрузкой 6 озерных барж. Во вторую очередь в районе Кобоны, Новолодожского канала также была построена база под одновременную погрузку 6 озерных барж. Причалы пристани Гостинополье удалось ввести в строй к 15 апреля. Причалы западного берега (бухта Осиновец, Гостинополье и Морье для одновременной погрузки 8 судов) были готовы к 1 июня. Прием, хранение и отправка грузов производилась восточнее Ладожского озера: перевалочная база в Кобоне; продовольственные склады в Тихвине, Волховстрое, Новой Ладогe, Лаврове, Кобоне и Косе; склады горючесмазочных материалов в Гостинополье и Волховстрое; интендантский склад в Лаврове; склад военно-технического имущества в Лаврове; санитарного имущества в Кобоне; склад ВВ в Кобоне; склад ОВ в Кобоне; топливный склад в Гостинополье.

На западном берегу Ладожского озера: управление фронтовых баз на станции Ладожское озеро; фронтовой продовольственный склад №№ 891, 1230 и 1230-й; фронтовой склад горюче-смазочных материалов №№ 1176 и 1173; фронтовой артиллерийский склад № 1494; склады ВВ и ОВ в Морье; топливный склад в бухте Гольсмона.

Многие грузы поступали навалом или в неисправленной таре, а поэтому подвергались затариванию или перетариванию. Зерно, овощи, как правило, поступали на склады восточного берега насыпью. Колбасы, консервы, молочные продукты, посылки во многих случаях поступали в неисправленной таре.

За навигацию 1942 г. складами управления перевозок было затарено около 30 тыс. тонн зерна, 40 тыс. тонн овощей и 35 тыс. тонн других продуктов. Помимо этого было перетарено не менее 30% грузов, прибывавших в ящичной таре, и не менее 10% грузов, полученных в мягкой таре.

▲ Хрулев, 1941 год

малотоннажный. Это вызывалось необходимостью. Но озерных буксиров было совершенно недостаточно, и первое время они с поставленной задачей не справлялись. Поэтому для буксирования барж использовались речные буксиры, хотя в мирное время плавание по озеру судов речной конструкции не допускалось. Но даже и при этих условиях буксиров не хватало. Тогда в качестве тяги стали широко использовать тральщики Ладожской военной флотилии, а в отдельных случаях даже канонерские лодки и разные буксирные суда Балтийского флота. Все эти суда не были приспособлены для работы на озере в качестве буксиров, но другого выхода не было и поэтому приходилось пользоваться всеми и всяческими средствами.

Наибольшее количество грузов перевозилось не самоходными баржами, флотом, а несамоходными сухогрузными судами, которые перевозили грузы как с восточного берега на западный, так и с западного берега на восточный. Они работали и на «длинной» и на «короткой» трассе. Нефтеналивные суда работали также на обеих трассах, но перевозили грузы исключительно на западный берег.

В период навигации 1942 г. авиация противника производила самые интенсивные налеты на объекты перевозок по Ладожскому озеру. За весь период навигации было зарегистрировано до 5 тыс. появлений самолетов врага. В отдельные дни в налетах на порты и караваны участвовало до 100 вражеских самолетов. Всего противник произвел 122 дневных и 15 ночных налетов. Несмотря на то, что командованием фронта были проведены большие мероприятия по противовоздушной обороне, противнику

Весь период навигации 1942 г. может быть разделен на два этапа: первый этап — перевозки грузов с момента открытия навигации по июль 1942 г. включительно. В течение этого срока в Ленинград каждые сутки завозилось 4200 тонн грузов, а из Ленинграда ежесуточно вывозилось 3000 человек и 5200 тонн груза. В это время в Ленинград ввозились продукты питания, а из Ленинграда вывозилось различного рода оборудование.

Второй этап — с июля до конца навигации. В этот период был увеличен вывоз людей и грузов из Ленинграда в тыл страны. В Ленинград же ежесуточно поступали 4000 тонн грузов, главным образом продовольствия, а из Ленинграда вывозилось 3000 тонн оборудования и ежедневно вывозилось 10 тыс. человек.

Перевозки совершались по двум трассам, получившим термины «длинной» (Гостинополье — Волховстрой — Новая Ладога — порт Осиновец) и «короткой» (порт Кобона — порт Осиновец). Движение судов на этих трассах соответствовало специализации портов. С июля 1942 г. суда на трассе Новая Ладога — Осиновец шла караваном (конвойным) и отправлялись через сутки. Такой порядок перехода судов применялся в основном на «длинной» опасной трассе, где он был вызван обстановкой. Приходилось также буксировать флот, особенно

все же удалось сбросить за все время налетов до 7000 авиабомб. Наряду с воздушными нападениями враг пытался противодействовать перевозками с помощью катеров и десантных судов. Наиболее значительное нападение на Ладожскую коммуникацию было им предпринято 22 октября 1942 г., когда гитлеровцы попытались захватить ее силами десанта, который высадился на острове Сухо. Этот отряд, состоящий из 30 пассажирских судов, прикрывался с воздуха 30 самолетами. Но он был вовремя обнаружен и встречен боевыми кораблями Ладожской военной флотилии и авиацией Краснознаменного Балтийского флота. Десант был разгромлен, потоплено 16 судов и сбито 12 самолетов.

А всего за навигацию зенитной артиллерией и в воздушных боях было сбито 160 самолетов противника. Представляет интерес тот факт, что два самолета было сбито экипажем одной баржи, имевшей зенитную пулеметную установку.

Наши потери от налетов авиации противника за навигацию составили 200 убитых и 248 раненых человек из числа военнослужащих, кроме того, были потери и жертвы среди гражданского населения. Но потери были все же не столь велики, как это можно было ожидать.

Сильно было повреждено 21 судно, от прямого попадания затоплен буксир «Узбекистан». При этом погибло 10 человек команды и баржа-паром с 10 груженными вагонами. В весовом выражении общие потери грузов составили 3800 тонн, т. е. 0,3–0,4% общего количества перевезенных грузов. Несмотря на тяжелые условия плавания и активность противника, перевозки в навигацию 1942 г. достигли громадного масштаба. Половина всего количества перевезенных в Ленинград грузов составляло продовольствие. Состав продовольственных грузов был весьма разнообразным. Наряду с хлебными грузами, которые стояли на первом месте по грузовым перевозкам, перевозилось много высококалорийных продуктов — мяса, рыбы, сахара, сахаропродуктов и овощей. Удалось доставить около 12 тыс. голов скота, свыше 150 тыс. тонн горючего и около 110 тыс. тонн угля. Помимо этого было вывезено все ненужное в окружении: паровозы, товарные вагоны, платформы и цистерны. В эвакуируемых на «Большую землю» вагонах перебросили также до 10 тыс. тонн различного оборудования и до 6 тыс. тонн народнохозяйственного имущества и, наконец, по озеру доставили на западный берег 42 тыс. тонн леса в плотах. На западный берег было перевезено до 300 тыс. человек пополнения и реэвакуировано до 10 тыс. легкораненых. Что касается эвакуации гражданского контингента, то она проводилась в соответствии с постановлениями Военного совета фронта, предусматривавшими завершение в кратчайшие сроки всех мероприятий, обеспечивающих превращение Ленинграда в военный город, что требовало оставить в нем только необходимый минимум самодеятельного населения.

За время навигации было перевезено с восточного берега на западный 780 тыс. тонн различных грузов и 310 тыс. человек военнослужащих. С западного берега на восточный было перевезено 293 тыс. тонн различных грузов, в том числе 240 тыс. тонн промышленного оборудования, подвижной состав железнодорожного транспорта и почти 540 тыс. человек населения.

Ледостав на Ладожском озере в 1942 г. начался в первых числах ноября. Ко второй декаде ноября ледостав вынудил снять с работы транспортные буксиры, тем не менее, грузовое движение поддерживалось в обоих направлениях до 3 декабря 1942 г. С этого дня навигация по Ладожскому озеру прекратилась. Бывало, что и после 3 декабря вплоть до 7 января 1943 г. по отдельным срочным заданиям перевозки через Ладогу совершались. Для этого на линии Новая Ладога-Осиновец и Кобона-Осиновец использовались озерные пароходы Северо-Западного речного пароходства, грузопассажирские транспорты, канонерские лодки и тральщики Ладожской военной флотилии. Продолжали работу буксирные пароходы Балтийского флота. В труднейших условиях эти суда с 8 ноября 1942 г. по 1 января 1943 г. перевезли около 74 тыс. человек и около 46 тыс. тонн грузов. 7 января 1943 г. баржа № 4526 совершила последний рейс из Кобонского порта. Она доставила на западный берег 222 тонны боеприпасов. Продолжительность регулярной навигации 1942 г. составила 194 дня. В течение этого времени 62 дня проходили при штормах в 5 баллов и выше, а 11 дней в ледовых условиях.

На 1 ноября 1942 г. Ленинград располагал запасом муки в 49 тыс. тонн и зерна свыше 17 тыс. тонн. Имелось 14 тыс. тонн круп и макарон, свыше 5 тыс. тонн мяса, рыбы, более 4 тыс. тонн сахара, шоколада и кондитерских изделий. Город Ленина мог уверенно встречать зиму 1942–1943 гг.

▲ Встреча ветеранов, четвертый слева — А.А. Хрулев

3. Постановление Государственного Комитета Обороны от 28 марта 1943 г. «О правах и обязанностях органов военных сообщений на железнодорожном транспорте»

«... 1. Отменить приказ НКПС от 27 декабря 1942 г. как неправильный, ограничивающий действия органов ВОСО на железнодорожном транспорте.

2. Установить, что все требования к органам ВОСО (начальников передвижения войск на дорогах и комендантов железнодорожных участков и станций), вытекающие из планов и заданий начальника Тыла Красной Армии (он же начальник ЦУП ВОСО) т. Хрулева, предъявленные НКПСу, выполняются дорогами немедленно и безоговорочно».

Председатель ГКО И. СТАЛИН

Ф.И. ЛАДЫГИН

ЗАМЕТКИ РУССКОГО

Автор не имеет целью полеми- зировать с кем-либо по по- воду того или иного события: было оно таким или иным. Исходя из общепринятых, неоспоримых для большинства людей сведений о со- бытиях прошлого, попытался создать из них, по возможности, целостную картину, систематизировать их с уче- том других малоизвестных или со- знательно как бы незамеченных.

Минуло сто лет — целый век — с того октябрьского дня 1917 года, когда прозвучал выстрел (холостой) с крейсера «Аврора», известивший, как в течение длительного времени говорили с высоких трибун, с кино- и телеэкранов, писали на всех язы- ках мира, о наступлении новой эры в жизни человечества — эры свет- лого будущего — коммунизма, кото- рый «неизбежно наступит на всем Земном шаре». Более приземлено: выстрел «Авроры» был сигналом к началу Октябрьского переворота, как первоначально называли его сами большевики, перехватившие 25-26 октября (по старому стилю) 1917 года власть в России, точнее в Петрограде, у бесславного Времен- ного правительства Керенского и его сподвижников из буржуазных пар- тий, далеких от чаяний солдатских, крестьянских, пролетарских масс.

С той поры русский и другие на- роды и народности, населяющие шестую часть мира, носящую гордое имя — Россия, испытали на себе и величайшие достижения, создан- ные их же умом и трудом, и горечь больших потерь и бед.

Но народ выстоял, несмотря, ни на что, несмотря, ни на какие про- иски извне и согласованные с внеш- ними врагами постоянные, никогда не прекращающиеся укусы, удары в спину со стороны внутренних по- собников зарубежных недругов

▲ Ладыгин Ф.И.

Ф.И. ЛАДЫГИН (1937-2021), генерал-полковник, начальник Главного разведывательного управления – заместитель началь- ника Генерального штаба ВС РФ в 1992-1997 гг., Почетный акаде- мик Академии военных наук, ветеран военной разведки.

России. В XXI веке свои обвинения в адрес русского народа они доводят до требований к нам, ныне живущим, покаяться, покаяться, покаяться...

И если бы мы вдруг (как наме- ревался Ельцин призвать русский народ покаяться за бессмысленный расстрел в 1918 году в Екатеринбурге кучкой чекистов семьи отрешенного от престола царя Николая II, пол- ковника Романова) вздумали пока- яться и за Октябрьскую революцию,

и за Гражданскую войну, и за так называемые «сталинские» репрес- сии, и за принесенные на алтарь Победы в Великой Отечественной войне многомиллионные жертвы, прежде всего русского народа и т.п., оголтелые внешние и внутренние русофобы с ещё большей агрессией и хамством стали бы наседать на нас, требовать от нас покаяться за то, что мы русские, причём не только мы, ныне живущие, но и за то, что

русскими были наши предки, защищавшие Западную Европу от монголо-татарского ига, разгромившие общеевропейскую, захватническую армию Наполеона, освободившие от коричневой чумы ту же Западную Европу, многие народы которой вместе с гитлеровцами истребляли русских на русской земле от Буга до Волги.

Но и таким «покаянием» русофобы не удовлетворились бы. Глядя на них, слушая их, откровенно высказывающих патологическую ненависть к русским, России, невольно приходишь к мысли: они, русофобы, не успокоились бы, если бы русские, россияне в одночасье исчезли, испарились. Им и этого было бы мало! Только тогда, видимо, они умиротворились бы, когда сровняли с землей все кладбища, погосты и отдельные могилы с прахом давно ушедших в мир иной русских людей.

Но не мы, русские, должны каяться перед так называемой «Европой», которая, не стыдясь, надевать на себя личину невинного агнца, а именно она должна каяться перед русским народом! Именно она в течение многих веков, начиная хотя бы с века XIII и далее без остановок — в XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX столетиях, регулярно организовывала жесточайшие походы на восток псов-рыцарей — «цивилизованных» варваров.

В последнее время и зарубежные, и нашенские русофобы, видимо, особо подчёркивая своё враждебное отношение к России, тот самый «западночастичноевропейский» регион именуют «Европа». Автор придерживается не только общепринятого понятия Европы как континента планеты Земля, но особенно того содержательного смысла, при котором говорить о Европе, исключая из неё Россию, попросту бессмысленно. Поэтому всё же для упрощения в дальнейшем будем использовать такие (в кавычках) понятия, как «Европа», «усеченная Европа», «мини-Европа», «урезанная Европа» и т. п., которые русофобы пытаются представить в качестве всей Европы.

И были неоднократно биты

и на Чудском озере, и под Москвой (польские паны), и под Полтавой (шведский король Карл XII), и снова под Москвой (на Бородинском поле), и на реке Березине (шестисоттысячная наполеоновская армия со всей Европы)... и многомиллионная многонациональная захватническая гитлеровская армия. И всё никак не успокоятся. Теперь, не дождавшись покаяния, все зарубежные властвующие и доморощенные русофобы принялись демонизировать Россию, русский народ. Ещё бы (!) они «цивилизованные бандиты», забиравшиеся в русский дом, за что неоднократно по заслугам были жёстко здесь битыми, никак не успокоятся: как же так, они — сэры, пэры, польские паны, мосьё, синьоры — никак не могли обуздать русского мужика, «щи хлебавшего лаптём», никак не могли и не могут заставить его повиноваться, даже призвав для этого в качестве вожачка претендента на мировую гегемонию своего заокеанского сюзерена.

Насколько же наблюдателен и прозорлив был великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин, написавший в феврале 1836 года: «Европа в отношении России была всегда столь же невежественна, сколь и неблагодарна». Прошедшие с того времени без малого два столетия не только не поколебали эту убийственную оценку, но и многократно её подтвердили. Она, «Европа», в отношении России, не только была, она есть и, судя по всему, надолго намерена оставаться и безнравственной, и неблагодарной, и, следует добавить, **безответственно-агрессивной**. Не сломала бы зубы, как много раз в прошлом, в очередной раз.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ — КАНУН РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Сто лет тому назад, 2 марта 1917 года, с момента отстранения императора Николая II окончилась тысячелетняя монархическая история России. Как известно, она выро-

сла первоначально из разрозненных княжеств, собранных усилиями и волей мудрых и славных князей и царей на просторах от Балтийского и Черного морей до Тихого океана, от Северного Ледовитого океана до южного побережья Каспийского моря, отрогов Памира и Великой Китайской стены. На огромной территории, составляющей шестую часть планеты Земля, к началу XX века в целом мирно проживали свыше 150 наций и народностей всех основных мировых религий в Российской империи — империи, уникальной по своему государственному и социальному устройству, империи, у которой многие народы искали защиту от своих агрессивных соседей.

Последний из царей рода Романовых, пришедших в 1613 году на смену династии Рюриковичей, император Николай II находился на российском престоле с 14 мая 1896 года по 2 марта 1917 года. На годы его правления приходится периоды экономического роста, поражения в русско-японской войне 1904-1905 гг., первая русская революция 1905-1907 гг., следовавшие за ней социально-политические реформы, Первая мировая война, которая явилась для Николая II отречением от престола.

В конце XIX века в результате предшествующего экономического этапа сложилась система российского капитализма. Росли предпринимательство и привлекаемые капиталы, совершенствовалось производство, увеличивалась наёмная рабочая сила. В России, как и в других капитанах, происходила вторая техническая революция одновременно с индустриализацией. В начале XX века из отсталой аграрной страны Россия превращается в аграрно-индустриальную державу.

В целом стабильно развивалась промышленность — с темпами 4-4,5 % в год. Вместе с тем Россия, задержавшись с внедрением новых форм товарного производства (позднее западных стран), серьёзно отставала от них в количественных показателях важнейших видов промышленного производства. Аграрный сектор

по удельному весу в экономике страны оставался ведущим. Столыпинские реформы привели к росту сельскохозяйственного производства.

В области внешней политики Николай II пытался придерживаться линии своего отца Александра III на обеспечение благоприятных для развития страны внешних условий. Однако империалистические западные страны подтолкнули его на продвижение российских интересов на Дальний Восток, что привело к развязыванию Японией войны. В этой войне США и Великобритания заняли прояпонскую позицию, к ним позднее присоединилась и Франция. Россия потерпела поражение в войне, отдала Курильские острова, южную часть острова Сахалин, другие территории.

Поражение в русско-японской войне резко ухудшило внутривнутриполитическое положение, что привело к первой русской революции 1905-

1907 гг., серьёзно повлияло на радикализацию внутривнутриполитических сил. Царское правительство вынуждено было пойти на значимые по своему содержанию социально-политические и экономические реформы: учреждение Государственной думы, дарование свобод (слова, совести, печати и др.), столыпинская реформа. Усилилась активность по формированию различных политических партий, которые в последующем сыграли решающую роль в русской революции 1917 года.

Годы активного экономического развития и социально-экономических реформ, имевшие целью, говоря сегодняшним языком, реформирование всей внутривнутриполитической системы и выдвигание России на передовые мировые рубежи, были прерваны I мировой войной, начавшейся 1 августа 1914 года. В этой войне, где Австро-Венгрия, Германия, Англия, Франция дрались

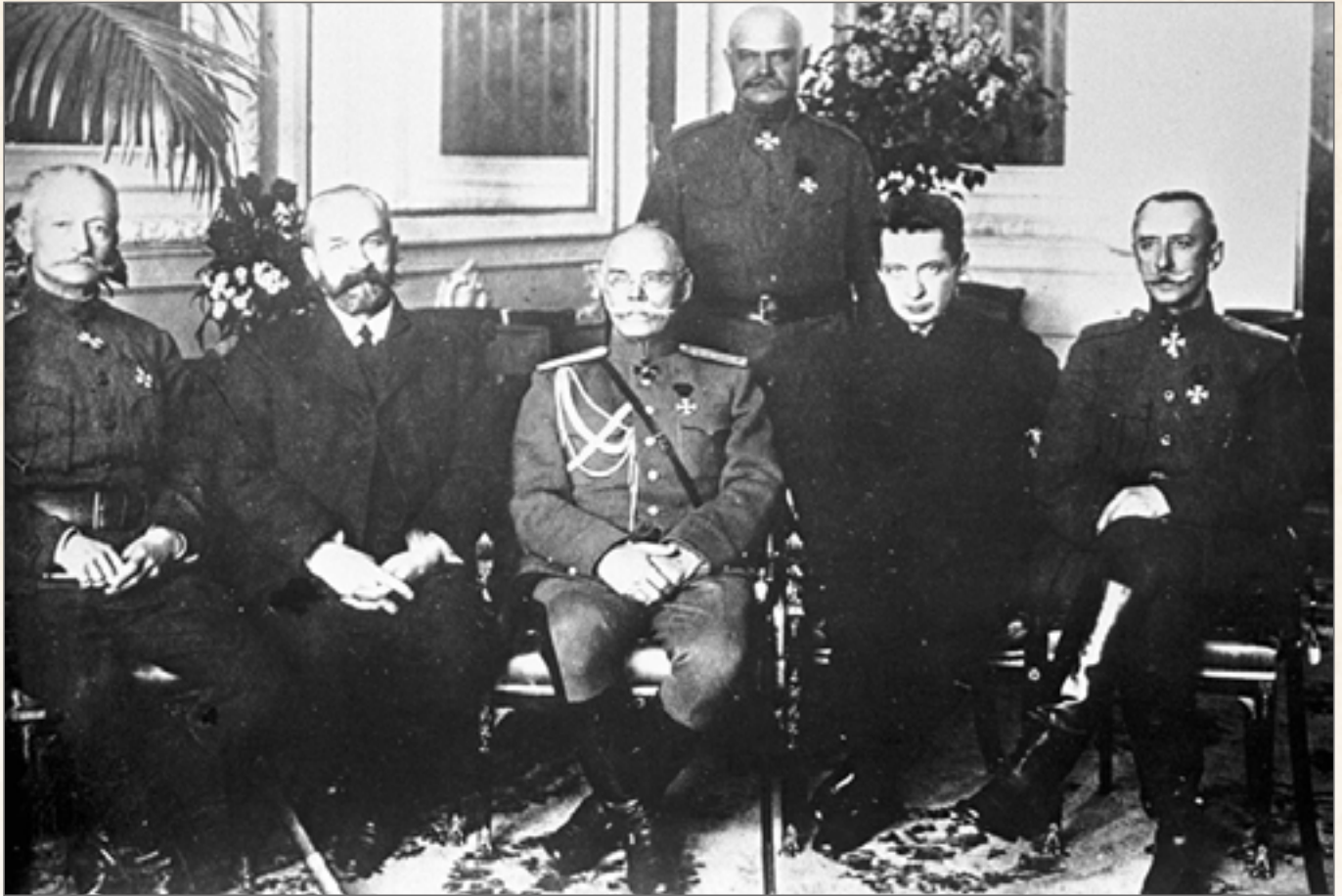
за передел сфер влияния, за расширение своих империй, у России изначально не было своих больших интересов, кроме как предотвратить австро-венгерскую агрессию против дружественной Сербии мирным путём через посредничество Германии.

Кто знает, сейчас об этом трудно судить, но, не оказавшись Россией втянутой европейскими странами, её недругами, в мировую войну, как бы сложилась для русского, российского народа его последующая жизнь, в каком бы государстве он жил — просвещённой монархии, в федеративном государстве президентского или парламентского правления, стране, на знамени которой золотом были бы написаны: «Свобода. Равенство. Братство», «От каждого по труду — каждому по способностям», «Свободное предпринимательство», «За веру, царя и отечество» или что-то ещё. Или всё же «весь мир

▲ Первая мировая война

▲ Временное правительство

насилия мы разрушим» по научной теории Маркса-Энгельса? На свою беду, на беду своего народа, Россия была втянута усилиями его извечного недруга — Англией — в ловушку, ставшей для нашей страны капканом. Верность своему союзническому долгу по Антанте дорого стоили России и её народу.

На восточном фронте I мировая война велась с переменным успехом: наступательные действия 1914 года, отступление и оборона 1915-го, взятие Эрзерума на турецком фронте, Брусиловский прорыв 1916 года, подготовка российского Генштаба с сражениям 1917 года... Но коварный удар в спину русской армии в феврале 1917 года со стороны буржуазных политических дельцов-аферистов, усугубившийся трудностями с продовольствием, привели к социальному взрыву со стороны рабочих и солдат-запасников против власти, истинными организаторами которо-

го были крупная буржуазия и лидеры думских либеральных партий.

Результат последующих действий буржуазных либералов и военного командования — последовавшее, по существу, принудительное отречение императора Николая II от престола, выразившееся в его отречении в пользу великого князя Михаила, который отказался, и переход власти к Временному правительству. Временное правительство и в самом деле оказалось очень временным, в связи с крайней непродолжительностью, бездеятельностью и бессмысленностью своего существования.

АЗЫ «МАРКСОВОЙ» ТЕОРИИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Период истории России, начиная со времени отречения Николая II, долгое время подразделяли на два

этапа — Февральская буржуазная революция и Великая Октябрьская социалистическая революция, начиная с 25 октября (7 ноября по новому стилю) 1917 года. В последнее время обе революции иногда объединяют одним понятием — Русская революция 1917 года, состоящая из двух составных «элементов»: Февральская (буржуазная) и Октябрьская (социалистическая) революции.

Легко принявшее на себя власть в начале марта 1917 года Временное правительство (Львова, Керенского) оказалось неспособным управлять Россией. Периоду с марта по октябрь 1917 года посвящено несметное число исследований, описание день за днем происходивших событий. Эти сведения, безусловно, представляют большой интерес для детального рассмотрения действий различных партий, исторических личностей, их роли, места и воздействия на происходившие и будущие процессы.

▲ Ленин, Красная площадь

Крайне важным является констатация следующих непреложных фактов. Либералы 1917 года, так называемая русская элита того времени, оказались абсолютно несостоятельными взять «свалившуюся им с неба» власть для формирования дееспособных властных структур, обладающих политической волей, способных организовать надёжное управление огромной страной, обеспечение всех сфер жизни и деятельности населения страны.

А что же союзники России по Антанте? Помогли оказавшемуся за «властным столом» Временному правительству? Ничего подобного, их интересовало только продолжение участия русской армии в войне. Более того, в 1917 году Русский экспедиционный корпус численностью 46 тыс. человек продолжал героически сражаться во Франции против врага.

Спустя восемь месяцев после бездарного «правления» немонархической Россией Временным правительством правящую роль русской

революцией 1917 года перехватила малочисленная по меркам того времени, но хорошо организованная социал-демократическая партия большевиков, временно объединившаяся с социал-революционерами.

Отобрав власть у Временного правительства Керенского 25-26 октября, партия В. Ульянова-Ленина (большевики) смогла придать всему неуправляемому процессу качества социалистической революции, названной впоследствии Великой Октябрьской.

Именно с этой даты, с 25 октября (7 ноября по новому стилю) 1917 года, и сама русская революция, переросшая в социалистическую революцию, и большевики, её свершившие, практически с самого начала подвергались и поныне подвергаются самым жёстким нападкам, подчас демонической критике. Критикуют за всё: за сам Октябрьский переворот (хотя он прошел практически бескровно), за последовавшие вслед за этим захват почты, телеграфа, банков и других важных объектов,

учреждений управления, за бескровный разгон Временного правительства и Учредительного собрания, за «красный террор», за Гражданскую войну и обусловленные ею жертвы и разрушения. И так далее и так далее.

Всё это было, и потому глупо было бы отвергать что-то. Но вот на какой вопрос критики всех мастей не дают ответа, обходят его стороной или даже не задаются им? А вопрос этот имеет принципиальное значение, это краеугольный вопрос: а по какому «лекалу» свершилась Октябрьская революция, кто её авторы-проектанты, где русские социал-демократы освоили теорию социалистической революции и некоторые практические шаги западноевропейской социал-демократии по её обкатке на баррикадах европейских столиц и городов с оружием в руках.

Все наиболее прославившиеся с самого начала революции русские социал-демократы-большевики, известные как Ленин, Зиновьев,

Рыков и немалое число других «марксистов», а также примкнувший к ним бывший бундовец Троцкий (названный позднее «демоном революции»), освоили теорию научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса в европейских столицах, в кафе и ресторанах, пивных заведениях, на съездах, различного рода конференциях, и даже, будучи в сибирской ссылке, по присылаемым из-за рубежа революционным наставлениям.

К чему звала «марксова» теория? «Марксова» теория призывала к кардинальному переустройству жизни человеческого общества — причём переустройству не эволюционному, а революционному, к коренной ломке сложившихся к тому времени

социальных устоев. Она, «марксова» теория гласила, что необходима социалистическая революция, а последняя возможна лишь путём захвата власти вооруженной силой, через баррикады. Необходим решительный захват пролетариатом заводов, фабрик, банков, орудий труда и т.д., находящихся, как правило, в частной собственности. Вне всякого сомнения, и это абсолютно очевидно: осуществить всё это можно только силой, причем сопротивление частных собственников может быть практически повсеместным, бескомпромиссным, ожесточенным и достаточно длинным по времени, даже для ограниченного пространственного размаха, не говоря уже о сфор-

мированной Марксом задачи пролетариата в этой борьбе не на жизнь, а на смерть — победе мировой революции, «терять ему (пролетариату) нечего, приобретет же он весь мир».

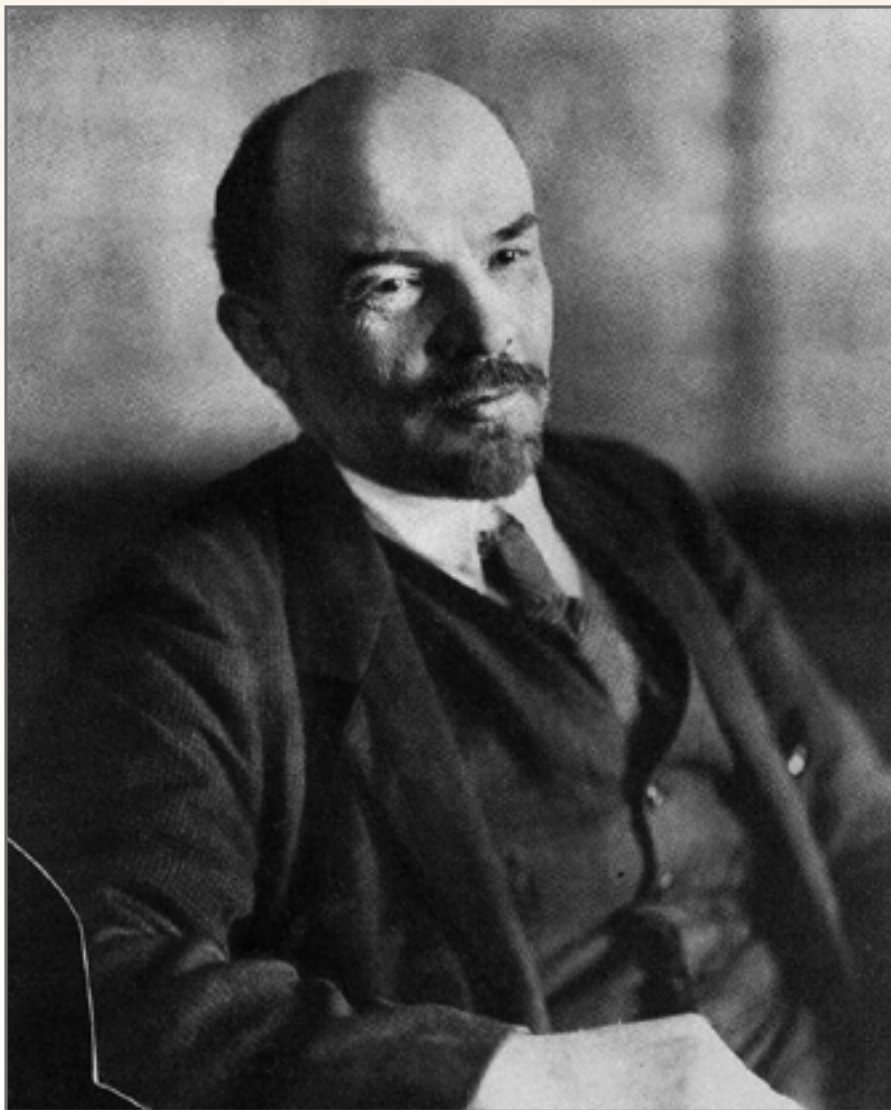
Именно с этой целью прибыли в Россию во главе с В. Ульяновым обученные в «Европе» марксизму русские социал-демократы большевики (в подавляющем большинстве своём люди не титульной нации) — *совершить в нашей стране социалистическую революцию «как факел революции мировой», в которой русскому народу отводилась роль не только факела, но и «хвоста мировой пролетарской революции».*

Итак, организаторами Великой Октябрьской социалистической революции — начального этапа мировой революции — были русские социал-демократы, большевики, освоившие в Европе теорию научного коммунизма, там же, где она была разработана, в Западной Европе, ознакомились с некоторыми практическими уроками баррикадных боёв по захвату власти с непосредственным участием самих авторов-теоретиков научного коммунизма — Маркса и Энгельса.

Даже одного ознакомления с этой теорией (научного коммунизма) достаточно, чтобы понять: *пролетарская революция с её целями захвата власти, обобществления частной собственности на средства производства и орудия труда может быть осуществлена исключительно вооруженным путём, ведением длительных боевых действий в форме гражданской войны. Иначе быть не может, иначе «марксова» теория мертва.*

Любой непредвзятый исследователь русской революции 1917 года, перерастания Февральской (буржуазной) в Октябрьскую (социалистическую) может сделать выводы:

Первое. Русские либералы образца 1917 года оказались неспособны удержать в своих руках свалившуюся на них, как «манна небесная», власть после отречения царя. Временное правительство во главе (первоначально) князя Львова, а в последующем кадета Керенского своим неумением,

▲ В.И. Ленин

▲ Стоят монументы

безволием, бездействием привели огромную страну, русский народ к последней черте, переступив которую, Россия могла бы прекратить своё существование как единое целостное государство, созданное русским народом в течение тысячи лет.

Российские либералы того времени, возглавлявшие Временное правительство, оказались неспособными воспользоваться сохранившимися от царизма в целом достаточно многочисленными правовыми и силовыми структурами, включая жандармерию и т.д. Более того, и на это следует обратить особое внимание, в руках тогдашних либералов была не только центральная власть (Временное правительство), но фактически и «власть на местах» — Советы солдатских и рабочих депутатов, где, и особенно в солдатских комитетах в действующей армии, «правили» именно либералы, поскольку работа большевиков там практически была запрещена.

Второе. По существу, «валявшуюся» власть в России подхватила не-

большая по численности, но более организованная социал-демократическая партия большевистского толка. *Русскому народу пришлось перенести на своих плечах, омыть своей кровью победу социалистической революции, теория и практические азы которой большевиками были взяты на вооружение от основоположников научного коммунизма — К. Маркса и Ф. Энгельса. А они априори предусматривали достижение победного результата исключительно через насилие и кровь.* Следовательно, вина за те лишения, на которые был обречён русский народ, на котором большевики реализовали «марсову» теорию научного коммунизма, лежит не только на обученных в «Европе» российских социал-демократах, но её следует возлагать в первую очередь персонально на Маркса и Энгельса, уроженцев Западной Европы, где эта теория и была разработана.

Важно при этом вновь подчеркнуть, что большевики взяли власть

в свои руки и сохранили большую часть бывшей Российской империи, имея в виду в первую очередь «не построение светлого будущего для русского народа». Следуя учению и заветам «основоположников», ставилась более глубокая цель — последующий, желательный быстрый переход к мировой пролетарской революции, в которой русский народ в качестве «хвоста» разжег бы «мировой» пожар» в интересах «грядущего светлого будущего всего человечества».

Более того, с самого начала русской социалистической революции большевики, приняв за аксиому марксистский лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь», как общность целей пролетариата различных национальных сообществ в мировой революции, призвали русских солдат покинуть фронтовые окопы в расчёте на аналогичные ответные действия с вражеской стороны. Это в последующем усугубило военные жертвы русского народа, подвергшегося мас-

сированной агрессии и оккупации страны австро-германской армией, личный состав которой в значительной части составляли именно «пролетарии» Германии, Австро-Венгрии и других европейских государств, воевавших против Антанты.

Представляется весьма важным хотя бы вкратце рассмотреть вопрос, который всё двадцатое столетие, по крайней мере, в течение 75 лет после октября 1917 года, тщательно скрывался от российских рядовых «строителей коммунизма». А именно: в каком качестве светила-ученые К. Маркс, Ф. Энгельс, другие просвещённые европейцы видели русский народ и его возможную роль в социальной революции.

В наши дни, когда видишь гранитные изваяния-глыбы, воздвигнутые на площади Революции и на Остоженке в Москве, столице российского государства, в которые талантливыми скульпторами, художниками вложен облик мыслителей, «проторяющих путь всему человечеству в светлое будущее», невольно представляешь

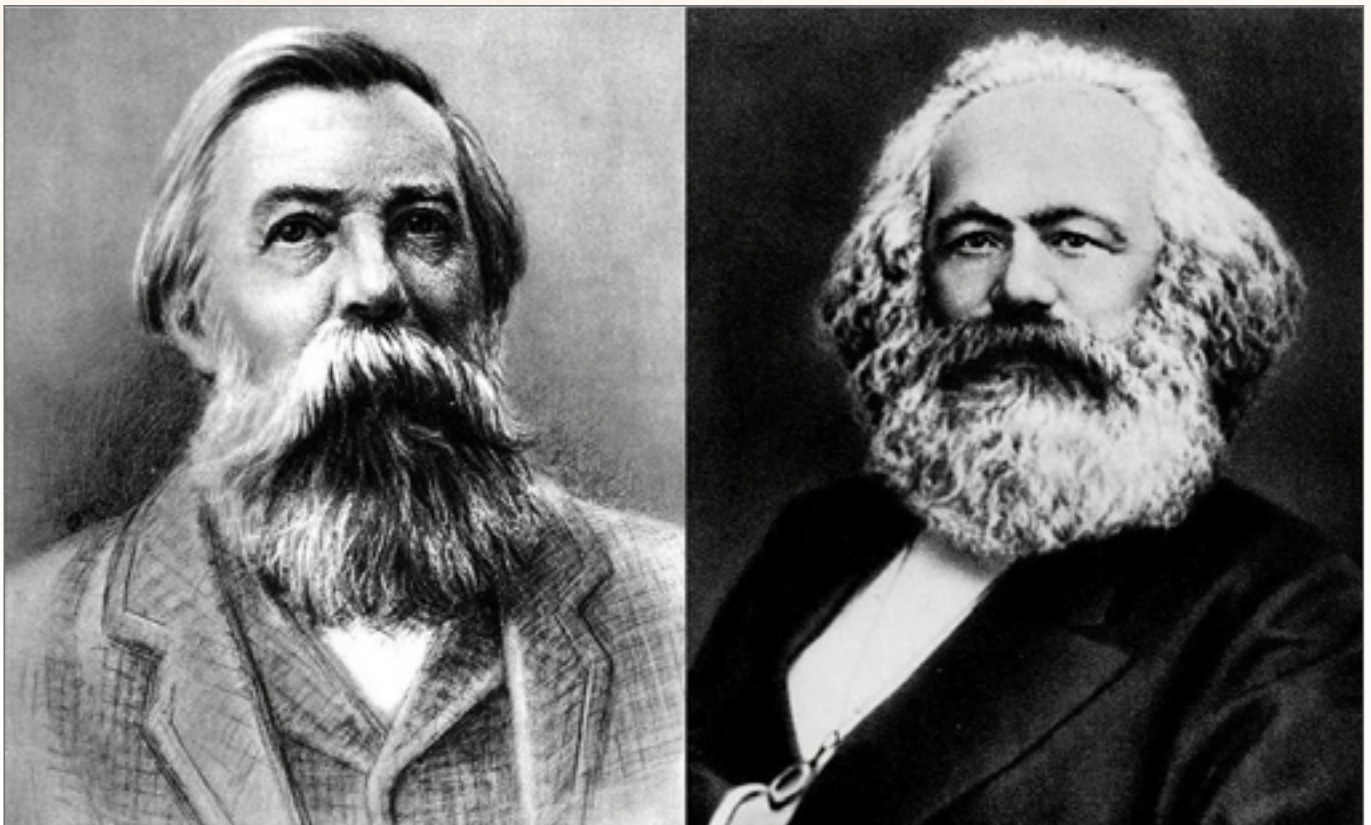
мистическую картину. На месте этих гранитных фигур стоят живые «основатели» научного коммунизма, они смотрят на проходящих мимо русских людей: интересно, они так же думают о них, попытавшихся претворить в жизнь их теоретические изыскания, как и в те далёкие годы, когда они писали «Капитал», «Манифест Коммунистической партии», «Анти-Дюринг», другие труды о социальном переустройстве бытия человечества? От подобных мыслей невольно становится не по себе, когда вспоминаешь относительно недавно прочитанное об их отношении к России, к русским, к славянам.

Сошлюсь только на одного современного публициста И. Невского. Игорь Невский, в частности, пишет: «...Основатели коммунизма буквально... ненавидели! (Россию — Ф. Л.). Маркс и Энгельс при своей жизни прославились именно как оголтелые русофобы... Их русофобия носила даже не классовый характер, они отторгали русских по расово-племенному признаку».

Однажды Маркс отказался от участия в одном из митингов в Лондоне, посвященных международному рабочему движению, узнав, что туда приглашен в качестве выступающего Александр Герцен, только потому, что, как написал сам Герцен, «он (Маркс) находит достаточным, что я русский...». То есть Герцен был ненавистен Марксу только потому, что тот был выходцем из России и в силу своей «дикости и отсталости» не имел даже права думать о самом передовом социалистическом учении. В общем-то, это подтвердил и сам «основатель», который в своих сочинениях нередко именовал Герцена «презренным москвитом», человеком с «гадкой русско-калмыцкой кровью» и т.д.

Когда Герцен опубликовал в своём революционном журнале «Колокол» «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, последний презрительно назвал этот поступок Герцена «литературным курьёзом».

Многие историки полагают, отмечает И. Невский, что истоки рас-

▲ Энгельс и Маркс

▲ 1917 г.

овой ненависти Маркса к России лежат прежде всего в происхождении и в среде воспитания «основоположника». Он родился в богатой семье еврейского адвоката Генриха Маркса, жившего в Рейнской области Германии. Адвокат воспитывал свою семью в духе всех тогдашних предрассудков по отношению к нашей стране, витавших в Европе. Так, согласно различным «теориям» ряда германских ученых, русские, да и все славяне вообще, являлись дикими племенами татаро-монгольской крови, которым абсолютно был чужд дух европейского прогресса. Мол, русские дикари только и жаждут того, чтобы уничтожить европейскую цивилизацию и культуру... Юный Маркс получил капитальную русофобскую закалку, которую пронес через всю свою жизнь.

Русофобская сущность «основоположников» особо пришлась на период Крымской войны (1854-1856 гг.), когда на Россию напала целая коалиция западных стран во главе с Британией и Францией. Маркс и Энгельс страстно призывали превратить эту войну в «священную борьбу европейских

наций» против России (удивительно, но примерно под тем же лозунгом Гитлер воевал против Советского Союза уже в середине XX века). Маркс буквально заклинал европейцев: «Кронштадт и Петербург необходимо уничтожить... Без Одессы, Кронштадта, Риги и Севастополя с эмансипированной Финляндией и враждебной армией у врат столицы... что будет с Россией? Гигант без рук, без глаз, могущий только пытаться поразить своих противников слепым весом».

Далее: «А Энгельс даже пытался обосновать теорию военного похода на Москву, которая позволила бы европейским союзникам избежать тех ошибок, которые совершил Наполеон во время войны 1812 года. Оба «основоположника» завязали дружескую переписку с польским террористом Теофилом Лапинским, публично призывавшим либо истребить русский народ поголовно, либо загнать его, «как дикого зверя», за Урал, в сибирские снега. В 1882 году Энгельс откровенничал Каутскому: «Вы могли бы спросить меня, неужели я не питаю никакой симпатии к славянским народам? В самом деле — чертовски

мало». Или ещё одно красноречивое признание Энгельса: «Необходима безжалостная борьба не на жизнь, а на смерть с предательским по отношению к революции славянством... — истребительная война и безудержный террор».

Русские социал-демократы (и большевистского, и меньшевистского толка) унаследовали от своих «европейских» учителей — «основоположников научного коммунизма» — не только веру «в светлое будущее жизни человечества в бесклассовом обществе», но и их воззрения на русский народ, отношение к нему. Нет необходимости в каких-либо доказательствах: и В. Ульянов, и его революционные сподвижники, безусловно, читали не только «Капитал», «Манифест Коммунистической партии», «Анти-Дюринг» и другие труды Маркса и Энгельса, но и их статьи в печатных СМИ, ведь они, приехавшие учиться революции, были достаточно образованными людьми.

И, конечно же, известные антирелигиозные и расово-племенные воззрения учителей ложились на благодатную почву, подготовленную

и одобренную философскими изысканиями «самого передового в то время учения марксизма», которое в последующем было объявлено «всесильным, потому что оно верно». Поэтому и отношение к русскому народу было сформулировано, в частности у В. Ульянова (Ленина), хотя и не таким, как у Маркса и Энгельса, но далёким от уважения к нему.

Отсюда и отношение социал-демократов большевистского толка того времени к русскому народу и России в целом как к «связке хвороста» (выражение Троцкого) для разжигания «научно доказанного марксовой теорией» мирового революционного пожара.

Этому есть множество подтверждений в немалом числе исторических документов, сохранивших в том числе указания В. Ленина о том, что относиться к «истинному русскому человеку, следует как к великодержавному подлецу и насильнику», поручения

о принятии жесточайших мер типа «посылать красных головорезов вешать чиновников, богачей, попов, кулаков, помещиков, выплатить убийцам по 100 тыс. рублей..», «перережем всех», «поголовно истреблять казаков», «...необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно».

И опять же возникает вопрос: так кто же должен каяться — русский народ перед «европейцами», Россия перед «усеченной Европой» или «европейцы», «усеченная Европа» перед русскими, Россией? За то, чему обучили своих учеников «основоположники» научного коммунизма, которые, разработав в «Европе», «обкатали» «марксову» теорию на теле России, бросая в горящую топку мировой революции российский «человеческий хворост».

Или, может быть, современным русофобам не дает покоя ревность: как же так, мы, просвещённые европейцы, сколько ни выводили наши прародители на баррикады прогрессивные умы — Маркс и Энгельс, — «европейцы» не смогли совершить революцию, а они, варвары, недочеловеки, не только совершили её, да ещё и, несмотря на все понесённые жертвы и беды, в последующем создали державу, разгромившую вместе с гитлеровской Германией ещё пол-«Европы» фашистских вассалов. Не это ли тоже гложет душу русофобов всех мастей?

«ЕСТЬ У РЕВОЛЮЦИИ НАЧАЛО...»

Итак, октябрь 1917-го. Состоялся захват власти большевиками в Петрограде как начало социалистической революции в России. Надо признать, что взятие власти русскими большевиками прошло с существенными отступлениями от, говоря современным языковым сленгом, «дорожной карты», составленной западноевропейскими «основоположниками». Во-первых, социалистическая революция происходила не одновременно во всех странах капитала или хотя бы в большинстве из них, как учили, предсказывали Маркс и Энгельс, а в отдельно взятой стране — России, «самой реакционной», по мнению Маркса и Энгельса. Ленин и в теории оказался достойным учеником своих учителей. Возможность взятия власти «первоначально в одной отдельно взятой стране» В. Ленин обосновал теоретически неравномерностью развития капитализма в стадии империализма, а затем на практике реализовал. Но подчеркнем, *В. Ленин и его сподвижники остались верны «марксовой» теории о том, что революция должна охватить многие страны. Октябрьскую революцию в России они рассматривали лишь как пролог мировой революции, мирового пожара, в которых России они, истые приверженцы «марксовой» теории, отводили роль жертвы на пути*

▲ Троцкий, 1919 г.

▲ Парвус Александр (Израиль)

к светлому будущему всего человечества.

Вторая особенность: Западная Европа не только предоставила условия для завершения обучения российских социал-демократов «марксовской» теории, но она же (конкретно — Германия) доставила их в plombированном вагоне через свою территорию в апреле 1917 года из Швейцарии в Швецию для последующего переезда в Россию через Финляндию. Обращает на себя особое внимание то обстоятельство, что в организации переброски заграничного бюро ЦК большевистской партии принимали участие марксист Парвус в качестве самого деятельного инициатора, германские генеральный штаб и министерство иностранных дел.

Александр Парвус (Израиль Лазаревич Гельфанд) — родился в Минской губернии в семье еврея-

ремесленника, учился в одесской гимназии, владел несколькими европейскими языками. В Одессе примкнул к народолюбцам. В 19 лет уехал в Швейцарию, там стал марксистом. Окончил Базельский университет, получил учёную степень доктора философии. В последующем переехал в Германию, вступил в социал-демократическую партию.

Профессор РГГУ, доктор исторических наук Б. Л. Хавкин в газете «Независимое военное обозрение (от 05.09.2017) даёт следующий социально-политический портрет личности А. Парвуса: «Русский революционер и германский империалист, ученый-марксист и крупный предприниматель, космополит и германский патриот, закулисный политик и международный финансист, социал-демо-

кратический публицист и политический авантюрист».

Парвус, будучи за пределами России, ранее близко сошёлся с русскими марксистами. Из их дружбы родилась газета «Искра», которая печаталась в типографии на его квартире в Мюнхене; она же стала местом встреч русских революционеров, когда Парвус сблизился с Троцким. По существу, именно Парвус выдвинул тезис перманентной революции, который в дальнейшем взял на вооружение Троцкий. Парвус предсказал неизбежность мировой войны и русскую революцию. Руководствуясь идеей, что «интересы германского правительства полностью совпадают с интересами русских революционеров», которые «могут добиться своих целей только при условии полного разрушения самодержавия...» и «победа Германии над Россией — в интересах европейского социализма», Парвус и организует в апреле 1917 года с помощью германских властей отправку в Россию заграничного руководящего ядра социал-демократов большевиков во главе с В. Лениным.

Обращает на себя внимание, что с небольшой задержкой (примерно на месяц) в Петроград прибывает из США Л. Троцкий. «Опоздание» с прибытием в Петроград Троцкого было связано с его задержанием на месяц в Канаде английскими властями по обвинению в получении революционером «немецких денег» на свержение Временного правительства. Примечательно, что освобождению Троцкого активно способствовал В. Ленин.

Не подлежит сомнению, что доставка социал-демократов (большевиков) из Швейцарии и Л. Троцкого из США в Россию требовала определенных финансовых затрат и на сам переезд, и на «активизацию» революции. Каковы были эти «вливания» в революцию — трудно сейчас судить: по приводимым Б. Л. Хавкиным ссылкам на другие источники — до 50 млн. рейхсмарок, полученных большевиками от Германии в 1917 году.

Но всё же главное — в другом. Запад не только инициировал уско-

▲ Гражданская война

рение революционной ломки в России и отправление туда русских марксистов. При этом целями, которые возлагались на большевиков, были: правящими кругами, в частности Германии (и не только), — поражение России в войне, а западными марксистами — превращение мировой войны в гражданскую для разжигания мирового революционного пожара, начиная с русской революции.

Далее, октябрьский переворот, подчеркнём, состоялся не через баррикады (они были ранее, в 1905 году), а, по существу, мирным путем. Без жертв был взят и Зимний дворец, где заседало Временное правительство, и совершён последовавший вскоре роспуск Учредительного собрания. В Петрограде практически бескровно (да, организованными солдатами и матросами, вооруженными вин-

товками, маузерами, наганами) были заняты почта, телефон, телеграф, вокзалы и банки и др. Относительно организованное сопротивление было организовано в Москве, но лишь в самом её центре — в Кремле, в зданиях Александровского пехотного училища и гостиницы «Метрополь» отрядами юнкеров и студентов.

Немногочисленная партия социал-демократов (большевиков) оказалась более организованной, более целеустремленной, более жизнеспособной по сравнению с многочисленными партиями кадетов и пр., пр.

Но относительно мирный, краткосрочный период после октябрьского переворота вскоре закончился. Вполне закономерно: против вновь созданных революционных органов выступили, по существу, «добровольные, в смысле не организованные

центральной властью, защитники» то ли Временного правительства, то ли запоздалые сторонники монархизма. С ними организованные отряды революции всё же «справились».

Однако главная угроза возникла на западе и, как черная туча, двигалась из «Европы». В феврале 1918 года на беззащитный Петроград, где совсем недавно по «лекалам» уроженцев Германии Маркса и Энгельса началась пролетарская революция, двинулись кайзеровские полчища, в которых плечом к плечу с потомками псов-рыцарей маршировали немецкие рабочие, напрочь забывшие о «марксовой» пролетарской солидарности. Что же спасло петроградцев? Призыв большевиков к своим немецким «товарищам революционерам-марксистам»? Нет, и ещё раз — нет!

Петроград спас русский человек, облачённый в солдатскую шинель, поношенное пальто рабочего, матросский бушлат, кожанку. И откликнулись они на лозунг «Отечество в опасности!» Именно — Отечество! Потому, что в крови русского Отечества, Россия — это мать, это его дети, это его душа. Кайзеровцы и потом топтали коваными сапогами русскую землю, принудили российских учеников Маркса-Энгельса к позорному, унижительному для русского человека Брестскому миру. И за это русский человек тоже должен каяться перед «европейцами»?

А что же союзники-западноевропейцы по Антанте? Они, особенно Британская корона, поинтересовались судьбой находящегося с ней в родственных отношениях отрешённого от престола Николая II и его семьи, содержащихся в застенках у «варваров»? Не тут-то было. Вскоре, как и их заокеанские братья, ангосаксы двинулись не спасать самодержца страны-союзницы, а урвать что-то на северо-западе России, послав туда англо-американский экспедиционный корпус.

По мере продвижения революционных преобразований «вширь» и «вглубь» нарастало сопротивление сторонников монархизма и особенно либералов, ранее оказавшихся неспособными удержать власть. Это сопротивление становилось всё более ожесточённым, вплоть до попыток не только уничтожения отдельных большевистских руководителей, но и в целом центральных органов новой власти. Главным средством стал террор, названный «белым», начавшийся вооружённым выступлением так называемого Ярославского правительства с переносом террора в Москву, с последовавшим практически одновременно «красным террором».

К слову, понятие «террор» (от латинского terror — страх, ужас) ученые историки относят к I веку н.э. В современном понимании «террор» как понятие вошло в употребление в эпоху Просвещения, происходит от французского la terreur. Якобинцы широко прибегали к террору

во время Французской революции 1791-1794 гг., этот термин использовался ими с положительным оттенком применительно к себе. Позднее это слово приобрело отрицательный смысл — как синоним преступления. Из просвещённой «Европы» террор как метод политической борьбы в XIX веке появился в России, взятый на вооружение русскими «борцами» с царизмом. В XX веке в числе инициаторов белого террора выступили не только противники большевиков (эсеры, либералы), но и активно толкавшие их на это представители западных стран, в т.ч. из числа официальных дипломатических представительства. Незамедлительным ответом на белый террор стал террор «красный», также хорошо известный большевикам из западных источников.

Смертная казнь противников, как показывает практика, всегда сопровождает любую революцию. В. И. Ленин, ещё в сентябре 1917 года в работе «Грозящая катастрофа, и как с ней бороться» заявил: «Без смертной казни по отношению к эксплуататорам едва ли обойдется какое ни есть правительство!» Официально красный террор был объявлен Постановлением СНК РСФСР от 05.09.1918 г. и прекращен 6 ноября 1918 года.

Русофобствующим «европейцам» и их «домашним» приспешникам — «западникам», подвергающим остракизму «красный террор», демонизирующих русских сторонников (в прошлом) «красного террора», не следовало бы забывать, что «красный террор», как и его «белый» антипод, — это близнецы-братья, привнесённые в Россию из «цивилизованной» Западной Европы. А потому именно русский народ, как и другие народы России, чьи предки страдали и пострадали и от «красного» и от «белого» террора, вправе спросить за это именно «усечённую Европу».

Предписанное «марксовой» теорией классовой борьбы силовое противостояние, выразившееся первоначально одновременным «крас-

ным» террором против «белого», вскоре переросло в Гражданскую войну. И в развязывание этой войны в России свою главную лепту, помимо теоретических изысканий Маркса-Энгельса, внесли европейские страны, прежде всего Великобритания и Франция, которые выступили провокаторами войны, принявшими самое непосредственное участие в формировании и финансово-материальном обеспечении воинских соединений и частей Белого движения. И следствием этого — а именно, вмешательства во внутрироссийские дела — стало ужесточение боевых действий на фронтах Гражданской войны. Это усилило темпы вступления в рабоче-крестьянскую армию офицеров и генералов бывшей царской армии для защиты, прежде всего собственной страны от внешних врагов. По исследованиям неангажированных историков, в ряды действующей Красной Армии влилось 45-46% армейских офицеров и генералов, не меньшая доля среднего и высшего офицерского состава Генерального штаба русской армии. В результате на полях сражений Гражданской войны сошлись «красные» и «белые» армии, где за планирование и ведение боев и операций отвечали вчерашние высокопрофессиональные непосредственные участники Первой мировой войны.

Особую лепту в кровопролитие русского народа внесли «двоюродные братья-славяне» Чехословацкого корпуса. Русская армия, русский люд предоставил им возможность «укрыться» от мировой войны и отсидеться в сибирской тайге России вместо участия в боевых действиях на фронте. Большевистское правительство предоставило братьям-славянам возможность вернуться домой, к своим семьям. В «благодарность» за это они по пути домой устроили кровавый мятеж, за которым последовал невиданный по потокам русской крови чудовищный террор в восточных губерниях России.

Продолжавшаяся около четырёх лет Гражданская война в России показала именно русскому народу цену «марксовой» теории социаль-

ной революции через классовую борьбу. Война прокатилась по всей 1/6 части суши планеты Земля. Война есть война, жестокость проявляли и «трудящиеся» классы, и классы эксплуататорские: и русские генералы Белого движения, и большевистские революционные лидеры отдавали жесточайшие приказы по борьбе с врагом.

В наших исторических изысканиях, представляется, «незаслуженно» обходится стороной вопрос о том, почему среди простого русского люда, в том числе и среди передового пролетарского класса, в течение длительного времени бытовало «Советы без коммунистов!». И это было повсеместно, в том числе и в революционном Петрограде. Без сомнения, одной из причин этого является, с одной стороны, то, что Советы как органы народной власти порождены в недрах России, у «коммунисты» —

понятие пришлое извне, не понимаемое и зачастую не приемлемое простым людом.

Не зря же в известном фильме «Чапаев» на вопрос: «Ты за большевиков или за коммунистов?» — думающий крестьянин, хитро прищурившись, сказал: «Я за интернационал!».

А большевистское руководство, по-прежнему рассматривая русскую социалистическую революцию лишь как пролог, как предтечу революции мировой, шло на жесточайшие меры против противников такой революции, против апологетов лозунга «Советы без коммунистов!». В результате — повсеместное жесточайшее «расказачивание», приведшее практически к ликвидации особого, свободлюбивого, организованного крупного сословия — казачества, многие века добровольно защищавшего Россию (первоначально) от на-

бега «степняков» с юга на всем протяжении границ России — от Черного моря до берегов Тихого океана.

Руководствуясь теми же «марксовыми» научными уложениями о «мировой революции», которая якобы началась в России (хотя русские большевики уже знали о безуспешных попытках пролетарских революций и «социалистических революций» в Венгрии, Германии), красный командарм М. Тухачевский, любимец нынешних либералов, не погнушался применить химическое оружие при подавлении крестьянского восстания против большевистской диктатуры на завершающем этапе Гражданской войны в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг. Подобным преступлениям нет и не может быть оправдания. Правда, надо опять же отдать должное «цивилизованной Европе». Ведь это она изобрела химическое оружие и массированно применила

▲ Гражданская война в России

▲ Снос памятника Дзержинскому в августе 1991 г.

его против армий народов-соседей всё той же «Европы» и русской армии. А после Первой мировой войны ускоренными темпами накапливала запасы всё новых видов химического оружия, вплоть до 1990-х годов, но критиковала при этом Советский Союз, который и в этом случае всего лишь последовал за «усеченной Европой», чтобы не оказаться безоружным перед «химикоотравляющей западной демократией» и сдерживать её от химических атак «непросвещённых цивилизаторов».

Последовавшие одна за другой Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революция, сопровождавшиеся, особенно последняя, повсеместным сломом («через колено») прежнего уклада жизни, прежних структур и органов управления и хозяйствования, террор «красный» и «белый», ожесточенная Гражданская война привели к невиданному по своим масштабам разрушению

фактически всей страны: будь то центральная власть или местные органы, банковская система, промышленность, остановившийся железнодорожный транспорт, крестьянские хозяйства, здравоохранение, образование и т. д. и т. п.

Несмотря на все последующие (включая нынешние времена) злонамеренные упрёки, обвинения в якобы преступных формах и методах правления в сложившихся тогда условиях, большевики, надо отдать им должное, одновременно с ведением Гражданской войны с Белым движением, поддерживаемым «усеченной Европой», оказались способными к преодолению тех огромных сложностей, с которыми столкнулись при перестройке российского общества с одной социальной системы на другую. Важно при этом отметить и особенно подчеркнуть, что в отличие от этапа захвата власти в свои руки, о чем большевики могли почерпнуть в теоретических изысках своих «учителей-основоположников», в дальнейшем они дей-

ствовали в первую очередь методом проб и ошибок. Отсюда и «политика военного коммунизма», и продразвёрстка, и «новая экономическая политика», и отказ от неё, и последовавшие коллективизация и индустриализация и т. д.

В немалой степени с этим же «методом проб и ошибок» связаны чрезмерная жёсткость мер при подавлении противодействия со стороны противников «социалистической революции», что далеко не всегда было оправданным.

Вместе с тем в последние годы, особенно с началом так называемой «ельцинской эпохи», особому ostrакизму подверглось и подвергается всё, что делалось для возрождения жизни в разрушенной России. В качестве примера достаточно сослаться на судьбу Ф. Э. Дзержинского. При этом критиканы-крикуны, даже не удосуживаются и подумать, перед тем как с озверением и остервенением стаскивать высокохудожественный памятник Дзержинскому в Москве... Ведь безнадежно больной туберку-

▲ Антираелигия

лезом «человек с горячим сердцем и холодной головой» очень быстро вдохнул в топки застывших по всей Руси Великой паровозов горячий пар, обеспечив тем самым снабжение, пусть и скудное, перевозку хозяйственных грузов, людей, продуктов питания, топлива в замерзающие города. Не будь всего этого, какие дополнительные жертвы понёс бы русский народ? Много миллионов умерших от голода и холода... Их тоже возложили бы на большевиков, совершивших революцию, абсолютно забывая о том, по чьим «лекалам» эта революция была совершена. Или детская беспризорность... Она тогда насчитывала пять миллионов беспризорных мальчишек и девочек — больных, завшивевших, голодных, озлобленных. Благодаря принятым Ф. Э. Дзержинским решительным мерам численность беспризорных уменьшилась вскоре — в десять раз.

Нелишне будет заметить, что в 1990 годы благодаря ельцинским «реформам» детская беспризорность достигла такого же уровня — около четырех миллионов человек. А сколько сейчас?

Одна из весьма страшных, если не самая трагическая страница истории русской революции — это борьба большевиков, воинствующих атеистов с Русской Православной Церковью, в целом богоборчество. И в очередной раз надо признать, что помимо личного атеизма русских революционеров-большевиков воинствующими, если не агрессивными, атеистами были и сами «основоположники» научного коммунизма.

Маркс и Энгельс были атеистами. Русский классик марксизма В. Ленин был не просто атеистом, но воинствующим атеистом, к чему призывал и других своих сподвижников. Современные исследователи атеистического и религиозного «наследия» основоположника марксизма придерживаются весьма неоднозначных, вплоть до противоположных, оценок и выводов. Одни атеизм Маркса анализируют в высоко философских категориях, другие доводят его атеизм до сатанизма, что пролонгируют на последние годы жизни Ленина. Но досконально известно, что оба они придерживались мировоззренческого постулата «религия есть опи-

ум для народа». Отсюда прямой путь к богоборчеству.

Весьма трагична для русского народа, России «страница» большевистского богоборчества, связанная с варварским разграблением православных храмов и их разрушением. Ни одна мировая религия не претерпела такого истребительного нашествия. И в очередной раз нельзя пройти мимо «вклада» большого количества представителей «усеченной Европы», не только в лице «основоположников» Маркса-Энгельса, и их лепты в воинствующе-атеистическую «подготовку» русских социал-демократов большевистского толка. Русская Православная Церковь за первую четверть века существования советской власти испытала на себе всю разрушающую силу отечественных проводников «марксизма» и их многочисленных «европейских» пособников.

Да, да (!), именно пособников: куда как не в «Европу», утекли все культурно-исторические, высокохудожественные ценности, чаще всего из благородных металлов, из русских храмов и церквей? Татаро-монгольские ханы не были столь падкими

на церковные ценности грабителями, как их «европейские» цивилизованные якобы антиподы. «Усеченная Европа», а по и её примеру и заокеанские «хаммеры», как все пожирающий пылесос, опустошали православные земли.

В. Ленин, российский ученик-теоретик марксизма, а в последующем и практик реализации теоретических изысканий Маркса-Энгельса, «развил» марксистский просто атеизм до воинствующего уровня. При подготовке настоящего очерка автором было прочитано немало сведений, основанных на копиях и на хранящихся в архивах материалов. Вероятно, нет необходимости, приводить их на страницах «Записок». Их действительно тяжело читать, ведь речь шла о мерах, в соответствии с дословным ленинским указанием: «Провести беспощадный массовый террор... против попов». Исследователи богоборчества, на основании архивных материалов, приводят трудно укладываемые в голове здравомыслящего человека количественные показатели.

Не в оправдание богоборческих деяний того времени, но всё же иногда исследователям не следовало бы «перегибать» палку, упрекая большевиков в том, будто они искусственно создали голод как обоснование для разграбления православных святынь. Голод-то действительно был, и необходимо было привлекать средства для борьбы с ним. Народу надо было помогать, что весьма сложно было к то тяжелейшее, сложнейшее время — время, усугубившееся революцией по Марксу-Энгельсу и связанной с этим классовой борьбой, вылившейся в братоубийственную гражданскую войну. Но добывать средства для спасения от голода, грабить православные (и иные религиозные) святилища, уничтожать священнослужителей? Ведь можно же было обратиться к Церкви, к тем же священнослужителям... Но это уже противоречило «марксовой» теории пролетарской революции, атеистическим воззрениям её основоположников и его учеников-последователей.

СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ПРАВО НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Безуспешные попытки германских и венгерских социал-демократов при идейной и иной поддержке российских большевиков совершить пролетарские революции в своих странах и распространить её на Европу показали бесперспективность «марксовой» теории мировой революции одновременно в большинстве или нескольких капиталистических государствах.

Русские социал-демократы (большевики) на достаточно успешном для Рабоче-Крестьянской Красной Армии завершающем этапе Гражданской войны в России предприняли попытку также перейти к перманентной мировой пролетарской революции по пути, предложенному продолжателем дела Маркса-Энгельса В.И. Лениным, путём перенесения её из одной страны побеждающей революции (Советской России)

▲ Атеисты

▲ Герб СССР

в другую — соседнюю Польшу, бывшую западную окраину Российской империи.

Начавшееся вроде бы успешно наступательная операция соединений Красной Армии под командованием Тухачевского вскоре захлебнулась; более чем 100-тысячное войско красноармейцев Советской России было пленено армией Пилсудского. В очередной, уже не первый раз, ставка русских большевиков на «марксовый» принцип пролетарского интернационализма показал его надуманность и несостоятельность. Расчет российских социал-демократов, безоговорочно полагавшихся на «марксову» теорию, на то, что из «искры русской пролетарской революции» возгорится пламя «польской» и т.д. пролетарских революций не оправдался. Свыше 100 тысяч молодых русских людей сгинули в Польше по «марксовым лекалам» мировой революции.

Не исключено, что именно очередной провал на «марксовой» «до-

рожной карте» мировой революции подтолкнул большевиков ускорить построение на просторах бывшей Российской империи дееспособное государство социалистического типа. Не трудно себе представить всю сложность, точнее, говоря ленинским сленгом, архисложность этой задачи, имея в виду не только гигантские размеры территории страны, не только неизведанность путей построения общества новой социальной формации, но — особенно — многонациональный состав населения страны (свыше 150 наций и народностей) и, что не менее важно, существование уже сотни лет многих мировых религий в условиях жёстко насаждаемого властями воинствующего атеизма.

Двигаясь неизведанными путями, методом проб и ошибок, причём ошибок, нередко несущих в себе заранее заложенный взрывной эффект в ближне-, средне-, или дальнесрочной перспективе, они, большевики, несмотря на внешнее противодействие и отчаянную внутреннюю

борьбу, борьбу открытую и скрытую, продвигались вперед.

30 декабря 1922 года на I Всесоюзном Съезде Советов РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР было создано первое в мире социалистическое государство — Союз Советских Социалистических Республик, СССР. Именно с этого временного отрезка, видимо, следует вести отсчёт времени кардинального влияния, а точнее воздействия, нашей страны на мировые процессы, происходившие в мире в XX веке и продолжающиеся в веке XXI.

Но возвращаясь в 1921-1922 годы, т.е. время кануна создания СССР, следует остановиться на одном принципиальной важности вопросе — вопросе, который, по личному убеждению автора (и не только), сыграл и продолжает играть не злую, нет, злобствующую «шутку» применительно к судьбам народов родины (бывшего СССР) и моей страны (Россия). Лично я убежден, что не было ничего более трагичного, чем принятое большевиками в 1922 году по настоянию Ленина, убежденного ученика, последователя Маркса и продолжателя его дела, решения по национальному вопросу — о «ленинской политике в национальном вопросе».

Читающий может спросить: а причём здесь Маркс? Применительно к нему, Марксу, судя по его работам и работам исследователей его научного и прочего наследия, можно говорить о расах и т.д.? Ответ: Маркс как будто и не причём! Но «причем», говоря о национальном вопросе для условий России, «примат пролетарского интернационализма» — детища Маркса. Именно на пролетарский интернационализм, извините, «повёлся», свято, безоговорочно веря и в своего учителя, и своему учителю, В. Ульянов-Ленин.

И теперь мы, потомки граждан Российской империи и продолжатели родов своих предшественников, мы, будучи разбросанными по разным странам, испытываем на себе, а наши внуки и правнуки и т.д. будут испытывать на себе — последствия своей веры в пролетарский интернационализм Маркса-Энгельса.

В уже далёком 1954 году наше учебное отделение в вузе по курсу «История ВКП(б)» рассматривало национальный вопрос при создании СССР. Преподаватель марксизма-ленинизма поставил перед студентами задачу показать, почему именно ленинская национальная политика (с её правом нации на самоопределение) одержала верх над сталинской трактовкой проблемы национального вопроса для многонациональной и многоконфессиональной России. Будучи ещё совсем юным (семнадцатилетним юношей), один из студентов высказался совсем определенно без подробных доказательств, скорее интуитивно, что под

созданный в 1922 году Советский Союз была заложена мина огромной разрушительной силы в виде права наций на самоопределение. Преподаватель совершенно спокойноотреагировал на незрелость студента по молодости. Он привёл ряд ленинских «доводов», среди которых главным был «великодержавный шовинизм», который-де несёт в себе угрозу будущему Союзу ССР. Во многом надуманным и гиперболизированным Лениным «великодержавным русским шовинизмом» он убедил своих приверженцев, которые незначительным большинством «заблокировали» сталинскую идею национальной автономии. Что

касается усомнившегося в правильности «права нации на самоопределение», то преподаватель отнёс это на молодость, то бишь на незрелость «молодого человека».

К слову сказать, сейчас принято по случаю и без случая рассказывать чаще всего небывлицы о страданиях тех, кто будто бы высказывал крамольные мысли. Тому юноше, высказавшему прилюдно несогласие с В. Лениным в национальном вопросе, менее чем через год, при достижении 18-летнего возраста было предложено вступить в КПСС, от чего он отказался, считая себя ещё неготовым быть бойцом партии.

Тем не менее, молодой человек высказался осознанно. Видимо, на него повлияло и «всенародное» празднество в приграничных с Украинской республикой областях, передача Киеву Крыма и раздумья после осмысленного прочтения (а не «прохождения» как говорят школьники) «Тихого Дона» М. Шолохова, по которому писал сочинение на выпускных экзаменах. Почему донские казаки, которых с винтовкой Мосина и боевой шашкой пытались «подчинить» пролетарскому интернационализму, даже перед лицом смерти не хотели отказаться от казачества, казацкого сословия (что, по их мнению, было сродни национальности)?

Со временем тот (1954 года) юноша всё более убеждался в правильности своей юношеской оценки и пришел к однозначному выводу: примат «пролетарского интернационализма», ставка основоположников научного коммунизма Маркса-Энгельса и их продолжателей, прежде всего В.И. Ленина, была ошибочной, по крайней мере, в долгосрочном плане. Идея пролетарского интернационализма могла сыграть определенную положительную роль на некотором отрезке времени в определенных социально-географических условиях, но представлять её, идею, как носящую глобально незывлемый смысл — не заблуждение, а глубокая «на все времена» ошибка.

В самом деле «пролетариат» — социальное сословие, а затем как класс в классовой теории появился

▲ Сталин И.В.

▲ Советский инженер, 1930 г.

в XIX веке. Он охватывал важную, но в количественном отношении лишь часть человеческого общества, причем в ограниченных географических рамках региона мира. Да, это была, особенно на рубеже XIX-XX веков, наиболее организованная (а вернее, способная быть наиболее организованной, т.е. относительно легко поддающаяся организационной работе) категория людей. Но помимо рабочего класса продолжали жить, существовать, трудиться во много крат превосходящие по численности группы людей. Они также уже были организованы, но по иным канонам — этническим и религиозным. Последние определяли уклад, правила, законы жизни уже во многом организованных обществ человечества, стран, народов в течение многих сотен, тысяч лет — ещё до того, как появился пролетариат. И вдруг, в одночасье, а в историческом плане — одновременно, взмахом пера К. Маркса пролетарский интернационализм стал превыше всего, построение человеческого

общества именно по его канонам должно было заменить сложившиеся веками, тысячелетиями правила жизни человечества и взаимоотношений внутри него, внося в него новые, подчас непримиримые противоречия.

Маркс, Энгельс, Ленин были атеистами вплоть до его крайней формы — воинствующего атеизма, богоборчества. И они решили, что их воззрения в одночасье овладеют всем человечеством. Попытка большевиков-ленинцев реализовать эту идею в России путём разорения и повсеместного разрушения храмов, борьба не на жизнь, а на смерть с церковнослужителями привела к огромным лишениям прежде всего русского народа, но не увенчалась успехом. Более того, негативные последствия воинствующего атеизма продолжают сказываться и в «пост-богоборческий период», о чём ещё в 1920-е годы предупреждали философы.

В значительной мере аналогичная девальвация марксизма прои-

зошла с такими субстанциями, как национальность, нация, народность. Они складывались столетиями. Веками вырабатывались присущие только данному народу уклад повседневной жизни, язык, формы общения, отношения между индивидуумами, ареал общения, взаимоотношения с окружающей средой.

Особняком находились и взаимоотношения с соседними народами — первоначально, как правило, недружественными, враждебными, постепенно переходящие в примирительные, уважительные. Особенно это было характерно для такой многонациональной страны, как Россия. Здесь к XX столетию сложились в целом невраждебные отношения к другим народам, нациям, народностям. Эти отношения, как правило, саморегулировались и одновременно поддерживались в целом достаточно разумной национальной политикой верховной власти посредством своих «специальных» представителей — царских губернаторов. Особую, весьма позитивную роль, примиря-

тельную, сближающую людей различных наций, играет такое качество народа титульной нации России, как соборность в повседневной жизни, свойственная именно русскому народу.

Фактически в одночасье эта важнейшая, как принято сейчас говорить, скрепа русского народа была заменена на пролетарский интернационализм, научно «выведенный» основоположниками коммунизма для целей свершения социалистической революции, прежде всего для овладения властью в стране рабочим классом и его передовым отрядом — партией. А затем пролетарскому интернационализму был придан примат во всех вопросах построения нового, социалистического общества во всей огромной стране России. Даже там, где о пролетариате, рабочем классе, рабочем как таковом ухом не слыхивали. Для кочевого монгольского народа, проживавшего в условиях феодализма, была обоснована «скачкообразная» форма перехода от феодального строя к социализму, минуя капиталистическую форму, где мог хотя бы в зародыше образоваться ещё не класс, а рабочие как таковые.

Ленинская национальная политика с правом наций на самоопределение была положена в основу федеративного устройства Союза ССР исходя из ошибочного представления о «примате пролетарского интернационализма» над всеми другими «скрепами»: и этническими, и религиозными.

Результаты этого русский народ испытывает на себе и по сей день. Ведь с самого начала создания СССР для формирования рабочего класса в окраинных республиках туда направлялись главным образом представители титульной нации России — русские специалисты в области образования, здравоохранения, инженерно-технический состав, агрономы и др. Своим трудом в условиях скрытого, а подчас и открытого противодействия, включая криминалитет, они, русские, учили, просвещали, создавали местную интеллигенцию, лечили, строили заводы и фабрики, новые отрасли производства, орошали, агломерировали. В результате национальные республики Союза ССР всё в большей мере приобретали черты государственности. Местной элите, нередко превращавшейся в удельные национальные княжества,

республиканские рамки становились всё более тесными, им нужен был выход не на всесоюзный, а на международный уровень.

Для удовлетворения своих амбиций они пользовались узконациональными и религиозными «скрепами», которые оказались более прочными, чем пролетарский интернационализм. Играли на сохранившихся у народов национальных и религиозных особенностях также и международные недруги, прежде всего правящие элиты западных стран, для расшатывания устоев союзного государства. Устремления местных элит к «независимости» при одновременной поддержке западников, в конце концов, увенчались их успехом. Опираясь якобы на волю народов республик, Советский Союз был разрушен.

И главным пострадавшим оказался русский народ. Десятки миллионов русских людей, направленных в окраинные республики для создания и укрепления «пролетарского интернационализма», выполнившие свою задачу, оказались без своей родины, стали лишними людьми. В «цивилизованных» странах Балтии, принятых «усеченной демократиче-

▲ Созидатели

ской Европой» в Евросоюз, русские люди лишены избирательных прав, они официально числятся «негражданами».

Нынешнее поколение русских и русскоязычных людей, проживавших до 1922 года на территории русских губерний, которые волей последователей «основоположников» научного коммунизма с образованием Союза ССР были включены в создавшуюся в декабре 1922 года Украинскую Союзную Республику, киевские власти бандеровского толка лишают права разговаривать на русском языке и даже учить его в школе. Они лишились права общаться на родном языке только потому, что тогда юго-восточные и приморские южные губернии бывшей Российской империи были «подключены» к украиноговорящим аграрным губерниям для того, чтобы укрепить «национальную» союзную республику Украину пролетариатом русскоговорящих губерний. Насильственную украини-

зацию русских и других народностей киевские власти проводят не только указами, «законами», но и прежде всего насильственно — свободно разгуливающими по всей Украине вооруженными до зубов частями, артиллерией, танками и даже боевыми самолётами. Так через 80-85 лет «аукнулись» жителям русскоязычных областей Украины «пролетарский интернационализм» и «ленинская национальная политика».

Наши последователи марксизма настолько уверовали в пришедший к нам с запада всепобеждающий, всесокрушающий «принцип пролетарского интернационализма», что в 1954 году по воле Хрущева Крым, неотъемлемая часть России ещё со времен Екатерины II, сохранённая за РСФСР в 1922 году, был отдан Украине, правда, при этом забыли «провести» город Севастополь, находившийся в федеральном подчинении столицы СССР Москвы, но, тем не менее в декабре 1991 года рос-

черком пера нетрезвый (хмельной) Президент России Б. Ельцин отдал его вместе с Крымом самостийной Украине.

Невольно возвращаясь к этим и другим проблемам, которые с кровью проходят через русского человека, задаёшься вопросом: почему же так, почему русский человек — доброжелательный, добросердечный, всегда открывающий нараспашку гостю не только дверь, но подчас и душу свою, — почему он должен страдать за «научные» изобретения «западноевропейцев», которые потом возлагают вину на него же, русского человека? И им, западноевропейцам, даже не приходит в голову простейшая мысль: нет, даже не повиниться перед русским человеком — осознать, что это они изначально виновники принесённых России, русскому народу страданий. ■

▲ Москва, 1956 г.

В.С. ШИРОНИН

КТО И КАК ГОТОВИЛ РАЗГРОМ СССР

▲ Бжезинский, Рейган, Буш и Ко

В конце 80-х и в начале 90-х годов Джордж Буш, Рональд Рейган и некоторые другие бывшие, а также нынешние представители американской администрации многократно восторгались «блестящей и окончательной «победой США в «холодной войне» против СССР. А директор ЦРУ Дж. Вулси, видимо, склонный к аллегориям, в порыве откровенности однажды заявил: «На протяжении 45 лет мы боролись с драконом — Советским Союзом и в конце концов убили его». При этом Вулси не преминул отметить, что его ведомство «готово к переменам»,

вызванным окончанием «холодной войны», и, вновь воспользовавшись метафорой, добавил: «...но мы обнаружили себя посреди джунглей, кишящих ядовитыми змеями... За множеством этих змей труднее уследить, чем за драконом, действия которого можно было предсказать. Однако и змеями можно управлять через тех людей, которые у нас есть. Риск возникновения катастрофы (например, ядерной) не так уж велик. Поведение многих лидеров предсказуемо сейчас в большей степени, чем раньше».

В истории человечества уже были примеры, когда предпринимались

действия по подавлению морального духа населения страны — объекта предполагаемой открытой или скрытой агрессии. Но сами понятия «психологическая» и «холодная» война сложились лишь во второй половине XX века, когда «призрак коммунизма» уже не бродил по Европе, а стал реальностью, чрезвычайно опасной для Запада. Как не переставляй слабые истории, а основной-то удар по нацизму нанес «коммунистический» СССР, объединивший в своем составе более 150 наций и народов.

Огромное значение «психологической» войны хорошо осознавали

Широнин Вячеслав Сергеевич родился в 1939 году, генерал-майор, один из ведущих работников органов государственной безопасности. Начальник одного из аналитических центров КГБ СССР (Управление А), заместитель начальника советской контрразведки, старший консультант при главах ведомства госбезопасности (Федорчук, Чебриков и др.). Принимал участие в событиях в Закавказье, Афганистане, Прибалтике, Средней Азии (1990-1991 гг.). Автор работ, посвященных деятельности КГБ, ЦРУ, анализу «перестройки», причинам распада СССР.

еще в глубокой древности. Почти 2500 лет назад китайский полководец и философ Сунь Цзы писал по этому поводу: «Разлагайте все хорошее, что имеется в стране вашего противника. Вовлекайте видных представителей вашего противника в преступные предприятия. Подрывайте их престиж и выставляйте в нужный момент на позор общественности. Используйте сотрудничество также самых подлых и гнусных людей. Разжигайте ссоры и столкновения среди граждан вражеской страны. Подстрекайте молодежь против стариков. Мешайте всеми средствами деятельности правительства... Будьте щедры на предложения и подарки для покупки информации и сообщников. Вообще не экономьте ни на деньгах, ни на обещаниях, так как они приносят богатые дивиденды».

Если вдуматься, эти слова, написанные два с половиной тысячелетия назад, сегодня необычайно злободневны, они служат чуть ли не инструкцией для спецслужб, свидетельствуя о том, насколько незыблемы основы «психологической» войны.

И анализируя современную подрывную практику ЦРУ США, нетрудно обнаружить, что девиз китайского полководца и философа полностью соответствует деятельности этого разведывательного сообщества против России. А признание Дж. Вулси о том, что по окончании «холодной

войны» ЦРУ хорошо подготовилось к работе в «джунглях», включая и приручение «змей» через своих «людей», весьма примечательно и выглядит неожиданно откровенно.

Несомненно, это ведомство для достижения поставленных целей верно и полно использовало не только новейшие достижения современной науки и техники, но и соб-

ственный опыт, опыт других народов, опыт древности. Надо также признать, что Дж. Вулси прекрасно освоил не только древнюю инструкцию китайского полководца, но и заповеди основателя и первого руководителя Центрального Разведывательного Управления Алена Даллеса, который, в частности, внушал своим офицерам: «Посеяв там (в Советском Сою-

▲ Сунь Цзы

▲ Вулси Джеймс, ЦРУ

▲ Даллес Аллен

зе) хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить. Как?

Мы найдем единомышленников... Найдем союзников и помощников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания...

Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать культ секса, насилия, садизма, предательства, — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху...

Мы будем незаметно, но активно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель...

Честность и порядочность будут осмеиваться и превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззащитность, предательств-

во, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом...»

Я хорошо помню свое смятение, когда ознакомился с этой инструкцией руководителя ЦРУ, датированной концом сороковых годов. Было это в 1968 году, когда после трех лет службы в одном из районных отделов КГБ Московской области мне предложили работу в центральном аппарате и поручили заниматься организацией контрпропагандистских мероприятий против идеологических диверсий. При этом, конечно, учитывалась моя журналистская подготовка.

Цели идеологических диверсантов мне поначалу казались надуманными, нереальными. Разве можно заставить кого-то поверить в «фальшивые ценности»? Неужели найдутся в России «союзники и помощники» в этом? Реально ли внедрить «вражду и ненависть к русскому народу», возглавившему борьбу против фашизма и спасшего от «коричневой войны» человечество? Действительно ли столь опасен национализм? И мож-

но ли «культивировать» все эти «ценности» незаметно?

Но по мере знакомства с фактами и документами западных спецслужб эти вопросы отпадали. Я все больше убеждался, что Аллен Даллес, когда излагал свою программу, опирался на конкретные научные разработки и секретные инструкции, утвержденные на правительственном уровне. Основной и массивный удар он направлял против социалистической идеологии. А для достижения поставленных целей, как полагали американские специалисты, необходимо было прежде всего разрушить в умах советских людей так называемый «комплекс Ленина». Атаке на него предшествовал ряд специальных научных проектов, щедро финансируемых ЦРУ США. Один из таких самых засекреченных спецпроектов носил название «Гарвардский» и осуществлялся в Мюнхене. О нем стало известно почти столетия спустя. С.П. Новиков, профессор Стратфордского университета, составил его довольно подробное описание.

Об этом Гарвардском проекте известно, что в нем содержится обширное психологическое исследование новой эмиграции из СССР,

▲ ЦРУ

так сказать, гомо советикус, что над ним работали лучшие американские советологи, что на этот проект было ассигновано несколько миллионов долларов и что он был подготовлен в 1949-57 годах в основном в Мюнхене. В процессе работы над этим проектом сотни советских беженцев подверглись специальным психологическим исследованиям. Для этого использовались так называемые Роршах-тесты, тесты с чернильными пятнами, тесты с незаконченными предложениями, вплоть до интимнейших интервью на сексуальные темы, где каждое слово записывалось на магнитофон. А также другие тесты, где с помощью психоанализа выясняли различные щекотливые психологические комплексы. Одним из таких комплексов, как обнаружили эксперты-гарвардцы, был какой-то таинственный «комплекс Ленина».

Как писала американская пресса (в том числе «Новое Русское Слово»), в подготовке Гарвардского проекта главную роль играл профессор Натан Лейтес, автор книги «Московские процессы 1935-37 годов». Составители проекта использовали материалы тех самых «процессов, которые по-

головно уничтожили всю ленинскую гвардию, называя ее борцов бешеными собаками».

Пресса тоже указывала, что Гарвардский проект базируется на таинственном «комплексе Ленина». Кстати, небезынтересно отметить, что в кругах русской эмиграции Гарвардский проект почему-то пользовался весьма дурной славой.

Некоторые, качая головами, сокрушались: «Эх, хотят спасти матушку Россию от большевиков при помощи троцкистов и меньшевиков!» А остряки шутили: «Ведь русские эмигранты давно твердят: «Против большевиков — хоть с дьяволом!»

Ну, практичные американцы и решили взять себе в союзники этого самого дьявола». Именно о таких настроениях в первой волне русской эмиграции сообщала наша разведка. Если же говорить всерьез, то, судя по всем данным, в Гарвардском проекте были изложены научные планы и соображения о подготовке соответствующих кадров для начинавшейся в то время психологической войны между Западом и Востоком. Этот проект как бы стал ее отправной точкой.

Кроме того, информация о нем позволяет сделать вывод, что именно этот проект явился началом антиленинианы — своего рода философии мещанства, приобретшей в России 80-х годов чуть ли не государственный статус, когда многие средства массовой информации стали поощрять разрушение памятников вождю Октября, уничтожение его собраний сочинений. Антилениниана заполнила прессу, радио, телевидение и кино. Разного рода «энтузиасты» от журналистики, литературы, искусства и науки с мазохистским удовольствием бросились низвергать своего бывшего кумира. Другие, мнящие себя государственными мужами, в спешном порядке начали разрабатывать правительственные решения о закрытии Мавзолея, ленинских музеев. Наконец, был поднят вопрос о том, чтобы предать земле останки Ленина. Об этом едва ли не первым заявил «искусствовед в штатском» от Агитпропа ЦК КПСС литературный критик Юрий Карякин, который многие годы тесно сотрудничал с отделом агитации и пропаганды ЦК и был подручным Александра Яковлева.

Конечно, немедленно подключился к теме о захоронении Ленина и Собчак, известный своей беспринципностью.

С методологической точки зрения Гарвардский проект, зачатие которого произошло около 40 лет назад, сработал безукоризненно. Его пик пришелся на те годы, когда в жизнь вступали новые поколения советских людей, не располагавших достоверной информацией о вожде Октябрьской революции. Заведомые фальшивки о «немецком золоте», «пломбированных» немецких вагонах и «платных агентах» в соответствии с замыслами Аллена Даллеса стали как бы «запретным плодом», который был сладок для уха многих людей.

Программа-минимум Гарвардского проекта состояла в том, чтобы внушить новым поколениям сомнения в ленинизме, который является-де «ошибкой истории», временным, ненормальным и непрочным общественным состоянием части человечества. Внушить, что рано или поздно с ним будет покончено («СССР — империя зла!»).

Программа-максимум включала в себя еще более широкие цели. Она ставила задачу разрушения любви к Родине. Патриотизм она жаждала заменить так называемыми «общечеловеческими ценностями».

Небезынтересно вспомнить, как «шел этот процесс» в нашей стране.

Первоначально в полном соответствии с программой минимум Гарвардского проекта нам был навязан лозунг так называемой деидеологизации.

Она буйным цветом разрослась на хорошо взрыхленной почве антиленинианы. Все возможности Запада, начиная с заявлений первых государственных лиц, многочисленных советников, политологов и заканчивая шумными целенаправленными передачами радиоголосов, подключились к «деидеологической кампании», одобряли ее, поддерживали и стимулировали материально.

Деидеологизация методично вносила хаос в партийную работу, особенно в первичных парторгани-

зациях государственных учреждений, армейских подразделений. Ее стержнем стал постоянный поиск врагов в лице партocrats, аппаратчиков и «консерваторов»...

Я неспроста говорю о так называемой деидеологизации. В действительности, никакой деидеологизации не было, а под этим лозунгом происходила замена одной идеологии на другую, — социалистической на капиталистическую.

Это вообще было одной из самых характерных черт перестройки — извращались термины и понятия, махровая демагогия служила прикрытием для разрушения великой державы. Для меня не составляло секрета, что эта дымовая завеса демагогии, созданная с помощью СМИ, является одним из тайных приемов зарубежных спецслужб. Анализируя поступавшие ко мне служебные материалы, я отчетливо видел, что, пожалуй, самым главным сеятелем вражды между советскими людьми, искусственно поделенными на «прогрессистов» и «консерваторов», был член Политбюро Яковлев, который буквально науськивал прессу на неугодных ему политических деятелей, в частности, создав грандиозный скандал вокруг письма Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами». Но в то же время именно

Яковлев без конца давал интервью, в которых провозглашал себя главным миротворцем и призывал не заниматься «поисками врагов». Этот прием, повторяю, просматривался очень отчетливо и не оставлял сомнений в том, что дымовая завеса демагогии была чьим-то политическим заказом, точнее, одним из методов борьбы против советского строя.

«Гарвардский спецпроект» каждый год дополнялся новыми научными разработками. Однако вскоре проявилось, что для них была характерна одна четко просматривавшаяся линия — разжигание в СССР национализма и вражды народов. В этой связи необходимо вспомнить главного антисоветчика Запада Збигнева Бжезинского. Я читал практически все его труды и должен признать, что это, пожалуй, один из умнейших и коварнейших врагов нашей страны. Здесь я хочу вновь сделать оговорку и подчеркнуть, что, в отличие от многих других аналитиков, вовсе не случайно называю Бжезинского врагом нашей страны, а не врагом коммунизма, каким он казался на первый взгляд. Борьба с коммунизмом для Бжезинского была лишь своего рода прикрытием, лишь этапом его деятельности, нацеленной на разрушение России как таковой. Создав себе имидж борца против коммунистиче-

▲ Могильщики государства

ской идеологии, Бжезинский на самом деле решал не идеологическую, а геополитическую задачу, стремясь «убрать с глобуса» сначала Советский Союз, а затем и Россию, — независимо от того, какой она будет, социалистической или капиталистической. Сегодня, когда Бжезинский окончательно сбросил свою антикоммунистическую маску и открыто говорит о дальнейшем расчленении России, мои давние предположения о его истинным замыслах и намерениях полностью подтвердились.

В начале 80-х годов Бжезинский представил американскому госдепартаменту «План игры. Геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР». «Данный доклад, — указывал он в сопроводительном письме, — не является просто еще одним аргументом о пороках советской системы, это практическое руководство к действию». Целесо-

образно остановиться более подробно на суждениях Бжезинского, поскольку совершенно очевидно, что, в отличие от нынешних российских правителей, он скрупулезно проанализировал русскую историю, в том числе «печальный» опыт масонов, входивших в Учредительное собрание и не сумевших привести в действие некую программу, направленную на расчленение России. Бжезинский, разделяя и поддерживая эту цель, писал:

«Децентрализовать империю (советскую) значит вызвать ее распад... любая значительная децентрализация — даже исключительно в экономической сфере — усилит потенциальные сепаратистские настроения среди граждан Советского Союза нерусской национальности. Экономическая децентрализация будет неизбежно означать политическую децентрализацию».

Вот так определял стратегические цели борьбы между США и СССР член совета политического планирования американского госдепартамента Збигнев Бжезинский.

На чем же он строил свои выводы и расчеты? Прежде всего на демографических тенденциях, которые показывали ослабление главенствующей роли великоросов. В семидесятых годах статистика свидетельствовала, что русские перестали составлять большинство советского народа. Дальнейшее уменьшение доли русских неизбежно, — считал Бжезинский. В 1980 г. среди восемнадцатилетних в СССР было 48% русских, 19% других славян, 13% мусульман, 19% — «прочих». По его прогнозам на 1990 год русские составят 43%, другие славяне — 18%, мусульмане — 20%, прочие — 19%. По заключению Бжезинского, в долгосрочном плане политические

▲ Збигнев Бжезинский

▲ Радио «Свободная Европа»

амбиции нерусских народов будут представлять собой «ахиллесову пяту» Советского Союза. Потому, — рекомендовал он уже в тот период, — с течением времени надо сделать нерусские народы политически более активными и всячески поощрять это из-за рубежа. И, честно говоря, можно лишь поражаться способности этого аналитика предвидеть будущие события. Хотя надо учесть, что события шли не по воле рока, а под очень сильным влиянием американской политики «психологической» войны, разработанной на основе рекомендаций Збигнева Бжезинского, фанатично ненавидящего Россию.

Хочу еще заметить, что Бжезинский в своих расчетах пользовался советскими данными, взятыми из опубликованных результатов переписи населения. Наши же специалисты, а особенно политики, к сожалению, не предприняли необходимых мер для того, чтобы нейтрализовать эти новые явления в жизни общества. А может быть, и не захотели предпринимать для этого нужные меры...

«Где в действительности можно провести разграничительную линию

между великоросами и другими нациями, учитывая, что в последние десятилетия происходило интенсивное смешение наций?» — задал однажды вопрос Совету политического планирования Государственного департамента США Бжезинский. И сам ответил на него, прямо указав те регионы СССР, которые станут ареной предстоящих национальных конфликтов: «Реальные конфликты прежде всего могут разразиться в Прибалтийских республиках, густо заселенных непрошенными великороссами, в близких России в культурном отношении Белоруссии и на Украине, и особенно на Кавказе и в Среднеазиатских республиках».

Но к подробному анализу событий в этих регионах мы обратимся позже. А сейчас хочу акцентировать внимание читателей еще на нескольких ключевых аспектах «психологической войны». Ее цели были настолько глобальны, что для их реализации нужен мощнейший и дорогостоящий механизм, на создание которого потребовались годы.

Особо замечу в этой связи, что в отдельную, категорию необходимо выделить тех работников спецслужб,

кто специализировался на подготовке и осуществлении подрывных акций «психологической войны». В различных публикациях, в том числе и научных трудах, они получили название идеологических диверсантов, что очень точно и объективно отражает суть их деятельности. В документах разведслужб США перед такими подразделениями были конкретно поставлены стратегические задачи, спланированные на длительный период и дающие результат лишь по истечении определенного срока.

Если в стратегическом отношении «психологическая война» ставит своей целью формирование «нужного» общественного мнения в различной социальной среде, то тактически она предполагает использование благоприятных политических ситуаций, провокаций, а то и прямых психологических диверсий. Такого рода пропагандистские акции провоцируют напряженное настроение у населения, порождая в людях чувство неуверенности, тревоги, а также дают пищу для недоверия к руководителям страны. В этом общем смысле «психологическая война» есть не что

иное, как постоянное, провокационное, крикливое, фальсифицирующее события психологическое давление на общественное мнение.

В Соединенных Штатах «психологическая война» против СССР, как явствует из приведенных документов, была возведена в ранг государственной политики. Приведу еще ряд фактов. В 1948 году Совет национальной безопасности США, наряду с эскалацией военных приготовлений, рекомендовал предпринять «огромные пропагандистские усилия» против СССР. Планированием зарубежной пропаганды стал заниматься специальный орган — «Аппарат по связям с общественностью за рубежом». Из государственного бюджета ему было выделено в 1949 году 31,2 млн. долларов, в 1950-м — 47,3 млн. Деньги по тем временам огромнейшие.

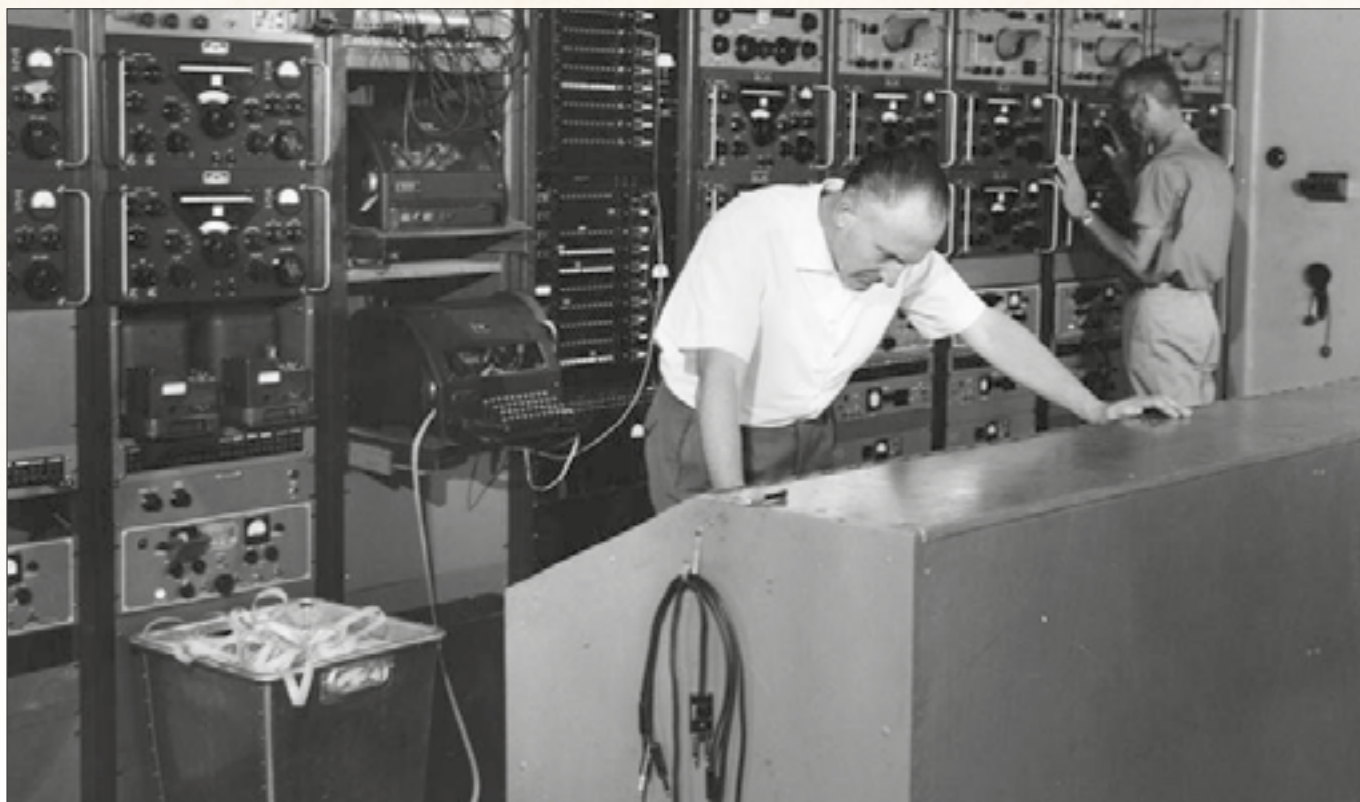
Уже из этих цифр явствует, что американские стратегии рассматривали подрывную пропаганду как одно из главных средств на пути к поставленной цели — к новому мировому порядку. Действовали они

методично, солидно и расчетливо. «Рыцари» холодной войны накапливали силы, разрабатывали тактику, создавали мощнейшие наступательные плацдармы.

В 1949 году в США был образован национальный комитет «Свободная Европа» с собственной радиостанцией. В состав комитета вошли тогдашний директор ЦРУ Аллен Даллес, будущий президент Дуайт Эйзенхауер, некоторые американские послы, банкиры. И уже сам по себе этот список, который возглавил Аллен Даллес, свидетельствует о целях, задачах и методах работы «Свободной Европы». Так, политический советник комитета О.Джексон (позднее помощник президента Эйзенхауера по вопросам «психологической войны»), выступая перед сотрудниками радиостанции «Свободная Европа» (РСЕ) в ноябре 1951 года вполне откровенно заявил: «РСЕ — это служба психологической войны. Наша организация учреждена для провоцирования внутренних беспорядков в странах, на которые мы ведем ве-

щание. Военное вмешательство вообще имеет смысл только в том случае, если народам интересующих нас стран будет привит импульс к вооруженным действиям внутри страны». Вот так мыслили «отцы-основатели» радио «Свобода», и стоит ли перекрашивать собаку в енота, твердя сегодня о «независимости» и «непредвзятости» РСЕ?

Следует также отметить, что именно к тому времени относится и уточнение видов пропаганды, используемых в «психологической войне» такими видными ее теоретиками, как У. Росту, Д. Балл, Р. Арон и все тот же З. Бжезинский. Виды пропаганды классифицировались так: «белая пропаганда» — это официальная пропаганда, явная и открытая, когда всем известно, кто ее проводит и на кого она рассчитана; «серая пропаганда» — это пропаганда, когда не уточняется источник информации и ее адресат и делается ссылка на якобы широкую известность приводимых фактов; «черная пропаганда» — это распространение

▲ Радио «Свобода», Мюнхен

▲ Радио «Свобода», аппаратная

различного рода сообщений тщательно замаскированным образом; «черная пропаганда» никогда не выдает своих источников, она всегда утверждает, что распространяемые ею материалы получены «с вражеской территории или с прилегающих к ней районов... и что они переданы бунтарскими элементами из самого логова врага». (Хотя, само собой разумеется, эта информация может быть просто выдумана, высосана из пальца или целенаправленно сконструирована спецслужбами).

Механизм «психологической войны» формировался весьма спешно. В послевоенный период в ведущих капиталистических странах — США, ФРГ, Великобритании, Франции — начался активный процесс создания разного рода научно-исследовательских центров по проблемам коммунизма. К началу 80-х годов научным обоснованием антикоммунистической стратегии там занимались уже свыше 400 различных центров. Только в Соединенных Штатах Америки изучением СССР были заняты 170 университетов и исследовательских центров.

Свыше 50 университетов и 20 русских центров делали это на постоянной основе, 200 университетских

кафедр до сих пор специализируются в различных областях антикоммунизма.

В этих центрах были выращены опытейшие советологи, кремленологи и прочие рыцари антикоммунизма, обогатившие свою «науку» множеством различных «концепций». Вспомнить хотя бы широко известную теорию конвергенции, одним из создателей которой стал французский социолог и публицист Раймон Арон. Впервые с изложением своих взглядов он выступил на конференции советологов в Оксфорде в июне 1957 года.

Рациональное зерно доктрины сводилось к тому, что вооруженный силой социализм одолеть не удастся, и поэтому надо действовать «тихой сапой». Социализм, мол, не так уж плох, он даже хорош, более того, он похож на... капитализм. Будем же твердить о «мирном сближении» капитализма с социализмом, обуржуазивать социализм, подталкивать его к братанию с капитализмом, способствуя постепенному перерождению социалистических взглядов и настроений. Вот так, путем эволюции и разрушим, «конвергируем» социализм.

Тот же Р. Арон разработал так называемую концепцию власти.

Она гласила, что «рабочий класс, как таковой, не в состоянии осуществить власть ни в Советской России, ни в США, он работает на заводах, а не управляет государством».

Практичные специалисты из ЦРУ набрали в эти исследовательские центры и в организации, на которые возлагалась непосредственная подрывная работа, немало бывших идеологов фашизма и агентуру гитлеровских спецслужб из числа выходцев из России, а также некоторых других стран Европы.

Характерной в этом отношении является история Народно-трудового союза (НТС).

Мне пришлось обобщать огромное количество документов под условной рубрикой «Из истории антисоветских центров и организаций». И поразил такой факт — американцы, наши бывшие союзники по борьбе с фашизмом, в «холодной войне» против СССР взяли на вооружение именно приемы и методы бывшего общего противника, пригласили на работу именно недобитых фашистов.

Американские спецслужбы, захватив агентурную картотеку немцев, активно ею воспользовались...

Летом 1930 года в Белграде русская реакционная эмиграция создала

▲ АНБ США

съезд представителей так называемых союзов русской молодежи, где решено было объединить их в единую организацию, — Национальный союз нового поколения (НСНП) для борьбы за свержение Советской власти и создание «независимого российского национального государства». Впоследствии НСНП был переименован в Национально-трудовой союз нового поколения (НТ-СНП), а в 1957 году организация стала называться Народно-трудовой союз российских солидаристов (НТС). К началу Второй мировой войны отделы НТС в большинстве стран Европы и в США установили широкие связи с польской, японской, румынской, французской и германской разведками. И не случайно после окончания войны западные оккупационные части в Германии, в нарушение приговоров Нюрнбергского военного трибунала, сделали все для того, чтобы спасти от наказания гитлеровских пособников из НТС. Главарей НТС не выдали советскому правосудию. Они были нужны, чтобы вновь вредить нашей стране.

Как следует из документальных материалов английской разведки Интеллидженс сервис и ЦРУ США на одном из совместных совещаний экспертов этих спецслужб были рассмотрены вопросы, связанные с распределением между ними агентуры из числа членов НТС и о взаимной помощи в использовании энтэсовцев

против Советского Союза. Было уделено большое внимание и проблеме обмена разведывательной информацией. Содержание протоколов этого совещания показывает, что «раздел имущества» состоялся в пользу американцев: они присвоили себе львиную долю «возможностей» НТС.

Американская разведка взяла на себя работу с агентурой из энтэсовцев, проживавших в ФРГ, Франции, Голландии, Дании, Швеции и Австрии, а английская — на территории Англии, в странах Британского содружества и некоторых государствах Юго-Восточной Азии. Здесь Интеллидженс сервис, в свою очередь, обязалась предоставлять американцам конспиративные квартиры, передавать средства тайнописи, которыми пользовались агенты, оказывать содействие ЦРУ в использовании НТС. А на территории Западного Берлина работники НТС могли обращаться и к американским и к английским официальным властям, которые были обязаны оказывать им «всяческую помощь». В результате такого распределения «сфер влияния» и полномочий за несколько лет руководители ЦРУ модифицировали структуру и деятельность НТС в рамках системы антисоветских организаций. Члены НТС стали выполнять как разведывательные задачи, так и операции в области идеологических диверсий...

Теоретики «холодной войны» очень быстро сообразили, что самым мощным ее оружием может стать радио. Уже в те годы в европейских странах счет радиоприемников у населения шел на миллионы. СССР также не был исключением — в городах один приемник приходился примерно на каждые четыре человека. Таким образом, радио располагало огромными возможностями эффективного (по массовому охвату аудитории) пропагандистского воздействия.

В изданном в США «Учебнике пропаганды» даже было записано следующее: «Радио можно сравнить с нахальным агентом по сбыту товаров, стремящимся просунуть ногу в дверь, чтобы ее не захлопнули».

Ведущая роль организатора и координатора «белой пропаганды» в «холодной войне» была возложена на «Голос Америки», который даже обзавелся на этот счет собственной инструкцией, сродни военной. Для подтверждения такого подобию можно привести одну цитату из той инструкции: «Наш материал должен быть всегда целенаправленным. Мы не занимаемся бизнесом новостей, искусства, литературы... Наша продукция должна на деле служить основой для выводов в поддержку нашей политики и наших целей»...

После возвращения из служебной командировки в Афганистан меня назначили на должность заместителя

начальника отдела 5 Управления КГБ, занимавшегося оперативной разработкой НТС, а также радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода», которые являлись главными рупорами «черной» и «серой» пропаганды на Советский Союз и страны социалистического содружества.

Контрразведывательная работа на этих участках чекистской деятельности была поставлена на прекрасном профессиональном уровне. Агентура КГБ была внедрена непосредственно в самые тайные подразделения этих подрывных центров. Более того, в них было внедрено несколько кадровых офицеров разведок ГДР, ЧССР и ПНР. Поэтому копии секретных инструкций ЦРУ США, финансировавшего эти центры, регулярно поступали в 5-е Управление, главной задачей которого была борьба с идеологическими диверсиями спецслужб Запада против СССР.

Конечно, деятельность радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода» нуждаются в особом анализе. С самого начала «холодной войны» руководители пропагандистского аппарата США начали вынашивать идею создания именно таких организаций, которые могли бы вести подрывную радиопропаганду на зарубежные страны, формально не нанося в то же время ущерба репутации Соединенных Штатов. Эта идея и легла в основу принятого конгрессом США в январе 1948 года «Закона Смита-Мундта», в котором речь шла о дополнении официальной, «белой» пропаганды, ведущейся государственными организациями, «серой» и «черной» пропагандой, идущей через сеть «частных» организаций и учреждений.

Генерал Льюшес Клей, занимавший тогда пост главнокомандующего американскими оккупационными войсками в Западной Германии, односторонне заявил по этому поводу:

«Нам нужен другой голос — голос, возможно, в меньшей степени регулируемый самим статусом государства и, если хотите, жестокий и разящий насмерть, голос... ведущий безжалостную, ничем не сдерживаемую психологическую войну,

направленную на явно признаваемую цель — свержение коммунистического режима». Клея поддержал другой генерал — Дуайт Эйзенхауэр, выдвинувший лозунг о создании «мощных радиостанций за рубежом, функционирующих без правительственных ограничений».

Как нетрудно понять, и в данном случае десятилетиями тщательно скрывавшиеся от общественности заветы «отцов-основателей» радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» проливают очень яркий свет на их деятельность и делают попросту смешными все потуги наших доморощенных «демократов» представить РС и РСЕ «независимыми, объективными» средствами массовой информации.

Из документальных материалов наглядно видно и то, как, начиная с 1948 года, под руководством госдепартамента США и ЦРУ создается множество различных «частных» комитетов и организаций, нацеленных на подрывную деятельность против СССР, в том числе, как уже упоминалось, «Национальный комитет Свободной Европы» со своей радиостанцией.

Свои передачи эта радиостанция начала 4 июля 1950 года с территории ФРГ. В то время особенно огромных масштабов достигла деятельность РСЕ против народной Польши: в Мюнхене была образована специальная «польская редакция», включавшая 80 сотрудников во главе с графом З. Михалковским. Филиалы «польской редакции» создали также в Бонне, Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Риме, Стокгольме, Западном Берлине, Брюсселе, Афинах. «Нахальные агенты» РСЕ десятилетиями «просовывали ноги» во все польские двери. А с августа 1980 года все филиалы и сама «польская редакция» начали вести подрывные передачи на Польшу круглосуточно. Именно они направляли активность антикоммунистических сил в Польше.

Приведу на этот счет лишь один пример.

Задолго до событий лета 1980 года РСЕ, ссылаясь на якобы распространяемые в Варшаве ли-

стовки, передало инструкцию из 32 пунктов, в которой содержались указания по созданию «подпольного фронта общественного сопротивления». Инструкция подробно объясняла, как надо создавать «группы сопротивления» и информационную сеть, разъясняла способы нелегального распространения листовок и других печатных материалов. Учитывались даже мелкие частности, например, РСЕ подстрекательно инструктировала контрреволюционеров «надеть... рюкзаки». Это, дескать, «крик моды». Но в действительности к моде этот призыв никакого отношения не имел. Дело в том, уточнял рупор ЦРУ из Мюнхена, что в рюкзаках «легче скрыть от властей» листовки. Вот так и возник, писала в январе 1982 года газета «Вядомости щецинские», «призыв к польскому населению запастись рюкзаками для их переноски».

Член палаты представителей Конгресса США, входивший в подкомитет по разведке, Генри Хайд впоследствии так свидетельствовал о тех подрывных действиях ЦРУ: «...в Польше мы делали все, что делается в странах, где мы хотим дестабилизировать коммунистическое правительство и усилить сопротивление против него. Мы осуществляли снабжение и оказывали техническую поддержку в виде нелегальных газет, радиопередач, пропаганды, денег, инструкций по созданию организационных структур и других советов. Действиями из Польши, направленными вовне, было инспирировано аналогичное сопротивление в других коммунистических странах Европы».

И снова, в который уже раз, из таких высказываний о «третьих» странах отчетливо прорастают аналогии с теми подрывными методами, какие ЦРУ использовало против СССР. А ведь находятся сегодня люди, которые все еще пытаются отрицать колоссальную дестабилизирующую роль американских спецслужб.

РСЕ в полном соответствии с режиссурой ЦРУ и, как выяснилось позднее, на деньги, выделенные президентом США Рейганом, усердно вела «черную пропаганду»

▲ Лэнгли, ЦРУ

на Польшу. Аналогичной деятельностью занимался и «Американский комитет освобождения», также созданный под вывеской «частного общества», носившего антикоммунистический характер. Он был основан в 1951 году и вначале назывался «Центром координации и борьбы с большевизмом». В его состав входили два самостоятельных органа: «Институт по изучению СССР» и радиостанция «Освобождение», деятельность которых была с первых дней направлена исключительно против Советского Союза.

Первая программа на русском языке радио «Освобождение», вскоре получившее название радио «Свобода», вышла в эфир 1 марта 1953 года. А через несколько дней начались передачи сразу на многих языках СССР. При этом следует учесть, что «Свобода» с самого начала была задумана как опорный пункт американской разведки в Европе, как европейский центр координации деятельности антисоветских эмигрантских организации.

Радиостанция функционирует на деньги ЦРУ, а с 1972 года открыто финансируется в соответствии с бюджетными ассигнованиями, выделяемыми американским конгрессом.

Характерной деталью, свидетельствующей о том, что аппарат радиостанции практически входит в штат разведывательного сообщества США, является расписка, которую дают все сотрудники «РС» Вот ее текст:

«Нижеподписавшийся доставлен в известность о том, что радиостанция «Свобода» создана ЦРУ и функционирует на его средства. За приглашение этих данных виновные будут подвергаться штрафу до 10000 долларов и тюремному заключению сроком до 10 лет».

«Черная пропаганда» радиостанции «Свобода», питающейся из одного и того же источника — Центрального разведывательного управления США, — мало чем отличается от подрывных пропагандистских кампаний «Свободной Европы».

Кстати говоря, за многими их радиопередачами стояли бывшие пропагандисты Вермахта, предавшие свою родину еще в военные годы, нашедшие кусок хлеба у новых хозяев. О том, как они «делали» пропаганду, неоднократно рассказывали советские разведчики, внедренные на РСЕ. И, конечно, не только разведчики...

В России на даче «Зверино» под Ленинградом эти передачи часто

слушал бывший коллега мюнхенцев бывший редактор газеты РОА (власовской «Российской освободительной Армии»), «На дальнем посту» Леонид Самутин, который стал широко известен тем, что в 70-е годы хранил у себя один из экземпляров рукописи А. И. Солженицына «Архипелаг Гулаг». Мне часто приходилось общаться с ним и советоваться по контрпропагандистским делам. И я всегда с благодарностью вспоминаю те искренние беседы. Самутин глубоко переживает за судьбу России и остался ее патриотом. В своих воспоминаниях он пишет: «Власов — бывший командующий РОА и люди его окружения были деятелями довольно среднего ума. Но будь они даже семи пядей во лбу, получи они абсолютную свободу действий от немцев, материальные возможности и годы времени на раздумье, все равно они не смогли бы выработать никаких идеологических основ, никакой положительной программы, так как не знали интересов народа, не имели общих с ним идеалов и надежд. Поэтому вся наша пропаганда носила, так сказать, прикладной характер. Еще раз «пугануть» солдат страшной судьбой, которая ожидает их на родине в случае поражения немцев, еще раз воздейство-

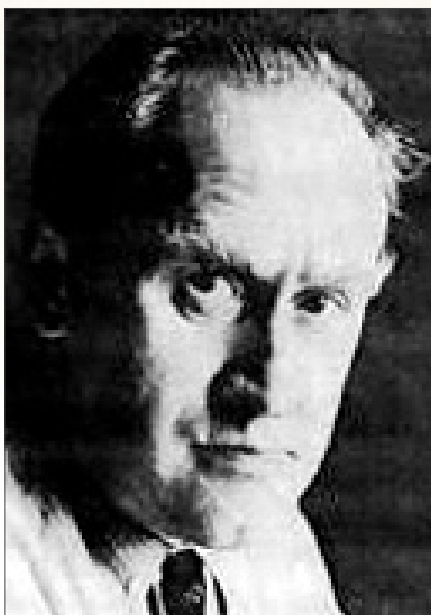
вать на их совесть очередным рассказом об ужасах «советских застенков» и т.п. Ну, а что же будет дальше, если сбудутся даже самые розовые мечты? Этого не знал никто».

Таковую же картину, — считал Самутин, — мы наблюдаем у современных «диссидентов». То они говорят о некоем «улучшенном социализме», то бросаются в крайность «утопической технократии». А больше всего в ходу примитивная мещанская мечта «чтобы было хорошо и чтобы не было плохо». «В моей пропаганде, — продолжал он, — бывали и «советы без коммунистов», и другие эсеровские лозунги, и «частная собственность, но с ограничениями», и многое иное. Все это мелькало и забывалось, и никто к этому всерьез не относился. Мы со вздохом признавались сами себе, что это «временная замена» настоящих политических лозунгов до лучших времен, когда они появятся.

Откуда? Чьим интересам они будут служить? — эти вопросы мы старались себе не задавать.

И точно так же, как нынешние «диссиденты», мы хватались за спасательный круг «деидеологизации». Все беды от идейности... Нужно жить и мыслить «по-простому». Для народа хватит десяти библейских заповедей.

Никаких марксизмов и политэкономий — все напасти от них!

▲ Самутин Леонид, власовец

Отражали ли наши рассуждения и сочинения настроения солдатской и офицерской массы? Конечно, нет. Сейчас я уже не боюсь себе признаться, что большинство личного состава наших батальонов, имея они такую возможность, просто перешло бы на сторону Красной Армии. «Обратная связь», пользуясь нынешними термином, полностью отсутствовала. Никаких «военкоров» в нашей газете не было, и лишь изредка публиковались составленные в редакции «читательские письма».

Далее Самутин пишет: «Об уровне нашей пропаганды свидетельствует, пожалуй, ее наивысший «успех». В архиве эмигранта Вахтина в Копенгагене я обнаружил подшивку из 17 номеров «Кронштадтской правды» — газеты кронштадского мятежа 1921 года. Из этих материалов я составил лучшую подборку и выпустил специальный номер, посвященный годовщине мятежа в марте 1944 года. Красная нить подборки — наше дело переключается с борьбой кронштадцев, мы продолжаем начатую ими линию: Советская власть без большевиков и евреев!

Подборка получила признание. Центральная власовская газета перепечатала ее целиком, публикации в сокращенном виде появились в немецких изданиях. Я получил медаль «За заслуги». «Кронштадт» был, пожалуй, единственным образцом для подражания, о котором нам разрешили написать. Все «исторические партии» — эсеры, меньшевики, кадеты, даже октябристы — считались ущербными. Каждая из них несла, мол, свою долю вины за то, что случилось с Россией. Как я уже сказал, — продолжает Самутин, — многое для нашей «пропагандистской работы» мы заимствовали из опыта антисоветской работы, накопившегося к тому времени и у немцев, и у примыкавших к ним идейно слоев белой эмиграции. Точно также теперь повторяют наши «идеи», «материалы», «данные», почти сорок лет спустя «голоса» и «волны», не говоря уже о «свободах». Нетрудно проследить преемственность даже в методах.

Немецкие планы порабощения и уничтожения России, о которых нам

доводилось слышать, казались нам нелепыми выдумками. Абсурдность и неосуществимость их была нам (в частности, мне) настолько очевидна, что никто из нас не мог допустить, чтобы люди, способные здраво мыслить, могли вынашивать такие планы. Немцы казались людьми, может быть, не всегда такими, как нам хотелось бы их видеть, но — мыслящими здраво и реально. Мы приняли тогда желаемое за действительное и с помощью немцев сами себе создали миф о том, что можно победить большевизм в России, не побеждая самой России, и поверили в этот миф, и пошли служить ему. А реальная действительность оказалась жестокой — мы пошли служить немцам...»

Вот к таким горестным заключениям пришел Леонид Самутин. Слушая радио «Свобода», он воспринимал передачи как бывалый антисоветский пропагандист, но, видимо, не предполагал, что в послевоенные годы роль «РС-РСЕ» в западном разведывательном сообществе еще больше усилилась и поднялась на новую, более качественную и зловещую ступень.

Еще в 1986 году тогдашний первый заместитель Председателя КГБ СССР Ф. Д. Бобков в статье под знаменательным названием «Политическая бдительность», опубликованной в журнале «Политическое самообразование», предупреждал: «Структура «РС-РСЕ» включает национальные редакции, которые ориентированы на проведение подрывной деятельности в различных районах Советского Союза. «РС-РСЕ» является также важным центром политической разведки против СССР. Деятельность руководства этой радиостанции направлена на организацию различного рода подрывных акций, включая нелегальное проникновение в страну, на сбор тенденциозной информации, на координацию подрывной работы, проводимой против СССР». Пропагандистские концепции «РС-РСЕ», по мнению Бобкова, отражали возросшую агрессивность международной реакции. Лозунги «демократизации», «усовершенствования» социализма по заданному образцу

▲ Ф.Д. Бобков

и другие идеи замаскированного антисоветизма уступали место открытым призывам к ликвидации социалистического строя в СССР, подстрекательством к антисоветским, антиобщественным действиям, к совершению государственных преступлений. Достижения своих стратегических целей реакционные круги пытались добиться, перенося центр тяжести идеологических диверсий непосредственно на территорию нашей страны, — предостерегал один из руководителей КГБ, прекрасно видевший ситуацию сквозь призму проходивших через его руки документальных материалов иностранных разведывательных служб.

История второй половины XX столетия свидетельствует, что США всегда были застрельщиком и организатором массированных идеологических атак на социализм. Особенно ожесточенный характер эти атаки приобрели с приходом к власти администрации Рейгана, открыто провозгласившей идеологические диверсии своей государственной политикой. Именно президент Рейган в своей речи в английском парламенте 8 июня 1982 года, словно претендуя на лавры Черчилля, который в своей знаменитой фултонской речи 1946 года по существу объявил о начале «холодной войны», заявил

о всемирном антикоммунистическом «крестовом походе». В своем выступлении он ратовал за признание за Западом права вмешиваться во внутренние дела Советского Союза и социалистических стран с целью изменения существовавшего в них общественного строя.

Изложенная Рейганом программа вскоре приобрела конкретные организационные формы. В США начали действовать ее штабы в виде специальной «межведомственной группы» и «группы общего планирования», в которые вошли государственный секретарь и шеф Пентагона, а также директор ЦРУ и ЮСИА.

Качественно новым этапом в подрывной деятельности против СССР стало то, что непосредственное руководство ею, которое раньше осуществлялось спецслужбами якобы без ведома политических инстанций, теперь официально возглавили вашингтонские чины высшего государственного уровня. Одним из красноречивых свидетельств этого была подписанная Рейганом секретная президентская директива № 75, которая предписывала прямое вмешательство во внутренние дела соцстран с целью подрыва их режимов. При этом главная ставка делалась на создание и консолидацию «внутренних оппозиционных

сил», которые при поддержке извне должны добиваться захвата власти и политической переориентации своих стран на Запад. В директиве упоминалось о том, что в основу конкретных действий должна быть положена «программа демократии и публичной дипломатии», которая была оглашена Вашингтоном в феврале 1983 года и объявляла своей целью «укрепление инфраструктуры демократии во всем мире».

Этой программой, в частности, предусматривалось выделение на ближайшие два года 85 миллионов долларов для подготовки будущих руководящих кадров и создания прозападных политических партий и профсоюзов в соцстранах, а также в странах «третьего мира», придерживающихся социалистической ориентации. На создание «национального и интернационального рабочего движения» ассигновалось 17,8 миллионов долларов, а на издание и распространение литературы, опровергающей «марксистскую диалектическую философию» — около 5,5 миллионов долларов.

Здесь я хочу особо подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, как говорится, даже невооруженным глазом видно, что за формулировкой «укрепление инфраструктуры демократии во всем мире» стояло стремление утвердить новый мировой порядок путем экспорта американских «ценностей».

Немало чернил западные пропагандисты потратили на то, чтобы внедрить в сознание обывателя понятие «экспорт коммунизма». Но, оказывается, в 80-х годах экспортом идеологии всерьез занялась администрация президента Рейгана, причем с использованием всего арсенала спецслужб, выделяя на это немалые средства.

Особенно поражает то, что речь открыто шла о «демократии во всем мире». Кто наделил США правом утверждать демократию во всем мире? Ведь это был откровенный призыв к вмешательству во внутренние дела других стран, что запрещено международными договорами. Не говорю уже о том, какой смысл

США вкладывали в само понятие демократии... Этот смысл мы начали распознавать лишь сегодня, когда развален СССР и десятки миллионов людей обречены на страдания, когда на территории бывшего СССР полыхают межнациональные конфликты и льется кровь. Это и есть плоды американской «демократии на экспорт».

А второе, на что хотелось бы обратить внимание, — это создание «будущих руководящих кадров прозападных политических партий». Если перевести эти установки спецслужб на обиходный язык, то за ними стоит элементарный подкуп. «Подготовка кадров» неизбежно включала в себя денежные дотации, бесплатные зарубежные поездки, снабжение дорогостоящей техникой компьютерного типа и так далее и тому подобное. Короче говоря, это была самая настоящая вербовка агентуры, для виду прикрытая обучением ведению партийных или профсоюзных дел. Далеко не всегда речь при этом шла о подготовке шпионов, перед которыми ставится задача добывать разведданные.

Нет, для западных спецслужб порой было важнее создать сеть своих агентов влияния, которые проводили бы нужную для США политику. О таких агентах влияния еще пойдет речь особо. А сейчас в свете сказанного небезынтересно напомнить два частных факта, относящихся к периоду перестройки.

Хорошо известно, и об этом не раз писали в печати, что после 1985 года некоторые «способные молодые люди» отправлялись из Москвы в Соединенные Штаты Америки для «повышения квалификации в области политологии». Среди них, в частности, был и Сергей Станкевич, будущий народный депутат, заместитель мэра столицы, советник президента России.

Кстати, он сам неоднократно говорил о том, что обучался политологии в США.

А что же теперь? Теперь, когда против Станкевича возбуждено уголовное дело по факту получения взятки, этот «способный молодой

человек» вместе с семьей укрылся именно в США. Между прочим, Станкевичу инкриминируют взятку в размере 10000 долларов. Но каждому ясно, что на десять тысяч долларов невозможно месяцами проживать в США вместе с семьей. Значит, либо у Станкевича в «зачатке» гораздо больше валюты, взятой неизвестно откуда, либо его в США «пригрели» и неплохо оплачивают. Этот пример говорит о многом, потому что таких «способных молодых людей», вроде Станкевича, западные спецслужбы подготовили немало и затем продвинули их на руководящие посты в России.

А второй факт относится примерно к 1989 году, когда в СССР начались шахтерские забастовки. Именно тогда лидеров кузбасских профсоюзов начали срочно приглашать в США «для обучения». Фамилии этих людей тоже хорошо известны, они часто мелькали в печати, и именно такие «подготовленные» в США профлидеры организовали в 1991 году мощнейшие шахтерские выступления против Компартии. Где теперь те лидеры? Судьбы многих из них неизвестны, но они давно покинули шахтерскую среду, которая осыпает их проклятьями.

Огромное внимание профессио-

налы из ЦРУ уделяли и нелегальной литературе. Вот что говорит по этому поводу Р. Клинт: «Без помощи ЦРУ эмигрантские группы из СССР и стран Восточной Европы не могли бы публиковать в переводах множество документов, которые они получили из своих стран. В их число входят некоторые известные самиздатские произведения».

А вот точка зрения Г. Розницкого: «Вероятно, самым ощутимым результатом «психологической войны» было налаживание контактов с диссидентами в Советском Союзе. Это и ознаменовало начало публикаций советских подпольных материалов на Западе, во многих случаях их завозили назад в Советский Союз для более широкого распространения. Сбор и публикация рукописей из Советского Союза стали крупным бизнесом».

Небезынтересна выдержка из доклада комиссии Ф. Черча, где были приведены слова начальника управления специальных (подрывных) операций ЦРУ, который утверждал:

«Книги отличаются от всех иных средств массовой пропаганды прежде всего тем, что даже одна книга может значительно изменить отношение и поведение читателя в такой степени, на которую не могут под-

▲ Поскребыш Ельцина — Станкевич

▲ Ф. Черч

няться ни газеты, ни радио, ни телевидение или кино... Это, конечно, верно, но не в отношении всех книг и не всегда и не всех читателей; однако это случается достаточно часто. Поэтому книги являются самым важным орудием стратегической (долговременной) пропаганды».

Кстати, по данным некоторых американских источников, ЦРУ США еще к 1975 году имело отношение к изданию только на русском языке более чем 1.500 книг русских авторов.

Как в «холодной войне» проводились манипуляции с книгами и их авторами, особенно наглядно видно на примере произведений А. И. Солженицына.

Первое мое личное знакомство с творчеством Александра Исаевича произошло в 1962 году, когда вышел ноябрьский номер «Нового мира» с «Одним днем Ивана Денисовича», совершившим переворот в умах многих, в том числе и в умах студенчества. Мы — тогда еще третьекурсники факультета журналистики московского университета — зачитывались повестью. Достаточно скромная по объему, около 70 журнальных страниц, она притягивала к себе, поражала художественным мастерством, особенно способностью писателя через

▲ А.И. Солженицын

восприятие заключенного вместить в сжатые временные рамки одного дня огромную массу событий, горестей и печалей, мужества и гордости, унижений за колючей проволокой. В герою книги прочитывалась горькая судьба целого поколения советских людей. Сразу же обратили мы внимание и на особый литературный стиль повести, от нее веяло народностью, язык героев отличался выразительной образностью, весьма кстати приводились русские поговорки.

После выхода в свет «Одного дня Ивана Денисовича» многие студенты стали постоянными читателями «Нового мира», так как поверили, что теперь от этого журнала можно ждать интересных материалов и знакомства с новыми авторами. Конечно, каждый надеялся и сам когда-нибудь опубликоваться у Твардовского.

Иного отношения заслуживала книга Солженицына «Архипелаг Гулаг».

Большие отрывки из нее были опубликованы почти во всех крупных западных газетах. Но любопытная деталь — рецензий было мало. Эксперты, специалисты, советологи обходили вниманием содержание книги, по-видимому, затруднялись дать ей оценку, раскрыть ее художественную

и историческую ценность. Зато словословили автора, делая скорее рекламу самому

Солженицыну, а не его произведению: «...Голос Солженицына, голос Титана, пророка ветхозаветной суровости, опирающегося на опыт своего и чужого страдания, не может не вызвать нашего уважения» (Тес Зоммер). «Это был голос человека, поистине прошедшего испытание огненным крещением» (Н. Рачинская).» Видя его, начинаешь понимать, что означало когда-то выражение «Святая Русь». В словах Солженицына слышатся отзвуки Толстого и другого русского писателя, философским детищем которого он является, человека, который за 100 лет до Солженицына был таким же ясновидцем человеческой души». (Бернард Левин). «И человек, испытавший муки ада и чудесно спасенный, сумел выкристаллизовать те смутные опасения, которые в глубине души таятся у многих» (Дж. Томсон).

Даже мелкая рыбешка из числа пишущих подпольно была в те годы находкой для спецслужб, обслуживающих «холодную войну». А уж автор то «Одного дня» был просто «манной небесной»! Хотел того Александр Исаевич или нет, но его имя, его авторитет, его острые полемические

статьи и заявления широко использовались за рубежом для развязывания шумных пропагандистских кампаний, проходивших под хорошо отлаженную режиссуру. На этот счет можно привести конкретные доказательства, характерные для грязных приемов «холодной войны».

Но в 80-е годы, особенно после обнародования в СССР его глубоких размышлений об обустройстве России, лауреат Нобелевской премии Александр Солженицын сразу же впал в немилость у своих бывших покровителей. Резко умножилось, словно по команде, число его критиков. И кого только среди них не было: прозаики и поэты, публицисты и университетские профессора, редакторы эмигрантских изданий и известные журналисты. Нападки на Солженицына в западной печати явно стали принимать характер продуманной кампании. Причем в эпитетах на его счет не стеснялись: «монархист», «ая-толла», «враг демократии», «шовинист», «великий инквизитор», «пятая колонна советской пропаганды».

Забрасывание писателя грязью, навешивание на него оскорбительных ярлыков и уничижительных кличек началось сразу после того, как он впервые заявил Западу о том, что капитализм для него тоже не является идеалом справедливого общества. Александр Исаевич напомнил об истории России, о русской революции, материалы и документальные свидетельства о которой он собирал всю свою жизнь, воплотив их в историческую эпопею под названием «Красное колесо»...

Но может быть, такое произошло только там, на Западе? Да нет же!

Стыдно читать некоторые комментарии российской прессы после того, как получило огласку письмо Солженицына тогдашнему послу России в США Лукину, начинавшееся словами: «Происходящее в России — разрывает душу...»

Оказалось, что оценки, высказанные Александром Исаевичем в адрес президентской команды, резко разошлись с западными, в частности, с американскими. И это послужило причиной для нападок. Ведь Солже-

ницын утверждал в письме: когда взялись, наконец, за необходимую реформу, то провели ее необмысленно, народ ввергнут в нищету и отчаяние; президент с министрами не могут уже пренебрегать годичным стоном народа; реформы ведутся не так: идет массовый, невиданного размаха разграб и дешевая распродажа российского добра. Знаменитого романиста, на которого, кажется, совсем недавно молились диссиденты и ниспровергатели советского строя, обвинили даже в «прокоммунистической ориентации» за честные и искренние слова: «Когда люди сброшены в пропасть нищенских забот, неужели время совать им невнятные вопросники референдума о статьях Конституции? И уж вовсе не ко времени сейчас устраивать выборы в одноразовое учредительное собрание и месяцами заседать, вырабатывая «идеальную» Конституцию...»

Эта резкая перемена отношения к Солженицыну со стороны влиятельных западных кругов, а также наших «демократов», которые раньше боготворили его, весьма знаменательна. Ведь впоследствии Александра Исаевича даже лишили возможности беседовать со своими читателями по официальному телеканалу ОРТ. Почему? В чем истинная причина такого охлаждения к великому писателю? Думаю, ответ на эти вопросы найти несложно: в свое время оппозиционность Солженицына к советской власти и коммунизму просто была использована организаторами идеологических диверсий для подрыва социалистического строя. Огромный авторитет писателя был как бы взят «на вооружение» теми, кто стремился расшатать сознание советских людей. Но когда Солженицын, верный своим убеждениям, встал в оппозицию к новым российским властям, когда он разочаровался в прелестях «западной цивилизации», когда в глазах россиян он превратился из диссидента в патриота России, — вот тогда он стал не только не нужен прозападно настроенным кругам, но даже вреден для них. И вместо елдя на него полились потоки клеветы. Его, повторяю, даже «убрали» с телеэкрана. Что

это — цинизм? Да нет, просто потеря интереса к его персоне со стороны западных спецслужб...

При желании подобных резких перепадов в «симпатиях» и «антипатиях» к одному и тому же автору можно набрать уйму. Такие же «качели» подстергали философа Александра Зиновьева, историка Роя Медведева и даже... Андрея Сахарова. Еще с древних времен утвердилось мнение, что политика — дело грязное, а «холодная война», как и «горячая» — продолжение политики, здесь не до симпатий или антипатий... Однако, забегаю вперед, хочу особо подчеркнуть, что во всех этих и других аналогичных случаях водораздел между восхвалениями и равнодушием, а иногда и хулой проходит по очень четкой границе: бывшие диссиденты сразу переставали интересоваться Западом, если вставали на патриотические позиции. Ведь зарубежным спецслужбам нужны были не просто антикоммунисты или антисоветчики — им прежде всего требовались «антипатриоты». А патриоты, пусть и антикоммунисты, их совершенно не устраивали.

Это особенно явно проявилось в 80-е годы, отличавшиеся невиданным накалом идеологических атак на Советский Союз. Причем, эти атаки сопровождались мощнейшими подрывными акциями Запада в политической, военной, экономической сферах и имели своей скрытой целью не только создание решающего военного превосходства над СССР на случай прямого военного столкновения, но и втягивание Советского Союза в изнурительную гонку вооружений. Расчет был на то, что отвлечение ресурсов в военный сектор ляжет непосильным бременем на советскую экономику и в конечном счете подорвет хозяйственный организм нашей страны.

Наряду с этим Соединенные Штаты Америки предприняли огромные усилия для того, чтобы, как пишет в своих мемуарах один из главных конструкторов американской внешней политики того периода З. Бжезинский, «вовлечь СССР в изматывающие региональные конфликты». ■

Н.П. ЛЫКОВ

РАЗГРОМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ НА УКРАИНЕ

▲ Бандеровцы

«Нет, мы правильно поступаем, что так сурово караем националистов всех мастей и расцветок. Они лучшие помощники наших врагов и злейшие враги собственных народов. Ведь заветная мечта националистов — раздробить Советский Союз на отдельные «национальные» государства, и тогда он станет легкой добычей врагов. Народы же, населяющие Советский Союз, в своем большинстве будут физически истреблены, оставшаяся же, часть превратится в бессловесных и жалких рабов».

И. СТАЛИН

ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ ОРГАНОВ ГБ С НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ ПОДПОЛЬЕМ

Борьба с националистическим подпольем на Украине была длительной и очень тяжелой. После изгнания немецко-фашистских захватчиков на территории западных областей Украины остались многочисленные хорошо вооруженные националистические отряды, прекрасно знающие местность, имеющие широкую пособническую базу, большие возможности для маневрирования и укрытия.

Органы государственной безопасности, в первую очередь МГБ СССР, мобилизовали все свои силы и возможности на разгром украинских националистов — опаснейших врагов советского народа. В своей борьбе с националистическим подпольем они постоянно опирались на трудящихся и получали от них неоценимую помощь и поддержку.

Тактика борьбы, методы агентурно-оперативной деятельности органов государственной безопасности выбирались с учетом состояния украинского националистического подполья, всех его сильных и слабых сторон.

Выявление и разгром вооруженных националистических банд, а затем и всех иных организационных звеньев украинских националистов были первостепенной задачей органов государственной безопасности. В решении практических задач участвовали чекисты не только Украины, но и других республик. Для борьбы против подполья использовались части Красной Армии (на раннем этапе), внутренние войска, милиция, истребительные батальоны. Непосредственное участие в вооруженной борьбе с бандами принимал многочисленный советско-партийный актив.

Борьба с бандитским оуновским подпольем — это героическая страница в истории органов госбезопасности. Тысячи чекистов в тяжелых условиях мужественно и самоотверженно вели борьбу с коварным

▲ И.В. Сталин

врагом. Многие чекисты, сотрудники милиции, партийные и советские активисты отдали свою жизнь в борьбе с бандитами.

Решение практических задач по разгрому националистического подполья на Украине было возложено на органы МВД и МГБ. В органах МВД были созданы для этой цели отделы борьбы с бандитизмом. Этим же органам были подчинены внутренние войска, позже переданные в ведение МГБ. В системе органов МГБ были образованы Управление 2-Н МГБ СССР и отделы 2-Н областных управлений МГБ западных областей республики, которые были укомплектованы наиболее опытными чекистскими кадрами. В 1949 году в систему МГБ были переданы органы милиции.

Для более эффективного руководства областными управлениями МГБ в борьбе с националистическими бандами в г. Львове была создана оперативная группа МГБ СССР во главе с заместителем министра госбезопасности республики. В западные области систематически направлялись из восточных областей республики квалифицированные оперативные работники для участия в мероприятиях по ликвидации бандитского, оуновского подполья.

В борьбе против подполья украинских буржуазных националистов органы государственной безопасности широко опирались на помощь народа, поддерживали повседневную связь с населением. Многие агенты вербовались из среды честных, патриотически настроенных советских граждан, ненавидевших украинских националистов и желавших быстрого разгрома бандитского подполья на Украине. Широко использовались также агенты из числа участников оуновских организаций.

Сразу же после освобождения западных областей Украины от немецких захватчиков органы МВД — МГБ начали создавать истребительные батальоны и группы содействия этим батальонам. Это была одна из эффективных форм вовлечения местного населения западных областей республики в борьбу с украинским националистическим подпольем. В состав истребительных батальонов входили бывшие партизаны, коммунисты, комсомольцы, беспартийные активисты.

Истребительный батальон возглавлял начальник штаба батальона, назначавшийся из офицеров органов МВД, а группами содействия руководили участковые уполномоченные милиции. Истребительные батальоны

и группы содействия имели на вооружении пулеметы, автоматы, винтовки и гранаты. Они несли службу по охране районных центров и сел, а также в составе воинских подразделений принимали участие в ликвидации оуновских бандитов.

В июне 1945 года в западных областях имелось 212 истребительных батальонов общей численностью около 29 тысяч бойцов и командиров. Истребительные батальоны были созданы во всех районных центрах западных областей Украины.

1 июня 1948 года истребительные батальоны были реорганизованы в вооруженные группы охраны общественного порядка. Группы охраны общественного порядка, созданные во всех населенных пунктах западных областей Украины, несли охрану сел и колхозов, выявляли места укрытия бандитов, привлекались к участию в операциях по ликвидации вооруженного подполья ОУН.

При комплектовании групп охраны общественного порядка большое внимание уделялось индивидуальному отбору с тем, чтобы в эти группы не проникли украинские националисты и другие антисоветские элемен-

ты. В группы охраны общественного порядка не принимались лица, ранее входившие в оуновские банды или скомпрометировавшие себя связями с подпольем. Нужно было учитывать, что некоторые оуновцы являлись с повинной и легализовывались по заданию своих главарей, рассчитывая пробраться в советские учреждения, милицию, группы охраны общественного порядка во враждебных целях (для совершения террористических актов, разоружения групп охраны общественного порядка и т.п.).

Большая работа по розыску и ликвидации участников вооруженных оуновских банд проведена и органами милиции. Личный состав милиции принимал непосредственное участие в проведении боевых операций по захвату и ликвидации бандитов. В розыске участников оуновских банд активно использовалась агентура органов милиции.

После разгрома основных вооруженных оуновских звеньев необходимость в широком участии органов милиции в ликвидации остатков оуновского подполья отпала. Группы охраны общественного порядка тоже

были распущены, а в некоторых местах переданы органам милиции.

В конце сороковых и начале пятидесятых годов распространенным явлением стал отказ населения оказывать содействие бандитам, предоставлять им места для укрытия, продукты питания и т.п. Население стало чаще информировать органы власти о появлении бандитов ОУН, отражало нападения бандитских групп, а в ряде случаев само задерживало бандитов.

Можно привести весьма характерные высказывания участников подполья ОУН о враждебном отношении к ним населения западных областей Украины. «Местные жители перестали нам открывать двери своих домов, даже наши хорошие знакомые...», — заявил на допросе 17 ноября 1948 года арестованный участник банды Ильчук. Захваченный в 1953 году член центрального «провода» ОУН Галаса на допросе показал: «Советская власть с каждым днем укрепляет свое влияние и позиции в западных областях Украины. Проведение сплошной коллективизации в этих областях совершенно подорвало базу и возможность

▲ Бандиты УПА

создания организованного подполья. Население западных областей, за исключением отдельных антисоветски настроенных лиц, никакой помощи участникам подполья не оказывает, нашей пропаганде не верит...».

Условно борьбу с бандоуновским подпольем можно разбить на три этапа.

Первый этап — борьба против вооруженных отрядов УПА (1944–1946 годы). В этот период широко практиковались войсковые операции, ибо УПА действовала крупными подразделениями («курени»). Наряду с органами госбезопасности и МВД в этот период в операциях активно участвовали части Красной Армии и пограничные войска. К концу 1946 года отряды УПА были разгромлены. Но, несмотря на оперативные удары, нанесенные по оуновскому подполью, к началу 1947 года оно еще представляло собою серьезную силу.

Второй этап — борьба органов госбезопасности против нелегальных националистических организаций (1947–1951 годы).

В начале этого этапа главари ОУН за сравнительно короткое время сумели пополнить подпольные организации за счет расформирования остатков разгромленных банд УПА и вовлечения в антисоветскую деятельность националистически настроенной молодежи.

На этом этапе продолжал существовать и направлять антисоветскую деятельность оуновского подполья центральный «провод» ОУН из 6 членов во главе с кадровым националистом Шухевичем Романом (кличка «Тур»). В это время регулярно поддерживалась связь оуновского подполья с закордоном.

Действовали также краевые «проводы» ОУН «Буг-2» (Львовская и Дрогобычская области), «Подилля» (Тернопольская область), «Запад-Карпаты» (Ивано-Франковская и Черновицкая области), «Москва» и «Одесса» (Волинская и Ровенская области), а также 14 окружных, 37 надрайонных, 120 районных «проводов» ОУН, 156 кустовых и сельских

▲ Оперативная группа войск НКВД

бандгрупп и около 2500 бандероцев-одиночек. Несмотря на большие потери, главари ОУН восстанавливали ликвидированные «проводы». Краевой «провод» ОУН «Запад-Карпаты» восстанавливался 6 раз, краевой «провод» «Подилля» — 5 раз, «Буг-2» — 3 раза и т. д.

Продолжала сохраняться широко разветвленная сеть националистических организаций, состоящих из легально проживающих лиц, на которые опирались оуновские банды в проведении враждебной деятельности.

На втором этапе борьбы оуновские главари изменили свою тактику, стали действовать более конспиративно. Националистические формирования разбились на мелкие группы, бандиты укрывались в бункерах и выходили из них в большинстве случаев только в ночное время.

После организационной перестройки и усиления конспирации оуновское подполье продолжало активную диверсионно-террористическую и другую антисоветскую деятельность, стремясь сорвать проводимые партией и правительством мероприятия, направленные на подъем экономики и культуры в западных областях республики.

Третий этап охватывал 1952–1955 годы, когда уже не было четкого организационного построения подполья и органам государственной безопасности приходилось иметь

дело с изолированными друг от друга националистическими звеньями и бандитами-одиночками.

Агентурно-оперативные мероприятия органов госбезопасности против оуновского подполья, начиная со второго этапа, то есть с 1947 года, проводились с учетом изменившейся тактики противника.

К этому времени в подполье ОУН еще оставались опытные националистические кадры, искушенные в нелегальной работе националист-фанатики, которым были известны многие методы работы органов МГБ. Подполье ОУН выработало строжайшие правила конспирации, которых должны были придерживаться все без исключения националисты.

Подполье продолжало оставаться многочисленным, сохранило многие руководящие звенья и главарей, которые постоянно принимали меры к пополнению банд. Многие бандиты были известны органам МГБ только по кличкам, что осложняло проведение чекистских мероприятий через их родственные и другие связи.

Оуновские бандиты и их главари в большинстве случаев располагали тогда специально подготовленными и искусно замаскированными убежищами, где могли отсиживать длительное время при проведении чекистско-войсковых операций. По условиям конспирации отлучки бандитов поодиночке были запрещены, что затрудняло связь с вне-

дренной в банды агентурой органов государственной безопасности.

После разгрома УПА органы государственной безопасности направили свои основные усилия на розыск и ликвидацию руководящих звеньев националистического подполья, в первую очередь центрального, краевых, окружных, надрайонных и районных «проводов», на перехват каналов связи с закордоном, поимку курьеров, эмиссаров и шпионов, засылаемых в нашу страну. С этой целью были созданы чекистские группы по розыску и ликвидации каждого «провода».

Для розыска каждого члена центрального «провода» ОУН были созданы межобластные оперативные группы, работавшие под руководством КГБ УССР. Межобластные оперативные группы создавались и по розыску окружных, надрайонных и районных «проводов» ОУН, если их участники укрывались на стыках административных границ нескольких областей. Для розыска низовых

бандгрупп (кустовые и местные бандгруппы) также были выделены группы оперработников, освобожденных от другой работы.

Такая расстановка оперативных сил явилась очень важным условием успешной организации работы и применения действенных методов в борьбе с вражеским подпольем.

СРЕДСТВА И МЕТОДЫ БОРЬБЫ С ВООРУЖЕННЫМ ПОДПОЛЬЕМ

В зависимости от конкретной обстановки органы государственной безопасности применяли в борьбе с вооруженным подпольем различные средства и методы. Особенно широко практиковалось в то время проведение чекистско-войсковых операций и применение различных агентурных комбинаций.

При ликвидации больших и малых банд, особенно в 1944–1945 годах, широко практиковались чекистско-войсковые операции. Они

проводились на основании данных, полученных от агентуры и захваченных бандитов, сообщений заявителей, материалов войсковой разведки и т.п. К участию в них привлекался оперативный состав органов МВД — МГБ, внутренние войска, истребительные батальоны, подразделения Красной Армии и советско-партийный актив.

Операция, как правило, начиналась с блокирования лесного массива или населенного пункта, где находились бандиты ОУН, после чего специально выделенные подразделения начинали поиск и ликвидацию бандитов. Войсковые действия, как правило, сочетались с агентурно-оперативными мероприятиями.

Только за два месяца — август и сентябрь 1944 года — в Ивано-Франковской области было проведено 58 чекистско-войсковых операций, в ходе которых многие бандиты были убиты или захвачены живыми. В процессе этих операций у бандитов изъято: 4 пушки, 3 миномета, 131

▲ Арсенич Николай Васильевич

▲ Луцкий Александр Андреевич

▲ Ликвидированные политические бандиты

станковый и ручной пулемет, 176 автоматов, 4 ПТР, 710 винтовок, 4 радиостанции, 3 типографии и другие трофеи.

В Львовской области в августе 1944 года было проведено 192 чекистско-войсковые операции, в результате которых разгромлено 27 бандитских групп УПА.

Среди ликвидированных и захваченных бандитов УПА были члены центрального «провода» ОУН: Луцкий, Клячковский, Степаняк, Дужий, Арсенич и Бусел, а также главари краевых «проводов» — «Верещака», «Роберт», «Арпад», «Данило» и многие другие.

При ликвидации банд УПА изъято: 49 пушек, 502 миномета, 77 огнеметов, 6874 пулемета, 66 143 винтовки и автомата, 8949 пистолетов и много другого военного имущества.

К концу 1946 года бандформирования УПА были полностью разгромлены.

После разгрома УПА чекистско-войсковые операции проводились реже, их самостоятельное значение уменьшалось, так как к этому времени банды ОУН уже имели много искусно замаскированных убежищ, месторасположение которых знал ограниченный круг участников под-

полья. В таких условиях поиски бандитов при отсутствии конкретных данных не могли дать положительных результатов. Поэтому оперативный состав, занимавшийся розыском оуновских банд, сначала добывал и накапливал материалы о местах укрытия бандитов, и лишь когда собранные данные не вызвали сомнений, организовывались мероприятия по их реализации, в том числе и чекистско-войсковые операции.

В 1947 году органами МГБ был захвачен функционер референтуры пропаганды центрального «провода» ОУН Парендовский, который на следствии назвал предположительные места укрытия референта пропаганды центрального «провода» ОУН Волянского по кличке «Север» и бандитских групп, на которые он опирался. На основании полученных данных было принято решение провести чекистско-войсковую операцию на территории Сколевского района бывшей Дрогобычской области и Болеховского района Ивано-Франковской области, чтобы разыскать «Севера», захватить или ликвидировать его.

Чекистско-войсковая операция проводилась со 2 по 11 февраля

1948 года. Во время её проведения было обнаружено и разрушено свыше 100 бандитских убежищ, много бандитов и бандпособников убито и арестовано. У оуновцев было изъято оружие, типографское оборудование и другое имущество. Но самому «Северу» удалось отсидеться в убежище, которое в ходе операции обнаружено не было. Проведенная операция не дала желаемых результатов потому, что сведения о месте нахождения «Севера» были недостаточно точными.

При захвате участников националистических банд сотрудники органов МГБ изымали много оуновских документов, в которых отражалось состояние отдельных организационных звеньев, тактические приемы антисоветской деятельности, указывались даты встреч бандитов, пароли явок и другие данные, представлявшие серьезный оперативный интерес. Своевременное и умелое использование таких документов в чекистских мероприятиях давало положительные результаты.

Так, например, управлением МГБ Ивано-Франковской области в марте 1949 года был ликвидирован «Денис» — главарь СБ краевого

«провода» ОУН «Запад-Карпаты». Среди изъятых у него документов обнаружен клочок бумаги, на который была нанесена схема местности с условными знаками. Путем сличения схемы с топографической картой установили, что на схеме изображен участок горно-лесистой местности, прилегающей к хутору Рузарня Перечинского района Ивано-Франковской области. Оперативные работники предположили, что на схеме обозначен пункт встречи участников краевого «провода» ОУН или же место их укрытия.

Для проверки этого предположения были проведены явки с агентами, проживавшими в районе хутора Рузарня, которые сообщили о появлении вблизи хутора оуновских бандитов. В результате поиска, проведенного силами чекистско-войсковой группы 11 апреля 1919 года, в горно-лесистой местности, прилегающей к хутору Рузарня, обнаружено бандитское убежище, в котором

находились главарь «провода» ОУН «Запад-Карпаты», он же генеральный судья ОУН по кличке «Шелест», его жена оуновка «Тырса» и три боевика.

Строгая конспиративность в деятельности оуновских организаций обуславливала необходимость вербовки агентов в среде националистов.

Условия борьбы с националистическим подпольем ОУН осложнялись не только тем, что чекистским органам пришлось столкнуться с многочисленными хорошо вооруженными бандами, но и отсутствием на освобожденной территории такого важного оперативного средства как агентура. Поэтому органы государственной безопасности главное внимание в своей работе уделяли созданию агентурно-осведомительного аппарата, используя который можно было бы выяснить структуру оуновской организации, вычислять состав банд и места их укрытия, наносить оперативные удары по бандитским формированиям.

При создании агентурно-осведомительной сети чекистские органы встретились с серьезными трудностями. Главная из них заключалась в том, что лица, которые могли оказать помощь в ликвидации националистических банд, не шли на вербовку из-за своих антисоветских убеждений или же из боязни расправы со стороны бандитов ОУН — УПА. Несмотря на это, за сравнительно короткий срок органам МВД — МГБ удалось создать агентурно-осведомительный аппарат, который успешно использовался в розыске и установлении мест укрытия националистических банд.

Органами госбезопасности западных, а также Винницкой, Житомирской и Хмельницкой областей, где действовали вооруженные банды ОУН, были завербованы несколько тысяч агентов и осведомителей. Агенты вербовались главным образом из числа бывших участников ОУН — УПА, явившихся с повинной

▲ 138 полк НКВД

и задержанных при проведении чекистско-войсковых операций, из числа родственных и организационных связей бандитов, бандпособников, имевших возможность вести разработку националистического подполья, а также из патриотических элементов.

Для выявления лиц, находившихся в бандах УПА, разработки родственных и других связей бандитов, для получения сведений о местонахождении бандитов, главным образом при появлении бандитских групп в населенных пунктах или при переходе их из одного села в другое, использовались секретные осведомители.

С помощью осведомления удавалось устанавливать лиц, ушедших в банды ОУН — УПА, собирать на них установочные данные, выявлять их родственные и пособнические связи, а затем на основании этих и других материалов заводить дела оперативного учета, что способствовало организации планомерного нанесения оперативных ударов по бандам.

Более сложные задачи решались с помощью агентуры. Агенты внедрялись в бандитские группы, направлялись в места сосредоточения банд для выявления их численного состава, мест укрытия и т. д.

Большое значение имел секретный захват возможного кандидата на вербовку. Делать это нужно было так, чтобы участники подполья не могли установить, что то, или иное лицо задерживалось оперативными работниками хотя бы на непродолжительное время, ибо в противном случае завербованный агент оказывался под угрозой расшифровки. Не менее важно было закрепить вербовку участника организации или банды путем выполнения им заданий органов госбезопасности и путем оказания на него идейного влияния. Поэтому оперативные работники, несмотря на все трудности, постоянно занимались воспитанием агентуры, завербованной из враждебной среды.

Очень сложны были условия связи с агентурой. Некоторых агентов оперативные работники видели

▲ Иван Климчак, кличка «Лысый». Казнен в 1944 году в с. Шацке. Главарь бандеровцев, вырезавших 500 человек в с. Воля.

очень редко. Для связи с агентурой, внедренной в подполье ОУН, органами госбезопасности применялись тайники и использовались курьеры, завербованные из родственников агента-внутренника, через которых органы КГБ получали сообщения и передавали задания агентам.

С агентами, живущими в селах, оперативные работники встречались в обусловленных местах (чаще всего на опушках лесных массивов, в оврагах и т. п.), использовались для этой цели также явочные квартиры в районных центрах (обычно в соседнем районе, где агента не знали).

С 1948 года для связи с проверенной агентурой стал применяться радиосигнализационный аппарат «Тревога», устанавливаемый в доме

агента. При появлении в селе бандитов агент включал аппарат «Тревога», сигналы которого принимались на командном пункте в райаппарате МГБ, и сразу же в условленное место направлялась оперативно-чекистская группа.

Работа с агентом была всегда связана с риском, ибо кандидат на вербовку или завербованный мог предать оперативного работника или же агента могли расшифровать, выследить во время встречи и уничтожить.

Наиболее распространенными были вербовки захваченных бандитов. Приведем один из таких примеров.

Органам госбезопасности стало известно, что квартиру одного гражданина, лояльно относящегося

к Советской власти, начали посещать оуновские бандиты «Роман», «Мирон» и «Олесь» — курьеры окружного «провода» ОУН, связанные с подпольем. Было решено захватить их с целью последующего оперативного использования.

После захвата бандиты дали показания о местах укрытия главаря окружного «провода» ОУН по кличке «М-6», подчиненных ему звеньев и отдельных бандитских групп, а также о способах связи между оуновцами, действовавшими в западных и восточных областях Украинской ССР. По этим показаниям был арестован ряд участников подполья. Это крепко связало давших показания бандитов с органами государственной безопасности. Они были завербованы и направлены на розыск главаря окружного «провода» «М-6». Через некоторое время агенты сообщили место его укрытия и помогли конспиративно захватить главаря.

Проводник откровенно рассказал о состоянии оуновского подполья и признал полную беспер-

спективность дальнейшей борьбы против Советской власти. Решено было использовать «М-6» в мероприятиях по ликвидации бандитских групп, входивших в состав окружного «провода» ОУН, которым он руководил. У него брались записки, адресованные главарям бандитских групп, от его имени назначались встречи с оуновцами. После того как с его помощью были захвачены два главаря надрайонных «проводов», путь к возвращению в оуновское подполье для «М-6» был отрезан. Его завербовали, и позже с его помощью был полностью ликвидирован окружной «провод» ОУН со всеми подчиненными звеньями и бандгруппами, остатки другого окружного «провода», два пункта главной линии связи между главарями подполья, действовавшими в восточных и западных областях Украины, а также ряд бандитских групп.

Наряду с этим следует отметить, что несвоевременная реализация данных, полученных от агентуры, внедренной в банды, неправильное

ее использование нередко приводили к провалам.

Так, при проведении чекистско-войсковой операции в одной из западных областей УССР был задержан руководитель СБ окружного «провода» ОУН «Жар», исполнявший обязанности шефа линии связи центрального, краевого и окружного «проводов» ОУН. Он вел себя искренне, сам указал бункера, в которых укрывались бандиты. Затем «Жара» 14 дней опрашивали с целью получить показания о руководящем составе центрального, краевого, окружного и нижестоящих «проводов». Главарь подполья заметил отсутствие «Жара» и заподозрил, что он находится в руках органов госбезопасности.

«Жар» был направлен в банду как агент-вербовщик, завербовал руководителя станичной организации и курьера краевого «провода». Последний на встрече сообщил, что по указанию одного из главарей краевого «провода» «Бурлака» его подробно допрашивала о «Жаре»

▲ Истребительный батальон НКВД «Мария»

▲ Дарья Гусак

«служба безопасности». Но оперативные работники этому сообщению не придали значения. Бандиты выслежили, что «Жар» пошел на встречу с оперативным работником, и расправились с ним. Группа во главе с оперработником, осуществлявшая вооруженное прикрытие «Жара», была выставлена слишком далеко от места встречи агента и не смогла своевременно оказать ему помощь.

Оперативные работники порой ценою жизни расплачивались за притупление бдительности в работе с агентами из числа националистов, за излишнюю доверчивость.

В одной из западных областей Украины завербовали агента «Марусю» — студентку вуза, связанная главаря районного «провода» «Андрея». «Маруся» согласилась выдать его, но просила не убивать, а взять живым. Была разработана агентурная комбинация по захвату «Андрея». На операцию выехал оперработник. Он встретился с «Марусей» ночью в селе, в условленном месте, и пошел с ней к спящему «Андрею». Когда они вышли за село, «Маруся» выстрелом из пистолета убила оперативного работника, а сама скрылась.

Из захваченных впоследствии оуновских документов выяснилось, что «Маруся» сообщала «Андрею» обо

всех заданиях органов государственной безопасности и выполняла его указания. «Андрей» дал ей пистолет и гранату, чтобы убить оперативного работника.

Приведенный факт свидетельствует прежде всего о том, что нельзя строить агентурную комбинацию по захвату оуновского бандита, имея на связи непроверенного на практической работе агента. Кроме того, необходимо учитывать, что главари всех звеньев ОУН пользуются большой властью, их приказание для рядовых — закон, который они обязаны выполнять беспрекословно.

В силу специфических условий того времени часто приходилось проводить и агентурные комбинации, возникавшие в ходе внутрикамерной агентурной разработки захваченных оуновцев.

Необходимость внутрикамерной агентурной разработки возникала тогда, когда захваченные участники подполья, особенно связанные с главарями ОУН, не давали сразу откровенных показаний, пытаясь выиграть время и дать возможность известным им бандитам изменить места укрытия, линии связи, а также найти новых пособников.

Так вела себя, например, захваченная в 1947 году член краевого

«провода» ОУН Зарицкая Екатерина (оуновская кличка «Монета»), знавшая места укрытия и связи главаря подполья ОУН на Украине Шухевича. Она в течение полугода не давала откровенных показаний, а когда, наконец, указала место нахождения Шухевича, то он уже там не укрывался.

Позже Шухевич был ликвидирован благодаря умело проведенной агентурной комбинации, возникшей в процессе внутрикамерной разработки оуновки Гусак Дарьи, связанной Шухевича, задержанной в марте 1950 года в г. Львове. На допросе она прямо заявила, что о местах укрытия Шухевича показаний не даст, хотя и знает, где он находится. По ее поведению было видно, что получить от нее показания будет трудно, а за это время Шухевич может сменить место укрытия.

Для разработки Гусак в камеру к ней была помещена агент «Роза». Она должна была выдавать себя за украинскую националистку, которая хорошо знает Шухевича и его семью, была в Берлине, Вене и других западноевропейских городах, арестована за связь с иностранной разведкой, однако показаний пока не дает. Для укрепления положения «Розы» была проведена комбинация по организации «переговоров» агента с помощью азбуки Морзе с соседней камерой, в которую для этой цели был помещен второй агент.

В процессе следствия от Гусак настойчиво требовали назвать место, где укрывается Шухевич. В связи с этим она стала советоваться с «Розой», как бы связаться с волей и предупредить Шухевича, чтобы он сменил место своего укрытия. Агент просила дать время подумать, а на второй день предложила такую комбинацию: через администрацию тюрьмы она возвратит своей сестре шубу и попросит в камеру пальто. В подкладку шубы можно будет зашить записку Гусак к Шухевичу, которую сестра агента передаст по назначению. Гусак согласилась и подготовила такую записку для вручения Хробак Наталии, проживающей на окраине с. Белогорща

(пригород Львова). Хробак должна была передать ее Шухевичу, скрывавшемуся в том же селе. Так было установлено местонахождение оуновского главаря.

В ряде случаев захваченные бандиты не могли назвать точных мест укрытия бандглаварей, хотя и давали искренние показания. Дело в том, что главари ОУН, согласно инструкциям о конспирации, старались ограничить круг лиц, знавших места их укрытия. Однако, используя показания, ориентировочно указывающие места укрытия главарей, путем анализа их и сопоставления с другими данными нередко удавалось обнаружить разыскиваемых бандитов.

Так, в частности, было установлено место укрытия главаря Львовского краевого «провода» ОУН Пришляка (кличка «Ярема»).

Захваченный главарь «службы безопасности» николаевского надрайонного «провода» ОУН «Остап» на следствии дал показания о том, что «Ярема» укрывается в убежище руководителя николаевского надрайонного «провода» ОУН «Снегуры». По его словам, бункер расположен в одном из сел Щирецкого района, имеющих электрическое освещение, у содержательницы бункера есть дочь по имени Стефа. Об этом

«Остапу» стало известно от «Снегура». Внутрикамерная разработка «Остапа» показала, что о местонахождения бункера он действительно больше ничего не знает.

Другой бандит — участник Львовского окружного «провода» ОУН «Когут» — на допросе сказал, что бункер «Снегура», где должен укрываться «Ярема», находится в одном из сел Щирецкого района. У содержательницы этого бункера есть дочь Стефа, работавшая раньше в колхозе, в свекловодческом звене, в 1951 году Стефа болела и в колхозе не работала. «Когут» сообщил еще такие приметы — в сарае у хозяев сложена глина, содержательница бункера приносила бандитам рыбные консервы.

Последующей проверкой было установлено, что в Щирецком районе имелись только три электрифицированных села: Ланы, Остров, Тернополье. Агент «Клен» высказал предположение, что «Снегур» укрывается в с. Ланы.

Путем установки в селе Ланы были выявлены три Стефы, работавшие на уборке свеклы, одна из которых — Василенко Стефания — в 1951 году болела. На основании собранных данных 24 января 1952 года в селе Ланы была проведена чекистско-войсковая операция,

в ходе которой в сарае хозяйства отца Стефы — Василенко Василия обнаружено шесть банок из-под рыбных консервов. Допрошенный на месте Василенко Василий сознался, что у него есть бункер, и указал его местонахождение.

В борьбе с националистическим подпольем органы государственной безопасности широко применяли легендирование, то есть различные формы введения противника в заблуждение. В связи с этим появилась надобность в особой категории агентов, так называемых агентов-боевиков. Вся их деятельность основывалась на легенде: будучи секретными сотрудниками органов госбезопасности, они выдавали себя перед окружающими за оуновских бандитов.

Агенты-боевики обычно объединялись в специальные группы. Эти группы комплектовались из явившихся с повинной бандитов, завербованных в агентурную сеть. Агенты-боевики располагали многочисленными связями как среди населения, так и в подполье ОУН, хорошо знали методы конспирации, местные обычаи и язык. Каждой спецгруппой командовал один из опытных агентов-боевиков, а оперативное руководство осуществлял включенный в ее состав оперативный работник. В Ровенской и Волынской областях в состав спецгрупп включались также бывшие партизаны-ковпаковцы, хорошо знакомые с местными условиями и имевшие опыт борьбы с оуновскими бандитами.

Спецгруппы (с 1946 года они стали именоваться агентурно-боевыми группами) применялись для захвата и ликвидации отдельных националистических главарей, для захвата или физического уничтожения связных и шэфов связи. В ряде случаев действия агентурно-боевых групп увязывались с действиями агентов-внутренников, внедренных в банды УПА.

В состав агентурно-боевой группы входило от 3 до 50 человек, в зависимости от задачи, которая ставилась перед ней.

Агентурно-боевые группы, как правило, выступали под видом действующих бандитских групп.

▲ Дом в селе Богороща, где был ликвидирован Шухевич

▲ Жена Шухевича

Так, 19 марта 1945 года в с. Дермань Ровенской области был убит главарь «провода» ОУН «Орел», следовавший из восточных областей в Тернопольскую область по вызову члена центрального «провода» ОУН «Лемиша». Через два дня под видом «Орла» в Тернопольскую область в составе агентурно-боевой группы был направлен проверенный агент «Остап».

Группа прибыла на хутор Уритна Козовского района, встретилась с местными бандитами и при их содействии установила контакт со связной ОУН по кличке «Маруся». Приняв «Остапа» за «Орла», она направила группу на пункт связи краевого «провода» ОУН в с. Цеглюв Козовского района к оуновке «Искре».

«Искра» устроила «Орлу» встречу с шефом связи краевого «провода» ОУН «Мотрей», которая сообщила об уходе «Лемиша» в связи с проводившимися перед этим чекистско-войсковыми операциями на другие базы и подробно проинформировала «Остапа» о местонахождении бандитских формирований в Бережанском, Подгаецком и Козовском районах. В результате чекистско-войсковой операции, проведенной на основе этих данных, много бандитов было убито и захвачено.

Другой пример. Был захвачен оуновский главарь «Выр» и часть его банды. Другие бандиты находились

в соседнем селе. Решено было заарестовать «Выра», чтобы использовать его в качестве агента-боевика для захвата или ликвидации остальных бандитов.

Для проведения намеченной операции в с. Урич во главе с оперативным работником была направлена агентурно-боевая группа, состоявшая из опытного агента органов государственной безопасности «Степана» и двух других, уже хорошо проверенных на практической рабо-

те агентов-боевиков. В нее включили и «Выра», вооружив его неисправным автоматом, так как доверять ему исправное оружие было еще рискованно, о чем ему прямо сказали.

Придя в село, где должна была находиться вторая часть банды, «Выр» зашел к знакомой националистке «Зое», которая сообщила, что четыре бандита из его группы сейчас находятся неподалеку от ее дома и пьянствуют вместе с известной ему «Дзвинкой» — членом районного «провода» ОУН. Зная, что «Дзвинка» ранее выполняла в подполье обязанности медсестры и что у одного агента-боевика, входившего в агентурно-боевую группу, в пути открылась старая рана, «Выр», придя к бандитам, попросил «Дзвинку» сходить на квартиру к «Зое» и перевязать там раненого «оуновца», с которым остался его товарищ. Это было сделано для того, чтобы оторвать «Дзвинку» и «Зою» от бандитов и захватить их живыми.

После ее ухода «Выр» расспросил бандитов, что они делали без него, и упрекнул за чрезмерное пьянство. Он осмотрел ручной пулемет, снял заряженный магазин и сделал выговор его владельцу за плохую чистку. После этого он подошел к другому

▲ Труп Шухевича

▲ Олейник Петр, УПА

бандиту и, осмотрев его автомат, сделал ему замечание, что тот плохо ухаживает за оружием, взял этот автомат себе, а бандиту дал свой, неисправный.

Оперативный работник и «Степан» оказались в весьма затруднительном положении, так как не знали, в кого будет стрелять «Выр». Если он откроет огонь по бандитам, то они втроем окажутся против четырех оуновцев, а если по ним, то их будет только двое против пяти врагов. Замена исправного автомата неисправным и снятие диска с пулемета еще не обезоруживали полностью бандитов, так как у них могло оказаться другое оружие и оставалась возможность быстро зарядить пуле-

мет. Однако сомнения оперативного работника оказались напрасными. С помощью и при непосредственном участии «Выра» все четверо бандитов были ликвидированы.

Тем временем два агента-боевика, оставленные в квартире «Зои», задержали «Зою» и «Дзвинку».

Легендированные «провода» и группы. Наряду с использованием агентов-боевиков органы государственной безопасности иногда легендировали целые оуновские «провода» и подпольные группы.

Легендированные «провода» ОУН брали под контроль действия бандитских групп, оказывали на них нужное влияние, предотвращали враждебные проявления, а в конеч-

ном итоге подводили их под оперативный удар органов МГБ.

В 1951 году органами госбезопасности были захвачены и завербованы в качестве агентов под псевдонимами «Жаров» и «Ильинский» курьеры связи Каменец-Подольского окружного «провода» ОУН. С помощью этих агентов в конце того же года был захвачен главарь окружного «провода» ОУН «СК-9», который после соответствующей обработки и закрепления был завербован в качестве агента под псевдонимом «Н-26».

После вербовки «Н-26» возглавил легендированный Каменец-Подольский окружной «провод» ОУН. Предусматривалось, что это позволит установить связь с главарями подполья ОУН в западных областях республики и использовать этот контакт в интересах органов МГБ.

Несколько раньше УМГБ Тернопольской области вывело из подполья и завербовало двух участников ОУН, укрывавшихся на территории Кременецкого района и служивших промежуточным звеном связи между главарями ОУН на западе и подпольем ОУН на востоке Украины (Хмельницкая и Винницкая области). Завербованные агенты были возвращены в подполье и в дальнейшем в мероприятиях органов МГБ именовались группой «Закат». Группа «Закат» поддерживала контакт с бандитом «Бурым», руководителем пункта связи центрального «провода» ОУН.

В связи с тем, что использованию группы «Закат» для передачи записки агента «Н-26» главарям центрального «провода» ОУН мешали бандгруппы «Гейнеша», «Кузьмы» (Хмельницкая область), «Прокопа» и «Семена» (Тернопольская область), осенью и зимой 1951/52 года эти бандгруппы органами МГБ были ликвидированы.

В 1952 году через группу «Закат» удалось направить члену центрального «провода» ОУН «Орлану» для «Лемиша» записку от «Н-26», в которой он информировал этого главаря об установлении им связи с подпольем ОУН на востоке республики. «Лемиш» приказал «Орлану»

любыми средствами удерживать эту связь. Одновременно «Н-26» обменялся записками с «Бурый», и они договорились в случае гибели группы «Закат» поддерживать связь непосредственно через обусловленные пункты связи.

В ноябре 1952 года, в январе и весной 1953 года «Бурый» на встречу с группой «Закат» не вышел, хотя, по агентурным данным, был жив и продолжал укрываться в том же Кременецком районе. При изучении причин неявки «Бурого» на встречу было установлено, что группа «Закат» после вербовки вела себя неконспиративно и могла быть заподозрена в принадлежности к агентуре органов МГБ. В связи с этим были проведены мероприятия по выводу из игры группы «Закат» путем «физической ликвидации», с тем чтобы реабилитировать ее в глазах «Бурого» и «Орлана» и вынудить их пойти на непосредственную связь с легендарным окружным «проводом» ОУН. Инсценировка ликвидации

была проведена настолько удачно, что у бандпособников, приведенных на опознание «убитых», не возникло никаких подозрений.

21 июня 1953 года «Орлан» запиской вызвал на встречу «Н-26». Из их беседы стало известно, что «Орлан» в целях безопасности намерен перебазироваться на восток Украины, как раз в район действия нашего легендарного окружного «провода», и в связи с этим вызвал на встречу «Н-26».

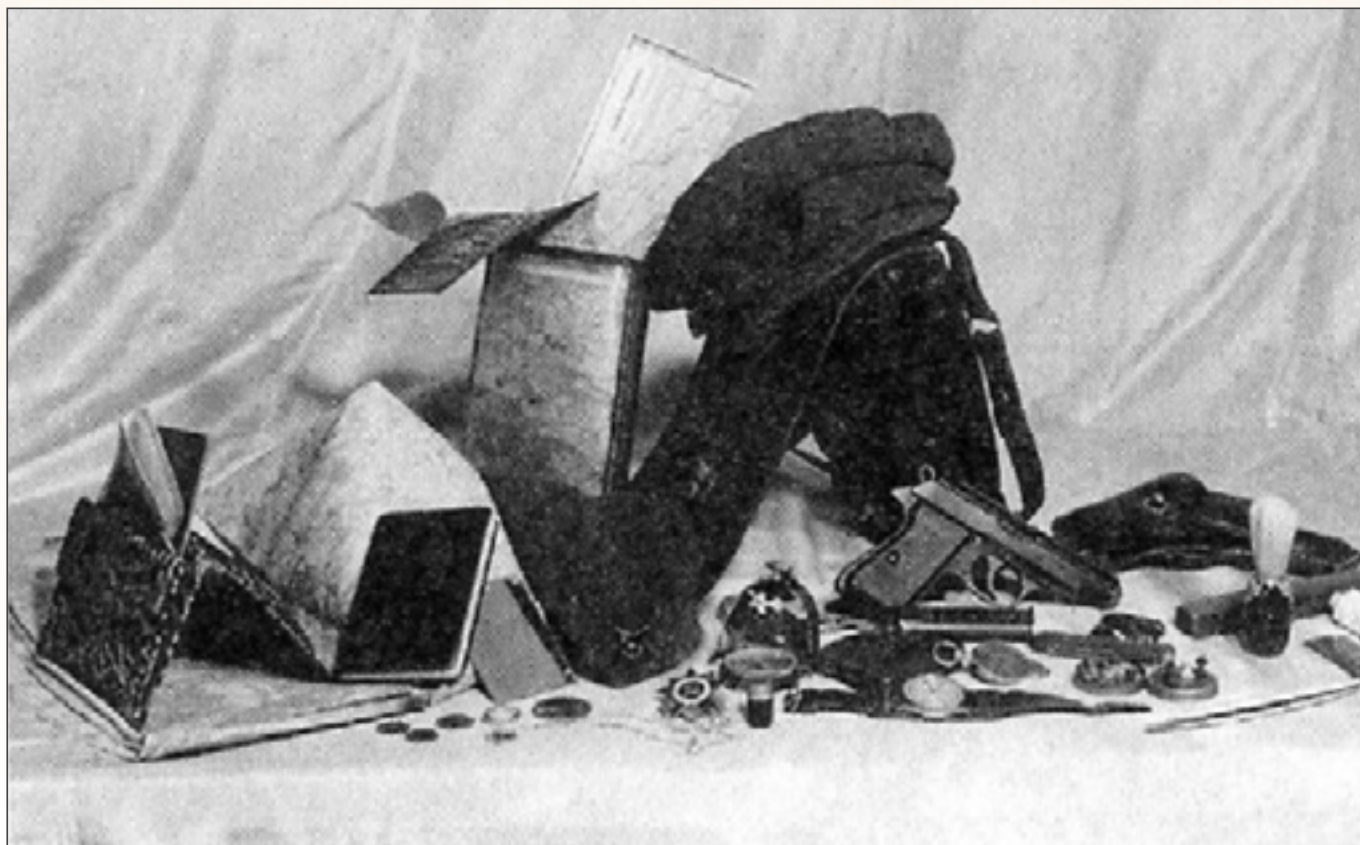
11 июля 1953 года «Орлан», его жена и еще один бандит — «Чумак» в сопровождении агента «Н-26» прибыли на базу легендарного «провода», где и были захвачены.

Данные, полученные от «Орлана», были использованы для поимки «Лемеша»-Кука, возглавлявшего подполье после ликвидации Шухевича. Было известно, что в связи с разгромом оуновского подполья на Украине Куку, единственный оставшийся на свободе член центрального «провода» ОУН, изыскивал возможности

для ухода за кордон. Естественно, встала задача — как можно быстрее разыскать, захватить или ликвидировать Куку, тем более что уход его за кордон мог принести большой вред нашему государству. Органы госбезопасности не знали места его укрытия. Как впоследствии оказалось, не знал этого и «Орлан», но он назвал место укрытия курьерской группы Кука, где тот периодически появлялся.

Используя «Орлана» в качестве проводника, работники МГБ УССР 6 ноября 1953 года провели чекистско-войсковую операцию по захвату курьеров Кука, скрывавшихся на территории Подкаменского района Львовской области. Курьера Кука — Турченяка удалось захватить живым.

Турченяк на допросе показал, что он с 1946 года состоит в курьерской группе Кука и почти каждый год встречался с ним в бункере, где Турченяк был захвачен. Он сообщил, что Куку весной 1954 года снова придет к бункеру. С учетом этих данных

▲ Оружие, печати, документы Шухевича

в течение зимы велась усиленная подготовка к оперативному использованию Турченяка. Впоследствии Турченяк был завербован в качестве агента под псевдонимом «Богун».

19 апреля 1954 года Турченяк — агент «Богун» и бывшие боевики «Орлана» агенты «Жаров» и «Карло» были помещены в бункер «Богуна» с задачей захватить или уничтожить Кука в случае его прихода к ним. В г. Золочеве была размещена оперативная группа МГБ УССР с приданной ей войсковой группой, которая поддерживала связь с агентами с помощью радиосигнализационного аппарата «Тревога», а также периодических личных встреч. В течение 1 месяца и 4 дней группа агентов находилась в бункере, ожидая прихода Кука.

23 мая 1954 года, в 4 часа утра, Кук и его жена Крюченко Ульяна в сопровождении двух бандитов прибыли к месту нахождения группы, где и были захвачены.

Наряду с ликвидацией вооруженных банд ОУН органы МГБ занимались вскрытием и оперативной ликвидацией националистических организаций и групп, состоящих из легализовавшихся оуновцев.

При проведении этой работы учитывалось, что главарь ОУН на совещании членов центрального «провода» в июне — июле 1948 года договорились об усилении антисоветской работы среди националистических элементов из числа легализовавшихся оуновцев, особенно среди учащейся молодежи.

В связи с этим перед органами МГБ встал задача — не допустить создания организационных звеньев ОУН в учебных заведениях Украины, а там, где они созданы, вскрыть и пресечь их антисоветскую деятельность.

Участники националистических организаций и групп по заданию подполья совершали террористические и диверсионные акты, распространяли листовки, противодействовали вступлению молодежи в комсомол, снабжали бандитов разведывательной информацией и материальными средствами, а также вели

другую антисоветскую деятельность.

Об объеме проведенной органами МГБ работы по вскрытию и пресечению враждебной деятельности участников националистических организаций и групп из легализовавшихся оуновцев свидетельствует, в частности, такой факт: только за май — июнь 1950 года были вскрыты и ликвидированы 83 оуновские организации и группы, участники которых (общей численностью 546 человек) проживали легально.

Таким образом, проведенные органами МГБ мероприятия сорвали замыслы главарей создать сетку организационных звеньев из легально проживающих оуновцев.

Борьба с оуновским подпольем бандеровского и мельниковского направлений велась также в восточных областях УССР. Еще в годы немецко-фашистской оккупации там была создана сетка оуновского подполья, куда входили 2 краевых, 11 областных, 21 окружной, 103 районных «провода» и десятки низовых звеньев ОУН.

Многие главарь этих «проводов» бежали с востока Украины вместе с отступающими немецкими войсками, а участники националистического подполья после освобождения территории Украины от немецко-фашистских захватчиков были репрессированы органами МГБ. Однако главарь подполья до последнего времени не отказывались от попыток восстановления организационных звеньев ОУН на востоке Украины, постоянно направляя туда отдельные бандитские группы и своих эмиссаров.

Только в 1944–1945 годах краевой «провод» ОУН, действовавший на Волыни и Ровенщине, направил в Житомирскую, Винницкую, Хмельницкую, Киевскую и Черниговскую области более 30 бандитских групп для проведения диверсионно-террористической деятельности и создания националистического подполья из местного населения. В результате принятых мер все направлявшиеся на восток Украины бандитские группы органами МВД — МГБ были разгромлены.

Позже, в начале пятидесятых годов, по указанию центрального «провода» ОУН в Хмельницкую, Винницкую, Сумскую и Киевскую области снова были направлены банды ОУН для организации там подрывной деятельности. Для руководства засланными бандами и создаваемым из местных жителей подпольем в Винницкую и Хмельницкую области был направлен член краевого «провода» ОУН «Подилля» по кличке «Упас». Но к концу 1952 года и эти оуновские банды, действовавшие в восточных областях Украины, были ликвидированы.

В послевоенный период антисоветскую деятельность на территории западных областей Украины вело также националистическое подполье мельниковского направления, созданное в период немецкой оккупации «Проводом украинских националистов» (ПУН), возглавляемым Андреем Мельником, и остатки подполья «Полесская сечь», созданного с помощью немцев украинским националистом Боровцом Тарасом по кличке «Тарас Бульба». Позднее «Полесская сечь» была переименована в «Украинскую народно-революционную армию» — УНРА.

Подполье ПУН, за исключением нескольких вооруженных банд, состояло из легализовавшихся лиц, получивших задание от главарей приспособиться к советской действительности, пробраться в советский государственный аппарат, чтобы в случае военного конфликта между империалистическим блоком и СССР захватить власть на местах.

Для ликвидации вооруженных банд ПУН органами МГБ применялись те же средства и методы агентурно-оперативной и войсковой работы, что и против банд ОУН — УПА. К началу 1947 года банды ПУН были разгромлены. Немногочисленные отряды УНРА были разгромлены органами МВД — МГБ в 1944 году, а уцелевшие их участники влились в банды ОУН — УПА или явились с повинной.

Агентурно-оперативные мероприятия органов МГБ, начиная со второго этапа, то есть с 1947 года,

были направлены на вскрытие сохранившихся организационных звеньев подполья ПУН и УНРА, розыск отдельных главарей, скрывавшихся от Советской власти, и их пособников.

В 1950 году остатки подполья ПУН и УНРА были полностью ликвидированы.

РАЗЛОЖЕНИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ БАНД

Сразу же после образования УПА начался естественный процесс ее разложения. Десятки тысяч украинцев, обманом и насилием вовлеченных в банды УПА, изыскивали возможности для возвращения к мирной жизни. В бандах их удерживал только страх перед почти неизбежной и жестокой расправой. Что же касается бандитских главарей, то между ними усиливалась неприязнь, часто перераставшая в открытую вражду.

Перед органами Советского государства, в том числе и перед органами государственной безопасности,

стояла задача — использовать естественный процесс разложения банд для проведения таких мероприятий, которые ускорили бы окончательный распад вооруженных формирований украинских буржуазных националистов.

Для решения этой задачи предполагалось использовать два основных метода:

- во-первых, отрыв рядовых участников банд от их главарей и организацию массовых явок с повинной;
- во-вторых, разжигание неприязни между главарями банд и их компрометацию как перед рядовыми бандитами, так и перед их иностранными хозяевами.

Мероприятия по разложению вооруженных формирований проводились на всех этапах борьбы с подпольем украинских буржуазных националистов.

На первом этапе борьбы с вооруженным подпольем большую роль сыграли также специальные меро-

приятия политического и идеологического характера.

Явка с повинной и легализация. Коммунистическая партия и Советское правительство еще в период оккупации Украины, когда начали складываться оуновские вооруженные банды, вели разъяснительную работу в массах, разоблачали украинских националистов как пособников немецко-фашистских захватчиков. После изгнания немцев правительство Украины издавало официальные обращения к участникам вооруженных националистических банд, к тем, кого вовлекли в антисоветскую борьбу обманом и угрозами, с призывом прекратить борьбу, разойтись по домам и включиться в строительство новой жизни.

Важную роль в деле ликвидации бандформирований УПА сыграли обращение Президиума Верховного Совета УССР и СНК УССР от 12 февраля 1944 года «К участникам так называемых УПА и УНРА» и обращение ЦК КП(б) Украины, Президиума Верховного Совета УССР и СНК УССР

▲ 1950 г. Станиславская обл., разведывательно-поисковая группа МГБ УССР по обнаружению подполья ОУН и УПА

от 19 мая 1945 года «К рабочим, крестьянам и интеллигенции западных областей Украины».

В этих обращениях разоблачалась антинародная сущность украинского буржуазного национализма, предательская, продажная роль главарей ОУН и террористическая деятельность участников националистического подполья. Коммунистическая партия и Советское правительство призывали трудящихся западных областей республики активно включиться в борьбу с националистическими бандами. Участникам подполья ОУН, в том числе и оуновским главарям, добровольно явившимся с повинной, давалась гарантия, что их не привлекут к ответственности.

В обращении от 19 мая 1945 года, в частности, отмечалось, что победа Красной Армии над гитлеровской Германией вызвала панику и растерянность среди остатков националистических банд. Те, которые поняли, что совершают преступление перед народом, выходят из лесов, но часть

еще осталась в бандитских шайках.

«Не желая напрасно проливать кровь, — говорилось в обращении, — Президиум Верховного Совета, Совет Народных Комиссаров и ЦК КП(б) Украины предоставляют участникам украинско-немецких националистических банд последнюю возможность покаяться и честным трудом искупить свою вину перед украинским народом».

В этом обращении всем участникам националистических банд объявлялся срок для явки с повинной, в течение которого они должны были явиться на приемные пункты и сдать оружие и боеприпасы. Правительство Советской Украины прощало им участие в вооруженной борьбе.

Обращения были обнародованы во всех населенных пунктах западных областей Украины, а также через агентуру, родственные и другие связи бандитов переданы в банды ОУН — УПА. Партийно-советский аппарат вел большую работу среди населения, в частности среди родст-

венников бандитов, по разъяснению этих документов.

В указанных обращениях правительство УССР предупреждало всех участников банд, что если они не прекратят антисоветской деятельности, не явятся с повинной, то будут рассматриваться как неисправимые, злостные враги украинского народа и будут сурово наказаны или даже уничтожены.

Захваченные и явившиеся с повинной бандитские главари и рядовые оуновцы после проведенной с ними соответствующей работы выступали на собраниях жителей западных областей Украины, обращались к бандитам УПА с письмами, в которых разоблачали вредность буржуазно-националистической идеологии, указывали на бесперспективность и бесцельность борьбы против Советской власти и призывали к прекращению враждебной бандитско-террористической деятельности и добровольной явке с повинной.

▲ Сотрудники милиции — партизаны. 1943 год

▲ Оуновцы

В результате всех этих мероприятий в органы Советской власти за 1944–1945 годы явились с повинной около 30 тысяч оуновцев и свыше 40 тысяч лиц, уклонявшихся от призыва в армию.

В подполье ОУН усилился процесс разложения и деморализации, некоторые рядовые участники банд перестали повиноваться главарям, начались массовые явки с повинной. Так, при проведении в феврале 1945 года чекистско-войсковой операции в Вишницком районе Черновицкой области почти весь «курень» УПА главаря «Перебейноса» (до 400 бандитов) отказался подчиняться главарям и, не приняв боя, явился с повинной.

Оуновские главаря пытались приостановить процесс разложения националистического подполья массовым террором в отношении явившихся с повинной, их семей, а также тех участников банд, которых они считали ненадежными. Массовое истребление «ненадежных» не приостановило процесса разложения, а еще больше его усилило. Насиль-

ственно вовлеченная в банды молодежь в ответ на обращение ЦК КП(б) У и правительства Украинской ССР стала являться с повинной (бандиты являлись в одиночку или маленькими группами).

Несмотря на жестокую расправу главарей ОУН с лицами, порвавшими с националистическим подпольем, в результате всего комплекса проведенных мероприятий по разложению и склонению к явке с повинной с 1944 по 1950 годы, в органы Советской власти явились с повинной десятки тысяч участников ОУН, активных бандпособников и прочих националистов, находившихся на нелегальном положении.

Всего органами МГБ Украинской ССР взято на учет свыше 76 тысяч явившихся с повинной и легализовавшихся бывших оуновцев и других участников банд. По имеющимся данным, из явившихся с повинной и легализовавшихся бандитов 4502 человека не сдали оружия.

Определенный интерес представляют также данные по каждой из шести областей Западной Украины о лицах, явившихся с повинной и легализовавшихся.

Характерно, что многие из явившихся с повинной участников организаций и банд, сами потом участвовали в борьбе с подпольем, содействовали укреплению Советской власти.

Название области	Всего	В том числе бандитов ОУН
Львовская	22 061	1882
Ивано-Франковская	19 786	2751
Ровенская	15 146	1520
Волынская	7570	710
Тернопольская	7513	123
Черновицкая	3080	609

Компрометация главарей. В процессе осуществления органами госбезопасности республики мероприятий по ликвидации подполья украинских националистов и его вооруженных банд было собрано значительное количество материалов, свидетельствовавших о разброде и взаимном недоверии среди участников банд и оуновских главарей.

Это было использовано органами государственной безопасности для проведения мероприятий по разложению подполья, особенно по компрометации его главарей.

Большие потери, понесенные националистическим подпольем в первые послевоенные годы, его главари объясняли главным образом тем, что среди оуновцев было много агентов органов государственной безопасности. В связи с этим при помощи СБ они систематически проводили проверку и «чистку» подполья от «подозрительных» элементов. «Чистка» еще более усиливала взаимное недоверие участников подполья.

Достаточно было поступить в ОУН каким-либо данным, пусть даже и ложным, что тот или иной оуновец связан с органами государственной безопасности, как он немедленно подвергался задержанию, допросу

с пытками и в большинстве случаев уничтожался.

Отчеты низовых организаций ОУН о количестве «разоблаченной агентуры» органов государственной безопасности производили на оуновских главарей сильное впечатление. Многие из них, приняв эти отчеты за чистую монету, давали указания усилить работу по выявлению в своей среде предателей и ликвидации их. Другие главари, сомневаясь в правдоподобности этих отчетов, заявляли, что «чистка» ОУН не достигает цели, так как в большинстве случаев при этом уничтожаются не «агенты» органов государственной безопасности, а преданные ОУН участники подполья.

Анализ оуновских документов показывает, что истребление «службой безопасности» членов ОУН и их главарей, проверка и «чистка» в ряде случаев привели к ликвидации отдельных низовых организаций и к возникновению в ОУН так называемых «оппозиционных групп». Например, главарь «службы безопасности» краевого «провода» ОУН на ПЗУЗ «Далекий» вместе с несколькими членами этого «провода» переманил на свою сторону многих оуновских главарей и создал на Во-

лыни краевой «провод» ОУН под зашифрованным названием «Одесса». Этот «провод» до ликвидации его органами МГБ в 1949 году центральному «проводу» не подчинялся.

Используя взаимное недоверие между оуновцами, органы государственной безопасности наряду с другими агентурно-оперативными мероприятиями осуществляли компрометацию оуновских террористов и диверсантов, находившихся на нелегальном положении. Меры по компрометации применялись и в тех случаях, когда нужно было руками самих бандитов убрать опасного террориста.

Компрометация является одним из самых острых методов агентурно-оперативной работы, и применялась она только к таким бандитам, о которых было достоверно известно, что они совершили тяжкие преступления и намереваются совершить новые злодеяния.

Компрометация осуществлялась путем распространения через выявленных агентов-двурешников слухов о желании разрабатываемого бандита выйти из подполья или о его связи с органами государственной безопасности; путем устройства ложных тайников и оставления в них писем

▲ УПА

▲ Бойцы истребительного батальона

на имя разрабатываемого, изготовленных органами государственной безопасности, а также «утери» такого письма в каком-нибудь общественном месте или в доме бандпособника; путем посещения оперативными работниками квартиры родственников бандитов; посылки писем родственникам бандита-террориста с предложением ускорить выдачу оуновского главаря и т.п.

Характерным примером компрометации, давшей хорошие результаты, является мероприятие, проведенное в свое время в отношении «Чупринки» — руководителя СБ «провода» ОУН на Воляни.

Во время «чистки» оуновских рядов «Чупринке» умело подставили нашего агента, который, войдя к нему в доверие, сумел внушить ему, что ряд главарей оуновских банд связан с органами госбезопасности. По совету агента «Чупринка» уничтожил около

50 руководителей банд и активных террористов. После расстрела главарей от «Чупринки» откололась группа «Далекого», которая повела вооруженную борьбу против сторонников «Чупринки». В результате вооруженных стычек между бандами «Чупринки» и «Далекого» было уничтожено много бандитов.

На территории Лисецкого, Ланчинского и Надворьянского районов Ивано-Франковской области продолжительное время активную террористическую деятельность вела бандгруппа, возглавляемая бандитом по кличке «Дунай».

В целях компрометации «Дуная» ему было направлено письмо с предложением явиться с повинной и вручено его пособнице с просьбой передать «Дунаю». Когда та отказалась передать письмо, сославшись на то, что не имеет связи с «Дунаем», оперативный работник забрал его обрат-

но, сказав, что больше беспокоить ее не будет, так как вопрос о явке «Дуная» уже решен.

Для того чтобы создать у жителей села впечатление, что «Дунай» связан с органами МГБ, оперативные работники стали посещать дом его родителей и предупредили председателя сельсовета, чтобы он был приветливее со стариками, не упрекал их, что двое их сыновей находится в банде. Об этом стало известно в подполье. Главарь СБ ланчинского районного «провода» ОУН «Помета» захватил «Дуная» и расстрелял его как агента органов МГБ.

Подобным же образом органы государственной безопасности уничтожали чужими руками таких оуновских головорезов, которых другим путем в течение длительного времени не удавалось обезвредить. ■

О КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ. ПЕРЕПИСКА СТАЛИНА И ШОЛОХОВА

▲ В колхозе

Взять власть в огромной, раздираемой противоречиями стране оказалось неожиданно легко и просто. Не только потому, что слабовольным было Временное правительство. Пожалуй, никто и не дорожил этой властью, не цеплялся и не сражался за нее всерьез, не на жизнь, а на смерть. Это не озадачило ни «ленинскую гвардию», ни самого вождя. Тяжелейшие испытания для них начались позже.

В жесточайшей гражданской войне, когда не раз казалось, что проиграно дело большевистской партии, в конце концов победа была на её стороне. Тут-то и выяснилось, что

удержать и укрепить свою власть в огромной стране, испытывавшей кровавую междоусобицу и революционную перестройку — задача невероятно трудная.

Напряжение внутри общества нарастало. В руководстве партии усилились разногласия. Все наиболее развитые страны были против Советской России. За рубежом оставалось более миллиона белогвардейцев. Скрытых внутренних врагов было не меньше. В недавно созданном Советском Союзе экономическое положение было чрезвычайно тяжелым: чудовищный голод, эпидемии (значительно меньше были по-

тери от военных действий). Однако наибольшие опасения и постоянно нарастающую тревогу вызывала ситуация с крестьянством. Она не прояснялась, а всё более усугублялась и запутывалась. Чаше и яростней вспыхивали крестьянские бунты. А ведь сельские жители составляли подавляющую часть населения страны...

В переходный период от капитализма к социализму важнейшим звеном социалистической реконструкции экономики является социалистическое преобразование сельского хозяйства, то есть формирование социалистических произ-

водственных отношений в деревне. В России в сельском хозяйстве преобладали миллионы мелких крестьянских хозяйств. Существование мелкотоварного производства создавало постоянную угрозу реставрации капитализма, поскольку оно служило почвой, рождавшей и питавшей буржуазию. Нельзя было продолжительное время базировать социалистическое строительство на разных основах — на социалистической промышленности и индивидуальном крестьянском хозяйстве. Сельское хозяйство, базируясь главным образом на мелкой частной собственности и ручной технике, отставало от промышленности и всё в меньшей мере могло удовлетворять растущий спрос городского населения на продовольственные товары, а промышленности — на сельскохозяйственное сырьё. Только в результате замены мелкотоварного крестьянского хозяйства крупным механизированным производством, имеющим высокую товарность, можно было преодолеть

отставание сельского хозяйства и поднять производство сельскохозяйственной продукции до размеров, удовлетворяющих потребности страны.

В 1927 году в результате стихийного развития свободного рынка 7% крестьян остались без земли. Каждый год около 250 000 бедняков теряли свои земли. Безземельные крестьяне были не нужны деревенской общине. Около 27 млн. крестьян в 1927 году не имели лошадей и телег. Около 50-53% населения на селе состояло из середняков. Однако в работе они использовали лишь примитивные инструменты. Во всём СССР тогда только 5-7 процентов крестьян успешно обогащались. Это были кулаки. Сталин понимал, что социализму угрожают: 1) голодные бунты в городах; 2) кулаки в деревнях; 3) иностранная военная интервенция.

В 1927 году в стране разразился очередной «хлебный кризис». Из-за нехватки промышленных товаров

для обмена на зерно, а также урожая в ряде районов, сократилось количество поступившего на рынок товарного хлеба, а также продажа сельхозпродукции государству. Промышленность не успевала кормить город через товарообмен. Опасаясь повторения хлебных кризисов и срыва выполнения плана индустриализации, руководство страны решило ускорить проведение сплошной коллективизации.

В декабре 1927 года XV съезд ВКП(б) принял специальную резолюцию по вопросу о работе в деревне, в которой провозгласил «Курс на коллективизацию». Ставились задачи: 1) создать «фабрики зерна и мяса»; 2) обеспечить условия для применения машин, удобрений, новейших агро- и зоотехнических методов производства; 3) высвободить рабочую силу для строек индустриализации; 4) ликвидировать разделение крестьян на бедноту, середняка и кулака. Был издан «Закон об общих началах землепользования и зем-

▲ 15-й съезд ВКП(б)

▲ Коллективизация

леустройства», по которому из госбюджета выделялись значительные суммы на финансирование коллективных хозяйств. Для технического обслуживания крестьянских объединенных кооперативов в сельских районах организовывались машинно-тракторные станции (МТС). Колхозы были открыты для всех.

Коллективизация имела как минимум четыре цели. Первая, официально провозглашенная партийным руководством — осуществление социалистических преобразований в деревне. Неоднородность и многоукладность экономики воспринималась как противоречие, которое необходимо преодолеть. В перспективе предполагалось создание крупного социалистического сельскохозяйственного производства, которое надежно обеспечит государство хлебом, мясом и сырьем. Способом перехода к социализму в деревне считалась кооперация. К 1927 году различными формами кооперации было охвачено свыше трети крестьянских хозяйств.

Вторая цель — обеспечение бесперебойного снабжения быстро растущих в ходе индустриализации городов. Основные черты индустриализации проецировались на коллективизацию. Бешеные темпы промышленного роста, урбанизации требовали резкого увеличения в чрезвычайно сжатые сроки поставок продовольствия в город.

Третья цель — высвобождение рабочих рук из деревни длястроек первых пятилеток. Колхозы являлись крупными производителями зерна. Внедрение в них техники должно было освободить от тяжелого ручного труда миллионы крестьян. Их ждала теперь работа на заводах и фабриках.

Четвертая цель, также связана с индустриализацией — увеличение с помощью колхозного производства продажи зерна на экспорт. Деньги, вырученные от этой продажи, должны были пойти на закупку техники и оборудования для советских заводов. Иного источника валютных средств у государства в то время фактически не существовало.

Индустриализация проходила в очень сложных политических условиях. С одной стороны, нищета после I мировой и Гражданской войн страна с отсталой промышленностью, с другой — малограмотное население и наличие врагов и саботажников, а также различных их покровителей в партии и государстве (Зиновьев, Каменев, Троцкий, Бухарин и др.). Через это прошла партия большевиков во главе со Сталиным.

Начавшаяся в 1929 году коллективизация сельского хозяйства являла огромный политический, экономический и культурный сдвиг, направивший крестьянские массы на путь социализма. Проводя индустриализацию, советское руководство обязано было перестроить и производительные силы в деревне. Однако сделать это было чрезвычайно сложно.

Для проведения коллективизации были мобилизованы 25 тыс. рабочих из городов, готовых выполнить партийные директивы. Уклонение от коллективизации стали трактовать

как преступление. Под угрозой закрытия рынков и церковей крестьян заставляли вступать в колхозы. Имущество тех, кто осмеливался сопротивляться коллективизации, конфисковывалось.

Зимой 1929-1930 гг. во многих деревнях и селах наблюдалась страшная картина. Крестьяне гнали на колхозный двор (часто просто сарай, окруженный забором) всю свою скотину: коров, овец, и даже кур и гусей. Руководители колхозов на местах понимали решения партии по-своему — если обобществлять, то все, вплоть до птицы. Кто, как и на какие средства будет кормить скотину в зимнее время, заранее предусмотрено не было. Естественно, большинство животных погибало через несколько дней. Более искусственные крестьяне заранее резали свою скотину, не желая отдавать ее колхозу. Тем самым по животноводству был нанесен огромный удар. Фактически, с колхозов в первое время брать было нечего. Город стал испытывать еще большую нехватку продовольствия, чем ранее.

Насильственная коллективизация и раскулачивание вызвали протест крестьян. В феврале-марте 1930 года начался массовый забой скота, поголовье крупного рогатого скота сократилось в результате на треть. В 1929 году было зарегистрировано 1300 крестьянских антиколхозных выступлений. На Северном Кавказе и в ряде районов Украины на усмирение крестьян были брошены регулярные части Красной Армии. В армию, в основном состоявшую из крестьянских детей, также проникало недовольство. В то же время в деревнях отмечались многочисленные факты убийства «двадцатипяти-тысячников» — рабочих активистов, посланных из города организовывать колхозы. Кулаки неоднократно ломали и портили колхозные машины во время весеннего сева и писали угрожающие послания председателям хозяйств.

2 марта 1930 году в «Правде» вышла статья Сталина «Головокружение от успехов», содержащая обвинение в перегибах в адрес

местного руководства. Было принято постановление о борьбе против «искривления партлинии в колхозном движении». Показательно наказаны некоторые руководители на местах. Тогда же, в марте, был принят Примерный устав сельскохозяйственной артели. В нем провозглашался принцип добровольного вхождения в колхоз, определялся порядок объединения, объем общественных средств производства.

Из статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов», 2 марта 1930 года: «...Нельзя насаждать колхозы силой. Это было бы глупо и реакционно. Колхозное движение должно опираться на активную поддержку со стороны основных масс крестьянства. Нельзя механически пересаживать образцы колхозного строительства в развитых районах в районы неразвитые. Это было бы глупо и реакционно. Такая «политика» одним ударом развенчала бы политику коллективизации... Дразнить крестьянина-колхозника «общественлением» жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого скота, домашней птицы, когда зерновая проблема еще не разрешена, когда артельная форма колхозов еще не закреплена, — разве не ясно, что такая «политика» может быть удобной и выгодной лишь нашим заклятым врагам? Чтобы выправить линию нашей работы в области колхозного строительства, надо положить конец этим настроениям...»

В начале 1930-х годов цены на зерно на мировом рынке резко упали. Урожаи 1931 и 1932 гг. в СССР были ниже средних. Однако продажа хлеба за границу с целью получения валюты на закупку промышленного оборудования продолжалась. Прекращение экспорта грозило срывом программы индустриализации. В 1930 г. было собрано 835 млн центнеров зерна, из них экспортировано — 48,4 млн центнеров. В 1931 г. соответственно собрано — 695, вывезено 51,8 млн центнеров.

В 1932 г. выполнить задания по сдаче хлеба колхозы зерновых районов не смогли. Туда были направлены чрезвычайные комиссии.

Деревню захлестнула волна административного террора. Изъятие для нужд индустриализации из колхозов ежегодно миллионов центнеров зерна вызвало вскоре страшный голод. Зачастую изымалось даже то зерно, которое было предназначено для весеннего посева. Мало сеяли, мало и собирали. Но план поставок необходимо было выполнять. Тогда у колхозников забирали последние продукты. Импортные станки обошлись народу очень дорогой ценой, голодом 1932-1933 годов. Голод развился на Украине, Северном Кавказе, Казахстане, в Центральной России. Причем, многие голодающие районы являлись как раз хлебными житницами страны.

После выхода сталинской статьи «Головокружение от успехов» отмечался массовый выход крестьян из колхозов. Но вскоре они вновь вступают в них. Ставки сельхозналога с единоличников были повышены на 50 % по сравнению с колхозными, что не позволяло нормально вести индивидуальное хозяйство. В сентябре 1931 года охват коллективизацией достигает 60%. В 1934 году — 75%. Вся политика советского руководства в отношении сельского хозяйства была направлена на удержание крестьянина в жестких рамках: либо работать в колхозе, либо уехать в город и влиться в новый пролетариат. Для недопущения неконтролируемой властями миграции населения в декабре 1932 г. были введены паспорта и система прописки. Крестьяне паспортов не получили. Без них же нельзя было переехать в город и устроиться там на работу. Покинуть колхоз можно было только с разрешения председателя.

С течением времени недовольство крестьян коллективизацией затихало. Беднякам, по большому счету терять было нечего. Середняки свыкались с новым положением и не решались открыто выступать против власти. Кроме того, колхозный строй, ломая одно из начал крестьянской жизни — индивидуальное хозяйство, продолжал другие традиции — общинный дух русского села, взаимозависимость и совмест-

▲ Зерновой склад

ный труд. Новая жизнь не давала прямого стимула для хозяйственной инициативы. Хороший председатель мог обеспечить приемлемый уровень жизни в колхозе, тогда как нерадивый довести его до нищеты. Но постепенно хозяйства вставали на ноги и начинали давать то продовольствие, которое требовало от них государство.

Коллективизация решила проблему свободной перекачки средств из аграрного сектора в промышленность, обеспечила снабжение армии и индустриальных центров продуктами сельского хозяйства, а также решила проблему экспортных поставок хлеба и сырья. В годы первой пятилетки 40% экспортной выручки дал экспорт зерна. Вместо 500 — 600 миллионов пудов товарного хлеба, заготовлявшегося ранее, в середине 1930-х годов страна заготов-

ляла 1200 — 1400 миллионов пудов товарного зерна ежегодно. Организация крупных хозяйств и внедрение в них машинной техники позволило изымать из сельского хозяйства гигантское число людей, которые работали на стройках индустриализации, затем воевали против нацизма и вновь поднимали промышленность в послевоенные годы.

В результате коллективизации более 120 млн. крестьян были вырваны из средневековья безграмотности, мракобесия, многих инфекционных болезней. А репрессивные меры были вызваны необходимостью преодолевать порой злейшее классовое сопротивление. Против коллективизации яростно выступали Бухарин, Троцкий и другие оппозиционеры. В частности, Бухарин утверждал, что кулак может «врасти» в социализм, а Троцкий в феврале 1930 года осу-

дил ускорение коллективизации и раскулачивания, говоря, что колхозы развалятся в ожидании технической базы.

За десятилетие был совершён прыжок из феодализма в XX век. Культурный и технический прогресс были феноменальными. Инвестиции в сельское хозяйство выросли с 379 млн. рублей в 1928 году до 4983 млн. в 1935 году. С 1933 года производство сельскохозяйственной продукции постоянно увеличивалось. Общая стоимость сельскохозяйственной продукции выросла от 13,1 млрд. рублей в 1928 году до 23,2 млрд. в 1940 году.

Сплошная коллективизация крестьянских хозяйств коренным образом изменила пути развития и уклад жизни деревни, стала важной судьбоносной вехой в истории нашей страны.

М. Л. ШОЛОХОВ — И. В. СТАЛИНУ
Станица Вешенская 4 апреля 1933 г.

Т. Сталин!

Вешенский район, наряду со многими другими районами Северо-Кавказского края, не выполнил плана хлебозаготовок и не засыпал семян. В этом районе, как и в других районах, сейчас умирают от голода колхозники и единоличники; взрослые и дети пухнут и питаются всем, чем не положено человеку питаться, начиная с падали и кончая дубовой корой и всяческими болотными кореньями. Словом, район как будто ничем не отличается от остальных районов нашего края. Но причины, по которым 99% трудящегося населения терпит такое страшное бедствие, несколько иные, нежели, скажем, на Кубани.

Прошлые годы Вешенский район был в числе передовых по краю. В труднейших условиях 1930 — 31 гг. успешно справлялся и с севом и с хлебозаготовками. О том, как парторганизация боролась за хлеб, красноречиво свидетельствуют цифры роста посевных площадей.

Посевная площадь по колхозно-единоличному сектору:

1930 г. — 87 571 гек.

1931 г. — 136 947 гек.

1932 г. — 163 603 гек.

Как видите, с момента проведения сплошной коллективизации посевная площадь выросла почти вдвое. Как работали на полудохлом скоте, как ломали хвосты падающим от истощения и устали волам, сколько трудов положили и коммунисты и колхозники, увеличивая посев, борясь за укрепление колхозного строя, я постараюсь — в меру моих сил и способностей — отобразить во второй книге «Поднятой целины». Сделано было много, но сейчас все пошло на смарку, и район стремительно приближается к катастрофе, предотвратить которую без Вашей помощи невозможно.

Вешенский район не выполнил плана хлебозаготовок и не засыпал семян не потому, что одолел кулацкий саботаж и парторганизация не сумела с ним справиться, а потому, что плохо руководит краевое руководство. На примере Вешенского района я постараюсь это доказать.

В 1931 г. колхозы Вешенского района полностью выполнили план хлебозаготовок в 21 000 тонн, заготовили семена на 163 603 гек. озимого и ярового клина, выдали колхозникам на трудодни 7323 тонны (по 8 1/2 пудов в среднем на едока) и осенью подняли 73 000 гек. зяби.

Весною 1932 г. приступили к севу. Решение ЦК и Совнаркома «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г.» застало колхозы нашего района еще в момент сева колосовых. Его проработали во всех бригадах, распростирали широчайшим образом. И оно сыграло немалую роль в деле поднятия производительности труда! Колхозника ориентировали так: «В прошлом году колхоз ваш сдал на хлебозаготовки одну тысячу тонн, а в этом году, при сниженном плане, сдаст меньше. Остальное — ваше! Распределяйте на трудодни и распоряжайтесь, как хотите».

План сева к 26 мая был выполнен по району целиком, включая и 13000 гектар дополнительного. Но надо сказать, что на изрядной и никем не учтенной площади высев зерна был произведен в значительно меньшей норме, чем полагалось бы, т.к. зерно крали колхозники во время сева из сеялок. В этом деле бесспорно одно: воровали не «из любви к искусству» и не ради стяжания, а в большинстве случаев потому, что в 1931 г. получили — по сути — полуголодную норму (8 1/2 пудов на едока), да и из этой нормы весною 1932 г., когда край прислал дополнительный план по пшенице, взяли на обсеменение часть выданного осенью хлеба.

Каков был урожай по верхнему Дону в 1932 г.? Я изъездил и исходил много полей, и не только колхозов Вешенского, но и соседних районов. Урожай можно смело назвать «лоскутным». Он и пестр был, как лоскутное одеяло. Стогектарная клетка пшеницы, посеянной в первых числах апреля, на вид давала 30 — 35 пудов, а рядом такая же клетка пшеницы, посеянной в конце апреля либо в начале мая, выглядела неизмеримо хуже. В одном и том же колхозе урожай колебался от 4 пудов с гектара до 40.

Большое количество посевов — преимущественно поздних — погибло окончательно. Так по колхозам Вешенского района из общей посевной площади в 163603 гек. погибло 14017 гек. одной пшеницы, да 6866 гек. пропашных.

В конце июня секретарь РК Луговой получил двухмесячный отпуск по болезни. С этим временем совпал уход старого председателя РИК'а (районный исполнительный комитет). Заворг РК Лимарев и новый председатель РИК'а Карбовский приступили к составлению хлебофуражного баланса, используя данные районной комиссии по определению урожайности.

Районная комиссия, определявшая урожайность, в большинстве состояла из людей новых в районе, абсолютно не знавших ни условий района, ни того, как проводился весенний сев. Комиссия не учла того обстоятельства, что 20883 гек. погибших посевов не исчерпывали минусов районного хозяйства, что помимо этого по колхозам имелась огромная неучтенная площадь поздних, забитых сорняками хлебов, которая даст значительно сниженную урожайность. Поэтому-то и была допущена переоценка урожайности. В среднем ее установили по пшенице 5 центнеров с 1 гектара и по ржи 7 центнеров, а в среднем по всем культурам, включая все колосовые и пропашные, — 5 центнеров с 1 гектара.

Опираясь на выводы комиссии, районное руководство, составлявшее хлебофуражный баланс, пришло к заключению, что валовая продукция по району составит 82000 тонн. Нелепость такого предположения очевидна уже по одному сопоставлению следующих цифр: известно, что урожай 1932 г. был ничуть не лучше урожая 1931 г., следовательно, если за отправное брать одинаковую урожайность этих лет, то прирост валовой продукции в 1932 г. должен идти только за счет прироста посевной площади. Валовая продукция по району за 1931 г. составляла 43 165 тонн, посеяли в 1932 г. по сравнению с 1931 г. на 26 656 гек. больше, перемножив 26656 на 5 центнеров, мы получим, разумеется, грубый, но все же приближающийся к действительности подсчет прироста валовой продукции за 1932 г. В общей сложности валовая продукция в 1932 г. едва ли превышала 56 000 — 57 000 тонн. Ее же «определили» в 82000 тонн. Просчитались... миллиона на полтора пудов. Но не только просчитались, наспех состряпав «определение урожайности», вдобавок еще и хлебофуражный баланс районные руководители составили следующим образом: на хлебозаготовки — 22 000 тонн, на выдачу по трудодням — 18696 тонн, на прокорм скота — 17000, остальное — на семена и различные фонды.

8 июля заворг РК Лимарев и председатель РИК'а Карбовский были вызваны в Крайком для рассмотрения хлебофуражного баланса. Баланс был рассмотрен в присутствии т. Шеболдаева, который обвинил вешенское районное руководство в злостном преуменьшении урожайности, а баланс назвал «кулацким». Тут же он предложил Лимарева с работы снять, а в Вешенский район послать авторитетную комиссию, в обязанности коей входило установить доподлинную урожайность и в случае если подтвердится преуменьшение урожайности, — районное руководство снимать и судить. Вместо намечавшихся по балансу 22 000 тонн хлебозаготовок он предложил сдать 53 000 тонн и, соответственно с этим, пересоставить остальные статьи расхода по хлебофуражному балансу.

▲ Шолохов с колхозниками

Лимареву т. Шеболдаев запретил выезд в район, оставив его своеобразным «заложником», а тем временем в Вешенскую выехала

Лимареву т. Шеболдаев запретил выезд в район, оставив его своеобразным «заложником», а тем временем в Вешенскую выехала

краевая комиссия по установлению «настоящей» урожайности. В комиссию эту вошло двое: зав. зерновым сектором Крайкома т. Федоров и секретарь парткома Сельмаша т. Овчинников.

Что послужило т. Шеболдаеву основанием для обвинения Вешенского РК в преуменьшении урожайности, я не знаю, но думаю, что т. Шеболдаев никакими твердыми данными на этот счет не располагал и что в этом деле решающую роль сыграл т. Пивоваров, который в конце июня на автомашине наискось пересек Вешенский район и на обратном пути из Вешенской, на полях Варваринского колхоза, над дорогой видел ранний мелионопус. Мелионопус этот был действительно

▲ Шолохов М.А.

превосходен! Пудов на 50 с гектара. После незавидных хлебов варваринский мелионопус обрадовал хозяйский глаз т. Пивоварова, но на совещании Пивоваров, вероятно, запомнил, что не по всему Вешенскому району были такие стандартно хорошие хлеба, и когда в Крайкоме встал вопрос об урожайности в Вешенском районе — Пивоваров заявил: «В Вешенском районе пшеница даст не меньше 10 центнеров с га. Стыдно вешенцам плакаться на плохой урожай!»

Случайное и не соответствующее действительности заявление т. Пивоварова бесспорно утвердило т. Шеболдаева в мысли, что вешенцы с урожайностью лукавят.

Перехожу к последовательному изложению событий. 14 июля Овчинников и Федоров прибыли в Вешенскую и в сопровождении заврайзо [заведующий районным земельным отделом] Вешенского РИК'а Корешкова выехали на правую сторону Дона, где была наиболее плохая урожайность, определять на глазок, «сколько даст гектар?».

Отъехали километров 10 от Вешенской. Федоров, указывая на делянку пшеницы, спрашивает у Корешкова:

— По-твоему, сколько даст гектар этой пшеницы?

КОРЕШКОВ. — Не больше трех центнеров.

ФЕДОРОВ. — А по-моему, не меньше десяти центнеров!

КОРЕШКОВ.— Откуда тут десять центнеров?! Ты посмотри: хлеб поздний, забит осотом и овсюком, колос редкий. Такой урожай на этих землях был только в 1909 году. Это ведь тебе не Кубань.

Проехали километров 5 и снова стали определять. И снова разошлись в оценке... Этак несколько раз. Доехали до посевов Грачевского колхоза. Тут-то и возникла между Корешковым и Федоровым жестокая перепалка.

— Сколько даст этот гектар? — спрашивает Федоров.

— Пять центнеров, — отвечает Корешков.

— Не пять, а девять иди десять!

▲ Пашня Дон

— Колос от колоса — не слышать девичьего голоса, и десять?

Федоров ответил на это буквально следующее:

— Если смотреть с машины, то колос действительно кажется редким, а вот ты слезь с машины, нагнись да посмотри: сплошные колоски!

Корешков — сын батрака украинца Криворожского района. Отца его запороли в конце 1918 г. казаки. Сам Корешков в марте 1918 г. ушел в красный партизанский отряд им. Гавриловен с 1918 г. по 1923 г. был в Красной армии, сначала рядовым и под конец пом. комполка. Исходил все фронты, ранен и два раза контужен (последний раз тяжело), имеет орден Красного Знамени. После демобилизации работал на Кадиевском руднике шахтером, а потом у себя на родине председателем сельсовета. В 1930 г. окончил курсы по советскому строительству при ВЦИК'е, был направлен на Северный Кавказ и послан в Вешенский район заведовать Райзо.

Корешков — человек грубоватый от природы, вежливому обращению необученный, да вдобавок еще страдающий нервными припадками (последствия контузии) — взбешенный советом зав. зерновым сектором Крайкома т. Федорова «слезть с машины, нагнуться и усмотреть сплошные колоски», — ответил:

— Я вот сыму штаны, да стану раком, а ты нагнись и погляди. Не такое увидишь!..

Снова крепко поругались. Корешков, видя беспомощность членов комиссии по части вопросов сельского хозяйства, решил убедиться в их познаниях окончательно: подъехали к затравившей деляне.

— Что тут посеяно, как вы думаете? — спрашивает Корешков.

Члены комиссии пришли к общему заключению, что посеяно просо. На самом же деле это была деляна майских паров, на которых кое-где возшло просо-падалица и редкие подсолнухи, перемешанные со всяческими сорняками...

Все это, дорогой т. Сталин, было бы смешно, если б, разумеется, не было так грустно. Так вот дальше: сопровождаемая Корешковым комиссия проехала по хлебам ряда колхозов, еще раз попытались совместно

определить урожайность, но и тут неудачно. На этот раз объектом определения было просо Наполовского колхоза. Корешков утверждал, что просо даст не больше 6 центнеров, а члены комиссии полагали, что даст не меньше 14—15 центнеров. Подозревая, что члены комиссии над ним издеваются, Корешков слез с машины и заявил:

— Вы езжайте и определяйте сами, а я пешком пойду в Вешенскую! Так определять нельзя!

Кое-как примирившись, вернулись они в Вешенскую вместе. Тем временем в Вешенской срочно пересоставляли хлебофуражный баланс. Пересоставляли, но ничего не получалось, т.к. при новом плане хлебозаготовок в 53 000 тонн не выходило колхознику на трудодень по 2 кил. хлеба. А Крайком ориентировал именно на эту норму. Для того чтобы «сбалансировать», Овчинников предложил на бюро РК повысить урожайность в среднем на 1 центнер. Бюро голосовало этот вопрос и, несмотря на настойчивое требование Овчинникова, повышать отказалось. «Сбалансировали же» за счет снижения нормы натуральной выдачи и за счет беспощадной урезки фуража и фондов, из коих полагалось выдавать сельским специалистам: врачам, агрономам, учителям и пр.

Овчинников уехал в Ростов и заверил Крайком в том, что план в пятьдесят с лишним тысяч тонн вполне реален для Вешенского района. План окончательно утвердили в размере 51 700 тонн и 21 июля уже приступили к разверстанию плана по колхозам Вешенского района.

Отсюда и началось массовое хищение хлеба. Колхозник рассуждал так: «В 1931 г. план мы выполнили с напряжением и весной на семена занимали у нас. А теперь, вместо обещанного в мае снижения, придется платить в два с половиной раза больше. Значит, хлеб заберут весь до зерна. Надо запастись!»

И начали запастись, невзирая на постановление «Об охране общественной собственности». Воровали на покосе, на гумнах, всюду! И не только воровали, но и плохо работали. В августе в течение трех недель шли дожди. Они погубили десятки тысяч центнеров хлеба. В один из таких дней я ехал верхом через поля Чукаринского колхоза. Дождь прошел утром. Грекло солнце. Копны, испятнавшие всю степь, надо

▲ Зерно

▲ Шеболдаев Б.П.

было раскидывать и сушить, но бригады все были не в поле, а на станах. Подъехал к одному стану. Человек 50 мужчин и женщин лежат под арбами, спят, вполголоса поют, бабы ищутся, словом, празднуют. Обозленный, я спрашиваю:

«— Почему не растрясаете копны? Вы что, приехали в поле искать да под арбами лежать?» И при сочувственном молчании остальных одна из бабенок мне объяснила: «— План в нынешнем году дюже чижолый. Хлеб наш, как видно, весь за границу уплывет. Через то мы с ленцой и работаем, не спешим копны сушить... Нехай пашеничка трошки подпреет. Прелая-то она за границу не нужна, а мы и такую поедим!»

К середине ноября большая часть хлеба была обмолочена и свезена на ссыпункты. Крайком во второй раз снизил план на 11 130 тонн. По колхозам приступили к вторичному обмолоту. Чрезвычайный уполномоченный Крайкома т. Гольман приступил к вывозу хлеба, оставлявшегося на семена. Начались интенсивные поиски разворованного зерна. К 14 ноября было обыскано около 1500 хозяйств из общего количества имеющихся по району 13 813 хозяйств. План хлебозаготовок к середине ноября был выполнен на 82%. Сдано было около 31 000 тонн.

Но т.к. падающая кривая поступлений хлеба не обеспечивала выполнения плана к сроку, Крайком направил в Вешенский район особого уполномоченного т. Овчинникова (того самого, который некогда приезжал устанавливать «доподлинную» урожайность). В день приезда Овчинников провел совещание с Гольманом и секретарем Вешенского РК Добринским. На его вопрос «будет ли выполнен план?» — Гольман ответил отрицательно. Сомнения высказал и секретарь РК Добринский. Овчинников им заявил, что «плана они не выполнят, сколь у них нет веры в его реальность», и предупредило том, что поставит об этом в известность т. Шеболдаева.

16 декабря Овчинников, Гольман и Добринский приезжают в Крайком. По представлению Овчинникова Гольмана — члена партии с 17 или 18 года — исключают из партии, а Добринского снимают с работы с запрещением в течение Злет занимать отв[етственные] парт[ийные] должности.

20 [декабря] Овчинников возвращается в Вешенскую. На расширенном заседании бюро РК, в присутствии уполномоченных РК и секретарей ячеек, прорабатывается решение Крайкома о Гольмане и Добринском. Овчинников громит районное руководство и, постукивая по кобуре нагана, дает следующую установку: «Хлеб надо взять любой ценой! Будем давить так, что кровь брызнет! Дров наломать, но хлеб взять!»

Отсюда и начинается «ломание дров». Овчинников знал, что по колхозам в наличии имеется ничтожное количество хлеба, что переобмолот, перечистка озадков и изъятие ворованного хлеба далеко не обеспечат выполнение плана. Он стоял перед очень щекотливой альтернативой: либо заявить т. Шеболдаеву, что он его обманул, заверяя в том, что 53 000 тонн — план для Вешенского района вполне реальный, либо выполнить план или приблизиться к выполнению. Но т.к. выполнить обычными способами, применяя не противоречащие закону и партийной совести репрессии, было невозможно — и Овчинников это чудесно знал — он и дал официальную установку парторганизации: «Хлеб взять любой ценой! Дров наломать, но хлеб взять!». Установка эта была подкреплена исключением из партии на этом же бюро РК 20 коммунистов — секретарей ячеек, уполномоченных РК и председателей колхозов, отставших с выполнением плана хлебозаготовок.

Далее Овчинников провел следующие мероприятия, о разумности и законности которых судите сами: 1) приказал изъять весь хлеб, по всем хозяйствам района, в том числе и выданный в счет 15% аванса

по трудодням; 2) задолженность каждого колхоза по хлебозаготовкам приказал разверстать по бригадам с тем, чтобы те разверстали по дворам. Таким образом контрольная цифра сдачи хлеба была доведена до каждого колхозника. Последнее мероприятие было санкционировано Крайкомом.

Какие же результаты дали эти мероприятия? 1) Когда начались массовые обыски (производившиеся обычно по ночам) с изъятием не только ворованного, но и всего обнаруженного хлеба, — хлеб, полученный в счет 15% аванса, стали прятать и зарывать, чтобы не отобрали. Отыскание ям и изъятие спрятанного и неспрятанного хлеба сопровождалось арестами и судом; это обстоятельство понудило колхозников к массовому уничтожению хлеба. Чтобы хлеб не нашли во дворе, его стали выбрасывать в овраги, вывозить в степь и зарывать в снег, топить в колодцах и речках и пр. 2) Доведение контрольной цифры по сдаче хлеба до каждого хозяйства свело на нет всю ранее проделанную работу по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Району не хватало до 100% выполнения плана хлебозаготовок более 10 700 тонн. В среднем на каждый двор приходилось контрольного задания по 45 — 50 пудов (по сути урожай с 2 — 3 гектаров...). Произошло чудовищное и ни с чем не сравнимое смешение: пошло насмарку классовое расслоение (бедняк ли, середняк ли — плати 30-40 — 50 пудов, а нет — исключают из колхоза, выгоняют из хаты на снег, конфискуют корову, картофель, соленые овощи, а то и все имущество, что называется, до нитки). Понятие «ударник» исчезло: 50 трудодней у колхозника на книжке или 300, или 700, — контрольная цифра для всех одинакова. Мало того, что у ударника отобрали ранее выданный 15% аванс, его и по сдаче хлеба сравнивали с действительным вором и лодырем.

Собрать 10000 тонн ворованного хлеба, т. е. такое количество, которого не было, — дело нелегкое. К выполнению плана можно было приблизиться, по мысли Овчинникова, только пустив в ход все средства. И он, по взаимной согласованности с приехавшим на место Гольмана уполномоченным Крайкома Шарповым (директор Ростовского завода «Красный Аксай»), дал прямую установку на перегибы, развязал руки «левакам» и массовым исключением из партии секретарей ячеек, уполномоченных РК, председателей колхозов и сельских советов, немедленными после исключения арестами вынудил стать на «левую» позицию всю полутора-тысячную парторганизацию Вешенского района.

Установка Овчинникова «Дров наломать, но хлеб взять!» подхватывается районной газетой «Большевистский Дон». В одном из номеров газета дает «шапку»: «Любой ценой, любыми средствами выполнить план хлебозаготовок и засыпать семена!» И начали по району с великим усердием «ломать дрова» и брать хлеб «любой ценой».

▲ Раскулачивание

▲ В колхозное стадо

К приезду вновь назначенного секретаря РК Кузнецова и председателя РИК'а Королева по району уже имелись плоды овчинниковского внушения:

1) В Плешаковском колхозе два уполномоченных РК Белов и другой товарищ, фамилия которого мне неизвестна, допытываясь у колхозников, где зарыт хлеб, впервые применили впоследствии широчайше распространенный по району метод «допроса с пристрастием». В полночь вызывали в комсод [комитет содействия хлебозаготовкам], по одному, колхозников, сначала допрашивали, угрожая пытками, а потом применяли пытки: между пальцев клали карандаш и ломали суставы, а затем надевали на шею веревочную петлю и вели к проруби в Дону топить.

2) В Грачевском колхозе уполномоченный РК при допросе подвешивал колхозниц за шею к потолку, продолжал допрашивать полузадушенных, потом на ремне вел к реке, избивая по дороге ногами, ставил на льду на колени и продолжал допрос.

3) В Лиховидовском колхозе уполномоченный РК на бригадном собрании приказал колхозникам встать, поставил в дверях вооруженного сельского, которому вменил в обязанность следить за тем, чтобы никто не сел, а сам ушел обедать. Пообедал, выспался, пришел через 4 часа. Собрание под охраной сельского стояло... И уполномоченный продолжал собрание.

На первом же бюро РК новый секретарь РК поставил вопрос об этих перегибах. Было записано в решении бюро о том, что такие «методы» хлебозаготовок искажают линию партии. Об этом на другой день узнал Овчинников, приехавший из Верхне-Донского р-на (он работал особоуполномоченным по двум районам: Вешенскому и Верхне-Донскому) и тотчас же предложил секретарю РК: «О перегибах в решении не записывай! Нам нужен хлеб, а не разговорчики о перегибах. А вот ты с первых же дней приезда в район начинаешь разговоры о перегибах и тем самым ослабляешь накал борьбы за хлеб, расхолаживаешь парторганизацию, демобилизуешь ее!» Кузнецов настаивал на том, чтобы записать, тогда Овчинников написал телеграмму на имя т. Шеболдаева примерно такого содержания: «Новое руководство Вешенского района колеблется, говорит о перегибах, а не о хлебе, и тем самым демобилизует работников мест. Необходимо ответственность за ход хлебозаготовок возложить персонально на т.т. Кузнецова и Королева» и пр.

Телеграмму подписали Овчинников и Шарапов, находившийся под идейным протекторатом Овчинникова. Секретаря РК Кузнецова Овчинников ознакомил с содержанием телеграммы, на просьбу оставить в РК копию телеграммы ответил отказом. Затем пошел на телеграф, предложил, чтобы телеграмму передали не по телеграфу, а по телефону. Телеграмму передали при нем. Текст Овчинников положил в карман, а зав. телеграфом, коммунисту, на его слова «Оставьте текст» ответил: «Не твое дело!» Словом, телеграмму послал и «следов» не оставил... После этого он вернулся в РК и заявил Кузнецову: «Ты думаешь, что Крайком не знает о перегибах? Знает, но молчит. Хлеб-то нужен? План-то надо выполнять?» И рассказал исключительно интересный случай из собственной практики; случай, по-моему, проливающий яркий свет на фигуру Овчинникова. Передаю со слов секретаря РК Кузнецова и ряда других членов бюро РК, которым Овчинников этот же случай рассказывал в другое время. «В 1928 г. я был секретарем Вольского ОК Нижне-Волжского края. Во время хлебозаготовок, когда применяли чрезвычайные мероприятия, мы не стеснялись в применении жесточайших репрессий и о перегибах не разговаривали! Слух о том, что мы перегнули, докатился до Москвы... Но зато целиком выполнили план, в крае не на плохом счету! На 16 Всесоюзной партконференции во время перерыва стоим мы с т. Шеболдаевым, к нам подходит Крыленко[10] и спрашивает у Шеболдаева: „Кто у тебя секретарем Вольского ОК? Наделал во время хлебозаготовок таких художеств, что придется его, как видно, судить“. — „А вот он секретарь Вольского ОК“, — отвечает Шеболдаев, указывая на меня. „Ах, вот как! — говорит Крыленко. — В таком случае, товарищ, зайдите после конференции ко мне.“ Я подумал, что быть неприятности, дал телеграмму в Вольск, чтобы подготовили реабилитирующие материалы, но после конференции на совещании с секретарями Крайкомов Молотов заявил: „Мы не дадим в обиду тех, которых обвиняют сейчас в перегибах. Вопрос стоял так: или взять даже поссорившись с крестьянином, или оставить голодным рабочего. Ясно, что мы предпочли первое“. После этого Крыленко видел меня, но даже и словом не обмолвился о том, чтобы я к нему зашел!»

Как видите, помимо прямых установок для низовых партработников Овчинников употреблял для районного партактива и методы тонкой психологической обработки, не брезгуя для увеличения своего авторитета и такими вещами, как афиширование своей близости к т. Шеболдаеву.

Естественно, что после истории с решением о перегибах РК закрыл глаза на все безобразия, которые творились в районе, а если в особо исключительных случаях и говорил по поводу перегибов, то так глухо, как из воды. Решения выносились больше для очистки совести, не для проработки на ячейках, а для особой папки, на всякий случай.

После отъезда Овчинникова в Верхне-Донской район работой стал руководить Шарапов. Вот установки, которые он давал уполномоченным РК, командирам агитколонн, всем, кто заготавливал хлеб: «Не открывают ям— оштрафуй хозяйства 10— 15, забирай у них все имущество, картофель, солку, выкинь из домов, чтобы гады подышали на улице! А через два часа, если не будет перелома, снова созывай собрание и снова выкидывай на мороз хозяйства десять!» По его предложению стали широко практиковаться методы провокации. Делалось так: колхозника Иванова вызывают и говорят: «Твой сосед Петров сообщил нам, что у тебя есть яма. Признавайся, где зарыт хлеб?» А Петрова вызывают и говорят ему обратное. Потом на собрании бригады колхозников стравливают, как собак, и поощряют кровавые побоища.

«Страви их, чтобы волосы один на одном рвали, чтобы морды били друг другу до крови, а сам уходи в другую бригаду. Устрой там драку и иди в третью. Сам будь в стороне», — поучал Шарапов уполномоченных РК и секретарей партячеек.

О работе уполномоченного или секретаря ячейки Шарапов судил не только по количеству найденного хлеба, но и по числу семей, выкинутых из домов, по числу раскрытых при обысках крыш и разваленных печей. «Детишек ему стало жалко выкидывать на мороз! Расслюнявился! Кулацкая жалость его одолела! Пусть как щенки пищат и дохнут, но саботаж мы сломим!» — распекал на бюро РК Шарапов секретаря ячейки Малаховского колхоза за то, что тот проявил некоторое колебание при массовом выселении семей колхозников на улицу. На бюро РК, в ячейке, в правлении колхоза, громя работавших по хлебозаготовкам, Шапаров не знал иного обращения кроме как «сволочь», «подлец», «кусочек слюня», «предатель», «сукин сын». Вот лексикон, при помощи которого уполномоченный Крайкома объяснялся с районными и сельскими коммунистами.

До чистки партии за полтора месяца (с 20 декабря по 1 января) из 1500 коммунистов было исключено более 300 человек. Исключали, тотчас же арестовывали и снимали со снабжения как самого арестованного, так и его семью. Не получая хлеба, жены и дети арестованных коммунистов начинали пухнуть от голода и ходить по хуторам в поисках «подаяния»...

Исключение из партии, арест и голод грозили всякому коммунисту, который не проявлял достаточной «активности» по части применения репрессий, т.к. в понимании Овчинникова и Шарапова только эти методы должны были давать хлеб. И большинство терроризированных коммунистов потеряли чувство меры в применении репрессий. По колхозам широкой волной покатились перегибы. Собственно, то, что применялось при допросах и обысках, никак нельзя назвать перегибами; людей пытали, как во времена средневековья, и не только пытали в комсодах, превращенных буквально в застенки, но и издевались над теми, кого пытали. Ниже я приведу краткий перечень тех «способов», при помощи которых работали агитколонны и уполномоченные РК, а сейчас в цифрах, полученных мною в РК, покажу количество подвергавшихся репрессиям и количество хлеба, взятого с момента применения репрессий (см. табл.).

В этот итог надо включить и отобранный 15% аванс и тот хлеб (наиболее крупные из найденных ям), который зарывали еще будучи единоличниками. Находили ямы с хлебом, зарытым еще в... 1919 г. А потом по урожайным годам: в 1924, 1926, 1928.

Теперь о методах, которые применяли во всех колхозах района согласно установкам Овчинникова и под непосредственным руководством Шарапова. Выселение из дома и распродажа имущества производилась простейше: колхозник получал контрольную цифру сдачи хлеба, допустим, 10 центнеров. За несдачу его исключали из колхоза, учитывали всю его задолженность, включая и произвольно устанавливаемую убыточность, понесенную колхозом за прошлые годы и предъявляли все платежи, как к единоличнику.

▲ На пашне

По Вешенскому району

1. Хозяйств	13813
2. Всего населения	52 069
3. Число содержавшихся под стражей, арестованных органами ОГПУ, милицией, сельсоветами и пр.	3128
4. Из них приговорено к расстрелу	52
5. Осуждено по приговорам Нарсуда и по постановлениям коллегии ОГПУ	2300
6. Исключено из колхоза хозяйств	1947
7. Оштрафовано (изъято продовольствие и скот)	3 350 хоз-в
8. Выселено из домов	1 090 хоз-в

Цифры эти — на 24 января т.е. почти под конец хлебозаготовок. Теперь о результатах полученных после применения всей суммы этих репрессий. На 24 января хлеба найдено:

1. В ямах	2518 ц
2. В др. местах	3412 ц
Всего	5 930 ц

Причем соответственно сумме платежей расценивалось имущество колхозника; расценивалось так, что его в аккурат хватало на погашение задолженности. Дом, например, можно было купить за 60 — 80 руб., а такую мелочь, как шуба или валенки, покупали буквально за гроши...

Было официально и строжайше воспрещено остальным колхозникам пускать в свои дома ночевать или греться выселенных. Им надлежало жить в сараях, в погребах, на улицах, в садах. Население было предупреждено: кто пустит выселенную семью— будет сам выселен с семьей. И выселяли только за то, что какой-нибудь колхозник, тронутый ревом замерзающих детишек, пускал своего выселенного соседа погреться. 1090 семей при 20 градусном морозе изо дня в день круглые сутки жили на улице. Днем как тени слонялись около своих замкнутых домов, а по ночам искали убежища от холода в сараях, в мякинниках. Но по закону, установленному Крайкомом, им и там нельзя было ночевать! Председатели сельских советов и секретари ячеек посылали по улицам патрули, которые шарили по сараям и выгоняли семьи выкинутых из домов колхозников на улицы.

Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти: в хуторе Волоховском Лебяженского колхоза, ночью, на лютном ветру, на морозе, когда даже собаки прячутся от холода, семьи выкинутых из домов жгли на проулках костры и сидели возле огня. Детей заворачивали в лохмотья и клали на оттаявшую от огня землю. Сплошной детский крик стоял над проулками. Да разве же можно так издеваться над людьми? Мне казалось, что это — один из овчинниковских перегибов, но в конце января или в начале февраля в Вешенскую приехал секретарь Крайкома ЗИМИН.

По пути в Вешенскую он пробыл два часа в Чукаринском колхозе и на бюро РК вы ступил по поводу хлеба хлебозаготовок в этом колхозе. Первый вопрос, который он задал присутствовавшему на бюро секретарю Чукаринской ячейки — «Сколько у тебя выселенных из домов?» «Сорок восемь хозяйств». «Где они ночуют?» Секретарь ячейки замаялся, потом ответил, что ночуют, мол, где придется. Зимин ему на это сказал: «А должны ночевать не у родственников, не в помещениях, а на улице!»

После этого по району взяли линию еще круче. И выселенные стали замерзать. В Базковском колхозе выселили женщину с грудным ребенком.

Всю ночь ходила она по хутору и просила, чтобы ее пустили с ребенком погреться. Не пустили, боясь, как бы самих не выселили. Под утро ребенок замерз на руках у матери.

Сама мать обморозилась. Женщину эту выселял кандидат партии— работник Базковского колхоза. Его после того, как ребенок замерз, тихонько посадили в тюрьму. Посадили за «перегиб». За что же посадили? И если посадили правильно, то почему остается на свободе т. ЗИМИН?

Число замерзших не установлено, т.к. этой статистикой никто не интересовался и не интересуется; точно так же, как никто не интересуется количеством умерших от голода. Бесспорно одно: огромное количество взрослых и «цветов жизни» после двухмесячной зимовки на улице, после ночевки на снегу уйдут из этой жизни вместе с последним снегом. А те, которые останутся в живых, — будут полукалеками.

Но выселение это еще не самое главное. Вот перечисление способов, при помощи которых добыто 593 тонны хлеба:

1. Массовые избиения колхозников и единоличников.
2. Сажание «в холодную». «Есть яма?» «Нет». «Ступай, садись в амбар!»

Колхозника раздевают до белья и босого сажают в амбар или сарай. Время действия — январь, февраль. Часто в амбары сажали целыми бригадами.

3. В Ващаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подола юбок керосином, зажигали, а потом тушили: «Скажешь, где яма? Опять подожду!», в этом же колхозе допрашиваемую клали в яму, до половины зарывали и продолжали допрос.

▲ Яма с зерном

▲ Село

4. В Наполовском колхозе уполномоченный РК кандидат в члены бюро РК Плоткин при допросе заставлял садиться на раскаленную лежанку. Посаженный кричал, что не может сидеть, горячо, тогда под него лили из кружки воду, а потом «прохладиться» выводили на мороз и запирали в амбар. Из амбара снова на плиту и снова допрашивают. Он же (ПЛОТКИН) заставлял одного единоличника стреляться. Дал в руки наган и приказал: «Стреляйся, а нет— сам застрелю!» Тот начал спускать курок (не зная того, что наган разряженный) и когда щелкнул боек, — упал в обмороке.

5. В Варваринском колхозе секретарь ячейки Аникеев на бригадном собрании заставил всю бригаду (мужчин и женщин, курящих и некурящих) курить махорку, а потом бросил на горячую плиту стручок красного перца (горчицы) и не приказал выходить из помещения. Этот же Аникеев и ряд работников агитколонны, командиром коей был кандидат в члены бюро РК Пашинский при допросах в штабе колонны принуждали колхозников пить в огромном количестве воду, смешанную с салом, с пшеницей и с керосином.

6. В Лебяженском колхозе ставили к стенке и стреляли мимо головы допрашиваемого из дробовиков.

7. Там же: закатывали в рядно и топтали ногами.

8. В Архиповском колхозе двух колхозниц Фомину и Краснову после ночного допроса вывезли за три километра в степь, раздели на снегу догола и пустили, приказав бежать к хутору рысью.

9. В Чукаринском колхозе секретарь ячейки Богомоллов подобрал 8 человек демобилизованных красноармейцев, с которыми приезжал колхознику—подозреваемому в краже — во двор (ночью), после короткого опроса выводил на гумно или в леваду, строил свою бригаду и командовал «огонь» по связанному колхознику. Если устрешенный инсценировкой расстрела не признавался, то его, избивая, бросали в сани, вывозили в степь, били по дороге прикладами винтовок и, вывезя в степь, снова ставили и снова проделывали процедуру, предшествующую расстрелу.

9. В Кружилинском колхозе уполномоченный РК КОВТУН на собрании 6 бригады спрашивает у колхозника: «Где хлеб зарыл?» «Не зарывал, товарищ!» «Не зарывал? А ну, высовывай язык! Стой так!» Шестидесят взрослых людей, советских граждан по приказу уполномоченного по очереди высовывают языки и стоят так, истекая слюной, пока уполномоченный в течение часа произносит обличающую речь. Такую же штуку проделал Ковтун и в 7 и в 8 бригадах; с той только разницей, что в тех бригадах он помимо высовывания языков заставлял еще становиться на колени.
10. В Затонском колхозе работник агитколонны избивал допрашиваемых шашкой. В этом же колхозе издевались над семьями красноармейцев, раскрывая крыши домов, разваливая печи, понуждая женщин к сожительству.
11. В Солонцовском колхозе в помещение комсода внесли человеческий труп, положили его на стол и в этой же комнате допрашивали колхозников, угрожая расстрелом.
12. В Верхне-Чирском колхозе комсодчики ставили допрашиваемых босыми ногами на горячую плиту, а потом избивали и выводили, босых же, на мороз.
13. В Колундаевском колхозе разутых до боса колхозников заставляли по три часа бегать по снегу. Обмороженных привезли в Базковскую больницу.
14. Там же: допрашиваемому колхознику надевали на голову табурет, сверху прикрывали шубой, били и допрашивали.
15. В Базковском колхозе при допросе раздевали, полуголых отпускали домой, с полдороги возвращали, и так по несколько раз.
16. Уполномоченный РО ОГПУ Яковлев с оперативной группой проводил в Верхне-Чирском колхозе собрание. Школу топили до одурения. Раздеваться не приказывали. Рядом имели «прохладную» комнату, куда выводили с собрания для «индивидуальной обработки». Проводившие собрание сменялись, их было 5 человек, но колхозники были одни и те же... Собрание длилось без перерыва более суток.

▲ Страда

Примеры эти можно бесконечно умножить. Это — не отдельные случаи загибов, это — узаконенный в районном масштабе — «метод» проведения хлебозаготовок. Об этих фактах я либо слышал от коммунистов, либо от самих колхозников, которые испытали все эти «методы» на себе и после приходили ко мне с просьбами «прописать про это в газету».

Помните ли Вы, Иосиф Виссарионович, очерк Короленко «В успокоенной деревне»? Так вот этокое «исчезание» было проделано не над тремя заподозренными в краже у кулака крестьянами, а над десятками тысяч колхозников. Причем, как видите, с более богатым применением технических средств и с большей изощренностью.

Аналогичная история происходила и в Верхне-Донском районе, где особоуполномоченным был тот же Овчинников, являющийся идейным вдохновителем этих жутких издевательств, происходивших в нашей стране и в 1933 г.

Подтверждение фактов, которые я приводил, иллюстрируя работу по хлебозаготовкам, Вы можете получить в Крайкоме и КрайКК [краевая контрольная комиссия]). В конце марта в Вешенский район приезжали ответ, инструктор крайкома т. Давыдов и ответ, инструктор КрайКК т. Минин. Они располагают проверенным материалом по большинству приведенных мною случаев.

К Вам я обращаюсь с этим письмом вот почему: когда слух об извращении линии партии дошел до Крайкома, — в Вешенский район был послан член бюро Крайкома — редактор краевой газеты «Молот» т. Филов. Он опросил кое-кого из райпартактива и, столкнувшись с заявлениями ряда товарищей о том, что установки на перегибы они получали из уст особоуполномоченного Крайкома Овчинникова и уполн[омоченного] Шарапова, — занял довольно странную позицию... Дело в том, что Овчинников на последнем пленуме Крайкома был избран кандидатом в члены бюро Крайкома и выдвинут секретарем Ростовского горкома. Филов, будучи в Вешенской и узнав о том, что Овчинников в свое время запретил писать в решении бюро Вешенского РК о перегибах, посоветовал секретарю РК Кузнецову: «ОВЧИННИКОВА ЛУЧШЕ НЕ ТРОГАЙТЕ...» Между тем еще до приезда Филова в районе был член бюро Крайкома комсомола т. Кавтарадзе, который обследовал работу агитколонны, действовавшей под командованием Нашинского. По настоянию Кавтарадзе Нашинский и ряд работников агитколонны были исключены из партии и комсомола, а в настоящее время арестованы, находятся в заключении и ждут, когда Крайком примет решение по их делу, т.к. следствие закончено и весь материал отослан в Крайком.

Должен прямо сказать: Крайком пока ведет линию на привлечение к ответственности «стрелочников». Глубокого всестороннего расследования событий, происходивших в Вешенском районе, не было, да, вероятно, и не будет, сколь такие авторитетные люди, как член бюро Крайкома Филов, прямо советуют: «Овчинникова лучше не трогайте». А присмотреться к тому, что происходит в районах, надо. Расследовать надо не только дела тех, кто издевался над колхозниками и над Советской властью, но и дела тех, чья рука направляла. Чего стоит, например, деятельность такого коммуниста, как уполномоченного Крайкома Шарапова. Перед поездкой на пленум Крайкома он зашел в РК и в моем присутствии повел следующий разговор с секретарем РК Кузнецовым: «На какой бы это козе подъехать в Крайкоме, чтобы нам разрешили не весь хлеб перебрасывать с глубинок... Чтобы для колхозов левобережья оставили семенную страховку». В это время поступление семян по всему району не превышало 5 — 6 центнеров в день. Было ясно, что не только 10% семфондов колхозы района не соберут, но не заготовят и 2%. Исходя из этого я и посоветовал Шарапову: со всей большевистской смелостью заявить т. Шеболдаеву, что семенами Вешенский район не обеспечится и что переброску из глубинок необходимо немедленно прекратить. Шарапов только улыбнулся, вероятно считая мои речи необычайно наивными. А Кузнецов сказал: «Если об этом сейчас заявить, то мало того, что ж... набьют, но и партбилет отымут!»

Будучи прекрасно осведомлены о том, что колхозы района не заготовят семян, и Шарапов и Кузнецов не заявили об этом в Крайкоме, тем самым ввели Крайком в заблуждение, в результате чего более 6000 тонн хлеба в феврале было перебросано из колхозов на пристанские пункты, а в марте этот же хлеб стали возить обратно. Тягло поставили, что называется, на-постав, а вот теперь это тягло отказывается работать. Сев провален будет в текущем году в основном только благодаря этому. К характеристике физиономии Шарапова будет не лишним добавить, что этот коммунист, пользовавшийся высоким доверием Крайкома, уезжая из Вешенского района, не постеснялся запастись салом, конфискованным у выселенно-

▲ Сельхозтехника

го колхозника, а также приобрести тулуп. Тулуп был расценен в 80 руб. и куплен для работников зерносовхоза, но тулуп приглянулся т. Шарапову. Ему уступили тулуп за эту же цену, но Шарапов заявил, что он не в состоянии платить такие деньги... В расценке срочно произвели «исправление» — вместо 80 руб. поставили 40, и Шарапов укатил в Ростов в купленном по дешевке тулупе и с запасом сала...

В заключение — о «видах на будущее»: если в 1931 г. по району было 73 000 гек. зяби, то в 1932 г. только 25 000; а план сева яровых в 1933 г. увеличен по сравнению с прошлым годом на 9 000 гек.

Продовольственная помощь, оказываемая государством, явно недостаточна. *Из 50000 населения голодают никак не меньше 49 000. На эти 49 000 получено 22 000 пудов. Это на три месяца. Истощенные, опухшие колхозники, давшие стране 2 300 000 пудов хлеба, питающиеся в настоящее время черт знает чем, уж наверное не будут вырабатывать того, что вырабатывали в прошлом году.* Не менее истощен и скот, два месяца, изо дня в день, в распутицу возивший с места на место хлеб, по милости Шарапова и РК. Все это вместе взятое приводит к заключению, что план сева колхозы района к сроку безусловно не выполнят. Но платить-то хлебный налог придется не с фактически засеянной площади, а с контрольной цифры присланного краем плана. Следовательно, история с хлебозаготовками 1932 г. повторится и в 1933 г. Вот перспективы, уже сейчас грозно встающие перед вышедшими на сев колхозниками.

Если все описанное мною заслуживает внимания ЦК — пошлите в Вешенский район доподлинных коммунистов, у которых хватило бы смелости, невзирая на лица, разоблачить всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное хозяйство района, которые по-настоящему бы расследовали и открыли не только всех тех, кто применял к колхозникам омерзительные «методы» пыток, избиений и надругательств, но и тех, кто вдохновлял на это.

Обойти молчанием то, что в течение трех месяцев творилось в Вешенском и Верхне-Донском районах, нельзя. Только на Вас надежда.

Простите за многословность письма. Решил, что лучше написать Вам, нежели на таком материале создавать последнюю книгу «Поднятой целины».

С приветом
М. Шолохов
Ст. Вешенская СКК [Северо-Кавказского края]
4 апреля 1933 г.

И. В. СТАЛИН — М. А. ШОЛОХОВУ

16 апреля 1933 г.

Молния

Станица Вешенская Вешенского района Северо-Кавказского края Михаилу Шолохову

Ваше письмо получил пятнадцатого. Спасибо за сообщение. Сделаем все, что требуется. Сообщите о размерах необходимой помощи. Назовите цифру.

Сталин.

И. В. СТАЛИН — М. А. ШОЛОХОВУ

22 апреля 1933 г.

Молния

Станица Вешенская Вешенского района Северо-Кавказского края Михаилу Шолохову

Ваше второе письмо только что получил. Кроме отпущенных недавно сорока тысяч пудов ржи отпускаем дополнительно для вешенцев восемьдесят тысяч пудов, всего сто двадцать тысяч пудов. Верхне-Донскому району отпускаем сорок тысяч пудов. Надо было прислать ответ не письмом, а телеграммой. Получилась потеря времени.

Сталин.

И. В. СТАЛИН — М. А. ШОЛОХОВУ

6 мая 1933 г.

Дорогой тов. Шолохов!

Оба Ваши письма получены, как Вам известно. Помощь, какую требовали, оказана уже.

Для разбора дела прибудет к вам, в Вешенский район, т. Шкирятов, которому — очень прошу Вас — оказать помощь.

Это так. Но это не все, т. Шолохов. Дело в том, что Ваши письма производят несколько однобокое впечатление. Об этом я хочу написать Вам несколько слов.

Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во **всем** согласен с Вами. Вы видите **одну** сторону, видите не плохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма — не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и **другую** сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили «итальянку» (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную армию — без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели «тихую» войну с Советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов...

Конечно, это обстоятельство ни в какой мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание.

Но, все же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться издали.

Ну, всего хорошего и жму Вашу руку.

Ваш И. Сталин

▲ И.В. Сталин

РЕЙД 1-ГО ГВАРДЕЙСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО КОРПУСА

В 1990 году рукопись воспоминаний уже покойного начальника разведки 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, а затем 61-й армии полковника Алексея Константиновича Кононенко была передана Ф.Д. Свердлову. А.К. Кононенко свои воспоминания написал в 1959-1962 годах, но не мог опубликовать по цензурным соображениям. Его вдова просила «хоть что-нибудь из них опубликовать». Воспоминания были целиком посвящены боевым действиям 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и приданных ему нескольких дивизий в пятимесячном рейде по тылам противника южнее Вязьмы в январе-мае 1941 года. А.К. Кононенко, используя свои фронтовые записи и архивные материалы, написал, как всё это было в действительности. Ф.Д. Свердлов сохранил все мысли Кононенко, всё основное содержание его буквально берущих за душу воспоминаний.

Свердлов Федор Давыдович (1921-2002), родился в Харькове, в Красной Армии с 1938 года. Окончил артиллерийскую школу, Ленинградское артиллерийское училище. С началом Великой Отечественной

войны в Действующей армии — командир батареи, командир роты, батальона, с 1942 года офицер оперативного отдела штаба 16 армии. Трижды ранен. После войны с Золотой медалью окончил в Военную академию им. М.В. Фрунзе. Окончив, адъюнктуру, стал доктором исторических наук, профессором кафедры оперативного искусства. Автор 15 монографий, восемь переведены и изданы во многих странах, а также более 330 печатных работ по героике войск, теории и истории военного искусства.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Оборонительные и особенно наступательные боевые действия Советских войск обходились нам, особенно в 1941-1943 годах слишком дорого, а задачи, получаемые «сверху», были часто не продуманы и заведомо невыполнимы. Гибло много людей, лилось много крови, затрачивались невероятные, сверхчеловеческие усилия, огромные материальные средства из-за бездарности, самодурства и не всегда

объяснимой злобы тех, кому Родина доверяла жизни наших людей.

Рассказывая о погибших людях-героях, о их стойкости, стремлении ценою своей жизни выполнить полученную задачу, нельзя не «лягнуть» тех, кто был виновником неоправданных жертв и моря крови.

Содержание этих воспоминаний не выходит за рамки Западного фронта, но нельзя отрицать того, что и на других фронтах потери были меньшими или более оправданными. И все же в то время, о котором ведется повествование, число без-

рассудных жертв у Западного фронта было на первом месте.

Доказательством тому будет следующая выдержка из архива: «... Ставка за последнее время Западному фронту дает пополнение больше других фронтов в 2-3 раза, но это пополнение при халатном отношении командиров частей к сбережению жизни и здоровья людей недопустимо быстро теряется, и части вновь остаются в большом некомплекте. Особенно плохо отношение к сбережению людей в 50-й и 10-й армиях Западного фронта, где ввиду

недопустимо плохой и безответственной организацией боя, неумения организовать обеспечение войск не прошло ни одного боя, чтобы не побывал полк и целые дивизии в окружении, и, как правило, кончавшиеся большими потерями людей и материальной части. В Ставку Верховного Главного командования, в Военный Совет фронта поступили многочисленные письма красноармейцев, командиров и политработников, свидетельствующие о преступно-халатном отношении командования всех степеней к сбережению жизней красноармейцев пехоты. В письмах и рассказах приводятся сотни примеров, когда командиры частей и соединений губят сотни и тысячи красноармейцев при атаках на не уничтоженную оборону противника, на не уничтоженные пулеметы, на не уничтоженные опорные пункты и при плохо подготовленном наступлении».

Скажем яснее: мы не умели воевать. Мы были ослеплены, больше — связаны по рукам и ногам устаревшими теориями боя времен гражданской войны. Устарели наши взгляды и в области тактики, и в области оперативного искусства. Старая истина гласит: устаревшие военные взгляды куда хуже, чем устаревшее оружие.

Во время войны не только трудно, но часто и невозможно восполнить то, что упущено в мирное время. Восполнить такое упущение во время прошлой войны удалось лишь ценою огромных жертв, реки крови и колоссальными материальными затратами.

Кем были немцы гитлеровской армии, чем была гитлеровская Германия? Она стала страной бездушных палачей. Каждый немец в гитлеровской армии мог совершенно спокойно убивать, жечь, уничтожать. Понятие о человеческой жалости, справедливости, правде и прочих самых элементарных правилах человеческого общества были отброшены. Были ли немцы людьми? Да, были, но какими? Человекоподобными существами, лишенными человеческого содержания, отравленными и изуродованными ложными теориями, разбойничьими идеями и замыслами. Захват «пространства». Уничтожение и порабощение тех, кто находился на захваченном «пространстве». Установление «нового порядка», где все, кто не принадлежит «высшей» немецкой расе, подлежит уничтожению огнем, мечем и рабским трудом на благо «Великой Германии». В алчности и жажде наживы, в стремлении завоевать всех и все таилась гибель завоевателей,

ибо тот, кто захочет иметь все, теряет последнее. Но прежде всего, он теряет человеческий облик, и немцы его потеряли. Задача немцев была до смешного проста: убивать, жечь, разрушать и добывать себе, фюреру и фатерланду пространство, богатство и рабов.

Правда, многие наши командиры, изучавшие и хорошо понимавшие современные взгляды на ведение войны, чувствовали, что не все у нас благополучно, но их высказывания были слишком робки, а высшие начальники «глушили» такие мнения грубыми окриками.

Немалую роль в нашем отставании сыграли и те военачальники и руководители, которые, пресмыкаясь перед Сталиным, обманывали Правительство ложным бахвальством.

Они искали легкой и спокойной жизни, личной славы и благополучия. Вместо того, чтобы говорить о наших недостатках и ошибках и, засучив рукава, устранять их, они почивали на лаврах, куря фимиам и воспевая дифирамбы Сталину. Были среди военачальников и такие, которые по чистому недоразумению попали в число «сильных мира сего». Они были людьми давно застывшими на своем «первобытном» уровне развития. Они ничего не чи-

▲ Атака

▲ Кононенко А.П.

тали, ничем не интересовались и, что самое страшное, ничего не понимали в современной далеко шагнувшей технике. Одни из них брали «горлом», другие — старыми заслугами, третьи — «внешней солидностью», четвертые — тем, что умели пресмыкаться, пятые — непонятно чем. Вот такой пример. В апреле 1939 около двадцати командиров, воевавших в Испании «доставили» в Москву. Они должны были принять присягу лично у заместителя Народного Комиссара Обороны СССР. Утром их построили в огромном кабинете, где все было огромно — и стол, и окно, и бронзовый прибор на письменном столе, предназначенный для выполнения канцелярских обрядов, и два бронзовых канделябра стоявших по бокам письменного прибора, в которых когда-то, в средние века вкладывались свечи. Конечно, письменный стол был накрыт зеленым сукном.

Правее огромного письменного стола стоял одинокий маленький столик, покрытый красным простым

▲ Маршал Кулик

материалом, а на нем стопка листов с текстом присяги. Маленький столик в стиле рококо сиротливо терялся среди окружающих его предметов в этом почему-то мрачном кабинете.

Все командиры были подавлены величиим момента, размерами окружающих предметов и чувствовали себя одиноко и сиротливо, как маленький столик.

Наконец, в глубине кабинета открылась дверь, и в него ввалился Маршал Кулик — солидной величины человек. Его лицо было буро-красным и довольно внушительным по своему размеру. Все хором «рявкнули»: «Здравствуйте!» Маршал слева направо прошел строй, его взор ничего не отражал, а его взгляд был направлен «в ничто». Затем Кулик зашел за свой стол, отчего последний стал ниже и меньше, лишь бронза канделябров продолжала горделиво поблескивать. Кулик загородил спиной большое окно, которое и без того давало мало света, кабинет тоже стал значительно меньше. Хотя тогда у маршалов

была довольно скромная экипировка, без золота погон и блеска подавляющих регалий, но Кулик, распространяя легкий запах алкоголя, блистал, и все пожирали его глазами. Перед тем, как приступить к процедуре приема присяги, маршал, по давно заведенной у нас традиции, «закатил» речь. Однако, она была не той, которую обычно говорят большие начальники. Не той, где в первой части широко освещается международная обстановка и катастрофически безвыходное положение в капиталистическом мире, а во второй — наши головокружительные успехи и, наконец, в третьей части обыкновенно указываются некоторые наши недостатки (часто смазывающие вторую часть) и стоящие перед нами задачи. Стоявшие командиры впервые услышали речь экспромтом, без шаблона и без предварительной подготовки теми, кто их пишет, для тех, кто их произносит. Речь состояла из каких-то совершенно не связанных между собой и бессмысленных в отдельно-

сти фраз. Это была чистой воды ахинея, бред полупьяного. Самое страшное было то, что перед командирами стоял не только маршал, но, что самое ужасное, — первый заместитель Народного Комиссара Обороны СССР.

Конечно, довоенные полководцы, безусловно, были смелы и талантливы, они вышли из народа благодаря природным дарованиям. Их родила революция, их закаляла и обучала Гражданская война. Среди них такие светлые имена, как Чапаев, Щорс, Пархоменко, Лазо и другие. Но после окончания Гражданской войны прошло немало времени, бурно развивались технические средства борьбы. Машинный период ведения войн дал огромный толчок развитию авиации, танков, автотранспорта и ряду другой техники. Словом, все двигалось бурно вперед, а многие наши военачальники оставались на прежней точке своего развития. Появилась острая необходимость не только в пересмотре организационной структуры Красной Армии, но и необходимости в изменении тактических и оперативных взглядов в военном искусстве, а те военачальники, которые оставались на тактических и оперативных взглядах времен Гражданской войны, оказались тормозом в нашем развитии.

За год или полтора до Великой Отечественной войны в нашей Армии начали спешно создаваться мотомехдивизии, танковые и другие подвижные и ударные соединения, но к началу войны они не были укомплектованы, не имели техники. Перед нами в первый же день войны стал враг не только с совершенной техникой, но и с более чем двухлетним боевым опытом, полученным в войнах на западе. А ведь маршал Кулик и ему подобные, командовали фронтами и армиями, и потребовались сотни тысяч смертей, чтобы понять, как неспособны они руководить войсками в современных условиях ведения войны.

Лишь великий советский народ в эти трудные дни для Отчизны остался непоколебимым, не-

виданно могучим в своей силе, в воле к победе, в любви к Родине и умении прощать виновных. Вся тяжесть ошибок заевшихся и зазнавшихся тупиц легла на плечи народа. Ни стремительное наступление беспощадно сеющего смерть врага, ни кровь, ни огонь, ни танки, ни массовые бомбежки, ни голод и лишения не могли сломать советского человека. Армии отходили, а кое-где и бежали. Целые соединения попадали в окружение, теряли связь и управление. Но, ни на одно мгновение наши люди не думали о капитуляции, не теряли веры в нашу победу над врагом. Высокий моральный дух и фанатическую любовь к Родине враг не в силах был сломить. Стойкость наших людей перед завоевавшими и поставившими на колени всю Европу гитлеровцами пугала и приводила их в трепет, она восхищала наших друзей, она стала примером и подняла дух сопротивления у поработанных Гитлером народов Европы, она вызвала восхищение у народов всего мира.

НЕОЖИДАННЫЙ МАНЕВР

20 декабря 1941 года 1-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерала П. А. Белова, переброшенный с Украины в район западнее Москвы, получил директиву Военного Совета Западного фронта № 8514/Ш, в которой говорилось: «Вам поручается особо ответственная задача быстро выйти в район Юхнова и разгромить штаб и тылы 4-й армии немцев. Военный Совет фронта дает в ваше распоряжение дополнительно (от 10-й армии) три кавдивизии, одну-две стрелковые дивизии, пополнит танками до 50 штук. Для обеспечения флангов и тыла группы нужно захватить и прочно удержать Сухиничи, Мещевск, Мосальск. Жуков, Булганин, Соколовский».

А пока с 21 по 23 декабря корпус вел упорные бои за овладение крупным селом Одоєво, которое 23-го все же удалось взять. Здесь

▲ Корпус Белова в походе

▲ Генерал П.А. Белов

была разгромлена почти вся 296-я пехотная дивизия немцев. 24 декабря обещанные фронтом три кавалерийские дивизии (41, 57 и 75-я) еще не прибыли, но 25-го, наконец, появились их командиры. Оказывается, дивизии были крайне малочисленными, составом в два раза меньше, чем корпусные гвардейские. Артиллерии у них вообще нет и не было по штату (!). Их называли «легкими» кавалерийскими дивизиями. Непонятно только, кто был инициатором и автором создания столь беспомощных и неприспособленных к бою дивизий. Нужен был лишь один танк противника, чтобы разогнать и раздавить такую «легкую» ди-

визию, а немецкий самолет-штурмовик Ю-87 мог делать с нею, что ему угодно. Для создания такой дивизии требовалось лишь одно: не иметь никакого представления о природе современного боя. Создание такого «легкого» средства необходимо было не для боя, а могло только увеличить количества жертв.

Две стрелковые дивизии (322-я и 328-я) действовали значительно левее корпуса с задачей наступать на Белев, что весьма затрудняло управление и связь с группой. Вообще увеличение количества (но отнюдь не качества) дивизий создавало большие трудности в управлении. Ведь количество средств связи и ко-

мандиров в штабе кавалерийского корпуса оставалось прежним. Весь командный состав штаба поэтому находился в постоянном «разгоне». Белов решил объединить действие двух стрелковых дивизий под руководством командующего артиллерией корпуса полковника Семенова, выделив ему группу командиров штаба. Две из трех «легких» дивизий были переданы в подчинение: 57-я — 1-й гв. кавдивизии, а 75-я — 2-й гв. кавдивизии. 41-я кавдивизия осталась в корпусном резерве. Теперь управление несколько облегчилось.

С 24 по 25 декабря части корпуса нещадно бомбила немецкая авиация. Немцы понимали всю серьезность его продвижения. Ведь фактически корпус уже находился в тылу их 4-й армии. Зенитные средства далеко отстали, прикрытие с воздуха нашими истребителями не осуществлялось, и немецкие штурмовики издевались, гоняясь даже за отдельными всадниками. Движение колонн и вообще любое передвижение кавалерии было возможно только ночью и в пургу. Днем надо было тщательно маскироваться.

Слева дивизии, руководимые полковником Семеновым, уже вели бой за город Белев, а 1-я гв. кавдивизия вместе с передовыми частями соседа справа захватила город Лихвин. На станции — масса трофеев, целые эшелоны с рождественскими подарками для 4-й армии и 2-й танковой группы. Вагоны забиты всякими «Лакомствами». Здесь и норвежские отменные рыбные консервы, бекон, сгущенное молоко, сыры и шоколад из Голландии и Бельгии, коньяки, аперитивы и различные вина Франции. Испанцы и итальянцы спешат не отстать от нее в количестве и качестве вин, дополняя их цитрусовыми плодами и коробками сардин, чудесным арахисом, сигаретами и сигарами, африканским ромом и прочим. Греки шлют маслины и тоже вино и сардины. Турция — восточные сладости и табак. Вся Западная Европа, Балканы и Ближний Восток, став на колени, шлют «дары» своему властелину —

«немецкому солдату», «детям великого фюрера». К своему удивлению кавалеристы обнаружили почти вагон швейцарских часов. «Нейтральная» Швейцария послала свои подарки, «по особому заказу фюрера», для офицеров его армии. Все лезли из кожи, стараясь доказать свою верность и прочие искренние чувства. Осмотр и «анализ» подарков вызывали кроме улыбок и другие, более острые чувства.

Все перечисленные трофеи охранял 96 кавполк 1-й гв. кавдивизии, хотя дивизия ушла далеко вперед и сейчас вела бои за рекой Ока. Белов, вызвав командира полка Данилина, приказал ему немедленно бросить всю эту дрянь и догонять свою дивизию. Некогда было заниматься рождественскими подарками и маленькими искусственными пластмассовыми елочками, которых здесь тоже оказался целый вагон.

А тем временем дивизии корпуса, используя разрывы в боевых

порядках немцев, с ходу форсировали реку Оку. 2-я гв. кавдивизия захватила город Козельск, но здесь ее наступление «застопорилось». Части остановились. Дороги были совсем занесены снегом. В корпусе отстали радиостанции, артиллерия, тылы и даже танки. Теперь все двигались на санях. Шли в обход основных коммуникаций немцев, иначе неизбежны были затяжные бои. Дивизии были заняты боем, и у них не было времени расчищать дороги, этим должен был заниматься фронт, но, увы! Из Козельска корпус прорвался севернее города Сухинича, где засели довольно крупные силы противника. Затем, окружив город Мещевск, быстро двинулся к Юхнову.

Именно в эти дни начальник Генерального штаба Сухопутных сил гитлеровской армии генерал Гальдер писал в своем дневнике: «29.12.41 г. В районе резерва фронта у р. Ока создана сильная боевая группа, которая ведет разведку

боем. Однако это не мешает главным силам противника беспрепятственно продвигаться в направлении Юхнов. Придется оставить участок фронта у Калуги и севернее ее. Это необходимо для того, чтобы высвободить часть сил с этого участка фронта и бросить их против частей противника, переправившихся через Оку».

С 30 декабря 1941 и до 3 января 1942 года штаб корпуса находился в с. Подкопаево. Было очень трудно управлять войсками без радио. Все офицеры связи, командный состав штаба были в непрерывных разъездах по частям, с приказами, распоряжениями, сводками, донесениями. Все поголовно верхом или на санях, лишь один немецкий вездеход продолжает бегать, оказывая большую помощь генералу Белову. Осталась одна радиостанция 5АК, которая еле справлялась с передачей данных и приемом распоряжений фронта. Иногда со штаба фронта в корпус

▲ 1-й гвардейский корпус

▲ Гальдер Франц

▲ Блюментрит Гюнтер

прибывали самолеты У-2, но полеты на них были не безопасны: немецкие истребители охотились за ними. Но вот в штабе появляется целая группа летчиков, с ними генерал-лейтенант Николаенко, они от 28-й авиадивизии. По пути в корпус летчики воочию убедились, что творит с нами авиация немцев, и как нам плохо без их прикрытия. По всему пути — трупы лошадей и могилы гвардейцев. Летчики «успокаивают»: матчасти у них очень мало, аэродромы удалены, и кавалеристы не должны слишком надеяться на их помощь или на что-либо рассчитывать. Но одно их присутствие в штабе вселяло надежду.

К концу 1941 года войска Белова были очень близки к завершению поставленной задачи. Частью сил они уже выходили на самое чувствительное место в тылу врага, на его главную коммуникацию — Варшавское шоссе. Правда, штаб 4-й не-

мецкой армии еще не был в Юхнове, а только собирался выезжать сюда из Малоарославца. Решение фронта было правильным, и выход кавкорпуса в Юхнов для немцев являлся бы настоящей катастрофой.

К указанному времени две дивизии — 322-я и 328-я, дравшиеся за город Белев, были переданы подходившей 10-й армии генерала Голикова, а взамен их корпусу подчинили из состава его армии две другие дивизии — 239-ю и 324-ю. 324-я стрелковая дивизия получила задачу фронта овладеть Сухиничи, а 239-я подошла с задачей овладеть Мещевском. Поскольку кавкорпусу генерала Белова были приданы три кавалерийские и две стрелковые дивизии — была образована «группа Белова».

К Юхнову группа подходила двумя гвардейскими и тремя «легкими» кавалерийскими дивизиями. Не было с ней ни танков, ни кор-

пусной и приданной артиллерии, не было зенитных средств. Немецкая авиация ограничивала ее действия днем, не было и хороших средств связи, но, несмотря ни на что, она была не только способна выполнить задачу, но успешно завершала ее выполнение. В ночь на новый 1942-й год группа сосредоточилась и готовилась к штурму города Юхнова.

После захвата города и выхода на шоссе она могла повернуть на север, стремительно «пройтись» по тылам немцев и действиями в общем направлении на Медынь разгромить тылы и сам штаб 4-й армии немцев. Задача была ясна, она соответствовала действительности и вела только к успеху. Но... увы!

Ничего подобного группа Белова не сделала. Почему? Не думайте, что ей помешал противник. Ничего подобного! Ночью был получен приказ фронта, в котором настоятельно требовалось «частью сил

прикрыться (?) со стороны Юхнова, остальными силами повернуть... (да, да, опять на 90°, но теперь — на запад) и... наступать на Мосальск». И так, оказавшись так близко у цели и рвавшись сюда в течение 10 суток, корпус теперь прекращал операцию, не получившую оперативного завершения и развязывал немцам руки. Все были чудовищно удивлены, ничего не понимали.

Поистине можно было сказать устами Швейка, что боевые действия развивались нормально и все было ясно до тех пор, пока в дело не вмешался Генеральный штаб. В данном случае роль Генерального штаба блестяще выполнил штаб Западного фронта.

Но удивлялись не только Белов и его штаб, удивлялись и немцы. Вот, что писал бывший начальник штаба 4-й немецкой армии, генерал Гюнтер Блюментрит в своих воспоминаниях, в книге «Роковые решения» (стр. 106):

«Что-то вроде чуда произошло на южном фланге 4-й армии. Нам было непонятно, почему русские, несмотря на их преимущество на этом участке фронта, не перере-

зали дорогу Юхнов - Малоярославец и не лишили 4-ю армию ее единственного пути снабжения. По ночам кавалерийский корпус Белова, который во второй половине декабря причинил нам так много беспокойства, продвигался в нашем глубоком тылу по направлению к Юхнову. Этот корпус достиг жизненно важной для нас коммуникации, но, к счастью, не перерезал ее. Он продолжал продвигаться в западном направлении и скрылся где-то в огромных Богородицких болотах».

Итак, генерал Блюментрит тоже удивлялся, не понимал, почему кавкорпус к его «счастью», не перерезал их «единственного пути снабжения». Кстати, штаб 4-й армии немцев 25 декабря выехал в Юхнов, и если бы корпус овладел городом, то разгромил бы штаб 4-й армии немцев.

Повернув на 90°, кавалеристы завязали бои за Мосальск и вскоре овладели городом. А тем временем 4-я армия немцев быстро приводила себя в порядок и начала серьезно готовить линию обороны вдоль Варшавского шоссе, боясь повторения юхновской угрозы. Пока корпус

дрался за Мосальск, все населенные пункты, примыкавшие к шоссе, превращались в крепости, а само шоссе — в широкую и глубокую, хорошо приспособленную к обороне траншею.

В середине декабря 1941 года, когда гитлеровская орда так успешно откатывалась от нашей столицы, фюрер бесновался, как зверь. Но его армия продолжала отходить. В оборонительных боях она все же оказалась слаба. Орда была отлично обучена лишь для нападения. В обороне их боевые порядки жалась к дорогам и населенным пунктам, оставляя почти не занятыми лесные массивы и довольно большие разрывы в местах бездорожья и отсутствия населенных пунктов. Разрывы между обороняющимися гарнизонами и частями способствовали тому, что наши войска могли проникать в тыл, бить во фланги и окружать целые группировки (чего, к сожалению, тогда еще кавкорпус делал мало).

Лучше других тактикой рейдирования по тылам была обучена конница, но те, кто теперь посылал ее в тыл врага, совершенно не были

▲ Кавалерийская атака

▲ Под Москвой

обучены думать о том, как обеспечить такие действия. Само собой разумеется, раз человек не способен думать, он не способен и делать. Вот и получалось так, что, «толкнув» конницу в тыл врага, все начальники начинали мечтать об успехах, разгроме, и никто — о снабжении, эвакуации, обеспечении прикрытия с воздуха, а мыслями о людях, вообще никто не утруждал себя.

16 декабря 1941 года Гитлер издал директиву за № 4421-82/41, в которой категорически требовал немедленно остановить отходящие войска и перейти к обороне, надежно закрепляя занимаемые рубежи. Тех же, кто оставлял позиции без приказа, надлежало поголовно расстреливать. Приказал организовать заградотряды (вспомните критиков приказа № 227 летом 1942 года). В директиве требовалось перейти от сопротивления в отдельных опорных пунктах к оборудованию сплошной оборонительной позиции (полосы), с тактической и оперативной глубиной и включением в такую полосу обороны всех населенных

пунктов, кои надлежало превращать в узлы сопротивления, опорные пункты, а крупные населенные пункты — в крепости. В населенных пунктах укреплялись и приспособлялись к обороне каждый дом, квартал, улица. Глубокий снежный покров использовался для устройства траншей и ходов сообщений. На фронт пошли эшелоны с проволокой, заграждениями, а промышленность усилила производство противотанковых и противопехотных мин всяких видов. Вот почему Варшавское шоссе и прилегавшие к нему населенные пункты стали быстро укрепляться и готовиться к обороне.

Положение же в группе войск Белова с каждым днем усложнялось. Все дороги в полосе ее действий были занесены глубоким снегом, и никто не думал о том, чтобы их расчищать и обеспечить группу всем необходимым для боя и жизни. Корпус же своих средств снабжения не имел. Весь тыл корпуса состоял из заместителя командира корпуса по тылу и отдела тыла, которые, кстати, тоже где-то далеко отстали.

Инженерных частей корпус в своем составе так же не имел, не было у него и специальных транспортных средств. Ближайшая же станция снабжения фронта располагалась в городе Туле, на удалении 200-250 км от корпуса.

По всем существовавшим правилам и простой логике доставкой в корпус боеприпасов, продовольствия и фуража должен был заниматься штаб тыла фронта, который палец о палец не ударил для выполнения столь важной задачи. На его же обязанности было и выполнение задачи по расчистке путей снабжения и эвакуации. Но и здесь фронт ничего не сделал. Конечно, у фронта было много своих забот, но на главное направление действий он обязан был бросить все силы. Следовало учитывать и то, что кавалеристы действовали в тылу врага.

Немцы расчищали свои основные коммуникации с помощью нашего населения, которое поддерживало их дороги в идеальном состоянии. Вот и получалось так, что наше население помогало немцам и не де-

лало этого для нас. Конечно, немцы выгоняли и заставляли людей работать с помощью оружия, под угрозой расстрела. Мы не могли поступать так. Но стоило объяснить населению, что и где необходимо выполнить для обеспечения победы над врагом, и дело было бы сделано. Конечно, кавалеристы были заняты боем, и им некогда было заниматься такими вопросами.

А фронт? Фронт ничего не делал. Хотя, не совсем так. На просьбы и жалобы из штаба фронта в корпус бросали довольно грубые слова обвинения, вот они, взятые из архива: «Вы забываете об организации службы тыла» (?) «Немедленно организуйте службу тыла!» «Считайте это своей обязанностью и не жалуйтесь!» Или еще чище: «Вы не занимаетесь службой тыла, можно думать, что эта обязанность лежит на тыле фронта!»

Было ясно, что там сверху слабо разбираются в простых истинах работы тыла. Что они плохо знают (и не хотят знать) корпусную штатную организацию. Что они меньше всего думают о тех, кто вел бой, жертвовал жизнью и добивался победы. Удивляло и то, что у командующего фронтом генерала армии Жукова, находившего столько грубых слов и умения беспощадно обращаться с теми, кто вел бой, не находилось таких же слов для бездельников, заставших в его штабе тыла.

БЕСПЛОДНЫЕ АТАКИ

Кавкорпус непрерывно проводил неудачные бои, стремясь прорваться через Варшавское шоссе.

Немцы, как всегда, подтянув подвижный резерв по шоссе, с помощью огня артиллерии, танков и авиации, легко отбивали его атаки. Теперь

оставшиеся в живых бойцы лежали в глубоком снегу, на сильном морозе, голодные, измотанные боями и бессонными ночами. И те из них, кто не заснет, не замерзнет и дождеться темноты, смогут отойти в ближайшие населенные пункты, отогреться, хотя бы немного перекусить, но самое главное — отоспаться, если завтра на рассвете снова не пошлют в бой. Вечером в домик начальника разведки корпуса А. К. Кононенко вошел начальник связи полковник Буйко и сказал:

— Приехал заместитель Жукова генерал Г. Ф. Захаров. Он у Белова. Ехал на санях от самой Калуги, видно, боялся лететь на У-2. Вызывает тебя с докладом.

Захаров Георгий Федорович (1897-1957). В Красной Армии и КПСС с 1919. Участник Гражданской войны. С 1939, после окончания Военной академии Генштаба — начальник штаба Уральского ВО. С июня 1941 — генерал-майор. В ходе войны — начальник штаба 22-й армии, начальник штаба и командующий Брянским фронтом, с декабря 1941 по май 1942 — заместитель командующего Западным фронтом, затем начальник штаба и заместитель командующего ряда фронтов, с июня по ноябрь 1944 — командующий 2-м Белорусским фронтом, затем командующий 4-й гв. армией. С 1944 — генерал армии. После войны — командующий Военным округом.

Когда Кононенко вошел в домик Белова, там за столом стоял ниже среднего роста, с широким, угрюмым лицом незнакомый генерал. Он, молча, показал ему на стол рукой, давая понять, где тот должен развернуть свою карту для доклада. Кононенко доложил, что на участке Варшавского шоссе, где корпус безуспешно пытался прорваться, оборонялась 10-я мотодивизия немцев, а правее и левее — 34-я, а также 216-я пехотные дивизии. Все указанные соединения входили в состав 4-ой немецкой армии. Глубина обороны немцев была небольшой. За шоссе их части располагались в населенных пунктах, приспособив их, как правило, к круговой обороне. Дороги между

▲ Захаров Г.Ф.

▲ Жуков Г.К., командующий Западным фронтом

такими пунктами были расчищены, и по ним патрулировали танки и бронетранспортеры.

Генерал слушал, не перебивая, но пальцы на его руках и колени дрожали. Он тихо с каким-то шипением спросил: «Что ж перед вами обороняется одна паршивая дивизия немцев, а вы целым корпусом топчетесь на месте и не можете прорваться через ее слабенькую оборону?» Он замолчал, глубоко вдохнул воздух, задержал выдох и снова сказал: «Кроме того, у вас две стрелковые дивизии, а вы!» и он грязно выругался, с трудом сдерживая гнев. Генерал, видно, не знал, что легкие кавалерийские дивизии, да и две стрелковые дивизии насчитывали менее трех тысяч человек каждая, что основная тяжесть боя, ложилась на две гвардейские кавалерийские дивизии. Но они шли в атаку на танки и укрепления немцев почти с голыми руками, несли огромные потери.

«Нет, товарищ генерал, — ответил Кононенко, — без танков, без артиллерии через шоссе нам не прорваться. Мы положим всех людей, а успеха не будет. И дивизия немцев не так уж паршива, как вы сказали, у нее почти десять тысяч человек, есть достаточно танков, в неограни-

ченном количестве боеприпасы, ее солдаты обогреваются в населенных пунктах и в специально оборудованных блиндажах, она не ощущает недостатка в продовольствии, а мы? Мы воюем почти голыми руками и, вдобавок впроголодь, у нас даже лошади часто остаются без фуража, а что толку от кавалериста, если его конь голоден?»

Несчастье Кононенко, как, оказалось, заключалось в неумении крикнуть душой.

Захаров резко сдвинул его отчетную карту, давая понять, что доклад окончен, сел на стул и, часто дыша, спросил: «А почему же у вас нет танков, артиллерии, снарядов, мин?» Он глубоко вздохнул, сделал паузу, вскочил и пискливо выкрикнул: «Почум-у-у? Где продовольствие?! Где ваши тылы?!» И опять грубо выругался. Вопрос был задан явно не по адресу. Кроме того, на такие вопросы ответ следовало держать самому. Тыл фронта явно не справлялся со своими обязанностями по обеспечению и снабжению войск. Он работал в диссонанс с задачами, которые ставил войскам командующий фронтом. А может, в диссонанс с возможностями тыла действовал командующий?

Кононенко с удивлением смотрел на Захарова. Тот вспотел, его глаза, вылезавшие из орбит, ничего и никого не видели. Он бросился к Кононенко, перед лицом которого зачернело дуло пистолета «Вальтер» и закричал фальцетом: «Застрелю, мерзавец, кто тебе должен расчищать дороги я, да?! Я сам ехал к вам на санях! Я — зам. комфронта!» В то же мгновение между ними появился представитель авиации генерал Николаенко. Он легко, левой рукой отстранил пистолет Захарова, а в правой руке держал раскрытую коробку папирос «Казбек». Поднеся коробку почти к самому лицу разбушевавшегося генерала, он спокойно и настойчиво твердил: «Не волнуйтесь, закурите папиросу, закурите, закурите!» Одновременно, левой рукой за своей спиной он сделал знаки Кононенко — уходи.

Вернувшись в свой домик, Кононенко застал там Буйко и начальника особого отдела корпуса Кобернюка. В нескольких словах рассказал им о «докладе».

«Не обращай внимания, — сказал Кобернюк, — я знаю этого ненормального еще с довоенного времени, он и тогда откалывал «номерочки». Словом, мы тебя в обиду не дадим. Приедет Белов, мы с ним поговорим по этому вопросу».

К вечеру приехали генерал Белов и начальник штаба полковник Грецов. Замкомфронта, после бурного скандала крепко спал, и генерал Николаенко подробно рассказал им о происшедшем.

Генерал Белов позвонил Кононенко и спросил: «Ну, как тебе понравился новый «бомбардировщик»?». С легкой руки Белова все в штабе корпуса стали называть генерала Захарова «бомбардировщиком». Но он принес корпусу куда больше несчастья и жертв, чем мог бы принести бомбардировщик.

Лишь позже, внимательно приглядываясь к поступкам, словам и действиям Захарова, Кононенко, как он пишет, понял, какой страшной злобой заполнено было все его существо, как дико ненавидел он людей. Злоба туманила его и так

не весьма ясный рассудок. В его старой записной книжке о Захарове написано: «он так обильно и плотно заполнен злобой, что никакие другие качества уже не могут в нем вместиться. Слава ко многим генералам приходит через горы трупов. Их славе всегда сопутствует смерть. Еще не было случая, чтобы генерал отказался от вручаемой награды из-за того, что его заслуга стоила в сотни раз больше жизней и крови, чем могла стоить. У меня всегда вызывало недоумение, как можно таким людям как Захаров и ему подобные, доверять и подчинять войска?».

Поздно вечером Кононенко был вызван к Белову. В его домике находилось все командование корпуса.

После неприятного и довольно продолжительного молчания, заговорил Захаров. Он сказал:

«Поставленная фронтом задача вам ясна, вы должны прорваться через Варшавское шоссе в тыл врага или умереть. И я вам скажу прямо: или героическая смерть на шоссе и герои в тылу врага, или позорная смерть здесь. Повторяю, такова задача Жукова, фронта, Ставки и самого Сталина. Меня прислали сюда, чтобы я заставил выполнить задачу любыми средствами, и, клянусь, я заставлю вас ее выполнить, я протолкну вас в тыл к немцам, хотя бы мне пришлось для этого перестрелять половину вашего корпуса. Вы должны прорваться в тыл врага с теми средствами, которыми сейчас располагаете. Вот почему здесь, на нашем Совете может идти речь лишь о том, как выполнить задачу, а не о том, что необходимо для ее выполнения».

Наступила опять тяжелая и продолжительная пауза, во время которой Захаров тяжело дыша, переводил взгляд своих свинцово-холодных глаз на каждого по очереди.

Но вот, он заговорил снова: «Я созвал вас сюда на Военный совет. Каждый должен обдумать решение и обоснованно доложить его. Помните никаких дополнительных средств усиления. У нас с вами нет времени заниматься ерундой. Даю пятнадцать минут на обдумывание и принятие решения. Можете курить!»

Он говорил, то повышая тон, то снижая его до шепота с каким-то змеиным присвистом, злоба кипела и клокотала в нем, он захлебывался ею. Стало ясно, что он приехал сюда не помогать, не организовывать снабжение, не предлагать какие-либо решения способствующие улучшению проведения боя и операции, а «проталкивать», грозить, расстреливать, посылать людей на верную гибель. Он и в мыслях не имел тщательную подготовку прорыва оборонны немцев с последующим прочным закреплением образовавшейся брешы для обеспечения действий корпуса в тылу врага.

Через 15 минут Захаров сказал: «Товарищи командиры, время кончилось, разведчик, докладывайте ваше решение».

Глубоко вздохнув и смотря в глаза Захарову, Кононенко начал: «Товарищ генерал, я не верю в успех и возможность прорыва через Варшавское шоссе без танков и артиллерии, тем более, я не могу поверить, что после нашего прорыва можно будет закрепить образовавшуюся брешь и удерживать ее продолжительное время. Но поскольку вы поставили перед нами определенные условия, то у нас есть лишь одна возможность - прорваться в тыл врага, используя лесной массив на правом фланге восточнее деревень Лаврищево и Подберезье. Ночью в лесу немцы значительно ослабляют свою оборону, выводя часть сил для обогрева в ближайшие населенные пункты и в опорные пункты, расположенные у моста через реку Пополта и в лесу 2-3 км северо-восточнее. Днем же противник значительно усиливает здесь свою оборону. Есть также основание полагать, что лесной массив является местом стыка флангов 10-й моторизированной и 34-й пехотной дивизий. Исходя из сказанного, предлагаю следующее решение: силами 325-й и 239-й стрелковых дивизий с наступлением темноты прорваться через слабую оборону немцев в лесу, и выйдя на шоссе, закрепить фланги прорыва, перебросив сюда противотанковую артиллерию, производя мини-

рование и завалы. Одновременно гвардейские кавалерийские дивизии корпуса, следуя во втором эшелоне за пехотой, используя лесной массив, завершат прорыв обороны противника севернее шоссе и быстро выйдут в тыл врага. Наши боевые порядки в настоящее время»...

Но Захаров не дал Кононенко закончить. Он закричал: «Да ты, сволочь, хочешь пройти в тыл противника за счет крови пехоты! Вон! Мерзавец! Застрелю! Вон!»

И снова Кононенко увидел в его руке «Вальтер», но Грецов поспешно вытолкнул его за дверь.

Утром стало известно, что на проходившем уже без Кононенко «Военном совете» под давлением Захарова было принято именно то решение, которое меньше всего обещало успех: прорыв осуществить с утра, по открытой местности, там, где корпус ближе всего подошел к Варшавскому шоссе.

Уже на рассвете следующего дня, после бессонной ночи, гвардия шла в атаку по глубокому снегу, с карабинами против танков, артиллерийского и минометного обстрела. Атакующих штурмовала и бомбила немецкая авиация, а прорывавшихся близко к шоссе героев немцы поливали градом пуль из пулеметов и автоматов. Атаки следовали одна за другой, шел штурм немецких опорных пунктов южнее шоссе, лилась кровь, гвардейцы несли большие потери, а успеха не было. Но кого интересовала кровь и жизнь солдат?

Вечером бой прекращался, те, кто оставался жив, не был убит, не истек кровью или не замерз в снегу на морозе, отползал в тыл на обогрев, прием пищи и отдых. Люди набивались во все избы деревень и засыпали мертвецким сном. А утром, на следующий день снова шли в атаку.

Шли по проторенным вчера в глубоком снегу тропинкам, шли по ним, зная, что они хорошо пристрелены немецкими автоматчиками. Шли по ним, потому, что не в силах был двигаться по свежему насту и пробивать себе новую дорогу в глубо-

▲ В атаку

ком снегу, шли по дороге к смерти. Немцам не нужно было даже прицеливаться, они против каждой такой проторенной тропки устанавливали пулемет, а то и просто стрелков с карабинами. Если упавшие не были сражены пулями насмерть, то остальное доделывал мороз или штурмовая и бомбардировочная авиация врага.

Так Захаров губил гвардию, которая непрерывно атаковала. Во всяком случае, период с 12-го по 22-е января был насыщен настойчивыми, непрерывными, бессмысленными и безрезультатными атаками. Если через шоссе и прорывались единицы, то немцы сравнительно легко их там добивали. Если прорывались подразделения или части, немцы контратаковали вдоль шоссе танками отрезали прорвавшихся и отбивали атаки тех, кто стремился помочь окруженным. Белов пробовал менять планы и время действий, менять участки наступления, но все напрасно. Как только наши части начинали действовать, немцы, используя авиацию и средства наземного наблюдения, быстро определяли место, где наносился главный удар и сосредото-

чивали там свой подвижной резерв из танков, артиллерии и мотопехоты. Сюда же вызывалась штурмовая и бомбардировочная авиация, все начиналось сначала, и на наступающих обрушивался целый ад.

Разведчики всех частей корпуса непрерывно искали и уточняли, где же у немцев слабое место в обороне? За период боев по показанию пленных, разведывательных групп корпуса и стрелковых дивизий, лыжных батальонов, еще и еще раз подтверждалось, что оборона немцев на участке с лесными массивами является их слабым местом. И там, где днем немцы упорно обороняли подступы к лесным опушкам, там ночью они отводили большую часть сил в населенные пункты, оставляя на шоссе лишь дозорные танки и небольшие подразделения в пунктах обогрева. Окончательно стало ясно, что прорваться через шоссе без средств усиления, можно лишь ночью на лесном участке обороны немцев и нигде больше.

Действия и поступки Захарова становились странными и неоправданно свирепыми. Он по очереди вызывал к телефону командиров пол-

ков и дивизий, атаковавших шоссе, и оскорбляя их самыми отборными ругательствами, кричал: «Не прорвешься сегодня через шоссе — расстреляю, мерзавец!» Он приказал судить и немедленно расстрелять пять человек командиров, бойцы которых не смогли прорваться через шоссе. Среди расстрелянных были: командир 160 кавполка 1-й гв. кавдивизии подполковник Юшин, инструктор по комсомолу политотдела 1-й гв. кавдивизии ст. лейтенант Голиков, командир одного лыжного батальона и еще два командира. Несчастные просили лишь об одном, — не сообщать их семьям о том, что они расстреляны. «Умоляем вас, — говорили они, — не трогайте наши семьи, пусть они думают, что мы погибли в бою».

Трагедия была потрясающая.

На третий день пришло помилование. Но поскольку Захаров отдал приказ о немедленном расстреле помиловали уже мертвых.

Вспоминает Кононенко и такой случай. Вызвал Захаров к телефону командира 2-й гв. кавдивизии полковника Н.С. Осликовского и говорит ему: «Если ты сегодня ночью и завтра

днем не прорвешься с дивизией через Варшавку, оставь в обойме пистолета один патрон и пустишь себе пулю в лоб, не дожидаясь пока я тебя расстреляю».

Полковник Осликовский слегка заикался, он долго молчал и ответил: «Хо-о-о-ро-о-шо, я о-о-ст-т-т-авлю два. О-о-дин се-се-бе, дру-у-гой те-те-бе!» И положил трубку.

Что тут было! Захаров рассвирепел страшно. Вообще он избегал ездить в штабы дивизий и полков: они очень близко располагались к боевым порядкам, а там стреляли, что было небезопасно. Но на сей раз он не выдержал и решил ехать в штаб дивизии Осликовского для расправы.

Генерал Белов послал с ним Кононенко, который недавно вернулся из штаба 2-й гв. кавдивизии и знал туда кратчайший путь. Они выехали с командного пункта штаба корпуса после обеда верхом. В одном месте дорога просматривалась немцами, а иногда и обстреливалась из минометов. Нужно было быстро проскочить метров 300-400. Кононенко остановился на опушке рощи и, показав участок просматриваемый немцами дороги, сказал, что здесь надо проскочить карьером, и если противник и заметит, то не успеет обстрелять. Он с коноводом пустили лошадей галопом, а затем перешли на предельный аллюр-карьер и быстро проскочили злополучное место. Когда они оказались на безопасном участке, то увидели, что Захарова и его коновода с ними нет. Немцы швырнули несколько мин и умолкли. Кононенко забеспокоился, но вскоре увидел, что Захаров галопом ускакал назад. Так он и не побывал у Осликовского. Кононенко и раньше подозревал, что Захаров был трусом, но теперь убедился в этом. Как все трусы, он был жесток, бесчеловечен, мстителен и беспощаден к другим.

В тот же день Захаров приказал Кононенко отправить один взвод из разведывательного дивизиона корпуса провести разведку Варшавского шоссе.

Он сказал: «Сегодня ночью взвод должен пройти через Варшавку вот

здесь (и указал на карте совершенно открытый участок шоссе), проведи разведку маршрута и обороны немцев севернее шоссе, а через сутки вернуться и доложить. Учтите, если взвод не пройдет через шоссе, я расстреляю командира взвода». Взвод в разведку повел мл. лейтенант А. Скиба. Они ушли на лыжах, надев белые маскхалаты. Кононенко знал, что там, где указал Захаров, взвод Скибы пройти не сможет, но ничего не мог сделать. Скибе об угрозе генерала он не стал говорить, но разрешил, если взвод не сможет пройти через оборону немцев в указанном районе сегодня ночью, попытаться пройти на сле-

дующую ночь, разведав проход в течение дня. Скибы не было несколько дней. Наконец, ночью 24 января он явился и доложил, что три его попытки пройти через шоссе окончились полной неудачей, взвод понес потери. Немцы всю ночь освещают подступы к переднему краю ракетами и чуть что подозрительное услышат, поднимают немедленно пальбу со всех видов оружия. Люди совсем выбились из сил, продукты закончились, среди бойцов есть обмороженные. Сейчас взвод уже в развед дивизионе отдыхает. Он также доложил все, что ему со взводом удалось разведать на переднем крае обороны немцев.

▲ Осликовский Н.С.

Кононенко решил Захарову о возвращении Скибы не докладывать, а поставить в известность лишь генерала Белова и одновременно доложить ему данные о противнике, добытые взводом. Солдатам же Скибы дать отдохнуть до утра и, снабдив продуктами, отправить выполнять задачу в район леса, что восточнее реки Пополта. В том же районе действовал один из приданных корпусу лыжных батальонов, который тоже должен был пройти через шоссе.

Утром при докладе данных о противнике генералу Белову, как всегда, присутствовал и Захаров. В конце доклада он спросил Кононенко есть ли донесение или какие-нибудь данные о взводе Скибы? Тот ответил, что никаких данных пока еще не поступало. Захаров предупредил, что если Кононенко вздумает укрывать командира взвода, то тоже будет расстрелян. Он тут же приказал отправить еще одну группу разведчиков, но на сей раз с задачей пройти через шоссе в районе лесного массива. Группа разведчиков под командой лейтенанта Ф.В. Лысого ушла в указанный район и вскоре благополучно прошла в тыл врага.

Захаров, выполняя роль толкача, всеми силами старался «протолк-

нуть» корпус в тыл противника, совершенно не думая о том, что будет после этого. Он не думал о том, как закрепить образовавшуюся брешь в обороне немцев. Ничего не сделал и для того, чтобы за корпусом прошли артиллерия и танки, палец о палец не ударил для того, чтобы наладить и обеспечить дивизии боеприпасами, продовольствием и фуражом. Он явно сам не верил в возможность успешных действий корпуса в рейде по тылам противника.

Между тем, дела корпуса все время ухудшались. До начала рейда было еще далеко. В боях за прорыв через Варшавское шоссе были задействованы все части группы Белова. В его резерве остался лишь один 117-й лыжный батальон. Находившуюся ранее в резерве 41-ю кавдивизию пришлось взять для прикрытия левого фланга прорыва, но и она вынуждена была растянуться на весьма широком фронте. Раньше за левый фланг отвечала 239-я стрелковая дивизия, но теперь она вместе с 1-й гв. кавдивизией волею Захарова вела безрезультатные бои на открытом участке Варшавского шоссе. Здесь же вела бои и 2-я гв. кавдивизия. Пра-

вее их атаковали противника 325-я стрелковая, 57-я кавалерийская дивизии и 115-й лыжный батальон. Немцы контратакой танков и пехоты, при поддержке артиллерии и авиации восстановили положение на этом участке, и после стольких дней кровопролитных боев положение группы ни чуть не улучшилось, и она так же была далека от цели, как и в первые дни боев за Варшавку.

Но у лесного массива в районе Подберезье положение оставалось почти постоянным, и генерал Белов 26 января, сняв с боевого участка 2 гв. кавдивизию Осликовского вместе с 75-й кавдивизией полковника Москалика, бросил их сюда.

Затем он приказал Кононенко оставаться во 2-й гв. кавдивизии в качестве его представителя и уходить в рейд вместе с Осликовским, а его помощнику, как только 2-я гв. кавдивизия начнет переход через Варшавку, вернуться к нему с докладом.

«Но, — сказал он, — если попытка прорваться в тыл Осликовскому не удастся, оставайтесь у него до особого моего приказа. Ваше возвращение сюда весьма нежелательно, да и не безопасно».

▲ В разведку

ПРОРЫВ В ТЫЛ ПРОТИВНИКА

Еще не стемнело, когда Кононенко прибыл в дивизию. Осликовский попросил его выехать с командирами штаба дивизии в полки для контроля выполнения приказа о переходе в новый район сосредоточения. В течение следующего дня части дивизии заняли все населенные пункты в непосредственной близости к лесу и переднему краю обороны немцев. Как только начало темнеть, дивизия сравнительно легко прорвалась в лес, уничтожив незначительное прикрытие немцев. Под покровом ночи 2-я гв. кавдивизия, а с нею части 75-й и часть сил 57-й кавдивизии втянулись в лес и начали быстро продвигаться на север к Варшавскому шоссе.

Задачу разведки Варшавского шоссе бросился выполнять начальник разведки дивизии капитан Бойченко. Худощавый, подвижной и энергичный, с тоненьким почти девичьим голоском он был решителен и смел. Бойченко выехал на разведку шоссе примерно в 23 часа, а уже через два часа, докладывая о выполнении задачи. Он нашел участок шоссе, не занятый немцами. Части дивизии начали поспешно спускаться по крутому, покрытому снегом и обледенелому склону оврага. Дело было не из легких, лошади — еще кое-как, подогнув задние ноги под живот, съезжали вниз чем-то напоминая кенгуру, а с противотанковой артиллерией, обозом, радиостанциями, станковыми пулеметами, минометами и прочими средствами, связанными с транспортом, дело было очень плохо. Осликовский приказал искать для них дорогу и «проталкивать» за эскадронами, которые не могли ждать ни минуты. Но противотанковые пушки нужны были, как воздух, и люди спускали их в овраг на руках, а пока вперед выдвигались противотанковые ружья. Разведчиков Бойченко оставил у шоссе и теперь вел эскадроны вперед. Он ехал впереди, за ним Осликовский и Кононенко. За ними — штаб и головной полк. Выдвинуть на шоссе противотанко-

вые средства и надежно прикрыть фланги — вот такая была основная задача. Немцы от моста через реку Пополта периодически давали длинные очереди из пулемета, очевидно танкового. Иногда по каким-то лишь им ведомым причинам оно швыряли в лес мины. Трассирующие пули тяжелого пулемета, оставляя огненный след, над головами гвардейцев, проносились в лес, сбивая ветки с верхушек деревьев. Шум стрельбы немцев был кавалеристам на руку, он заглушал поднимаемый ими шум.

И вот после незначительной перестрелки на флангах прорыва, 2-я гв. кавдивизия начала быстрый переход через злополучное Варшавское шоссе. Кавалеристы переходили через него рысью по проторенному в глубоком снегу впереди идущими всадниками следу.

Осликовский с Кононенко оставались, чтобы пропустить идущую колонну, а Бойченко продолжал ехать впереди, ведя дивизию между огромными соснами леса, в направлении деревни Стреленка. Шоссе было идеально очищено от снега, и все соответствовало данным, которые дала разведка.

Утром, 27 января 1942 года 2 гв. кавдивизия уже вела бой за населенный пункт Стреленка. К середине дня бой не прекратился. Немцы из района деревень Хорошово, Захарино, Федорово несколько раз атаковали ее с тыла и флангов и даже прорвались к штабу. Полковник Осликовский сам водил командиров штаба дивизии в контратаку, и отбил немцев, пытавшихся помочь стреленскому гарнизону. Бой за Стреленку затянулся. Утром и днем мороз доходил до минус 30-40°. Люди и лошади вымотались до предела. Деревню нужно было взять, там было тепло, там можно было отдохнуть, покушать и привести себя в порядок. Дивизия несла потери. Обоз и артиллерия остались за Варшавским шоссе. Но самое неприятное — не было радиостанции. Ни колеса, ни сани не смогли пробраться через овраг и затем через густой кустарник, по лесу без дорог.

Боеприпасы тоже были на исходе. Особенно патроны к автома-

там. В частях были 50 мм минометы, но мин к ним оказалось очень мало, и их вынуждены были беречь. Даже когда отражали контратаку немцев, использовали всего 3 или 5 мин на миномет.

К исходу дня уже было более 50 человек убитыми и много раненых, среди которых 52 человека тяжело. С тяжело ранеными дело оказалось катастрофическим. Стоял вопрос, что с ними делать? Не было никаких средств для их перевозки, кроме того, многие из них были вообще не транспортабельны или требовали серьезной хирургической операции. Но, наконец, к исходу дня Стреленка была взята.

Полковник Осликовский не разрешил штабу занимать деревню, все его командиры остались в лесу, у костров, а в деревне обогревались и отдыхали бойцы боевых подразделений, туда же отправили и тяжело раненых.

Было принято решение с наступлением темноты продолжать движение в направлении, указанном в приказе генерала Белова. Капитан Бойченко с разъездом уже отправился на разведку маршрута. Допросили пленных, захваченных в Стреленке. В деревне располагался артиллерийский полк 137-й пехотной дивизии, численностью более 900 человек. Полк без материальной части был направлен сюда на отдых из Юхнова. Немецкие артиллеристы дрались упорно, используя чердаки домов и амбаров на окраинах деревни.

В дальнейшем всех тяжело раненых оставляли в лесных хуторах и деревушках, куда немцы почти не заглядывали. Населению оставляли кое-какие медикаменты. Вообще же, о судьбе тяжело раненых никто из тех, кто спешил «протолкнуть» корпус в тыл врага, не спешил думать. Да и о живых такие «толкачи» думали меньше всего.

И вот рано утром 27 января генерал Белов доносил во фронт: «7.00 27.1. 2-я гв. кд, 75 кд и часть сил 57 кд перешли Варшавское шоссе и ушли в лес на север в направлении Пузиково. В течение дня противник, подбросив в район прорыва до пол-

▲ Боевое знамя корпуса

ка пехоты с 8 танками, контратаковал 1092 сп 325 сд и отбросил его в лес 2,5 км восточнее Батищево. Шоссе вновь удерживается немцами. Белов». Итак, немцы уже утром после прорыва «захлопнули» проделанную дивизиями «дверь». Брешь была «заделана». Ее никто не попытался закрепить, а действовавший там 1092-й стрелковый полк, не получал такой задачи, да и не имел достаточных сил для ее выполнения.

Далее генерал Белов сообщал: «1 гв. кд, 41 кд и остатки 57 кд ночью будут прорываться через шоссе между большаком на Мосальск и деревней Глагольня».

Утром 28 января Белов доносил: «В ночь с 27 на 28.1. 1 гв. кд и 41 кд перейти через шоссе не удалось, шоссе на участке Глагольня, Батищево удерживается противником (до пехотного полка с танками), лес от Глагольня до Подберезье про-

стреливается артиллерийским и минометным огнем противника. К 8.00 28.1. с частями 2 гв. кд связи нет. Штакор Тихоново. Белов».

Так складывались дела к утру 28 января 1942 года.

2 гв. кавдивизия в ночь на 28 января быстро, насколько хватало сил у лошадей, спешила по лесному массиву на север и северо-запад от Стреленки.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СТРАТЕГИИ

С самого начала повествования Кононенко чистосердечно признается, что ему очень не хочется дальше писать. Почему? С одной стороны, дело в том, что в его задачу не входило описание обстановки на Западном фронте к моменту, когда группа Белова прорывалась в тыл врага через Варшавское шоссе. Кроме того,

взявшись за ее описание, автор неизбежно должен будет говорить об ошибках командующего войсками Западного фронта, а именно о них говорить ему не хотелось. Но с другой стороны, он не может говорить о боевых действиях группы войск генерала Белова, не сказав, чем они были вызваны.

Действительно, если рассматривать их в отрыве от общих действий фронта, то они многим покажутся странными и непонятными. В самом деле, почему кавкорпус не продолжал наступление на Юхнов и не отрезал пути отхода 4-й немецкой армии? Почему рвался в тыл врага, без танков, артиллерии и боеприпасов, без горючего, продовольствия и фуража? Зачем отдали столько жизней и пролили столько крови лишь чтобы затем попасть в мышеловку?

Как видит читатель, в этих действиях было много непонятного. Мож-

но сказать и резче. Многие решения и действия командующего фронтом кажутся ошибочными, основанными не на простой логике и всесторонней оценке обстановки, а, неизвестно на чем. Сейчас такие действия бывшие ответственные работники штаба фронта обычно объясняют словами: «Так складывалась обстановка», «Такие создались условия» и прочими, довольно туманными, никому ничего не говорящими фразами. Кононенко не желает идти на сделку со своей совестью и отказывается от «круглых» и «скользких» выражений. Он выносит все на суд читателей. И так. По плану Ставки в январе 1942 года Западный и Калининский фронты должны были наступать в общем направлении на Вязьму, нанося, концентрический удар с целью окружить Гжатско-Вяземскую группировку немцев. Что же делает Западный фронт для того, чтобы выполнить такую задачу? Он максимально расплывает свои силы, наносит удар не одним мощным кулаком, а растопыренными пальцами, организует не один удар, а целых пять. Вот они:

1-й удар — с целью прорвать оборону немцев на реке Лама и наступать на Сычевку совместно с Калининским фронтом (кстати, Калининский фронт и не думал вести какие-либо активные действия на этом направлении).

2-й удар — с целью прорвать оборону на реке Лама и захватить Гжатск.

3-й удар — с задачей прорвать оборону на реках Руза и Нара и овладеть Можайском, Боровском, Малоярославцем, Медынью.

4-й удар — наносится по Юхновской группировке противника с целью овладеть Юхновым и отрезать немецкую группировку (выталкиваемую третьим ударом).

Наконец, — 5-й удар — наносится с целью захвата районов Киров, Мосальск, Сухиничи и выхода на рокаду Вязьма, Киров.

Забегая вперед, скажем, что ни один из перечисленных ударов не получил развития, не имел успеха и полного завершения. Задач было поставлено много, ударов на-

носилось тоже не мало, но ни один из них, не был обеспечен достаточными силами и средствами и с самого начала, таким образом, обрекался на неудачу. Кононенко прямо пишет, что действия командующего фронтом удивляли многих.

Группа генерала Белова принимала участие в 4-м и 5-м ударах. На 50-ю армию, наносившую 4-й удар, было возложено выполнение и 5-го. Армия должна была к 11 января 1942 года овладеть городом Юхнов и во взаимодействии с группой войск генерала Белова главными силами наступать на Слободу, что около 30 км северо-западнее Вязьмы. Но для выполнения столь важной и, безусловно, главной задачи армия получила меньше 1/4 всех сил фронта — стрелковых дивизий — 6, танковых бригад -2. Вот почему, задача выполнена не была, а группа Белова, успешно действовавшая на Юхновском направлении, была, как указывалось, повернута на Мосальск и после овладения последним получила задачу наступать на город Вязьму, но теперь уже она должна была выполнять главную задачу фронта, одна во взаимодействии только с воздушным десантом.

Группа подошла к Варшавскому шоссе без средств усиления и даже без своей артиллерии, вдобавок ее соединения измотались в двухмесячных непрерывных боях, они нуждались в отдыхе, пополнении и были малобоеспособны.

Еще меньше сил для выполнения задачи Ставки на главном направлении выделил Калининский фронт, но о нем, более подробно будет сказано ниже.

Остается еще один весьма существенный вопрос: как мыслили командующие Западным и Калининским фронтами окружить и уничтожить (!) Гжатско-Вяземскую группировку противника? В указанную группировку немцев фактически полностью входила Группа армий «Центр» (что в нашем понимании соответствует фронту).

Конечно, после разгрома под Москвой отходившая Группа армий «Центр» чувствовала себя скверней-

ше, она цеплялась за все попадавшие ей на пути, удобные для обороны рубежи. Откатываясь на запад, она старалась зацепиться за них и отсидеться как-нибудь до весны. Самыми катастрофическими на всем фронте оказались полосы немецких 9-й и 4-й армий. И,

прямо скажем, если бы не ошибки командующего Западным фронтом 4-я армия полностью была бы отрезана и разгромлена.

Командование немецкой Группы армий «Центр» основной и главной задачей ставило -любыми средствами задержать отход указанных двух армий, занять удобную в оперативном отношении оборону и выиграть время для оборудования оборонительного рубежа по линии Ржев, Гжатск, Вязьма, Залозная, Брянск.

До 18 декабря 1941 года Группой армий «Центр» командовал фельдмаршал фон Бок. Но он страдал болезнью желудка, и после неудач под Москвой, эта «медвежья» болезнь фон Бока значительно ухудшилась. Гитлер предложил ему подать в отставку. Его сменил фельдмаршал Клюге, который до этого командовал 4-й армией. Фон Клюге Гитлер очень любил за жестокость и беспощадность.

Так вот, к тому времени, когда Западный фронт возложил на группу Белова задачу во взаимодействии с десантами и 11-м танковым корпусом Калининского фронта окружить и уничтожить Гжатско-Вяземскую группировку противника положение немцев стабилизировалось, они уже довольно прочно сели в оборону. На фронте в 600 км у них оборонялись: в первой линии 61 дивизия, и во второй — 7. Таким образом, оперативная плотность в их обороне колебалась в пределах 8-10 км на дивизию. Прямо скажем, хотя их дивизии были потрепаны и не полного состава, такая плотность в обороне не может считаться незначительной, ибо наши наступавшие дивизии были еще слабее.

Группу Армий «Центр» поддерживало не менее 1000 орудий армейской и приданной артиллерии РКК и 400 самолетов. Как же мож-

▲ Баранов В.К.

но было командующему Западным фронтом генералу Г.К. Жукову думать об окружении и уничтожении таких огромных сил противника, выделив для этого столь мизерные средства?

Четыре дивизии 33-й армии, прорвавшиеся в тыл противника севернее, были отрезаны немцами, хоть и завязали бои на юго-восточных подступах к Вязьме. Для многих осталось неясным, как командующий Западным фронтом мог не понять, что для выполнения поставленной задачи, необходимо было сосредоточить все свои силы и средства на участке 33-й армии, а не распылять их по всему фронту? Но Кононенко оставляет эту интересную загадку для историков. По его мнению в этой

обстановке командующий фронтом действовал безграмотно.

РЕЙД

Пока положение группы войск Белова в тылу противника оставалось далеко незавидным. Кругом был враг и неизвестность. Все удручало и даже пугало: потери, понесенные в Стреленке, раненые, которых не было куда девать, проблема питания людей и фуража для лошадей.

А тут еще во время движения, к концу первой ночи, когда всех измотала усталость, получилось так, что дозор, с командиром дивизии Осликовским во главе, проехал деревушку, в которой были немцы.

Те, пропустив дозор, обрушились на колонну пулеметным огнем. Положение было аховое, но колонну спас лесной массив, в котором она находилась. Командира дивизии потеряли, и весь день находились в лесном массиве под минометным обстрелом немцев. Все разведчики дивизии, в том числе и сам начальник разведки капитан Бойченко, весь день разыскивали полковника Н.С. Осликовского и путей, которые вывели бы дивизию в направлении деревни Вязовец. Наконец, во второй половине дня положение выяснилось. Командира нашли, он был недалеко в лесу, с ним были бойцы из дозора и проводник из местных жителей. На пути к Вязовцу и Вязьме не все населенные пункты занимались врагом. Некоторые, по данным жителей, занимались партизанами и какими-то парашютистами. Столь сложный вопрос о раненых, тоже решался довольно просто — их можно было оставить в населенных пунктах не занятых немцами. Правда, ко всем бедам добавлялся сильный мороз, и было немало обмороженных. И все же задачу необходимо было выполнять.

Дивизия прорвалась через Варшавское шоссе и все ни на минуту не сомневались, что скоро через него прорвутся и остальные и, что скоро генерал Белов будет с нею. А пока, по ту сторону Варшавского шоссе еще оставалась большая часть сил. Там были: 1-я гв. кавдивизия, 41-я кавдивизия, 57-я кавдивизия, 325-я стрелковая дивизия и четыре или пять лыжных батальонов. Кроме того, за Варшавским шоссе оставалась вся артиллерия, в том числе, даже полковая.

Но вот, в ночь на 28 января через Варшавку прорывается первый эшелон 1-й гв. кавдивизии вместе со штабом и командиром дивизии генералом В.К. Барановым. Дивизия прорвалась на том же участке, где и дивизия Осликовского, но у Баранова оказалась с собой радиостанция, полковая артиллерия и минометы. Противник снова занял Стреленку, но 1-я гв. кавдивизия быстро его оттуда выгнала с по-

мощью артиллерии, что так трудно было сделать Осликовскому. Вместе с Барановым, свободно мог пройти и штаб Группы войск, но ему помешал не противник, а более серьезная преграда — генерал Захаров. Он категорически запретил Белову и его штабу идти вместе с 1-й гв. кавдивизией, приказав переходить шоссе лишь с 325-й стрелковой дивизией, которая должна была замыкать боевой порядок. Весь секрет заключался в том, что Захаров еще не получил разрешения от командующего фронтом на возвращение в штаб фронта, а раз так, то ему волей-неволей необходимо было бы идти в тыл врага вместе с Беловым. Ясно, что такого он допустить никак не мог. Но не мог на месте оставаться и Белов со своим штабом, раз обе его дивизии уже были в тылу врага. Весь день шел сильный спор и, наконец, Белов настоял на своем. Захаров остался со вторым эшелоном и со штабом тыла.

Вечером 28 января Белов настоятельно требует у фронта подбросить

самолетами в район севернее Варшавского шоссе боеприпасы, продовольствие, медикаменты и подготовить три санитарных самолета для эвакуации раненых. Он пишет: «... прошу учесть, что части находятся в рейде без артиллерии и обозов, имеются 55 человек раненых, требующих эвакуации самолетами».

Утром 29 января, Белов докладывал, что 1-я гв. кавдивизия и 170-й кавполк 41-й кавдивизии прорвались через шоссе и ведут бой с противником в районе деревень Стреленки, Хорошилово, Захарьино, что группа полковника Осликовского (2 гв. кавдивизия, 237-й кавполк и 218-й кавполк) действует в районе Куколка и, что посланные к ним два самолета У-2 еще не вернулись.

В ночь на 30-е была сильная метель, что значительно облегчило переход через боевые порядки противника и Варшавское шоссе. Через него несколько правее того места, где прорывались 2-я и 1-я гв. кавдивизии прорвались 41-я кавдивизия

полковника Глинского, один лыжный батальон и штаб группы войск Белова.

Конечно, никто, во фронте, в том числе и Захаров особенно, не подумали закрепить, расширить и удержать участок прорыва в обороне противника. Можно прямо сказать — именно Захаров виноват в том, что вторые эшелоны группы, 325-я стр. дивизия, тылы и артиллерия не прошли через Варшавку. После перехода шоссе штабом группы Белова, больше уже никто не пытался по-настоящему прорываться в тыл врага. Утром 30-го генерал Белов сообщал во фронт: «Перешел Варшавское шоссе со штакором, 41 кавдивизией и противотанковой артиллерией дивизии. К 4.00 штаб расположился в Стреленка». Днем 30 января, штаб группы войск Белова был уже в деревне Вязовец. Сюда вызывались все командиры пяти кавдивизии за получением боевой задачи. Наконец-то все были вместе кроме 325-й стрелковой дивизии, которая так уже и не смогла прорваться через шоссе: противник плотно закрыл

▲ Лыжный батальон

▲ Под Вязьмой

брешь в своей обороне, и ему никто в этом больше не мешал.

В Вязовец, Белов, выполняя приказ Г. К. Жукова, принял решение наступать на Вязьму, имея главное направление по оси: железнодорожный переезд у станции Угра, Хватов Завод, Вязьма. В первом эшелоне наступали 1-я, 2-я гвардейские и 75-я кавдивизии. Здесь же, в штаб группы явился командир авиадесантного отряда капитан Суржак, подразделения которого были расположены в деревнях Татьянано, Бородино, Александровка, Тыновка. Кроме того, поступили данные о том, что штаб 250-го воздушно-десантного полка Солдатова расположен в деревне Лепехи, а его подразделения — в Свиридово, Гряда, Луги. Разведчики непрерывно доносили, что в районе действий группы много партизан. Дела, как будто пошли не так уж и плохо. Но были и плохие новости: тылы, артиллерия, зенитные средства, боеприпасы, фураж, продовольствие, все, все без чего не мы-

слим бой и победа, осталось по ту сторону Варшавского шоссе. А они были так необходимы!

Авиация противника, с наступлением светлого времени буквально свирепствовала. Днем передвижение было невозможно. Для передвижения и боя можно было использовать только ночи и метели, которые столько же помогали, сколько и мешали. Метель скрывала конницу от авиации, но заметала дороги и делала глубокий снежный покров еще глубже. Голодные лошади совсем выбивались из сил, пробивая дорогу в таком снегу. И все же кавалеристы двигались быстро вперед занимая один населенный пункт за другим. Мелкие гарнизоны немцев в панике бежали, частично их уничтожали, но были и такие пункты, которые без артиллерии они взять не могли, их обходили, оставляя в своем тылу. Группа Белова спешила к Вязьме. Но и противник не терял времени напрасно. Он лихорадочно готовился к обороне Вязьмы, ему

было ясно, куда и зачем шла конница, хотя он, может быть, и удивлялся ее нахальству. К 6 февраля группа войск Белова проникла в тыл врага на глубину 100 километров. Начались бои за Вязьму. И хотя всем было совершенно ясно, что с теми средствами, которыми она располагала, города не взять, кровопролитные бои за Вязьму продолжались почти десять дней без отдыха и передышки.

Белов еще в самом начале рейда просил начать наступление западнее Вязьмы из района Семлево на север на соединение с 11-м кавкорпусом, но командующий фронтом не разрешил.

Все же значительно позднее такое согласие было получено. Белову было выгодно такое наступление еще и потому, что севернее Семлево действовала 8-я Воздушно-десантная бригада и, хотя считалось, что она наступает на Вязьму с запада, но фактически она была окружена немцами и не только наступать не могла, но не имела сил

даже прорваться к кавалеристам. Но 10 февраля бригаде все же удалось вырваться из цепких объятий врага. Навстречу ей начали наступать 1-я гв. кавдивизия и 41-я кавдивизия. Вскоре гарнизон Семлево был окружен, а 12 февраля в ночном бою были разгромлены гарнизоны в деревнях Дяглово и Марманово.

Оказалось, что здесь располагались штабы 176-го арт. полка, 1-го батальона 13-го мотополка и, к удивлению всех — штаб 5-й танковой дивизии немцев. Командир дивизии, убегая впопыхах, даже забыл кое-какие принадлежности верхнего обмундирования, в том числе и мундир со всеми орденами. Южнее Семлево 1 гв. кавдивизия тоже имела успех, и Белов решил овладеть Семлево и лишь после этого наступать на север, отрезая Вязьму с запада и идя на соединение с 11-м кавкорпусом. Но гарнизон в окруженном местечке оказался довольно сильным орешком, а у Белова не было средств для

того, чтобы его раскусить. Кроме гвардейского порыва нужна была и артиллерия. Бои за Семлево затянулись до 14 февраля. Зато 8-я вдбр вырвалась из окружения, соединилась с кавалеристами и ее командир подполковник Ануфриев впервые разговаривал по телефону с Беловым из штаба 41-й кавдивизии. Между тем, начальник семлевского гарнизона немцев отчаянно, открытым текстом вопил по радио, умоляя о немедленной помощи, еще момент — и он капитулирует. Но, какая досада — в это время противник опять отрезал 8-ю вдбр и 75-ю кавдивизию, действовавшую на подходе к Вязьме. Пришлось срочно оставить семлевский гарнизон в покое и спешить на выручку к своим, они были дороже. Кроме того, необходимо было спешить на соединение с 11-м кавкорпусом. 15 февраля 8-ю вдбр выручили, бригада вырвалась и 16 февраля командир бригады Ануфриев и его комиссар Распо-

пов прибыли в штаб Белова и впервые встретились с ним. Ануфриев с гордостью доложил, что несмотря на ожесточенные бои, у него осталось 380 человек. Но к этому времени к кавалеристам присоединилось еще 500 человек его бригады, и Белов тут же передал их Ануфриеву.

16 февраля противник перебросил на выручку семлевского гарнизона танки и два батальона мотопехоты, но и Белов перебросил сюда все дивизии для наступления на север и на ликвидацию вражеского гарнизона в Семлево.

Вечером 17 февраля в штабе Группы собрались все командиры соединений. Была получена радиодиаграмма от Жукова, в которой он ставил задачу Белову: овладеть железной дорогой, а 11-му кавалерийскому корпусу Соколова — шоссейной дорогой Смоленск-Вязьма. (Командующий Западным фронтом генерал армии Жуков, координировал действия двух фронтов — За-

▲ Прорыв

падного и Калининского и назывался Главкомом).

Белов объявил свое решение, по которому: 2-я гв., 41-я кавалерийские дивизии и 8-я вдбр должны были наступать на север, овладеть железной дорогой на участке станций Семлево, Реброво. Конечно, о наступлении днем не могло быть и речи. Авиация противника не позволила бы ни сосредоточиться для наступления, ни подняться для атаки. У кавалеристов почти не было артиллерии и боеприпасов, чтобы подавить огневые точки противника в опорных пунктах и артиллерию на огневых позициях. Днем, даже при отсутствии авиации, противник мог легко уничтожить наступающих или прижать их к земле одним огнем артиллерии. Нет, наступать кавалеристы могли только ночью методом неожиданной ночной атаки или просто обходить опорные пункты врага.

Так оно и вышло на деле. Их ночное наступление оказалось совершенно неожиданным для противника. Спящие в жарко натопленных домах и землянках немцы были застигнуты врасплох. В первые же часы наступления, кавалеристы овладели несколькими населенными пунктами, захватили много трофеев, среди которых оказалось два шестиствольных миномета и большое количество боеприпасов к ним (один из минометов, по приказу фронта, был отправлен на «Большую землю» самолетом Р-5). Такие минометы в то время считались новинкой и причиняли в рейде нашим войскам не мало неприятностей. К 21 февраля кавалерийские дивизии вплотную подошли к железной дороге, овладели деревнями Бекасово, Березки и вели бой за Реброво, расположенное на железной дороге. Их передовые части подошли к станции Семлево и Есь-

ково. Но никаких действий с севера они не слышали, кавкорпус Соколова не давал о себе знать. Между тем, по железной дороге подошли два бронепоезда противника и начали поливать кавалеристов морем огня. Авиация противника неистовствовала, а наших самолетов совершенно не было видно. До 23 февраля Бекасово три раза переходило из рук в руки, ночью брали его кавалеристы, днем — немцы. Наконец Бекасово осталось в руках немцев. Полоса прорыва группы Белова к железной дороге стала настолько узка, что противник буквально насквозь простреливает ее.

От 11-го кавкорпуса по-прежнему не было никаких данных. Вообще, было не ясно, есть ли он? Кононенко посылал к нему несколько групп разведчиков. От 2-й гв. и 41-й кавдивизии тоже шли на север специальные группы разведчиков. Самая первая

▲ Штаб 1-го гв. кав.корпуса

группа для связи с Соколовым ушла еще 9 февраля. Ею командовал командир пулеметного эскадрона мл. лейтенант Рубец. Но Соколов к Белову никого не слал. Наконец, разведчики возвратились. Они были в штабе Соколова, говорили и видели его, но он далеко севернее шоссе Смоленск-Вязьма. Командующий же фронтом продолжал уверять Белова, что 11-й кавкорпус захватил шоссе. Больше того — закрепился на нем! До шоссе войскам Белова оставалось всего 5-6 км, но возвратились разведчики и доложили: по шоссе спокойно двигаются танки и машины немцев. Кому нужен такой обман? Еще одна группа разведчиков прошла к Соколову. Она нашла его далеко севернее шоссе, но он общал: сегодня ночью буду наступать на Рублево с севера. Но ночь на 25 февраля не приносит успеха ни наступавшим с юга, ни Соколову, наступавшему с севера. А утром 25 февраля — катастрофа. После ожесточенной бомбежки, штурмовки и артиллерийской подготовки пехота и танки противника перешли в наступление и легко перерезали узкую полосу прорывы кавалеристов Белова. 41-я кавдивизия и 8-я вдбр были отрезаны, и их со всех сторон ожесточенно атаковали, бомбили и обстреливали артиллерия, минометы и танки врага, дополнявшие «работу» авиации. Белов разрешает их командирам, находящимся со своими войсками в окружении, самим принимать решение, куда им прорываться: на север к Соколову, или на юг, к группе Белова.

Все войска Белова были связаны боем, противник на всех участках активно атаковал их. День 25 февраля — день особой активности врага. Глинский и Ануфриев все же решили пробиваться на юг, и просили Белова оказать им хотя бы какую-нибудь помощь. И вот 2-я гв. и 57-я кавалерийская дивизии, собирают все, что могут, и помогают атакой с фронта. Лишь 27 февраля Глинскому и Ануфриеву удалось вырваться из тисков врага. При этом они понесли большие потери, но немалые потери понесла и 2-я гв. кавдивизия. Среди

погибших — командир одного из ее полков — подполковник Костин. Кроме людей 41-я кавдивизия потеряла всю полковую артиллерию.

Уже месяц группа войск Белова в тылу врага. Ее положение было очень тяжелым. Но еще хуже положение у Ефремова — в 33-й армии. Совсем плохо у Соколова в 11-м кавкорпусе. А между тем, Жуков все время требует объяснений — почему не взята Вязьма!? Но какие могут быть объяснения? Назначение Жукова Главкомом — повышение в должности, как бы уменьшило его кругозор и умение вникать в реальную обстановку. Неужели он не понимал, что взять Вязьму, окружить и уничтожить немецкую группировку имеющимися силами, это фантазия, нет, хуже — авантюра. Нельзя поверить в то, что он не понимал действительности. Но что же?

Уже 26 февраля, стало совершенно ясно: соединиться с Соколовым группе Белова одними их усилиями невозможно. Когда Ануфриев вырвался из окружения, Белов узнал, что один его батальон во время боя за Реброво в ночь на 25 февраля, прорвался через железную дорогу и достиг шоссе Смоленск-Вязьма, но там частей Соколова не встретил.

Белов принимает решение действовать на север из района еще западнее Семлево и овладеть Издешково. Теперь ему уже было ясно, что противник стремится захватить инициативу в свои руки, чего нельзя было допустить, иначе он получит возможность диктовать свою волю и громить кавалеристов по частям.

Наступление с целью овладения Издешково, должно было проводиться одновременно с нападением на железнодорожные мосты через реку Днепр. Мосты намечалось взорвать. Действия планировались на 2 марта. В ночь на 2 марта, специальные отряды, направлявшиеся к железнодорожным мостам, были обнаружены, и противник, подведя сюда бронепоезд, не допустил их к мостам. На станцию Дорогобуж прибыл эшелон со свежими силами противника из Смоленска. Одновременно, разведчики отмечали пере-

броску войск противника из Смоленска по автострате на Вязьму. Днем 2 марта противник перешел в наступление из Семлево на юг и на юго-запад и потеснил 75-ю кавдивизию.

Уже несколько дней не было связи с 329-й стрелковой дивизией, там, видимо, произошла очередная катастрофа.

329-я стрелковая дивизия, входила в состав 33-й армии, но оказалась отрезанной немцами и, когда группа Белова подошла с юга к Вязьме, ее передали ей. Дивизия была без артиллерии и каких-либо других средств усиления. В ее полках насчитывалось по 100 активных штыков и, таким образом, она фактически была не боеспособна. Получив эту дивизию, генерал Белов, как мог, пополнил ее состав. В частности, в состав дивизии вошел 250-й воздушно-десантный полк.

Вместе с 75-й кавдивизией, 329-я стр. дивизия заняла оборону южнее Вязьмы.

Пока кавалеристы дрались у Семлево, а затем у Издешково и железнодорожных мостов через Днепр, немцы, пользуясь сильной метелью, отсутствием разведки, наблюдения и надежного обеспечения флангов, уже 19 февраля атаковали боевые порядки 329-й стр. дивизии, заняли и сожгли село Стогово, которое оборонялось 250-м воздушно-десантным полком, а затем, обошли с флангов боевые порядки дивизии и оказались в ее тылу. С 22 февраля Белов потерял всякую связь с дивизией. Ее радиостанция не отвечала на его позывные. Участь дивизии, пока была не известна.

2 марта противник атаковал из района Семлево боевые порядки 75-й кавдивизии. Танки и пехота немцев стали теснить ее на юго-восток. К 4 марта 75-я кавдивизия вела сдерживающие бои за удержание Путьково, Бол. Староселье, и враг стал угрожать основному аэродрому Белова в Коптево. Пришлось для приема грузов и отправки раненых, 5 марта переводить аэродром в Сенную. В тот же день, 5 марта, Белов, сняв все силы, действовавшие на Издешково и к железнодорожным мо-

стам на реке Днепр, срочно направил их в район Дебрево, Княжное, Хватов Завод на выручку и помощь 329-й стрелковой и 75-й кавалерийской дивизиям. Наступление здесь началось в ночь на 7 марта. Ночью 6 марта, младший лейтенант 75-й кавдивизии Бабичев с разведчиками пробрался к окруженной 329-й дивизии и установил с нею связь, говорил с командиром дивизии. В течение двух дней шли упорные бои, и вот в ночь на 9 марта два батальона десантников 8-й бригады прорвались к окруженной дивизии.

10 марта начали выходить из окружения группы бойцов и командиров 329-й дивизии. Днем 10 марта вышли: командир полка майор Н. Л. Солдатов с лыжниками, командир 1112-го стрелкового полка капитан Астанин с разведчиками и другие. Стало известно, что штаб 329-й дивизии находится в лесу севернее Переходы и, что командир дивизии вместе со штабом решил пробиваться из окружения ночью. Его ждали всю ночь. Были подготовлены специальные подразделения для оказания им помощи. Но ночью 11 марта вышли лишь одиночки.

А перед рассветом вырвался весь 250-й воздушно-десантный полк — всего 200 человек. Командир 1112-го полка со специальной группой разведчиков пошел в лес севернее Переходы искать штаб дивизии и ее командира. Но разведчики двое суток рыскали по лесу в поисках расположения штаба, но штаб и командир дивизии как в воду канули, их нигде не было. В ночь на 12 марта, никто из 329-й дивизии не вышел. На поиски штаба и командира были посланы еще четыре группы разведчиков.

Люди совершенно выбились из сил, так как вот уже более полутора месяцев они — в непрерывных боях, кровопролитных и ожесточенных, голодные, изнуренные и уставшие, они все же находят в себе силы и дерутся как звери. В ночь на 13 марта, вышли из окружения еще несколько групп общей численностью не более 30 человек. Среди вышедших — поллитрук 1112-го стр. полка Чернов. Он доложил, что командование дивизии, почувствовав у себя в тылу немцев, растерялось, потеряло управление. Части, подразделения и просто отдельные бойцы, сами, по своей инициативе, бросали позиции и выходили из окружения.

Стало известно, что командир дивизии решил выйти со штабом не к кавалеристам, а пробиваться к 33-й армии. Именно поэтому его не могли найти в лесу на прежнем месте севернее Переходы. Утверждают, что он умышленно прекратил с Беловым радиосвязь, но поддерживал ее с Ефремовым. Однако попытка пробиться к 33-й армии не удалась, там боевые порядки противника оказались еще плотнее. Все выходящие из окружения подтверждают вину командира дивизии. Положение усложнялось с каждым днем. Наконец, в ночь на 14 марта, из окружения выходит командование дивизии, а с ним группа примерно в 200 человек. Начальник штаба дивизии, начальник особого отдела и почти все раненые остались еще в окружении, и Белов опять посылает большую группу разведчиков на выручку несчастным, голодным, выбившимся из сил и потерявшим надежду на спасение людям. Ночью 16 марта прибыл командующий артиллерией дивизии и с ним группа бойцов и командиров. Данные о том, что командование дивизии растерялось и полностью бросило управление

▲ Овладеть искусством вождения конницы

▲ Ефремов М.Г.

дивизией подтвердились. В результате, — дивизия понесла огромные потери, многие, особенно раненые, попали в плен к врагу. Началось официальное расследование. Фронт санкционировал арест — и 23 марта командира и комиссара дивизии арестовывают и заключают под стражу. Председатель военного трибунала кавкорпуса военюрист 1 ранга Мельниченко Федор Андреевич запрашивает фронт, где будет производиться судебное разбирательство — в группе войск Белова или при штабе фронта? Фронт дает указание: судить командира и комиссара дивизии в группе. Командиром 329-й стрелковой дивизии

назначается бывший командир 250-го воздушно-десантного полка майор Н.Л. Солдатов. Комиссаром дивизии — бывший начподив 75-й кавдивизии батальонный комиссар А.И. Юхнов. Начальником политотдела — бывший начподив 57-й кавдивизии батальонный комиссар И.И. Причкин. К этому времени — 16 марта, все три легкие кавдивизии: 31-я, 57-я и 75-я, были расформированы и переданы на пополнение 1-й и 2-й гв. кавдивизии. 114-й и 117-й лыжные батальоны выведены в резерв группы.

Наконец расследование и следствие закончены. Все обвинения ко-

мандира и комиссара дивизии были подтверждены. 6 апреля состоялось судебное заседание Военного трибунала группы войск Белова. Председательствовал Ф.А. Мельниченко, члены суда: заместитель начальник разведки группы майор П.Н. Пох, военюрист 3 ранга И.М. Рабинович, секретарь-переводчик разведотдела А.М. Дорфман. Судили: командира 329-й стрелковой дивизии полковника К.М. Андрусенко, 1899 года рождения, украинца, члена ВКП(б), ранее судимого, в армии с 1918 года и комиссара стрелковой дивизии старшего батальонного комиссара Д.П. Сизова, 1901 года рождения, украинца, члена ВКП(б), в Красной Армии с 1922 года. Трибунал приговорил обоих к высшей мере наказания — расстрелу, без конфискации имущества. Оба осужденных, тут же подали просьбу в Верховный Совет о помиловании и сохранении им жизни. Вскоре оба, командир и комиссар, были помилованы. Их эвакуировали на «Большую землю». За несколько дней ожидания решения о помиловании, полковник К.М. Андрусенко стал почти совсем седой. Впоследствии он весьма успешно командовал стрелковой дивизией и показал себя достойным командиром. Кононенко встречался с ним под Калинковичами и Пинском, где его дивизия некоторое время входила в состав 61-й армии генерала Белова. Комиссар дивизии Д.П. Сизов через год после помилования погиб на фронте.

После выхода из окружения, дивизия была быстро приведена в порядок и пополнена за счет партизанских отрядов «Северный медведь» и Петрухина. 20 февраля она заняла оборону на широком фронте севернее станции Угра. В последующих боях, 329-я стр. дивизия выдержала не одну упорную схватку с врагом и показала себя хорошей боевой единицей, овладевшей искусством ведения боя в сложных и тяжелых условиях в тылу врага.

Продолжение в следующих номерах альманаха

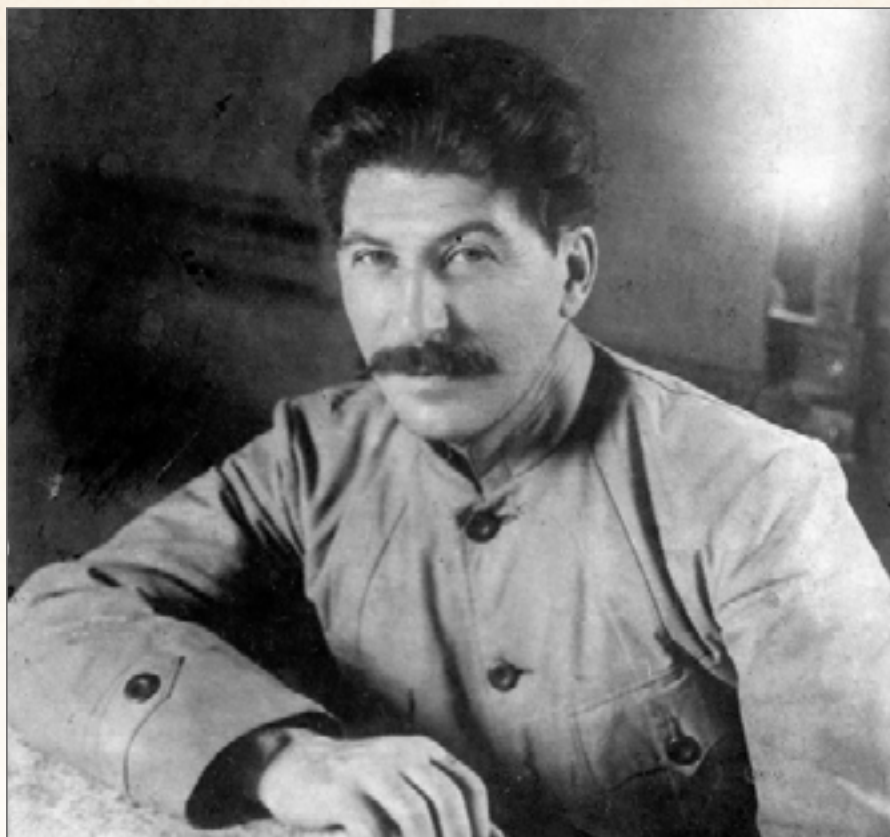

М.В. АЛЕКСАНДРОВ

СТАЛИН И СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА 1920 ГОДА

Недавно человечество отметило 80-ю годовщину начала второй мировой войны. В связи с этим в ряде стран, недружественно настроенных к России, подняли голову фальсификаторы истории. Целью их изысканий стало уравнивание сталинизма и нацизма, формирование представления о СССР как одном из агрессоров во второй мировой войне. Особенно усердствовала Польша, где местный сейм даже принял специальную резолюцию. В ней освободительный поход советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию был представлен как акт агрессии против Польши, то есть фактически как акт второй мировой войны.

И что удивительно, многие политики и политологи в России с этим косвенно согласились и начали оправдываться: мол, Договор о ненападении с Германией был аморальной, но вынужденной мерой. При этом они сознательно или по недомыслию упустили из виду важнейший политико-правовой момент: СССР своими действиями не мог совершить акта агрессии против Польши по той простой причине, что не захватывал чужую территорию, а просто возвращал районы, незаконно отторгнутые польскими агрессорами в 1920 году. Как же можно назвать такие действия аморальными? Напротив, освобождение своих исконных земель — акт высокоморальный, заслуживающий всяческого одобрения, как внутри страны, так и среди прогрессивной общественности за рубежом.

▲ Сталин И.В.

Понятно, почему этот аспект событий 1939 года замалчивается польским руководством. Им, наверное, очень хотелось бы вернуть неправомерно захваченные в 1919-1920 гг. территории. Но вот «забывчивость» наших «западных партнеров», не желавших одернуть зарвавшихся поляков, вызывает недоумение. Но обо всем по порядку.

Сразу после восстановления независимости Польши, руководство этой страны во главе с Юзефом Пил-

судским начало экспансионистскую политику, направленную не просто на объединение польских земель, но фактически на восстановление польской империи в границах Речи Посполитой. С этой целью в феврале 1919 года поляки вторглись на территорию Белоруссии и заняли обширные районы, включая Минск. Ослабленная Гражданской войной Советская Россия не могла противостоять этому наступлению. Польскую экспансию удалось остановить толь-

Александров Михаил Владимирович, доктор политических наук, ведущий эксперт Центра военно-политических исследований МГИМО. Родился 27 февраля 1960 г. в Москве. В 1982 г. окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР. В 1982-1992 гг. сотрудник МИД. Работал в посольствах в Новой Зеландии и Зимбабве, в Центральном аппарате МИД – во 2-м Европейском отделе, Консульском Управлении и Управлении оценок и планирования. В 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Проблема СОИ в отношениях между США и западноевропейскими членами НАТО». В 1994 г. поступил в докторантуру Австралийского национального университета в Канберре. Занимался проблематикой Центральной Азии и Каспийского региона. В 1997 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Российско-казахстанские отношения в постсоветский период». В 1997-2003 гг. работал консультантом в Министерстве промышленности, науки и технологии

Австралии. Занимался вопросами космической политики, в том числе российско-австралийским проектом по созданию международного космодрома на острове Рождества. Один из авторов российско-австралийского соглашения о сотрудничестве в использовании космического пространства в мирных целях. С 2003 г. работал в Институте стран СНГ в Москве. В 2003-2009 гг. возглавлял Отдел Кавказа стран СНГ, в 2010-2013 гг. – Отдел института СНГ по отношениям со странами Прибалтики. Автор монографий и многочисленных публикаций в российской и зарубежной печати.

ко под давлением Антанты, которая в этом вопросе вынуждена была учитывать позицию лидеров белого движения, в частности генерала Деникина.

В декабре 1919 года Верховный совет Антанты за подписью Клемансо опубликовал Декларацию о восточной границе Польши. В качестве таковой была провозглашена линия, которая проходила через Гродно — Яловку — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат. В последствии эта линия получила название «линия Керзона». В основе данного решения лежала позиция делегаций США, Англии, Франции, Италии и Японии на Версальской конференции, согласно которой при создании польского государства в него должны были войти только этнографически польские земли. Однако эта граница не устраивала руководство Польши. Отсюда — по-

пытки поляков аннексировать исконные земли белорусов и украинцев. Причем Варшава пыталась в этом вопросе сыграть на противоречиях между белыми и красными, вела переговоры и с теми и с другими. После того, как многомесячные переговоры в Таганроге между Деникиным и представителем Пилсудского не увенчались успехом, начались польско-советские переговоры. Но и эти переговоры закончились провалом. Тогда поляки решили навязать свою волю силой.

На рассвете 25 апреля 1920 г. польские войска вторглись на Украину на широком фронте от Припяти до Днестра. Юго-Западный фронт (командующий А. И. Егоров, член Реввоенсовета Р. И. Берзин) под давлением превосходящих сил противника был вынужден отступать. 28 апреля Политбюро ЦК РКП(б) одобрило план отражения польской агрессии, подготовленный Реввоенсоветом республики. Он предусматривал, что главный удар нанесут

войска Западного фронта в Белоруссии. На должность командующего фронтом был назначен М. Н. Тухачевский. Юго-Западный фронт должен был наносить вспомогательный удар в общем направлении на Брест. По решению ЦК РКП(б) в военный совет фронта был введен И. В. Сталин. Тем временем, 6 мая поляки заняли Киев.

Контрнаступление советских войск началось 14 мая. Первыми удар нанесли войска Западного фронта, но достичь успеха не смогли. В результате боев к 8 июня фронт стабилизировался практически на той же линии, откуда началось наступление. Успешными оказались действия Юго-Западного фронта, который был усилен 1-ой Конной армией С. М. Буденного. Войска фронта перешли в наступление 26 мая, а 5 июня 1-я Конная армия прорвала польскую оборону. К 12 июня был освобожден Киев. 20 июня советские войска вышли на линию Житомир — Бердичев — Казатин — Винница.

▲ Г.В. Чичерин

Успех Юго-Западного фронта заставил поляков отводить войска, противостоящие южному крылу Западного фронта. Это позволило Западному фронту начать преследование отступающего противника. Польское командование было вынуждено перебросить часть войск на южный фланг, чтобы прикрыть бреши в обороне. Это создало благоприятные условия для перехода Западного фронта в стратегическое наступление, которое началось 4 июля. На этот раз войска Западного фронта нанесли удар правым флангом. Поляки, понеся тяжелые потери, стали поспешно отступать. 10 июля они оставили Бобруйск, 11 июля — Минск, 14 июля — Вильно. Тем временем, 1-я Конная армия к 10 июля овладела городами Ровно и Дубно. Польский фронт находился на грани развала.

В этих условиях правительст-

▲ Лорд Керзон

во Польши обратилось к Антанте с просьбой о вмешательстве. Поляки настаивали на военной интервенции, однако было решено, что Антанта предпримет шаги к установлению перемирия. При этом Польша согласилась принять за основу территориального размежевания с РСФСР «линию Керзона». 12 июля британский министр иностранных дел Керзон прислал в Москву телеграмму с предложением, чтобы РСФСР и Польша заключили перемирие. При этом советское наступление должно было остановиться 50 км восточнее «линии Керзона», а в Восточной Галиции — на достигнутой к моменту перемирия линии фронта. Вопросы разграничения территорий следовало решить на международной конференции в Лондоне. Туда, в частности, должны были быть приглашены и представители Восточной Галиции. Предлагалось также заключить пере-

мирие с Врангелем, в случае отвода его войск в Крым. На размышления Москве давалось 7 дней. Для понимания позиции Сталина, следует особо обратить внимание на то, что по плану Антанты Восточная Галиция должна была участвовать в переговорах отдельно от Польши.

Предложенные Антантой условия выглядели вполне разумными с точки зрения российских национальных интересов и могли послужить хорошей основой для последующих переговоров. Не случайно, глава НКВД Чичерин высказался за принятие данных предложений. По его мнению, следовало бы выйти на «линию Керзона» и вести переговоры с Польшей, подтянув тылы и дав отдых войскам. Ну, а в случае необходимости можно было с этой линии начать новое наступление.

Однако, позиция Чичерина не получила поддержки. Пленум

ЦК РКП(б) 16 июля рассмотрел ноту Керзона и принял предложения Ленина. Пленум постановил отвергнуть предложения Англии о посредничестве, дал указание продолжать наступление на польском фронте и даже наметил меры для усиления наступления. На основе ленинских предложений была составлена телеграмма Чичерина с ответом Керзону. Она была передана по радио 17 июля. В телеграмме говорилось, что для установления перемирия Польше необходимо напрямую обратиться к советскому правительству, при этом оно согласно на более выгодную для польского народа территориальную границу, чем «линия Керзона». В этой связи большевистское правительство указывало, что линия Керзона — не справедлива для Польши, так как была установлена под давлением «контрреволюционных русских элементов» и что Антанта пошла по пути «антипольской политики царизма и империалистической великорусской буржуазии». Это последнее положение, вероятно, повергло в шок сотрудников английского МИД. Отдавать большую территорию, чем того требовал противник выходило далеко за рамки традиционной дипломатии и просто здравого смысла. Но большевики руководствовались своими собственными, только им понятными смыслами.

Сталин участия в заседании Пленума не принимал, так как 12 июля отбыл в Харьков в штаб фронта. Формально Ленин поинтересовался его мнением по ноте Керзона, но сделал это в очень своеобразной форме. 12 или 13 июля он направил Сталину телефонограмму, в которой изложил условия Керзона, но одновременно попросил отдать распоряжение «о бешеном усилении наступления». К тому же, Ленин прямо заявил: «У нас хотят вырвать из рук посредством жульнических обещаний победу». Таким образом, вождь дал понять, что его мнение по данному вопросу уже сложилось. В этих условиях, прямо возражать было бессмысленно. Как показывал прошлый опыт, большинство ЦК обычно шло за Лениным. В любом случае об от-

вете Сталина на эту телефонограмму ничего не известно.

С другой стороны, позиция Сталина по войне с Польшей была сформулирована еще до Пленума и скорее всего, была Ленину хорошо известна. Если бы он захотел, то мог бы принять ее во внимание. Но этого не сделал. Первый раз о войне с Польшей Сталин публично высказался еще 25 мая. «Правда» опубликовала его статью, где давался развернутый анализ перспектив польской кампании. Он, в частности, писал: «В отличие от тыла Колчака и Деникина, тыл польских войск является однородным и национально спаянным. Отсюда его единство и стойкость. Его преобладающее настроение — “чувство отчизны” — передается по многочисленным нитям польскому фронту, создавая в частях национальную спайку и твердость. Отсюда стойкость польских войск. Конечно, тыл Польши не однороден... в классовом отношении, но классовые конфликты еще не достигли такой силы, чтобы прорвать чувство национального единства». Поэтому, сделал Сталин главный вывод, «если бы польские войска действовали в районе собственно Польши, с ними, без сомнения, трудно было бы бороться».

В связи с этим Сталин предлагал сделать основной акцент не на классовое восстание в Польше, а на национально-освободительное восстание в непольских районах, оккупированных Польшей. По его словам, «громдное большинство населения прилегающих к Польше районов (Белоруссия, Литва, Россия, Украина) состоит из непольских крестьян, терпящих гнет польских помещиков». Поэтому лозунг советских войск «Долой польских панов!» находит мощный отклик среди большинства населения указанных районов». Именно этим теоретическим положением можно объяснить недвусмысленное возражение Сталина против «марша на Варшаву». Свою позицию по данному вопросу он изложил в беседе с сотрудником УкрРОСТА, опубликованной в 24 июня в харьковской газете «Ком-

мунист». Сталин прямо заявил, что «было бы ошибкой думать, что с поляками на нашем фронте уже покончено». «Следует также помнить, что разложение в массовом масштабе еще не коснулось польской армии. Нет сомнения, что впереди еще будут бои, и бои жестокие», — подчеркнул он. Сталин также коснулся международного аспекта проблемы, отметив, что Польша получит международную поддержку от западных держав. «Ведь мы воюем не только с поляками, но со всей Антантой..., снабжающей поляков всеми видами довольствия».

Еще раз Сталин публично поставил этот вопрос 11 июля. В «Правде» было опубликовано его интервью, где он вновь предостерег против революционной войны с Польшей. Он в частности, сказал: «Наши успехи на антипольских фронтах несомненны. Несомненно и то, что эти успехи будут развиваться. Но было бы недостойным бахвальством думать, что с поляками в основе уже покончено, что нам остается лишь проделать «марш на Варшаву». Примечательно, что эта беседа была опубликована в центральном органе РКП(б) в тот же день, когда РСФСР была вручена нота Керзона. Таким образом, Сталин еще раз призвал руководство большевиков занять более реалистичную позицию по войне с Польшей.

Но как видим, Ленин имел совсем другое мнение. В отличие от Сталина, он исходил из доктрины пролетарского интернационализма. В речи на съезде рабочих и служащих кожевенного производства Ленин так объяснял свое решение: «Если бы Польша стала советской, если бы варшавские рабочие получили помощь от Советской России, которой они ждали и которую приветствовали, Версальский мир был бы разрушен... у нас немного не хватило сил, чтобы дойти до Варшавы и передать власть варшавским рабочим...». Чуть позже в речи на совещании председателей исполкомов Ленин сказал: «... Советская Россия летом 1920 года выступила не только как сила, обороняющаяся от насилия, от натиска польских белогвардейцев, она вы-

▲ Ленин В.И.

▲ Каменев С.С.

ступила на деле как всемирная сила, способная разрушить Версальский договор и освободить сотни миллионов людей в большинстве стран земли».

Из этих заявлений видно, что Ленин руководствовался преимущественно интересами мировой революции, стремлением «подтолкнуть» революцию в Европе. Сначала советизация Польши, затем содействие выходу Германии из Версальской системы. Это, по мнению Ленина, должно было породить экономическое банкротство Франции и революцию там и в Германии. Интересы России, ее национальной безопасности и территориальной целостности в данном случае во внимание не принимались.

Таким образом, очевидно, что позиции Ленина и Сталина представляли собой два разных стратегических курса. Курс Ленина делал ставку на мировую революцию, курс Сталина — на восстание в непольских районах, с целью оторвать их

от Польши и превратить в союзников России. Чья точка зрения оказалась правильной показали последующие события.

После решения пленума ЦК главком С.С. Каменев отдал приказ Западному фронту занять Варшаву не позднее 12 августа. В Белостоке был образован Временный революционный комитет Польши в составе Ю. Мархлевского, Ф. Дзержинского, Ф. Кона и Э. Прухняка. Польревком должен был принять на себя всю полноту власти после взятия Варшавы. Наступление советских войск в Польше успешно развивалось.

В этой обстановке всеобщей эйфории Реввоенсовет Юго-Западного фронта 22 июля направил главкому телеграмму с предложением перенести главный удар войск фронта с брестского направления на львовское, то есть в пределы Галиции. Командование Юго-Западного фронта, как писал позднее А. И. Егоров, «считало важным в политическом плане освобождение столицы Восточной

Галиции — Львова и намеревалось в дальнейшем оказать поддержку Западному фронту «ударом через Львов в тыл Варшаве». Для обоснования своего предложения командование фронта сыграло на распространённом в Реввоенсовете республики мнении, что для взятия Варшавы достаточно сил одного Западного фронта. Руководство фронта также подогревало опасения Москвы о возможности вступления в войну Румынии. А для предотвращения этой, как оказалось, иллюзорной угрозы была, якобы, необходима концентрация советских войск вблизи румынской границы.

Представляется, что идея переноса направления удара фронта на Львов принадлежала именно Сталину. Это четко следует из тех оценок войны с Польшей, которые он давал ранее. По мнению Сталина, наступление в Восточной Галиции открывало реальные перспективы для отрыва этой территории от Польши и создания там просоветского пра-

вительства. В населении Восточной Галиции преобладали украинцы, которые предпочли бы образовать собственное государство или присоединиться к Украине, но никак не к Польше. Еще 8 июля на Украине был создан Галицийский революционный комитет (Галревком), работа которого велась под общим лозунгом изгнания поляков, и 1 августа в Тернополе была провозглашена государственная самостоятельность Восточной Галиции с задачей установления советской власти. К тому же, Антанта дала ясно понять, что не рассматривает Восточную Галицию как часть Польши и позволит ее представителям самостоятельно участвовать в мирной конференции.

С другой стороны, как следует из оценок Сталина, он считал наступление на Варшаву бесперспективным. Он понимал, что сопротивление поляков в глубине польской территории будет нарастать, что никакого восстания в Польше не произойдет и что на определенном этапе вмешательство Антанты на стороне Польши станет неизбежным. А это неминуемо приведет к поражению советских войск и с польской территории все равно придется уходить.

Видимо этим объясняется и скрытое сопротивление командования Юго-Западного фронта приказу о передаче 1-ой Конной армии в состав Западного фронта.

Еще 6 августа главком Каменев отдал приказ Юго-Западному фронту вывести 1-ую Конную в резерв для отдыха и подготовки к новому удару уже на западном направлении. Но поскольку в приказе ничего не говорилось о прекращении львовской операции, командование фронта вывело 1-ую Конную из боя, но вовсе не для того, чтобы ее куда-то передавать. А когда 11 августа в штаб фронта поступила конкретная директива Каменева о передаче 1-ой Конной на Западный фронт, то документ не смогли прочитать, так как он якобы был зашифрован с ошибками. Штаб фронта обратился в Москву с просьбой о перешифровке директивы. Повторная директива пришла в штаб лишь к середине дня 13 августа. В ней сообщалось, что Западный фронт приступает к нанесению удара с целью овладения Варшавским районом. Ввиду этого предлагалось временно отказаться от овладения Львовским районом и направить для поддержки Западного фронта

возможно больше сил. В директиве указывалось, что 12-я армия Юго-Западного фронта должна наносить удар в направлении на Люблин, а 1-я Конная должна выйти в район Замостье — Томашов — Грубешов.

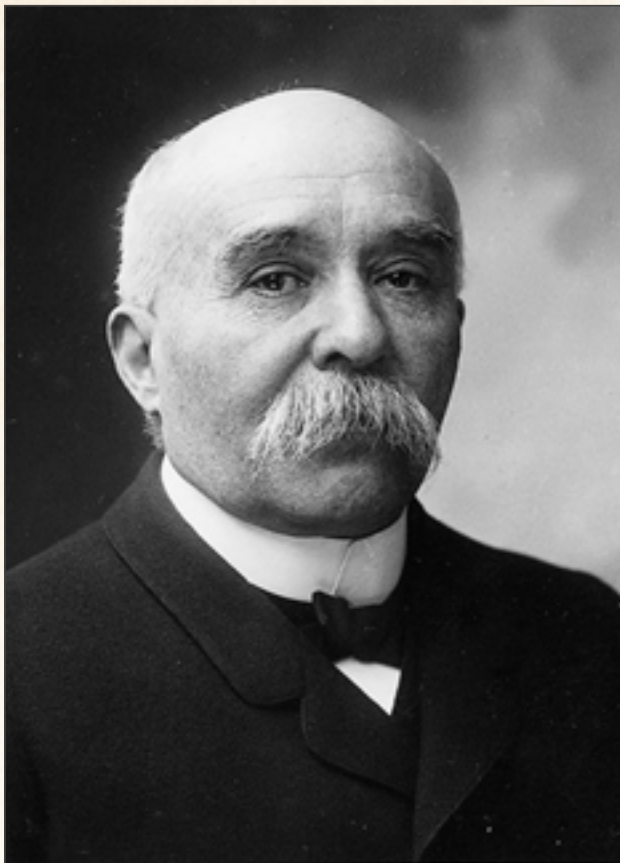
Однако командование Юго-Западного фронта еще 12 августа отдало 1-ой Конной армии приказ о возобновлении наступления на Львов и обратилось в Москву с просьбой оставить ее в составе фронта. К моменту получения перешифрованной директивы войска Буденного уже ввязалась в упорные бои за город. Об этом командование фронта и сообщило в Москву 13 августа. Для содействия Западнему фронту выделялась лишь 12-ая армия, которая в то же время обеспечивала с севера удар 1-й Конной армии на Львов. Однако главком Каменев в тот же день отклонил просьбу Юго-Западного фронта об оставлении 1-ой Конной в составе фронта и потребовал с 12 часов 14 августа передать ее Западнему фронту.

После этого указания Реввоенсовет Юго-Западного фронта направил соответствующую директиву командованию 12-й и 1-й Конной армий. Однако после этого саботаж

▲ 1-я Конная

▲ Жорж Клемансо

▲ М.Н. Тухачевский

сместился на следующий командный уровень. Получив 15 августа приказ Западного фронта о переброске 1-ой Конной в район Владимира-Волынского, командование армии отказалось его выполнять по формальным основаниям: в приказе отсутствовала подпись члена РВС фронта. На повторный приказ от 17 августа Буденный ответил, что «армия в данный момент для новой перегруппировки выйти из боя не может». В итоге 1-я Конная продолжала бои за Львов вплоть до 19 августа. А после этой даты ее переброска на Западный фронт уже утратила смысл, так как войска Тухачевского откатывались назад. В этих условиях логичнее было бы оставить 1-ю Конную в составе Юго-Западного фронта, что позволило бы продолжать бои за Львов.

Вот как оцениваются эти события в Истории ВКП(б), изданной в 1938 году: «Что касается войск

южного фронта, стоявших у ворот Львова и теснивших там поляков, то этим войскам "предреввоенсовета" Троцкий воспретил взять Львов и приказал им перебросить конную армию, то есть главную силу южного фронта, далеко на северо-восток, будто бы на помощь западному фронту, хотя не трудно было понять, что взятие Львова было бы единственно-возможной и лучшей помощью западному фронту. Но вывод конной армии из состава южного фронта и отход ее от Львова означали на деле отступление наших войск также и на южном фронте».

Если абстрагироваться от ангажированного стиля изложения и возложения вины на одного Троцкого, то с данной оценкой вполне можно согласиться. Взятие и удержание Львова могло бы позволить оторвать Восточную Галицию от Польши даже в условиях отступления Западного фронта. А вообще, по оценке во-

енных экспертов переброска 1-ой Конной армии на Западный фронт даже 12 августа уже не имело смысла. Такой маневр мог бы иметь эффект, если бы он начал осуществляться 5-6 августа. Но и в этом случае весьма маловероятно, что прибытие 1-ой Конной под Варшаву могло бы изменить стратегический ход советско-польской войны. Для тотальной победы над Польшей имеющихся у РСФСР сил было просто недостаточно.

Таким образом, развитие событий на фронте происходило примерно по тому сценарию, который предсказал Сталин. Чем ближе советские войска приближались к Варшаве, тем сильнее становилось сопротивление поляков. Вместо антиправительственных выступлений произошло сплочение польского общества. 24 июля в Польше было создано национальное правительство из всех партий, включая социалистов. Коммунисты

как «агенты Москвы» подверглись репрессиям. Польская пропаганда всячески подчеркивала «самоотверженную борьбу польских войск с нашествием большевиков». За короткий срок был проведен дополнительный набор резервистов.

Не осталась в стороне и Антанта. В Польшу для оказания «моральной и технической помощи» была направлена англо-французская военная миссия. Английскими представителями были лорд д'Абернон и генерал Редклифф, французскими — Жюссеран и генерал Вейган. 25 июля миссия прибыла в Варшаву и приняла активное участие в руководстве операциями польской армии. Генералу Вейгану была предоставлена руководящая роль в обороне Варшавы и подготовке контрудара польских войск. Польше была оказана помощь вооружением и боевой техникой. В ходе боев под Варшавой Антанта спешно направила через Румынию около 600 орудий, которые по прибытии были немедленно введены в бой. Эскадрилья имени Костюшко, действовавшая против армии Будённого, была составлена из американских лётчиков под командованием полковника Фонтлероя.

Антанта также оказала Польше дипломатическую поддержку. 3 августа Керзон отправил советскому правительству по радио новую ноту, в которой предупредил, что Англия начнет интервенцию, если советские войска продолжат наступление за линией Керзона. На следующий день Ллойд Джордж пригласил к себе советского представителя Красина, прибывшего в Лондон, и потребовал немедленно прекратить наступление в Польше, предупредив, что через три дня британский флот выйдет в море, блокада РСФСР будет возобновлена и в Данциге начнется выгрузка боеприпасов для Польши. Ультиматум английского правительства был поддержан демонстративным выходом флота в море.

Впрочем до прямого военного вмешательства Антанты в конфликт дело не дошло в связи с кардинальным изменением обстановки на фронте. 18 августа все польские

армии перешли в общее наступление. К 25 августа главные силы Тухачевского с большими потерями отошли в район Липска, восточнее Белостока и Брест-Литовска. А 4-я армия с 3-м конным корпусом и 2 дивизии 15-й армии отступили в Восточную Пруссию и были интернированы. Войска Юго-Западного фронта также отходили, ведя тяжёлые бои с превосходящими силами противника.

Боевые действия на польском фронте продолжались до 18 октября, однако их интенсивность существенно ослабла, так как войска обеих сторон были измотаны. А 12 октября в Риге был подписан договор о пере-

мирии и предварительных условиях мира между РСФСР и УССР с одной стороны и Польшей, с другой. Условия мира оказались для России гораздо более тяжелыми, чем те, которые предлагались Антантой. Граница с Польшей прошла значительно восточнее «линии Керзона».

Таким образом, результаты польской кампании продемонстрировали полный провал политики интернационал-коммунистического большинства ЦК РКП(б) как на стратегическом, так и на тактическом уровне. Стратегически ЦК проиграл, поскольку провалилась попытка подтолкнуть революцию в Польше и в Европе в целом. Тактически ЦК проиграл потому, что

▲ Ф.Э. Дзержинский

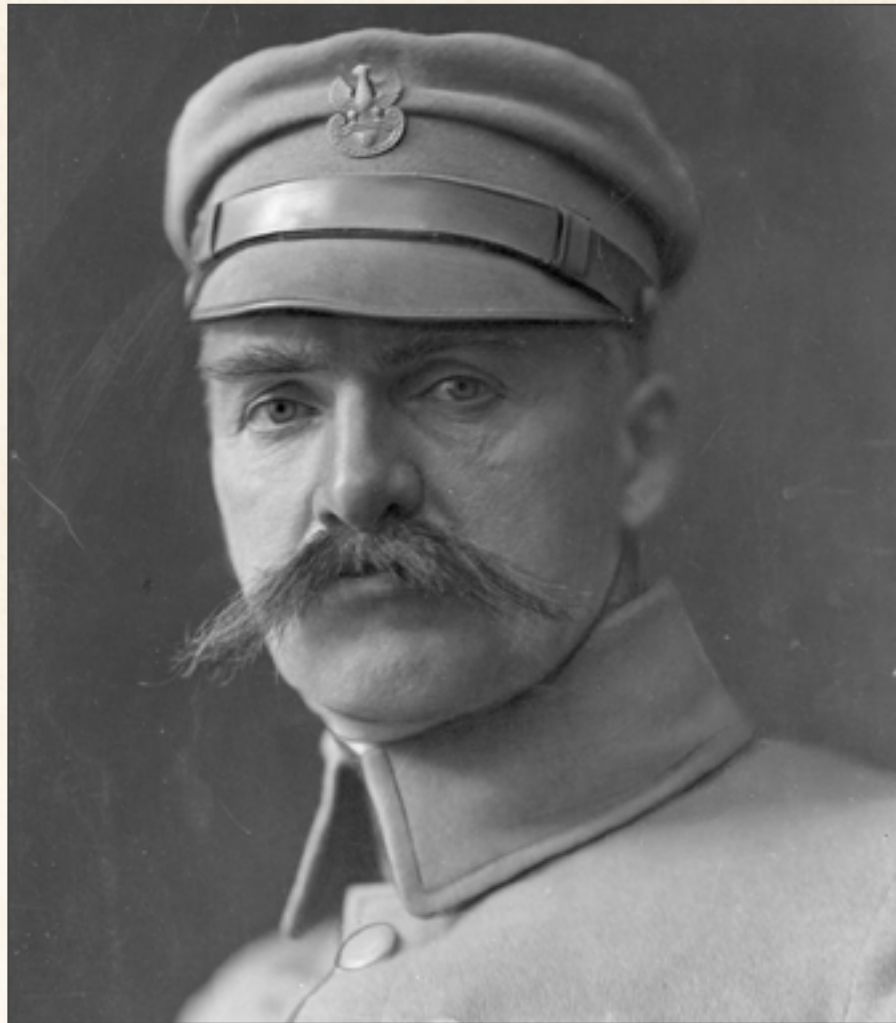

направил главный удар в центр польского государства, а не в районы, населенные этническими меньшинствами. Также была плохо просчитана готовность западных держав прийти на помощь полякам. Это было вызвано переоцененной революционности и интернационализма западного пролетариата, который, как того ожидали в Москве, своими массовыми действиями должен был блокировать оказание Польше военной помощи.

Показательно, что через год после этих событий Ленин публично признал ошибочность политики ЦК в ходе войны с Польшей. Выступая на пленуме Московского Совета он прямо назвал наступление на Варшаву «ошибкой». «В польской войне мы имели энергичную, смелую Красную Армию, но пошли несколько дальше, чем нужно — к воротам Варшавы, а потом откатились почти к самому Минску», — отметил он.

По существу, интернационал-коммунистическое крыло большевиков в погоне за фантомом мировой революции втянуло Россию в авантюру, которая очень дорого обошлась. Потери Красной Армии в ходе боевых действий точно не известны, но они по всем основаниям должны быть не меньше польских. А это — около 200 тыс. человек. Помимо этого, около 60 тыс. военнопленных умерли в польских лагерях. Таким образом, в ходе войны погибли десятки тысяч русских солдат. И все это для того, чтобы получить результат гораздо хуже того, который можно было иметь и без продолжения войны.

А ведь результат мог бы быть совершенно иным, если бы был принят план Сталина. Если бы основной удар был бы перенесен на Львов, а Западный фронт остановился на «линии Керзона». И было бы принято предложение Антанты о мирной конференции. В этом случае граница в Белоруссии прошла бы намного западнее, Восточная Галиция стала бы советской республикой, а военные потери были бы намного меньше. В этом случае и освободительный поход советских войск на Западную Украину и Белоруссию был бы не нужен. И соответственно

▲ Юзеф Пилсудский

не возникло бы исторического мифа о «разделе Польши» между Гитлером и Сталиным по «пакту Молотова Риббентропа». Ведь понятно, что никакого раздела не было. СССР просто забрал свое, положенное ему по праву. А вот Гитлер оккупировал исконные польские земли. И в этом — главная и принципиальная разница, не позволяющая ставить в один ряд СССР и нацистскую Германию.

Не случайно, ни Англия, ни Франция не протестовали против освободительного похода советских войск в Польшу. И это вполне понятно, ибо Лондон и Париж сами придерживались той же позиции, что и Сталин. С долей юмора можно даже заметить, что в 1939 году Сталин наконец-то реализовал план Керзона. Жаль только что многие нынешние политики Евросоюза забыли о прошлой

позиции своих собственных правительств и не одернули Варшаву за ее потуги фальсифицировать историю. В период «холодной войны» такой подход был бы вполне объясним, но нас пытаются убедить, что «холодная война» закончилась, что мы теперь партнеры. К сожалению, практика показывает, что это не так. Политика «двойных стандартов» в отношении России по-прежнему продолжается.

«Насколько вообще тогда, в 1905 г., были слабы большевики и насколько не имели корней в массах, показывает факт, что вся организация их в Петербурге едва ли. ■

80 ЛЕТ КЛИМУКУ ПЕТРУ ИЛЬИЧУ

▲ В.В. Коваленок, П.И. Климук на орбитальной станции Салют-6, 1978 г.

10 июля исполнилось 80 лет космонавту СССР, дважды Герою Советского Союза, генерал-полковнику авиации Климуку Петру Ильичу.

Климук П.И. родился 10 июля 1942 года в селе Комаровка Брестского района Брестской области Белорусской ССР в крестьянской семье. В 1959 году после окончания средней школы поступил в Кременчугскую школу первоначального обучения летчиков. В 1964 году с отличием окончил Черниговское высшее военное училище летчиков им. Ленинского комсомола. Служил в авиационных частях Советской Армии. Был зачислен в отряд космонавтов в 1965 году. Прошел полный курс общекосмической подготовки и подготовки к космическим полетам на кораблях типа «Союз» и орбитальных станциях типа «Салют». Совершил три космических полета в качестве командира экипажа. Всего за три полета в космос налетал 78 суток 18 часов 18 минут 42 секунды.

Первый космический полет П.И. Климук совершил с 18 по 26 декабря 1973 года в качестве командира экипажа совместно с бортиженером Лебедевым Валентином Витальевичем на космическом корабле «Союз-13». Во время полета космонавты проводили астрофизические исследования, спектрографирование участков звездного неба в ультрафиолетовом диапазоне и многозональную фотосъемку Земли. Экипажем были выполнены медицинские эксперименты по изучению кровообращения головного мозга в условиях невесомости и биологические эксперименты по выращиванию культур, а также отработаны бортовые системы корабля и методы автономной навигации и управления. Продолжительность полета составила: 7 суток 20 часов 55 минут 35 секунд.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1973 года за мужество и героизм, проявленные в полете, подполковнику Климуку Петру Ильичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Второй космический полет Петр Ильич Климук совершил с 24 мая по 26 июля 1975 года в качестве ко-

мандира экипажа совместно с бортиженером Виталием Ивановичем Севастьяновым на космическом корабле «Союз-18-2» к орбитальной станции «Салют-4». Продолжительность полета составила: 62 дня 23 часа 20 минут 8 секунд. Во время полета решалась одна из основных задач — изучение долгосрочного пребывания человека в космическом пространстве. На орбите космонавты осуществили биомедицинские

эксперименты и комплексные исследования реакций человеческого организма на различные факторы длительного космического полета, испытали профилактические средства на негативное воздействие невесомости. Кроме этого, экипажем были проведены исследования Солнца, планет и звезд в широком диапазоне электромагнитного спектра и фото- и спектрографические исследования полярных сияний и сере-

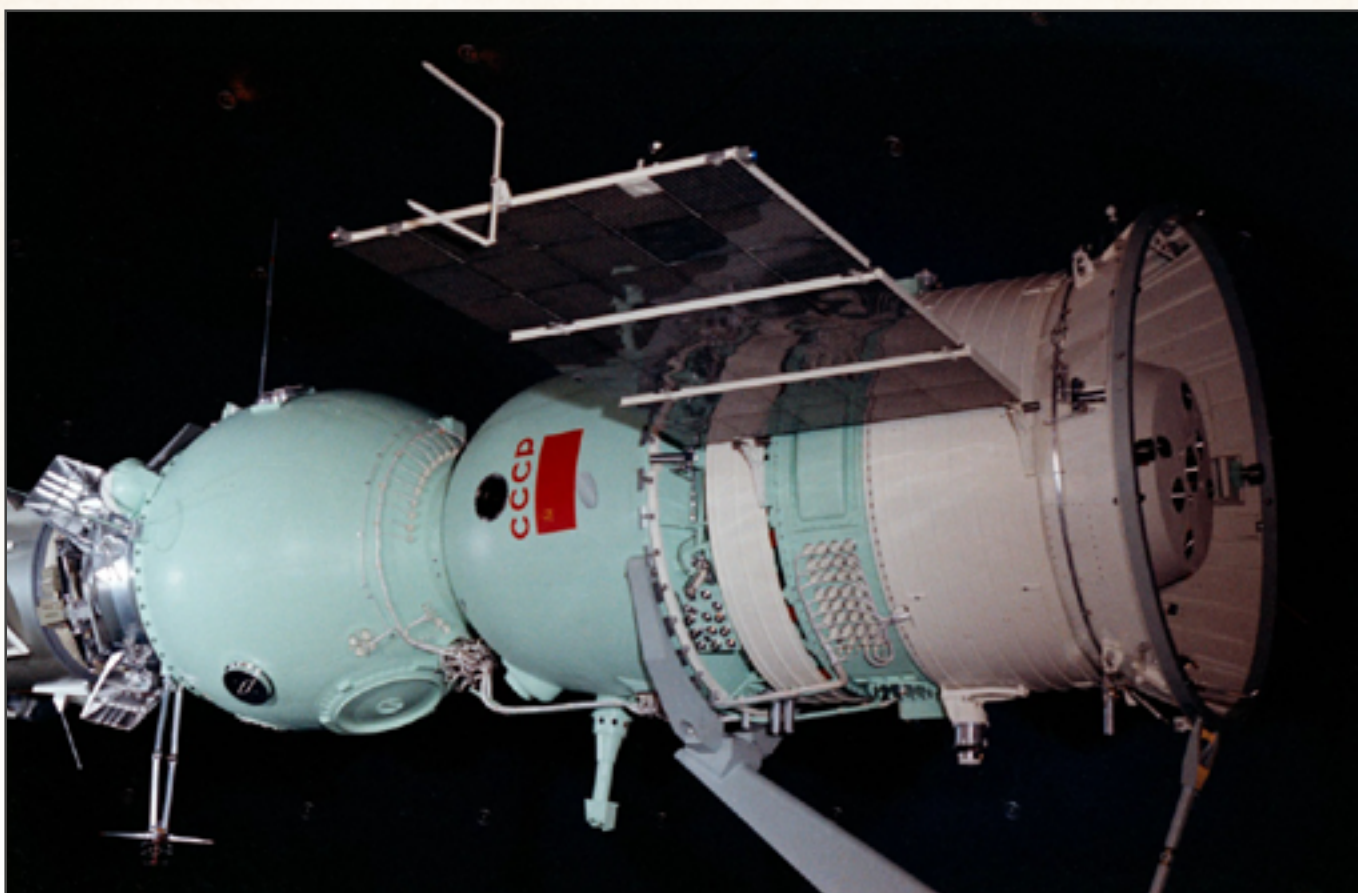

▲ Генерал-полковник авиации П.И. Климук

▲ В.И. Севастьянов, П.И. Климук на орбитальной станции Салют-4, 1975 г.

▲ Союз-30

брисных облаков, а также отработаны новые системы и приборы.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1975 года за мужество и героизм, проявленные в ходе этого полета награжден второй медалью «Золотая Звезда».

Третий космический полет П. И. Климук совершил с 27 июня по 5 июля 1978 года в качестве командира международного экипажа совместно с космонавтом исследователем гражданином Польской Народной Республики Мирославом Гермашевским на космическом корабле «Союз-30» и орбитальной станции «Салют-6» для совместной работы с экипажем — В. В. Коваленком и А. С. Иванченковым. Были выполнены медицинские, технологические и геофизические исследования и эксперименты. Продолжительность пребывания в космосе составила 7 суток 22 часа 2 минуты 59 секунд.

С 30 марта 1976 года П. И. Климук — заместитель командира отряда космонавтов Центра подготовки космонавтов (ЦПК) по политической части. В 1977 году заочно окончил Военно-воздушную академию им. Ю. А. Гагарина. С 24 января 1978 года — заместитель начальника ЦПК — начальник политического отдела Центра. В 1983 году заочно окончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина. С 12 сентября 1991 по сентябрь 2003 года П. И. Климук — начальник Центра подготовки космонавтов им. Ю. А. Гагарина.

П. И. Климук — депутат Верховного Совета СССР 10-го созыва; Народный депутат СССР (1989-1991); действительный член Российской академии космонавтики им. К. Э. Циолковского, академик Международной академии информатики, член-корреспондент Международной академии астронавтики; Лауреат Государственных премий; автор книг «Рядом со звездами», «Атака на невесомость». ■

▲ Бюст П.И. Климuku на бульваре Космонавтов в Бресте

Петра Ильича Климuku — легендарного космонавта СССР, истинного сына Отечества поздравляем со славным юбилеем. Желаем долголетия и бодрости духа, неиссякаемой энергии, счастья и благополучия, оптимизма, удачи во всех делах.

ЖАК ДЕЛАРЮ

АНТИГИТЛЕРОВСКИЙ ЗАГОВОР

▲ Результат покушения

Уже на протяжении длительного времени антинацистски настроенные видные деятели в Германии пытались объединиться. Этим попыткам противодействовали СД и гестапо. Оппозиционные группы сложились уже и в военных кругах. Действуя самостоятельно, военные могли бы иметь шансы на успех, но они предпочли, как показали события, без лишних колебаний принять предлагавшиеся режимом льготы и преимущества: возможность быстрого продвижения по службе, высокие оклады, не говоря уж о периодических подачках Гитлера чле-

нам генералитета (19 июля 1940 года сразу 12 генералов были произведены в генерал-фельдмаршалы).

Поэтому не следует искать среди военных тех, кто первыми мужественно выступил против режима. Во время войны оппозиционные по отношению к режиму движения вначале возникли в университетских кругах: это были люди, совесть которых восставала против попрания нацистами элементарных норм человеческой этики и морали.

Проникновение нацистских спецслужб в университеты не могло искоренить в них многолетнюю традицию

независимости, стремление к свободе, к соблюдению прав личности, свойственные студентам всех стран мира.

В Мюнхене под университетской крышей возникла организация «Белая роза». Деятельность группы, проходившая в университетских кругах на протяжении долгих лет, держалась в секрете. Эта группа печатала и распространяла тексты мужественных проповедей мюнстерского епископа фон Галена, а, начиная с лета 1942 года, размножала и распространяла выдержки из законов Ликурга и Солона.

ЖАК ДЕЛАРЮ (1919-2014), французский писатель, историк, участник французского Сопротивления. Командор ордена «За заслуги». Офицер ордена Почетного легиона. До II мировой войны работал на заводе «Рено», в авиакомпании Каудрон. После нападения фашистской Германии на Францию, был призван в армию. В 1942 году демобилизовался, устроился на работу в полицию Лиможа, участвовал в движении Сопротивления. Был арестован немцами. После освобождения участвовал в ликвидации последствий нацистской оккупации (агентов немецких подпольных сетей, гестапо, военных преступников). В 1945 году зачислен в специальное подразделение французской полиции по обеспечению национальной безопасности. Принимал участие в операциях против ОАС в Алжире, в том числе по предупреждению покушения на генерала де Голля. Участник Алжирской войны. Дослужился до звания комиссара полиции. Вышел в отставку в 1978 году. С 1960-х годов активно занимался исследованиями преступлений, совершенных немецкими оккупантами на территории Франции. Был экспертом на суде над нацистским преступником, «лионским мясником» Клаусом Барбье. Автор книг о злодеяниях гестапо, ОАС.

В начале 1943 года члены организации «Белая роза» стали выступать более открыто. Эти юноши даже осмеливались делать на городских стенах надписи «Долой Гитлера!», что в наши дни может показаться довольно безобидным занятием, но в то время требовало определенного мужества. После Сталинградской битвы 18 февраля ими были напечатаны листовки с призывом к восстанию и пачками разбросаны в университетских аудиториях. В листовках также содержался призыв к чести и разуму офицерства вермахта. Кальтенбруннер, который лично руководил расследованием этого дела, вызвал в Мюнхен Канариса и одного из начальников отдела контрразведки абвера Лахузена. Они ознакомились с текстами листовок. Это было 22 февраля, как раз в тот день, когда приводили в исполнение смертный приговор авторам листовок, и, очевидно, этот исполненный тревоги призыв молодых людей, верящих в воинскую честь, нашел какой-то отклик в сердцах офицеров армии. Может быть, именно он побудил наконец к действию заговорщиков из абвера.

К тому же молодые члены «Белой розы» не ограничились распространением своих листовок. 19 февраля они возглавили в Мюнхене студенческую манифестацию — неслыханное дело в мире нацизма. Один из блоклейтеров узнал двоих студентов — брата и сестру, бросавших листовки через окно университета, и тут же побежал с доносом в гестапо.

Развития событий долго ждать не пришлось. В тот же день гестапо арестовало трех студентов: Кристофа Пробста двадцати четырех лет, Ганса Шолля двадцати пяти лет, обучавшихся на медицинском факультете, и Софию Шолль двадцати двух лет, студентку философского факультета. 22 февраля после трех дней допросов и пыток все трое были приговорены к смертной казни и вечером того же дня казнены. Расследование продолжалось. 13 июля настал черед профессора философии Курта Хубера и студента-медика Александра Шморелля. Наконец, 12 октября был взят студент-медик Вилли Граф. Осужденные на смерть «народным судом», они были обезглавлены. Имена этих мучеников свободы до сих пор еще мало известны... А они заслужи-

вают того, чтобы им было воздано должное, тем более что досталось оно дорогой ценой.

Разгром под Сталинградом сыграл роль катализатора оппозиционных настроений среди военных. Наиболее прозорливые из них в этот день поняли, что война проиграна, что необратимый процесс, начавшийся в эти дни на морозных просторах России, мог завершиться лишь полным крахом рейха. Вместе с нацией чудовищное поражение, соответствующее по масштабам конфликта, потерпела и армия. И если военные стали серьезно подумывать о возможности прямого вмешательства в события, то это было не столько результатом возмущения в их среде преступлениями нацизма, сколько попыткой спасти то, что еще можно было спасти. Преступления нацизма совершались у них на глазах на протяжении многих лет, не вызывая стремления попытаться покончить с этим. Страх перед грозящим поражением, стремление сохранить свои привилегии — вот что выводило военных из привычного равновесия.

С первых шагов нацистского режима Гиммлер внимательно следил

за настроениями в армии. Службы безопасности почувствовали, что военные плели сети заговоров в тиши штабов, в обстановке секретности, пользуясь иногда помощью со стороны дипломатов. РСХА бросила на этот участок своих лучших агентов. Но заговорщики действовали в стенах практически неприступной крепости — абвера. Для Гиммлера абвер издавна являлся предметом вождельных устремлений: ему не терпелось прибрать к рукам все без исключения службы разведки. Но с февраля 1943 года ту же цель поставил себе Кальтенбруннер. С этого момента началось соревнование на скорость между абвером и гестапо, поскольку заговорщики приняли наконец решение, перед которым они долгое время отступали: устранить Гитлера. Офицерство могло бы уже давно покончить с Гитлером законными средствами и методами, но оно не осмелилось действовать в то время, когда это было еще возможно. Принятое решение обернулось целой серией неудачных попыток. Наиболее близкой к удач-

ному завершению была попытка, предпринятая 13 марта. Генерал фон Тресков, начальник штаба армейской группы Центр, действовавшей на русском фронте, и генерал Ольбрихт, начальник главной армейской канцелярии, разработали операцию «Вспышка», намереваясь взорвать в полете личный самолет Гитлера.

13 марта 1943 года, когда Гитлер готовился вылететь из своей штаб-квартиры в Смоленске в Берлин, Фабиан фон Шлябрендорф, офицер из штаба Трескова попросил одного из пассажиров самолета передать две бутылки коньяка своему другу в Берлине. В пакете было взрывное устройство, привезенное полковником абвера Лахузенем в Берлин. Однако детонатор устройства не сработал, и Гитлер благополучно добрался до Берлина. Заговорщики сумели перехватить пакет в Берлине, и попытка покушения не была раскрыта.

Полковник Эрвин Лахузен, бывший сотрудник австрийской разведки, перешедший в абвер после аншлюса, являлся заместителем

полковника Пикенброка, начальника Первого отдела абвера.

Несколько планов подобных операций были разработаны; некоторые из них начинали осуществляться, но до конца не был доведен ни один.

Тем временем люди Мюллера и Шелленберга продолжали свое расследование. 5 апреля 1943 года они пробили первую брешь в стенах той крепости, которой являлся абвер; они арестовали ближайших сотрудников генерал-майора Ганса Остера, начальника отдела «абвер-заграница», и в том числе одного из руководителей заговорщиков. В сейфе одного из арестованных сотрудников абвера, доктора Догнани, были обнаружены документы, частично раскрывавшие общую картину заговора. Однако содержащиеся в них сведения оказались недостаточными для организации широкомасштабной профилактической акции. Было и другое обстоятельство, также сдерживавшее рвение гестапо: Гиммлер испытывал комплекс неполноценности, сталкиваясь с Канарисом, и никак не мог решиться перейти

▲ Генерал фон Тресков

▲ Кальтенбруннер Эрнст

против него в прямое наступление, что позволило абверу продержаться еще несколько месяцев.

Собранные в апреле сведения были дополнены в сентябре результатами типичной для методов работы гестапо операции под кодовым названием «Чай у фрау Солф». Эта фрау Солф была симпатичной пожилой дамой, принадлежащей к сливкам общества, у которой кое-кто из заговорщиков периодически собирался «на чашку чая». Они поддерживали, хоть и не без трудностей, регулярные связи с антифашистами-эмигрантами, осевшими в Швейцарии, а через них — с английской и американской агентурой. 10 сентября 1943 года к этому кружку примкнул новый его член — швейцарский ме-

дик доктор Рексе, отличавшийся резкими антинацистскими суждениями и оценками. Заговорщикам изменила осторожность: они доверили ему ряд письменных сообщений для доставки в Швейцарию. Доктор Рексе был агентом гестапо. Но и на этот раз Гиммлер выждал, прежде чем начать действовать. Собранных материалов оказалось еще недостаточно, чтобы поразить Канариса наверняка.

Однако в декабре в его распоряжении оказалось достаточно улик, чтобы добиться выхода Остера в отставку и арестовать его. В январе были арестованы семьдесят пять человек, проходивших по делу «Чай у фрау Солф». Наиболее скомпрометированные попали под скорый суд и через несколько дней были казне-

ны. Всех их судил «народный суд» под председательством известного своей кровожадностью Флейслера. Фрау Солф и ее дочь избежали смерти, но были отправлены в концлагерь Равенсбрюк. Фрау Солф — вдова бывшего министра иностранных дел прайвительства Веймарской республики.

В начале 1944 года новые факты выявили роль абвера как «крыши» для многих участников заговора. Пользуясь этими данными, Гиммлер добился согласия Гитлера на то, чего он уже некоторое время настойчиво просил, подталкиваемый Шелленбергом, который не испытывал чувства собственной неполноценности, имея дело с Канарисом.

14 февраля появился декрет о формировании абвера. Центральные службы абвера носили общее название: «AmtAuslandnachrichten und Abwehr», то есть «Управление разведки и контрразведки», и составляли одно из пяти управлений главного командования — Верховного командования германских вооруженных сил. Абвер состоял из двух крупных частей, разведки — «AmstgruppeAusland», и контрразведки — «AbwehrAmt».

Декретом от 14 февраля абвер делился на части, отходившие к разным ведомствам. «Амстгруппеаусланд», обрабатывавшая информацию общего характера, то есть важную, но не секретную, и работавшая в тесном контакте с министерством иностранных дел, оказалась в ведении оперативного отдела ОКВ. «Абвер Amt», составлявший ядро секретных служб армии, отдавал все свои четыре подотдела служб РСХА, слившим их в единое вспомогательное подразделение, получившее название «MilitärischesAmt» — «Управление военной контрразведки».

Одновременно, по указанию Гитлера, Amt VI — службы Шелленберга — получили «неограниченную свободу рук за рубежом», а сам Шелленберг становился полным хозяином всех служб внешней разведки. После этого Канарису оставалось только подать в отставку. Что он и сделал.

Военный отдел РСХА стал возглавлять полковник Гансен, бывший

▲ Канарис Вильгельм

▲ Ставка Гитлера, слева Штауфенберг

ранее начальником 1-го отдела абвера — наиболее крупного из всех, — ведавшего службами разведок сухопутных, военно-морских сил и авиации. Гансен сменил основательно скомпрометированного Пикенброка — старого друга Канариса. Но Гансен и сам являлся одним из двух старейших членов подпольного заговорщического движения в абвере (вторым был Фрейтаг-Лоринговен). Его спасло необычайно удачное стечение обстоятельств, и гестапо не имело никаких подозрений на его счет. Став начальником отдела, он продолжал участвовать в действиях заговорщиков и после июльского покушения на Гитлера был расстрелян, как и все его друзья. Фрейтаг-Лоринговен предпочел покончить самоубийством.

Итак, абвер, выступавший как конкурент РСХА в области внешней разведки, прекратил, наконец, свое существование. Гиммлер торжествовал победу над Канарисом, укрепляя свое положение. Заговорщики утратили защиту и надежное убежище. Иссяк источник, питавший их поддельными документами, командировочными удостоверениями, взрывчаткой и всем необходимым.

Они лишились часто использовавшейся возможности переправлять в Швейцарию тех, на кого падало подозрение в причастности к заговору. Их контакты с американскими и английскими разведслужбами отныне также становились почти невозможными. Возникшие сложности обострили разногласия, уже давно существовавшие между членами группировки заговорщиков.

Этот удар мог бы положить конец заговору, если бы незадолго до расформирования абвера среди заговорщиков не появился новый человек — подполковник граф фон Штауфенберг. Штабной офицер, получивший тяжелое ранение в Тунисе (лишился глаза и правой руки), ставший затем начальником штаба резервной армии, он был потомком семьи, принадлежавшей — из поколения в поколение — к военной аристократии. Правнук Гнейзенау по матери, он на первых порах уверовал в достоинства нацистского режима, сулившего обеспечить возрождение величия Германии. Впоследствии Штауфенберг понял, что война проиграна и что Гитлер в своем падении увлечет за собой Германию и армию в бездну, если не будет своевремен-

но устранен. И Штауфенберг прикнул к группе заговорщиков, душою которых были бывший мэр Лейпцига доктор Герделер и бывший начальник генерального штаба армии генерал Бек.

Побудительные мотивы Штауфенберга четко обрисованы Гизевиусом: «Штауфенберг не желал, чтобы Гитлер увлек с собой в могилу всю армию. Будучи военным человеком до кончиков ногтей, он считал, что спасти армию означало спасти родину... Он не был одинок в этом убеждении, будучи типичным представителем группы военных, осуществлявших руководство событиями 20 июля. Начиная с 1942 года численность этой группы росла с каждым новым поражением на фронте и в ней крепла решимость активно реагировать на события».

Штауфенберг быстро понял, что все разговоры в кулуарах штабов, туманные проекты, памятные записки, направляемые генералам, были абсолютно бесполезны. Он предпочел действовать: впервые один из руководителей заговора взял на себя и роль исполнителя. 26 декабря 1943 года приглашенный в ставку Гитлера в Растенбург для доклада,

он принес туда в портфеле взрывное устройство замедленного действия. Однако по своему обыкновению Гитлер в последний момент отменил совещание, и Штауфенбергу пришлось увезти свою бомбу обратно в Берлин.

Энергичный Штауфенберг вдохнул новую жизнь в заговор. Абвера уже не было, но он нашел ему новое прикрытие в самом верховном командовании, привлек к участию в заговоре еще нескольких генералов, заручившись, по меньшей мере, их дружественным нейтралитетом.

Чтобы застраховать себя от покушений, Гитлер никогда не соблюдал установленного им самим распорядка дня, внося в него все новые и новые изменения в последнюю минуту.

Найти сообщников среди сотрудников гестапо и СД не удалось, но двое высокопоставленных руководителей полиции, ветеранов нацистского движения, перешли в лагерь заговорщиков и оказали им свою помощь. Это были Небе, начальник

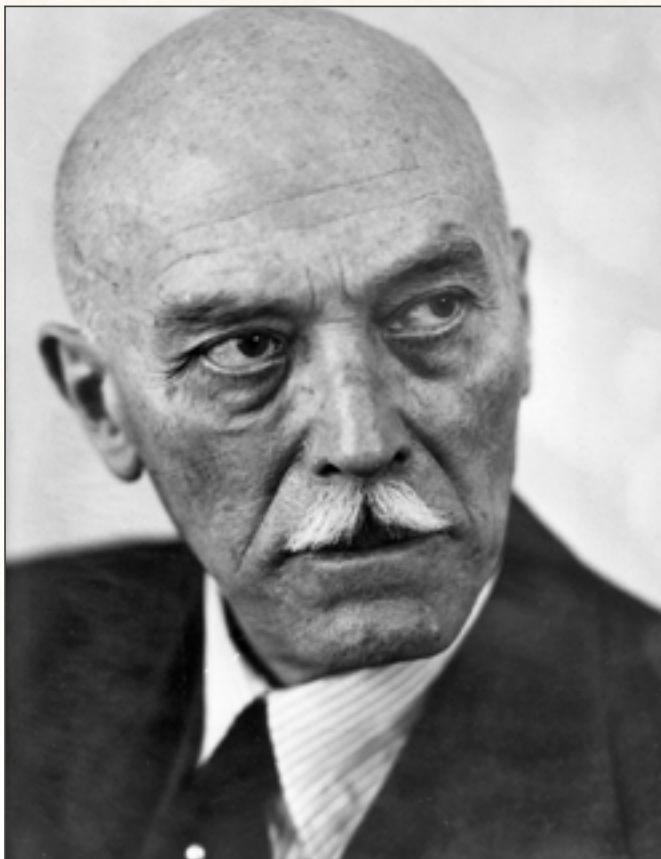
крипо (уголовная полиция), который ранее командовал эйнзатц группой в России, и граф Гельддорф, префект берлинской полиции, а также его заместитель граф Шуленбург — еще один раскаявшийся нацист. В случае путча они могли бы сыграть очень важную роль в сотрудничестве с генералом фон Газе, военным комендантом Берлина, участником заговора.

Немало командиров оккупационных войск, расквартированных на западе Европы, также оказывали поддержку движению. В их числе были фон Штюльпнагель, военный губернатор Франции, фон Фалькенхаузен, военный губернатор Бельгии, и в особенности Роммель, главнокомандующий группой армий «В». Он один из всех маршалов не отвернулся от тайных эмиссаров заговорщиков, равно как его начальник штаба генерал Ханс Шпейдель. Возрастающее техническое превосходство армий союзников укрепило их в мысли, что наличные германские силы не способны долго удерживать фронт

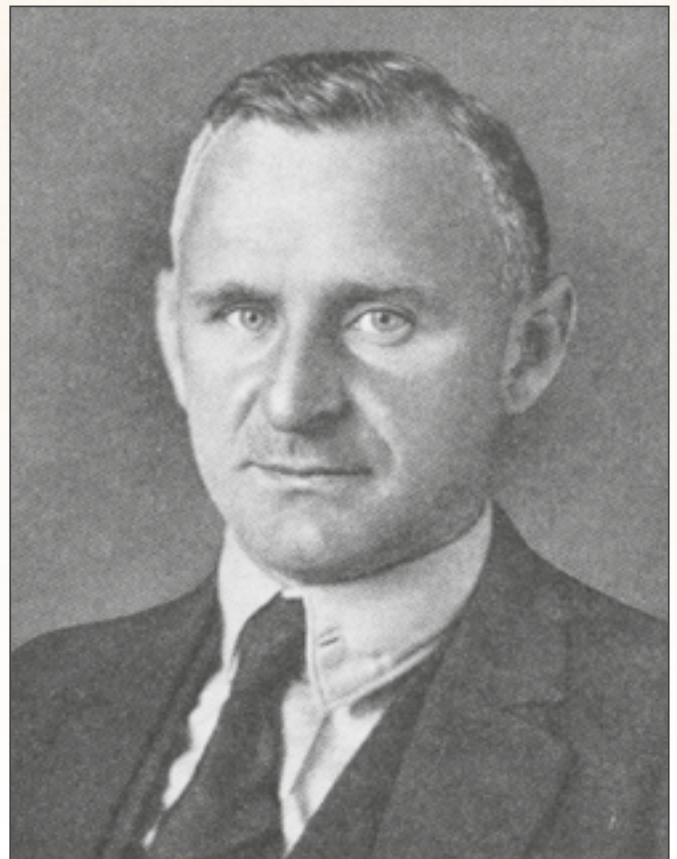
в Нормандии и могут лишь замедлять продвижение противника. Гитлер, верный своим привычкам, отказался считаться с аргументами, выдвинутыми маршалами.

Развал абвера создал для заговорщиков значительные трудности. Если в 1943 году можно было насчитать по меньшей мере шесть покушений на Гитлера, то за первые шесть месяцев 1944 года ни один подобный план не смог быть разработан. Штауфенберг прекрасно понимал, что свержение режима станет возможным лишь тогда, когда исчезнет сам Гитлер. Личность Гитлера сковывала волю генералов, считавших себя связанными присягой верности фюреру, которую они дали после смерти Гинденбурга.

Однако успешная высадка войск союзников во Франции и их продвижение в Италии, где был взят Рим, поражение немецких войск на Восточном фронте и вступление советских войск в Польшу показали Штауфенбергу, что далее медлить нельзя,

▲ Шуленбург Фридрих

▲ Герделер Карл

▲ Кейтель Вильгельм

поскольку иначе спасать будет уже нечего.

Следует сказать, что заговорщики основывались на ошибочных предположениях. Они были, в частности, уверены, что смерть Гитлера позволит им полюбовно договориться с западными державами. Они стремились к скорейшему заключению перемирия, но отметили всякую возможность безусловной капитуляции. Несколько проектов «мирного урегулирования», разработанных Карлом Герделером, свидетельствуют об удивительном непонимании ими реальных условий того времени. Имелось в виду, что сепаратный мир, заключенный с Западом, никак не задержит операций на Востоке. Более того, предполагалось, что после сохранения укороченного фронта на Западе на время, необходимое для установления новой власти в Германии, американцы и англичане объединят с ней свои усилия для войны против русских. Это означало, что заговорщики совершенно не учитывали ялтинских соглашений. И можно утверждать, что в случае успеха заговора дальнейший ход событий не претерпел бы существенных изменений. Придя к власти после смерти Гитлера, заговорщики встретили бы

отказ со стороны западных держав согласиться с такими их предложениями. Даже если не учитывать обязательств, принятых ими на себя в Ялте, которые никогда не ставились под сомнение, невозможно представить себе, чтобы деятель такого склада, каким был Черчилль, отказался от перспективы полной и безусловной капитуляции противника в момент, когда его военное превосходство оказалось полностью обеспеченным. В этой ситуации новое германское правительство, действуя под эгидой военных, вероятно, решило бы продолжать войну.

В отличие от Герделера и Бека Штауфенберг со своими ближайшими друзьями, кажется, смотрел на вещи более трезво. Развал всех фронтов показал им, что призывы к отчаянному сопротивлению, брошенный Гитлером, означал бы самоубийство для немецкой нации. Продолжение боев в центре страны привело бы к разрушению всего экономического потенциала Германии, повлекло бы за собой смерть тысяч и тысяч, а может быть, и миллионов немецких граждан, сделав возрождение Германии почти невозможным.

Исходя из этих соображений, Штауфенберг, продолжая поддержи-

вать контакт с руководящей группой Герделера и Бека, разработал план под кодовым названием «Валькирия». Им предусматривалось убийство Гитлера и немедленная организация военного правительства в Берлине, которое должно было с помощью войск вермахта нейтрализовать самые опасные органы нацистского режима: СС, гестапо и СД. В конце июня Штауфенберг получил чин полковника и был назначен начальником штаба внутренней армии, что открывало ему доступ на совещания, проводившиеся в ставке фюрера. Подготовка продолжалась с удвоенной энергией и 20 июля завершилась покушением на Гитлера.

На 20 июля было назначено важное совещание в ставке для подведения итогов русского наступления в Галиции. Кейтель пригласил Штауфенберга в Растенбург на это совещание, где он должен был сделать доклад о создании первых частей внутренней армии, предназначенной для организации обороны каждого населенного пункта в Германии и получившей впоследствии название «фольксштurm». Ожидалось прибытие укрывшегося в Германии Муссолини, который должен был в 14 час. 30 мин. осматривать ставку своего друга. На этот раз расписание выдерживалось с точностью до минуты.

Штауфенберг прибыл в Вольфшанце с портфелем, в котором опять находилось взрывное устройство замедленного действия, начиненное экзогеном — английской взрывчаткой, хранившейся на секретных складах абвера. Он был полон решимости взорвать свою адскую машину. Название Вольфшанце было дано Гитлером своей ставке, расположенной в Равтенбурге в центре лесного массива.

В 12 час. 30 мин. Кейтель и Штауфенберг вошли в барак, где находился зал заседаний. Взрыватель с часовым механизмом был уже приведен в действие. Взрыв должен был последовать в 12 час. 40 мин. Когда они вошли в зал, совещание уже началось. В 12 час. 36 мин. Штауфенберг поставил свой портфель

▲ Фромм

на пол и придвинул его к массивной ножке стола, так, чтобы взрывчатка находилась менее чем в двух метрах от Гитлера. Сделав это, он незаметно покинул помещение, сказав, что ему необходимо срочно связаться с Берлином. Тем временем полковник Брандт продолжал свой доклад о положении в Галиции. Придвинувшись к карте, он наткнулся на портфель Штауфенберга. Брандт передвинул его таким образом, что между портфелем и Гитлером оказалась массивная ножка стола.

В 12 час. 45 мин. прогремел мощный взрыв, раскидавший толстые каменные стены барака. Штауфенберг, находившийся в двухстах метрах от строения, увидел, как взлетела в воздух крыша, как пламя и дым повалили из выбитых окон. Для него сомнений не было: Гитлер погиб вместе со всеми, кто находился в зале заседаний. Однако

▲ Штауфенберг Клаус

в действительности дело обстояло иначе: хотя полковник Брандт был действительно убит, двое генералов смертельно ранены и все прочие участники совещания получили ранения большей или меньшей тяжести, Гитлер отделался царапинами благодаря массивной ножке стола, прикрывшей его от взрывной волны.

У Штауфенберга не было времени, чтобы выяснить все эти обстоятельства. Уверовав в успех покушения, он помчался на близлежащий аэродром и вылетел в Берлин. Там его ждал неприятный сюрприз: вопреки намеченному плану берлинские заговорщики не приступили к действиям. Они хотели удостовериться в смерти Гитлера, прежде чем выступить по радио с заявлением о смерти фюрера и о создании нового правительства, в котором Беку был уготован пост главы госу-

дарства, а генералу фон Витцлебену пост главнокомандующего вермахтом.

Штауфенберг заверил всех в том, что Гитлер погиб, и убедил в необходимости действовать. Однако время было потеряно, и эта задержка в гораздо большей степени, чем неудача покушения, помешала осуществлению плана путчистов.

Уже шли в гарнизоны первые распоряжения путчистов, когда некоторым из них, в том числе самым высокопоставленным, стало известно, что Гитлер лишь легко ранен. Связь с Растенбургом, отключенная одним из сообщников Штауфенберга, была восстановлена к 15 час. 30 мин. и с этого момента паника овладела многими не слишком мужественными участниками заговора. В надежде спасти свою жизнь, они отреклись от своих друзей и отказались выполнять то, что обещали

сделать всего несколькими днями ранее. Генерал Герфурт, например, начавший было выполнять свою часть общей задачи, перепугался настолько, что принял участие в подавлении заговора, что, впрочем, не помешало ему оказаться в дальнейшем среди повешенных. Те, кто охотно оказал бы помощь заговорщикам в случае успеха, теперь отвернулись от них, а некоторые, в частности генерал Фромм, бросились их арестовывать. За несколькими редкими исключениями, все эти генералы вновь стали такими же, какими были всегда, не считая того времени, когда энергия Штауфенберга на время выбила их из привычного состояния, а именно — трусливыми оппортунистами. Только в 19 час. 30 мин. генерал Витцлебен передал по радио телеграмму, предписывавшую военным брать в свои руки всю полноту власти на местах. Если бы этот приказ пошел в эфир в 13 час., ситуация могла бы быть спасена, поскольку Геббельс, информированный о покушении, только в 16 час. получил указание объявить по радио, что фюрер жив и здоров.

В это время Гиммлер, срочно назначенный командующим внутренней армией, о чем он давно мечтал, уже летел в Берлин, чтобы возглавить операции по подавлению путча и организовать репрессии. Шелленберг с помощью Скорцени к этому времени уже успел взять под контроль часть армейских формирований, которые должны были выполнять приказы заговорщиков.

В час ночи Гитлер выступил по радио. Путч захлебнулся, и поднялась кровавая волна репрессий.

В Париже, как и в Праге, и в Вене, участники заговора, действовавшие в оккупационных войсках, в 16 час. узнали, что покушение состоялось, как было намечено. Около 19 час. 30 мин. Бек позвонил Штюльпнагелю и подтвердил приказ о выполнении намеченных мероприятий. Штюльпнагель принял приказ к исполнению, хотя с первых же шагов успех операции был поставлен под вопрос изменой, имевшей катастро-

фические последствия. Маршал фон Клюге, недавно сменивший фон Рундштедта на посту командующего вооруженными силами на Западе, пообещал ранее свою помощь заговорщикам «в том случае, если покушение будет успешным». Но в 19 час. он узнал из сообщений берлинского правительственного радио, что Гитлер отделался небольшими ранениями, и тут же пошел на попятную. В 19 час. 30 мин. он получил сообщение от Витцлебена, утверждавшего, что Гитлер скончался, и снова проявил желание прикнуться к заговорщикам.

В 20 час. 15 мин., связавшись напрямую с ОКВ, он получил подтверждение безрезультатности покушения и снова переметнулся на сторону гитлеровцев. Этот отказ сотрудничать с заговорщиками — на сей раз окончательный — грозил им тяжелыми последствиями. Но их парижская группа уже отдала свои приказы и была полна решимости довести дело до конца. Далее в случае провала заговора в Берлине ничто не могло помешать им продолжать начатое во Франции, объявив открыто о своем неповиновении берлинским властям. Такой шаг, ко-

▲ Клюге Ханс

нечно, мог бы вызвать чрезвычайно важные последствия в самой Германии. Поэтому уже отданные приказы не были отменены.

Около 21 час. подразделения второго батальона первого гвардейского полка, действуя по приказу генерала фон Бойнебурга — военного коменданта «Большого Парижа», — вышли из казарм Военной школы и окружили здания на авеню Фош, резиденцию Оберга, помещения на улице Соссэ, здание на бульваре Ланн и ворвались туда с оружием в руках. Эсэсовцы не оказали ни малейшего сопротивления, и уже к 23 час. оказались под арестом почти 1200 эсэсовцев, собранных со всего Парижа, все гестаповцы и сотрудники СД. Сам Оберг был арестован генералом Брехмером в тот момент, когда он пытался связаться с абвером по телефону, и сдал оружие без сопротивления. Не хватало только Кнохена. Он ужинал в посольстве у своего друга Зейтшеля, когда ему позвонил один из подчиненных, попросивший срочно приехать на авеню Фош. Опасливый Кнохен предпочел заехать предварительно к генералу Обергу. Там он узнал об аресте Оберга, и сам был немедленно арестован. Будучи препровожден на авеню Фош, он застал там генерала Брехмера, уже сидящим за столом его, Кнохена, кабинета.

Около полуночи все руководители СС, Оберг, Кнохен и начальники служб гестапо и СД были арестованы и доставлены по приказу генерала Бойнебурга в гостиницу «Континенталь» на улице Кастильоне, где должны были ждать решения своей судьбы.

Тем временем в Военной школе начались приготовления к предстоящему на завтра расстрелу руководителей гестапо и СД — военный трибунал заговорщиков готов был вынести им смертный приговор, — а фон Клюге в очередной раз переметнулся на сторону противников переворота и сообщал о событиях в Берлин, отметив особенно «недопустимое» поведение Штюльшагеля. Трусость и низость фон Клюге

не дали ему спасения. Смещенный со своего поста за «промедление в раскрытии заговора», он отравился цианистым калием 19 августа во Франции, около Клермон-ан-Аргонн, чтобы не возвращаться в Германию, где, как он понимал, его ждали суд и виселица.

В тот же час Штауфенберг из Берлина связался со Штюльпнагелем, чтобы ввести парижскую группу заговорщиков в курс дела, и рассказал о неудаче покушения и путча. «Мои убийцы, — сказал в заключение он, — уже стучат в дверь».

Однако все это не могло поколебать решимость заговорщиков, пока новое, непредвиденное препятствие не встало на их пути. Адмирал Кранке — командующий западной группой военно-морских сил — получил из Берлина соответствующие указания, как только Клюге донес о «недопустимом поведении» Штюльпнагеля. Заговорщики, привыкшие иметь дело исключительно с сухопутными силами, совершенно не учли наличие в Париже военных моряков. Получив из Берлина приказ действовать, Кранке поставил под ружье военных моряков, разбросанных по всему Парижу, и из своей штаб-квартиры, расположенной в квартале Мюэт, направил армейскому штабу ультиматум, требуя немедленно освободить Оберга и его эсэсовцев, и угрожал в противном случае применить оружие. Этот удар оказался для заговорщиков последним. Продолжать борьбу без надежды на успех было бы преступлением. И около часа ночи, когда в Берлине уже шли репрессии, в Париже военные власти выпустили всех арестованных и вернули им оружие. На следующее утро все вошло в обычную колею, и парижане ничего не узнали о необычайных событиях, происшедших этой ночью в тиши немецких штабов во французской столице.

В Берлине главные руководители заговора были убиты в ночь с 20 на 21 июля. Генерал Фромм — непосредственный начальник Штауфенберга, весьма тесно связанный с участниками заговора, — чел, что

сможет спасти свою жизнь ценой еще одной подлости: когда ему стало ясно, что путч безнадежно провалился, он собрал группу младших офицеров, срочно отмежевавшихся, как и он сам, от заговорщиков, и по его приказу, около 23 час., они арестовали Штауфенберга, Бека, генерала Ольбрихта, полковника Мерца, Хефтена и Гопнера, иначе говоря, всех руководителей заговора, находившихся в своих кабинетах в военном министерстве на Бендлерштрассе.

Желая избавиться от опасных свидетелей, Фромм объявил им, что некий «военный трибунал» уже осудил на смерть четверых: Штауфенберга, Ольбрихта, Мерца и Хефтена. А Беку просто дали револьвер, порекомендовав покончить с собой. Бек попытался последовать совету, но сделал это так неловко, что лишь ранил себя. Пока Штауфенберга и троих его товарищей расстреливали во дворе при свете фар военного автомобиля, Бек еще раз выстрелил в себя, и снова неудачно. Тогда по приказу Фромма один из сержантов вытащил его в коридор и прикончил выстрелом в затылок.

Через несколько минут Скорцени ввел в помещение министерства взвод эсэсовцев. В час ночи, когда Гитлер смог, наконец, выступить по радио, все уцелевшие заговорщики уже находились в камерах гестаповской тюрьмы на Принц-Альбрехтштрассе.

В считанные часы армия оказалась раздавленной Гиммлером и его эсэсовцами. Впервые военные осмелились пойти на прямое противоборство со своими «черными» соперниками, но трусость и подлость немногих обрекла на неудачу всех. Гиммлер торжествовал. Отныне гестапо ставило все под свой безраздельный контроль, о котором его руководители мечтали долгие годы, и приступало к расследованию обстоятельств путча, что обещало возможность сведения старых счетов после обследования содержимого самых секретных сейфов в армейских штабах.

В Париже Кнохен поручил это дело Штиндту, занявшему место Бе-

▲ Роммель Эрвин

мельбурга во главе гестапо. Подполковник Гофакер, обеспечивавший связь между Штюльпнагелем и берлинской группой, был арестован. Та же судьба постигла полковника фон Линстона, подполковника Финка и Фалькенхаузена. Фалькенхаузен и Гофакер были арестованы всегда элегантно и всегда в парижских салонах Молазом.

Сам Штюльпнагель на следующий же день после путча был срочно вызван в Берлин. Доклад фон Клюге возымел свое действие, и Штюльпнагель сразу понял, что его ждет гибель. 21 июля в полдень он выехал на машине из Парижа в Берлин. В Мо ему пришлось сделать остановку из-за технической неисправности, и лишь в 15 час. он смог снова двинуться в путь на другой машине. Перед Верденом

Штюльпнагель приказал шоферу изменить маршрут и поехал к Седану через места, где в 1916 году молодой капитан Штюльпнагель участвовал в боях первой мировой войны. У Вашерошвиля он свернул на берег Мааса и вышел из машины, отдав приказание шоферу дожидаться его в ближайшей деревушке, куда он обещал пойти пешком, «чтобы размять ноги». Минутой позже он выстрелил себе в висок и упал в реку.

Шофер вытащил его из воды и отвез в верденский военный госпиталь, где врачи спасли ему жизнь. Но пуля, пробившая череп, лишила его зрения.

К 29 августа он уже достаточно поправился, чтобы предстать вместе с другими обвиняемыми перед «народным судом», председателем которого являлся зловецкий Фрейслер.

Все они были осуждены на смерть и повешены во дворе берлинской тюрьмы Питцензее. Казнь совершалась с изощренной жестокостью: осужденных подвесили на острые крючья и душили постепенно, в соответствии с пожеланием Гитлера, заявившего, что он хочет, «чтобы их повесили, как вешают мясо в мясных лавках». Слепого Штюльпнагеля пришлось вести за руку к месту казни. Репрессии длились несколько месяцев и обрушились и на членов семей, и на друзей заговорщиков. Сведения о расправах преподносились населению в упаковке из псевдоюридических формулировок, но по существу это была акция еще более кровавая и разнузданная, чем известная чистка сторонников Рема в 1934 году.

Гиммлер и Кальтенбруннер словно стремились перещегоолять друг друга в жестокости. Из семи тысяч арестованных на смерть были отправлены почти пять тысяч. Называлась цифра 4 980 смертных приговоров. Она, видимо, близка к действительности, но не может считаться абсолютно достоверной. Канарис также был арестован, хотя и не принимал никакого участия в организации самого заговора. После многомесячного тюремного заключения его повесили 9 апреля 1945 года. Подлый Фромм, организовавший убийство Бека, Штауфенберга и их сподвижников, был расстрелян в марте 1945 года. Фалькенхаузена спасло от расстрела наступление американских войск в мае 1945 года. Впоследствии он был осужден как военный преступник. Многие офицеры предпочли самоубийство аресту и суду. 14 октября Роммеля принудили к самоубийству. ■

М.И. ИВАНИН

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО У СРЕДНЕАЗИАТСКИХ НАРОДОВ ПРИ ТАМЕРЛАНЕ

**Состояние государств,
завоеванных
Чингисханом
и его потомками,
во время малолетства
Тамерлана и в первые
войны Тамерлана
по 1391 г.**

Приступая к описанию военного искусства среднеазиатских народов при Тамерлане, считаю необходимым предварительно описать в коротких словах положение, в его время, обширных завоеваний Чингисхана и биографию самого Тамерлана во время его молодости и скитания по степям Хорезма и Хорасана, и первых его подвигов, до изгнания из джагатайского ханства узбеков (1369 г.) и уничтожения их силы (1389–1390 гг.).

Тамерлан родился в 1336 году, 7 мая; отец его владел уделом или участком земли, к юго-западу от Бухары, в окрестности г. Кеш, или Карши. Известно, что завоевания Чингисхана и его первых потомков разделились на четыре, независимых одно от другого, ханства. Китай, Маньчжурия, Корея, часть Индии и Монголия составляли восточное ханство. Восточная часть нынешней Киргизской Орды, земли от верхних частей Иртыша и Оби к горам Тянь-Шань и южнее этого хребта до Гималайского, с долиной, в которой лежат города Кашгар, Яркенд, Хотан и проч., а также кокандское, бухарское и хивинское ханства, до Гиндукуша, входили в состав джагатайского ханства.

Хорасан, Афганистан и нынешняя Персия, словом, земли от р.

▲ Тимур

Инда, Гиндукуша до Кавказских гор и Евфрата составляли третье ханство наследников Гулагу-хана. Западная часть Киргизской Орды, до Каспийского и Аральского морей и нижней части р. Сырдарья, а также большая часть нынешней Европейской России до Кавказских гор, Азовского и Черного морей и до нижнего Дуная,

составляли владение ханов Золотой Орды. Ханства эти управлялись ханами из потомства Чингисхана, но права наследства не были точно определены; выбор в ханы зависел от собрания вельмож (курултая), что давало повод к интригам, подкупам, насилиям, следовательно, давало силу вельможам и ослабляло власть ханов.

Иванин Михаил Игнатьевич (1801-1874), генерал-лейтенант (1866), военный историк, географ. В 1822 кончил курс в 1-м кадетском корпусе и поступил в 13-ю артиллерийскую бригаду, в 1831 году, поручиком 5-й арт. бригады прикомандирован в Военную академию. Окончил обучение в 1834 году и капитаном, назначен в Оренбургский округ. Участвовал в качестве офицера Генерального штаба в Хивинской (1839-1840) экспедиции генерал-адъютанта В. А. Перовского. М. И. Иванин отмечал, что «...строго осуждать генерал-адъютанта Перовского нельзя. Мы тогда еще плохо знали Среднюю Азию и те условия, которые могли бы способствовать или помешать успеху этого похода, но если на генерал-адъютанта легла тяжесть этой неудачи, то мы должны отдать ему и долю заслуги, за предприятие этого похода, который научил нас многому и заставил нас обратить на дела Азии более серьезное внимание». В 1853 году полковник Иванин советник от министерства государственных имуществ во Временном совете для управления Внутренней киргизской ордой, затем управляющий этой ордой. Участник военных действий против турок на Кавказе, генерал-майор (1857). В 1858 году принимал участие в демаркации наших азиатских границ с Турцией. С 1864 года — председатель комиссии для выработки положения о перевозке войск по железным дорогам и водой, председатель комиссии для сбора подробных сведений о современном состоянии железных дорог, с 1868 года постоянный член комитета по перевозке войск по железным дорогам и водой. С 1871 года состоял членом военно-учебного комитета Главного штаба. Иванин был деятельным членом Императорского русского географического общества. Автор большого количества трудов по военной истории, географии, стенографии, железнодорожному делу. Провел большую работу по изучению военного искусства монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. Его труды были высоко оценены современниками.

При том границы между главными ханствами не были определены, что давало повод к ссорам и междоусобным войнам, во время которых многие из подданных этих четырех ханств, будучи также потомками Чингисхана, отказывались повиноваться главным ханам и, сделавшись независимыми, в свою очередь ссорились и воевали между собою. Это еще более ослабило потомков Чингисхана и подготовило их падение, почти одновременно во всех четырех главных ханствах.

Китай первый свергнул иго монголов в 1367 году, изгнав в степи Монголии последнего Чингисова потомка, Тоган-Тимура. На место его взошла на престол Китая династия Мин, ведшая с монголами, в самых степях их, счастливые войны по 1398 год. Но с этого года по 1403 год в самом Китае начались междоусобия, которыми монголы не могли воспользоваться, потому что и в самой Монголии возникли такие же; ханский престол оспаривался многочисленными его искателями и переходил от одного рода к другому.

На западе, в Кипчакской, или Золотой, Орде, были те же междоусобия,

ослаблявшие Орду, пользуясь которыми Россия готовилась свергнуть тяготившее ее иго. В Персии завоевания Гулагу раздробились тоже на несколько независимых государств. Наследие Джагатая подверглось той же участи. В северной части этого ханства, от вершин Иртыша и Оби до Тянь-Шанского хребта, удаленной от обыкновенного пребывания ханов Золотой Орды и джагатайских ханов, образовалось особое ханство; в первой половине XIV столетия ханом этих земель был потомок Чингисхана, хан Туклук-Тимур.

В 1332 году на престол джагатайского ханства взошел Газан-хан и своими жестокостями возбудил против себя ненависть вельмож и общее неудовольствие; многие из вельмож возмутились, и после сражения в 1346 году Газан-хан был убит.

Спустя несколько лет после его смерти начались в этом ханстве междоусобия, пользуясь которыми один из потомков Джагатая, владелец земель к северу от Сырдарьи, хан Туклук-Тимур, предъявил свои права на престол своего предка и с сильною армией, в составе которой было много узбеков, в 1359 г.

перешел через р. Сырдарью у Ходжента и без большого сопротивления занял все пространство между реками Сыр и Аму.

Часть владетельных вельмож из потомков Чингисхана укрылась в Хорасан и Афганистан; другая часть, считая сопротивление бесполезным, покорилась. В числе последних был и Тамерлан, лишившийся перед тем отца и не успевший еще приобрести между своими соотечественниками никакого влияния. Но он не удовольствовался одною покорностью, отправился с значительными сокровищами в армию неприятеля.

Подарками умел спасти от грабежа земли свои собственные и союзников своих и не только посеять между неприятелями несогласие, но даже в собственных владениях Туклук-Тимура возбудить возмущение, что заставило последнего возвратиться в свое ханство и оставить вместо себя неопытного сына своего, Ильяс-Ходжа-Аглана, а главное начальствование над армиейверить некоему Бикиджеку.

Между тем Тамерлан, свою наружную покорность, получил от Туклук-Тимура утверждение в своем владении, начальствование над тумэ-

▲ Гур-Эмир — мавзолей Тамерлана в Самарканде

ном (10-тысячным отрядом) и важную должность в управлении делами при Ильяс-Ходжа-Аглане. Во время начальствования своего войсками Тамерлан озаботился о введении между ними строгой дисциплины.

Но согласие его с правительством Ильяс-Ходжи продолжалось недолго, по следующим причинам: известно, что Чингисхан и первые его потомки были язычниками и во владениях их была полная веротерпимость; но в XIV столетии ханы потомства Гулагу, Батыя, Джагатая и их вельможи начали принимать магометанскую веру, особенно в местах, где была оседлость, где были построены мечети и школы и где была сильная корпорация магометанского духовенства и потомков Магомета.

Кочевой же народ, особенно к северу от Сырдарьи, по-прежнему оставался при языческих верованиях и обрядах, что ставило его в частые столкновения с магометанами. Войска Туклук-Тимура состояли преимущественно из язычников, к которым принадлежало много узбеков.

Судя по названию некоторых племен узбеков, надобно полагать, что это были остатки прежних кочевых народов, населявших при Чингисхане степи к северу от Тянь-Шанского хребта, которые, не желая покориться ему, укрылись в ущелья Алтайского, Саянского и Тянь-Шанского хребтов и в леса Сибири. Но когда между потомками Чингисхана начались междоусобия, когда власть ханов ослабела, тогда узбеки в свою очередь начали делать набеги на земли джагатайских ханов, однако, вероятно, не имея еще достаточных сил, чтобы быть самостоятельными, подчинились хану Туклук-Тимуру, с которым и перешли через реку Сыр.

Составляя своевольные общины, не подчиненные строгой дисциплине, подобно прежним нашим казакам или туркменам, они, при вторжении в земли между реками Сыр и Аму, грабили мирных жителей, не щадя духовенства и потомков Магомета. Эти грабежи и неуважение к духовному сану были причиной частых столкновений

узбеков с Тамерланом, ревностным магометанином. Узнав, что 70 человек из потомков Магомета были схвачены узбеками и посажены в окопах в тюрьму, Тамерлан немедленно велел освободить их. Эти и другие столкновения с узбеками навлекли на него гнев узбеков и Ильяс-Ходжи, который, вероятно, написал об этом своему отцу. По приказанию Туклук-Тимура велено было умертвить Тамерлана, но приказ этот по какому-то случаю попал в руки Тамерлана.

Под угрозой этой опасности и не видя возможности быть полезным своим соотечественникам, он решился собрать смелых и решительных воинов, чтобы с ними прогнать узбеков. Но намерение его было открыто, и он с 60 воинами был принужден бежать за р. Аму, с тем чтобы укрыться в бадакшанские горы, в ожидании, пока ненависть к узбекам, за их грабежи и притеснения, не доставит ему более соучастников и не даст возможности произвести с успехом восстание.

На пути к Бадакшану он заехал к отшельнику амиру Халалу, который указал ему на степи Хорезма, в которые он мог безопасно удалиться и скрываться, в ожидании благоприятного времени для произведения восстания. На пути в эти степи к нему присоединился также недовольный узбеками потомок Чингисхана, правитель области Балха, амир Гуссейн, с небольшою свитой.

Правитель Хорезма Тугуль-богадур, узнав о месте, где скрывался Тамерлан, и получив приказание Ильяс-Ходжи истребить шайку Тамерлана, пошел против него с тысячным отрядом конницы и напал на Тамерлана; нападение это было отбито. Тамерлан сам обладал необыкновенною силой и, начав с 12-летнего возраста ходить с отцом на войну и заниматься воинскими упражнениями, был уже опытный воин. Шайка его состояла из самых решительных и отборных воинов, сражавшихся отчаянно; возобновлявшиеся атаки кончились тем, что у неприятеля осталось только 50 человек, а у Тамерлана 10, из них 7 на лошадях и 3 пеших; Тугуль должен был удалиться.

Находясь в таком несчастном положении, Тамерлан шатался по степям туркестанским, везя на крупе своей лошади жену свою, сестру амира Гуссейна, в ожидании счастливого оборота своей судьбы. Однажды, когда он прибыл для ночлега к одному колодцу, трое из его пеших спутников, пользуясь темнотою ночи, украли трех лошадей и скрылись, и так у Тамерлана осталось всего 4 лошади на 7 спутников. Во время его странствования с одного места на другое какой-то владелец Али-бег Джаны-Курбаны, вероятно, желая угодить Ильяс-Ходже, схватил Тамерлана и засадил его в яму, наполненную разными насекомыми (наказание, употребляемое в ханствах Средней Азии и ныне), в которой Тамерлан просидел 62 дня.

Один из преданных ему людей, бывший потом у Тамерлана министром, успел освободить его из этого заключения. Тамерлан, сопровождаемый 12 конными воинами, отправился опять странствовать по степи; на другой день их выезда, когда он остано-

вился у одного домика, на него напали туркмены: во время этой схватки один из туркмен, узнав Тамерлана, остановил своих товарищей и, бросившись к ногам Тамерлана, просил прощения.

Тогда все товарищи туркмена согласились быть его спутниками, и их набралось уже до 60 человек. Тамерлан, опасаясь быть захваченным узбеками в хорезмских степях, решил отправиться в Хорасан, в надежде собрать там войско для изгнания узбеков. На пути к нему присоеди-

лось еще несколько воинов, а также потомков Магомета, так что свита его возросла до 200 человек. На совещании решено было идти в Бухарию, расположить всю свиту в скрытых местах в окрестностях Бухары, а самому Тамерлану отправиться в Самарканд, разведать о расположении жителей к правлению Ильяс-Ходжи и приготовить восстание для изгнания Ильяс-Ходжи и узбеков.

На пути к нему присоединилось еще несколько недовольных, что дало Тамерлану надежду набрать

▲ Тимур на пиру в Самарканде

до 2000 человек, готовых следовать за ним. Отделившись от свиты, Тамерлан ночью вошел в Самарканд, где остановился у своей старшей сестры и скрывался здесь 48 дней, подготавливая средства к восстанию. Но узнав, что один из жителей Самарканды хотел открыть его убежище, Тамерлан ночью вышел из Самарканды, уведя с собою 50 человек конных и роту (сотню) пеших воинов, которые, во время следования к р. Аму, увидя туркменский табун, завладели им и поехали к месту сбора его товарищей, которых набралось до 1000 человек.

Так как этих сил было недостаточно для вступления в борьбу с Ильяс-Ходжой и узбеками, могшими выставить против него стотысячную армию, то Тамерлан решил идти в Кандагар, в ожидании, что новые притеснения узбеков и его подвиги в Хорасане увеличат число его сподвижников. Во время следования в окрестностях Кандагара к нему присоединилось еще до 1000 человек из местных жителей; с помощью их он завладел областью Кермессир.

Здесь, по приглашению владельца области Сеистана, Тамерлан начал войну с его врагами и во время одного сражения был ранен в руку и ногу, почему должен был возвратиться в Кермессир. По выздоровлении он направился к Балху. Так как слава его росла, то на пути к нему присоединилось еще несколько сот воинов, большею частью высших сословий. Из них он выбрал 313 человек самых преданных, мужественных и даровитых помощников, которые потом послужили ему учителями для устройства многочисленной армии, как увидим ниже.

Предпринимая отчаянную войну для изгнания узбеков и усиливая себя войсками, Тамерлан озаботился их содержанием. Чтобы иметь склад запасов, он овладел замком Аладжу, гарнизон которого, состоявший из 300 воинов, присоединился к его отряду. Прибыв в окрестности Балха, он послал разведчиков за р. Аму, которые, возвратясь, объявили ему, что Ильяс-Ходжа с войсками находился в окрестностях г. Тарме-

да и что войска эти производили всякого рода жестокости и грабежи.

Это увеличило отряд Тамерлана постоянно прибывавшими воинами, почему он и решился начать военные действия против своих врагов, хотя силы их были в десять раз более его сил; но он был уверен, что ненависть к узбекам, при малейшем его успехе, будет быстро увеличивать его силы, что и случилось. Необыкновенное искусство и мужество доставляли ему в стычках и битвах почти постоянный успех, и, после множества удачных сражений, он

успел прогнать узбеков за р. Сыр (1369–1370 г.).

Не имея подробных планов той местности, на которой происходили эти битвы, нельзя судить о достоинстве распоряжений и тактических движений Тамерлана; поэтому считаю бесполезным описывать их. Можно только делать заключение о мужестве и искусстве Тамерлана из того, что, начав войну с 2-тысячным войском против 20-тысячной армии узбеков, противопоставленной ему, кроме 80 000, находившихся в крепостях между реками

▲ Осада крепости Балх 1370 г.

Аму и Сыром, он успел победить их и прогнать за р. Сыр.

Когда Ильяс-Ходжа был принужден удалиться за р. Сыр, множество узбеков было оставлено в гарнизонах по разным крепостям Трансоксаны. Чтобы не затянуть войну осадами крепостей, Тамерлан написал от имени Ильяс-Ходжи предписания комендантам крепостей очистить их, послав им эти предписания с узбеками, но в то же время издали следовали войска Тамерлана, поднимая на большом пространстве пыль, чтобы силы их казались многочисленнее. Это побудило комендантов скорее очищать крепости, что делалось большею частью ночью. Этой хитростью были очищены почти все крепости Трансоксаны.

Этими-то испытаниями судьбы и превратностями счастья Тамерлан научился выбирать людей, оценивать их по достоинству и подготовился к той великой роли, которую он потом играл в течение остальных 35 лет своей жизни. Вероятно, во время скитальческой жизни своей в степях он составил те правила политики и войны, которые потом, в виде завещания, оставил своим детям и потомкам.

К этому же времени укрывательство его в степях Хорезма и Хорасана надо отнести предание, рассказываемое о нем киргизами. Сидя однажды возле кустарника, он увидел большую букашку, которая силилась взобраться на верх одного стебля, но ветер качнул стебель, и букашка упала на землю; она вторично стала взбираться на вершину стебелька, вновь оборвалась и упала; эти усилия взобраться на верхушку и падения с ветки повторялись несколько раз; наконец, после тщетных попыток и усилий взобраться, букашка всползла на верхушку стебля и отыскала там для себя корм.

Тогда Тамерлан сказал: «Это маленькое насекомое должно служить нам примером терпения и настойчивости; несмотря на все превратности счастья, мы не должны унывать и должны всегда надеяться, что с постоянным стремлением к хорошо обдуманной, предположенной цели и с терпением достигнем до нее».

▲ Тамерлан

В надежде своей на лучшее будущее Тамерлан поддерживал себя не только врожденным ему мужеством, но и верным соображением, что управление джагатайским ханством Ильяс-Ходжи с его узбеками, привыкшими к своеволию и хищничеству, будет усиливать ненависть к ним в жителях ханства; что магометанское духовенство и потомки Магомета, имевшие тогда большое влияние на дела во всех мусульманских землях и защищая которых он навлек на себя гнев узбеков, будут тайно содействовать его видам; вероятно, также и религиозные убеждения поддерживали его в несчастьи.

В его суеверный век, когда верили астрологии, снотолкованиям и разного рода предсказаниям, Тамерлан во всех трудных случаях своей жизни прибегал к ним, но чаще всего гадал

по Алкорану, приступая к какому-нибудь важному делу.

По изгнании Ильяс-Ходжи за р. Сыр Тамерлан хотя везде был принимаем с энтузиазмом, как освободитель, и в самом Самарканде ему дали титул великого и героя своего века, однако не ослепился этим и, не будучи прямым потомком Чингисхана и опасаясь новых междоусобий, был так благоразумен, что не домогался титула хана, а по совещании с амиром Гуссейном решил создать курултай (общее собрание вельмож своего ханства), для избрания хана. Выбор пал на потомка Чингисхана Кабулшаха-Аглана, который в смутное время междоусобий и своеволий узбеков решил вести уединенную жизнь и поступить в дервиши.

Само собою разумеется, что Тамерлан и амир Гуссейн именем этого хана управляли ханством. Тамер-

▲ Чингисхан

лан вскоре потом сумел отделаться от своего соперника, амира Гуссейна, который свою жадностью к приобретению богатств навлек на себя ненависть народа. По смерти амира Гуссейна Тамерлан приступил к выполнению своих властолюбивых планов, которые он мог беспрепятственно совершать, прикрываясь властью избранного им хана и предположением подчинить ему все прежние владения джагатайских ханов.

В это время нравы монголов изменились: сливаясь с туземцами, монголы сделались отчасти народом оседлым и в южной части джагатайской империи почти все приняли магометанскую веру. Эта вера со своим фанатизмом и сделалась в искусных руках Тамерлана главным рычагом его военно-политической машины, которою он умел действовать с необыкновенным искусством. В этом отношении система управления Тамерлана отличалась от Чингисхановой, который не держался ни одной религии и умел возбуждать в своих

войсках фанатизм к завоеванию другими средствами.

Не имея намерения описывать жизнь этого завоевателя и желая только ознакомить с его военными и политическими правилами, с введенным им военным искусством (вероятно, большею частью заимствованным от Чингисхана) и с главнейшими его походами, не буду говорить подробно о его действиях до 1389 года, когда он, пользуясь влиянием, доставленным его победами и политикой, а также освобождением своей родины от притеснений узбеков, приобрел неограниченную власть и начал управлять по своему усмотрению наследием Джагатая.

По закону Чингисхана никто не имел права объявлять себя во владениях монголов ханом, не происходя от его крови. Но для всякого закона есть извороты: хотя память Чингисхана была еще в уважении и закон его в форме соблюдался, так как Тамерлан писал все

указы именем ханов, избранных им из потомков Чингисхана, но сам управлял их именем совершенно самовластно, раздавал царства своим детям и внукам и оставил им обширное наследие.

Для утверждения своей власти он, прежде всего, озаботился об увеличении и устройстве своих войск, вводя между ними постановления Чингисхана. Выше было сказано, что, готовясь к изгнанию из Трансоксаны Ильяс-Ходжи, Тамерлан, из присоединившихся к нему для этой цели воинов, избрал 313 человек самых преданных ему, одаренных качествами, необходимыми для хорошего начальника, знающего военное искусство и испытанного в предшествовавших боях. Из них он назначил 100 для начальствования десятками, 100 — сотнями и 100 — тысячами. Остальным 13 он дал более высокие должности. Без сомнения эти избранные воины способствовали к введению дисциплины и тех боевых порядков, о которых будет сказано ниже.

Составив хорошо устроенную армию, избрав столицей Самарканд, укрепив этот город и устроив в нем цитадель, Тамерлан идет войною на узбеков, которые в то время были непримиримыми и самыми опасными его врагами. Разбив их в 1371 году, он отправляется для завоевания Хорезма, берет город Кент приступом, направляется в Ургендж, заставляет хорезмского хана согласиться на предложенный ему мир и выдать дочь свою в замужество за старшего сына Тамерлана, Джехангира.

Потом он совершает еще несколько походов против узбеков, а в 1376 году содействием своим возводит на кипчакский престол Тохтамыш. В 1378 году он опять идет войною на Хорезм, а в следующем году, взяв, после упорной обороны, столичный город его, покоряет всю эту страну. В 1380 году, узнав, что владетель Хорасана восстановил против себя подданных, Тамерлан, по тайному сношению с некоторыми из них, устремляется на завоевание этой страны.

Для этого, устроив мост через р. Аму у г. Тармеда, он переводит через него войска и направляется на Балх, берет его, идет на Андху, Фюршендж и неожиданно является под стенами Герата. Владетель Хорасана покоряется без боя, амиры области следуют его примеру. Вскоре потом покоряются Систан, Кандагар и Афганистан; этому примеру следуют другие владетели, так что все пространство до Мазандерана и Кандагара приобретено почти без боя.

Приняв в состав своей армии военное сословие покоренных народов, для увеличения числа войск, Тамерлан замышляет более обширные завоевания. В 1383 году покоряет Мазандеран, отсюда идет в Азербайджан, Армению, Грузию и простирает свои завоевания до Эрзерума, Тифлиса и Дербента. Из Грузии он направляется на Ван, Испагань, в Южную Персию и покоряет столицу Фарсисана, г. Шираз.

Здесь Тамерлан получает известие, что в его владения вторгнулся возведенный им на престол Золотой Орды хан Тохтамыш, который одну часть своих войск послал на р. Сырдарью и в Бухару, другую через Усть-Урт в Хорезм, где он имел тайных союзников. Тамерлан, узнав, что Тохтамыш дошел уже до г. Бухары, поспешил подать помощь своим подданным и послал легкие отряды кратчайшим путем на город Иезд, а сам с главными силами обошел кирманскую соленую степь на Испагань и Тактапал (вероятно, нынешний Тегеран). Между тем Тохтамыш, узнав о приближении войск Тамерлана и разграбив часть его владений до р. Аму, удалился до прибытия главных сил Тамерлана, частью через Хорезм, частью через р. Сыр.

Тамерлан, прибыв в Самарканд, узнал, что в союзе с Тохтамышем были владетели Хорезма Иликмиш-Аглан и Сулейман-Софи и узбеки, выславшие сильную армию со стороны Ташкента, под начальством амира Анкатуры, который, дойдя до р. Сыр, осадил г. Андекан, но, не сумев взять его, принужден был снять осаду и возвратиться в свои земли. Прежде нежели начать войну

с главным своим неприятелем, ханом Золотой Орды, Тамерлану надобно было управиться с ближайшими своими врагами, которые, в случае похода его в обширные приволжские и придонские степи, могли бы опять напасть на его собственные владения, и потому он немедленно направил свои войска в Хорезм.

Когда авангард его прибыл к р. Багдадек, то он послал разведки для узнания о положении неприятельских сил; подойдя к р. Шедрис, он узнает, что Иликмиш и Сулейман-Софи со своими войсками, забрав лучшее свое имущество, бежали к Тохтамышу. Тамерлан для преследования их отряжает своего сына мирзу Миран-Шаха с пятью амирами, которые, следуя с необыкновенной быстротой по дорогам Комкент и Киз, успели настичь войска

хорезмцев, разбили их, забрали их имущество и возвратились в Хорезм.

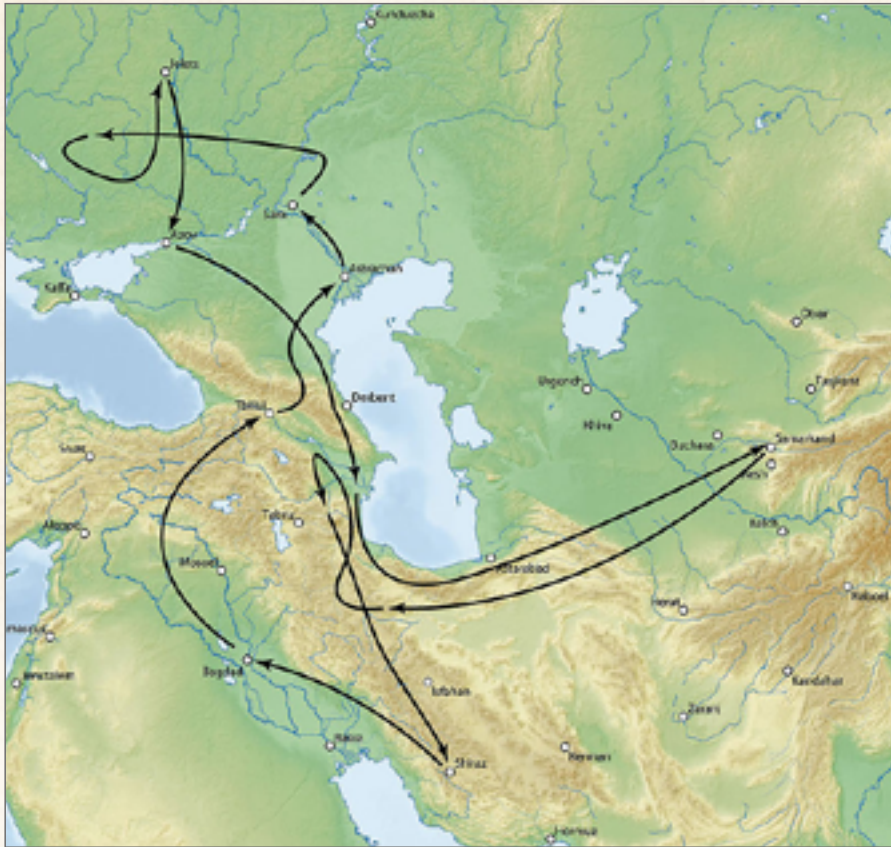
Тамерлан, по возвращении их, берет г. Ургендж (Ургенч), разоряет его совершенно, жителей с их имуществом переселяет в Самарканд и на месте, где был Ургендж, приказывает посеять ячмень. Несколько лет спустя, по возвращении из похода против Тохтамыша, он позволил жителям Хорезма опять возвратиться на свою родину, но для наблюдения за ними велел построить и укрепить города Кент и Хиву.

Предшествовавшее отторжение хорезмцев от власти джатайских ханов, неоднократные войны их с Тамерланом и упорное сопротивление его оружию показывают, что Хорезм в это время был сильным государством, что население и объем его были значительно более нынешнего хивинского

▲ Тохтамыш

▲ Поход против Золотой Орды 1395 г.

ханства, простираясь как по р. Аму, так и по называемому ныне старым руслу р. Аму, и что г. Ургендж (Ургенч), лежащий ныне в развалинах, был тогда большим торговым городом и обязан цветущим состоянием своему выгодному положению в торговом отношении между ханствами потомков Гулагу и Джагатая и Золотой Ордой; через Хорезм шли тогда товары из Индии и Китая. Самая связь хорезмцев с Тохтамышем показывает, что они обогащались торговлей с Золотой Ордой.

При теперешних наших сведениях трудно определить, как в то время перевозились товары к Ургенджу, сухим ли путем или водой по рекам Сыр и Аму и Аральскому морю к Каспийскому и потом Волгой. Судя по тому, что в Хиве и в низовьях р. Сырдарьи находится множество развалин из обожженного кирпича, что Тамерлан для походов в Хорезм находил возможность быстро переправлять свою армию через р. Аму, надобно полагать, что в то время в Хорезме не было в лесе недостатка и что судов по р. Аму было немало.

Управившись с Хорезмом, Тамерлан обратил свое оружие против войск, расположенных в ближайших восточных частях Кипчакской Орды, послав свои войска к низовьям р. Сыр, разбив здесь и после нескольких сражений прогнав войска Тохтамыша, состоявшие из русских, черкесов, болгар, кипчакцев (вероятно, кайсаков), крымцев, греков, жителей Кафы и Азова, башкир и даже москвитян, имевших в авангарде войска Хорезма, заставил их спасаться поспешным бегством по направлению к Уралу.

Обеспечив себя с этой стороны, Тамерлан в 1389 году решает отомстить узбекам и сыну Туклук-Тимура, Кезер-Ходжа-Аглану, и Анкатуре, нападавшим на него одновременно с Тохтамышем. Оставив для наблюдения за действиями Тохтамыша достаточные силы на низовьях р. Сырдарьи, сам Тамерлан, с армией более чем в 100 000 человек конницы, направляется в земли указанных врагов. Во время похода он увидел, что много лошадей было в худом теле, поэтому отделил из каждого

десятка по три человека и, отправив их в Самарканд, лошадей их раздал другим воинам, так что с запасными лошадьми у каждого воина было по две лошади.

Вероятно, Тамерлан шел местами, по которым ныне проходит Дорога на ст. Верную, посылая в ущелья гор партии для захвата и истребления неприятеля. За несколько переходов до Иртыша, найдя удобные пастбища на урочище Карагутшур, Тамерлан с главными силами остановился для поправления своих лошадей, а для отыскания и преследования неприятеля послал по направлению к Иртышу 30 000 человек конницы.

Когда этот отряд дошел до р. Иртыша, то разделившись на части и переправив одну часть на другую сторону реки, войска эти, следуя по ней, сыскивали неприятеля по сторонам и на островах Иртыша и с множеством пленных и богатою добычей возвратились к главным силам. Тогда Тамерлан, отправив пленных и добычу под конвоем в Самарканд, сам с главными силами перешел через степи к Емал-гужу, где был дворец, называемый Сарай-урдам, и где была столица ханов этой Орды. Здесь Тамерлан созвал совет из всех начальников главных частей армии, пригласив на него и всех знавших топографию этой части степей и места, где неприятель мог найти укрытие со своими стадами, так как цель Тамерлана была та, чтобы ослабить неприятеля так, чтобы и в походе его против Тохтамыша не осталось в тылу сильного врага.

На этом совете решено было разделиться на пять частей: одна, под начальством сына его, Омершеика, начальствовавшего округом Андекан, была направлена через гору Дубешин-андур и Кара-кожа; другая, из 30 000, направлена на Кара-Арт и Шуруглук; третья, из 20 000, на Сагизган, Сугулган, Лиг и Шевейяр; четвертая, тоже из 20 000, по дороге Уритшур на Бикур, а пятая, при которой был сам Тамерлан с его гвардией и войсками его собственных владений, шла по дороге на Олук-куль и Ситш-кандабан. Сверх того, дано было особое приказание начальни-

ку войск, оставленных против Тохтамыша, идти от р. Сыр также к северу, для преследования узбеков.

Они шли на Урдубад, перешли через р. Абейле и шли на Сутгель Тишшеклик, Балайкан, Салуджи в Молзуду; встретив хана Монголистана, Кезер-Ходжа-Аглана, с его армией, вступили в сражение; но, как оно было нерешительное, то по взаимному условию решено было разойтись, и эти войска Тамерлана направились к Юлдузу. Но один из этого отряда успел поспешно догнать Тамерлана у Кейту и сообщить о происшедшем сражении. Тамерлан, прибыв в Юлдуз, выбрав там самых храбрых воинов и оставив обоз, перешел через р. Улакианур, прошел степь, прибыл в Карабулак, оттуда через Тебер-таш пошел в Кушон-кей, где настиг неприятеля и рассеял его армию; потом, следуя через горы Нарин-кетель, продолжал преследовать неприятеля до Караташ и заставил хана Кезер-Ходжу спастись поспешным бегством.

После преследования его до Кулан-кетель Тамерлан пошел в обратный путь на Ялих, Кажиртон, Биладжир и соединился с прочими своими отрядами в условленном месте Юлдуз. Так как каждому отряду даны были надежные вожаки для указания мест, где мог укрываться неприятель, и определены направления, по которым должно было идти, и круг действий, то отряды эти выполнили свое назначение очень успешно. Сборным местом всех этих частей назначена была долина Юлдуз, потому что здесь были превосходные пастбища, хорошая вода и умеренный воздух.

Все эти отряды на всем пути, по которому проходили, забирали у неприятеля людей, скот и имущество, с громадным обозом прошли по степям и ущельям небольших гор и соединились в долине Юлдуз. Здесь Тамерлан, по своему обыкновению, награждал более отличившихся воинов и угощал свои войска разными яствами, напитками и увеселениями, причем самые красивые женщины из числа пленных угощали воинов, поднося им в дорогах чашах кумыс (в переводе Лакруа везде говорится «винами»; но Тамерлан, как ревност-

ный магометанин, вероятно, не дозволил бы употребление вина, да и где его было взять в степях и возить при войсках).

После отдыха он послал сына своего, Омер-шеика, с сильным прикрытием, на юг Небесных гор, приказал идти через железные ворота, называемые Калуга, разбить укрывшегося там неприятеля (что Омер и исполнил) и через Кузан, Утчеферман и Кашгар возвратиться в Андекан; другие части шли по северную часть хребта; сам Тамерлан отправился вперед и в 22 дня прибыл в Самарканд.

Не довольствуясь таким погромом своих злейших врагов, Тамерлан в следующем году вновь посылает туда же 25 000 конницы. Войска эти, отыскивая везде неприятелей, напали на след хана их Камареддина, преследовали его и, узнав, что он переправился за Иртыш и скрылся в леса Сибири, после 6 месяцев похода возвратились в Самарканд.

После такого побоища, разграбления неприятельского имущества и увода в плен большей части его жителей Тамерлан уже надолго обезопасил себя от вторжения узбеков и мог приступить к войне против Тохтамыша, располагавшего многочисленными силами Золотой Орды. Для достижения войск ее Тамерлану надобно было пройти по пустынным

степям более 2000 верст; по обширности их, при искусном со стороны неприятеля действии, война могла бы затянуться надолго, а лишением средств продовольствовать многочисленную армию вынудить Тамерлана к отступлению, которое могло бы быть для него гибельным.

Тамерлан хорошо понимал это и потому заблаговременно озаботился привлечь к себе в Золотой Орде врагов Тохтамыша и завязал тайные связи с лицами, имевшими влияние на дела этой Орды, что вывело его из затруднительного положения и доставило ему победу. Вообще Тамерлан для достижения успеха не стеснялся в средствах.

Но прежде описания этого и некоторых других походов его, полагаю необходимым ознакомить читателя с военными постановлениями и военно-политическими правилами его, написанными им самим для своих потомков.

По всей вероятности, они были не что иное, как возобновление постановлений и правил Чингисхана, с некоторыми изменениями и усовершенствованиями, сообразно положению Тамерлана и духу времени. Сокращенное изложение их дополнит наши сведения о военном искусстве монголов.

▲ Тимур в Анатолии

▲ Пленение Баязида Тимуром

Состав и устройство войск Тамерлана

Войска Тамерлана состояли из пехоты и конницы. Впрочем, пехота его в дальних степных походах была снабжена лошадьми; конница или, по крайней мере, значительная часть ее, в случае надобности, была приучена сражаться в пешем строю, следовательно, соответствовала нашим драгунам; она спешивалась в тех случаях, когда надо было вернее и сильнее стрелять из лука, но, без сомнения, действовала лучше на лошадях, нежели в пешем строю, потому что кочевые народы с малолетства свыкаются с лошадьёю.

Конница разделялась на простых и отборных воинов, составлявших легкую и тяжелую конницу. Сверх того, были особые телохранители Тамерлана, в роде гвардии.

Кроме этих главных родов войск были еще: 1) понтонеры, или судовщики, набираемые преимущественно из жителей, занимавшихся судостроением по рекам Аму, Сыр и др.;

они употреблялись для устройства судов и наведения мостов; 2) метатели грегорианского, или греческого, огня; 3) разного рода рабочие, умевшие устраивать осадные машины и обращаться с метательными орудиями. Множество осад, предпринятых Тамерланом, и искусное действие грегорианским огнем и метательными орудиями, очень много способствовавшими при большей части осад к взятию крепостей, показывают, что этот род войск был доведен до большого совершенства.

Из хода осад, предпринятых Тамерланом, видно, что ему были известны почти все способы, употреблявшиеся греками и римлянами для овладения крепостями. В сражении против Баязида он имел слонов, с которых посаженные на них воины стреляли грегорианским огнем; 4) для действий в горах Тамерлан имел особого рода пехоту, составленную из горских жителей, следовательно, привыкших к горной войне, умевших влезать на крутые утесы; воины эти часто оказывали ему услуги при

овладении ущельями, горными проходами и крепостями, расположенными на крутых горах.

Войска, как и у Чингисхана, были разделены на десятки, сотни, тысячи, тумэны (10– или 12-тысячные отряды) и проч., предводимые десятиками, сотниками, тысячниками и амирами; последних было 12 степеней, от 1-й до 12-ой. Амиры владели разными племенами, и степени их, вероятно, зависели от числа войск, выставляемых племенем.

Вооружение и походные запасы, производство в чины, власть начальников и жалованье

Тамерлан требовал, чтобы во время войны простые конные воины, или легкая конница, имели для похода лук, колчан со стрелами, меч, или палаш, пилу, шило, иглу, веревки, топор, 10 наконечников для стрел, мешок, турсук (кожаный мешок, употребляемый для возки запасной воды по безводным местам и для пе-

реправ), две лошади; сверх того, каждые 18 человек должны были иметь кибитку (шатер из войлока).

Отборные воины, или тяжелая конница, были вооружены шлемами, латами, мечами, луком и стрелами; каждый из них должен был иметь по 2 лошади и каждые 5 человек — по одной кибитке (вероятно, это просторное помещение необходимо было потому, что оборонительное оружие занимало много лишнего места и что тяжеловооруженные воины должны были иметь особую прислугу, которая там же должна была помещаться).

Кроме того, были особые отряды воинов, вооруженных палицами, секирами, саблями, а лошади их были покрыты тигровыми кожами. Эти воины, вероятно, составляли телохранителей Тамерлана. Воины должны были носить сабли на левой стороне,

а мечи — на правой. Каждый десятник должен был иметь свою палатку и 5 лошадей и был вооружен кольчугой, мечом и луком со стрелами. Сотники были обязаны иметь 10 лошадей, свою кибитку, из оружия — меч, лук, стрелы, палицу, булаву, кольчугу и латы.

Тысячники должны были иметь при кибитке навесы, или зонтики, и несколько запасного оружия, как то: кольчуг, шлемов, лат, пик, мечей, колчанов и стрел.

Амиры 1-го класса имели одну кибитку с двух навесов, другую — шитую золотом (вероятно, назначенную для принятия начальников во время смотров и угощений) и значительный запас оружия, для снабжения им простых воинов.

Высшие амиры, от 2-й степени до 12-й, или до главнокомандующего, должны были иметь еще большие запасы оружия и обозы.

Первый амир был обязан вести с собою 110 лошадей, 2-й — 120 и так далее, до главнокомандующего, который не мог иметь менее 300 лошадей.

Пехотный воин должен был иметь меч, лук, несколько стрел, но, в случае предстоявших сражений, число стрел предписывалось особым повелением. В походе против Тохтамыша велено было иметь каждому воину по 30 стрел. Из этого видно, что пехота была только легкая, но, вероятно, в случае надобности, тяжелая конница, спешившись, заменяла тяжеловооруженную пехоту.

Закон Чингисхана, повелевавший перед выступлением в поход или перед сражением осматривать войска, оружие их и вообще все, что воины должны были иметь с собою, Тамерлан соблюдал во всей строгости.

▲ Иванин М.И. Казаки оренбургского войска

Производство в чины. В каждом десятке из отборных воинов выбирался тот, кто соединял благоразумие с мужеством, и, после согласия девяти других, делался десятником; из десятников отличного по способностям и деятельности производили в сотники; 10 сотников имели начальником тысячника, обыкновенно избираемого из детей амиров или князей, опытного, искусного в военном деле и испытанной храбрости. Каждый начальник имел своего помощника, который в случае надобности замещал его.

Власть начальников. Десятники имели право принимать на службу в воины, на место бежавших или умерших; сотники могли утверждать в должности десятников, выбранных их товарищами, а тысячники — сотников, и Тамерлану доносили только, что такой-то бежал или умер и замещен таким-то. Вероятно, были пятидесятники и пядисотенные начальники, о которых, впрочем, Тамерлан в своих постановлениях ничего не говорит. Такого же рода чиновачалие было и в службе гражданской.

Как в той, так и в другой власть начальников состояла в наказании непослушных, в изгнании тех, которые нарушали долг службы, и в замещении их. Тамерлан, по-видимому, не любил телесного наказания и запрещал его, говоря, что начальник, власть которого слабее кнута и палки, недостойн сана, им занимаемого.

Итак, простые воины могли достигать звания десятников и сотников; но для достижения высших степеней из простых сотников нужны были или важные заслуги, или особые дарования, потому что в сан тысячника производились обыкновенно или князья или амиры, то есть начальники племен, или дети их. Следовательно, в эти должности назначались люди, принадлежащие к высшему сословию, составлявшему род дворянства, могшие по состоянию своему получать образование в училищах и имевшие политическую власть. Разделение амиров на 12 степеней, вероятно, зависело от величины их владений: 1-й степени амиры начальствовали отрядами

в 1000 человек конницы, 2-й степени — 2000, 3-й степени — 3000 и так далее, до амиров 12-й степени, которые начальствовали 12 тысячами конницы и более.

Жалованье. Кочевые народы вообще, не будучи хорошо знакомы с монетной системой, стоимость вещей обыкновенно выражают ценою лошади, барана, верблюда и проч. От этого у Тамерлана плата жалованья определялась ценою лошади воина. Жалованье отличного воина простиралось от 2 до 4 цен его лошади; десятники получали против десяти воинов, сотники — против двух десятников, тысячники — против трех сотников. Всякий воин, совершивший преступление, терял десятую часть своей платы.

Жалованье амиров простиралось, смотря по их достоинству, от 1000 до 10 000, а наследников Тамерлана — до 12 000 лошадиных цен, и последнему еще давалась область; прочим детям и внукам его содержание уменьшалось по степени родства и возраста. Пехотные воины, слуги (вероятно, оруженосцы или адъютанты амиров и Тамерлана) и шатерники (юртжи) получали жалованья от 100 до 1000 лошадиных цен. Большое жалованье пехотным воинам дает повод заключать, что служба их была почетнее и тягостнее конной и что пехота должна была составлять отборное, испытанное войско, но по дороговизне содержания не могла быть многочисленной.

Жалованье войскам назначалось из участков земель, распределенных на военные округа, управляемые особыми начальниками, а также из доходов некоторых областей и городов. Так как Тамерлан бил свою монету, то жалованье деньгами могло назначаться тем войскам, которые располагались между оседлыми народами и были знакомы с деньгами; другим давали жалованье ячменем и произведениями земли; но лошадь, вероятно, принята была за единицу ценности при раздаче окладов.

Награды воинов за отличия состояли: в похвале, прибавке жалованья, подарках, увеличении доли при

раздаче добычи, повышении в чине, в почетном титуле, названии богатырем (багадуром, по-киргизски — багыром), храбрым и проч., а при отличии целых частей войск — в раздаче литавр, знамен и проч.

Начала регулярности в войсках Тамерлана

Эта организация войск Тамерлана показывает, что они должны были иметь более или менее правильный строй, что каждый воин должен был знать свое место в десятке, каждый десяток — свое место в сотне, сотня — в тысяче и так далее.

Прежде сражения опытный и искусный военачальник должен был сделать обозрение поля сражения, узнать свойства неприятеля, сравнить, в чем он имел преимущество, и стараться вознаградить свои недостатки, наблюдать, как неприятель нападал, всю ли массу разом или частями, проникнуть, не имел ли он каких-либо особых планов, чтобы с лучшими уверенностью и успехом противодействовать им.

Большое искусство, по словам Тамерлана, состоит в том, чтобы наблюдать минуту, когда неприятель хочет нападать или отступать, хочет ли он возобновить атаку или довольствоваться первою. Начальник, по словам Тамерлана, не должен теряться в минуту действия; подобно тому, как боец употребляет части своего тела: руки, ноги, голову, грудь и проч., потому что каждая из них есть для него особое оружие, так и начальник должен наблюдать за тем, чтобы войска его, по мере надобности, действовали стрелами, секирами, палицами, кинжалами или мечами.

Сражение начиналось легкими войсками, стоявшими на аванпостах, метанием стрел и дротиков, потом — авангардом. Когда нужно было поддержать его, то входил в дело авангард правого крыла, потом левого; если нужно было еще подкрепление, то вступали в бой левая половина правого крыла и правая левого; когда и их было недостаточно, то вступали в бой остальные части обоих крыл, и в то же время уведомляли Тамерлана о положении дела (это Тамер-

лан требовал, вероятно, когда сражение происходило вблизи главной армии. Как искусный полководец он мог посылать с умыслом небольшие части войск, чтобы узнать способ нападения, свойства неприятеля или достигнуть какой-либо цели).

Если и эти усилия были недостаточны, то амир должен был с главными силами, то есть с резервом броситься на неприятеля сам, с полной уверенностью, что девятая атака доставит победу.

В то время, когда почти все народы, не имея правильного строя, сражались толпою без тактических соображений, увлекались в бой, следуя стремлению своей храбрости, бросаясь на неприятеля без порядка, войска Тамерлана имели правильный строй и несколько линий, которые они постепенно вводили в бой, и наконец, когда последовательными нападениями неприятель был ослаблен и утомлен, они вводили в дело сильный и свежий резерв, составленный из лучших войск, который и мог всегда решить победу.

Заметим еще, что передняя линия, составляя весьма незначительную часть всего отряда, была очень слаба, чтобы выдержать натиск неприятеля; что подкрепления у Тамерлана посылались сначала с обоих крыльев из середины, потом уже с флангов, и только в самую решительную минуту сражения двигались резервы; от этого сберегались фланги и свежие силы, и если неприятель успевал опрокинуть центр передней линии, то легко мог быть, при малейшей пылкости его, поставлен в такое же положение, в каком находились римляне в сражении при Каннах, когда, опрокинув центр карфагенской линии, они начали ее слишком стремительно теснить и были охвачены с флангов пехотой и конницей Аннибала, отчего и потеряли сражение.

Столь решительное, что в нем погибло более 3/4 их армии. Что при Каннах произошло не случайно, то и при описанном боевом порядке могло происходить по расчету. Если неприятель мог легко пробить авангард, то потом должен был испытать

▲ Армия Тимура

последовательные нападения линий, начиная с средних частей, потом с флангов и наконец встретить перед собою сильный резерв, следовательно, легко мог быть окружен и при малейшей оплошности истреблен.

Этот боевой порядок был особенно выгоден на равнинах Азии, для монгольской и среднеазиатской конницы, которая, в случае разбития, могла избегать совершенного поражения, привыкнув отстреливаться в бегстве, спасаться, рассыпаясь, и потом соединяться на условлен-

ном месте, почти всегда употребляла засады, следовательно, держала неприятеля в осторожности и препятствовала стремительному и усиленному преследованию, которое одно могло нанести решительное поражение.

Сам гений войны, казалось, подсказал Чингисхану и Тамерлану этот способ производить битвы. Он так хорошо придуман, что почти все сражения того времени были решительны и наносили совершенное поражение неприятельским армиям.

Для корпуса от 12 до 40 тысяч конницы

Если неприятель имел более 12, но менее 40 тысяч войска, то Тамерлан посылал против него не менее 40 000, начальство вверял одному из своих сыновей, которому придавал в помощь двух опытных амиров и других начальников.

Боевой порядок для этих войск был следующий: войска разделялись на 14 частей; их них одна, вероятно, не менее 1/3 всего корпуса, под личным начальством полководца, составляла резерв; по три части назначалось на правое и левое крылья, составляя 2-ю линию; из них по одной было в авангарде этих крыльев, а другие две составляли правую и левую половину каждого крыла; впереди авангардов правого и левого крыльев 2-й линии ставилось еще по 3 части, составлявшие 1-ю линию; из них по одной части также отделялось в авангарды; впереди них выставлялся из остальной части главный авангард, в который назначались войска, вооруженные мечами, копьями и луками, и который состоял

из воинов неустрашимых и опытных; они должны были сражаться с большим криком и приводить в беспорядок авангард неприятеля; впереди авангарда выставлялись аванпосты.

По правилам Тамерлана, хороший начальник, узнав число неприятельских отрядов, должен был уметь противопоставить им свои отряды, наблюдать, что неприятель делает, каковы у него стрелки, копейщики, мечники, нападают ли они медленно или стремительно, все ли разом или по частям, замечать входы и выходы поля битвы, как для атаки, так и для отступления, и стараться проникнуть в порядок сражения и намерения неприятеля. Он долженствовал быть осторожным, чтобы притворная слабость неприятеля не завлекла в засаду. Искусный полководец должен был понимать весь механизм сражений, знать, какие войска надобно было послать в дело, угадывать намерения противника и употреблять все средства, чтобы расстроить его планы.

Дело завязывалось авангардом, предшествуемым стрелками, состоявшими передовые отряды.

Главный авангард постепенно подкреплялся авангардами 1-й линии, потом частями этой линии, сначала ближайшими к центру и после того внешними; если эти семь атак не решали битвы, то в таком же порядке вводили в бой части 2-й линии. Если постепенное усиление сражавшихся частями войск 2-й линии было недостаточно и 13 атак не решило сражения, то начальник не должен был колебаться употребить в дело свои резервы, которые, состоя из лучших войск, бросались на неприятеля с мечами в руках, а стрелки осыпали его тучею стрел. Если и затем победа оставалась нерешенною, то военачальник должен был сам броситься в бой и, показывая собою пример, одушевлять сражавшихся. Во всяком случае главное знамя не должно было никогда теряться из виду.

Для целой армии

Когда неприятельская армия превосходила 40 000, то Тамерлан сам выступал против нее. Тогда войска его делились для сражения следующим образом: сорок отделений (вероятно, полков) назначались

Бухара. Ворота Шейхъ-Джелаль.

▲ Шелковый путь

в непосредственное распоряжение Тамерлана; из них 12 отборнейших составляли первую линию, а остальные 28 вторую и третью. Войска, предводимые его сыновьями и внуками, становились впереди правого фланга означенных сорока отделений, а родственникам его и союзникам — впереди левого. Все эти части составляли резерв и подавали помощь везде, где она была нужна.

Шесть отделений составляли основание или 2-ю линию правого крыла и одно — авангард его. Столько же отделений и в таком же порядке составляли основание левого крыла; перед обоими крыльями 2-й линии располагалась 1-я, в таком же порядке и в том же числе частей. Впереди фронта 1-й линии располагался большой авангард из стольких же отделений, составленный из опытных начальников и храбрых воинов; этот авангард имел перед собою еще отделение, составлявшее его авангард. Два отряда легких войск, посредством передовых постов и разъездов, прикрывали армию от внезапных

нападений и наблюдали за неприятелем.

Легкие войска и передовой авангард начинали сражение; начальник главного авангарда подкреплял их и вводил в дело свои войска; если требовалась помощь, то сражавшихся вновь подкрепляли постепенным введением в дело 1-й, а потом 2-й линий. Если этих подкреплений было недостаточно, то правое и левое крылья резерва, то есть сыновья, внуки, родственники и союзники Тамерлана, вступали в бой; главная их обязанность состояла в том, чтобы бросаться прямо на неприятельского главнокомандующего, стараться взять его в плен и опрокинуть его знамя. Если и эти усилия не вырывали победы, то вся остальная часть резерва вступала в дело и производила решительную атаку.

О расположении в лагерях

При расположении на ночлегах и лагерем в военное время, стан войск Тамерлана охранялся особою

стражей. При Тамерлане, когда он сам начальствовал войсками, для охранения стана от внезапных нападений назначалось 12 000 конницы; из них по 3 000 отделялись на каждый фас (стан Тамерлана в случае опасности окапывался рвом и укреплялся тыном и щитами). Войска эти, располагаясь от стана на расстоянии полуфарсанги, высылали от себя передовые посты, а эти выставляли от себя часовых, которые были между собою в непрерывном сообщении и доносили в стан о всех полученных ими сведениях о неприятеле. В самом стане была особая полиция, наблюдавшая за порядком, за маркигантами, за ценою съестных припасов и отвечавшая за воровство, случившееся в стане. Четыре особые команды наблюдали за безопасностью воинов вне стана, и если на расстоянии 4-х фарсанг от стана кого-либо ранили, убили или ограбили то за эти преступления отвечали означенные команды. (Фарсанг — персидская путевая мера, равная 5,2 версты. Прим. ред.).

Средства Тамерлана для получения сведений о состоянии других государств

Сведения о состоянии пограничных государств Тамерлан собирал посредством легких отрядов, силою человек в 1 000, которые в местах степных и безводных сажались на верблюдов, в прочих же местах состояли из конницы и легкой пехоты. Проникая в соседнюю землю и употребляя без сомнения хитрости они собирали сведения о состоянии пограничных земель, узнавали не было ли приготовлений к войне и против кого, и старались проникать в намерения соседних государей. Соображаясь с сведениями, доставленными этими отрядами, Тамерлан принимал надлежащие меры.

Сведения эти получались также посредством торговых сношений: Тамерлан так же, как и Чингис-хан, посылал с товарами купцов и начальников караванов в разные владения Средней Азии, в Китай, Индию, Египет, Аравию, Сирию, Грузию и даже в европейские государства. По возвращении караванов, назначенные в число купцов и посланные в виде дервишей чиновники сообщали сделанные ими на пути замечания о состоянии народа, нравах и обычаях в пройденных ими землях и в особенности должны были выведать от отношений государей к их подданным.

Путешественники всех земель, купцы, караван-баши были особенно покровительствуемы Тамерланом, им оказывали всякого рода пособия и между тем от них узнавали о положении виденных ими государств. Для получения через них требуемых сведений, Тамерлан имел особых доверенных чиновников, которые должны были доставлять точные сведения о ввозе и вывозе разных товаров, о въезде и выезде иностранцев, ученых, желавших явиться к Тамерлану, узнавать, через разведывание, о намерениях иностранных государей в отношении к нему и сообщать все эти сведения как можно чаще и вернее. Если этих сведений было

недостаточно, то Тамерлан отправлял посольства и посланники были обязаны доставить ему те сведения, которые нужны были для его видов; но иногда он посылал для получения требуемых сведений дервишей.

Обозы и способ продовольствования

Из вышеизложенного описания запасов оружия, шатров и других предметов, которые воины были обязаны брать с собою в поход, можно видеть, что за войсками Тамерлана должны были следовать значительные обозы, большое число нестро-

евых чинов и огромное количество лошадей, простиравшееся не менее, как в три раза против числа воинов; запасы оружия, вероятно, возились на вьючных лошадях и верблюдах. В последние свои походы Тамерлан имел при армии постоянно медные котлы (вероятно мортиры), для метания грегорианского огня, камней и других тяжестей, также катапульты, которые должны были, хотя не с дальних расстояний, возиться за войсками, равно как и запасы материалов и инструментов, необходимых для предпринятия осад, для устройства машин, для осадных ра-

▲ Купеческий караван

▲ Хива

бот и проч. Если прибавим к этому награбленные имущества, пленных и стада скота, которые разделялись как добыча между воинами и следовали за армией, то можно представить себе, какие огромные обозы должны были следовать за этими войсками.

Но каким образом эти войска могли иметь с собою, при движении в военное время, эти огромные обозы, множество табунов, перекочевывать с своими имуществами и в то же время вести войну вдали от своих аулов и среди враждебных им народов? Хотя можно предполагать, что они большею частью имели значительное превосходство в силах против неприятелей и могли отделять часть войска для прикрытия обозов, однако, тем не менее, надо удивляться умению кочевых народов пасти и перегонять свои многочисленные табуны лошадей, верблюдов, баранов, перевозить огромные запасы в землях неприятельских, часто при недостатке воды и корма и небольшом числе людей в сравнении с величиною стад и обозов, умению смотреть за ними, в случае опасности защищать их или укрывать в безопасные места и предохранять себя

от нечаянных нападений. Это может объясняться только необыкновенною способностью кочевых народов к малой войне и истребительною кровопролитною системой их войн.

Военно-политические и административные правила Тамерлана для завоевания государств

В заключение выпишываю несколько военно-политических правил Тамерлана для завоевания государств. По его словам, не должно действовать оружием там, где можно достигнуть цели политикой. Прежде начатия войны надобно изучить способы страны для успеха оружия, узнавать пути, удобные для нападения и для отступления, и отыскивать средства действовать на нравственные силы и обычаи народа, которых желали сами жители. Для разбора дел между народом и войсками назначал особых судей; если войска и их начальники получали содержание от городов и областей, в которых были расположены, то области для этого были разделены на участки; войскам было запрещено требовать от жителей более положенного; для

наблюдения за этим каждый участок имел двух надзирателей: один из них защищал жителей от насилий и излишних поборов и для этого вел счет всему, выдаваемому жителями войскам, другой вел счет всему, что получалось войсками.

Всякий начальник (эмир или тысячник), которому давали участок для его содержания, получал его на три года; по истечении этого времени посылался инспектор для узнания, довольны ли жители этим начальником и не разорены ли им? Если жители были довольны, то начальник продолжал оставаться на этом участке; если же они были им недовольны, то всё излишне взятое им отбиралось от него и он три года не получал никакого содержания. Тамерлан требовал, чтобы при сборе податей не прибежали к телесным наказаниям; по его словам, начальник, которого власть слабее кнута или рогоз, недостойн занимаемой им должности. Он требовал, чтобы начальники воздерживались от притеснений и вымогательств, зная, что разорение народа истощает доходы государства, а истощение государственных доходов уменьшает армию, что в свою очередь влечет за собою падение власти.

Сбор доходов был определен с произведений земли на следующие основаниях: если земледелец владел плодородною землей, орошаемой каналом, родником, речкой, по которым постоянно текла вода, то он платил подати 1/3 своих доходов, по его желанию, произведениями земли или деньгами по оценке.

С земель, не пользовавшихся таким орошением, смотря по качеству земли, платилось менее. Но сборщикам податей для государя воспрещалось употреблять палки. Вербки, цепи, кнут.

Из обязанностей жителей содержать поставленные у них войска и платить особую подать следует заключить, что было два рода войск: одни были расположены на постоянных квартирах, другие — вроде наших действующих войск — были в сборе или в лагере при своих начальниках, или в походе, или при Тамерлане; они не могли получать продовольствие от жителей, а потому эти постоянные войска и получали особое содержание, как Тамерлан неоднократно упоминает об этом в своих политических и военных постановлениях.

Войска его, по мере увеличения завоеваний, увеличивались и в числе; если кто в завоеванных областях носил оружие, тот перечислялся в его армию и получал содержание по своему чину; притом все способные к военной службе, по желанию их, могли поступать в его войска. Сыновья воинов испытанного мужества получали также содержание, а на службе, в случае отличия, могли повышаться в чинах. Переходившие к нему неприятельские воины принимались на службу на таких же основаниях.

На дела религиозные и прочих частей управления Тамерлан обращал не меньшее внимание, чем и на свою армию. «Опыт показал мне, — говорил он, — что государство, не поддерживаемое религией и законами, походит на дом без крыши, дверей и запора, в который может войти самый презренный из людей; поэтому я восстановил исламизм и прибавил к нему постановления и законы».

Для управления делами веры в завоеванных землях он назначил главных муфтиев из потомков Магомета. Для надзора за имуществом духовенства, за мечетями, для заведывания пенсиями и содержанием, назначенным потомкам Магомета, законоведам, ученым и вообще всем заслуженным и достойным людям, назначались особые надзиратели. В городах он приказывал строить мечети, школы, монастыри, госпитали, приюты для бедных, дома для городского управления, для судей, по дорогам караван-сарай и мосты через реки.

Тамерлан покровительствовал наукам, любил беседовать с учеными людьми об истории народов и делах великих государей прежнего времени, стараясь подражать похвальным деяниям их и изучать причины их неудач, чтобы избежать их ошибок.

Все главные дела управления сосредотачивались в совете, в котором участвовали главные духовные лица, люди известные по уму и знаниям, главные эмиры, начальники племен и войск, визири или министры и проч. Тамерлан имел особых секретарей, ведших журналы всем совещаниям совета, записывавших все решения его и все суждения Тамерлана, высказанные им во время совещаний.

Вокруг трона садились сыновья, внуки и другие родственники Тамерлана, по степени их родства и значения, в виде полумесяца.

Потомки пророка, судьи, ученые, богословы, старцы, вельможи и дворянство садились по правую руку.

Начальники войск и эмиры, по их чинам — по левую руку.

Председатель совета, визири, (министры) — против трона, начальники областей — позади них.

Военные чины, получившие титул храбрых (багадур), и другие отличившиеся воины — позади трона справа, а начальники легких войск — слева.

Начальник авангарда садился против трона, начальник дворцовой стражи — у входа в шатер, тоже против трона и, наконец, лица, желавшие подать просьбы, просить о пра-

восудии — с правой и левой сторон трона.

Требовалось, чтобы простые воины и дворцовые служители, раз поставленные на места, не выходили из своих рядов.

Четыре церемониймейстера наблюдали за порядком в собрании. Когда все присутствовавшие были размещены по своим местам, Тамерлан посылал народу 1 000 блюд разных яств и 1 000 хлебов, 1 000 же блюд членам совета и 500 блюд эмирам орд и начальникам частей войск, называя по имени каждого, кому посылались яства.

По всей вероятности, подобный же церемониал наблюдался при курултаях, приеме посольств и других торжественных случаях и был общий во всех ханствах, управлявшихся потомками Чингис-хана. А от ханов Золотой Орды некоторые придворные обычаи перешли и ко двору московских князей.

Это краткое извлечение из политических и военных постановлений Тамерлана и высокое мнение о нем, оставшееся в памяти среднеазиатских народов, показывают, что он был одним из искуснейших политиков и величайших монархов Азии. Но, увлекаемый страстью к войне, он был в то же время и один из величайших истребителей человеческого рода, находивший всегда благовидные предлоги начать войну, покорять независимые народы, губить целые племена, умея достигать своей цели то искусством в выборе людей, в привлечении их к себе даже из неприятельных народов, то возбуждением фанатизма и слепой доверенности к себе хорошо устроенных войск своих.

Постоянно и настойчиво преследуя задуманные им предприятия, он умел вовлекать в них своих вельмож не принуждением и строгостью, а убеждением в пользе или необходимости задуманного предприятия. ■

КОНЧИНА ВИКТОРА ПЕТРОВИЧА ШПАКА

14 июля 2022 года после тяжелой и продолжительной болезни ушел из жизни генерал-майор авиации, Заслуженный летчик СССР, кандидат военных наук Виктор Петрович Шпак.

Родился В. П. Шпак 12 апреля 1937 года в Донецкой области. Службе в Вооруженных Силах СССР и России он отдал 38 лет. В 1955 году поступил, а в 1959 году окончил Луганское военное авиационное училище летчиков, в 1973 году закончил Военно-воздушную академию им. Ю. А. Гагарина. Проходил службу в истребительной авиации на различных летных должностях — от летчика до командира истребительной авиационной дивизии. С января 1980 по май 1981 года участвовал в боевых действиях в Афганистане в должности заместителя командующего ВВС 40-й армии. Руководил авиацией во многих общевойсковых операциях. Лично совершил 107 боевых вылетов на самолетах МиГ-21бис. Проходя службу в должности заместителя начальника Управления боевой подготовки ВВС (май 1981 г. — январь 1988 г.), в числе первых освоил новую авиационную технику (МиГ-29, Су-27). За время службы освоил самолеты-истребители МиГ-15, МиГ-17, МиГ-19, МиГ-21, МиГ-23, МиГ-29, Су-27 и многие их модификации. Общий налет — более 2800 часов. С января 1988 по июнь 1993 г. был начальником кафедры тактики и оперативного искусства ВВИА им. проф. Н. Е. Жуковского. Внес большой вклад в организацию учебного процесса по новым учебным программам в период с 1990 по 1993 г. После увольнения из рядов Вооруженных Сил Виктор

Петрович работал доцентом этой же кафедры. Он автор более 30 научных трудов, в числе которых учебник (в соавторстве), учебные пособия, научно-методические материалы, уставные документы, опыты боевых действий в Афганистане и других военных конфликтах, опыты применения авиачастей и соединений в стратегических КШУ. Награжден ор-

деном Красного Знамени, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 2 и 3 степеней, боевыми медалями.

Светлая память о замечательном человеке, верном сыне России, патриоте Отечества, воине-интернационалисте генерал-майоре авиации Викторе Петровиче Шпаке навсегда сохранится в наших сердцах.

В. Г. ОРЛОВ

ДВОЙНОЙ АГЕНТ

▲ Петроград, 1918 год

Все разрушено. Все усилия командования войсками тщетны. Ходят слухи, что генерал Алексеев Михаил Васильевич собирает последние силы старого режима против красных, поэтому я отдаю себя в его распоряжение. Но и он бессилён. Мы встречались с ним при проведении нескольких расследований, и я знал, что, пока он будет считать, что есть хотя бы малейшая надежда, храбрость не покинет его.

«Попытайтесь попасть в Петроград и разузнайте для нас все, что сможете, мой дорогой Орлов, — посоветовал генерал Алексеев. — Может быть, этим вы поможете нашему делу». Я закрыл свой кабинет, что само по себе было непросто, ведь нужно было решить, что делать с моим архивом. Мне непременно нужно было найти надежное место,

где бы я мог хранить свои записи и документы о шпионах в Европе. Но где бы я мог сохранить их теперь, когда революционеры жгли все бумаги, а их владельцев ставили к стенке? Этот вопрос меня очень сильно тревожил, потому что нельзя было медлить и с выполнением задания. От него, как я понимал, зависело много.

Наш штаб постепенно разваливался, друзья расставались, а доходявшие до нас новости становились все более и более зловещими. Многие офицеры пытались попасть в Петроград под видом солдат, возвращающихся с фронта, и слезы текли по их щекам, когда они снимали свою офицерскую форму и надевали рваные серые шинели без знаков отличия. Только те, кто посвятил этому жизнь, поймут, как

они страдали. Каждому из этих преданных людей я доверил некоторые из моих самых важных бумаг. Таким образом, мои записи попали в Петроград в вещмешках двадцати моих друзей, добравшихся туда со всеми предосторожностями, поодиночке и разными маршрутами. Некоторые из моих бумаг, которыми я пользовался в особых случаях, были уже в Варшаве. Я отправился в столицу, где меня ждали жена и дети.

Дорога заняла больше недели. Поезда шли только в одном направлении, из района боевых действий домой. Каждый вагон был до отказа забит уставшими от войны людьми, возвращавшимися с фронта. Необъявленная демобилизация уже делала свое дело. Дни и ночи мы проводили, лежа вповалку на грязном полу товарного вагона. Окна давно были

▲ Орлов В.Г.

разбиты и заколочены досками, но это нисколько не спасало от ледяного ветра, который пронизывал нас, как говорится, до костей, и мы постоянно пробуждались от недолгого сна с окоченевшими конечностями.

Через каждые несколько километров мы были вынуждены останавливаться, потому что дорогу преграждали другие поезда. На некоторых участках нам приходилось ждать целый день и даже дольше. Тут же появлялись крестьяне из окрестных деревень, и вскоре на местах наших стоянок возникали импровизированные базары, где за копейки крестьяне продавали нам овощи и мясо. Мы

купили бы у них все, если бы у нас были деньги, но таковых в наших рваных карманах не водилось.

Когда становилось нестерпимо холодно, мы воровали на станциях скамейки и использовали их в качестве дров, в костер шли даже приклады от бывшего при нас оружия, потому что важнее всего — согреться ночью и утром проснуться живыми.

А Петроград был от нас все еще далеко, так далеко, что порой казалось, что мы едем туда какой-то невероятно длинной дорогой. Я успел отрастить бороду и стал практически неузнаваем. Это, конечно, одно из преимуществ нашего столь мед-

ленного путешествия. Тем временем наступил морозный декабрь. Как же было холодно!

Наконец темной полночью мы достигли места назначения. Город буквально завалило огромными сугробами, что, естественно, затрудняло передвижение по улицам. Я незаметно выскользнул из пустынного вокзала.

«Неужели все это на самом деле... Вся эта революция?... Почему, зачем?... Неужели красные действительно у власти?» — думал я с какой-то едкой горечью в душе. В голове весь этот хаос никак не укладывался. На санях добрался до дома, где поселилась моя жена. Дом находился в отдаленном рабочем районе на Таврической улице. Это был в буквальном смысле бедлам, гнездо отъявленных революционеров. Жена нарочно выбрала этот район, потому что здесь можно не опасаться обысков, проверок и налетов.

Подъехав к дому, я едва сумел выбраться из саней, так как острая боль пронизывала все мое тело, к тому же у меня начался жар. Я чувствовал, что заболеваю. Это было совсем ни к чему, явно не ко времени.

Я буквально вполз в дом, превозмогая боль. Увидев меня, жена испытала одно из сильнейших потрясений в своей жизни. Огромная борода делала меня почти неузнаваемым даже для нее. Она думала, что в эти дни великих потрясений я находился где-то далеко, и тем радостнее была наша встреча.

Мы обсудили наше положение. Оно казалось нам не слишком хорошим. Естественно, я не сказал ей, что собираюсь делать в Петрограде и, кто послал меня с заданием, потому что это лишь еще больше разволновало бы бедную, запуганную, несчастную женщину.

Я пробыл в той квартире несколько дней, ничего не предпринимая и оставаясь незамеченным даже соседями, отдыхая от тягот своего злосчастного путешествия. Затем навестил старого друга и единомышленника Б. (Не осмеливаюсь назвать его фамилию, чтобы не скомпрометировать, учитывая то поло-

жение, которое он занимает теперь в Москве.) Я рассказал ему о своих планах. А в планах у меня было как можно быстрее, под видом новообращенного большевика, устроиться на работу в Петрограде и сообщать обо всем увиденном и услышанном генералу Алексееву. Мне также предстояло создать антибольшевистский разведывательный центр и вести систематическую работу, направленную на свержение советской власти.

— Ваша идея представляется мне при нынешнем положении дел совершенно нереальной, — говорил мне Б. — Вы не сумеете выполнить задуманное и обязательно будете разоблачены. Нет, мой дорогой Орлов, послушайте человека, который знает, что происходит и понимает, как использовать ситуацию к собственной выгоде. Выслушайте мой план. Выбросьте из головы все ваши проекты с генералом Алексеевым и работайте на Советы, ни в коем случае не помогая им, наоборот, если пред-

ставится возможность чем-то навредить, делайте это. Плетите сеть вокруг «товарищей», а когда она будет закончена, я и многие другие помогут вам задушить их.

Я внимательно слушал своего друга и впитывал все сказанное им. Мне предстояло принять важное решение, потому что оно направляло мою будущую жизнь по совершенно другому пути. Лишь одно было совершенно ясно. С красными надо бороться до конца.

— Нет, — воскликнул я вдруг, — я не могу так неожиданно менять в Петрограде свою позицию, не посоветовавшись с генералом. Нет, так не годится. Пожалуйста, дорогой друг, придумайте другой способ помочь мне.

— Охотно, Орлов, но как?

— Я знаю, что поступаю очень бесцеремонно, обращаясь к вам с просьбой помочь выполнить мне то, что я задумал. Но цель оправдывает средства. Я хочу, чтобы вы дали

мне письменную рекомендацию относительно моей благонадежности, адресованную любому человеку, облеченному властью, с тем, чтобы я мог получить какую-нибудь работу и завести новые связи, которые помогут выполнению моего задания.

Он дал мне очень лестное рекомендательное письмо, адресованное Владимиру Бонч-Бруевичу, который занимал тогда пост советника народного комиссариата.

— Спасибо, спасибо! — искренне благодарил его я, радуясь такой удаче. — Я никогда не забуду услугу, которую вы мне оказали.

Через некоторое время я предстал перед Бончем с фальшивым паспортом на имя Болеслава Орлинского, польского коммуниста. Он прочел мое рекомендательное письмо в мрачной комнате в доме, где он жил со своей женой — врачом. У него не возникло ни малейших подозрений, хотя его, должно быть, немного удивил мой безукориз-

▲ В.И. Ленин и В.Д. Бонч-Бруевич

▲ Петроград, 1918 год

ненный русский язык, «С каких это пор, — видимо, думал он, — польские коммунисты так бегло говорят по-русски и так хорошо разбираются в происходящих здесь событиях?»

Я часто удивлялся потом, почему этот очень умный и логично мыслящий человек не заподозрил во мне шпиона? Он направил меня к одному из своих коллег в комиссариате.

Какая ирония судьбы! Этот отдел занимал помещения в бывшем доме Сухомлинова, Боже, как здесь все изменилось! Широкая мраморная лестница покрыта грязью, на коврах обрывки бумаги, окурки и шелуха от семечек. Прекрасная мебель с дорогой шелковой обивкой и искусной резьбой вся в грязи. От всего этого сердце разрывалось на части. Люди, ожидавшие приема у военного комиссара, сидели на креслах или лежали на полу и курили зловонные самокрутки, от которых меня чуть не стошнило. Лишь на миг то один, то другой из них прекращал дымить, чтобы выплюнуть шелуху семечек. И это надо было вытерпеть.

На следующее утро ровно в восемь часов я вошел в уже битком забитую приемную и занял место рядом с пришедшими раньше. Все

ругались и ссорились до четырех часов дня, а комиссар так никого и не принял. Кабинет был закрыт.

На следующий день я снова ждал высокого советского чиновника. Вместе со мной его ожидали еще несколько моих товарищей по несчастью. Шофер, лежавший рядом со мной, должен был доставить два литра бензина, но не знал куда.

— По вашему, мне его надо спереть, а потом в тюрьму садиться? — спрашивал он, явно ища у меня хоть какой поддержки. — Нет уж, спасибо. Я буду ждать здесь, пока этот жук меня не примет...

Вместе с нами ждал своей очереди красногвардеец по весьма смехотворной причине. Он хотел перенести стол из казармы к себе домой, и для этого ему нужно было получить личное разрешение комиссара. Был там и матрос, который ждал, чтобы получить разрешение на брак.

— Зачем, парень, ждешь, — говорили мы ему, смеясь над его конфузом. — Женись без разрешения, а то состаришься или невеста сбежит к другому.

— Если бы все было так просто, — ответил матрос. Он разоткровенничался со мной, наверное, потому, что

моя длинная борода внушала доверие. — Я хочу жениться на сестре. (Причина у него была действительно не простая.)

Поскольку и в этот день ничего добиться мне так и не удалось, я снова поплелся прочь. Так продолжалось день за днем без видимых надежд, сотни разных просителей приходили и ждали, сидя или лежа. Среди них были старые чиновники с портфелями, тихие, похожие на живых покойников. Они не произносили ни слова и только смотрели по сторонам, как будто не могли понять, что происходит. Тем временем вошли двое коммунистов, предъявили у двери свои документы и, поскольку у них имелась записка от известного вождя, через несколько секунд оказались у комиссара. «Равные права для всех» — эта фраза, по крайней мере, здесь, была не в чести. И каждый раз, когда впускали кого-нибудь из избранных, среди нас поднимался тихий ропот.

Мы не выбирали выражений и говорили все, что приходило в наши головы, возмущенные происходящим чиновничьим произволом.

Через неделю я все таки проскользнул к Бончу, и тот дал мне ре-

комендательное письмо к комиссару Стучке. Петр Иванович Стучка, бывший адвокат, был большевиком с дореволюционным стажем. Он, к моему удивлению, немедленно принял меня. Им оказался седовласый старик с длинными усами. Комиссар внимательно слушал меня. Ему явно понравилось, когда я сказал, что раньше был секретарем мирового судьи.

— Отлично, — потирая руки, произнес он. — Мне нужен такой человек, как вы. Я назначу вас председателем одной из наших комиссий по уголовным делам. Зайдите ко мне еще раз денюха через два.

Я пришел еще раз, и мне сказали, что я назначен председателем шестой комиссии по уголовным делам города Петрограда. Едва я мог скрыть свою радость. Мне не только удалось обосноваться в сердце красного Петрограда, но и занять весьма солидную должность. Казалось, что все идет слишком хорошо, даже

не верилось, что это правда. Не торопясь времени, я занял кабинет в здании Наркомата юстиции на Екатерининской улице. Я считал необходимым иметь для работы помощников и получил на свой запрос немедленное согласие. Мне было предложено выбрать надежных помощников по своему усмотрению.

Следующим неотложным для меня делом было поскорее перебраться из дома, где мы жили, в меблированную комнату на Греческом проспекте. Официально моя жена для моих новых коллег вовсе и не была мне женой. Мы были с ней как бы совершенно незнакомы. Я должен был с ней случайно познакомиться, сделать вид, что она меня сразу же пленила, и попросить разрешения взять ее к себе помощницей. У нее имелся фальшивый паспорт, и она начала у меня работать под какой-то вполне безобидной фамилией. Я назначил ее делопроизводителем.

Вскоре у нас появилась настоящая работа. Мне пришлось бороться со взяточничеством и коррупцией, разоблачать воров, убийц и фальшивомонетчиков. Мои коллеги особого интереса к моей деятельности не проявляли, все шло своим чередом. Между тем я каждую свободную минуту старался использовать для того, чтобы,ходя из кабинета в кабинет, изучать изнутри работу нового правительства. Вскоре я был в курсе всего происходящего, потому что от меня, как от следователя, не было никаких секретов.

Спустя некоторое время я получил повышение по службе, меня назначили следователем всего севера России, территории, равной по площади половине Европы. К сожалению, моя работа ограничивалась уголовными делами, и я мог заниматься политическими вопросами лишь с большой осторожностью, поскольку они, конечно, были сферой деятельности ЧК. Несмотря

▲ Стучка П.И.

▲ Крестинский Н.Н.

▲ Дзержинский, ЧК

на это, я не прекращал своих попыток и добился того, например, чтобы все граждане, у которых было найдено оружие, направлялись для допроса ко мне, а не в политический отдел. Такое изменение закона спасло жизнь многих русских офицеров. В более чем тысяче случаев я просто уничтожал документы, когда это касалось одного из наших единомышленников. Чтобы спасти офицеров от наказания, я советовал им симулировать сумасшествие. Это надо было для того, чтобы я мог их выслать из России через Стокгольм с фальшивыми документами.

Неожиданно Стучка, который всегда разрешал мне действовать по своему усмотрению, был вызван в Москву, и его место занял Крестинский. Николай Николаевич Крестинский позднее был советским представителем в Берлине, а также наркомом финансов, заместителем

наркома иностранных дел. До войны Крестинский, как я узнал, был юристом и защищал интересы работодателей от их врагов рабочих, проявляя при этом большую жестокость. Когда его спрашивали, как это согласуется с его большевистскими идеями, он всегда отвечал: «Только таким способом я мог довести своих друзей рабочих до такой озлобленности, что они, наконец, не выдержали». Я много общался с моим новым начальником, поскольку нам приходилось обсуждать все вопросы должностных преступлений в банках и т. д.

Постоянно сгорбленный за своим огромным письменным столом, он был похож на нахохлившуюся птицу. Был очень покладист и всегда делал то, о чем я его просил.

— Подпишите, пожалуйста, это, товарищ Крестинский! — И едва я успевал произнести эти слова, как его подпись появлялась на документе.

Он не задумывался над тем, что подписывает, единственным, что по-настоящему интересовало его, была еда. Каждый день он торопливо шел от машины в свой кабинет с солидным портфелем под мышкой. Какие важные документы нес с собой в этом разбухшем портфеле нарком юстиции?... Зайдя в свою комнату, а это я неоднократно видел сам, он садился и немедленно вынимал из портфеля огромный сверток, разворачивал его и доставал огромное количество еды: бутерброды с ветчиной, бутерброды с сыром, бутерброды с колбасой, портфель же после этого становился практически плоским. Он аккуратно раскладывал все перед собой, как истинный гурман, и на протяжении беседы пожирал свой завтрак глазами. Потом он начинал есть прямо во время важного совещания.

Сам я часто бывал на грани голодного обморока, глаза закрыва-

лись от усталости, иногда едва стоял на ногах. Мне приходилось экономить, и поэтому постоянно хотелось есть. Присутствуя на подобной «экскурсии», я не в состоянии был вести со смачно жующим шефом какой либо разговор по причине того, что глаза мои были устремлены на ветчину и все мысли, естественно, были только о еде.

Помню, как в одно из таких совещаний дверь вдруг неожиданно открылась и в кабинет вошел коллега. Первое, что сказал Крестинский, обращаясь к нему, было: «Заходите, товарищ, садитесь и разделите со мной трапезу, вкусно — язык проглотите». Мне же он не предложил ничего. И так это представление повторялось ежедневно. Должен сказать, что даже во сне я видел, как он беспрестанно жует.

Вскоре мне удалось собрать нескольких надежных помощников, и мы лихорадочно принялись за секретную работу. В Советской России в то время было нетрудно найти недовольных людей, притом они

были практически во всех советских организациях и учреждениях. Они то и сообщали мне все, что я хотел знать, особенно то, что касалось деятельности ЧК.

Среди таких осведомителей у меня, к примеру, был Борис Ржевский, элегантный молодой альфонс, носивший золотой браслет, делавший маникюр и всегда одетый по последней моде. Он был гомосексуалистом, нюхал кокаин, но, тем не менее, оказался хорошим и надежным источником. Ржевский немногo занимался журналистикой, и писал не так уж плохо. Раньше был отличным агентом на службе последнего царского министра внутренних дел. Теперь он работал на ЧК и приносил мне все самые свежие новости.

Сколько я платил ему?

Ничего. Он был дальновидный парень и помогал нам, потому что не очень то верил в долгое «царствование» Советов, потому и считал за лучшее расположить меня к себе на тот случай, если дело повернется иначе.

Он был заметной личностью в Петрограде и, как я уже говорил, весьма надежным человеком. Словом, оказывал мне большую помощь.

Другим моим агентом был некий Модель. Он торговал газетами в Нью Йорке, но после Февральской революции вернулся в Петроград как беженец и, как это ни странно, стал председателем следственной комиссии ЧК. Работал он отлично и всегда приносил нужную мне информацию, иногда даже больше, чем я просил. У него были и другие, второстепенные занятия, такие, например, как освобождение из тюрьмы богатых сограждан, за что получал существенное вознаграждение. Он помогал и бедным. После того как какой нибудь несчастный тщетно обращался к нему с просьбой об освобождении, он шел к его отцу или другу. «Чего вы хотите?» — всегда был первый вопрос, который он задавал, а за ним сразу следовал второй: «Сколько вы можете заплатить?» Модель брал столько, сколько мог получить, и не испытывал никакого угрызения

▲ Петроград

совести. Все, за что он брался, быстро выполнялось.

Его друг, герр Вейсберг, тоже был моим агентом. Он был любопытнейшей личностью. Знакомясь с кемнибудь, он первым делом демонстрировал бумагу, свидетельствующую о том, что он был секретарем Горького, и обязательно добавлял, что пользовался у пролетарского писателя глубоким уважением. Из другого, также, вероятно, поддельного, Документа явствовало, что он выплачивал значительные суммы денег по поручению писателя. Даже самые наивные не верили ему, но ничто не могло его остановить. Позже он был уличен в каком-то безумном мошенничестве и расстрелян.

Эта троица ежедневно приносила кипу документов, которые они либо похищали в ЧК, либо фотографировали. Эти документы существенно помогали мне и позволяли освободить из тюрьмы десятки невинных жертв, а затем тайно переправить их за границу.

Исчезновение многих из этих бумаг, похоже, вызвало подозрение моих «коллег», и, поскольку мне снова предстояло вырвать из когтей советского правосудия нескольких офицеров царской армии, я инсценировал кражу со взломом в своем кабинете.

Я открыл все окна, предварительно разложив свои бумаги на столе. В одиннадцать часов вечера трое моих помощников влезли в окно, взяли все бумаги, до которых только могли добраться, и написали мелом на столе: «Будешь помнить матроса Володина, сволочь!»

Чтобы придать сцене больше правдоподобия, они взломали мой стол. В четыре часа утра они вынесли все похищенные документы, разорвали их на мелкие клочки и пустили по ветру.

Фамилия Володина появилась не вдруг. Я знал, что тремя днями раньше арестованный матрос по фамилии Володин бежал из тюрьмы, поэтому, чтобы подозрение пало на него, я договорился, что мои люди сделают на столе эту надпись.

Когда на следующее утро я пришел на службу, ко мне подбежал

крайне взволнованный привратник и сообщил, что мой стол взломан и из него взято несколько важных документов. На место преступления были доставлены две собаки ищейки, но они не могли взять след. Затем совершенно неожиданно они взяли след, который привел их к комнате привратника. Собаки набросились на его сына. Впоследствии выяснилось, что именно он первым обнаружил кражу и, выходя из кабинета, оставил на столе портсигар. Он, конечно же, ничего не брал. Мне пришлось, тем не менее, приложить немало усилий, чтобы добиться его освобождения.

Кстати, случай с ограблением моего кабинета вдохновил одного из моих соседей, председателя другой комиссии. Он воспользовался происшествием в своих интересах, заявив, что его кабинет тоже взломан и из него похищено 400 рублей, а также различные бумаги. На самом деле, как я вскоре узнал, деньги взял он сам.

Кроме основного задания по сбору информации у меня была еще одна задача — помогать беглецам, бывшим офицерам. Являясь председателем шестой комиссии по уголовным делам, я неоднократно клал в свою книгу приказов и распоряжений инструкции и паспорта, подписанные мной самим и моим делопроизводителем, то есть моей женой, согласно которым некий товарищ Х. направлялся на станцию, расположенную за советской границей, для выявления контрабандистов. Документы эти, естественно, всегда попадали по назначению. Мы с женой тут были очень осторожны. Посылал я для выполнения своего поручения, как правило, только убежденных врагов большевизма, особенно тех, кому было необходимо как можно быстрее покинуть страну.

Таможенники на границе всегда были настроены к этим людям, имеющим столь щекотливое поручение, очень дружелюбно: они не обыскивали ни их, ни их багаж и разрешали пересекать границу без задержки.

Сначала беглецы не брали с собой ничего, что могло бы выдать

их или меня. Инструкция моя ими выполнялась чрезвычайно строго. Но поскольку к перебежчикам на границе всегда относились без всяких подозрений, и многие, кому предстояло совершить этот путь, это знали, об элементарной осторожности попросту стали забывать. В свой багаж отбывающие стали класть дорогие для них реликвии: шпоры, эполеты, парадные мундиры и другие вещи, которые выдавали их с головой.

Однажды, когда я в следственной комнате суда допрашивал одного матроса, меня заставил вдруг насторожиться, казалось бы, совсем незначительный факт. Я заметил, что в суд вошли трое мужчин в шинелях. Собственно, то, что они были в шинелях, неудивительно, я и сам ходил в шинели и сапогах, носил бороду и очки в металлической оправе. А насторожило меня то, что на протяжении всего допроса один из этих троих пристально смотрел на меня.

Вдруг ко мне подошел служитель суда и сказал: «Пожалуйста, заканчивайте допрос. Здесь председатель ВЧК Дзержинский. Он хочет поговорить с вами».

Я был удивлен. Что нужно этому совершенно незнакомому мне человеку? Матроса увели, и человек, который так пристально наблюдал за мной, медленно подошел, по-прежнему не сводя с меня глаз. Я побледнел. Где я видел это лицо раньше?

Господи! Теперь я вспомнил. Он был моим подследственным, его судили в Варшаве до войны. Конечно, это был он. Я даже вспомнил его фамилию — Дзержинский. В какой-то момент я понял, что игра моя проиграна. Я в руках самого Дзержинского, главы всемогущей ЧК. Утешало меня лишь то, что за столь непродолжительный период моей «службы» Советам сделал я, как говорится, все, что мог, к чему меня обязывал долг русского офицера, помнящего о присяге царю и отечеству. Да, сокрушался я, стоя перед Дзержинским, игра моя действительно проиграна. Как утопающий, перед глазами которого проходит вся его жизнь, я за эти

▲ Дзержинский-арестант

несколько секунд припомнил все те события, которые сводили нас вместе при различных обстоятельствах.

Дзержинский был сыном небогатого землевладельца, поместье которого находилось под Ковно. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, он так страстно влюбился в свою сестру, что застрелил ее после ужасной сцены ревности. Потом он бежал в Москву. Там работал под вымышленным именем как простой чернорабочий. Накопив немного денег, чтобы учиться по вечерам, он отдался новой страсти. В 1905 году Дзержинский начал активно участвовать в революционном движении. Вскоре он стал руководителем политической оппозиции в Польше. Несмотря на то, что его политическая карьера возрастала, всегда старался оставаться в тени. Ведя аскетический образ жизни, Дзержинский, тем не менее, благодаря своей привлекательной внешности, умел лихо очаровывать хорошеньких женщин, увлекая их во всевозможные амурные приключения.

В 1912 году мне было поручено чрезвычайно секретное дело о подстрекательстве к мятежу. После обысков, произведенных во многих домах в Варшаве, я, в конце концов, оказался в доме школьной учительницы по фамилии Швентоховская. Сюда меня привело полученное мною анонимное письмо, но я быстро пришел к выводу, что меня направили по ложному следу, чтобы сбить с правильного пути.

По чистой случайности я увидел дочь учительницы Кристину и, наблюдая за ней в зеркало, заметил, что она залилась краской. «Почему она так нервничает?» — подумал я и вовлек в разговор, тщательно осмотрел все ее небогатое имущество, заглянул во все шкафы и в итоге нашел целую кипу дневников и писем, спрятанных под незакрепленной половой доской. После того как я вскрыл тайник, у нее началась истерика.

«Все-таки чутье меня не подвело», — подумал не без удовлетворения я.

Быстро просматривая бумаги, обнаружил, что они имеют отношение к хорошо организованному тайному заговору. Маленькая Кристина была связной ППС, осуществляла связь между организациями в Кракове, Лемберге, Варшаве и даже в Закопане, по ту сторону австрийской границы.

Мы взяли ее с собой. Удачный улов! Наконец нам удалось арестовать одну из ведущих революционерок. Прежде чем уйти, мы еще раз тщательно обыскали комнату и отвезли в нашу контору толстые стопки документов, найденных в тайниках, в шкафах и кладовках.

Среди документов был список женщин, оказывающих помощь революционерам. Эти тихие и незаметные женщины были подобраны с большим умом: они могли выполнять свою работу, не вызывая подозрений.

Кроме того, мы обнаружили, что лучшая подруга Кристины, некая Галина Мисгер, дочь окружного врача из Собена, также хранила и пере-

правляла секретные документы, активно боролась против царя и государства. Эта маленькая, тощая, высохшая сорокалетняя старая дева с большим носом, увенчанная пенсне, была не просто рядовой революционеркой, как оказалось, она была одним из руководителей польских социал демократов. Обе женщины вели дневники, исписали несколько тысяч страниц и периодически обменивались этими записями. Обе они обожали двух опасных негодяев — Тадеуша Длугошевского и Феликса Дзержинского, смотрели на них как на богов, подробно описывали в своих дневниках их героические деяния в борьбе за коммунистические идеалы. Длугошевский и Дзержинский были руководителями социал демократических партий Польши и Литвы и оба, если верить хотя бы части из того, что подробно описывается в дневниках, были виновны в смерти ни в чем не повинных русских, представителей всех классов и сословий, а в последние годы совершили такие страшные преступления, что превзошли даже подвиги национального героя Польши Костюшко.

Давайте же поближе познакомимся с этими выдающимися революционными деятелями, отъявленными террористами. Мы нашли Длугошевского в маленьком домишке под Варшавой в объятиях его любовницы, пятидесятишестилетней польки Леокадии Хоецкой. В их комнате стояла такая жуткая вонища, что мы с трудом смогли войти туда. Было такое ощущение, что где то в комнате находится разлагающийся труп. Однако единственное, что мы при обыске нашли, — это старый револьвер, из которого невозможно было выстрелить, так как он насквозь проржавел. В каждом углу под толстым слоем пыли валялись засохшие корки хлеба и куриные кости... Бр р!...

Поймали мы и Дзержинского. В течение долгих восьми месяцев я допрашивал этих партийных деятелей и вместе и поодиночке, тщательно расследовал каждый эпизод, описанный в дневниках их обожательниц. Дзержинский и Длуго-

шевский клялись, что они не знают ни Галину Мисгер, ни ее подругу Кристину, никогда не встречались с ними и не слышали о них.

И я должен признать, что, проведя всестороннее расследование, я не смог найти ни малейших доказательств якобы имевшей место пылкой дружбы между ними. Очевидно, две женщины выдумали связь со своими идолами и получали для себя удовольствие от описания всего этого. Дзержинский отказался давать какую либо информацию, Длугошевский все отрицал.

В ходе допросов мы, тем не менее, обнаружили, что есть темы, которые интересны каждому из нас троих. Дзержинский очень любил музыку, сам немного сочинял, очень интересовался религиозными вопросами, мистикой, и мы часто часами беседовали с ним на различные занимательные темы. Длугошевский был поэтом и довольно известным психологом, и я, должен сказать, с какого то момента начал симпатизировать им обоим. Когда они просили меня об услугах, я с удовольствием шел им навстречу, потому что

▲ Длугошевский Т.

получал удовольствие от общения с этими, как оказалось, достаточно образованными и в некотором роде культурными людьми. Например, я следил за тем, чтобы во время длительного следствия пищу им доставляли из столовой офицеров артиллеристов и чтобы они регулярно получали папиросы и газеты.

Через восемь месяцев следствие, наконец, закончилось, и даже если мои подследственные и не совершали всех тех преступлений, которые приписали им самозванные подруги в своих дневниках, совершено ими было предостаточно, чтобы надолго их упереть в тюрьму или на каторгу.

– Дзержинский, — сказал я на прощание этому чрезвычайно уверенному в своих идеях человеку, — вы мне все же симпатичны, надеюсь, что мы еще увидимся с вами при более благоприятных обстоятельствах.

– С удовольствием, — ответил Дзержинский, которого глубоко тронули мои слова. — Я только не понимаю, почему вы считаете мое нынешнее положение таким уж неприятным, — с некоторой долей иронии произнес он.

– Послушайте, мой друг. На основании всех собранных мною фактов вас упекут в Сибирь на двадцать лет.

Дзержинский улыбнулся:

– Мой дорогой Орлов, неужели вы действительно верите в то, что я пробуду в Сибири двадцать лет?

И действительно, Дзержинский был приговорен к двадцати годам каторжных работ, но сбежал через шесть месяцев и навсегда ушел из моей жизни.

«Навсегда ушел из моей жизни? — пронеслось у меня в голове. — Нет, вот он, Дзержинский, собственной персоной, стоит передо мной...»

Дзержинский! Перед моим мысленным взором возникла виселица, и я понял, что со мной покончено. Все это промелькнуло перед моим затуманенным взором за считанные секунды.

«Попытаться убежать? Нет, это чистое безумие...» Я продолжал неподвижно стоять перед ним.

– Вы Орлов? — спокойно спросил меня самый могущественный человек Советской России. Выражение его лица при этом нисколько не изменилось.

– Да, я Орлов.

Дзержинский протянул мне руку:

– Это очень хорошо, Орлов, что вы сейчас на нашей стороне. Нам нужны такие квалифицированные юристы, как вы. Если вам когда-нибудь что-то понадобится, обращайтесь прямо ко мне в Москву. А сейчас прошу извинить меня, я очень спешу. Я только хотел убедиться, что я не ошибся. До свидания.

Месяц спустя мне действительно пришлось поехать в Москву. Я приехал в пять часов вечера, но не мог пойти к родственникам или друзьям, потому что не знал, следят сейчас за мной большевики или нет, и поэтому попытался снять номер в гостинице. В одиннадцать часов вечера я понял, что мои попытки тщетны, и, наконец, решил обратиться к Дзержинскому и попросить его найти для меня номер в гостинице. Удивительно, но на мой звонок он откликнулся сразу же.

Мое служебное удостоверение открыло мне двери в ЧК. Дзержинский сидел в своем кабинете и пил чай из оловянной кружки. Рядом стояла тарелка и лежала оловянная ложка. Он только что закончил ужинать.

Я снова обратился к нему с просьбой найти мне жилье на три дня, поскольку я участвовал в расследовании, связанном с банковскими делами.

– Шесть часов пытался найти комнату, — сказал я ему, — но в Москве это, наверное, чрезвычайно трудно...

Из жилетного кармана он вытащил ключ и протянул его мне со словами:

– Это ключ от моего номера в гостинице «Националь». Вы можете жить там, сколько хотите, а я постоянно живу здесь. — И он указал на угол комнаты, где за складной ширмой стояла походная кровать, а на вешалке висели какие то вещи и кожаные бриджи. Я поблагодарил его за помощь и пошел в гостиницу.

У Дзержинского совсем не было личной жизни. Этот красный Торквемада во имя идеи убил бы своих отца и мать, его в то время нельзя было купить ни за золото, ни за блестящую карьеру или за женщину, даже самую прекраснейшую.

В свое время я встречался с сотнями революционеров и большевиков, но с такими людьми, как Дзержинский, всего лишь дважды или трижды. Всех остальных можно было купить, они отличались друг от друга лишь ценой. Во время восстания левых эсеров Дзержинский был арестован на несколько часов, но потом отпущен на свободу. После этого он приказал арестовать своего лучшего друга и соратника Александровского, с которым работал в течение нескольких лет. Перед тем как Александровского увели на расстрел, Дзержинский обнял его. Для него идея значила больше, чем человеческие чувства. Десять минут спустя Александровский был расстрелян.

Чтобы отвести от себя подозрения, я каждый раз, приезжая в Москву, останавливался в гостиничном номере Дзержинского, но все равно меня беспокоило, что такая привилегия могла кому то показаться странной. Мои отношения с Дзержинским могли стать предметом расследования, в результате которого выяснилось бы, кто я такой на самом деле.

Мой знакомец по Варшавской крепости не рассказал ни одной живой душе о том, что когда то я был царским следователем. Однажды вечером я случайно задержался из за длительного допроса, который мне разрешили провести в здании ЧК. Неожиданно мне навстречу попался комендант ЧК, неуклюжий великан, бывший оружейный мастер с Урала. Он был не совсем трезв и, слегка покачиваясь, протянул мне бумагу:

– Эй, товарищ, ты в очках, значит, наверняка человек ученый, да? А я всего лишь простой рабочий, без очков. Посмотри, я правильно написал донесение?

Мельком просмотрев бумагу, я понял, что это докладная записка о масштабной операции, которая бу-

дет проводиться завтра рано утром в Москве против врагов Советов. Я был как на иголках, пока читал этот документ. Мне пришлось одновременно убеждать оружейника в том, что он хорошо справился со своей работой, и запоминать несколько десятков фамилий и адресов, из которых мне были известны лишь несколько, чтобы предупредить этих людей о грозящем им аресте.

Это мучение продолжалось полчаса. Я дважды прочитал список и, насколько это возможно, запомнил фамилии, после чего незамедлительно покинул здание ЧК, разыскал своего брата и сказал ему, чтобы он предупредил членов организации. Мой брат жил далеко, и когда я добрался к нему, было уже два часа ночи. Он предупредил об опасности всех наших друзей, но к восьми часам утра все же большинство из тех, чьи фамилии значились в списке, были казнены.

Однажды утром мне прислали в помощники двух дворников. Фамилия одного была Горин, другого — Филиппов. Они были ужасно похожи на персонажей комедии Шекспира. Однако мне было не до веселья. Это была странная парочка, но у них хватило бы сообразительности понять, чем я занимаюсь. К счастью, у них было так много собственных забот,

что практически не оставалось времени задумываться о моих поступках.

Тем не менее, моя жена и я были начеку. Я никогда не держал что либо изобличающее меня в своей комнате: никакого оружия, бомб, документов, фотографий, фальшивых паспортов, фотоаппаратов. Все это было спрятано в тайнике под подоконником в комнате моей жены, чтобы в случае опасности она могла выбросить все эти вещи в соседний двор. Документы были подвешены на тонкой веревке в печке. Рядом лежали ножницы, чтобы в случае опасности перерезать эту веревку: документы упадут в огонь и сгорят.

Я видел свою жену только на работе. Никто даже не подозревал, что мы были женаты. Я так сурово обращался с ней в присутствии посторонних людей, что она часто начинала плакать. Ей это прекрасно удавалось.

Однажды я по ошибке обратился к ней на «ты» в присутствии этих негодяев Горина и Филиппова, но спас положение тем, что обратился на «ты» и к ним.

Конечно, мне было не легко осуществлять свою тайную деятельность. Я скрупулезно анализировал полученную информацию и через агентов переправлял данные генералу Алексееву на юг России. У меня было шесть тысяч фотографий агитаторов, политиков, коммунистов;

на каждого агента я составил небольшое досье: его национальность, профессия, пребывание за границей, наличие родственников, связи за рубежом, знание иностранных языков, маршруты и документы, используемые во время поездок.

Между тем я начал все чаще испытывать чувство подавленности и подготовился к возможному бегству. В качестве меры предосторожности я оформил жене и детям украинское гражданство и отправил их в Киев, снабдив фальшивыми паспортами. В моей комнате наготове лежали документы и одежда священника из Позена. В сентябре 1918 года меня познакомили с офицером лейб гвардии, заслуживавшим полного доверия. В мой кабинет он вошел в гражданской одежде, когда я был один.

— Нас двенадцать человек, — сказал он. — Мы хотим бежать в Мурманск. Вы поможете нам?...

— Сразу двенадцать человек? Вы хотите слишком многого, — возразил я. К этому времени я успел научиться осторожности. — Это сразу бросится в глаза! Лучше всего ехать отдельно друг от друга в качестве моих товарищей, представителей Центральной следственной комиссии.

— Конечно, мы поедем по отдельности, если вы считаете, что так будет

▲ Восстание левых эсеров

▲ На границе с Финляндией

лучше. Могу я получить двенадцать паспортов для выезда за границу? — настойчиво спросил офицер.

— Я с удовольствием помогу вам. Назовите фамилии ваших друзей.

— Простите, но я не могу сделать этого, я их не знаю. Дайте мне двенадцать чистых бланков, и я гарантирую, что они будут использованы только по назначению.

Я передал ему двенадцать незаполненных номерных бланков. Неделью спустя в шесть часов утра раздался звонок в дверь моей квартиры. На пороге стоял незнакомый мне человек.

— Позвольте мне войти, — попросил он и тут же очутился в моей спальне.

— Кто вы? — спросил я незнакомца с некоторой тревогой.

— Не важно. Меня прислала жена французского капитана. Она работа-

ет на телеграфе, и ей удалось перехватить вот эту телеграмму.

Он показал мне телеграмму, адресованную военному комиссару Позерну в Петрограде: «Установите личность председателя Центральной следственной комиссии Союза коммунистов Северного округа Болеслава Орлинского, который снабдил шпионов фальшивыми документами...» Затем следовали номера паспортов, которые я передал двенадцати офицерам гусарам для пересечения границы, а также их фамилии.

— Но это еще не все, — продолжил посланец. — Из другой телеграммы мы узнали, что эти господа прибыли на границу в шинелях, под которыми на них были мундиры с эполетами и орденами. Естественно, их тут же арестовали. Семерым удалось устроить побег, но двое

из них были убиты. Я должен был предупредить вас, так как через час телеграмма будет доставлена, и это, сами понимаете, конец.

Я буквально кожей почувствовал нависшую надо мной угрозу. Было понятно, что пришло время покинуть негостеприимный Петроград. Я поблагодарил своего незнакомца и поспешил на службу. Какие неприятности ожидали меня там?

В моем кабинете находились председатель следственного суда и двое моих коллег, которые лихо радочно рылись в моих служебных бумагах. Не было сомнения, что они искали номера двенадцати паспортов. Следовательно, они уже получили телеграмму.

— Товарищ Орлинский, пожалуйста, подождите немного в приемной. Нам нужно обсудить партийный вопрос, вскоре мы присоединимся к вам.

Пошел ли я в соседнюю комнату? Не то слово. Я буквально выкатился в нее, а затем по коридору и вниз во двор. Но это оказалось сделать не так то просто. В семь утра дверь еще была закрыта. Стоило ли звать привратника и возбуждать в нем подозрения? Нет. Вернуться назад? Тоже невозможно. Ждать здесь, пока меня не найдут? Тогда завтра со мной будет покончено. Нет уж, спасибо. Я вышиб стекло в двери и вылез наружу через образовавшееся отверстие.

Я бежал по пустынным улицам к центру города, к набережной, в маленький двухэтажный дом. Накануне я все подготовил на случай внезапного побега, и это здание просто идеально подходило для подобных целей, Нет ни привратника, ни консьержки и, кроме меня, всего один жилец, мой друг, поляк, управляющий богатого фабриканта.

В одно мгновение я побрился и переоделся католическим священником. Поразмыслив, решил, что в этой одежде меня никто не узнает и я смогу предупредить своих верных друзей о побеге, чтобы они спокойно могли продолжать работать. Как только стемнело, я начал спускаться по лестнице и вдруг заметил в сумраке какую то фигуру. Самое главное — не показывать страха. К тому же я изменил свою внешность. Кто может узнать меня без бороды и очков в таком облачении? Даже моя собственная мать не узнала бы в этом дрожащем человеке своего сына. И все же береженого Бог бережет! Я, крадучись, вернулся в свою комнату, но прежде чем успел запереть дверь, услышал шаги на лестнице. Какие то люди быстро поднимались по ней, и я бросился наверх к моему другу поляку. Он открыл дверь, втащил меня в прихожую и, прежде чем я понял, где нахожусь, втолкнул меня в комнату. Не говоря ни слова, он открыл огромный буфет и отодвинул заднюю стенку. Все это заняло несколько секунд. Наружная дверь содрогалась от сильных ударов.

— Лезьте туда, пока еще не поздно. С той стороны вас ждет слуга. Ему можно доверять. Он выведет

вас на улицу. Мне отсюда все было видно. Этот негодяй Горин поджидает вас с полудня, а с ним пятьдесят вооруженных до зубов красногвардейцев. Надеюсь, мы еще увидимся в более приятной обстановке... — С этими словами он втолкнул меня в образовавшийся проем. Я оказался в темной незнакомой комнате.

— Не бойтесь, господин Орлинский. Я тот самый слуга. Следуйте за мной. Мы в соседнем доме. Здесь нас никто не будет искать.

Тем не менее, он начал спускаться по лестнице очень осторожно, я шел за ним. Стоя в подъезде, мы наблюдали, как из соседнего дома вытащили моего друга и спасителя. Его взяли в качестве заложника и, как я узнал позже, освободили только через несколько недель.

Я поспешил в консульство Германии. Там нашел Бартельса, доброго ангела петроградской разведки. Он занимал должность атташе и помог сотням людей из высших кругов русского общества, причем совершенно бескорыстно, благодаря своим связям с представителями правительств всех стран. Он всегда обещал помочь и мне бежать из этого ада. И свое слово он сдержал. Бартельс принес мне старую серую форму немецкого солдата и быстро превратил меня из католического священника в дезертира.

— Гладко выбрит? Так не пойдет, — сказал Бартельс. — Слишком рискованно. Немецкие дезертиры возвращаются домой заросшие бородами. Как же вам в один момент обзавестись бородой?

Он стал рыться в своем комод. У него было все необходимое для побега, ведь даже его собственное положение было не слишком надежным. Большевики были бы только рады свернуть ему шею, зная, какая прекрасная добыча ушла с его помощью из их рук. (Я могу добавить, что они искали Бартельса в консульстве на следующий день после начала революции в Германии, но он к тому времени успел сбежать, оставив все свое имущество.)

Сначала мы не могли найти ничего подходящего, но потом, по счаст-

ливой случайности, нашли бороду, которую я приклеил на лицо. Получилось отлично! Опознать меня сейчас мог бы, наверное, только Шерлок Холмс. Мы решили проверить это. Бартельс оставил меня одного в своей комнате и позвонил камердинеру, который, увидев незнакомца, поспешил ко мне со словами:

— Извините меня, господин, но кто вас впустил сюда? Я должен попросить вас незамедлительно покинуть эту комнату и этот дом. — И, нисколько не обращая внимания на протесты, к моему полному восторгу, вытолкнул меня из комнаты.

Бартельс объяснил ему, в чем дело, и камердинер начал клясться всеми святыми, что не узнал меня. Я был очень доволен успехом своей маскировки, и мне даже в голову не пришло, что Бартельс всегда пользовался трюком с камердинером, чтобы убедить беглецов в их неузнаваемости.

Он проводил меня на улицу и передал финну, надежному шоферу, машина которого ждала нас в нескольких метрах от дома. Я сел в машину, и мы поехали, однако в Белоострове нас задержали пограничники.

И снова мне казалось, что все кончено, но я недооценил моего друга финна. Он рассказал караульным целую историю, и они пропустили нас. Примерно через каждую тысячу шагов откуда то с пугающей неожиданностью выскакивал солдат.

— Стой! — закричал часовой, целясь в нас.

— Мы уже проделывали все это, — засмеялся в ответ финн. — Не надо так нервничать, товарищ! Мы ведь тоже товарищи. Этот молодой человек хочет распространять коммунистические идеи среди своих соотечественников, а ты собирався застрелить его. Какой же ты после этого товарищ?!

— Ну, если он хочет заняться подготовкой революции в Берлине, удачи ему. Чем быстрее она совершится, тем раньше я смогу проехать по Фридрихштрассе, — сказал чекист, дружелюбно хлопнув меня по плечу.

Я ответил ему на смеси польского, немецкого и русского. Я совсем

▲ Финская граница, Выборг

не походил на немецкого дезертира, но было темно, да и финн хорошо поработал языком! Подъехав к реке Сестра, мы увидели, что ее с высокой бдительностью собак ищек охраняют красногвардейцы, рассыпавшиеся по всему берегу.

Когда мы с грохотом переезжали через брод, с противоположного берега раздался выстрел. Несмотря на темноту, красные обнаружили нас. Послышались крики, по земле зашарили лучи прожекторов, вскоре раздался топот копыт, затрещали оружейные выстрелы.

— Прыгайте в воду, — прошептал финн. — Погружайтесь по самый подбородок и идите так столько, сколько можете вытерпеть. Иначе они заметят и застрелят вас.

Финн уже сидел по уши в мелкой, грязной и зловонной речке. Я последовал его примеру. Вода была ледяная, но я этого почти не чувствовал. Вперед! Вперед! До Финляндии оставалось всего несколько шагов, и тот, кто вопреки судьбе решил бы

остановиться, был бы просто сумасшедшим. Я собрал в кулак всю свою волю и, спотыкаясь, продолжал брести вперед, пока мои ноги не увязли в прибрежном иле. Нам пришлось бороться за каждый шаг, который отдалял нас от советской территории. Снова градом посыпались пули, финн застонал, Я бросился к нему на помощь со всей быстротой, на которую был способен, и он так крепко вцепился в мою шею, что я едва мог дышать. Господи! Что же мне с ним делать? Он был такой тяжелый, Я потащил его за собой. Спросив, что случилось, хотел как то облегчить его боль, но он лишь умолял идти дальше. Финн очень хорошо знал тактику этих сторожевых псов. В этот момент мы вышли на хорошо простреливаемое место, и непрекращающаяся стрельба еще быстрее погнала нас к цели.

Мы успели проползти вперед всего на несколько метров, как нас накрыл луч прожектора и обрушился град пуль, да такой, под ка-

кой и на фронте редко доводилось попадать. Слава Богу, что молодые чекисты были неважными стрелками! Тут нам здорово повезло. Заметив, что дно все круче поднимается вверх, я понял, что мы спасены. Мы, должно быть, находились почти на противоположном берегу, в Финляндии. И тут пуля, вероятно шальная, ударила меня в бок. Но спасительный берег был уже рядом, и я, преодолевая страшную боль, выполз вместе с финном на берег. Берег! Как банально звучит это слово, но как много оно значило для меня. Оно означало новую жизнь, работу, борьбу, войну против большевиков! Мне оставалось только воздать благодарение Всевышнему! ■

ВАЛЬТЕР ШЕЛЛЕНБЕРГ

ЯПОНСКАЯ «ЯРМАРКА ШПИОНОВ» В ЕВРОПЕ

▲ Варшава

Вскоре после моего возвращения из Португалии мы получили от нашего Варшавского центра срочную депешу. «У-3, надежный осведомитель сообщает — в ближайшие часы отсюда в направлении на Берлин отправится важный связной движения Сопротивления. Имя, внешность, пункт назначения и цель поездки не удалось выяснить. Вероятно, он поедет вечерним скорым поездом».

Это было и много, и в то же время ничего не было. Как найти в скором поезде Варшава — Берлин среди сотен пассажиров одного подозритель-

ного, если даже не знаешь, на что при этом нужно, прежде всего, обратить внимание? Мне пришло в голову использовать «летучую команду», группу специалистов, которые должны будут наблюдать за пассажирами и в самом поезде, и на всех крупных остановках. В то же время я дал указание У-3 в Варшаве продолжать поиски.

Ночью командир специальной группы сообщил, что на перегоне Позен — Берлин замечено шесть подозрительных пассажиров, за которыми установлен пристальный контроль. Один из них, по фамилии

Неб, назвался поляком и предъявил соответствующие документы; хотя при обыске и при просмотре его деловых бумаг не было обнаружено ничего подозрительного, специалист по языку из спецкоманды все же считает, что его произношение носит русский характер и что он чем-то не похож на того, за кого себя выдает. Сначала он сказал, что направляется во Франкфурт-на-Одере, потом — что в Берлин, а цель поездки, по его словам, заключалась в переговорах с заграничным филиалом японского концерна Мицуи. Вместе с Небом, по сообщению наших агентов, в купе

ВАЛЬТЕР ШЕЛЛЕНБЕРГ (1900–1952), шеф политической разведки гитлеровской Германии, бригаденфюрер СС, начальник VI и военного управлений РСХА. На Нюрнбергском процессе как военный преступник приговорен к 6 годам заключения. Освобожден в 1950 г.

▲ Вальтер Шелленберг

ехал известный К., который тоже намеревался встретиться с представителями концерна Мицуй в Берлине; в отличие от своего попутчика он держался уверенно. Проверка багажа, по словам руководителя группы, не выявила ничего подозрительного, а обыскивать его воздержались.

Хотя мы и не обнаружили прямых улик, но, все же у руководителя группы возникло подозрение: «Поверьте мне, — говорил он, — с Небом дело нечисто и К. связан с ним». Наш сотрудник был старым, опытным профессиональным волком, и вскоре выяснилось, что он напал на верный след. В среду я получил сообщение, что Неб расстался со своим попутчиком и остановился в гостинице неподалеку от Штеттинского вокзала. К. поехал дальше в Берлин-Штеглиц, где поселился в небольшой частной квартире. Подозрения против других пассажиров после тщательной проверки отпали. Тем теснее сомкнулось кольцо вокруг Неба и К.

Квартира, в которой остановился К., принадлежала служащему маньчжурской миссии в Берлине. Я тут же отдал приказ установить наблюдение за телефонными разговорами К. Однако К. явно насторожила проверка в поезде — он был крайне осторожен. Первые три дня он вообще не выходил из дома и только однажды попросил Неба по телефону прийти к нему. Визит длился около получаса. После этого Неб вернулся к себе в гостиницу и позвонил оттуда в маньчжурскую миссию, спросив, может ли он посетить ее. «Нет, лучше не надо. Ваш спутник должен послезавтра встретиться с вами в известном месте в Тиргартене во время прогулки; он будет беседовать с Николем, сидя на скамейке». Это уже

были ценные сведения.

На следующее утро Неб снова посетил своего попутчика К. в его квартире. Сам К. до сих пор так и не выходил из дома. Он никого не принимал и ни к кому не обращался с просьбами. Он сидел, как крот в своей норе.

В этот же вечер Неб встретился у себя в гостинице с женщиной. Она служила кухаркой в маньчжурском посольстве. От одного молодого берлинца, работавшего в миссии помощником швейцара, мы узнали, что эта кухарка — по национальности поляка, но имеет маньчжурский паспорт. Кроме нее в миссии служат еще шесть поляков с соответствующими документами. Имя Николь он никогда не слышал. Соответствующие вопросы, направленные министру иностранных дел и полиции, ведающей иностранцами, также не прояснили дела. Видимо, это была кличка. Теперь мне предстояло решить, нужно ли нам арестовать Неба и К. во время прогулки в Тиргартене или продолжать держать их под наблюдением? Может быть, Николь был сотрудником маньчжурской миссии, пользующийся дипломатической неприкосновенностью, или вообще японец? Это привело бы к неприятностям.

Агент У-3 тем временем сообщил, что ему не удалось разузнать в Варшаве ничего нового. Опираясь на наши наблюдения, я имел все основания полагать, что налицо сотрудничество польской разведки, входящей в польское движение Сопротивления, с японской разведкой. Ведь маньчжурская миссия на практике была «японским посольством». Дело теперь было лишь в правильном выборе момента. Мы еще

не знали, произойдет ли во время встречи в зоопарке обмен разведывательными материалами устно или будут переданы какие-то документы. В последнем случае мы должны были вмешаться в самый момент передачи, так как промедление вынудило бы нас прибегнуть к обыску, который был крайне нежелателен вследствие экстерриториальности наших поднадзорных. В случае если участники встречи вздумали бы ограничиться устной беседой, наши сотрудники должны были постараться подслушать как можно больше из их разговора.

Сначала я связался с компетентным юристом администрации Тиргартена. На следующее утро наши «садовники» заступили на службу в зоопарке, облачившись в зеленые передники и вооружившись садовым инвентарем. Точно в десять часов на такси подъехал К. Расплачиваясь, он быстро оглядел прилегающую местность. Потом он отправился по одной из пешеходных дорожек как беззаботный посетитель. И тут — для наших сотрудников остается загадкой, откуда он так неожиданно появился — из соседней

аллеи вышел Николь. К. явно знал его в лицо. Остальное произошло очень быстро. После короткого приветствия К. вытащил из кармана брюк пакет и передал его собеседнику. В этот же момент их арестовали. Чуть позднее та же судьба постигла Неба, кроме того, для надежности мы на улице арестовали кухарку и всех польских сотрудников маньчжурской миссии, имеющих маньчжурские паспорта. Поскольку при этом мы нарушили принцип дипломатической неприкосновенности, я тут же проконсультировался с унтер-статс-секретарем Лютером из министерства иностранных дел о возможных основаниях для извинений, которые, в случае необходимости, мы должны были принести. Мы могли, например, изобразить аресты результатом ошибки, но, как вскоре выяснилось, нам не пришлось делать этого, так как Неб и Николь дали нам слишком много доказательств своей вины.

Пакет, переданный К. Николу, содержал средних размеров платяную щетку, почти новую, с серебряной спинкой, и непечатый тюбик

зубной пасты. Довольно долго мы колдовали над этими вещами, наконец, обнаружили, что, если нажать сбоку на спинку платяной щетки, она сдвигается, и ее можно отделить от остального корпуса. В деревянном корпусе, на который была наклеена щетина, оказались алюминиевые трубочки с проявленной микропленкой. Такое же открытие мы сделали, исследуя тюбик с зубной пастой. Таким образом, в наших руках оказалось сорок микропленок. Пересняв и увеличив их, мы увидели, что на пленке были засняты три тома разведывательного материала. Часть материалов на английском и французском языках освещала общую политическую ситуацию в разделенной на две части Польше. В одном документе, составленном на польском языке, содержался тщательный объективный анализ психологических ошибок и упущений, совершенных оккупационными властями обеих стран — Германии и СССР, причем русские выглядели в более неприглядном виде, чем мы. Дальнейшая информация касалась

системы планирования и структуры польской армии Сопротивления; она явно была рассчитана на финансовую поддержку разведок дружественных стран. Остальной материал содержал сведения о мощности и рассредоточении германской оккупационной армии, дополненные множеством точных статистических данных. В главном командовании вермахта немало удивились столь точной и обширной информации, тем более, что цифры соответствовали действительности до малейших деталей. Объяснение этому мы могли найти лишь в сотрудничестве польских женщин с разведкой противника. Сообщения о военных мероприятиях, только еще находящихся в стадии планирования, содержащиеся в материалах К., можно было объяснить лишь тем, что они получены от польских женщин, знакомых с высокопоставленными немецкими офицерами.

Столь обширный материал мог быть собран только благодаря разветвленной информационной сети и неопровержимо доказывало ак-

▲ Берлин, железнодорожный вокзал

тивность польского Сопротивления и вообще способность польского народа к ведению конспиративной работы. Особенно интересно для меня было установить, что польское Сопротивление намеревалось при создании своей разведки опереться на помощь японской разведки. Теперь было необходимо найти центр польской шпионской сети. В любом случае полученного материала было достаточно, чтобы, по меньшей мере, изобличить К. как главную фигуру среди шпионов, работающих в интересах Польши. Неб играл вспомогательную роль; во время допросов он проявил себя довольно нестойким противником и уже через шесть часов выложил все, что знал. Он был постоянным связником между главным варшавским резидентом польского Сопротивления и одной украинской группой. Эта группа оказалась так называемой «группой Мельника», которая в то время официально поддерживала с нами дружеские отношения. К., напротив, оказался крепким орешком, польским националистом до мозга костей. Через два дня ко мне пришел специалист, ведший допрос, и пожаловался, что ничего не может добиться от К. «Разрешите мне взяться за этого упрямого поляка как следует». Я приказал ему привести ко мне К., так как был убежден в том, что методы Мюллера не принесут нам здесь ни малейшего успеха.

Вскоре ко мне в кабинет привели К. Передо мной стоял высокий, статный человек с правильными чертами лица, по любому жесту которого сразу был виден офицер польской армии. Он знал, с кем он говорит, и сначала держался очень замкнуто. Я обращался с ним, как с офицером, объяснил ему мое положение и предложил ему поставить себя на мое место. Кроме того, я подчеркнул, что полностью пойму его, если он будет давать показания так, чтобы не выдать никого из своих товарищей. Во всяком случае, сказал я, у нас достаточно материала, чтобы расстрелять его как шпиона. Как я уже сказал, мне было важно получить сведения о центре разведыва-

тельной сети, поэтому я попытался облегчить ему процесс признания, строя для него такие «мостики»: я дал ему понять, что его показания не будут предательством уже потому, что варшавский центр и без того уже предупрежден маньчжурской миссией и наверняка силы польского Сопротивления уже произвели реорганизацию тех своих звеньев, над которыми нависла опасность. Он согласился со мной, сказав, что опоздал с возвращением уже на четыре дня, в результате чего автоматически вступили в силу инструкции по обеспечению безопасности и свертыванию работы. В справедливости его слов мы убедились, когда сразу же после просмотра полученного материала начали поиски технической

лаборатории польского Сопротивления в Варшаве: это учреждение, оборудованное новейшей техникой, два дня назад сменило свое местонахождение. Его руководитель, профессор варшавского технического института профессор П., тогда же исчез. Мы предполагали, что ему помогла скрыться японская разведка.

Теперь для дальнейшего разговора с К. была получена определенная основа, на которой мы могли найти общий язык. Теперь он был не таким неприступным. Правда, о варшавском центре он мне так ничего и не сказал. Но, к моему полному удивлению, он начал посвящать меня в другие подробности разведывательной деятельности. Он сделал это не из страха. О его побуждениях

▲ Мюллер Генрих — шеф гестапо

▲ Ледоховский Влодзимеж

▲ Комацу — военный атташе

мне сказала сделанное им откровенное признание: «Хоть я и ненавижу немцев, как угнетателей Польши, еще больше ненавижу я русских». В конце концов, такая позиция побудила его отправиться по нашему заданию в Россию, где он до 1945 года работал на нашу разведку.

О сотрудничестве Польши с японской разведкой после беседы с К. я узнал следующее: японцы располагали особенно разветвленными разведывательными центрами в Белграде, Виши и Стокгольме. В качестве одного из перевалочных пунктов для своих связников они использовали Берлин. Японская разведка очень быстро сумела получить точные сведения о создании польской армии Сопротивления, которая вначале представляла собой скорее разрозненные группы сопротивления, чем сплоченные подразделения, укомплектованные солдатами и офицерами бывшей польской армии. Заинтересованность японцев в сотрудничестве с польской подпольной армией объяснялась тем, что они надеялись найти в Польше

широкие возможности для деятельности собственной разведки. Японцы охотно пользовались этими окольными путями, так как при этом, сами оставаясь в тени, они предпочитали вербовать местное население, щедро оплачивая его услуги. Разделенная на две части Польша представляла для японской разведки особенно важное поле деятельности; здесь можно было действовать в двух направлениях — как против Германии, так и против России. При этом не нужно было нести особенных затрат, снабжать своих агентов дипломатическими паспортами или засылать в страну с целью натурализации.

(В конце 1943 года из разговора с японским военным атташе в Берлине генералом Комацу я случайно узнал, что в Японии были очень удивлены тем, что после случая с К. мы не сделали попытки установить сотрудничество с японцами, прежде всего в целях создания совместной разведывательной сети против России.)

Будет небезыntenесно сказать несколько слов о методах работы япон-

ской разведки: по сведениям арестованных нами поляков полученный материал имелся в двух экземплярах, его копию послали на «перевалочный пункт» в Рим, генералу ордена иезуитов Ледоховскому. Однако мы не могли из показаний арестованных установить, какие формы носило сотрудничество с орденом; оставалось лишь предположить, что сотрудничество носило систематический характер. Захваченный нами на «перевалочном пункте» в Берлине материал должен был отправиться в Стокгольм, причем его адресатом был бывший польский офицер, являвшийся в то же время сотрудником японской миссии. В нашей картотеке этот поляк был зарегистрирован как агент русской разведки. Теперь, учитывая новую информацию, мы установили за ним в Стокгольме наблюдение: он часто посещал японскую миссию. Бывал он и в русском представительстве. Ничего удивительного — таковы были методы работы японского посланника Онодеры, одной из ключевых фигур японской разведки в Ев-

▲ Онодера, Мамото в центре

ропе. Онодера имел обыкновение в буквальном смысле слова вести меновую торговлю поступающей к нему информацией, уже проанализированной японскими разведывательными центрами в Виши, Риме или Белграде. Нужно при этом отдать ему должное — он поставлял на рынок материал только «отличного» качества. От своих партнеров по коммерции он требовал столь же «серьезного» подхода к делу. С теми, кто не соблюдал правила игры, он порывал. Когда я установил, что Онодера снабжает материалами не только русскую, но и через определенные промежутки времени английскую разведку, я тут же включился в торговлю через одного из своих стокгольмских агентов. При этом мой сотрудник представлялся агентом итальянской разведки. Сначала мы выступили в роли «поставщиков». Материал для господина Онодеры

нужно было тщательно отобрать, и скомпоновать, чтобы не вызвать сразу у него подозрений, — он должен был включать правдивую, но маловажную информацию, смешанную с ложными, вводящими в заблуждение сведениями. Информация, полученная в обмен на мой материал, часто была просто ошеломляющей. Так, например, Советы сообщили великолепные сведения об Англии; частично этот материал был получен непосредственно из английского военного министерства. Я мог это объяснить только следующим: русские тогда еще тесно сотрудничали с разведывательной службой китайских коммунистов, которая, в свою очередь, поддерживала связи с английскими дипломатическими кругами. Некоторые материалы были столь важными, что я не направил их на исследование в английский отдел нашего ведомства, а обработал их лично.

Японский посланник в Швейцарии Окамото попытался последовать примеру своего стокгольмского коллеги и создать аналогичный «рынок». Однако ему, видимо, не хватало ловкости Онодера, так что торговля через него так и не наладилась как следует. Знать карты Окамото нам помогло то, что удалось «раскусить» его дипломатический шифр, благодаря чему мы читали всю его корреспонденцию.

Дело К. закончилось тем, что маньчжурская миссия лишь через шесть недель обратилась к нам с запросом о местопребывании «граждан его страны». После этого мы освободили арестованных; все они скрылись где-то на Балканах. Японцы никогда больше не использовали их в какой-либо важной разведывательной работе. ■

К.К. РОКОССОВСКИЙ

КОНЕЦ ВРАЖЕСКОЙ ГРУППИРОВКИ

▲ Огневой бой

Рокоссовский Константин Константинович (1896-1968), советский военный деятель, выдающийся полководец Великой Отечественной войны, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, Маршал Польши. Великий полководец, который считал, что у него нет ни одной личной победы, а все они — заслуга его команды. Многие выдающиеся военачальники Красной Армии, среди которых А. М. Василевский, А. Е. Голованов, С. М. Штеменко, Н. Н. Воронов, П. И. Батов, М. Е. Катуков, считали К. К. Рокоссовского «Полководцем номер один». Его полководческое дарование было поистине уникальным. Блестящий стратег и аналитик, обладая даром предвидения, он безошибочно разгадывал намерения противника, упреждал их, и выходил победителем. Некоторым нашим командующим немцы давали прозвища. Был, например, «генерал Паника»..., «генерал Вперед». Рокоссовского враги прозвали «генерал Кинжал». Образно говоря, победу он добывал на острие кинжала, который, углубляясь в противника, окончательно поражает его. Командующий высокой организованности и необыкновенно тактичного, душевного отношения к подчиненным, человек высоких нравственных качеств, К. К. Рокоссовский был профессиональным военным, защита Родины была его призванием, священным долгом всей его жизни.

*ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ПО ВОЙСКАМ ДОНСКОГО ФРОНТА
ДОНСКОЙ ФРОНТ.*

**Представителю Ставки Верховного Главного командования маршалу артиллерии тов. Воронову.
Командующему войсками Донского фронта генерал-полковнику тов. Рокоссовскому.**

Поздравляю Вас и войска Донского фронта с успешным завершением ликвидации окруженных под Сталинградом вражеских войск.

Объявляю благодарность всем бойцам, командирам и политработникам Донского фронта за отличные боевые действия.

Верховный Главнокомандующий

И. Сталин

Москва, Кремль. 2 февраля 1943 года.

В связи с передачей 2-й гвардейской армии в Сталинградский фронт нам пришлось внести значительные поправки в план операции. Идея оставалась прежняя: расчленение вражеской группировки на две части, но уже

путем нанесения не двух, а одного главного удара с запада на восток.

Окончательно план был отработан при деятельном участии Н. Н. Воронова, который прибыл к нам в Загорыкино 19 декабря.

27 декабря план был представлен в Ставку.

Донской фронт должен был уничтожить двадцать две вражеские дивизии, общая численность которых к концу декабря составляла 250 ты-

▲ В штабе Донского фронта: Руденко, Голованов, Новиков, Рокоссовский, Воронов, Телегин, Малинин, Казаков

▲ 1942 год

сяч человек. В главной полосе по линии фронта оборонялись пятнадцать пехотных, три моторизованные и одна танковая дивизии противника. В резерве он имел две танковые и одну кавалерийскую дивизии. Кроме того, в его распоряжении было 149 отдельных частей различных родов войск, которые использовались как для пополнения пехотных дивизий оборонявшихся в главной полосе, так и для усиления резервных соединений.

Резервы располагались так, что образовывали внутри окружения как бы второе кольцо, что способствовало увеличению глубины обороны и создавало возможность маневра для контратак в любом направлении. В декабре немецко-фашистские войска провели большую работу по укреплению своих позиций. В главной полосе обороны и на промежуточных рубежах они создали сеть опорных пунктов и узлов сопротивления. В западной части района противник воспользовался сооружениями бывшего нашего среднего оборонительного обвода,

проходившего по левому берегу Россошки и далее на юго-восток по правому берегу Червленой. На этом рубеже противник имел возможность усовершенствовать оборону, создав сплошную линию укреплений.

В восточной части кольца, где также проходил бывший наш внутренний оборонительный обвод, противник тоже оборудовал опорные пункты и узлы сопротивления, причем сеть их распространялась в глубину до десяти километров, вплоть до самого Сталинграда.

Гитлеровцы широко применяли минирование подходов к опорным пунктам и на танкоопасных направлениях. Для обороны были приспособлены железнодорожные насыпи, выбывшие из строя танки, вагоны и паровозы.

Таким образом, окруженный противник не только имел значительные силы, но и опирался на хорошо подготовленные в инженерном отношении позиции, значительно развитые в глубину.

Из всего этого можно было сделать вывод: в создавшейся обстанов-

ке враг предпримет все меры к тому, чтобы окруженная группировка как можно дольше держалась под Сталинградом, отвлекая на себя побольше наших сил и тем самым способствуя закрытию огромной брешы в его фронте, образовавшейся в результате успешного наступления советских войск на сталинградском и ростовском направлениях.

Дело прошлое, но мне думается, что было бы все же целесообразнее 2-ю гвардейскую армию использовать так, как вначале намеревалась поступить Ставка, то есть быстро разделиться с окруженной группировкой. Этот смелый вариант открывал огромные перспективы для будущих действий наших войск на южном крыле советско-германского фронта. Как говорится, игра стоила свеч.

Конечно, меня снова могут упрекнуть, что сейчас, когда все стало ясным, легко рассуждать о чем угодно, но я и тогда был сторонником использования 2-й гвардейской армии в первую очередь для разгрома окруженной группировки, предлагая в случае приближения вражеских

▲ Сталин И.В.

сил к котлу повернуть против них всю 21-ю армию. Ставка предпочла принять другой вариант, надежно гарантирующий от всяких неожиданностей.

У гитлеровцев внутри котла было несколько хорошо оборудованных аэродромов, позволявших принимать одновременно большое количество самолетов. Требовалось разрушить этот воздушный мост, по которому окруженные снабжались продовольствием и боеприпасами. Для организации блокады прибыли к нам на Донской фронт авиационные генералы Новиков и Голованов. Они успешно справились с задачей.

Ставка нас предупредила, чтобы мы не рассчитывали на усиление фронта стрелковыми и танковыми соединениями. Это обстоятельство заставляло всех, кто отвечал за успех операции, а в первую очередь командующего фронтом, тщательно продумать вопрос об использовании сил, которыми мы располагали.

В результате огромной работы, проведенной штабом фронта, командующими родами войск, начальниками служб, и большой помощи, оказанной нам представителями Ставки Н. Н. Вороновым, А. А. Новиковым

и А. Е. Головановым, была завершена подготовка к сражению.

К началу наступления фронт получил из резервов Ставки 20 тысяч человек пополнения, что для семи армий являлось каплей в море.

Мы набрали еще около 10 тысяч человек за счет сокращения обслуживающего состава тылов, разгрузки госпиталей и медсанбатов, привлекая в строй всех, кто способен был носить оружие. По настоянию Н. Н. Воронова Ставка придала нам артиллерийскую дивизию прорыва, два артиллерийских пушечных полка большой мощности, один артиллерийский дивизион большой мощности, пять истребительно-противотанковых артиллерийских полков, один зенитный артиллерийский полк, две гвардейские минометные дивизии и три гвардейских танковых полка. На большее нам рассчитывать не приходилось. Задача, поставленная перед нами, должна была быть решена теми средствами, которыми мы сейчас располагали. Требовалось только умело их использовать в конкретно сложившейся обстановке.

Для нанесения главного удара привлекались три армии: в центре на узком фронте ставилась 65-я,

максимально усиленная артиллерией и минометами всех видов, ракетными установками, танками и инженерными частями; справа примыкала к ней 21-я, слева — 24-я, обе тоже усиленные артиллерией и другими средствами, но в меньшей степени.

Вся авиация 16-й воздушной армии предназначалась для действий на главном направлении.

Остальные армии — 57, 64, 62 и 66-я должны были наступать с ограниченными целями на отдельных участках, стремясь приковать к себе как можно больше войск противника, лишая его возможности маневрировать силами. Этим армиям предстояло ограничиться только своими штатными средствами.

Москва торопила начать наступление. Присутствие у нас представителей Ставки помогло добиться некоторой отсрочки, необходимой для подготовки войск. Задержка в основном объяснялась запаздыванием прибытия артиллерии, минометов и других средств усиления, а также боеприпасов. Заботы о проталкивании всего этого к фронту, прежде всего артиллерии и боеприпасов, взял на себя Н. Н. Воронов, который поддерживал постоянную связь с начальником тыла Красной Армии генералом А. В. Хрулевым.

Весь руководящий состав фронта в это время работал в войсках, готовя их к наступлению. Плодотворно трудились политический аппарат, партийные и комсомольские организации. Результатом их усилий стал еще более высокий наступательный порыв войск. Бойцы и командиры с воодушевлением ждали сигнала к бою.

Как-то, находясь в 65-й армии, в дружеской беседе за чашкой чая я напомнил Павлу Ивановичу Батову наш разговор по телефону. А было это во время тяжелых декабрьских боев, когда от нас настоятельно требовали быстрее разгрома только что окруженного противника, сил же и средств для этого у нас не хватало. Вызвав Батова к телефону, я спросил, как развивается наступление.

– Войска продвигаются, – был ответ.

- Как продвигаются?
- Ползут.
- Далеко ли доползли?
- До второй горизонтали Казачьего кургана.

Несмотря на досаду, которую я испытывал от таких ответов, меня разбирал смех. Понимая состояние командарма и сложившуюся обстановку, я сказал ему: раз уж его войска вынуждены ползти и им удалось добраться только до какой-то воображаемой горизонтали, приказываю прекратить наступление, отвести войска в исходное положение и перейти к обороне, ведя силовую разведку, с тем, чтобы держать противника в напряжении.

Конечно, за такое самовольство мне могло крепко влететь. И я уже привык в подобных случаях обращаться непосредственно к Сталину. Обычно он все же утверждал решение командующего фронтом, если тот приводил веские доводы и умел проявить настойчивость, доказывая свою правоту. Так было и в данном случае. Сталин, выслушав меня вни-

мательно, вначале слегка вспылал, а затем согласился с моим предложением. Это помогло нам сберечь силы, технику и боеприпасы для решающей битвы.

Напомнив П. И. Батову пережитое, я выразил уверенность, что сейчас, когда армия усиливается таким количеством артиллерии и других средств, его войска «ползти» не будут и продвижение их будет определяться не горизонталями, а местными предметами. Конечно, Павел Иванович со мной согласился. Войскам этой армии предстояло решить трудную задачу — она первой наносила главный удар.

Большая роль в операции отводилась артиллерии, поэтому основное внимание было уделено тщательной отработке всех вопросов ее применения и взаимодействия с пехотой и танками. Этими вопросами в основном занимались командующий артиллерией фронта генерал В. И. Казаков и его аппарат. А знания и накопленный опыт у них были достаточными, поэтому у меня не было

сомнений, что артиллерия будет использована правильно и сделает все возможное.

31 декабря, пользуясь некоторым затишьем (относительным, конечно), мы решили отпраздновать встречу Нового года. В нашей штаб-квартире собрались члены Военного совета фронта и товарищи из Москвы — Василевский, Новиков, Голованов, писатели Ванда Василевская, Александр Корнейчук. По просьбе Новикова летчики попутным рейсом привезли елку, которую здесь украсили чем могли. Делалось все экспромтом, но получилось замечательно.

Новый год мы встретили в дружной товарищеской обстановке. Было высказано много добрых пожеланий, все наши тосты и разговоры пронизывала крепкая вера в грядущую победу над врагом.

Вспомнили мы и своих близких. Моя семья в это время уже находилась в Москве. Жена принимала деятельное участие в работе Антифашистского комитета советских женщин, а дочь поступила в школу раз-

▲ 65 армия, Рокоссовский и Батов

ведчиков-связных, организованную Центральным штабом партизанского движения.

В дружеском разговоре был затронут вопрос о том, что история помнит много случаев, когда врагу, попавшему в тяжелое положение, предъявлялся ультиматум о сдаче.

В тот вечер никто всерьез не воспринял эту идею. Но на следующий день у меня возникла мысль посоветоваться с Генштабом: не попробовать ли и нам применить древний рыцарский обычай? Насколько мне помнится, я переговорил об этом по ВЧ с генералом Антоновым, за-

мещавшим в Москве начальника Генерального штаба. Он пообещал посоветоваться с руководством и сообщить о результатах, заметив, что не мешало бы набросать на всякий случай текст ультиматума.

О своем разговоре с Антоновым я сообщил Воронову, Новикову, Голованову, Малинину, Галаджеву и другим товарищам. У всех это вызвало большой интерес. Николай Николаевич Воронов тоже немедленно связался с Москвой. Необходимых материалов под рукой не было. Стали вспоминать события далекой истории — осады замков, крепостей и городов.

Общими усилиями текст ультиматума был составлен. Вскоре позвонили из Ставки, сообщили, что предложение очень понравилось Сталину, и затребовали срочно передать наш проект.

Подготовленный нами текст с незначительными поправками был утвержден. Нам предложили за день-два до начала наступления вручить ультиматум командующему 6-й немецкой армией генерал-полковнику Паулюсу или его заместителю.

Этот документ широко известен.

«Командующему шестой германской армией генерал-полковнику Паулюсу или его заместителю и всему офицерскому и рядовому составу окруженных германских войск под Сталинградом.»

6 германская армия, соединения 4 танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении с 23 ноября 1942 г.

Части Красной Армии окружили эту группу германских войск плотным кольцом. Все надежды на спасение ваших войск путем наступления германских войск с юга и юго-запада не оправдались: спешившие вам на помощь германские войска разбиты частями Красной Армии, и остатки этих войск отступают на Ростов.

Германская транспортная авиация, перевозящая вам голодную норму продовольствия, боеприпасов и горючего, в связи с успешным, стремительным продвижением Красной Армии вынуждена часто менять аэродромы и летать в расположение окруженных войск издалека. К тому же германская транспортная авиация несет огромные потери в самолетах и экипажах от русской авиации. Ее помощь окруженным войскам становится нереальной.

Положение ваших окруженных войск тяжелое, они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима только начинается. Сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях.

Вы, как командующий, и все офицеры окруженных войск отлично понимаете, что у вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное, дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития предлагаем вам принять следующие условия капитуляции: 1) всем германским окруженным войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление; 2) Вам организованно передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и все имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую страну, куда изъявят желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание.

Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь.

Ваш ответ ожидается к 10 часам 00 минут по московскому времени 9 января 1943 г. в письменном виде через лично Вами назначенного представителя, которому надлежит следовать в легковой машине с белым флагом по дороге на раз(ъезд) Конный ст. Котлубань. Ваш представитель будет встречен русскими доверенными командирами в районе «Б» 0,5 км юго-восточнее раз(ъезда) 564 в 10 часов 00 минут 9 января 1943 г.

При отклонении Вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем, что войска Красной Армии и Красного Воздушного флота будут вынуждены вести дело на уничтожение окруженных германских войск, а за их уничтожение Вы будете нести ответственность.

Представитель Ставки

Верховного Главного Командования Красной Армии

генерал-полковник артиллерии — Воронов.

Командующий войсками Донского фронта

генерал-лейтенант — Рокоссовский».

Срок начала наступления после переговоров со Ставкой был все же перенесен, как мы просили, с 6 на 10 января. Да и к этому времени войска с большим напряжением еле-еле успевали подготовиться. Выручало нас то, что, пока части перегруппировывались, командиры, не дожидаясь их подхода, выезжали на место сосредоточения и отрабатывали там предстоящие задачи. Вообще-то до полной готовности к штурму требовалось еще несколько дней, но Ставка была неумолимой. Да и мы сами понимали, что каждый час дорог. К этому времени общее положение на южном крыле советско-германского фронта стало исключительно выгодным для Красной Армии. Южный фронт и Северная группа войск Закавказского фронта перешли в наступление против северокавказской группировки врага. Юго-Западный фронт продолжал наступление в восточной части Донбасса. Должен был включиться в общее наступление и Воронежский фронт против группировки противника, оборонявшейся на Верхнем Дону.

Для развития успеха этой крупной стратегической операции Ставке

требовались резервы, и чем быстрее они подошли бы, тем значительнее были бы результаты. Учитывая это, мы стремились быстрее разгромить окруженного врага.

До начала наступления были использованы средства печатной и устной пропаганды, обращенные к войскам противника в котле. Эта работа проводилась по плану, разработанному штабом и политическим управлением фронта. Большую помощь оказывала нам находившаяся у нас группа немецких товарищей — антифашистов во главе с выдающимся деятелем германского рабочего движения Вальтером Ульбрихтом. В нее входили и немецкие писатели Эрих Вайнерт и Вилли Бредель. Они призывали солдат и офицеров окруженной группировки прекратить бессмысленное сопротивление и сложить, пока не поздно, оружие.

Поскольку Ставка определила нам срок вручения ультиматума противнику за два дня до начала наступления, мы решили это сделать утром 8 января. Провести ответственную процедуру было поручено разведуправлению фронта, которое возглавлял хороший работник и замечательный товарищ — генерал

И. В. Виноградов. К участию в ней рекомендовалось привлечь добровольцев. Желающих оказалось очень много. Виноградов выбрал парламентаром майора А. М. Смыслова, переводчиком — капитана Н. Д. Дятленко; им, как предусматривалось ритуалом, был придан горнист. Сопровождать наших посланцев, находясь на удалении и не обнаруживая себя противнику, взялся сам Виноградов.

Накануне вечером по радио командующему 6-й армией Паулюсу и его штабу было передано предупреждение о высылке парламентаров в назначенное место и время. Указывалось, что они идут без оружия и несут большой белый флаг. При подходе к назначенному месту трубач сыграет соответствующий сигнал, извещая о прибытии парламентаров.

На участке, где намечалась встреча парламентаров с противоположной стороной, нами было запрещено ведение огня на все время процедуры. Такое же условие было поставлено и противнику, который к назначенному времени должен был выслать своих уполномоченных офицеров.

▲ Виноградов И.В.

Конечно, с нашей стороны было установлено наблюдение на этом участке фронта и подготовлены огневые средства и войска на всякий случай.

Ночь на 8 января мы провели в несколько напряженном состоянии (сужу по себе). При встречах с товарищами за ужином и в нашей штаб-квартире вопрос о том, что день грядущий нам готовит, дебатировался всеми. Представители Ставки не оставались в стороне и оживленно вместе с нами строили всевозможные предположения. А как всем нам хотелось, чтобы противник понял логику событий! Скольким людям это сохранило бы жизнь!

Немецко-фашистскому командованию предоставлялась возможность предотвратить катастрофу, нависшую над окруженными войсками. Здравый смысл должен был подсказать ему единственное разумное решение — принять условия капитуляции.

Ровно в назначенное время наши парламентарии вышли из блиндажа и с развернутым белым флагом направились к немецким позициям под громкие звуки трубы.

Как мы с Н.Н. Вороновым предполагали, так и получилось: с вражеской стороны никто не вышел навстречу нашим парламентариям. Более того, по ним был открыт огонь, сначала одиночный ружейный, а затем пулеметный и даже минометный.

Парламентарии вынуждены были вернуться. Бедному Виноградову пришлось проползти некоторое расстояние по-пластунски: почему-то по нему огонь велся особенно усердно.

Наша попытка проявить гуманность к попавшему в критическое положение противнику не увенчалась успехом. Грубо нарушая международные правила, гитлеровцы открыли огонь по парламентариям. Нам оставалось сейчас одно — применить силу.

О результатах было донесено в Ставку, и я в этот день выехал в 65-ю армию для уточнения на месте некоторых вопросов, относившихся к подготовке наступления. Войска заканчивали занятие исходного положения, и отработка задач в звене полк — батальон проводилась на местности.

Собрались мы в блиндаже Батова, и начальник штаба армии генерал Глебов в присутствии начальников родов войск доложил о готовности частей. Здесь же я счел нужным усилить 65-ю армию еще двумя стрелковыми дивизиями из 24-й армии и одной из 21-й, о чем тут же было дано распоряжение.

В этот же день я побывал и у командарма 21 Чистякова. В моем присутствии начальник штаба армии В.А. Пеньковский докладывал командарму о готовности войск к выполнению задачи. Меня больше всего интересовал вопрос о взаимодействии армий Батова и Чистякова при ликвидации так называемого Мариновского выступа — района, где вражеские части глубоко врезались в линию фронта наших войск. Нужно было в самом начале операции срезать этот выступ, что в дальнейшем значительно облегчило бы действия обеих армий.

Когда я находился в 21-й армии, по ВЧ позвонил Калинин и сказал, что Воронов разговаривал со Ставкой, там советуют подумать, не стоит ли попытаться послать парламентариев со стороны южного фаса окружения, примерно с участка армии Толбухина. Я ответил, что если Ставка находит такое мероприятие

полезным, то я, конечно, не возражаю, хотя у меня нет сомнений, что и эта попытка обречена на неудачу. Поручил Малинину взять на себя организацию дела. И день, и ночь мы продолжали передавать по радио условия капитуляции. Самолеты разбрасывали над территорией противника наши листовки с призывом к немецким солдатам и офицерам прекратить сопротивление. На роль парламентаров вызвались те же товарищи, что и накануне.

На этот раз события развивались несколько иначе. Утром 9 января нашим парламентарам удалось благополучно добраться до позиций противника, где в условленном месте они были встречены немецкими офицерами. Отказавшись вручить им пакет, парламентары потребовали, чтобы их проводили на командный пункт. Туда они прибыли с завязанными глазами. На КП платки с глаз были сняты, и парламентары предстали перед группой немецких старших офицеров. В присутствии наших

посланцев один из офицеров доложил по телефону своему начальнику о прибытии советских парламентаров и о том, что они требуют передать пакет лично Паулюсу. Спустя некоторое время нашим парламентарам было объявлено, что командование немецких войск отказывается принять ультиматум, содержание которого ему известно из передач по радио. Парламентары возвратились обратно. На этом закончилась попытка призвать немецко-фашистское командование к благоразумию. После нашего доклада Ставке об отклонении противником ультиматума нам пожелали успеха в решении вопроса оружием.

Начало наступления мне хотелось посмотреть с участка 65-й армии, наносившей главный удар. С Н.Н. Вороновым и В.И. Казаковым мы прибыли на наблюдательный пункт П.И. Батова, когда было еще совсем темно. К этому времени войска заняли исходное положение. Вокруг тишина, не заметно было никакой суе-

ты. Все замерло в ожидании сигнала.

А в глубине расположения противника уже виделись яркие вспышки — авиация дальнего действия Голованова бомбила аэродромы и крупные объекты. Огненные столбы взвились и ближе — авиация Руденко принялась обрабатывать вражеские артиллерийские позиции.

По нашим самолетам то на одном, то на другом участке начинали бить зенитки. Наземного огня немецкая артиллерия не вела. Невольно создавалось впечатление, что враг притаился в ожидании.

Но вот наступило время сверки часов, а никаких изменений не последовало. В назначенное планом время — в 8 часов 5 минут взвились в воздух сигнальные ракеты, и наша артиллерия, минометы и гвардейские реактивные установки открыли огонь. Артиллерийская подготовка наступления продолжалась 55 минут. А затем артиллерия перешла на сопровождение огнем валом нашей пехоты, атаковавшей вместе с танка-

▲ Огонь батареи

▲ Чуйков В.И.

ми позиции противника. Атаке содействовала и авиация. В наступление одновременно перешли войска на всем фронте окружения.

Хотя в результате мощного удара нашей артиллерии и авиации немецкая оборона на некоторых направлениях была подавлена на всю глубину первой позиции, уцелевшие вражеские подразделения упорно сопротивлялись. Местами противник вводил в бой свои полковые и дивизионные резервы, бросая их в контратаки при поддержке танков. Мы видели, с каким трудом пехота 65-й армии преодолевала укрепления врага. И все же, сопровождаемая отдельными танками и орудиями прямой наводки, находившимися в ее боевых порядках, она продвигалась вперед. Бой принимал затяжной характер, нашим войскам приходилось буквально прогрызать вражескую оборону. Огонь противника все усиливался. Нам, наблюдавшим за боем, несколько раз пришлось менять место, спасаясь от вражеских минометов, а дважды мы попали даже под

пулеметный огонь. Но, несмотря на упорное сопротивление гитлеровцев, к исходу дня соединения 65-й армии на всем 12-километровом участке фронта сумели вклиниться во вражескую оборону на глубину до пяти километров. Несколько меньшим был успех на левом фланге 21-й армии и на правом 24-й. На участках остальных армий продвижение было незначительным, но они своими действиями сковывали крупные силы противника, облегчая задачу соединениям, наносившим главный удар.

Хотя на первый день наступления войска не полностью выполнили задачи, успех, достигнутый на главном направлении частями 65, 21 и 24-й армий, имел большое значение. Ряд важных опорных пунктов был обойден, оборона в главной полосе противника нарушена. Надо было преодолеть ее окончательно, не давая врагу передышки. Поэтому потребовалось продолжать наступление. Коррективы с учетом опыта первого дня боев вносились на ходу.

Наступление продолжалось и днем и ночью. Кратковременные передышки допускались только на отдельных участках с целью перегруппировки сил внутри армий.

Сопротивление врага не прекращалось, но наши части со все возрастающим упорством шли вперед.

К вечеру 12 января войска 65-й и 21-й армий, взаимодействуя на смежных флангах, завершили ликвидацию мариновского выступа. Оборонявшие этот выступ 44-я и 376-я пехотные и 3-я моторизованная дивизии противника были разгромлены. С выходом наших войск к реке Россошка наши возможности значительно возросли. Но необходимо было провести некоторую перегруппировку сил. В новой обстановке центр направления главного удара перемещался в полосу наступления 21-й армии. В связи с этим ей передавалась большая часть средств усиления, которые в начале операции находились в распоряжении Батова. 21-я армия должна была нанести удар своим левым флангом

в направлении балка Дубовая, ст. Воропаново. Взаимодействующая с ней 65-я армия своим правым флангом наносила удар в общем направлении на Питомник. 24-я армия, продолжая наступление своим правым флангом, должна была обеспечивать с севера войска 65-й армии. Остальные армии выполняли прежние задачи.

Перемещая усилия в полосу 21-й армии, мы преследовали цель как можно быстрее взломать оборону противника и развить успех в глубину на направлении главного удара. Эта перегруппировка производилась без прекращения боевых действий на участке ударной группировки.

15 января наши войска преодолели сильно укрепленный средний оборонительный обвод. К этому времени они продвинулись от десяти до двадцати двух километров в центре. Теперь перед нами был внутренний оборонительный обвод. Должен заметить, что противник создал здесь очень мощные укрепления, я видел их. Ближе друг от друга стояли сильные опорные пункты с большим количеством дзотов, бронеколпаков и врытых в землю танков. Вся

местность на подступах к ним была опутана колючей проволокой и густо заминирована.

Мороз достигал 22 градусов, усилились метели. Нашим войскам предстояло наступать по открытой местности, в то время как противник находился в траншеях, землянках и блиндажах.

Требовалось поистине безгранично любить свою Родину, Советскую власть и люто ненавидеть врага, чтобы преодолеть эти грозные позиции. Выполняя свой долг, советский солдат сделал это. Траншею за траншеей, дзот за дзотом брали бойцы. Каждый шаг вперед стоил крови.

Положение вражеских войск все ухудшалось. С продвижением наших частей противник терял аэродромы и посадочные площадки. Теперь его самолеты летали только ночью, сбрасывая продовольствие, боеприпасы и горючее на парашютах. Система нашей воздушной блокады действовала надежно, и только единичным самолетам удавалось долететь до места назначения. Большинство же их погибало, так и не выполнив задачи.

Гитлеровцев выручало то, что

у них оказалось много лошадей (в кавалерийской дивизии, обозах). Теперь конина стала основной пищей окруженных.

В кольце оказалось гитлеровцев значительно больше, чем мы предполагали. Сейчас трудно определить, кто повинен в этом просчете, так как операция по ликвидации окруженного противника вначале проводилась войсками двух фронтов — Донского и Сталинградского. Фигурировала цифра: 80–85 тысяч человек. Возможно, она относилась к той части войск, которая действовала против Донского фронта. Сейчас мы вдруг узнали, что после стольких боев наш противник насчитывает около 200 тысяч человек! Эти данные подтверждались всеми видами разведки и показаниями пленных. (Кстати, должен сказать, что представитель Ставки Н. Н. Воронов тоже очень интересовался, сколько же в этом котле войск, и даже лично опрашивал пленных.)

Конечно, с каждым днем это количество уменьшалось, потому что противник нес в боях большие потери. Но, несмотря на безвыходное

▲ В атаку

положение, он сопротивлялся отчаянно.

Непрерывные многодневные бои в суровых условиях утомили и наши войска. К тому же мы несли потери не только от вражеского огня, но и от холода.

Бойцы все время находились под открытым небом, без возможности хотя бы время от времени отогреться. Потери личного состава увеличивались, а все источники, откуда мы раньше черпали пополнение, иссякли. Между тем сопротивление противника не уменьшалось, так как по мере сокращения занимаемой им территории уплотнялись его боевые порядки.

Малочисленность пехоты вынуждала нас всю тяжесть прогрызания вражеской обороны возлагать на артиллерию. Пехоту мы в основном стали использовать лишь для закрепления захваченного рубежа.

Бывая часто на позициях, я видел, что собой представлял тогда боевой порядок наступающих войск. Жиденькие цепочки бойцов двигались по заснеженному полю. За ними поешелонно двигались орудия прямой

наводки. На линии орудий людей оказывалось больше — это были артиллеристы, обслуживавшие пушки. На огромном пространстве виднелось до десятка танков, за которыми, то припадая к земле, то вскакивая, перемещались мелкие группы пехотинцев. Артиллерия, действовавшая с закрытых позиций, сопровождала своим огнем весь этот боевой порядок, нанося удары по отдельным участкам. Время от времени обрушивались на противника залпы «катюш». Штурмовая авиация даже в самых сложных условиях также старалась поддерживать действия нашей малочисленной пехоты, нанося удары по очагам сопротивления группами самолетов, а в туман — и одиночными самолетами.

В этих боях наши летчики завоевали глубокое уважение наземных войск.

В процессе затяжных боев приходилось на ходу производить перегруппировки, сосредоточивая значительные силы артиллерии, танков и пехоты то на одном, то на другом участке. Огонь артиллерии применялся различными способами. В одних случаях наносился неожиданно,

в других случаях вводил противника в заблуждение (ложные переносы огня и т. п.).

Упорно, шаг за шагом, наши войска преодолевали позиции врага на направлении главного удара. Другие армии своими активными действиями на узких участках сковывали силы противника.

Наконец наступил момент, когда расстояние между войсками 21-й и 65-й армий, наносившими главный удар в центре с запада, и войсками 62-й армии, медленно продвигавшимися им навстречу от берега Волги, с востока, сократилось до 3,5 километра. Сопротивление вражеских войск еще больше усилилось. Было заметно, что противник пытается всеми средствами воспрепятствовать расчленению его группировки. Но все попытки оказались тщетными. Сознание близости момента встречи с героическими защитниками города удесятерило энергию солдат Донского фронта.

В предвидении этой встречи были согласованы опознавательные знаки и сигналы. Войска 62, 65 и 66-й армий получили указания о дальнейших ме-

▲ Паулюс в плену

▲ Допрос Паулюса

роприятия по ликвидации окруженных в северной части котла, а 21, 57 и 64-й армий — в южной. 24-я армия выводилась в резерв Ставки.

Утром 26 января атаковавшие без артиллерийской подготовки 51-я и 52-я гвардейские стрелковые дивизии и 121-я танковая бригада 21-й армии в районе поселка Красный Октябрь и на скатах Мамаева кургана соединились с 13-й гвардейской и 284-й стрелковыми дивизиями 62-й армии, наступавшими из города. Правифланговому соединению 65-й армии — 233-й стрелковой дивизии генерал-майора И. Ф. Баринова после тяжелого боя в районе поселка Красный Октябрь тоже удалось установить связь с командирами 13-й и 39-й гвардейских дивизий 62-й армии.

Таким образом, настойчиво проводимый нами план расчленения окруженной группировки противника на две части завершился полным успехом. Сейчас предстояла уже более легкая задача — ликвидация расчлененных вражеских сил, к чему мы и приступили.

По данным штаба нашего фронта было примерно установлено, что

к моменту расчленения окруженной группировки противника, то есть к 26 января, силы его определялись в 110—120 тысяч человек. По тем же подсчетам, потери, понесенные гитлеровцами в боях с 10 по 25 января, то есть за шестнадцать дней, составили свыше 100 тысяч человек.

Здравый смысл подсказывал, что сейчас, когда всякая надежда на спасение потеряна, силы расчленены и дальнейшее сопротивление повлечет за собой лишь бессмысленные потери, гитлеровцам следовало бы сложить оружие. Но этого не произошло.

Командующий 6-й армией, уже фельдмаршал, Паулюс решил продолжать сопротивление, передав командование южной группой войск, где сам находился, генерал-майору Роске, а северной группой — генералу пехоты Штреккеру.

Итак, войскам Донского фронта, уже без 24-й армии и ряда дивизий, выводимых в резерв Ставки (что было вполне правильно), предстояло силой завершить ликвидацию сопротивлявшегося врага. В южной группе войсками наших 21, 57 и 64-й армий

были зажаты в плотное кольцо крепко потрепанные шесть пехотных, две моторизованные и одна кавалерийская дивизии противника. В северной группе войсками 65, 66 и 62-й армий были стиснуты три танковые, одна моторизованная и восемь пехотных дивизий противника, конечно, тоже сильно потрепанные.

Перегруппировав соответственно сложившейся обстановке силы, наши войска ударили по южной группе с юго-запада и северо-запада, нанесли врагу тяжелое поражение и 31 января заставили его сложить оружие.

Вместе с этой группой вражеских войск был пленен со своим штабом и фельдмаршал Паулюс, который в тот же день вечером был доставлен к нам в штаб фронта.

В помещении, куда должны были привести Паулюса, находились мы с Вороновым и переводчик (капитан Дятленко Н. Д. прим. ред.). Комната освещалась электрическим светом, мы сидели за небольшим столом и, нужно сказать, с интересом ожидали этой встречи. Наконец открылась дверь, вошедший дежурный офицер доложил нам о прибытии во-

еннопленного фельдмаршала и тут же, посторонившись, пропустил его в комнату.

Мы увидели высокого, худощавого и довольно стройного генерала, остановившегося навтыжку перед нами. Мы пригласили его присесть к столу. На столе у нас были сигары и папиросы. Я предложил их фельдмаршалу, закурил и сам (Николай Николаевич не курил). Предложили Паулюсу выпить стакан горячего чая. Он охотно согласился.

Наша беседа не носила характера допроса. Это был разговор на текущие темы, главным образом о положении военнопленных солдат и офицеров. В самом начале фельдмаршал высказал надежду, что мы не заставим его отвечать на вопросы, которые вели бы к нарушению им присяги. Мы обещали таких вопросов не касаться. К концу беседы предложили Паулюсу дать распоряжение подчиненным ему войскам, находившимся в северной группе, о прекращении бесцельного сопротивления. Он уклонился от этого, сославшись на то, что он, как военнопленный, не имеет права давать такое распоряжение. На этом закончилась наша первая встреча. Фельдмаршала увели в отведенное для него помещение, где были созданы приличные условия.

Северная группа не сложила оружия. Готовим по ней новый удар. Сразу после разговора с Паулюсом я отправился на командный пункт ко-

мандарма Батова, взяв с собой Казакова и Орла. К рассвету мы были вместе с Батовым на его наблюдательном пункте, который располагался на железнодорожной насыпи. Отсюда прекрасно просматривалась передилежащая местность.

Из докладов командующих армиями Чуйкова и Жадова явствовало, что их войска к действиям готовы и что противник не намерен сложить оружие. Что ж, придется заставить его силой. А пока над полем боя воцарилась полная тишина. Не слышно было даже одиночных выстрелов.

Наступал рассвет, и с нашего наблюдательного пункта стали уже просматриваться ближайшие, расположенные позади нас артиллерийские позиции. Особенно рельефно выделялись длинные ряды реактивных минометов — «катюш». Мне, старому коннику, они напомнили построенные для атаки развернутым фронтом кавалерийские эскадроны. Об этом я сказал Батову и другим товарищам. Они согласились: действительно похоже.

Для нанесения удара были привлечены многие артиллерийские части, в том числе принимавшие до этого участие в разгроме южной группировки, и авиация 16-й воздушной армии. Все делалось так, чтобы в предстоящем бою наши войска понесли как можно меньше потерь.

Утром 1 февраля огненная буря обрушилась на позиции врага. Нам с наблюдательного пункта было вид-

но, как весь передний край его обороны потонул в разрывах снарядов и мин. По артиллерийским позициям в глубине обороны бомбовые удары наносила авиация. Канонада грохотала долго. Наконец она стихла. И тотчас во многих местах над еще дымившейся черной землей затрепетали белые флаги. Появлялись они стихийно, помимо воли немецкого командования, и потому получалось, что на одном участке немцы сдавались, бросая оружие, а на другом еще продолжали драться. В отдельных местах бой шел еще сутки. Только утром 2 февраля остатки окруженной северной группы стали сдаваться в массовом порядке, и опять это происходило помимо воли фашистского командования.

Окруженная группировка противника прекратила свое существование. Великая битва на Волге закончилась.

Как я уже говорил, в кольце под Сталинградом оказалось двадцать две дивизии и множество различных частей усиления и обслуживания 6-й и частично 4-й танковой немецких армий. Фашистское командование обрекло на гибель сотни тысяч своих солдат. Несколько месяцев оно заставляло их сражаться без всякой надежды на спасение. По существу, эти люди по воле гитлеровской клики были обречены на полное уничтожение. Только гуманность советского народа спасла жизнь многим немецким солдатам. Вчерашние враги

▲ 2 февраля 1943 г.

▲ Плененные фашисты

теперь стояли перед нами безоружные, подавленные. В глазах одних — отрешенность и страх, у других — уже проблески надежды.

В плен было взято свыше 91 тысячи солдат и офицеров. За время ликвидации котла войска Донского фронта захватили 5 762 орудия, свыше 3 тысяч минометов, свыше 12 тысяч пулеметов, 156 987 винтовок, свыше 10 тысяч автоматов, 744 самолета, 1 666 танков, 261 бронемашину, 80 438 автомашин, свыше 10 тысяч мотоциклов, 240 тракторов, 571 тягач, 3 бронепоезда, 58 паровозов, 1 403 вагона, 696 радиостанций, 933 телефонных аппарата, 337 разных складов, 13 787 повозок и массу другого военного имущества.

Среди пленных оказалось 24 генерала во главе с фельдмаршалом.

Победа была достигнута в очень трудных условиях. На это были способны только советский народ и его Красная Армия, руководимые Ле-

нинской Коммунистической партией, возглавляемые И. В. Сталиным.

С концом битвы перед командованием и штабом Донского фронта встала задача быстрее отправить в места нового назначения освободившиеся войска семи армий с их управлениями и тылами. Одновременно нужно было сделать все возможное для быстрого восстановления крупного железнодорожного стalingradского узла, железнодорожных линий и всего, что связано с созданием нормальных условий для работы транспорта. А находилось все это к концу битвы в ужасном состоянии. Здесь проходили самые жаркие бои, и малейшая возвышенность на местности — насыпь, вал, строение превращались в опорные пункты и укрепления. В частности, были страшно изуродованы все железнодорожные насыпи.

Много хлопот доставляли нам военнопленные. Морозы, тяжелые ус-

ловия местности, лишенной лесных массивов, отсутствие жилья — большинство населенных пунктов в ходе боев было уничтожено, а в сохранившихся мы разместили госпитали, — все это очень усложняло дело.

В первую очередь нужно было организовать рассредоточение огромной массы пленных, создать управляемые колонны, вытянуть их из развалин города, принять меры для предотвращения эпидемий, накормить, напоить и обогреть десятки тысяч людей. Неимоверными усилиями работников фронтового и армейских тылов, политработников, медиков эта задача была выполнена. Их напряженный, прямо скажем, самоотверженный труд в тех условиях спас жизнь многим военнопленным.

По дорогам двинулись бесконечные колонны немецких солдат. Их возглавляли немецкие офицеры, на которых была возложена ответственность за соблюдение воинско-

го порядка в пути и на остановках. Начальник каждой колонны имел на руках карточку с обозначенным маршрутом и указанием пунктов остановок и ночлегов.

К местам привалов подвозилось топливо, горячая пища и кипяток. По докладом штабных командиров, политрабработников и по донесениям, поступавшим от лиц, ответственных за эвакуацию военнопленных, все шло нормально.

Должен заметить, что сами пленные оказались довольно предусмотрительными: у каждого из них имелись ложка, кружка и котелок.

Отношение к военнопленным со стороны бойцов и командиров Красной Армии было поистине гуманным, я бы сказал больше — благородным. И это невзирая на то, что нам всем было известно, как бесчеловечно относились фашисты к нашим людям, оказавшимся у них в плену.

Немецкие военнопленные генералы были размещены в домах, в приличных для того времени условиях, имели при себе все личные вещи и ни в чем не нуждались.

Беседы, проведенные мной с некоторыми из них, не заслуживают внимания, поэтому останавливаться на этом считаю излишним. Здесь стоит упомянуть лишь о том, что корректное отношение нашего персонала кое-кем из пленных генералов было неправильно истолковано. Эти господа стали грубить, отказываться от выполнения законных требований нашей администрации, заносчиво требовать особых привилегий. Пришлось вежливо напомнить, что они, прежде всего, пленные, и поставить их на место.

4 февраля по распоряжению Ставки меня и Воронова вызвали в Москву. Поэтому мы не смогли присутствовать на митинге, организованном в Сталинграде по случаю разгрома врага...

Перелет до Москвы совершали днем. Приземлились на Центральном аэродроме. Во время подрули-

вания самолета к месту высадки меня удивил и даже несколько насторожил вид встречавших нас генералов и офицеров: на их плечах золотом сияли погоны.

— Смотрите, куда мы попали? — сказал я Николаю Николаевичу.

Он тоже ничего не мог понять. Но вот мы разглядели знакомые лица. Все разъяснилось: у нас в Красной Армии были введены погоны, о чем мы до этого не знали.

В тот же день мы направились в Кремль и были приняты Сталиным. Завидя нас, он быстрыми шагами приблизился и, не дав нам по-уставному доложить о прибытии, стал пожимать нам руки, поздравляя с успешным окончанием операции по ликвидации вражеской группировки. Чувствовалось, что он доволен ходом событий. Беседовали мы долго. Сталин высказал некоторые соображения о будущем развитии боевых действий.

Напутствуемые пожеланиями новых успехов, мы оставили его кабинет. Не могу молчать о том, что Сталин в нужные моменты умел обворожить собеседника, окружить его теплотой и вниманием и заставить надолго запомнить каждую встречу с ним.

Тепло распрощались с Николаем Николаевичем, о совместной работе с которым у меня сохранились самые хорошие воспоминания.

Мне предстояло срочно вернуться под Сталинград и приступить к выполнению новой задачи. Штаб и управление Донского фронта переименовывались в Центральный фронт. Нам предстояло в спешном порядке передислоцироваться в район Ельца, куда из-под Сталинграда перебрасывались 21, 65 и 16-я воздушная армии, а также ряд соединений и частей из резерва Ставки. ■

▲ Победа

